АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том XVI

Редакция журнала
„Византийский Временник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1959

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин (отв. секретарь), член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*,
З. В. Удальцова (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ

В. ТЫПКОВА-ЗАИМОВА

НАПАДЕНИЯ „ВАРВАРОВ" НА ОКРЕСТНОСТИ СОЛУНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI в.

„Со времени, когда Юстиниан принял власть над ромеями, — сообщает Прокопий в своей „Тайной истории", — гунны, склавины и анты почти каждый год нападали на Иллирик и всю Фракию, даже [на земли] от Ионического залива до пригородов Византия и на Элладу и Херсонес. Они причиняли непоправимое зло тамошним жителям. При каждом нападении они убивали и брали в плен, как думают, более двухсот тысяч ромеев, так что всюду эти земли уподобились скифской пустыне"[1]. В самом деле, еще в начале правления Юстиниана I (527—565 гг.) нападения так называемых варварских народов на северные границы империи весьма участились и приобрели более широкие масштабы. Войны, которые византийские войска вели в отдаленных районах империи, ослабили внимание константинопольских правителей к нежданным гостям на северных границах, а строительство крепостей, предпринятое позднее вдоль Дуная и в некоторых стратегических пунктах внутри страны, не могло остановить волны нашествия склавинов, антов и протоболгар, которые глубоко проникали в византийские владения и начали прочно селиться в балканских землях[2].

В 530 г., согласно рассказу Марцеллина Комита, „геты"[3] — вероятно, славяне, или же славяне вместе с протоболгарскими племенами — напали на Иллирик, но были прогнаны иллирийским стратигом Мундо[4]. В том же году во Фракию нахлынули протоболгары — Мундо перебил из них пятьсот человек[5].

[1] См. Procopii Anecdota, ed. J. Haury, p. 114. 15—115. 2.

[2] О нападении славян на империю в эту эпоху см. Ив. Дуйчев. Балканският югоизток през първата половина на VI в. — „Беломорски преглед". София, 1942, стр. 229—232, где подробно рассмотрена литература этого вопроса. См. также А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. — ВДИ, 1946, № 1, стр. 20—34; А. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-римской империи. — ВДИ, 1939, № 1, стр. 290—307.

[3] Согласно Иов. Радоничу (Ј. Радонић. Ко су гети у хроници Комеса Марцелина? — Глас Срп. Ак, IX, 38, 1901, стр. 204—214), под именем „геты" следует понимать гуннов и болгар. Это отождествление принимает и В. Н. Златарский (В. Златарски. История на българската държава, т. I, ч. 1, стр. 47 сл.). Но большинство авторов отождествляют этих „гетов" с влашскими славянами или со славянами, смешанными с болгарами. См. Ив. Дуйчев. Указ. соч., стр. 234, примечание. Ср. также B. Grafenauer. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov. — Zgodovinski Časopis, IV, 1950, str. 28—33).

[4] Marcellini V. C. Comitis Chronicon. Chronica minora. — MGH, Auct. ant., p. 103.

[5] См. ibid., p. 103; Ioannis Malalae Chronographia. Bonnae, 1831, p. 451. 10—12; Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I. Lipsiae, 1883, p. 219. 14 sq.

Чтобы успешно отражать нападения славян и антов, в начале 30-х годов VI в. стратигом Фракии был назначен известный Хилбудий, который, очевидно, сам был антом по происхождению. В течение трех лет он действительно с успехом оборонял пограничные земли, но затем был убит в одном из сражений в задунайских землях[6].

Немногими годами позднее в источниках отмечены два нападения протоболгар. В первом из них, относящемся к 538 г., по всей вероятности, принимали участие и славяне[7]. Они напали на Скифию (Добруджу) и Мизию, вторглись во Фракию и, разгромив византийские войска, ушли обратно[8]. Второе нападение — в 540 г. — имело гораздо бóльшие размеры. Варвары перешли Истр и вторглись в балканские земли, опустошив все от Ионического залива (Адриатического моря) до пригородов Константинополя[9].

В 547—548 гг. склавины в большом числе напали на Иллирик и Далмацию, достигли Эпидамна (Дуррес). Несмотря на то, что они причиняли огромный вред (избивали массы населения, овладевали крепостями и пр.), никто не осмелился противостоять им[10].

Еще более известно славянское нашествие 549 г. 3 тыс. славян перешли Истр и, не встречая сопротивления, достигли р. Гебр (Марица). Там они разделились на два отряда: один в 1800, другой — в 1200 человек. Тщетно стратиги Иллирика и Фракии пытались преградить им путь. Они опустошили множество сел в Иллирике и Фракии, достигли Чорлу и овладели Топиром — городом при устье р. Месты[11].

В 550 г., согласно сообщению Прокопия, в византийские земли нахлынуло такое множество славян, в каком их никогда ранее не видывали. Они перешли Истр и подступили к Нишу[12]. Славяне, как это стало известно от нескольких из них, захваченных в плен, намеревались идти к Солуни и взять ее. Опасаясь этого, император Юстиниан тотчас отправил против них своего родственника, полководца Германа, который находился в то время в Сердике, собирая войска против остготов. Славяне, полагая, что Герман предводительствует большим войском, отказались от похода на Солунь и повернули к Далмации.

Прослеживая известия об этих наиболее известных нападениях на Балканские земли от начала царствования Юстиниана до середины VI в., мы видим, что напор славян и гунно-болгар с севера как во Фракию, так и в Иллирик чрезвычайно усилился и что они начали вторгаться и во внутренние области империи.

Но нельзя забывать, что кроме этих официально зарегистрированных нападений в промежутках между ними было немало и других, менее значительных, которые происходили „почти каждый год", как это признают сами византийские авторы. Ведь если опираться только на приведенные выше сведения, придется признать, что лишь около 550 г. славяне намеревались от Ниша и Софии направиться на Солунь, да и то отказались от этого плана.

---

[6] Procopii De bello Gothico, ed. J. Haury, p. 354. 6—17.

[7] О смысле выражения μετὰ πλήθους Βουλγάρων καὶ δρούγγου ср. Ф. Успенский. К истории крестьянского землевладения. — ЖМНП, январь 1883, стр. 68 сл. и В. Златарски. Указ. соч., стр. 52, примеч. 1.

[8] См. Ioannes Malalas, p. 437. 19—438. 20; Theophanes, p. 217. 26—218. 17.

[9] Procopii De bello Persico, p. 163. 8 sq.

[10] Procopii De bello Gothico, p. 423. 3 sq.

[11] Ibid., p. 467. 12 sq.

[12] Ibid., p. 475. 19 sq.

К сожалению, подавляющее большинство историков считают поэтому, опираясь на данные „Чудес св. Дмитрия Солунского", что нападения славян на Солунь относятся — самое раннее — ко второй половине VI в. И действительно, нападения, которые описаны в „Чудесах", справедливо считаются совершенными в этот сравнительно поздний период[13]. Однако их не следует рассматривать как первые нападения на Солунь и ее окрестности. А. Бурмов правильно заметил, что „в своем вторжении по направлению к Элладе славяне неизбежно проходили и через область Солуни, не нападая, однако, на город"[14]. В подтверждение этой мысли автор, впрочем, ссылается только на Иоанна Эфесского, сообщающего о „славянском народе", который „обошел всю Элладу, область Солуни и всей Фракии". Но это известие относится ко времени императора Тиверия (578—582), тогда как можно было бы найти сведения и для более ранней эпохи.

Имеется один малоизученный источник, который говорит как раз о „варварском" вторжении в область Солуни в более раннее время. Этот рассказ записан в конце VI в. Солунянин игумен Палладий сообщает: „В моей стране вне городских стен, на расстоянии около трех стадий ($^1/_2$ км) жил в затворе [отшельник], по происхождению месопотамец, а по имени Давид, весьма добродетельный, усердный и умный. Он прожил около 70 лет в келье. В ту пору воины охраняли по ночам городские стены от варваров и те из них, которые несли охрану на участке, расположенном напротив кельи старца, заметили однажды ночью, что изо всех отверстий кельи отшельника вырывается пламя. Они решили, что варвары подожгли келью старца. Когда рассвело, воины вышли и, найдя старца живым и здоровым, а келью нетронутой, вернулись обратно. На следующую ночь они снова видели в келье старца такой же огонь, который был виден и впоследствии в течение длительного времени. Это стало известно всему городу и стране, так что многие, бодрствуя, стояли ночью на стенах, чтобы поглядеть на огонь. Так это явление продолжалось вплоть до смерти старца...

Старец (т. е. Палладий. — *В. Т.-З.*) сказал нам и о том, что после смерти отца Давида прибыл другой монах, по имени Адолас, также из Месопотамии, который сел в затвор тоже вне города, в дупле одной чинары. Он нашел в нем небольшое отверстие и через него общался с теми, кто приходил к нему. Когда пришли варвары и опустошили всю страну, случилось так, что они проходили в этом месте. Один из них, заметив согбенного старца, извлек меч и протянул руку, чтобы ударить его, но протянутая рука его осталась неподвижной. Увидев это, и остальные варвары остановились в удивлении и начали молить старца,

---

[13] См. подробный библиографический обзор по этому вопросу: А. Бурмов. Славянските нападения срещу Солун в „Чудесата на св. Димитра" и тяхната хронология. — ГСУ, фил.-ист. клон, кн. 11, 1952, стр. 171—173. Из этого обзора следует, что только Й. Венедиков („Борбите на славяните за Солун през средните векове". — Военно-ист. сб., год XIX, кн. 61, София, 1946, стр. 96) считает, что первое нападение, описанное в „Чудесах", произошло в первой трети VI в., не давая при этом никаких серьезных доказательств. Сам Бурмов считает первым нападением то, которое описано в гл. XIII—XIV, и полагает, что оно произошло в 597 г. Один из последних исследователей этого источника, Ф. Баришич (Ф. Баришић. Чуда Димитрија Солунског као историски извор. Београд, 1953, стр. 53—55), считает первым нападением то, которое описано в гл. XII „Чудес", и относит его к 581 г. Ср. также P. Lemerle. La composition et la chronologie des Miracula S. Démetrii. — BZ, Bd. 46, 1953, p. 348 sq.

[14] А. Бурмов. Указ. соч., стр. 179, примеч. 5.

кланяясь ему. Старец, помолясь, излечил парализованного и затем отпустил их — да идут с миром“ [15].

Этот отрывок взят из сочинения Моска „Лимонарь“ („Луг духовный“), которое представляет собою сборник рассказов о знаменитых отшельниках. Сам автор жил во время императора Тиверия и Маврикия (582—602). Моск долго путешествовал: после того как объехал многие страны в Азии и острова близ Греции, он отправился в Александрию Египетскую, затем в Рим, где и умер. О Давиде и об Адоласе ему было сообщено именно в Александрии, а отсюда следует, что и все свое сочинение он писал в преклонном возрасте. Сам же Давид умер в 535 г. [16]

Из приведенного рассказа следует, что Давид 70 лет подвизался как отшельник в окрестностях Солуни и что он был весьма стар, когда варвары бродили около города, производя опустошения. Следовательно, эти события произошли, по всей вероятности, во второй четверти VI в., продолжались они и после 535 в., т. е. после смерти Давида, так как эти „варвары“ беспокоили и его преемника. Едва ли можно сомневаться в том, что речь идет о славянах, хотя, разумеется, нельзя отрицать, что среди них могли быть и другие варвары, например протоболгары, так как в те годы они обыкновенно совершали свои нашествия одновременно [17].

Кроме того, необходимо отметить, что это были небольшие нападения, которые совершались скорее с целью грабежа. Впрочем, и из самих „Чудес“ видно, что такие менее значительные нападения были в окрестностях Солуни обычным явлением. Вообще не следует забывать, что некоторые нападения, описанные в „Чудесах“ с фактическими подробностями и чудотворным вмешательством, совсем не имели таких размеров, какие автор жития старается им придать. Так, об одной более значительной осаде города славянами сказано, что „даже венценосец“ не знал о ней [18]. Во время же пятого славянского нападения, которое продолжалось целые два года и было совершено живущими поблизости славянскими племенами стримонцев, ринхинов и сагудатов, такие мелкие

[15] PG, t. 87, col. 2920A — 2921B; 2924A. Ср. N. Baynes, in: Orientalia Christiana Periodica, vol. XIII, 1947, p. 404—414.

[16] Дата явствует из жития Давида Солунского, написанного в начале VIII в. Само житие содержит несколько упоминаний об исторических событиях времени Юстиниана I, которые при более внимательном рассмотрении оказываются сомнительными. В житии говорится, что авары (?) появились за Дунаем и готовились переправиться на эту сторону и тогда правители Сирмиума и архиепископ Аристид отправили Давида с другими послами просить Юстиниана перенести центр префектуры из угрожаемого города в Солунь. Возвращаясь из путешествия, Давид, бывший в преклонном возрасте, умер. Однако миссия оказалась успешной — префектура действительно была перенесена в Солунь. Это произошло в 535 г. (см. V. Rose. Leben des heiligen David von Thessalonike. Berlin, 1887, S. 14). В действительности, как это видно из XI новеллы Юстиниана от 535 в., префектура была перенесена в Солунь еще в середине V в., когда гунны Аттилы угрожали Подунавию (в 448 г. — согласно A. Zeiller. Sur l'ancien évêché de Sirmium. — Orientalia Christiana Periodica, vol. XIII, 1947, p. 669—674; в 441 г. — согласно Н. Вулић. Народна енциклопедија Српско-хрватско-словеначка, I—IV. Београд, 1925—1929; т. IV, 1929, s. v. *Sirmium*). Неизвестный составитель жития располагал некоторыми смутными упоминаниями об этих событиях, случившихся в 535 г., и исказил их. События же эти следующие: установление независимой от Солуни архиепископии в Первой Юстиниане и перенесение иллирийской префектуры из Солуни в тот же город (Первая Юстиниана). Новый префект имел под своей властью Дакийский диоцез с той частью Паннонии, которая оставалась у империи. Ср. A. Zeiller. Les origines chrétiennes dans les provinces Danubiennes. Paris, 1918, p. 7. Старый же город Сирмиум, который в 535 г. был действительно возвращен империи, весьма скоро после этого был снова завоеван гепидами.

[17] B. Grafenauer. Nekaj vprašanj..., str. 28 nsl.

[18] AASS Octobris, t. IV, p. 170, § 177.

столкновения и грабежи были обыкновенным явлением [19]. А это наводит на мысль, что еще ранее середины VI в. имелись массы славян, которые бродили, постепенно оседая, во внутренних областях империи, и именно в окрестностях Солуни — города, имевшего для них большую притягательную силу вследствие своего расположения и богатств своей округи. Ибо совершенно ясно, что славяне, для того чтобы совершать такие мелкие нападения на окрестности Солуни, не могли приходить издалека. Следовательно, нельзя относить славянские нападения на район Солуни лишь к 80-м годам VI в. Еще менее можно ссылаться в доказательство мнения, что описанное в книге I (гл. XIII и XIV) „Чудес св. Дмитрия“ нападение является первым славянским нападением на Солунь, на тот факт, что горожане, как это говорится в этом источнике, были испуганы, потому что они будто бы в первый раз видели „отряды варваров“ близ городских стен [20]. Ясно, что они и до этого времени видели этих „варваров“ и слышали их речь. Поэтому мы не можем присоединиться к тем авторам, которые используют эти слова агиографа как главный аргумент в пользу утверждения, что именно это, описанное в „Чудесах“ нападение было первым славянским нападением на Солунь [21].

[19] Ibid., p. 132, § 76.

[20] Ibid., p. 145, § 115.

[21] А. Бурмов. Указ. соч., стр. 179.

В. БЕШЕВЛИЕВ

К ВОПРОСУ О НАГРАДЕ, ПОЛУЧЕННОЙ ТЕРВЕЛЕМ ОТ ЮСТИНИАНА II В 705 г.

Осенью 704 г. к болгарскому правителю Тервелю прибыл некий Стефан в качестве посланника свергнутого за 10 лет до этого византийского императора Юстиниана II Ринотмета. Через Стефана Юстиниан II, только что бежавший из хазарской земли и находившийся в одном из районов устья Дуная, просил Тервеля оказать ему военную помощь, чтобы вновь овладеть отцовским престолом, и в качестве награды обещал ему много даров и свою дочь в жены [1].

Тервель согласился и с большими почестями принял бывшего византийского императора. В это время при Тервеле находились его родственники из Солунской области, в частности брат Аспаруха Кубер. Им Юстиниан также предложил участвовать в походе на условиях, оставшихся для нас неизвестными. Однако они не поверили обещаниям Юстиниана и вернулись в свои поселения [2]. Весной 705 г. Тервель вместе с Юстинианом II отправился со всем своим войском на Константинополь. На четвертый день Юстиниану удалось проникнуть в город и под прикрытием болгарских войск овладеть столицей. Укрепив свое положение и жестоко расправившись со своими противниками, Юстиниан II выполнил свое обещание, богато вознаградив болгарского правителя за оказанную помощь. Хронист Феофан ограничивается только сообщением, что император Юстиниан πολλὰ δῶρα δοὺς τῷ Τέρβελι καὶ βασιλικὰ σκεύη ἀπέλυσεν αὐτὸν ἐν εἰρήνῃ [3]. О характере этих даров подробно сообщает лексикограф Свида: ὅτι ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ Ῥινοτμήτου ἤκμαζεν ὁ Τέρβελις, τῶν Βουλγάρων ἀρχηγός, ὁ αὐτὸς Ἰουστινιανὸς καὶ Κωνσταντῖνος ὁ Ἡρακλίου υἱὸς ὑπόφοροι τούτῳ ἦσαν. τὴν γὰρ ἀσπίδα, ἣν εἶχεν ἐν πολέμῳ, πτίαν ἔθηκε, καὶ τὴν ἑαυτοῦ μάστιγα ᾗ ἐχρῆτο ἐπὶ τοῦ ἵππου, καὶ ἕως οὗ ἐσκέπασεν ἀμφοτέρα, χρήματα ἐνετίθει καὶ τὸ δόρυ ἐν τῇ γῇ παρεκτείνας, μέχρι τῶν περάτων καὶ ἐς ὕψος πολὺ σηρικὴν ἐσθῆτα ἐτίθει, καὶ κιβώτια πλήσας χρυσοῦ καὶ ἀργυροῦ τοῖς στρατιώταις ἐδίδου, τὴν μὲν δεξιὰν χρυσίου πληρῶν, τὴν δὲ λαιὰν ἀργυρίου [4].

Г. Баласчев [5] и В. Н. Златарский [6], исходя из приведенного в этом тексте выражения ὑπόφοροι τούτῳ ἦσαν, правомерно заключают, что так

[1] Theophanes, ed. de Boor, vol. I, p. 374; Patr. Niceph., ed. de Boor, p. 42 $_{1-2}$: ὑπέσχετο αὐτῷ πλεῖστα παρέξειν δῶρα καὶ τὴν ἑαυτοῦ θυγατέρα εἰς γυναῖκα.

[2] В. Бешевлиев. Надписите около Мадарският конник. — „Мадарски конник", 1956, стр. 53, 61—63.

[3] Theophanes, vol. I, p. 374$_{29}$—375$_{1}$.

[4] Suidae Lexicon, ed. A. Adler, I. Lipsiae, 1928, s. v. βούλγαροι.

[5] Г. Баласчев. Българският господар Тервел. — Псп., 57, 1898, стр. 55 и сл.

[6] В. Н. Златарски. История на българската държава, т. I. София, 1918, стр. 169 и сл.

называемые δῶρα представляют в сущности дань [7] и, вероятно, являются возобновлением уплаты ежегодной дани, установленной во времена Константина IV. Подтверждение этого Ив. Дуйчев [8] находит в тексте так называемых Παραστάσεις σύντομοι χρονικαί, где слово πάκτα означает действительно понятие „дань" [9]: Τερβέλι τοῦ Βουλγαρίας ἐκεῖσε πολλάκις καθίσαντος καὶ Γλιαβάνου Χαζάρι· πάκτα οὖν οὐκ ὀλίγα ἐκεῖσε ἐδόθησαν κτλ [10]. Уже Баласчев [11], следуя за Л. Бандури [12], привел это место, однако в другой связи — как доказательство того, что Тервель вошел в Константинополь. Согласно А. Бандури [13], в качестве дани Тервелю было дано и серебряное украшение ἔξαμον, о чем рассказывает следующее место, также из Παραστάσεις: Ὅθεν [14] καὶ Οὐαλεντινιανοῦ τοῦ βασιλέως στήλη ἔξαμον ἐν δεξιᾷ χειρὶ κατέχουσα ἁρπαγῆναι εἰς πάκ<τον> διὰ τὸ καὶ αὐτὴν εἶναι ἀργυρᾶν + μικρὰν ὑπὸ <τοῦ> Κυρίου προτίκτορος ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τῷ <β' ἔτει> [15]. Это мнение А. Бандури, с которым соглашается и Г. Баласчев [16], представляется обоснованным (ср. в том же сочинении: ἐδόθη Πέρσαις εἰς πάκτον ἐπὶ Ἀναστασίου βασιλέως ἀντὶ σταθμῶν χιλίων χρυσοῦ) [17].

Необходимо сделать также небольшое отступление в связи с приведенными выше текстами. Слова Τερβέλι τοῦ Βουλγαρίας ἐκεῖσε πολλάκις καθίσαντος καὶ Γλιαβάνου Χαζάρι· πάκτα οὖν οὐκ ὀλίγα ἐκεῖσε ἐδόθησαν включены в сравнительно длинное описание так называемой Βασιλικὴ χρυσόροφος, [18] которое с небольшими изменениями встречается и в так называемом Anonymus Trevianus [19]. Позднее текст Anonymus Trevianus был использован Свидой [20]. Вот что оба текста говорят о Тервеле:

Παραστάσεις	Anonymus Trevianus
Τὸ ἐν τῇ Βασιλικῇ + σειρᾷ τῇ χρυσορόφῳ ἀνδρείκελον ἄγαλμα ὑπάρχον χρυσέμβαφον (ἔνθα τὸ ἔξαμον Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως κατεσκευάσθη), τὸ γονυκλινές, Ἰουστινιανοῦ ἐστὶ κατὰ τὸ δεύτερον <αὐ>τοῦ τὴν Κωνσταντινούπολιν τυραννήσαντος, καὶ πλησίον αὐτοῦ τῆς γυναικὸς	Τῷ ἐν τῇ Βασιλικῇ χρυσορόφῳ ὀπίσω τοῦ Μιλίου ἦν ἀνδροείκελον ἄγαλμα χρυσέμβαφον· ἔνθα ἦν τὸ ἔξαμμον Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως καὶ γονυκλινὲς Ἰουστινιανοῦ τοῦ τυράννου·

[7] Об этом эвфемистическом обозначении понятия дань см. O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Jena, 1938, S. 194 и особенно S. 202 и сл.

[8] Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. — Сб. БАНИ, 41, 1945, стр. 5.

[9] Iv. Dujčev. Protobulgares et slaves. — Seminarium Kondakovianum, vol. X, 1938, p. 145.

[10] Scriptores originum Constantinopolitanarum, ed. Th. Preger, vol. I. Lipsiae, 1901, p. 40$_{6-8}$.

[11] Псп., 57, 1898, стр. 54.

[12] A. Banduri. Imperium orientale. Paris, 1711, p. 90.

[13] Ibid., p. 787.

[14] Т. е. в так называемом ἐν τῷ καλουμένῳ Ὡρείῳ ὅ τινες καλοῦσι Μόδιον (см. об этом R. Janin. Constantinople byzantin. Paris, 1950, p. 73, 105).

[15] Script. orig. Const., vol. I, p. 28 $_{12-16}$. Тот же текст гласит в Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως, II, § 97 a (Script. orig. Const., vol. II, p. 203):

„Ἔνθεν τοῦ αὐτοῦ Οὐαλεντινιανοῦ στήλη ἵστατο εἰς τὴν ἀψῖδα, ἔξαμον ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ κατέχουσα· ἡρπάγη δὲ εἰς πάκτον διὰ τὸ καὶ αὐτὴν ἀργυρᾶν εἶναι ὑπὸ Κυρίου προτίκτορος ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τῷ δευτέρῳ ἔτει. В Codex Parisinus suppl. graecus 657 saec. XIII: Ἰουστινιανοῦ τοῦ ῥινοτμήτου.

[16] Псп., 57, стр. 55.

[17] Script. orig. Const., vol. I, p. 51, $_{8, 9-11}$.

[18] A. M. Schneider. Byzanz. Berlin, 1936, S. 22; R. Janin. Constantinople byzantin, p. 156.

[19] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 424.

[20] Suidae Lexicon, s. v. βασιλική.

αὐτοῦ, ἀδελφῆς Ἰβουζήρου Γλιαβάνου, μετὰ τὴν ἦτταν Τιβερίου τοῦ Ἀψιμάρου· ὅτε καὶ Φιλιππικὸς ἐν αὐτῷ τῷ τόπῳ τῆς χρυσορόφου Βασιλικῆς ἀπεδοκιμάσθη, Τερβέλι τοῦ Βουλγαρίας ἐκεῖσε πολλάκις καθίσαντος καὶ Γλιαβάνου Χαζάρι· πάκτα οὖν οὐκ ὀλίγα ἐκεῖσε ἐδόθησαν, ἔνθα αὐτοῦ τοῦ τυράννου καὶ τῆς γυναικὸς τὰ ἀγάλματα. Ἐν οἷς ἐλέφας ἵσταται παμμεγέθης[21].

ἐκεῖ ὁ Τέρβελις ἐδημηγόρησεν.

Ἐν οἷς ἐλέφας ἵστατο παμμεγέθης, ὑπὸ Σευήρου κτλ[22].

Ив. Дуйчев правомерно предполагает, что автор Παραστάσεις использовал какой-то более древний источник[23], который он сократил, и что рассказ Свиды о дарах, данных Тервелю, покоится на том же источнике, а именно на той его части, которая выпущена в Παραστάσεις[24]. Это предположение Дуйчева подтверждается следующими языковыми особенностями, на которых он останавливается: 1) Genetivus absolutus Τερβέλι... καθίσαντος стоит совсем оторванно. После него должно было бы быть какое-нибудь выражение с verbum finitum. 2) Частица οὖν после πάκτα, очевидно, имеет значение „итак", „следовательно" и предполагает наличие предшествующего текста, в котором перечислены разные виды дани, как это делается, например, в рассказе Свиды о данных Тервелю дарах. Иначе употребление этой частицы непонятно. 3) Наречие ἐκεῖσε встречается во всем описании βασιλικὴ χρυσόροφος только здесь. Всюду в других местах автор употребляет наречие ἔνθα. Таким образом, видно, что приведенное место представляет собой сокращение более обширного текста, принадлежащего другому автору, который употребляет наречие ἐκεῖσε, а не ἔνθα. Неясным, однако, остается отношение между Τερβέλι τοῦ Βουλγαρίας ἐκεῖσε πολλάκις καθίσαντος в Παραστάσεις и ἐκεῖ ὁ Τέρβελις ἐδημηγόρησεν в Anonymus Trevianus. Можно было бы предположить, что это различные сокращения одного и того же более длинного рассказа, причем автор Παραστάσεις передает одну часть, а Anonymus Trevianus — другую, как считает Дуйчев. Но если допустить, что Anonymus Trevianus использовал текст Παραστάσεις, как предполагает Ф. Прегер[25], то в таком случае Anonumys Trevianus дает толкование текста Παραστάσεις. Так или иначе, из текта Παραστάσεις видно, что Тервель получил дары в так называемой βασιλικὴ χρυσόροφος.

Таким образом, первое из двух обещаний, данных Тервелю Юстинианом II (πλεῖστα παρέχειν δῶρα), было выполнено; о выполнении второго (τὴν ἑαυτοῦ θυγατέρα εἰς γυναῖκα) не упоминает ни один источник. По той или иной причине этот брак, очевидно, не мог быть осуществлен. Хорошо осведомленный патриарх Никифор вместо обещанной женитьбы в качестве второй награды упоминает провозглашение Тервеля кесарем. В своем рассказе патриарх Никифор ставит даже это провозглашение на первое место: τὸν δὲ Βουλγάρων ἄρχοντα Τέρβελιν ἔξω τείχους Βλαχερνῶν σκηνούμενον πολλὰ φιλοφρονησάμενος, τέλος παραγενόμενον πρὸς αὐτὸν χλανίδα τε περιβάλλει βασιλικὴν καὶ Καίσαρα ἀναγορεύει, καὶ συμπάρεδρον ποιησάμενος προσκυνεῖσθαι σὺν αὐτῷ ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἐκέλευε, καὶ πλεῖστα παρασχόμενος δῶρα πρὸς τὰ ἑαυτοῦ ἐξέπεμπε[26].

[21] Script. orig. Const., vol. I, p. 39_9—40_{10}, § 37.
[22] M. Treu. Excerpta Anonymi Byzantini, Progr. Ohlau, 1880, p. 13, 28 sq.
[23] Об источниках Παραστάσεις см. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, S. 424.
[24] Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие, стр. 7.
[25] Script. orig. Const., vol. I, Praefatio, p. X.

В сочинении Константина Багрянородного De cerimoniis даны два описания провозглашения, или χειροτονία, кесарем в Византии. Согласно описанию, церемония провозглашения кесарем Давида, сына императора Ираклия, в 638 г.[27] происходила в церкви Св. Стефана. После соответствующей молитвы патриарха император возложил на голову своего сына кесарский камелавкион (καμελαύκιον) и провозгласил его кесарем. Во втором случае[28], который касается двух сыновей Константина V — Христофора и Никифора — и относится к 769 г., провозглашение произошло в так называемом Трибунале. После того как патриарх прочел соответствующую молитву и государь, облачив будущих кесарей хламидой (καὶ ἐφαπλοῦσιν οἱ δεσπόται τὰς χεῖρας, καὶ κρατοῦσι τὴν χλαμίδα, καὶ περιβάλλουσι τοὺς καίσαρας καὶ φιλοῦσιν αὐτούς), совершил крестное знамение и, держа кесарские венцы над головами сыновей, венчал их при славословиях присутствующих. После этого император вместе с патриархом и двумя кесарями вошли в так называемый Триклиний девятнадцати акувитов, сели на троны и принимали поклоны. Церемония провозглашения Тервеля кесарем была сходной, если не полностью совпадала с обрядом, совершенным в 769 г., с той разницей, что религиозный характер церемонии с участием патриарха, может быть, и не был сохранен вследствие того обстоятельства, что Тервель не был христианином. Иными словами, провозглашение Тервеля кесарем, которое, вероятно, произошло в Βασιλικὴ χρυσόροφος и в связи с которым находятся, может быть, слова Τερβέλι τοῦ Βουλγαρίας ἐκεῖσε πολλάκις καθίσαντος в Παραστάσεις и ἐκεῖ ὁ Τέρβελις ἐδημηγόρησεν у Anonymus Trevianus, произошло согласно существовавшему церемониалу, а не так, как провозглашение в 913 г. Симеона императором, совершенное патриархом Николаем I Мистиком[29]. В действительности титул кесаря не имел уже такого значения, как в более раннюю эпоху, т. е. не был уже связан с престолонаследованием[30]. Все же это был, как известно, второй по значению — после императорского — титул в Византии, который давал право на императорские почести.

Почти во всех известных случаях в византийскую эпоху титул кесаря давался лицам, которые были или кровными родственниками императора (сыновья, сын брата, отец, дед со стороны матери), или породнившимися

[26] Patr. Niceph., p. 42_{20-25}.
[27] Const. Porph. De cer. Ed. Reiske, vol. I, cap. 27, p. 627.
[28] Ibid., cap. 43, p. 217 = Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des Cérémonies. Ed. A. Vogt, vol. II. Paris, 1939, p. 26 sq.; Commentaire, p. 42 sq., см. также Ch. Diehl. Études byzantines. Paris, 1905, p. 293 sq.; G. Ostrogorsky — E. Stein. Krönungsordnungen des Zerimonienbuches. — Byz., vol. VII, 1932, p. 224 sq.
[29] G. Ostrogorsky. Die Krönung Symeons von Bulgarien durch den Patriarchen Nikolas Mystikos. — ИБАИ, IX, 1935, S. 275 ff.; Fr. Dölger. Bulgarisches Cartum und byzantinisches Kaisertum. — Ibid., S. 62, Anm. 3; ср. O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee, S. 31, Anm. 98. Согласно мнению В. Н. Златарского, Симеон был провозглашен кесарем (см. „Първый походъ болгарскаго царя Симеона на Константинополь". — Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова, Прага, 1926, стр. 19 и сл. и „История на българ. държава"..., т. I, ч. 2, стр. 367 и сл.).
[30] G. Ostrogorsky. — In: E. Kornemann. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. Leipzig, 1930, S. 174 f.; G. Ostrogorsky — E. Stein. Krönungsordnungen, S. 229 f.; Constantin VII Porphypogénète. Le livre des Cérémonies, ed. A. Vogt, t. II, Commentaire. Paris, 1940, p. 43; L. Bréhier. Les institutions de l'empire byzantin. Paris, 1949, p. 44.

с ним: обычно зятья, а однажды и тесть[31]. Вот почему обещание Юстиниана II сделать Тервеля своим зятем находилось, может быть, в связи с провозглашением его кесарем. Разумеется, для Тервеля породниться с византийским императором было важно в политическом отношении. Посредством женитьбы на дочери Юстиниана II Тервель получал фактическое признание как законный правитель Болгарии, и страна признавалась самостоятельной державой. Та же цель была достигнута и в результате провозглашения его кесарем, что, возможно, и было сделано взамен выдачи за него дочери императора. Так или иначе, и в том и в другом случае удовлетворялось желание Тервеля быть признанным законным правителем Болгарии и видеть свою страну самостоятельным государством, даже если в глазах византийского императора титул кесаря и выражал отношения зависимости.

Поэтому В. Н. Златарский[32] правомерно считает, что условием признания Тервеля болгарским правителем было предоставление им помощи. Итак, условиями, на которых Тервель согласился предоставить помощь Юстиниану II, были следующие: 1) уплата ежегодной дани, 2) признание Тервеля законным правителем Болгарии, а страны — независимым государством.

В пространной редакции хроники Георгия Монаха или Амартола сообщается, однако, что Юстиниан, кроме многих даров, дал Тервелю еще так называемую область Загорию: Ἰουστινιανὸς τὴν βασιλείαν τὸ δεύτερον ἀπολαβὼν δῶρα πολλὰ τῷ Τέρβελι δοὺς καὶ χώραν τῶν Ῥωμαίων ἐκκόφας δίδωσιν αὐτῷ τὰ λεγόμενα νῦν Ζαγορία[33]. Отсюда это известие перешло полностью ко Льву Грамматику[34] и с небольшими сокращениями к Кедрину, который его включил во взятое дословно у Феофана сообщение о данных Тервелю дарах: δῶρα πολλὰ δοὺς τῷ Τέρβελι καὶ βασιλικὰ σκεύη καὶ χώραν τῆς Ῥωμαίων γῆς κόψας τὰ νῦν λεγόμενα Ζαγόρια, ἀπέλυσεν αὐτὸν ἐν εἰρήνῃ[35]. Те же сведения содержатся и в староболгарском переводе хроники Симеона Метафраста и Логофета: „Іоустинїань же, вτѡрицеѫ прѣемь цртво, цртвова лѣт s̃ дары мнѡгы Тервелю давь и, ѿ земль Грѣчьскыѩ ѿсѣкь, дасть емѹ нн̃ѣ зовомаа Загорїа“[36]. В. Н. Златарский считает, что Георгий Амартол почерпнул упомянутые сведения из какого-то неизвестного источника и что они вполне достоверны. Однако факт достоверности этих сведений с трудом может быть поддержан. Вставка относительно Загорья имеется только в распространенной версии Георгия Монаха, представленной Львом Грамматиком, московской рукописью № 406/251, славянским Логофетом и некоторыми другими. Патриарх Никифор, который хорошо знал о наградах, данных Тервелю, ничего не сообщает ни о каких территориальных уступках. Точно так же ничего об этом не сообщают ни Феофан, ни так называемые Παραστάσεις, ни Свида. Кроме того, вообще мало вероятно, чтобы Юстиниан дал Тервелю византийскую область. Но независимо от всего этого, если даже признать достоверность приведенного выше сообщения, то необходимо будет допустить, что Тервель, получив однажды область Загорию, был вынужден вновь

[31] G. Otrogorsky — E. Stein. Krönungsordnungen, S. 226; Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des Cérémonies, p. 43 sq.; L. Bréhier. Les institutions de l'empire byzantin, p. 42 sq.

[32] В. Н. Златарски. История, т. I, ч. I, стр. 168 и сл.

[33] Э. Г. Муральт. Хронограф Георгия Амартола. СПб., 1859, стр. 622.

[34] Leonis Grammatici Chronographia, ed. I. Bekkerus. Bonnae, 1842, p. 168_{13-16}.

[35] Cedrenus, ed. I. Bekkerus. Bonnae, vol I, p. 780_{15-17}.

[36] Симеона Метафраста и Логофета Списаніе міра отъ бытіа, изд. В. Н. Срезневского. СПб., 1905, стр. 74.

ее вернуть Византии, и это произошло при сравнительно слабых византийских императорах в смутные годы между 711 и 717 гг. Во всяком случае в 717 г., когда был заключен мирный договор между болгарами и византийцами, эта область вновь была дана болгарам. Разумеется, можно было бы принять, что упомянутая область находилась в руках болгар с 706 г., а мирный договор 717 г. только узаконил фактическое положение, но в таком случае невозможно говорить о территориальных уступках Тервелю как награде за оказанную им помощь Юстиниану. Само выражение καὶ χώραν τῶν Ῥωμαίων ἐκκόψας δίδωσιν αὐτῷ τὰ λεγόμενα νῦν Ζαγορία носит характер какой-то случайной пометки на полях рукописи и явно отличается от текста формой настоящего времени δίδωσιν. Эта маргинальная заметка находилась в рукописи или самого Георгия Монаха, или какого-либо другого автора и после была включена в упомянутый текст хроники. Маргинальный характер этой заметки особенно ясно обнаруживает соответствующий текст Кедрина (см. выше). Однако упомянутое место имеет историческую основу, оно должно быть поставлено в связь с мирным договором 717 г. и, может быть, представляет толкование автором заметки выражения ἀπὸ Μηλεώνων τῆς Θράκης[37] (которое имеется в переданном нам Феофаном тексте договора 717 г.) как Загория.

[37] Theophanes, vol. I, p. 497_{20-26}.

К. Н. ЮЗБАШЯН

„ВАРЯГИ" И „ПРОНИЯ" В СОЧИНЕНИИ АРИСТАКЕСА ЛАСТИВЕРТЦИ

„Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци о событиях, связанных с окружающими нас варварскими племенами", является важнейшим источником армянской истории XI в. Начальные страницы этого сочинения посвящены прибытию Василия Болгаробойцы в Закавказье в 1000 г., в заключительной же части описывается злосчастное поражение византийских войск в битве при Манцикерте и пленение императора Романа Диогена. Современник и нередко очевидец описываемых событий, Аристакес Ластивертци рисует страшные картины сельджукских нашествий, повествует о бесконечных войнах, в которые оказывалась втянутой Армения. Политическая борьба, еретические движения, городская жизнь — все это нашло отражение в историческом сочинении нашего автора, который cum ira et studio и в то же время с глубокой душевной болью рассказывает о бедствиях, постигших родной народ. Благодаря исключительно образному изложению этот труд стоит в ряду лучших памятников исторической прозы средневековой Армении.

Если для изучения армянской действительности XI в. сочинение Аристакеса Ластивертци является важнейшим и порой единственным источником, то немалую ценность оно представляет и как источник для истории Византии. Византийская история в „Повествовании" занимает весьма значительное место. Целые главы Аристакес Ластивертци посвящает царствованиям Константина VIII, Романа Аргира, Михаила Пафлагона, Константина Мономаха, Исаака Комнина и др., причем содержание глав свидетельствует, что автор прекрасно знаком с современной ему Византией. К сочинению Аристакеса охотно обращались такие ученые, как В. Г. Васильевский и Н. А. Скабаланович. Тем не менее как источник по истории Византии этот памятник исследован очень мало, так как византинистам он был доступен лишь в вольном французском переводе[1], что, естественно, затрудняло его изучение. Полагая в будущем опубликовать русский перевод „Повествования" и развернутый комментарий, мы в этой статье хотим поделиться с читателем некоторыми наблюдениями над греко-армянскими терминологическими встречами, анализ которых возможен лишь при комплексном использовании определенного круга армянских и византийских источников.

[1] Histoire d'Arménie comprenant la fin du royaume d'Ani et le commencement de l'invasion des Seldjoukides par Arisdaguès de Lasdiverd, traduite par M. Evariste Prud'homme. Paris, 1864 (далее — P r u d'h o m m e). Сводный текст „Повествования" Аристакеса Ластивертци впервые был издан в Венеции в 1844 г. на основе четырех рукописей XVIII в. Последующие издания — венецианское 1901 г. и тифлисское 1912 г. — являются перепечатками первой публикации (мы ссылаемся на тифлисское издание).

* * *

В гл. XVI „Повествования", которая озаглавлена „О приходе султана" и посвящена сельджукскому нашествию на Армению в 503 г. армянской эры (8 марта 1054 г. — 7 марта 1055 г.), говорится, между прочим, что у города Баберда турки встретились с „одним из полков ромейского войска, так называемыми франками, которые, нечаянно наткнувшись (на турок. — *К. Ю.*), сразились..." (*Համդիպի և անդ գունդ մի ի կօրացն հռոմոց որ կոչին Փռանկք, որք յանդէպս մխիթանց ի դիմի հարեալք հակառեցան*)[2].

Слово „франки" не вызвало сомнения ни у Минаса Тер-Петросяна, опубликовавшего перевод „Повествования" на современный армянский язык[3], ни у французского переводчика, который указал в примечании, что в это время в византийском войске служили франки, прибывшие из различных стран Европы, и норманны[4]. И лишь академик М. Броссэ, комментируя соответствующие страницы исторического сочинения Аристакеса, отметил, что в сражении у Баберда участвовали франки, „или, скорее, варяги, вспомогательное войско греков"[5]. Трудно сказать, каким путем пришел знаменитый кавказовед к этому правильному, как мы постараемся показать ниже, выводу.

В большинстве сохранившихся рукописей „Повествования" интересующее нас слово дано в форме *Փռանգք*[6], *Փռանկք*[7] — франки. Между тем фраза звучит несколько странно. В Армении франки были известны, по крайней мере, со времен крупнейшего географа Анании Ширакаци (VII в.)[8]. Это слово всегда указывало на этническую принадлежность. Почему же Аристакес пишет о „так называемых" франках? Все, однако, станет понятным, если мы обратимся еще к одной рукописи, где в соответствующем месте сказано, что турки встретились „с одним из полков ромейского войска, так называемыми врангами" (*գունդ մի ի կօրացն հռոմոց, որ կոչին վռանգք*)[9]. Это чтение кажется единственно правильным. Отдавая предпочтение этому единственному разночтению, мы, помимо прочих соображений, следовали старому филологическому правилу: ceteris paribus praeferenda est lectio difficilior.

Рукопись, в которой сохранилось это слово, содержит сочинения Мовсеса Хоренаци, Степаноса Асохика и Аристакеса Ластивертци и переписана неким Иоанном. Манускрипт скопирован весьма грамотным

[2] „Повествование", стр. 97.

[3] Армянская история вардапета Аристакеса Ластивертци, перевел священник Минас Тер-Петросян, Александрополь, 1893, стр. 97 (на армян. яз.).

[4] P r u d'h o m m e, p. 95.

[5] M. B r o s s e t. Histoire de la Géorgie, 1ère partie. S. Pétersbourg, 1849, p. 323, n. 4.

[6] Государственный Матенадаран, собрание армянских рукописей, № 3160, л. 252 об.; № 3502, л. 401 об.; № 1482, л. 101; № 4584, л. 67; № 3070, л. 189 об.; № 6457, л. 71.

[7] Матенадаран, № 1895, л. 39 об.; № 2796, л. 37. Библиотека мхитаристов в Вене, № 114, стр. 88; № 288, л. 36 об.; № 306, л. 39; № 551, л. 67 об.; № 623, л. 135 об.; № 827, л. 38 об.

[8] Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877, армян. текст, стр. 8; русск. пер., стр. 19.

[9] Матенадаран, № 2865, л. 275.

переписчиком. Архаичность орфографии и шрифт позволяют датировать рукопись концом XIII — началом XIV в. В XVI и XVII вв. рукопись обновлялась, но листы той части, которая заключает „Повествование" Аристакеса, подверглись лишь частичной реставрации, отдельные места средневековый мастер заклеивал бумагой и восстанавливал письмо[10].

Нетрудно догадаться, что слово „вранг", վանիգ (мн. — վանիգք) является армянской транскрипцией греческого βάραγγος.

В приведенном нами отрывке речь идет о русско-скандинавских наемниках, варангах-варягах, которые с конца X в. в византийской военной организации играли весьма существенную роль.

Армянской формы этого греко-скандинавского слова мы не найдем ни в словарях, даже таких солидных, как „Айказян баргирк" венецианских мхитаристов или „Корневой словарь армянского языка" Г. Ачаряна, ни в специальных исследованиях, посвященных армянским заимствованиям из греческого[11]. Следует думать, что это слово было не особенно распространено, так же как и большинство заимствований из греческого языка[12], и тем не менее, если наш автор употребил это слово, то оно, очевидно, было понятно армянскому читателю.

Слово транскрибировано в соответствии с общими закономерностями армянской транскрипции. Греческая β выражена վ (ср. например, βασίλειος — վասիլ). Две гаммы (γγ), как и следовало ожидать, выражены буквами նգ. Окончание ος отпало, что случается нередко (например, βούλγαρος — բուլղար)[13]. Греческое ρ в армянскомя зыке может превратиться как в *р* раскатистое (ռ), так и *р* мягкое (р); в данном случае оно превратилось в раскатистое. Альфа первого слога выпала, тем более, что по-гречески произносилось также и βράγγος[14].

Как известно, история варангов-варягов интересовала многих исследователей, в первую очередь в связи с проблемой происхождения русского государства. Вокруг этого вопроса велась горячая полемика между норманистами и антинорманистами. Принципиальное решение эта проблема получила в 1874—1875 гг., когда академик В. Г. Васильевский опубликовал свою знаменитую статью „Варяго-русская и варяго-английская дружина"[15], ставшую классическим исследованием. Несмотря на значительное время, протекшее со времени появления статьи в печати, основные положения акад. В. Г. Васильевского остаются незыблемыми.

На основании данных самых разнообразных источников акад. В. Г. Васильевский доказал, что ядро варяжской дружины составляли не скандинавы, а русские. Для греческих писателей, которые пишут об этом подразделении византийской армии, слова Ῥῶς и Βάραγγοι являются синонимами. Варяги прибывали в Константинополь из Киевской Руси: определенное число их служило в качестве императорских телохранителей, бóльшая же часть составляла особую дружину, которая либо стояла на азиатских границах, либо пребывала в Южной Италии. С середины XI в. вместе с варягами постоянно упоминаются франки, т. е. южноитальянские норманны, а с конца XI в. основной контингент варяжского корпуса составляют выходцы из Англии, покинувшие родину в связи с норманским нашествием[16].

Из источников известно, что зиму 1021/22 г. варяго-руссы провели около Трапезунда[17]. В 1033 г. варяги встречаются еще восточнее — они участвуют в осаде г. Беркри (район оз. Ван)[18]. Как было сказано, с середины XI в. наряду с русскими постоянно упоминаются франки, которые также составляли особый корпус[19], и уже в 1048 г. отряд франков вместе с варягами находился на восточной границе империи. Этим отрядом командовал франк Эрве[20]. Таким образом, нет ничего необычного в том, что в 1054 г. варяги оказались у г. Баберда.

Описываемое Аристакесом сражение произошло во время известного похода Тогрул-бека, когда турки дошли до Абхазии и Кавказского хребта на севере, до Тчанетских лесов — на западе и до так называемой горы Сим — на юге. Тогрул-бек осадил Манцикерт, но не смог его занять и вернулся обратно, разграбив по пути г. Арцке. Как повествует Ибн-ал-Асир, после взятия Гандзака Тогрул-бек „пошел в Арминию и направился в Мелазгерд, принадлежавший румам, осадил его, стеснил его жителей, разграбил соседние с ним селения... Во время похода он дошел до Эрзен-ар-Рума, но с наступлением зимы возвратился в Азербайджан, не успев овладеть Мелазгердом"[21]. Об этом же походе, который согласно Ибн-ал-Асиру имел место в 446 г. хиджры (12 апреля 1054 г. — 1 апреля 1055 г.), рассказывает также Скилица-Кедрин[22], но об интересующем нас событии он упоминает в другой связи. Скилица повествует о распрях, которые происходили между Тогрул-беком и его полководцами — Ибрагимом и Кутулмышем. Стремясь заручиться поддержкой Византии, Кутулмыш отправил к императору послов, но одновременно осадил Карс и овладел им, за исключением цитадели[23]. Преследуя Кутулмыша, продолжает византийский автор, Тогрул-бек дошел до Иверии. Тогда император Константин Мономах вызвал с запада ако-

[10] Описание рукописи см. в статье К. Юзбашяна „Об одном разночтении „Повествования" Аристакеса Ластивертци — вранги, а не франки". — „Вестник Матенадарана", № 4, 1958, стр. 78 (на армян. яз.).

[11] C. Brockelmann. Die griechischen Fremdwörter im Armenischen. — „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft", XLII, 1893, Heft 1; H. Hübschmann. Armenische Grammatik. Leipzig, 1897, S. 322—389; H. Thumb. Die griechischen Lehnwörter im Armenischen. — BZ, IX, 1900; Г. Ачарян. История армянского языка, ч. II. Ереван, 1951, стр. 5—53 (на армян. яз.); его же. Греческие заимствования в армянском языке. — ВВ, т. II, 1949.

[12] Г. Ачарян. Греческие заимствования. . . — ВВ, т. II, стр. 311—312.

[13] См. H. Hübschmann. Op. cit., S. 326—327.

[14] См. В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. — ЖМНП, 1881, август, стр. 319, примеч. 1.

[15] В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — Труды В. Г. Васильевского, т. I. СПб., 1908.

[16] Новые работы о варягах на византийской службе: Μιχαὴλ Ἀ. Δενδίας. Οἱ βάραγγοι καὶ τὸ Βυζάντιον. Ἀθήναις, 1925; напечатано в „Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρείας", IX, 1926. (Об этой работе я могу судить лишь по аннотации А. Грегуара в Byz., II, 1925, p. 507—511). A. A. Vasiliev. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century. — Seminarium Kondakovianum, XI, 1937; Sigfús Blöndal. The Last Exploits of Harald Sigurdsson in Greek Service. — „Classica et Mediaevalia", vol. II, 1939, fasc. I,; Idem. — Nabites the Varangian. — Ibid., fasc. II; R. M. Dawkins. The Later History of the Varangian Guard: Some Notes. — „The Journal of Roman Studies", vol. XXXVII, 1947. Ad. Stender-Petersen. Varangica. Aarus, 1953 (подборка статей по варяжскому вопросу, опубликованных в различное время).

[17] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 211—212.

[18] Там же, стр. 215.

[19] Помимо исследования В. Г. Васильевского о франках на византийской службе см. R. Janin. Les Francs au service des Byzantins. — „Echos d'Orient", 1930, janvier — mars.

[20] Cedreni Historiarum Compendium. Bonnae, II, 1839, p. 597; В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 318—319.

[21] Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал Камиль . . . Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, стр. 117. Об этом походе см. C. Cahen. Première pénétration turque en Asie Mineure. — Byz., vol. XVIII, 1946—1948, p. 16—17; Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. III. Ереван, 1952, стр. 47—49 (на армян. яз.).

[22] Cedr., II, p. 590—593.

[23] Ibid., p. 606; ср. „Повествование", стр. 92.

луфа Михаила. „Явившись, он собрал рассеянных по Халдии и Иверии франков и варангов и сумел приостановить нашествие султана“ [24]. Эту удачу и имеет в виду Аристакес Ластивертци, когда говорит, что „по милости божьей полки ромеев („так называемые вранги“! — *К. Ю.*) обрели могущество, одолели врагов, убили военачальника, а с ним и многих других, остальных же обратили в бегство, захватив много добычи и пленных. Но на преследование не решились, ибо боялись, как бы не встретиться с более могущественным войском“ [25].

По поводу датировки сражения у Баберда в литературе высказывались различные мнения. Комментируя приведенное выше свидетельство Скилицы, В. Г. Васильевский полагал, что это столкновение между варягами и турками имело место в 1053 г., исходя, очевидно, из того, что согласно Аристакесу Ластивертци, именно в этом году турки осадили Карс [26]. Эту же датировку принимает Н. А. Скабаланович [27]. Л. Альфан утверждает, что в 1052 г. турки разорили район Карса, а в 1053—1054 гг. они были в округе оз. Ван, откуда доходили до Эрзерума, Грузии и Кавказа [28]. Р. Жанэн утверждает, что в 1051 г. варяги и франки сражались с турками в Иверии, но были разбиты Тогрул-беком. В *следующем году*, продолжает он, турки осадили Манцикерт [29].

Осада Карса действительно произошла в 1053 г. В гл. XV Аристакес Ластивертци излагает подробности осады, а XVI главу, в которой, как было сказано выше, речь идет о походе Тогрул-бека, начинает словами: „После этой истории (т. е. осады Карса. — *К. Ю.*) *следующий год* был 503 нашего летосчисления“. Таким образом, турки осаждали Карс в 502 г. армянской эры, или в 1053 г., поход же Тогрул-бека, а следовательно, и интересующее нас сражение между варягами-франками и турками произошли в 1054 г. (эту дату похода приводит, как мы видели, также Ибн-ал-Асир). Правильное чтение соответствующей выдержки из „Повествования“ Аристакеса позволяет внести важный корректив в изложение Скилицы, в котором контаминация событий выступает со всей очевидностью.

Привлеченный нами отрывок из „Повествования“ Аристакеса Ластивертци — отнюдь не единственное в средневековой армянской литературе место, где упоминаются варяго-руссы.

Как известно, во время восстания Варды Фоки против Василия Болгаробойцы в императорской армии находился русский отряд, который был прислан Василию киевским князем Владимиром [30]. Первое сражение, в котором приняла участие русская дружина, было у Хрисополя в 988 г. [31]

[24] Cedr., II, p. 606. 18—20.
[25] „Повествование“, стр. 97.
[26] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 321.
[27] Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 333.
[28] L. Halphen. Les barbares. Des grandes invasions aux conquêtes Turques du XIe siècle. Paris, 1926, p. 385.
[29] R. Janin. Op. cit., p. 63—64.
[30] Μιχαὴλ Ψέλλου Βυζαντινῆς ἱστορίας ἑκατονταετηρίς, ed. C. Sathas. — „Bibliotheca graeca medii aevi“, IV. Parisiis, 1874, p. 10; Cedr., II, p. 444; Joannis Zonarae Epitomae historiarum. Bonnae, III, 1897, p. 552—553; В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 23—24. Примечания, стр. 194—205.
[31] В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 198; В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 199; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 355—356.

Именно этих русских имеет в виду армянский писатель Степанос Таронский, по прозванию Асохик, когда рассказывает о прибытии Василия II в армяно-грузинскую область Тайк в 1000 г. У горы Хавтчич византийского императора встретили абхазский царь Багарат и его отец, грузинский царь Гурген. В тот самый день, когда Гурген, получивший звание магистра, собирался отбыть, в византийском лагере произошла стычка между иверами и руссами. Предоставим слово нашему историку: „Из пехотного отряда рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из иверийцев и отнял у него сено. Тогда прибежал к рузу на помощь другой руз. Иверием кликнул своих, которые, прибежав, убили первого руза. Тогда весь народ рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6 тыс. человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, как он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали во Христа. Все князья и вассалы тайкские выступили против них и были побеждены“ [32].

Упоминание об этом событии имеется и у Аристакеса Ластивертци. У крепости Хаватчич (Хавтчич Асохика), куда прибыл император, „по неведомой мне причине, — пишет Ластивертци, — произошла стычка между западным войском, так называемыми рузами (*արեմտեան զօրն որ կոչի Հռուզք*) [33], и полком азатов [34]. На этом месте погибли 30 знатнейших азатов“ [35]. Как справедливо полагает акад. Васильевский, в приведенных отрывках из армянских авторов сохранились древнейшие упоминания о варяго-русской дружине [36]. Рузы, прибывшие в Византию в 988 г. и участвовавшие в событиях 1000 г., и вранги, в 1054 г. сражавшиеся у Баберда с сельджуками, — воины одного и того же варяжского корпуса. И если в одном месте Аристакес Ластивертци называет варягов „рузами“, а в другом — „врангами“, то он только следует примеру греческих авторов, для которых, повторяем, употребление слов Ῥῶς и βάραγγοι в качестве синонимов было обычным.

Можно утверждать, что именно варяги упоминаются и у Матфея Эдесского, армянского писателя XII в. Впервые остроумные соображения на этот счет были высказаны в 1946 г. С. Т. Еремяном. Он обратил внимание на то, что из грузинских источников известно, что в войсках грузинского царя Давида II Строителя (1089—1125) служили также варяги. Они участвовали в битве у Тбилиси, которая произошла 15 августа 1121 г.[37] Основываясь на этом, С. Т. Еремян предложил исправить параллельное место в „Хронографии“ Матфея Эдесского, где в числе воинов, сражавшихся под знаменами Давида, упоминаются франки. Он полагает, что из-за сходства букв *փ* и *վ* в рукописи вкралась ошибка и вместо *փռանկ* („п'ранг“) следует читать *վռանգ* („вранг“) или

[32] Всемирная история Степаноса Таронеци Асохика, издал С. Малхасянц. СПб., 1885, стр. 276—277 (древнеармян. текст). (Перевод дан по изданию: „Всеобщая история“ Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия, переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М., 1864, стр. 200).
[33] Ср. „так называемые вранги“! Выражение „так называемые рузы“, как и „так называемые вранги“, намекает не на этническое происхождение, но на принадлежность варяго-русскому корпусу.
[34] Азаты („свободные“) — привилегированное феодальное сословие.
[35] „Повествование“, стр. 4. О походе Василия II см. E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 156—157.
[36] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 200—203.
[37] Картлис Цховреба (История Грузии), груз. текст. т. I, изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955, стр. 301. На грузинский текст я смог сослаться лишь благодаря любезной помощи С. Т. Еремяна.

*վառանգ („варанг"). В таком случае, продолжает автор, выдержка из „Хронографии" Матфея Эдесского должна быть исправлена следующим образом: Давид „...имел под началом и других воинов — [прибывших] от кипчакского царя 15 тыс. смелых и избранных мужей, из аланского племени — 500 мужей и варангов (*վառանգ) — сто" [38]. Сохранившееся в древней рукописи Аристакеса Ластивертци правильное чтение „вранги" блестяще подтверждает конъектуру С. Т. Еремяна [39].

Таким образом, мы видим, что варяги несколько раз упоминаются в армянских источниках XI—XII вв. и сохранившаяся в „Повествовании" Аристакеса Ластивертци форма „вранги" отнюдь не является случайной.

* * *

Как сказано выше, Аристакес Ластивертци был прекрасно знаком не только с армянской, но и с византийской действительностью. Он пишет на изысканном грабаре и тщательно избегает вульгаризмов, но нередко пользуется заимствованиями из греческого языка. Речь идет не о тех словах, которые давным-давно укоренились в армянском языке, но о словах-понятиях, характерных именно для византийской жизни. В „Повествовании" встречаются такие слова, как պառեկիմանոս — паракимомен, անթիպատոս — анфипат, օրփանոտոս — орфанотроф, կեսար — кесарь, հոգ — руга, կիւրապաղատ — куропалат. В этом смысле Аристакес Ластивертци живо напоминает своего старшего современника Степаноса Асохика, „Всемирная история" которого также изобилует греческими словами. Как и Асохик, наш автор употребляет их в той форме, в которой они бытовали в армянском языке. Эти слова никак нельзя считать кабинетными транскрипциями ученого-эллиниста. Особенно ярко это проглядывает в армян. „демесликос" (դեմեսլիկոս) = „доместик" [40].

Аристакес Ластивертци бичует несправедливые деяния, творимые в городах феодальной знатью. По его словам, князья г. Арцна подобны ворам, они мстительны и служат серебру; судьи — взяточники, ради взятки они готовы попрать любые права. Тот, кто обманывал товарища, гордился, что он мудр. А кто грабил, говорил: „Я могуч!" Знатные отбирали дома соседей-бедняков и вторгались в пределы их полей [41]. В этом контексте слово „могучий" является точнейшей калькой греко-византийского термина „динат" [42].

---

[38] С. Т. Еремян. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках. — Научные труды Ереванского государственного университета, вып. XXIII, 1946, стр. 390. Ср. Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршапат, 1898, стр. 290 (древнеармян. текст); фр. перевод: Chronique de Matthieu d'Edesse (Bibliothèque historique arménienne... trad. par E. Dulaurier). Paris, 1858, p. 304.

[39] В своей работе „The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century, p. 58. А. А. Васильев обращает внимание на другую выдержку из „Хронографии" Матфея Эдесского, где повествуется о том, что накануне битвы при Манцикерте были вызваны войска из „страны готов" и Болгарии, „со всех отдаленных островов", из Каппадокии и Вифинии, Киликии и Антиохии, Трапезунда и Армении (Матфей Эдесский, древнеармян. текст, стр. 198; франц. пер., стр. 166). Но разбирая это сообщение хрониста, А. А. Васильев приходит к выводу, что под „жителями отдаленных островов" Матфей Эдесский разумеет не англосаксов и датчан из Англии. И действительно, говоря об „отдаленных островах", Матфей Эдесский имеет в виду, вероятно, острова Средиземного моря, составляющие часть империи.

[40] Нетрудно заметить, что многие из этих слов имеют латинское происхождение, но в армянский язык они проникли через посредство греческого.

[41] „Повествование", стр. 80.

[42] Ашот Иоаннисян. Очерки истории армянской освободительной мысли. Книга первая. Ереван, 1957, стр. 239 (на армян. яз.).

Однако наиболее ярким примером армяно-византийских терминологических встреч является слово հոգ, hog (забота, попечение), которое Ластивертци употребляет в специфическом смысле, связанном с одним из важнейших понятий византийской администрации — пронией.

Нам следует обратиться к тому месту „Повествования", где автор рассказывает о первых шагах, предпринятых Михаилом Пафлагоном по восшествии на престол [43]: „одного из братьев (Михаил. — *К. Ю.*) сделал магистром, дал ему Фессалонику и вверил попечение Болгарии и западной стороны (և հաւատայ ի նա զհոգս Բուլղարացն և արևմտեան կողմանցն); другого назначил доместиком, отправил в Антиохию Великую и поручил ему заботу о Тачкастане [44] и южной стороне (զկենցաղաւատանի և զհարաւայիցն կողմանն զհոգսն յանձն առնելով նմա). Третьего брата, евнуха и монаха, которого звали Орфанотрофом, оставил в царственном граде Константинополе, сделав его синклитиком и поручив ему все попечение и правовые документы дворца (զամենայն հոգս և իրաւունս պալատին տալով ի ձեռս նորա)" [45].

Прежде чем комментировать этот отрывок из труда Аристакеса Ластивертци, дополним его некоторыми сведениями из греческих источников. Михаил Пселл сообщает, что братьев-пафлагонян было пять человек [46]: император Михаил Пафлагон, Никита, Константин, Георгий и Иоанн Орфанотроф [47]. Известно, что действительным правителем империи был Иоанн Орфанотроф, который не выезжал из столицы. В Антиохию был отправлен Никита. Скилица сообщает, что Никита был назначен дукой Антиохии [48]. После смерти, которая настигла Никиту в Сирии, его место занял другой брат, Константин. О последнем из братьев, Георгии, известно, что он стал протовестиарием после раскрытия заговора против императора [49] в августе 1034 г.[50] Судя по контексту Скилицы, Константин Пафлагон сменил Никиту одновременно с вступлением Георгия Пафлагона в новую должность.

Употребление հոգ для передачи таких понятий, как попечение, забота о стране или области, встречается уже в древнейших памятниках армянской литературы. Так, Мовсес Хоренаци рассказывает, что армянский царь Тигран поручил „...мужу сестры своей, Михрдату, Мажак и управление средиземными странами" (հաւատացեալ զՄաժաք և զհոգս Միջերկրացն) [51]. Эту фразу почти буквально воспроизводит Асохик [52]. В приведенном же контексте из „Повествования" Аристакеса Ластивертци слово հոգ, как нам кажется, передает некоторые специфические значения греко-византийской „пронии".

---

[43] Перевод сделан с подготовленного мною критического текста, который в этом месте несколько отличается от изданного. Ср. „Повествование", стр. 39.

[44] Речь идет о Сирии, которая была целиком захвачена арабами, „тачиками" армянских источников. См. Prud'homme, p. 49.

[45] Слово իրաւունք в древнеармянском может означать справедливость, право, законоположение. Данный здесь перевод իրաւունք — „правовые документы" — подсказан контекстом.

[46] Μιχαὴλ Ψέλλος, p. 55; см. также Cedr., p. 504.

[47] Cedr., II, p. 504; Michaelis Glycae Annales. Bonnae, 1836, p. 584.

[48] Cedr., II, p. 510.

[49] Ibid., p. 512. 21—23.

[50] Ibid., p. 511. Скилица сообщает месяц, год от сотворения мира и индикт.

[51] История Армении Моисея Хоренского, новый пер. Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 67. История Армении Мовсеса Хоренаци, изд. М. Абегян и С. Арутюнян. Тифлис, 1913, стр. 127.9—10. (древнеармян. текст).

[52] Русск. пер. Н. О. Эмина, стр. 27; древнеармян. текст, изд. С. Малхасянц, стр. 39.

Известно, что в греческом языке πρόνοια могло значить: забота, попечение, надзор, контроль, управление, заведывание, в религиозном смысле — провидение, также предвидение[53]. Начиная с IX—X вв. πρόνοια употребляется и в качестве специального термина и означает управление фемой, управление императорским доменом, а с XI—XII вв. — право на условное феодальное владение имением и пр.[54]

Совершенно очевидно, что параллели к словоупотреблению ՟հոգ — „попечение" в интересующем нас отрывке из труда Ластивертци следует искать в первую очередь в области византийской администрации. Как свидетельствуют нарративные источники, грамоты и печати-моливдовулы, в IX—XI вв. пронія обозначала управление фемой[55] или иной административной единицей. Так, император Никифор I вверил Варданию Турку надзор и пронию пяти восточных фем [τῶν πέντε θεμάτων τῶν κατὰ τὴν Ἀνατολὴν τὴν ἐφορείαν καὶ πρόνοιαν διοικουμένον... (τὸν Βαρδάνιον) ἐξαπέσταλκεν][56]. В житии Павла Латроского (X в.) говорится, что, когда святой прибыл на Самос[57], он неожиданно нашел подготовленный для него плот: „Так распорядился исполняющий (осуществляющий?) пронию фемы" — (ἦν δὲ οὕτω προσταγὲν παρὰ τοῦ τὴν πρόνοιαν τοῦ θέματος ἐπιτετραμμένου)[58]. В XI в. во главе этой фемы некоторое время находился Евстафий Харсианит — стратиг и проноит, как он именуется в документе от 1087 г.[59], патрикий и проноит — в документе от 1089 г.[60] Известен протопроэдр и проноит Лакедемонии Ксифилин (XI в.)[61]. Лакедемония составляла, очевидно, часть фемы Пелопоннеса и Эллады. Сохранилась печать Михаила Антипапа, вестарха и проноита Афин, под которыми, вероятно, следует понимать ту же фему[62].

В XI в., в период византийского владычества, проноитом — προνοητής — назывался (и это для нас особенно важно) правитель Болгарии, который мог иметь чин катепана или дуки и был по существу наместником византийского императора в завоеванной стране. Первые наместники Болгарии звались также преторами, сатрапами, архегосами и архонтами[63].

[53] См. G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 9. См также E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods, 1914, s. v. προνοεύω, προνοητής. Все эти значения имеет и армян ՟հոգ.

[54] Наиболее выразительным памятником для XI—XII столетий является документ, опубликованный Ж. Руйар и П. Коллomпом (G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 57, p. 158—163). Из документа со всей очевидностью явствует, что в пронию мог быть пожалован проастий, земельное владение с париками, обязанными трудиться в пользу стратиота-прониара. (См. G. Ostrogorskij. Op. cit., p. 31—37).

[55] А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, приложение „Пронія", стр. 212.

[56] Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 6. 13—18. См. также De velitatione bellica. Bonnae, 1828, p. 186. 12—14.

[57] Об этой феме (как и вообще о фемном делении) см. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. 206.

[58] Vita S. Pauli Iunioris in monte Latro. — AB, 1892, p. 64. 1—2.

[59] MM, VI, p. 34.7 и 35.30.

[60] Ibid., p. 39. 18—19. Комментируя эти и некоторые другие данные, Н. Бэнеску совершенно неправомерно полагает, что проноит, как и претор, ведал лишь финансовыми делами и „не должен смешиваться с правителем фемы". Если в отношении претора это в известной степени справедливо, то утверждать то же самое о проноите нет никаких оснований. (См. N. Bănescu. La signification des titres de πραίτωρ et de προνοητής à Byzance aux XIe et XIIe siècle, „Miscellanea Giovani Mercati", vol. III, Città del Vaticano, 1946.

[61] См. А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ξιφιλῖνος, προτοπρόεδρος καὶ προνοητὴς Λακεδαιμονίας — BZ, 14, 1905, p. 563—564.

[62] G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire Byzantin. Paris, 1884, p. 170.

[63] В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 6—10; его же. Устройство Болгарии и положение Болгарского народа в первое время после покорения их Василием II Болгаробойцей. — Seminarium Kondakovianum, IV, 1931, стр. 52—53.

Они были наделены широкими военными и административными полномочиями и отвечали только перед императором. Мероприятия Василия Болгаробойцы „создавали только видимость самостоятельности Болгарии, которая в действительности не имела и тени ее"[64]. Сохранилось несколько моливдовулов болгарских проноитов. Известны печати Иоанна Триаконтафила, где он назван протопроэдром и проноитом Болгарии[65]. Тому же лицу, очевидно, принадлежит печать с надписью: „Богородица, помоги своему рабу Иоанну, проэдру, судье вилы и проноиту Болгарии"[66]. Сохранилась печать Константина, вестарха и проноита „всей Болгарии" (πάσης Βουλγαρίας)[67]. Этого Константина Г. Шлюмберже, а за ним В. Н. Златарский отождествляют с Константином Диогеном, архонтом Сирмия, ипархонтом и дукой Болгарии[68]. Упомянем также Василия Монаха, которого Атталиота называет ὁ τῶν Βουλγάρων σατράπης[69], Скилица — ἡγεμὼν τῆς Βουλγαρίας[70], а в „Стратегиконе Кекавмена" он фигурирует в качестве προνοητὴς Βουλγάρων[71].

Мы видим, таким образом, что в контексте комментируемого нами отрывка из „Повествования" аналогия ՟հոգ = πρόνοια допустима не только с филологической, но и с исторической точки зрения.

Следует думать, что ответственное „попечение" Болгарии, о котором говорит Аристакес Ластивертци, было вверено не незаметному Георгию Пафлагону, а его брату Константину, крупному военачальнику. Константин действительно был фигурой влиятельной и весьма примечательной. В 1034 г. ему досталось имущество репрессированных сторонников Константина Далассина, возглавившего заговор против правления Пафлагонов[72]. В декабре 1036 г. арабы осадили Эдессу, и только помощь Константина, прибывшего в Антиохию, спасла город. В награду ему был пожалован титул доместика схол Востока[73]. В 1040 г. он успешно подавил направленный против него заговор[74]. После воцарения Михаила V Калафата он был сослан Зоей в свои опсикийские владения, но волей нового императора был вскоре возвращен, причем ему пожаловали титул новелиссима[75]. Как правителю Болгарии, Константину Пафлагону был присвоен, очевидно, титул проноита, и тогда в перевод разбираемого места из „Повествования" Аристакеса Ластивертци следует внести известный корректив: „Одного из братьев [Михаил] сделал магистром, дал ему Фессалонику и вверил пронию (т. е. сделал проноитом) Болгарии".

[64] Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 83.

[65] G. Schlumberger. Op. cit., p. 241; Н. А. Мушмов. Монетите и печатите на Българските царе. София, 1924, стр. 167, № 256.

[66] G. Schlumberger. Op. cit., p. 240—241; Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 167, № 255.

[67] G. Schlumberger. Op. cit., p. 240; Н. А. Мушмов. Ук. соч., стр. 166, № 254.

[68] Cedr., II, p. 483. 20—21; Zonaras, p. 571. 12—13. См. В. Н. Златарски. История..., стр. 36, примеч. 2.

[69] Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 37. 12—13.

[70] Cedr., II, p. 586. 3.

[71] Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus, ed. W. Wassiliewski et V. Jernstedt. Petropoli, 1896, p. 24. 4; В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. — ЖМНП, 1881, июнь, стр. 263. стр. 31—33.

[73] Cedr., II, p. 515—516; Zonaras, p. 590.

[74] Cedr., II, p. 530—531. См. Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. 34—35.

[75] Cedr., II, p. 535; Glycas, p. 589—590.

В составленную В. Н. Златарским таблицу известных нам наместников — правителей Болгарии[76] следует включить и Константина Пафлагона. Заметим кстати, что опубликованные Г. Шлюмберже и Н. А. Мушмовым печати Константина, вестарха и проноита всей Болгарии, могли принадлежать как Константину Диогену (как полагали Г. Шлюмберже и В. Н. Златарский), так и Константину Пафлагону. Этот вопрос, впрочем, нуждается в дальнейшем изучении.

Все сказанное выше дает нам право сделать некоторые выводы и о другом брате — Никите Пафлагоне. Как уже было указано, по данным греческих авторов, Никита Пафлагон стал дукой Антиохии, в интересующее же нас время термины „дука" и „проноит" были по существу равнозначны. Принимая это во внимание, соответствующее место из Аристакеса Ластивертци следует переводить: „...другого брата назначил доместиком, отправил в Антиохию Великую и поручил пронию Тачкастана и южной стороны".

Продолжая комментировать слово ⸗ = прония, мы сталкиваемся в том же отрывке из „Повествования" и с несколько иным оттенком этого термина. Как было сказано выше, Иоанну Орфанотрофу были вверены „попечение" и правовые документы дворца. В современных греческих памятниках встречаются проноиты — управляющие крупными хозяйственными единицами. Так, в хрисовуле Алексея I Комнина от 1092 г. (или 1107 г.) упомянуты управляющие имениями брата Алексея, севастократора Исаака Комнина — οἱ προνοηταὶ τῶν κτημάτ(ων)[77]. Но непосредственную аналогию нашему контексту мы находим у Скилицы. Рассказывая о посвящении в патриархи Константина Лихуда, автор припоминает, что при императоре Константине Мономахе будущий патриарх был „хранителем пронии Манган и документов" (τῆς τῶν Μαγγάνων προνοίας καὶ τῶν δικαιωμάτων φύλαξ)[78].

Это место из Скилицы толковалось различным образом. Н. А. Скабаланович полагал, что здесь „прония" впервые употребляется „в смысле недвижимых имуществ, отданных в дар императорами или от императорского имени их министрами"[79]. П. Мутафчиев тоже признавал эту фразу первым упоминанием о пронии и использовал ее для подтверждения своего понимания этого института[80]. Комментируя это место, Г. Острогорский пишет, что на первый взгляд кажется, будто речь идет просто о „попечении"; на самом же деле Манганы были не только доверены попечению Лихуда, но ему было уступлено *владение* этим богатым доменом[81]. Однако и при таком толковании, продолжает автор, неясно, идет ли речь о монастыре Георгия или об οἶκος βασιλικός. Весьма интересную и оригинальную точку зрения высказал А. П. Каждан. Если толковать пронию Манган как поместье, пишет он, то неясно, о каких документах идет речь. Непонятно также, каким образом могла быть установлена прония на Манганы, ибо Манганы — один из крупнейших константинопольских монастырей-дворцов. По мнению А. П. Каждана, эти затруднения устраняются, если признать что Скилица, говоря о пронии

[76] См. стр. 534 второго тома „Истории...", см. также N. Bănescu. Unbekannte Stadthalter der Themen Paristrion und Bulgarien. — BZ, 30, 1929—1930, S. 443—444.

[77] F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. Textband, S. 55, № 14.14.

[78] Scyl., p. 645.1—2; см. также Zonaras, p. 670.7—9: ὅπερ ὁ Μονομάχος καὶ τὴν τῶν Μαγγάνων, ἀνέθετο πρόνοιαν καὶ τὰ περὶ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν ἐνεπίστευσεν ἔγγραφα.

[79] Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. 264.

[80] П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през VIII—XIV в. — „Списание на Българската Академия на науките", кн. XXVII, 1923, стр. 42.

[81] G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 21.

Манган, разумеет управление одним из многочисленных ведомств государственного бюрократического аппарата — секретом Манган[82]. Р. Жанэн, наконец, определенно полагал, что Константин Лихуд управлял монастырем св. Георгия Манганского[83].

Прежде чем высказаться по поводу этого места из Скилицы, следует выяснить, что представляли собой Манганы в интересующую нас эпоху.

На востоке древнего акрополя Визáнтия, между Мраморным морем и основанием цитадели, на месте нынешнего Саран-Бурну Константин Великий выстроил склад военных машин — μάγγανα. Арсенал был важным пунктом защиты и на протяжении столетий неоднократно укреплялся и перестраивался. Отсюда и название — квартал Арсенала или Манган. Расположенные в этом квартале два здания или, точнее, две группы зданий — дворец и монастырь св. Георгия Манганского — были тесным образом связаны друг с другом[84].

Манганский дворец был родовым имуществом патриарха Игнатия. Известно, что там похоронен его отец Михаил Рангаве[85]. По низложении Фотия Василий Македонянин вновь водворил Игнатия в Манганском дворце (ἐν τοῖς γονικοῖς αὐτοῦ παλατίοις τοῖς καλουμένοις Μαγκάνοις)[86], который впоследствии, по-видимому, приобрел у патриарха. Описывая жизнь своего деда, Константин Багрянородный повествует, что Василий Македонянин благоустроил (κατασκεύσεν) Манганский и так называемый Новый дворец. Император, продолжает далее автор, не желал, чтобы общественные налоги, поступающие от подданных, возрастали и шли на личные нужды императорского двора, а богатство и изысканность императорского стола были бы результатом чужих трудов. Поэтому он обновил эти дворцы (τοὺς τοιούτους οἴκους ἐπενοήσατο) и оставил им достаточные доходы от сельского хозяйства (καὶ προσόδους ἐκ γεωργίας ἀπέταξεν ἐν αὐτοῖς ἱκανάς), благодаря чему обеспечил себе и своим потомкам богатый и обильный стол[87].

Монастырь св. Георгия был основан Константином Мономахом, для того чтобы скрыть свои посещения жившей неподалеку фаворитки Склирены. Монастырь получил свой устав и на протяжении столетий играл весьма крупную роль[88]. Рядом с монастырем были выстроены богадельня, странноприимные дома и обитель для бедняков (τὰ πτωχοτροφεῖα)[89]. При Мануиле Комнине в Манганах была воздвигнута башня, игравшая важную роль в обороне Константинополя с моря[90].

Манганы составляли единый хозяйственный комплекс и для управления ими было создано специальное ведомство — секрет, который возглавлял κουράτωρ τῶν Μαγγάνων[91]. Первое упоминание об этом секрете, или кура-

[82] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 212—213.

[83] R. Janin. La géographie écclesiastique de l'empire byzantin, première partie. „Le siège de Constantinople et le patriarchat œcumenique", t. III. „Les églises et les monastères". Paris, 1953, p. 22.

[84] R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, p. 7 sq.

[85] Theophanes Continuatus, p. 12.3—4.

[86] Vita s. Ignatii, PG, t. 105, col. 540 B.

[87] Theophanes Continuatus, p. 337. Это место почти буквально воспроизведено у Скилицы (Cedr., II, p. 240—241).

[88] Cedr., II, p. 608—609; Zonaras, p. 646—647, и другие авторы; см. R. Janin. Op. cit., p. 22—23.

[89] Cedr., II, p. 609.8—9.

[90] См. R. Janin. Constantinople byzantin. Paris, 1950, p. 277. Следует отметить, что в монографии Р. Жанэна указаны почти все источники, повествующие о Манганах, см. стр. 355—356.

[91] A. Vogt. Basile Ier, empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine à la fin du IXe siècle. Paris, 1908, p. 102—109; J. B. Bury. The Imperial Admini-

тории, мы находим в „Клеторологии Филофея". Из текста явствует, что куратору Манган были подчинены: 1) πρωτονοτάριος, 2) βασιλικοὶ νοτάριοι, 3) κουράτορες τῶν παλατίων, 4) κουράτορες τῶν κτημάτων, 5) μειζότερος τῶν ἐλευθερίου и 6) ἐπισκεπτῆται[92]. Кураторий Манган был учрежден, очевидно, при Василии Македонянине, но должность куратора генетически связана с comes rerum privatarum и comes domorum юстиниановских времен[93]. Так же как и последние, куратор Манган ведал прежде всего доменом, императорским имуществом. Впоследствии, однако, Манганы были наделены более широкими фискальными функциями, и в экскуссионных грамотах XI в. кураторы Манган упоминаются в числе тех должностных лиц, которые не имеют права вступать в пределы территории иммуниста. Так, в грамоте 1045 г., пожалованной хиосскому Новому монастырю Константином Мономахом, говорится, что обитель свободна от посещений также и κουρατώρων τοῦ οἴκου τῶν Ἐλευθερίου καὶ τῶν Μαγγάνων[94]. Подобные упоминания встречаются в документах от 1079[95], 1087[96] и 1088 гг.[97]

Итак, кураторий Манган был создан для управления Манганским комплексом. Что же представляли собой Манганы в экономическом отношении? Как было сказано выше, благоустраивая οἶκος βασιλικὸς и νέος οἶκος, Василий Македонянин распорядился, чтобы часть доходов оставалась в Манганах. Эти πρόσοδοι совершенно определенно противопоставляются общественным налогам — δημόσια χρήματα, φόροι. Очевидно, οἶκος βασιλικὸς (равно как и νέος οἶκος) был не просто дворцом, но дворцом с усадьбой, со своим сельскохозяйственным производством. Земельные угодья Манган могли быть как в пределах Манганского квартала, так и вне городских стен — и в том и в другом случае оба дворца, по выражению Бьюри, были really agricultural estates[98].

Таким образом, „хранитель пронии Манган" и куратор Манган — понятия равнозначные[99]. Именно эту должность имел в виду Аристакес Ластивертци, говоря, что Иоанну Орфанотрофу было вверено „попечение дворца". Подобная формулировка вполне оправдана — представление о Манганах ассоциируется прежде всего с дворцом, οἶκος βασιλικός. Иоанн Орфанотроф был таким же куратором Манган, „хранителем пронии и документов", каким при Константине Мономахе стал Лихуд. Характерно, что в обоих случаях пронию Манган получают высокопоставленные лица, временщики императоров; следует полагать, что должность куратора Манган была весьма ответственна и почетна. Отметим также, что оба были синклитиками — Константин Лихуд наследственным, Иоанн Орфанотроф получил титул одновременно с пронией. И, наконец, в обоих случаях прония Манган была связана с „документами".

Известно, что Лихуд продолжал держать пронию Манган и после того, как перестал быть „первым министром". Его отставка не была

strative System in the Ninth Century. London, 1911, p. 101; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders im 10. Jahrhundert, München, 1927, S. 14. В изложении А. П. Каждана секрет Манган совершенно неправомерно противопоставляется Манганам как хозяйственному комплексу.

92 Φιλοθέου κλητορολόγιον, ed. J. B. Bury. — The Imperial Administrative System. . ., p. 142.

93 См. J. B. Bury. Op. cit., p. 100—102; F. Dölger. Op. cit., p. 39—40.

94 MM, V, p. 4.

95 MM, V, p. 9; VI, p. 21; VI, p. 13.

96 MM, VI, p. 28.

97 MM, VI, p. 48.

98 J. B. Bury. Op. cit., p. 101.

99 Обращаем внимание на любопытную семантическую связь между греч. πρόνοια (resp. армян. հոգ) и лат. cura, откуда κουράτωρ.

опалой, он продолжал участвовать в дворцовых делах[100]. И только тогда, когда он должен был принять патриарший сан, Исаак Комнин настоятельно потребовал, чтобы Лихуд вернул документы; только при этом условии император соглашался признать нового патриарха. Константин Лихуд вынужден был согласиться[101]. Что это за документы? Если это бумаги, которыми ведал куратор Манган (так полагает А. П. Каждан)[102], то почему они подлежали специальному возврату? Ведь совершенно естественно, что, отказавшись от пронии, Лихуд перестал ведать и канцелярией куратория. Между тем изложение Зонары заставляет думать, что Лихуд был заинтересован не столько в пронии Манган, сколько в самих документах. Некоторый свет на этот вопрос проливает сопоставление данных „Vita Basilii" и перефразированное Зонарой сообщение Скилицы „о пронии и документах"[103]. Из сведений, почерпнутых в биографии Василия Македонянина, следует, что Манганы представляли собой дворец с поместьями, продуктами которых удовлетворялись нужды императорского стола. Часть продуктов, таким образом, не поступала в фиск, а оставалась в Манганах. Зонара же рассказывает, что, передав Лихуду пронию Манган, Константин Мономах доверил ему также грамоты, касающиеся „свободы" Манган (τὰ περὶ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν [т. е. Μαγγάνων] ἐνεπίστευσεν ἔγγραφα). Следует полагать, что под „элевтерией", как и обычно в византийских документах, подразумевается свобода от налогового обложения. И тогда невольно возникает вопрос: не были ли հրամանք Аристакеса Ластивертци, δικαιώματα Скилицы и ἔγγραφα Зонары теми документами, которыми утверждалось право на оставление части доходов в Манганах, т. е. своего рода иммунитетными грамотами? Хранитель пронии олицетворял Манганы как определенную хозяйственную единицу. Поскольку та часть доходов, которая подлежала изъятию из налогового обложения, шла непосредственно на нужды императора и его приближенных, естественно, иммунитетная грамота могла быть выдана, так сказать, подставному лицу, тем более что в византийской практике подобное право на налоговый иммунитет в X—XII вв. носило личный характер и, следовательно, грамота жаловалась конкретному лицу, а не хранителю пронии вообще. Но когда тот или иной хранитель должен был оставить должность, он обязан был вернуть и пожалованные ему грамоты. То обстоятельство, что в данном случае речь идет об иммунитете на домениальные владения императора (или двора), нас не должно смущать. Ф. Дэльгер приводит данные, которые не оставляют сомнения в том, что с домениальных земель взимался налог, для освобождения от которого требовалась специальная грамота[104]. Император Тиберий освободил Βασιλικαὶ οἰκίαι от синоны, постойного, ангарии и других налогов[105]. Из Эсфигменской писцовой книги 1298/9 г. известно, что χάραγμα и διμοδᾶτον взимались даже с царских поместий (βασιλικὰ ζευγηλατεῖα)[106]. Еще в XIV в. Βασιλικὰ κτήματα подлежали налоговому обложению. Таким образом, есть все основания предполагать, что хранитель пронии Манган

100 Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. 391—392.

101 Scyl., p. 645; Zonaras, p. 670—671.

102 А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 213.

103 Выдержку из Зонары см. в примеч. 78.

104 F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 62—63.

105 Zachariä von Lingenthal. Jus, III, p. 29.

106 Actes d'Espihménou, ed. L. Petit et W. Regel. — BB, XII, 1906, приложение, p. XIV—XV; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — BB, XIII, 1958, стр. 80—81. О датировке писцовой книги см. G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 284—285.

являлся одновременно и хранителем документов, грамот, утверждавших налоговый иммунитет подведомственного ему хозяйственного комплекса.

Комментируя „Повествование" Аристакеса Ластивертци, мы не стремились охватить все примеры словоупотребления ἐπῳδή в специфическом смысле „пронии". Мы выбрали лишь те выдержки, в которых терминологическая окраска выступает наиболее ярко и в памятниках греческой литературы находит наиболее непосредственные аналогии. Анализ остальных примеров (и не только из Аристакеса Ластивертци) — дело будущего.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ТРУД ИОАННА КИННАМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди источников по внутренней и внешней истории Византии XII в. видное место принадлежит историческому труду Иоанна Киннама [1].

Киннам жил в царствование Мануила Комнина, он писал свое произведение в самые ближайшие годы после его смерти, и это придает его труду характер свидетельства современника, располагавшего богатой устной традицией. К тому же он был близок ко двору, занимал должность царского секретаря, имел доступ к государственным архивам и сопровождал Мануила в его походах. Это позволило Киннаму ввести в свою работу пересказ многих важных документов и обогатить ее подробностями, относящимися к личной характеристике исторических деятелей того времени. Все это обусловливает наш интерес к этому любопытному источнику и вызывает необходимость его изучения.

А между тем исторический труд Иоанна Киннама еще ни разу не подвергался специальному исследованию. Имеются лишь краткие характеристики в предисловиях к работам по другим проблемам, причем по поводу общей оценки этого труда в литературе нет единодушия. К. Я. Грот, например, видел в Киннаме перворазрядный источник для истории XII в. и признавал высокую достоверность его данных. Правда, К. Я. Грот отмечает и необъективное отношение Киннама к Мануилу, но, с другой стороны, он полагает, что материал у Киннама разработан и приведен в порядок, изложение систематическое и последовательное, хронология сравнительно верна [2]. Более сдержанно оценивает достоинства работы Киннама Ф. Шаландон. Он считает, что в нашем распоряжении находится не оригинал, а только сокращенный текст этого произведения, и указывает на многочисленные ошибки Киннама. По его мнению, историк недостаточно использовал законодательные памятники, очень плохо знаком с географией и его сведения в этом отношении нуждаются в серьезной проверке [3]. В последнее время заметно стремление восстановить репутацию Киннама. Г. Острогорский относит его к числу тех писателей XII в., которым более всего обязаны ученые, исследующие историю этого периода [4]. Д. Моравчик высказывает мнение, что, не считая некоторых ошибок переписчика, труд Киннама целиком

[1] Joannis Cinnami Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum, rec. Aug. Meineke. Bonnae, 1836.

[2] К. Я. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889, стр. XIII—XVI.

[3] F. Chalandon. Le Comnène. Jean Comnène et Manuel Comnène. Paris, 1912, p.-XIV—XXIII.

[4] E. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 311.

достоин доверия: историк стремится быть объективным, его хронология достоверна[5].

Уже эта сводка мнений ориентирует нас в отношении тех целей, которые следует поставить перед собой при разборе свидетельств Иоанна Киннама. Необходимо прежде всего установить, насколько достойны доверия эти свидетельства. Очень важно определить политические взгляды историка. И, наконец, имеет смысл собрать воедино все сведения, которые щедро сообщает Киннам, о внутреннем быте и управлении империи и, в частности, о ее военной организации.

Труд Киннама дошел до нас в рукописях XIII в. с копиями XVI и XVII вв.[6] Его первое издание, сделанное Корнелием Толли с многочисленными ошибками и плохим латинским переводом, вышло в Трайето в 1652 г. В 1670 г. появилось более совершенное издание Дюканжа с богатым критическим аппаратом. Последняя публикация Киннама — это боннское издание А. Мейнеке 1836 г., которым мы и пользовались.

Прежде чем приступить к детальному разбору свидетельств Иоанна Киннама, следует кратко остановиться на содержании отдельных книг его труда. Книга I, содержащая изложение событий царствования Иоанна Комнина, посвящена войне с турками (гл. 6, 9—10), половцами (гл. 3), венграми и сербами (гл. 4—5), а также событиям в северной Сирии (гл.7—8). Книга II содержит описание военных действий под Антиохией (гл. 1—3), в Малой Азии (гл. 4—9, 11) и особенно подробно излагает события, связанные с историей Второго крестового похода (гл. 12—20). В III книге преобладают данные об отношениях между Византией и сицилийским королевством (гл. 1—2, 4—5, 12—13) и о войне на Дунае против половцев, венгров и сербов (гл. 3, 6—11, 16—17, 19). IV книга — это рассказ об экспедиции в Южную Италию (гл. 1—16), о политике Мануила в Северной Сирии и Малой Азии (гл. 17—24). В V книге — история войн 60-х годов на Дунае, главным образом против Венгрии (гл. 1—2, 5—8, 10, 12—17). Изложение этих событий заканчивается в гл. 3—7 следующей, VI книги, остальная часть которой посвящена политике Византии в Сирии и Палестине (гл. 9—11) и в Малой Азии (гл. 12). VII книга, оставшаяся неоконченной[7], дает представление о действиях Византии в отношении Иконийского султаната.

Начнем с известий, рисующих отношения Византии с Венгрией и государствами южных славян.

Первые сведения Киннама о венграх появляются уже в I книге. Киннам говорит о событиях 20-х годов XII в. и совершает ошибку, называя герцога Альмоша и короля Стефана II (1114—1131) сыновьями Ладислава[8], т. е. считая их братьями. Стефан был не братом Альмоша, а его племянником, сыном Коломана I (1095—1114). Не совсем точно сообщает историк о порядке престолонаследия у венгров, рассказывая, что, как только у государя родится сын, братьям этого государя разрешается жить в стране не иначе как с выколотыми глазами[9]. В данном случае он сообщает лишь о проявлениях династической борьбы, вызванной переходом от принципа родового старшинства при наследовании престола к принципу первородства[10].

[5] Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, vol. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Zweite Aufl. Berlin, 1958, S. 324—327.
[6] См. G. Ostrogorsky. History..., p. 312.
[7] Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 325.
[8] Cinn., p. 9.13.
[9] Ibid., p. 9.21.
[10] Historija naroda Jugoslavije. I. Zagreb, 1953, str. 675. См. также К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 235.

Киннам подробно сообщает о ходе войны 1127—1129 гг.[11] между Венгрией и Византией. Причиной ее он, как и Никита Хониат, считает отказ императора Иоанна выдать бежавших под его защиту Альмоша и его сына[12]. Более подробных сведений о начале войны он не сообщает, хотя, по данным Хониата, какую-то роль здесь сыграло и нападение жителей пограничного Браничева[13] на венгерских купцов[14]. Венгры разрушили Белград (Βελέγραδα), обложили Землин (Ζεύγμην) на противоположном берегу Савы, но потерпели поражение под Храмом (Χράμος)[15]. Однако вскоре после этого им удалось захватить Браничев и удержать его в своих руках до 1129 г., и очередной поход греков закончился отступлением, очень похожим, по данным Киннама, на бегство („... чтобы войско гуннов не заставило его принять сражение, император пошел по пустынным и гористым местам"[16]). Эти сведения Киннама в основном совпадают с данными венгерских хроник[17]. Итогом войны нужно считать возврат к status quo. Здесь же Киннам в первый раз упоминает сербов, „далматинское племя" (ἔθνος Δαλματικό), которые восстали и разрушили крепость Рас (τὸ Ράσον)[18]. Попытка восстания не увенчалась успехом[19], но это известие позволяет нам судить о том, что сербские племена Рашки в 20-х годах XII в. находились под властью Византии.

Следующие свидетельства о венгро-византийских отношениях относятся к 1149 г. Как позднее сообщает Киннам, Мануил задумал в это время подчинить (μεταποιεῖσθαι) Венгрию[20]. Но в 1149 г. военные действия развернулись не против Венгрии, а против Сербии. Впрочем, нет сомнения, что и Венгрия и Сербия сами готовились к борьбе с империей и между ними даже существовала договоренность по этому вопросу[21]. В изложении Киннама война 1149 г. выглядит следующим образом. Мануил совершил поход против великого жупана Сербии[22], захватил Рас, взял множество пленных, занял область Νικαβάν, штурмом овладел крепостью Γαλίτζη и опустошил всю страну[23]. В столицу император вернулся только глубокой зимой[24]. В литературе было высказано мнение, что борьба с восставшими сербами осталась неокон-

[11] Эту датировку предлагают авторы Historija naroda Jugoslavije, I, str. 675; К. Я. Грот останавливается на дате 1128—1129 гг. (ук. соч., стр. 28).
[12] Cinn., p. 10.12.
[13] Βρανιτζόβη на месте древнего Виминация (Viminacium) на восток от впадения р. Моравы в Дунай, на север от г. Пожаревац. Ср. W. Tomaschek. Zur Kunde d. Hämus-Halbinsel, — SBAW, Bd. 99, Wien, 1882, S. 88—89.
[14] Nicetas Choniates. Historia. Bonnae, 1838, p. 24.
[15] По К. Я. Гроту, Храм — при впадении р. Нера в Дунай, около современного г. Базиаш (ук. соч., стр. 267, примеч. 2).
[16] Cinn., p. 13.3.
[17] К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 28.
[18] Cinn., p. 12.10. Некогда Шафарик („Славянские древности", II, стр. 431) считал, что τὸ Ῥάσον — это Ражан на р. Нишаве. Уже В. Г. Васильевский („Из истории Византии в XII веке. Союз двух империй". — „Труды", т. IV, 1930, стр. 48, примеч. 2) отверг это предположение и уверенно отождествил Рас с Новым Пазаром на р. Рашке.
[19] Historija naroda Jugoslavije, I, str. 267.
[20] Cinn., p. 214.22.
[21] Киннам даже указывает, что эта договоренность была ускорена приготовлениями Византии к войне с Сицилийским королевством. В. Г. Васильевский допускает, что нападение сербов на империю началось по прямому подстрекательству венгерско-сицилийского союза (ук. соч., стр. 47—48). Можно считать, что момент для нападения был выбран достаточно удачно (Cinn., p. 101.21).
[22] Ἀρχιζουπάνον (Cinn., p. 101.23). Имени его Киннам не сообщает, но К. Я. Грот считает, что это был Урош Младший, сын Белы-Уроша (ук. соч., стр. 149).
[23] Cinn., p. 102.18—103.6.
[24] Ibid., p. 103.20.

ченной[25]. Нет сомнения, что упомянутый район — это Рашская область, а не Далмация, как говорит Киннам[26]. Нет сомнения и в том, что военные действия велись одновременно и против Венгрии: русская летопись под 1149 г. сообщает, что король Гейза II (1141—1161) „ратен с царем“[27].

Следующая кампания — 1150 г. — представлена у Киннама более обстоятельным рассказом. Тут Киннам впервые упоминает о военных действиях против Венгрии, причем считает, что вступление последней в войну обусловливалось деятельностью бана Белуша — крупного венгерского вельможи и дяди великого жупана Сербии[28]. Византийская армия вступила в Лугомирскую жупу[29], приблизилась к Саве, но затем перешла к Дрину, и здесь венгерские войска были разбиты в первый раз. Другая византийская армия под командованием императора находилась по дороге в Сеченицу (εἰς Σετζενίζαν)[30], откуда направилась к р. Тара (Τάρα), где и нанесла решительное поражение сербам и союзным венгерским отрядам. Битва у Тары подробным образом описана у Киннама, причем его, как всегда, занимают в первую очередь ратные подвиги императора[31]. После своего поражения жупан Урош лично явился в лагерь Мануила и обещал в знак зависимости выставлять союзное войско из 2 тыс. воинов при походах императора в Европе и из 500 человек в Азии[32]. Киннам не совсем объективен относительно точного характера византийских потерь в этой войне. По верному наблюдению К. Я. Грота, он лишь глухо упоминает о критических положениях, в которые попадали греческие войска, в то время как Никита Хониат не скрывает того, что война началась для греков неблагополучно[33].

[25] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 49.

[26] Правда, в литературе было высказано мнение, что речь идет о Далмации (П. Срећковић. Стане и односи српских архонтија према Угрији и према Византији у половини XII века. — „Гласник“, кн. 54 (1883), стр. 155). Однако К. Я. Грот справедливо отвергает это мнение, ссылаясь на Никиту Хониата, который говорит только о Сербии (Nic. Chon., p. 121; К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 150, примеч. 1). Грот считает, что Γαλίτζη — это современный Галичник, а следовательно, речь идет о верховьях р. Вардар между г. Шар и р. Черный Дрин. Это мнение кажется нам убедительным. Однако нельзя согласиться с Гротом, когда он отказывается видеть в Νισαβά бассейн р. Нишавы, как это предлагал В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 48). К. Я. Грот считает, что бассейн Нишавы не был затронут сербским восстанием, но ничем не аргументирует своего мнения.

[27] „Ипатьевская летопись“ под 1149 г. Ценность русских летописей особенно велика для установления точной хронологии событий, о которых говорят византийцы. Кап-Герру, который опирается на одни только сведения византийских историков, так и не удалось решить проблему хронологии (H. von Kap-Herr. Die abendländische Politik Kaisers Manuels. Straßburg, 1881, S. 132—138).

[28] К. Я. Грот правильно считает, что причины этой войны определялись интересами более глубокими, чем симпатии политических деятелей (ук. соч., стр. 149—150). Остается, однако, непонятным, почему он видит у Киннама выступление Сербии в защиту Венгрии, а не наоборот (см. Cinn., 104.23: Γειτζᾶς... δυνάμεις ἐπισυμμαχίᾳ Δαλμάταις ἔπεμψεν), и почему он относит эти события к 1149, а не 1150 г. (Cinn., p. 104.4: διὰ τοῦ Λογγομπροῦ... χώρου).

[29] По мнению К. Я. Грота, Лугомирская жупа находилась по р. Лугомира, притоку Моравы, в восточной Шумадии (ук. соч., стр. 162, примеч. 3; ср. Ст. Новаковић. Српске области X и XII вв. пре владе Немањине. Београд, 1879, стр. 123—124).

[30] Cinn., p. 105.10. В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 58, примеч. 1) предлагал видеть здесь Ситницу, но К. Я. Грот, ссылаясь на Иречека (K. Ireček. Handelstrassen in Serbien und Bosnien. Prag, 1879, S. 77, 88), полагает, что большие дороги на Боснию, Дубровник и Рас перекрещивались именно в Сеченице, которая к тому же ближе к Таре, чем Ситница (ук. соч., стр. 163, примеч. 3).

[31] Cinn., p. 106—113.

[32] Ibid., p. 113.6.

[33] Nic. Chon., p. 121—122. См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 164.

В тщательной проверке нуждаются и сведения Киннама об отдельных исторических деятелях, особенно о бане Белуше (Βέλοσιο), великом жупане Уроше (Οὔρεσις) и жупане Вакхине (Βαχχῖνος). Последнего В. Г. Васильевский совершенно справедливо отказывается отождествлять с Белой-Урошем I, но неосновательно видит в нем Первослава[34]. Бан Белуш, существование которого засвидетельствовано византийскими, венгерскими и хорватскими источниками[35], характеризуется Киннамом в данном месте неточно. Историк сообщает, что Белуш был женат на сестре великого жупана и ослеплен. Ясно, что речь идет не о бане Белуше, а о короле Беле II Слепом (1131—1141), женатом на сестре великого жупана Уроша. Киннама ввело в заблуждение созвучие имен. Наконец, говоря о жупане Вакхине, Киннам вначале называет его „архижупаном“, но затем сам опровергает себя: рассказав о том, как Вакхин попал в плен, он сообщает, что вслед за этим к Мануилу пришли послы от „архижупана“, а затем и сам „архижупан“[36]. Недоразумение становится очевидным. В Вакхине видели то Первослава[37], то предводителя вспомогательного венгерского отряда[38], то даже Стефана Неманю[39]. Наиболее убедительной нам представляется гипотеза К. Я. Грота, предположившего в Вакхине одного из взятых в плен сербских военачальников по имени Βουλτζῖνος[40].

Таковы неточности и прямые ошибки Киннама в отношении исторических деятелей этой эпохи. Что же касается топонимики, то, как мы могли убедиться, он проявляет гораздо бо́льшую точность. Верны и его немногочисленные этнографические замечания. Правда, он упорно называет венгров то „пэонянами“ (Παιώνες), то „гуннами“ (Οὖννοι), а сербов именует „далматами“ (Δαλμάτοι), но чувствуется, что это не более как литературная традиция. Когда речь заходит о новых народностях, над которыми эта традиция не тяготеет, Киннам называет их своими собственными именами, как это он делает с печенегами (Πετζινάκοι)[41] и халисиями (Χαλισίοι)[42].

Вслед за рассказом об успешном для Византии завершении войны 1150 г. Киннам повествует о смене на великожупанском сербском престоле[43].

[34] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 94—95. По мнению современных югославских историков, имя Первослав носил один из сербских князей, на короткое время (около 1060 г.) сменивший Уроша II на великожупанском престоле (Historija naroda Jugoslavije, str. 267).

[35] Cinn., p. 104.13; Belus comis Palatinus et Banus, Belos, comite Palatino. MHH Diplomataria, VI,57—66.

[36] Cinn., p. 112.21.

[37] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей — болгарской, сербской и румынской. М., 1871, стр. 429, 539.

[38] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 59, примеч. 1.

[39] П. Срећковић. Стане и односи српских архонтија према Угрији и према Византији у половини XII века. — „Гласник“, кн. 54 (1883), стр. 180—186.

[40] Cinn., p. 108.16; см. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 166. В пользу этого предположения говорит то, что Киннам сравнительно кратко упоминает о Вулчине (III, 8), а затем, как бы разъясняя, — о Вакхине (III, 9). Кроме того, будь Вакхин членом великожупанского дома, Киннам едва ли умолчал бы о его дальнейшей судьбе.

[41] Cinn., p. 107.17.

[42] По сообщению Киннама (p. 107.16), это племена, исповедовавшие иудаизм особого толка, однако в другом месте он говорит, что халисии одной веры с турками (p. 247.17). По мнению В. Г. Васильевского, речь идет о „кализах“ (Caliz), которых хорошо знают венгерские хроники (ук. соч., стр. 58, примеч. 2), так что сведения Киннама оказываются вполне достоверными.

[43] Впрочем, он добавляет, что смена произошла через много времени (χρόνοις πολλοῖς ὕστερον — Cinn., p. 113.10). По мнению В. Г. Васильевского, эта смена произошла в 1153 г. (ук. соч., стр. 67), по мнению авторов „Истории народов Югославии“ — в 1155 г. (Historija naroda Jugoslavije, str. 268).

Урош II был смещен, а вопрос о престолонаследии передан на усмотрение Мануилу, однако император предпочел вернуть власть Урошу, а не передавать ее брату последнего — Деже (Δέσε)[44]. Легко догадаться о причинах подобного решения: Мануил, очевидно, не хотел создавать в Сербии династических недоразумений, могущих дать Венгрии возможность вмешаться в сербские дела[45], да и просто был заинтересован в сохранении трона за государем, уже связавшим себя вассальной присягой[46].

В 1151 г. война между Византией и Венгрией возобновилась, причем инициатором ее была Византия. На этот раз Мануил, по словам Киннама, стремился наказать Венгрию также и за враждебные действия против Владимирка Галицкого, которого в Константинополе считали если не вассалом, то во всяком случае союзником[47]. Война началась опустошением Срема — области между Савой и Дунаем[48], была сожжена королевская резиденция (Ῥηγικὴν... οἰκίαν) и взят Землин[49]. Крупных военных действий не развернулось. После набегов на венгерскую территорию (современный Банат) византийские отряды вернулись за Саву, куда вскоре прибыли и венгерские послы с предложением мира (осенью 1151 г.)[50]. Известную роль в событиях этого года сыграл венгерский принц-эмигрант, сын короля Коломана и Евфимии, дочери Владимира Мономаха, известный в литературе под именем Бориса Коломановича[51]. Перебежав на сторону греков, он оказался в руках Мануила удобной фигурой для притязаний на Венгрию. Такую роль он и сыграл в кампании 1151 г., когда на его сторону перешел передовой венгерский отряд, посланный против греков[52].

Отношения 1152 г. описаны Киннамом довольно кратко, еще короче освещены события, которые В. Г. Васильевский датирует временем от сентября 1152 до сентября 1153 г.[53]. Это — попытка Гейзы вновь приблизиться к Дунаю, сорванная контрмерами византийского правительства[54]. В 1154 г. византино-венгерские отношения осложняются вмешательством еще одного фактора. Андроник Комнин, будущий император, назначенный дукой Ниша и Браничева, договорился с венграми о сдаче им этих городов в обмен за помощь в достижении престола[55]. Попытка Андро-

[44] Cinn., p. 113.16.
[45] К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 194.
[46] Любопытно, что форма этой зависимости формулировалась в старых терминах; Урош, по словам Киннама, признал себя рабом ромеев (δοῦλος... ἔσεσθαι).
[47] Cinn., p. 115.19.
[48] Ibid., p. 114.7—20.
[49] Ibid., p. 115—10.
[50] Ibid., p. 119.16—120.10. — В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 66) отказывается видеть в этом поспешном предложении мира страх короля Гейзы II перед Фридрихом I, который в 1152 г. намеревался объявить войну Венгрии. К. Я. Грот, напротив, усматривает между этими фактами прямую связь (ук. соч., стр. 192).
[51] Подробный разбор биографических данных о Борисе Коломановиче см. у В. Г. Васильевского (ук. соч. Приложение II, стр. 79—91).
[52] То, что венгров привлек на свою сторону Борис, предположил В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 61), Киннам только сообщает о самом факте перехода (Ibid., p. 114.15).
[53] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 66, примеч. 3.
[54] Cinn., p. 121.11—15.
[55] Ibid., p. 126.14. — Ниже Киннам сообщает о том, что Андроник заключил договор о помощи также и с „королем германским" (τὸν Ἀλαμανῶν... ῥῆγα, Ibid., p. 127.1). К. Я. Грот (ук. соч., стр. 197, примеч. 3) подвергает сомнению это известие на том основании, что германский император Фридрих I в это время готовился заключить договор с самим Мануилом.

ника окончилась неудачей, но Гейза осенью того же (1154) года[56] вторгся в Срем вместе с боснийским баном Боричем (Βορίτζης), а также осадил Браничев[57]. В этой операции участвовали чехи и „саксы"[58] — очевидно, наемные рыцарские отряды. Император занял Смилу (Σμήλη)[59], вслед за чем последовало неудачное для греков столкновение с боснийскими войсками[60]. С трудом византийцам удалось удержать за собой пытавшийся отложиться Белград[61]. К началу кампании следующего, 1155 г. подошли суда, готовые перевезти греков на левый берег Дуная, и перед лицом этих приготовлений Гейза II был вынужден пойти на заключение мира, вернуть пленных, оружие, всю военную добычу и даже дать взамен павших у греков лошадей и волов других[62].

При изложении событий 1154—1155 гг. Киннам упоминает имя Стефана, сына Гейзы[63]. По мнению исследователей, Киннам допускает ошибку: Стефан, брат Гейзы (а не сын его) и будущий претендент на престол (впоследствии — Стефан IV), до 1158 г. находился при дворе Фридриха I и быть на дунайском театре военных действий, естественно, не мог. При византийской армии находился другой претендент на венгерский престол, все тот же Борис Коломанович, которого Киннам и путает со Стефаном[64]. О дальнейшей судьбе Бориса мы не встречаем сведений у Киннама. По другим данным можно установить, что именно в это время он был убит[65], и византийское правительство стало подыскивать другую фигуру для вмешательства в венгерские дела. На этом кончается последовательное изложение истории балканской политики империи в 1149—1155 гг., включенное Киннамом в III книгу.

К истории отношений Византии с Венгрией и Сербией историк возвращается в V книге, посвящая свой рассказ событиям, последовавшим за смертью Гейзы II, т. е. за 1161 г. По мнению Киннама, главным в византийской политике на данном этапе было стремление овладеть Венгрией[66]. В этом позволительно усомниться. Вполне возможно, что конечной целью правительста Мануила и был захват соседней страны на Дунае, но в данный момент речь шла, по-видимому, о меньшем: константинопольское правительство стремилось лишь поставить Венгрию в положение зависимого государства, а присоединить рассчитывало только Срем с Землином и Далмацию[67]. Подходящей фигурой для роли вассального правителя Венгрии и оказался брат Гейзы — Стефан, получивший после смерти короля титул „урума"[68]. Тут же Киннам сообщает

[56] Так датирует этот поход К. Я. Грот на том основании, что Киннам сообщает о дождях (Cinn., p. 131.20) и о последующей за ними зимовке (Cinn., p. 131.16).
[57] Cinn., p. 131.23.
[58] δυνάμεις ἔκ τε Τζέχων καὶ Σαξόνων (Cinn., p. 131.1).
[59] Между р. Моравой и Кучаинской планиной (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 71, примеч. 1).
[60] Cinn., p. 132.2—133.2.
[61] Ibid., p. 133.15.
[62] Ibid., p. 134.10.
[63] Στέφανον τὸν Ἰάτζα παῖδα (Ibid., p. 132.20).
[64] В. Г. Васильевский, решающий этот вопрос, справедливо замечает, что Киннаму нужно было объяснить присутствие венгров в византийской армии, о чем он знал из источников. Но он забыл о Борисе Коломановиче и некстати вспомнил о Стефане (ук. соч., стр. 71).
[65] Так решают вопрос В. Г. Васильевский (ук. соч., стр. 71, примеч. 4) и К. Я. Грот (ук. соч., стр. 203, примеч. 2) на основании ясного свидетельства Оттона Фрейзингенского (Otto Fris., II, 31. — MGH SS, t. XX, p. 414).
[66] Cinn., p. 214.22.
[67] Никита Хониат прямо свидетельствует об этом: τὴν τοῦ Ζευγμίνου καὶ Θραγγοχωρίου κατέσχεσιν (Nic. Chon, p. 166). См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 263—264.
[68] τὴν Οὐρούμ (Cinn., p. 203.19).

о попытке сербского великого жупана Первослава (Примислава — Πριμισθλάβος) отложиться. Он был смещен Мануилом и заменен его братом, баном Белушем, а через некоторое время — другим братом, Дежей, бывшим до этого времени правителем области Дендра (Δένδρα)[69]. В этом коротком, но очень важном свидетельстве особенно ценны указания на имена Первослава и Дежи и название Дендру[70], которая, как оказывается, еще не была присоединена к Византии. Эти сведения весьма ценны для суждения о переменах, происходивших в сербском государстве в начале 60-х годов. Если ученые прошлого столетия отождествляли Дежу и Стефана Неманю и относили вокняжение последнего к 1159—1160 гг.[71], то новейшая югославская историография отвергает это отождествление и считает Неманю младшим из братьев Тихомира, сына Завиды, вступившим на престол около 1170[72].

Несколько дальше Киннам вновь возвращается к событиям в Венгрии, где на короткий срок пришел к власти, а затем был изгнан, Стефан IV[73]. Киннам сообщает, что Мануил, узнав об этом, немедленно двинулся через Ниш в Белград[74], и мы можем, следовательно, сделать вывод, что император не оставил мысли о вторжении в Венгрию. Однако вторжения не последовало, и в том же 1163 г. Мануил вступает в переговоры с венгерским двором. О цели этих переговоров — женитьбе брата короля Стефана III, вновь занявшего престол, принца Белы, на дочери Мануила — Киннам сообщает подробно[75], об условиях же, которые были при этом выдвинуты, умалчивает. Этим условием была уступка в пользу Византии Срема. По-видимому, именно об этом условии Киннам говорит, хоть и очень глухо, несколько ниже[76], пока же он только сообщает, что Бела получил удел, завещанный ему еще его отцом[77].

На некоторое время установился мир, во время которого произошло очередное вмешательство Византии в сербские дела. Поводом послужило то, что Дежа, в свое время ставший великим жупаном с условием, что он передаст под власть Византии область Дендра[78], заявил собственные притязания на эту область. Он сделал попытку заручиться поддержкой со стороны германского императора и отказался помочь Мануилу в походе против венгров[79]. В довершение Мануилу удалось узнать о сношениях Дежи с королем Венгрии[80]. Дежа был вызван к императору, посажен под стражу в Сербии[81] и через некоторое время отправлен в заключение в Константинополь.

Мир с венграми вскоре был нарушен. Киннам возлагает вину за это на короля Стефана III[82], утверждая, что претендент на престол, Стефан IV, только нанес ответный удар во главе византийских войск, но надо полагать, что наш историк или неточен, или небеспристрастен. Подлинной причиной возобновления войны было то, что греки намеренно оставили в Среме свои войска, находившиеся в постоянной боевой готовности под командованием Стефана IV, которого Мануил не лишил своей поддержки. Не совсем точен Киннам и в своих сообщениях относительно места переправы Стефана IV через Дунай: он указывает на Анхиал (δι' Ἀγχιάλου)[83], что является опиской или плодом недоразумения[84]. Наконец, можно корректировать сведения Киннама еще в одном отношении. Историк сообщает, что Стефан IV опрометчиво начал вторжение в Венгрию и войско его вскоре стало уменьшаться[85]. На самом деле претендент достиг значительных успехов, создал партию своих сторонников и добрался до Эстергома — столицы страны[86]. Сообщить о слабости претендента Киннаму потребовалось, надо полагать, для того, чтобы оправдать появление византийских войск во главе с самим императором на территории Венгрии[87]. Для отпора грекам король собрал большое войско, дополненное отрядами немцев и кочевых придунайских племен[88]. Тем временем Мануил перешел Дунай и двинулся к г. Пагацию (Παγάτζιον)[89]. Киннам сообщает любопытные данные о радушной встрече, оказанной императору местным населением, которое вышло ему навстречу во главе со своим духовенством[90]. По мнению исследователей, этот факт является убедительным доказатель-

---

69 Cinn., p. 204.1—21.

70 В. Г. Васильевский считал, что Дендра — это Шумадия (лесная область на запад от р. Морава. — Ук. соч., стр. 67). К. Я. Грот предлагал считать Дендрой бассейн между Топлицей и Южной и Западной Моравами (ук. соч., стр. 194, примеч. 4).

71 При этом расчеты опирались на свидетельство жития Стефана Немани, написанного его сыном архиепископом Саввой, о том, что Неманя родился в 1114 г. и достиг власти („принял владычество") 46 лет от роду (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., Приложение III, стр. 93).

72 Historija naroda Jugoslavije, str. 353—354.

73 Cinn., p. 212.9.

74 Ibid., p. 214.9. Мануил прибыл в Белград в начале лета 1163 г. (см. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 291).

75 Cinn., p. 215.2.

76 Некоторое время спустя король Стефан III клятвенно подтвердил свои прежние обещания (ὑπέσχετο δευτέροις ἐπικατελαμβάνειν ὅρκοις. — Cinn., p. 224.12). По предположению К. Я. Грота, эти прежние обещания и заключались в уступке Срема (ук. соч., стр. 291).

77 О том, что этим уделом была Далмация, Киннам сообщает ниже (Cinn., p. 247.22). К. Я. Грот убежден, что под Далмацией следует понимать и Посавскую Хорватию (ук. соч., стр. 293, примеч. 2).

78 Πρὸς δὲ καὶ ὡς παντάπασι Δένδρας Ῥωμαίοις ὑπεκστήσεται (Cinn., p. 204.20).

79 Ibid., p. 213.2.

80 В разговоре с послами венгерского короля Дежа будто бы назвал последнего своим господином (κύριον αὐτόν... ὀνόμασας... — Cinn., p. 213.20).

81 Киннам добавляет, что место пребывания Дежи под стражей с этого времени стало называться „валом Дежи" (Δέσε χάρακα. — Cinn., p. 214.2). В. Г. Васильевский видел в нем „Дежево поле" около Нового Пазара (ук. соч., стр. 96). К. Я. Грот вслед за П. Сречковичем (П. Срећковић. Историја српског народа. Београд, 1884, кн. I, стр. 225) ищет это место по р. Мораве, около с. Тешица (ук. соч., стр. 288, примеч. 1).

82 νέος Παιόνων ῥῆξις... ἐπεβάτευε κλήρου καὶ παρεσπόνδει τοῦ Βέλα (Cinn., V, 6—p. 126.18).

83 Cinn., p. 216.20.

84 К. Я. Грот вслед за венгерским историком Фесслером (Fessler. Geschichte der Ungern. Leipzig, 1815, S. 104) предлагает читать вместо Ἀγχιάλος — Akimink, т. е. Acimincum, современный г. Петроварадин (ук. соч., стр. 296—297).

85 Cinn., p. 216.21—217.7.

86 Об этом свидетельствует грамота, изданная Стефаном IV в Эстергоме в 1163 г., на которую ссылается К. Я. Грот (ук. соч., стр. 297). Грот упоминает издание И. Кукулевича-Сакцинского. В издании Т. Смичикласа (Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Ed. T. Smičiklas, II. Zagreb, 1904) этот документ помещен под № 94. Это — подтверждение судебного решения, которым бан Белуш присудил лес Дубрава загребскому епископу Бернарду (см. T. Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II. Zagreb, 1904, p. 97—98).

87 Император расположился лагерем у χώρα Πετρίχον (Cinn., p. 217.17).

88 τῶν πρὸς τῷ Ταύρῳ ἱδρυμένων Σκυθῶν (Cinn., p. 218.8). Киннам, как видим, употребляет совсем другое выражение, чем при характеристике русских (ср. χώρας Ταυροσκυθικῆς). Это заставляет нас видеть в упомянутых им „скифах" кочевые (возможно, половецкие) племена.

89 Cinn, p. 222.5. По мнению К. Я. Грота, это Бач (Bacz. Ук. соч., стр. 308).

90 Cinn., p. 221.2—9.

ством существования православия между Савой и Дунаем и даже в Южной Венгрии[91].

Вслед за этим Киннам помещает рассказ об отправке Мануилом послов к чешскому королю Владиславу, пришедшему на помощь Стефану III, — рассказ, достоверность которого уже подвергалась сомнению в исторической литературе.[92] Более правдоподобно известие о том, что, заключив мир с Венгрией (при деятельном посредничестве Владислава), Мануил, наконец, лишил своей поддержки Стефана IV и рекомендовал последнему отказаться от своих прав на венгерский престол[93], хотя Киннам сопровождает это сообщение подробностями сомнительного свойства[94]. По всей видимости, Мануил утратил надежду на восстановление своего ставленника в Венгрии, хотя в 1164 г. в связи с обострением византино-венгерских отношений император, по словам Киннама, вернулся к этой мысли[95].

События 1165 г.: возобновление военных действий со стороны Венгрии, создание Мануилом широкой коалиции для борьбы с ней, посылка на Дунай византийского флота, осада и взятие Землина венграми, смерть Стефана IV — все это изложено Киннамом достаточно ярко и подробно. Но самым обстоятельным разделом в его повествовании о кампании 1165 г. является рассказ о взятии Землина греками[96]. Детальность и достоверность этого рассказа дали исследователям основание полагать, что Киннам был свидетелем этих событий[97]. Они нашли достаточное отражение в литературе[98], и мы не считаем необходимым останавливаться на них. Затем Киннам говорит о том, что последствием византийских успехов был переход под власть императора всей Далмации, которая была покорена „в короткий срок" (ἐν βραχεῖ)[99]. Киннам упоминает о 57 покоренных городах и приводит названия некоторых из них: Шибеник (Σεβένικος), Сплит (Σπάλαθος), Дукля (Διοκλεία)[100], Шкодер (Κάρδων), Островица (Ὀστρουμπίτζα), Салона (Σάλων) и Трогир (Τραγούριον)[101]. Вместе

[91] К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 307. Вероятно, это имеет в виду Г. Острогорский, когда пишет, что венгерское духовенство поддержало Мануила (G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 344), однако он не уточняет, идет ли речь обо всей Венгрии или только о ее южной части.

[92] К. Я. Грот справедливо отмечает, что совершенно невозможно поверить, чтобы гонец Мануила произнес перед чешским королем такую высокомерную речь, называя короля рабом императора. Грот склоняется к мнению Викентия Пражского, рисующего эти переговоры в менее благоприятном для византийцев свете (ук. соч., стр. 313 сл.).

[93] Cinn., p. 224.18.

[94] Так, трудно поверить в существование племянника Стефана IV, которого тот, по сообщению Киннама (Cinn, p. 224.23), посылает вместо себя в Венгрию: ни один венгерский источник не подтверждает реальность этого лица.

[95] К. Я. Грот (ук. соч., стр. 326) сомневается в достоверности этого сообщения.

[96] Cinn., p. 240—248.

[97] Gy. Moravcsik. Op. cit., p. 325.

[98] К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 341—345; Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М., 1948, стр. 270.

[99] Cinn., p. 249.3.

[100] Впрочем, в некоторых изданиях Киннама [изд. Корнелия Толли, 1652 г., p. 272; см. также F. Babos. Adalékok Kinnamos szövegtörténetehez (Symbolae ad historiam textum Cinnami). Budapest, 1944, p. 12] мы находим не Διοκλεία, а Κλεῖς, и на этом основании было выдвинуто мнение, что речь идет не о Дукле, а о Клише.

[101] Впрочем, новейшая югославская историография считает, что Трогир не попал в число взятых византийцами городов и областей, так же как не попали в их число бóльшая часть Славонии, Северная Далмация и о-ва Брач, Хвар и Вис (Historija naroda Jugoslavije, str. 677). Характерно, что Задар не упоминается в этом списке захваченных византийцами городов. Может быть, это дает основание предположить, что он еще раньше перешел под власть Византии, с которой его связывала прочная политическая и культурная традиция? (См. V. Novak. Neiscorišćavana kategorija

со сведениями о переходе Далмации под власть Византии Киннам сообщает и о мирных предложениях венгров, которые были отвергнуты Мануилом[102].

Византия добилась решающих побед в войне с Венгрией, но военные действия на этом не закончились. К 1166 г. относится экспедиция венгерского полководца Дионисия, перед которым была поставлена задача вновь занять Срем[103]. Склоки между византийскими военачальниками привели к поражению греков[104]. Киннам стремится умалить их потери: по его словам, венгры нарочно насыпали как можно больше земли над телами немногих павших греков, чтобы усилить впечатление своей победы[105]. Желая нанести ответный удар, Мануил привлек в свое войско массу влахов, „считавших себя выходцами из Италии"[106]. Удар был подготовлен сразу с двух сторон: со стороны Срема и от устья Дуная, но нанесен только со второго направления. Бездействие греков на сремском фронте Киннам объясняет изменнической пассивностью командующего — Алексея Аксуха[107]. Мануил не удовольствовался одним успешным походом, он направил в Венгрию второе войско (под начальством Лампарды и Петралифы), которое получило задание проникнуть туда через Русь („Тавроскифию")[108]. Этот успешно завершившийся поход был окончен только поздней осенью 1166 г.[109]

В это время в византино-венгерские отношения вмешиваются новые силы: Киннам сообщает о прибытии в Софию к Мануилу герцога австрийского Генриха (Эрика — Ἐρρίκος) Язимиргота с предложением услуг от Фридриха I по заключению перемирия между обеими воюющими странами[110]. Посредничество было принято, однако перемирие оказалось недолговременным. Оно было снова нарушено Венгрией, стремившейся возвратить отторгнутую у нее Далмацию[111]. Есть основания полагать, что и в самой Далмации были сильны элементы, недовольные византийским господством[112], хотя Киннам избегает прямо говорить об этом. Во всяком случае в конце 1166 г. Далмация снова оказалась в руках Венгрии. Это создало неизбежность новой и последней (в описании Киннама) войны Византии с Венгрией, о которой историк сообщает

dalmatinskih historijskih izvora od VIII. do XII. stoleća. Radovi Instituta Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti u Zadru. Sv. III. Zagreb, 1957, str. 70).

[102] Cinn., p. 247.20—243.18. Об этом посольстве ничего не знает Никита Хониат, но это не дает нам оснований отвергать данные Киннама (как это делает G. A. Fessler. Die Geschichte der Ungern... Leipzig, 1815, S. 113). Никита Хониат ничего не знает и об экспедиции в Далмацию.

[103] Cinn., p. 257. 20.

[104] Ibid., p. 258.3—259.12. Киннам сообщает, что эти раздоры были связаны с тем, что один из полководцев (Михаил Гавра) был дукой области, а другой (Михаил Врана) — командующим, и таким образом весь эпизод хорошо иллюстрирует особенности византийской системы управления.

[105] Ibid., p. 259.23. К. Я. Грот считает, что потери греков должны были быть весьма значительны (ук. соч., стр. 356, примеч. 3).

[106] Cinn., p. 260.9.

[107] Ibid., p. 268.20. К. Я. Грот считает, что если Аксух и уклонялся от сражений, то лишь под влиянием бывшего вместе с ним венгерского принца Белы, щадившего своих соплеменников (ук. соч., стр. 359).

[108] εἰς τοὺς προσοικοῦντας τὴν Ταυροσκυθικὴν ἐμβαλεῖν Οὐννοῖς (Cinn., p. 260.21). К. Я. Грот считает, что поход должен был совершиться в нынешние Молдавию, Буковину и Северную Трансильванию (ук. соч., стр. 360).

[109] См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 360.

[110] Cinn., p. 261.15.—262.16.

[111] Οὖννοι οὐ πολλῷ ὕστερον Δαλματίαν αὖθις ἀφελέσθαι διενοήθησαν (Ibid., p. 262.20).

[112] См. рассказ Киннама о том, как быстро растаял отряд Никифора Халуфы, состоявший, видимо, из местного населения (Ibid., p. 263.3—9).

самые подробные сведения. Император, отказавшись вести переговоры с прибывшими к нему послами Стефана III, направил против венгров войско под командованием Андроника Контостефана. Битва венгров с этим войском, щедро укомплектованным союзными контингентами[113], произошла, по словам Киннама, между Савой и Дунаем[114]. Она закончилась решительной победой греков, которая завершила длинную цепь военных столкновений и на 13 лет (до смерти Мануила) закрепила за Византией как Срем, так и Далмацию.

К лету 1168 г.[115] относится попытка сербов восстать, о чем Киннам сообщает очень кратко, да и не в том месте, где следовало бы[116]. У Вильгельма Тирского и Никиты Хониата имеются по этому поводу гораздо более подробные сведения[117].

Последние сообщения Киннама о византино-венгерских отношениях касаются 1172—1173 гг. В 1173 г. ставленник и родственник Мануила, принц Бела, занял, наконец, венгерский престол, предварительно связав себя обещаниями в отношении империи[118]. Это был, действительно, крупный политический успех Византии. И в том же году Мануил совершил поход против великого жупана Сербии, которым был уже Стефан Неманя, взял последнего в плен и отвел в качестве пленника в Константинополь[119].

Такова краткая сводка сведений, которые представляет Киннам в распоряжение историков относительно политики Византии на Балканах.

Обратимся к тем данным, которые сообщает историк о русских княжествах XII в. Русские земли Киннам именует, как того требовали каноны литературного языка, Тавроскифией[120], и упоминания о них можно найти в пяти местах его работы. Первый раз он сообщает, что „тавроскифские границы“[121] достигают устья Дуная. Во втором, более подробном сообщении Киннам рассказывает, что поход 1151 г. против Гейзы Мануил предпринял главным образом в отместку за нападение на галицкого князя Владимирка, кончившееся поражением галичан[122]. Именно здесь в первый раз Киннам упоминает о союзных отношениях между константинопольским двором и галицким князем. О родственных связях между ними, которые сыграли свою роль в дальнейшем развитии событий, Киннам ничего не сообщает. Следующее упоминание о русских землях относится к 1165 г., когда Киннам отмечает присутствие союзных русских отрядов в войске венгерского короля[123]. И около того же 1165 г. мы читаем у Киннама о возвращении Андроника Комнина из Галицкой Руси[124]. Пребывание же Андроника на Руси составляет содержание последнего, самого пространного из свидетельств Киннама о русских землях, на котором мы считаем необходимым остановиться подробнее.

В конце 10-й главы V книги Киннам рассказывает, что Андроник, просидевший под стражей около девяти лет[125], бежал к галицкому князю Ярославу, где был принят чрезвычайно дружелюбно[126]. Весьма возможно, что дружественный прием Андронику был одним из проявлений отхода Ярослава Осмомысла от политики дружбы с Византией, которой придерживался его отец. Но очень вероятно, что Ярославом двигали в этот момент и родственные чувства[127] Вскоре после прибытия Андроника на Русь император отправил туда посольство, во главе которого был поставлен некий Мануил, по словам Киннама, „производивший свой род от Комнинов“[128], личность, по поводу которой в литературе возникла обширная полемика[129]. Нам кажется, что лицо, названное у Киннама Мануилом из рода Комнинов, вряд ли можно считать сыном Андроника Комнина, ибо в таком случае оно не смогло бы выполнить свою основную задачу — нейтрализовать влияние Андроника[130].

---

113 См. об этом ниже, стр. 50.

114 Ἀνδρόνικος οὖν ἐπὶ Σᾶον διαβὰς ἐπειδὴ ἄγχιστα τοῦ Οὔννων ἐγένετο στρατοπέδου (Cinn., p. 270.9). Впрочем, К. Я. Грот, ссылаясь на сведения Никиты Хониата (Nic. Chon., p. 204), считает, что бой произошел по ту сторону Дуная, т. е. на венгерской стороне (ук. соч., стр. 373—374). В данном случае можно положиться на достоверность рассказа Никиты, тем более что он сообщает и точную дату сражения — день св. Прокопия (8 июля 1167 г. — Nic. Chon., p. 199).

115 Дату мы уточняем на основании сообщения Вильгельма Тирского (см. Recueil des histoires des Croisades, vol. I, part II. Paris, 1844, p. 946).

116 Cinn., p. 249.20. В 1165 г. сербы не предпринимали никаких попыток к отложению, они даже участвовали в походе Мануила против венгров (Cinn., p. 236.16).

117 У Никиты Хониата мы находим целый рассказ о клятвенных заверениях великого жупана жить в мире с империей и о нарушении этих заверений (Nic. Chon., p. 178). Вильгельм Тирский добавляет к этому, что Мануил в том же году в отместку за нарушение мира захватил великого жупана (Wilgelmus Tyrensis, XX, 4). В повествовании Никиты есть одна важная подробность: он называет великого жупана Дежей, и это свидетельство позволяет согласиться с точкой зрения югославских историков, доводящих правление Дежи до 1168 г. (Historija naroda Jugoslavije, str. 268).

118 Cinn., p. 287.9.

119 Ibid., p. 288.3. Этого имени Киннам, впрочем, не сообщает. Мы находим имя Немани в речи Евстафия Солунского, посвященной победам Мануила в Сербии (Eustathii Opuscula, ed. Tafel. Francofurti ad Moenum, 1842, p. 419—420; см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 100—101).

120 Γαλίτζης χώρας Ταυροσκυθικῆς (Cinn., p. 115.16).

121 τῶν Ταυροσκυθικῆς ὁρίων (Ibid., p. 94.12). К. Я. Грот считает это важным доказательством того, как далеко на юг простиралась Галицкая земля.

122 Cinn., p. 115.14—19. Историю этой битвы, которая произошла на р. Сан поздней осенью 1151 г., излагает К. Я. Грот по данным „Ипатьевской летописи“ (ук. соч., стр. 172—177).

123 Cinn., p. 242.17.

124 Ibid., p. 250.1.

125 Киннам, впрочем, выражается недостаточно определенно: ἔνθα ἐνναετὴς οἶμαι κατεῖρκτο (Cinn., p. 232.11). Если считать, что Андроник был посажен в тюрьму в 1154 г., то его прибытие на Русь можно датировать 1163—1164 гг. Это вполне сходится с показанием „Ипатьевской летописи“ (1164 г.).

126 φιλοφροσύνης ἠξίωσεν (Cinn., p. 232.11).

127 Проблема родственных связей между византийским и галицким дворами была в наиболее законченной форме поставлена в работе С. П. Шестакова „Византийский посол на Русь Мануил Комнин“ (Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913, стр. 366—381). С. А. Шестаков считает, что Андроник был сыном севастократора Исаака и русской княжны, дочери галицкого князя Володаря, а следовательно, родственником Ярослава. Мысль эта сама по себе заслуживает внимания, но аргументация С. П. Шестакова вызывает возражения. Так, он доказывает славянское происхождение Андроника тем, что последний в тюрьме сумел найти общий язык с приставленным к нему рабом-славянином (стр. 381).

128 ὁ ἐς Κομνηνοὺς τὸ γένος ἀνέφερεν (Cinn., p. 232.4).

129 Кап-Герр, например, совершенно ошибочно считал, что на Русь путешествовал сам император Мануил (Kap-Herr. Op. cit., S. 143). К. Я. Грот отмечает нелепость этого предположения, но своего мнения не высказывает. С. П. Шестаков пришел к выводу, что на Русь был послан сын Андроника, который, по словам Никиты Хониата (Nic. Chon., p. 169), помог отцу бежать из тюрьмы (С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 381). Г. Вернадский отверг это предположение потому, что сыну Андроника в это время не было еще 20 лет и он вряд ли мог бы произвести на русских князей впечатление столь важного вельможи, как об этом говорится у Киннама (τηλικοῦτω. . . πρεσβευτῇ — Cinn., p. 235.6; G. Vernadsky. Relations byzantino-russes au XIIe siècle. — Byz., vol. IV, 1927—1928, p. 271). В. Мошин соглашается с Г. Вернадским (В. Мошин. Русские на Афоне и византийско-русские отношения в XI—XII вв. — BS, XI, 1950, стр. 50, примеч. 21).

130 Между тем Киннам прямо говорит об этой задаче посольства (Cinn., p. 232.7). Кроме того, по мнению В. Мошина, отпадает предположение, что сына Андроника

Следует остановиться на упомянутых Киннамом именах русских князей. Это, во-первых, имя Ростислава, который трижды назван правителем Руси[131] и о котором Киннам говорит, что он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь против Венгрии[132]. Это позволяет видеть в упомянутом Ростиславе великого князя киевского Ростислава Мстиславича, а также судить о том, что его отношения с Византией, которые были натянуты в начале его правления, впоследствии изменились к лучшему. Но Киннам упоминает и другого князя по имени Примислав, о личности которого развернулись споры. Сложность этого вопроса порождена беспорядочностью изложения Киннама. Вначале он упоминает о Примиславе, у которого посол заручился согласием выставить вспомогательное войско, затем — о Ростиславе Киевском, вслед за этим — о Ярославе Осмомысле, которого послу удалось отвратить от союза со Стефаном Венгерским, и сразу же после этого идет сообщение, что Примислав согласился отказаться от союза с Венгрией[133]. Вполне убедительным представляется нам предложение, что Киннам или его копиист в последнем случае допустили простую описку, назвав Ярослава Примиславом, и что Ярослава с Примиславом отождествлять никак нельзя. Однако С. П. Шестаков воспользовался этим обстоятельством, чтобы предложить свою конъектуру этого имени: Примислав = Първослав = Ярослав. На этом основании он в Примиславе, упомянутом в первом случае, (согласившемся выставить вспомогательное войско), также видит Ярослава и выдвигает версию о дружественных отношениях между Византией и Галицкой Русью около 1165 г.[134]

Это мнение нам кажется малообоснованным, ибо в Примиславе, упомянутом в начале рассказа у Кинама, гораздо естественнее видеть Мстислава Изяславича Волынского, как это уже предполагалось в литературе[135].

У Киннама есть еще одно упоминание о русских князьях. Он сообщает о приходе в Византию около 1165 г. некоего „владетеля Тавроскифии" Владислава[136], которому была пожалована придунайская область, ранее бывшая в распоряжении другого русского князя-эмигранта, Василько, „сына Георгия" (βασιλίκα... τῷ Γεωργίου παιδί)[137]. Личность Владислава определить не удается, но имя Василько известно из русской летописи, которая фиксирует факт бегства на Дунай сыновей Юрия Долгорукого[138].

нарочно выбрали в качестве посла, чтобы вернуть будущего императора в Византию: в действительности за Андроником в 1165 г. были посланы два митрополита, как об этом говорит „Ипатьевская летопись".

[131] Cinn., p. 232.5.: ἄρχοντα... τῶν ταυροσκυθῶν. Cinn., p. 235.4, 236.8: ἡγεμονεύων. То, что Киннам упоминает его имя в трех разных местах, объясняется, по мнению К. Я. Грота, недоразумением.

[132] Cinn., p. 236.9.

[133] Ibid., p. 235.I—236.3.

[134] С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 379—381. В литературе принято мнение, что византино-галицкие отношения при Ярославе серьезно ухудшились.

[135] См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 330; G. Vernadsky. Op. cit., p. 271. В. Мошин обосновывает гипотезу о Мстиславе Волынском указанием на то, что это был один из самых крупных русских князей (после смерти Ростислава в 1169 г. он занял киевский престол), к тому же в какой-то мере связанный с Византией: он дважды охранял от половцев византийских купцов на Днепре (ук. соч., стр. 53).

[136] Cinn., p. 236.20.

[137] Ibid., p. 236.23.

[138] „... Том же лете идоша Гюргевичи Царюгороду, Мстислав и Василко с матерью,... и дасть царь Василкови в Дунаи городы..." („Ипатьевская летопись", под 1162 г.).

Интересно отметить, что русские князья фигурируют у Киннама с самыми различными титулами: ἄρχων[139], δυναστής[140], ἡγεμονεύων[141], φύλαρχος[142]. Этот перечень показывает, что византийское правительство отдавало себе отчет в различном удельном весе русских князей[143] и стремилось путем тонко разработанной терминологии подчеркнуть их неравноправное положение по отношению к империи[144].

Значительный интерес представляет и характеристика отношений Византии со странами Западной Европы. Наш историк начинает эту характеристику со времени Второго крестового похода. Он сообщает об участниках похода, причем называет немцев кельтами (Κελτοί), а французов — германцами (Γερμανοί)[145], и о том, что император направил к приближающимся крестоносцам послов невысокого ранга (во главе с „неким" Макремволитом)[146]. Очевидно, император чувствовал себя вполне уверенно после победы над турками в 1146 г. и не желал связывать себе руки в последующих событиях. Послы заручились согласием крестоносцев дать клятву в дружественных намерениях[147], и войско крестоносцев, которое Киннам определяет фантастической цифрой в „90 мириад"[148], вступило на территорию империи. Любопытно, что Конрада III Киннам и здесь и ниже упорно называет королем (ῥήξ)[149].

Вину за последующее обострение отношений между крестоносцами и греками Киннам целиком возлагает на первых[150]. Отдельные столкновения между ними стали перерастать в настоящие сражения и „открытую войну"[151], о чем Киннам сообщает с нарочитой обстоятельностью. О накаленности обстановки в 1147 г. можно судить и по приводимой Киннамом переписке Мануила с Конрадом, содержащей открытые угрозы по адресу последнего[152].

Историю перехода немцев через Малую Азию и их поражения при Дорилее Киннам излагает достаточно точно и не скрывает при этом

---

[139] Cinn., p. 115. 18—19; p. 232.5; p. 235.11.

[140] Ibid., p. 236.20.

[141] Ibid., p. 232.7; p. 236.8.

[142] Ibid., p. 236.11.

[143] Любопытно, что Юрия Долгорукого — „Георгия" — Киннам называет первым среди правителей („филархов") на Руси (Ibid., V, 12—p. 236.23).

[144] G. Vernadsky. Op. cit., p. 273.

[145] Cinn., p. 67.4.

[146] Ibid., p. 67.13.

[147] ὅρκοις τὸ πράγμα βεβαιώσασιν ἔξεσθαι (Ibid., p. 68.9).

[148] Ibid., p. 69.20. Ф. И. Успенский читает „90 тысяч", да и то находит эту цифру сильно преувеличенной (ук. соч., стр. 224).

[149] Cinn., p. 6.13. Формально Киннам оказывается прав: Конрад III, действительно, не носил императорского титула, но, конечно, историк стремится здесь не соблюсти истину, а принизить западных государей по сравнению с императором Мануилом. Этой же цели служат помещенные несколькими строками ниже рассуждения об иерархии, где короли названы стоящими ниже императора (Cinn., p. 69.5).

[150] Cinn., p. 70.22.

[151] Ibid., p. 72.18.

[152] По поводу достоверности этой переписки мнения разделились. Одно время господствовала тенденция подвергать эти сообщения Киннама большому сомнению (W. Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit, Bd. IV, 1877, S. 408, 479 ff.; H. von Kap-Herr. Op. cit., S. 16.28). Так же скептически оценивает известия Киннама и Ф. И. Успенский, который ни словом не упоминает о кровавых стычках под стенами столицы (ук. соч., стр. 221). Однако в последнее время заметен возврат к мнению Куглера (Kugler. Studien zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges (1866), S. 36, 126 ff.; Analekten zur Geschichte des zweiten Kreuzzuges (1878), S. 66 ff.) о достоверности сведений Киннама по этому поводу (см. F. Chalandon. Op. cit., vol. II, p. 279; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 331).

своего злорадства[153]. Отдельную главу историк посвящает описанию встречи Мануила с Людовиком VII, настроенным гораздо враждебнее по отношению к Византии, чем Конрад[154], но договорившимся с Константинополем более успешно, чем это удалось Конраду[155]. Киннам сообщает о раздорах внутри крестоносного войска[156], приводит интересные сведения о начавшемся сближении Мануила и Конрада (первый визит Конрада из Палестины на отдых во Фракию и Константинополь[157] и второй — в Солунь[158]. Именно в это время Конрад, по словам Киннама, договорился с Мануилом о передаче последнему Южной Италии[159]). В новейшей литературе существует мнение, что этому сближению способствовала неудача Второго крестового похода[160].

Киннам обнаруживает большую осведомленность относительно развития византино-германских отношений в 50-е годы XII в. Он тонко улавливает двойственность в поведении Фридриха I, которая наступила после заключения брачного союза между ним и племянницей Мануила Марией[161]. Тем не менее, несмотря на риск потерять поддержку немцев, правительство Мануила решает силой добиться реализации своих планов в Южной Италии.

Открытому военному столкновению на суше между Византией и Сицилийским королевством предшествовал длительный период борьбы в Эгейском и Адриатическом морях. Начало этой борьбы положено известным набегом норманского флота в 1147 г. на Коринф, Эвбею и Фивы, которые были начисто разграблены[162], и на Коркиру, которая была захвачена сицилийцами[163]. Византия была не в состоянии сразу же нанести ответный удар: для этого следовало предварительно получить содействие Венеции ценой дополнительных торговых привилегий[164]. Только после этого удалось приступить к осаде Коркиры. Осада долго тянулась безуспешно: крепость была отлично укреплена[165], а среди

[153] Cinn., p. 81.23.

[154] Это мнение основывается на близости Людовика к врагу империи — Рожеру Сицилийскому — и прочно укрепилось в литературе (К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 127—128; Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 222; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 339) и имеет под собой достаточные основания: по словам Одона Дейльского, среди французских рыцарей серьезно обсуждался вопрос о взятии Константинополя штурмом (Odo de Diogilio, p. 35; см. у В. Г. Васильевского. Ук. соч., стр. 24).

[155] Нельзя в этом не усмотреть уроков столкновений между немцами и греками под стенами гогода (Cinn., II, 17).

[156] Cinn., p. 85.16. Киннам пытается объяснить эту вражду насмешками конного французского войска над германскими пехотинцами. Факт может служить основанием для выводов о значительном удельном весе крестьянства в немецком крестоносном войске.

[157] Cinn., p. 86.13—14. По мнению исследователей, Конрад пробыл в Константинополе до весны 1148 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 27).

[158] Cinn., p. 87.4—6. Этот визит длился с сентября 1148 г. до весны 1149 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 32).

[159] Cinn., p. 87.6—11. У Киннама речь идет обо всей Италии, но, по мнению В. Г. Васильевского (ук. соч., стр. 33, примеч. 2), выражение „Италия" у византийских историков часто означает лишь Апулию и Калабрию.

[160] G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 340.

[161] Cinn., p. 135.12. Фридрих в данный момент гораздо больше нуждался в союзе с папой — другом норманнов, чем с Мануилом — их врагом, так как ему предстоял поход в Рим для коронации (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 108).

[162] Особенно подробно сообщает об этом Никита Хониат (Nic. Chon., p. 101—102).

[163] Cinn., p. 92.11—17.

[164] См. грамоты от октября 1147 и марта 1148 гг. (Tafel. Fontes rerum Austriacarum, vol. XII, p. 50—51). У Киннама нет упоминания об этих торговых уступках.

[165] Cinn., p. 99.11.

греков и венецианцев непрерывно вспыхивали раздоры[166]. Только после поражения сицилийского флота[167] крепость сдалась прибывшему на остров императору[168].

Отношения империи с сицилийским королевством не улучшились и после вступления на престол Вильгельма, хотя последний и предлагал Мануилу возмещение убытков, причиненных набегом 1147 г.[169] Мануил ответил на это посылкой к берегам Пелопоннеса флота[170], потерпевшего страшное поражение. В таких условиях и началась византийская военная экспедиция в Южную Италию в 1155 г. В Апулию было направлено отборное войско под командованием севастов Михаила Палеолога и Иоанна Дуки, которых сопровождал крупный феодал с юга Италии Александр Гравина[171]. С помощью золота была создана коалиция всех недовольных политикой Вильгельма, к которой одним из первых примкнул двоюродный брат короля Роберт Басавила, граф Лорителло[172]. Вначале действия греков были весьма успешны, под их власть перешли города Вести (Βεστίαν) и Фано[173]. Бывший центр византийского господства, Бари, был взят с помощью подкупа, и жители города, невзирая на уговоры греческих полководцев, сами до основания разрушили городскую цитадель, ставшую к этому времени оплотом норманского владычества[174]. Эта подробность проливает дополнительный свет на причины византийских успехов в Апулии. Вслед за Бари сдались Трани (Τρᾶνιν), Джовенаццо (Γιβενατζιόν)[175], Антр (Ἄντρον), Барлетто (Βαρλέτ), Монтепелозо (Μοντοπολοῦς), Гравина (Γραβίναν) и 50 мелких местечек[176].

Все эти успехи породили в греческом лагере неоправданную самоуверенность, и своей высокомерной политикой византийцы вскоре оттолкнули от себя своих временных союзников. Киннам не признается в этом, но из его сообщений мы смело можем сделать этот вывод. Так, он рассказывает, что византийцы несколько раз отказывали в помощи графу Лорителло, когда тот находился в самом стесненном положении, и тем самым толкнули его на измену грекам[177]. Византийские полководцы отказались вступить в переговоры и с папой Адрианом IV, хотя последний был весьма заинтересован в союзе с Византией[178]. Несомненно, это сыграло роль в политической изоляции греков в Южной Италии.

Однако для Киннама не существует политического аспекта византийских мероприятий, весь первый план занят у него военными собы-

[166] Сведения об этих раздорах мы находим у Никиты (Nic. Chon., p. 114), Киннам упоминает о них в двух словах (Cinn., p. 98.9—11).

[167] Киннам упоминает об этом два раза: первый раз, сообщая, что в сражении подвергся опасности возвращавшийся из Палестины Людовик VII (Cinn., p. 87.17), и во второй раз — рассказывая, как потерпевший поражение сицилийский флот был вторично разбит греческими судами с Крита (Ibid., p. 101,5—11).

[168] Cinn., 101.15. В. Г. Васильевский относит прибытие Мануила на остров к весне 1149 г. (ук. соч., стр. 41, примеч. 1; ср. Cinn., p. 98.12).

[169] Cinn., p. 118.22.—119.9.

[170] Ibid., III, 13.

[171] Ibid., p. 135.17.

[172] Киннам неверно считает его двоюродным братом не Вильгельма, а Рожера, т. е. дядей Вильгельма (Ibid., p. 136.4).

[173] Так Ф. И. Успенский предлагает понимать упоминаемый Киннамом город, „одноименный со святым Флавианом" (Cinn., p. 137.17; Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 234).

[174] Cinn., p. 140.19—23.

[175] Ibid., p. 141.8.

[176] Ibid., p. 150.21.

[177] Ibid., p. 147.22.

[178] Ibid., p. 146.24. Как замечает В. Г. Васильевский, папа потерпел несколько поражений от сицилийского короля и не получил никакой помощи от Фридриха I (ук. соч., стр. 124—125).

тиями. Он рассказывает о неудачной попытке взять Тарент[179], о взятии Монополи[180], длительной и безуспешной осаде Бриндизи[181] и, наконец, о страшном поражении под стенами этого города[182]. И повсюду стратегическими и тактическими ошибками объясняет Киннам неудачу апулийской кампании[183].

Поражение под Бриндизи, действительно, означало крах византийской завоевательной политики в Италии[184]. Однако в 1156—1158 гг. византийские войска продолжают оставаться в Италии, но теперь их новым врагом является папа Адриан IV, вступивший в союз с Вильгельмом[185], а их союзником — враждующее с папой население города Рима[186]. Можно согласиться с В. Г. Васильевским в том, что основной целью военных действий 1156—1158 гг. было стремление византийцев отвлечь Вильгельма от прямого нападения на территорию империи[187], но нельзя также игнорировать указания Киннама о том, что эта война имела целью создать плацдарм для борьбы против Венеции[188]. Недаром база операций была вскоре перенесена в Анкону. Перенос военных действий на север Италии резко обострил отношения Византии с Германской империей[189], что ускорило заключение мира с норманнами. Еще более форсировало переговоры нападение сицилийского флота на Негропонт[190]. Вскоре после этого Мануил, по словам Киннама, почтил Вильгельма титулом короля[191], в чем и следует видеть указание на заключение мира между обоими государствами, — мира, который означал сближение с папской курией и разрыв союза Византийской и Германской империй[192].

Остановимся на первом из этих двух аспектов западной политики Византии, на ее отношении к римской церкви. Именно здесь можно проследить определенную тенденцию нашего историка. После краха итальянской кампании 1155—1158 гг. для византийской политики наступило время сближения и союза с папством. До 1167 г. необходимость этого союза диктовалась в первую очередь соображениями борьбы с Фридрихом Барбароссой. Побуждаемый этими мотивами, Мануил в 1164 г. способствовал восстановлению на престоле изгнанного Фридрихом папы Александра III[193]. С 1167 г. Мануил вступает с папством

[179] Cinn., p. 154.1
[180] Ibid., p. 157.16.
[181] Ibid., p. 158—166.
[182] Ibid., p. 166—169. Битва произошла 28 мая 1156 г. (см. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 123).
[183] Cinn., p. 168—169.
[184] Ф. И. Успенский даже предполагает, что эта неудача означала крушение *всей западной* политики Мануила (ук. соч., стр. 238).
[185] См. В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 125.
[186] Насколько обострились отношения римского населения со своим сеньором-папой свидетельствует Киннам, рассказывая, что папа даже предал город отлучению и только открытое восстание в городе заставило его снять интердикт (Cinn., p. 171.6—18).
[187] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 128.
[188] Cinn., p. 170.14. Это отметил уже J. Haller. Das Papsttum und Byzanz, Bd. II, Teil 2 (1939).
[189] В. Г. Васильевский. Ук. соч., стр. 129.
[190] Наиболее подробные сведения об этом событии мы узнаем из западных источников (см. Annales Pisani (ed. Pertz,), p. 243), но В. Г. Васильевский неправ, утверждая, что Киннам совершенно умалчивает о сицилийском нападении на Негропонт. В приводимых Киннамом письмах сицилийского двора в Константинополь, о которых сам же В. Г. Васильевский замечает, что они подделаны в византийской канцелярии (ук. соч., стр. 137, примеч. 1), министры Вильгельма извиняются за нападение на Эвбею, т. е. Негропонт (Cinn., p. 175.6).
[191] Cinn., p. 175.20.
[192] Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 237—238.
[193] Cinn., p. 289.15.

в более тесные отношения, преследуя уже новую цель — объединение церквей[194]. У Киннама мы не находим никаких сведений по этому поводу, но зато можно определить его собственную точку зрения по вопросам, связанным с этой проблемой, и в первую очередь по вопросу о соотношении царской и папской власти. Соответствующие суждения — то прямо, то косвенно — сформулированы Киннамом в 7—9-й главах V книги, особенно в 7-й главе, где Киннам прибегает к редкому для него приему — обращению к историческому деятелю от собственного имени. Он старается доказать превосходство власти византийского императора над властью папы и императора западного. Прежде всего он ополчается против дерзости западных императоров, незаконно, по его мнению, присвоивших себе это достоинство[195]. Но он идет дальше и гневно осуждает всех, кто осмеливается не считать царство византийское прямым и законным продолжением римского. Во второй, более откровенной, части своего рассуждения Киннам прямо упоминает папу среди тех, кто не согласен считать Византию преемницей Рима. Киннам прилагает все силы своего убеждения, чтобы отклонить папу от этой позиции. При этом он не ограничивается одними риторическими упреками („ты не имеешь права распоряжаться царствами“[196]), но и напоминает папе о противоречиях в его политике („Почему тех самых, которых ты незадолго перед этим... не считал царями — и правильно делал... — почему ты их теперь принимаешь за царей“?[197]). И, как бы предупреждая возможный ответ, Киннам заявляет: „Ты не можешь сказать, что тебя заставили силой, ибо *это* (курсив наш. — *М. Ф.*) ты сам раньше вносил в договоры с царем Мануилом“[198]. Что имеет в виду историк под словом „это“ можно только догадываться, но весьма вероятно, что он хотел здесь напомнить об обязанности пап совместно с Византией бороться с германскими императорами. Во всяком случае несомненно одно: речь, которую произносит Киннам по адресу пап, носит не риторический, а вполне конкретный характер. Она не только отражала реальную заинтересованность византийского правительства в привлечении курии на свою сторону, но и предоставляла аргументы для соответствующих действий в этом направлении[199]. Это обстоятельство еще раз подчеркивает ценность свидетельств Киннама о западной политике византийского правительства в XII в.

Исторический труд Киннама, в значительной мере посвященный описанию походов, осад и сражений[200], предоставляет богатые возможности и для характеристики византийской армии и военной доктрины XII в.

Мы знакомимся с системой комплектования армии, узнаем, что при императоре сохранялась „дружина варваров-бердышников“[201], а остальное войско состояло из союзных контингентов, тяжеловооруженной конницы и наемных отрядов. Союзные войска обычно набирались из

[194] См. Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 247.
[195] Μακρὸς γὰρ ἐς οὖ χρόνος τὸ τῆς βασιλείας ὄνομα ἐν Ῥώμῃ ἀπώλετο (Cinn., p. 218.15).
[196] οὐχὶ δὲ καὶ βασιλείας ἤδη καταχαρίζεσθαι (Ibid., p. 220.7).
[197] Ibid., p. 220.14.
[198] Χθὲς γὰρ καὶ οὐ πολλῷ πρότερον βασιλεῖ Μανουὴλ ταῦτα διωμολόγεις (Ibid., p. 220.17)
[199] Смущать здесь может только одно обстоятельство. Речь Киннама носит явные следы злободневного интереса, между тем как его труд написан примерно через два десятилетия, и следовательно, может возникнуть предположение, что пафос, с которым говорит Киннам, носит несколько наигранный характер.
[200] На этом основании Д. Моравчик предполагает, что Киннам получил специальное военное образование (см. G. Moravcsik. Op. cit., S. 324).
[201] πελεκηφόρων βαρβάρων ὅμιλον (Cinn., p. 187.9; p. 8.15).

вассальных княжеств[202]. Упоминания о наемниках особенно часты у Киннама[203], и можно сделать вывод, что в некоторых кампаниях только ядро войска состояло из византийцев. Так, в начале экспедиции 1155 г. в распоряжении Иоанна Дуки находилось только 600 всадников, остальной личный состав был набран за деньги уже в ходе войны. Недаром, по сведениям Никиты Хониата, апулийская экспедиция обошлась казне в 300 кентинариев золота[204]. Воины привлекаются на постоянную службу; если раньше на период мира их распускали по домам, то теперь войско рассылается по областям[205]. Очень характерным является полное умолчание Киннама об ополченцах из крестьян, или о стратиотах.

В непосредственной связи с отмеченными изменениями в системе комплектования армии находится и снижение боеспособности войска. Киннам отмечает, что в сражении под Иконием значительная часть воинов, вопреки приказаниям императора, отказалась ежедневно ходить в бой и перешла в армейский обоз. И хотя царь прибег к телесным наказаниям, других это не удержало от подобных поступков[206].

Интерес представляет и система снабжения войска. В некоторых случаях, когда готовилась особенно значительная кампания, для обеспечения армии продовольствие доставлялось из наиболее плодородных областей страны[207]. Нередко заготовка продовольствия и фуража осуществлялась в перерывы между боевыми действиями специально выделенными фуражирами[208]. Но самой распространенной формой снабжения войска по-прежнему, как и в римские времена, оставался узаконенный грабеж населения. Разорение местных жителей было не только проявлением жестокости, присущей наемному войску[209], или использованием права на грабеж захваченных городов[210], — в некоторых случаях опустошение зевоеванных территорий прямо вменялось в обязанность войску. Так, византийская армия под Антиохией безжалостно обирала местных жителей, а флот получил приказание опустошить приморские районы и сжечь множество судов, стоявших у берега[211]. Опустошение вражеской территории и увод пленных становятся одной из ведущих идей византийской военной политики. При этом особенно важны сообщения Киннама о том, куда направлялись эти массы пленных. Так, все захваченные при вторжении в Сербию люди разных возрастов, „целые племена", были переселены на византийскую территорию[212]. После взятия Землина халисии, переселенные из Срема, были поселены в крепости, специально выстроенной для этой цели[213]. Захватив пленных после похода на

[202] О таких вспомогательных войсках говорится, например, в мирном договоре великого жупана Уроша с Мануилом (см. Cinn., p. 113.6).

[203] Эта наемная норманская дружина покидает византийцев в трудную минуту (Cinn., p. 167.21); см. также о конных наемниках с Родоса — μισθοφορικὴν ἱππέων... ἰσχύν (Cinn., p. 199.19).

[204] См. Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 127.

[205] Cinn., p. 131. 10.

[206] Ibid., p. 55.9. Телесные наказания вообще широко практиковались в византийской армии (см. также, Ibid., p. 298.5).

[207] Особенно часто для этой цели использовалась Фракия (Ibid., p. 199.21).

[208] χορταγωγοί (Ibid., p. 47.21; 34.14; 106.17). Во время апулийской кампании сицилийцы и ромеи нарочно устроили свои лагери на таком расстоянии, чтобы не сталкивались фуражиры с той и другой стороны (Ibid., p. 167.15).

[209] Во время военных действий в Среме греки грабили все, что им попадалось на пути (Ibid., p. 114.7).

[210] При взятии Землина в 1165 г. воины уносили утварь, одежду и оружие пленных (Ibid., p. 245.22. — 246.11).

[211] Ibid., p. 35.9.

[212] Ibid., p. 114.17.

[213] Ibid., p. 247.16.

Рашку, Мануил послал их на поселение под Софию и в другие места империи[214]. После победы над половцами множество пленных были поселены на территории империи и даже „вписаны в военное сословие"[215]. Все эти факты свидетельствуют о том, что захватом пленных византийское правительство пыталось возместить убыль в стратиотах и налогоплательщиках[216].

От Киннама не ускользнули и вопросы военной техники. Он рассказывает, что при осаде Бриндизи греки употребляли камнеметные машины для разрушения городских стен и внутренних строений[217], при взятии Браничева — осадные башни[218], в других случаях применялись тараны и система подкопов[219]. Упоминает Киннам и о ночных походах при свете фонарей, устройство которых историк подробно описывает[220]. Есть у Киннама сведения и о применении „греческого огня"[221].

В этой связи нельзя пройти мимо интересного места у Киннама, где он говорит, что главной заботой Мануила после вступления на престол стало улучшение вооружения. Прежде воины защищались круглыми щитами, носили колчаны и решали сражения стрелами[222]. Мануил вводит длинные — до земли — щиты, длинные же копья и специальное обучение верховой езде, устраивая для этого тренировочные сражения[223]. В результате этих преобразований греческий воин скоро превзошел и немецкого и итальянского, — добавляет Киннам. Нам кажется, что в этой перестройке следует усмотреть не простое подражание западноевропейским образцам, в чем так часто упрекают Мануила. Здесь перед нами попытка найти какие-то новые образцы вооружения, отвечавшего потребностям тяжеловооруженного войска рыцарского типа. В данном случае речь скорее всего идет о том войске прониаров, которое, по свидетельству Никиты Хониата, заняло в царствование Мануила ведущее место в системе византийской военной организации[224].

Некоторые наблюдения можно, кажется, сделать и на основе тех сведений, которые сообщает Киннам об организации передвижения войск и, в частности, о характере бивуаков. По-прежнему, как и в древности, войско, располагаясь на стоянку, строило укрепленный лагерь[225], т. е. возводило ограду, копало рвы и пр.[226] Выбор места для лагеря считался делом весьма ответственным. Так, Мануил в числе преимуществ, которые может доставить победа над турками, отмечает также и возможность выгодно поставить лагерь[227]. Киннам вкладывает в уста

[214] Cinn., p. 103.10.

[215] στρατιωτικοῖς ἐγγραφέντες καταλόγοις (*Ibid.*, p. 8.22).

[216] Г. Острогорский высказывает мысль, что 10 тыс. пленных, которых Мануил оставил за собой по договору с Гейзой II в 1154 г., предназначались именно для этой цели (G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 348).

[217] Это и сломило сопротивление жителей города (Cinn., p. 160.22.—161.11); см. также μηχνήματα (Ibid., p. 242.6).

[218] ξύλινον... πύργον (Ibid., p. 241.19).

[219] χελώνην (Ibid., p. 164.5—19).

[220] Ibid., p. 195.13—196.2.

[221] πῦρ ὑγρόν (Ibid., p. 207.12).

[222] Киннам часто упоминает о „стрелках" — τοξόται (*Ibid.*, p. 53.5; p. 77.20), о раненных стрелами венграх при взятии Землина (Ibid., p. 246.3).

[223] ὅθεν καὶ ἀσπίσι κυκλοτέρεσι φράττυσθαι εἰθισμένον αὐτοῖς πρότερον φαρετροφορεῖν τε τὰ πλεῖστα καὶ τόξοις τὰς μάχας διαφέρειν, ὁ δὲ ταύτας μὲν ποδήρεις προβεβλῆσθαι αὐτοὺς ἐδιδάξατο, δόρατα δὲ κραδαίνειν μακρὰ καὶ ἱπποσύνῃ δεξιώτατα χρήσθαι ἠσκήσατο (Ibid., p. 125.4—8).

[224] Nic. Chon., VII, 4.

[225] Этот укрепленный лагерь Киннам, как правило, называет χάραξ (Cinn., p. 34.11; p. 56.1; p. 271.4), в отличие от неукрепленной стоянки — στρατόπεδον (Ibid., p. 54.5; p. 106.16).

[226] Ibid., p. 47.6.

[227] Ibid., p. 56.1.

императора целую речь о значении лагеря в жизни войска: „...лагерь — тот же город, в нем нужны и ворота и стены и рвы...“ [228]. Напрашивается предположение, что это настойчивое внимание к теории и практике возведения лагерей может считаться живым остатком римских военных традиций.

Историкам военного искусства следует обратить внимание и на данные Киннама о порядке построения войска к бою.

Интересно, например, что, встречая немцев под стенами Константинополя, Мануил вперед выдвигает легких византийских и турецких стрелков, затем — легкую конницу, за ней — конницу тяжеловооруженную вместе с латниками и сзади всех, „около четвертого знамени“, — нестроевые части [229]. А сражаясь с венграми, Мануил располагает войско еще более усложненным порядком. Впереди всех строится турецкая и половецкая конница, а на флангах — греческие отряды. Во второй линии располагаются латники, перемешанные со стрелками из лука, и тяжеловооруженные турецкие полки, причем и эта линия подпирается с флангов византийцами. В третьем эшелоне находятся отборные греческие, немецкие и турецкие части. И, наконец, позади всех — штаб („знаменитые мужи“), окруженный наемниками [230]. И в этом и в предыдущем случае мы можем заметить одну и ту же тенденцию к наращиванию ударной силы войска по мере удаления строя в глубину. Любопытно, что этот принцип прямо противоположен тому, который доминировал в боевых порядках западноевропейского рыцарства и при котором обычно ударная сила — рыцарские отряды — располагалась непосредственно во главе боевой колонны [231].

Остановимся, наконец, еще на одной особенности исторического повествования Киннама. Уже давно отмечена идеализация историком императора Мануила, которая рассматривалась большинством исследователей как обычное проявление придворной угодливости. Киннам, действительно, щедр на похвалы своему государю и кумиру. В отдельных случаях подвиги, которые он приписывает императору, оказываются несомненным вымыслом и служат лишь поводом для риторических упражнений. Но и тогда, когда он говорит о событиях, действительно имевших место, обращает на себя внимание одно обстоятельство: историк намеренно подчеркивает личную отвагу императора, его рыцарскую готовность придти на помощь соратникам. Эти черты искусно компануются таким образом, чтобы создать образ идеального воина. Тем самым характеристике, которую Киннам дает своему государю, можно найти аналогии в рыцарской литературе Запада. Создается впечатление, что Киннам писал свой труд не только для того, чтобы увековечить события, но и чтобы воздействовать на определенные круги византийского общества. Образом Мануила Киннам как бы апеллирует к военным слоям, признавая тем самым, что правительство нуждается в их поддержке и именно в *сознательной* поддержке. По нашему мнению, это может иметь только одно объяснение: византийская армия в процессе исторического развития окончательно утратила свою связь с народными массами и приобрела рыцарский, дворянский характер. Именно

[228] Cinn., p. 58.9.
[229] Ibid., p. 77.15—20.
[230] Ibid., p. 271.5—20.
[231] Ф. Энгельс. Пехота. Избранные военные произведения. Воениздат, М., 1956, стр. 189; А. А. Строков. История военного искусства, т. I. Воениздат, М., 1955, стр. 203.

это и должно было обеспечить с ее стороны понимание важнейших идейных замыслов историка Иоанна Киннама.

Мы не исчерпали всего содержания „Краткого обозрения“ Киннама, но даже и произведенный нами разбор свидетельств Киннама подтверждает высокую оценку, которую получил этот исторический труд в новейшей историографии. Если собранный Киннамом материал и не всегда последовательно расположен, то во всяком случае достоверен. Хронология его труда подтверждается большинством других источников, а географические наименования обычно легко удается локализовать. Неполнота отдельных сообщений Киннама (например, о византино-венецианских отношениях) компенсируется обширностью данных относительно политики Византии на Дунае, в славянских землях и в Южной Италии. Повествование Киннама в основном свободно от налета клерикализма, изложение церковных и богословских проблем не занимает у него существенного места. Труд Киннама позволяет нам познакомиться с некоторыми важнейшими политическими вопросами его эпохи, такими, как вопрос о сближении с папством или о привлечении служилого дворянства (рыцарей-прониаров) к активному участию в завоевательных операциях. Наконец, Киннам сообщает немало интересных данных о военной организации империи. Его сведения позволяют сделать выводы как о сохранении в Византии военных традиций, восходящих к эпохе древнего мира, так и о создании здесь новых тактических принципов на базе восточного и западного военного опыта. Его свидетельства дают также возможность уловить те изменения, которые внес в византийскую военную организацию основной процесс развития общественной жизни страны — процесс формирования феодальных отношений. То, что так часто принимали за проявление личной лести и подобострастия Иоанна Киннама, — идеализация личности императора Мануила — оказывается порождением социальных потребностей его эпохи.

П. Хр. ПЕТРОВ

О ТИТУЛАХ „СЕВАСТ“ И „ПРОТОСЕВАСТ“ В СРЕДНЕВЕКОВОМ БОЛГАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

По сравнению с другими титулами и названиями должностей, употреблявшимися в средневековом болгарском государстве, термин „севаст“ встречается особенно часто. Сведения о севастах известны из византийских источников и надписей. В болгарских памятниках о севастах упоминается в четырех грамотах — Ватопедской, Виргинской, Мракской и Рильской[1], а также и в трех надписях — Станимакской[2], Боженицкой[3] и на одном блюде XII—XIII вв., находящемся в Белградском музее[4].

Но значение этого слова применительно к Болгарии и до сего времени не выяснено полностью. Почти всегда, когда тот или иной автор рассматривал этот вопрос, он в большей или меньшей степени отдавал предпочтение некоторым из надписей и как бы пренебрегал остальными сведениями. Особенно часто недооценивались данные грамот. Почти не были использованы при разрешении этого вопроса и те византийские источники, которые относятся к болгарской истории. Все это, а также и недостаточно критическое заимствование сведений из истории Сербии и Византии привело к одностороннему рассмотрению вопроса, к выводам, которые не учитывали специфических условий болгарской действительности и не сообразовывались с ними.

Характерными в этом отношении были уже высказывания К. Иречека. Основываясь главным образом на сербских источниках, он писал, что севаст был чиновником, исполнявшим судебные функции: „Одним из главных чиновников (в области. — *П. П.*), был, как и в Сербии, севаст (σεβαστός), который осуществлял судебную власть“[5].

Авторитет Иречека оказал решительное влияние на дальнейшие исследования. Так, например, С. С. Бобчев считал, что севасты были чиновниками, которые, не будучи собственно судьями, направлялись для выполнения некоторых судебных функций[6], а по Г. Ильинскому, это были администраторы с судейской властью[7].

[1] См. Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 576—577, 581—587, 591—594, 597—600; ср. Ив. Дуйчев. Стара българска книжнина, т. II. София, 1944, стр. 40—42, 55—63, 130—134, 177—182.

[2] В. Н. Златарски. Асеновият надпис при Станимака. ИБАД, год. II, кн. 2, 1912, стр. 131—147.

[3] П. Мутафчиев. Боженишкият надпис. СпБАН, т. XXII, 1921, стр. 88—116.

[4] Г. Баласчев. Старобългарско блюдо с надпис от XII—XIII век. „Минало“, год. III, кн. 9, 1914, стр. 3—11.

[5] К. Иречек. История на българите. Търново, 1886, стр. 514.

[6] С. С. Бобчев. История на българското право. София, 1910, стр. 350.

[7] Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, стр. 119—120.

Согласно Г. Баласчеву, „в каждой области Болгарии было много севастов, но нам еще не ясно, какова была их должность“[8]. Из этого высказывания, а также и из более позднего его утверждения, что титул севаста „давался и не очень влиятельным лицам“[9], видно, что по мнению Баласчева — это категория обыкновенных провинциальных чиновников.

Иным было мнение П. Мутафчиева. Он считал, что это был титул, подчеркивавший почетное положение некоторых боляр среди остальных, но не их должность, т. е. звание севаст не было „непременно связано с известным служебным положением“[10]. Мутафчиева полностью поддерживал и М. Ласкарис[11].

По-другому разрешает вопрос Ив. Дуйчев. Основываясь преимущественно на материале грамот, он пишет: „Можно, следовательно, принять, что севасты в средневековой Болгарии были высшими государственными чиновниками, может быть, управителями областей и городов, облеченными финансовой и судебной, а иногда и военной властью“[12].

Наконец, по мнению Д. Ангелова, высказанному им в „Истории болгарского государства и права“, севасты были чиновниками, подчиненными дукам (катепанам), и выполняли некоторые налоговые функции[13]. В другом месте Д. Ангелов, пишет, что севасты выполняли службы административного характера[14].

Мы видим, таким образом, что разногласия относительно значения термина „севаст“ в средневековой Болгарии настолько значительны, что попытка систематически исследовать этот вопрос является вполне обоснованной.

О ТИТУЛЕ „СЕВАСТ“

Как известно, слово „севаст“ было заимствовано от византийцев. В Византии до второй половины XI в. это был титул, который носил сам император[15]. Со времен Алексея Комнина (1081—1118) он получил широкое распространение и в начале XIII в. присваивался высшим административным провинциальным правителям. С этим значением он был перенесен и в Болгарию.

Для Болгарии значение термина „севаст“ лучше всего можно выяснить по грамотам, в которых он упоминается рядом со многими другими титулами и должностями. Следует обратить внимание, что из семи болгарских грамот титул „севаст“ отсутствует только в трех. Две из них — Зографская и Брашовская — касаются владений и привилегий, не подпадавших под власть болгарского государства, вследствие чего не было необходимости перечислять права и обязанности административных чиновников (по тем же самым соображениям упоминания о сева-

[8] Г. Баласчев. Златопечатното слово от цар Иван Шишман, дадено на Рилския манастир. „Минало“, год. I, кн. 4, 1910, стр. 410—411.

[9] Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 11.

[10] П. Мутафчиев. Боженишкият надпис, стр. 95.

[11] М.-Ласкарис. Ватопедската грамота на цар Иван Асен II. София, 1930, стр. 37.

[12] Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 317.

[13] Д. Ангелов и М. Андреев. История на българската държава и право. София, 1955, стр. 122, 126. По Д. Ангелову, катепаны были правителями небольших административных единиц, на которые разделялись области. А раз севасты, по его мнению, были подчинены и катепанам, очевидно, он причисляет севастов к категории совсем мелких провинциальных чиновников.

[14] История на България, т. I. София, 1954, стр. 198.

[15] Anna Comnena, I. p. 147.

стах, как и о других подобных титульных терминах, опущены и в торговых договорах). Что же касается Витошской грамоты, в которой точно так же отсутствует слово „севаст", то об этом речь будет дальше.

В Ватопедской грамоте Ивана Асеня II сказано: „А практори цр ми пос[ълаемъе пѡ всѣ] врѣмена въсприемати дани. и съврш[и]ти всѣч[с]къѣ ра[бѡты] цр ми еже сѫть. севасти. дѹкъ. катепани. десяткаре. п[са]ре. апѡкрисиѣре,апѡдѡхатори. и ини прѡчии ѿ [мал]ъхь д[а]ж[е] и д[ѡ] великъхь. никтоже такѡвыхь да имать ѡбласти. влѣсти бъхма ни ногъ пѡставити. въ метѡхие сто мѡнастирѣ тѡгѡ. ни писати. ни дани взяти. ни кѡмѡ[д]ь. ни митатѫ. ни апѡдѡхиѫ. ни винѡ, ни хлѣбь. ни зѡбь. ни дес[ятъкъ то ни е]нгарепсат[и люди] н[а в]сѣчскъѣ рабѡтъ цр ми ни [сам]ѣхъ ихъ. [н]и имъ кѡнѣ, н[и имъ] зевгарѣ, [ни имъ] ѡслята"[16].

Тут прежде всего мы совершенно ясно видим, что севасты включены в число практоров, т. е., как показал Ласкарис[17], царских чиновников. Уже это обстоятельство свидетельствует, что они имели вполне определенную службу именно как севасты, и опровергает приведенное выше утверждение Мутафчиева о том, что будто бы упомянутый титул не был непременно связан с „известным служебным положением". Против мнения Мутафчиева свидетельствует и сама формулировка грамоты: „посылаемые моим величеством... чтобы собирать дань и выполнять различные службы". Понятно, что это выражение не следует толковать буквально, т. е. в том смысле, что все перечисленные в грамоте категории практоров всегда и всюду посылались центральной властью. Было бы наивно утверждать, что взимание многочисленных налогов, пошлин и штрафов было так централизовано, что все чиновники, включительно до „десяткарей", назначались непосредственно из центра. Этой формулировкой составители грамоты стремились лишь подчеркнуть значение власти чиновников как исходящей непосредственно от царя. Но высшие чиновники, и в первую очередь севасты, поставленные во главе чиновной иерархии, несомненно, назначались из центра. Остальные же категории практоров, перечисленные после севаста, или были назначаемы севастом или, по меньшей мере, ему подчинены[18].

Такое же положение и в Виргинской грамоте Константина Асеня. Тут сказано: „Люѥ, кои сѧ ѡбрѣтѫтъ въ гра' Скопьскомъ...да не работаѭть въ цринѫ никоѭ работѫ, ни да даваѭть никоѭ приплатѫ, ни да метеха с ними ни сева ни прахторь, [ни] кнѧзь, ни кастрофилакь, ни ватаѓ, ни топщикаль, ни сѫдити, ни свѧзати, ни глабѫ вьзѧти, никой доходокь"[19]. И несколько дальше: „а ѿ работникь црв ми... ни севасть, ни дѹка, ни кастрофилакь, ни прахтори, ни к'нѧзь, ни тѡпщикаль, ни винарь..." и т. д.[20] И тут севаст упомянут первым из всех чиновников, предшествует и дуке, и кастрофилаку; ясно, что его деятельность связана с судебной и налоговой властью[21].

Примерно то же самое мы видим и в Мракской грамоте. „А ѿ всѣхъ болѣръ, — читаем мы там, — и работникъ црва ми, малыих же и великыѓ, посилаемыхъ по всѣ врѣмена по вс"еи хорѣ въсприемати дани и съдръжати въсѣкыѧ работы црва ми, еже сѫ настоѫщий севасти хоры тоѧ, дуки, катепани, писци, десѧткаре всѣции..." и т. д.[22] И дальше: „И глобы... да не метехсѧтъ з глобамы севасти[23], ни прахтори црва ми, развѣ архиманритъ, да си взима в монастыръ що е правина"[24]. И тут обязанность севаста определенно связана с управлением областью. Кроме того, указание на право собирать штрафы во владениях монастыря переходит после издания грамоты к архимандриту и свидетельствует о том, что обычно этим правом располагали именно севасты. Другими словами, в их обязанности входили и финансово-административные функции.

Не составляют исключения из всего сказанного выше и сведения Рильской грамоты. „И пращает и освобожает цртво ми люди въсе и села въсѣ того монастирѣ цртва ми... да имь не смѣѧт забавлѣти, иже сѫ севасти и прахтѡри и примикюри и алагатари, ни сѫдіе, потѡ ни перпираке..." и т. д.[25]

И тут севаст стоит во главе иерархии чиновников и выделен как первое должностное лицо в области. А тот факт, что после него упомянуты судьи, свидетельствует, что они были подчинены севасту, но он сам не был судьей. И это свидетельство Рильской грамоты опровергает утверждения тех авторов, которые считают, что севаст был обыкновенным провинциальным чиновником, исполнявшим судебные функции.

Итак, данные грамот самым категорическим образом подтверждают, что севасты были высшими административными чиновниками, управителями областей, в руках которых была сосредоточена вся власть. В их подчинении находились остальные чиновники области — административные, финансовые и военные.

---

16 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 576.

17 М. Ласкарис. Ук. соч., стр. 35.

18 По вопросу о соотношении севастов с другими высшими административными областными чиновниками в литературе существуют глубокие разногласия. Так, например, Д. Ангелов („История на българската държава и право", стр. 122) правильно отмечает, что раз катепаны поставлены в грамотах после дук, они были ниже последних. Но почему этот критерий не приложить и к севастам, которые в грамотах стоят и перед дуками, и перед катепанами? Почему дук объявлять „областными правителями", „непосредственным органом царя", а катепанов высшими областными чиновниками, севастов же обыкновенными административными чиновниками? Не правильнее ли именно севастов, поставленных во главе административной лестницы, считать правителями областей? По К. Иречеку (ук. соч., стр. 513), во главе областей стояли кефалии и дуки. По С. С. Бобчеву (ук. соч., стр. 347), во главе области стоял жупан, а во главе отдельных гарнизонов — кефалии (называвшиеся еще катепанами). По Г. Ильинскому (ук. соч., стр. 120), термин „кефалия" является синонимом дуки, а „кастрофилакс" — катепана. Согласно П. Мутафчиеву („Боженишкият надпис", стр. 98), во главе области стоял кефалия. Д. Ангелов (ук. соч., стр. 122) считает, что областным правителем был дука или кефалия, а катепаны были правителями отдельных административных единиц, на которые разделялась область.

19 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 582.

20 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 586.

21 См. Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 316. Виргинская грамота является фальшивкой XIV в., но составлена на основе одной сербской грамоты и некоторых старых болгарских грамот. Исследование текстов показывает, что приведенные выше отрывки могут быть использованы как источник по болгарской истории (см. подробнее об этом в статье П. Петрова „Към въпроса за автентичността на Виргинската грамота и достоверността на съдържащите се в нея сведения" ГСУ фиф, т. LI, кл. 2, 1958, стр. 171—251.

22 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 592; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 132.

23 Хотя слово „севаст" поставлено во множественном числе, не следует думать, что в области имелось по несколько севастов. Множественное число тут употреблено ради согласования с остальными должностями — дуками, катепанами и т. д. Кроме того, следует отметить, что и здесь остальные чиновники обозначены общим термином „практоры" и поставлены после севаста, т. е. как его подчиненные.

24 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 593.

25 Й. Иванов. Ук. соч., стр. 598.

Сведения грамот и сделанные выше выводы подтверждаются и всеми другими материалами о севастах в Болгарии.

1. *Севаст Цузмен.* Надпись на староболгарском блюде конца XII или начала XIII в. гласит: „цузъмень севастъ". До сих пор эту надпись не привлекали при изучении вопроса о служебном положении севастов. Объясняется это главным образом тем, что издатель надписи Г. Баласчев не идентифицировал севаста Цузмена с каким-либо из известных нам лиц с таким именем. Он ограничился только тем, что остановился на двух, по его мнению, наиболее вероятных вариантах такой идентификации.

Первый из них связан с Марией Цусменой, дочерью византийского императора Иоанна Комнина (1118—1143) и тещей некоего Никифора Патрольфа. Имя „Цусмена" Мария Комнина могла получить лишь в результате брака с каким-то печенежским военачальником. Но Баласчев считает совершенно невозможным, чтобы наш севаст Цузмен был этим императорским зятем, так как, по мнению Баласчева, титул севаста „давался и не очень влиятельным лицам" [26] и византийский император не согласился бы на брак своей дочери с человеком, имевшим такое звание. Но это соображение Баласчева является несостоятельным. Прежде всего, нельзя аргументировать недоказанным утверждением, что титул „севаст" давался невлиятельным лицам. Кроме того, известно, что в Византии династические браки определялись прежде всего политическими соображениями и императоры далеко не всегда пунктуально соблюдали в этой области принципы престижа, особенно, если дело касалось привлечения на свою сторону вождей печенежских, куманских, татарских и других племен. Наконец, еще М. Дринов отметил прямое свидетельство о браке севаста с представительницей правящей династии. Речь идет о севасте Григории Камоне, правителе Арбанаской области [27], который около 1216 г. стал зятем великого сербского жупана Стефана Первовенчанного [28]. Значительно более серьезным возражением против идентификации севаста Цузмена с зятем императора является то обстоятельство, что документ, в котором находится имя Марии Цусмены, „сомнительного происхождения и с сомнительной датой" [29].

Второй отмеченный Баласчевым вариант относится к болгарскому боляpину Τζυϊσμένος (Цуисмен или Чиисмен), который во времена Калояна, после отстранения Добромира Хриза, был назначен правителем Македонской области с центром в крепости Просек и который принимал активное участие в войне болгар против латинян, особенно при первой осаде Солуни. Но и тут Баласчев отвергает возможность идентичности севаста Цузмена с Калояновым военачальником Цузменом (Чъсменом) на том основании, что последний управлял Просеком вместе с большой частью Македонии", а „правители обширных областей носили гораздо более высокие звания, чем севаст" [30].

[26] Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 11.

[27] Арбанаская область (Арбана или Албана) в начале XIII в. начиналась недалеко от Драча (Дурреса), простиралась на северо-запад, восток, охватывала весь Кройский округ с Миридитскими и отчасти Дукапинскими горами и достигала сербских владений при р. Дрин (см. М. Дринов. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале. Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 599). Об Арбанаской земле встречаются упоминания и позднее, например, во время Ивана Асеня II (см. В. Н. Златарски. Асеновият надпис при Станимака, стр. 243—244; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 39 и 43).

[28] М. Дринов. Ук. соч., стр. 602—603.

[29] Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 6.

[30] Там же, стр. 7—11.

Тут возражения Баласчева еще более несостоятельны. Ведь и здесь он пытается опереться прежде всего на совершенно недоказанное утверждение о низком общественном положении севастов, что, повторяем, является абсолютно неправомерным. Нельзя в связи с этим определять, было ли то или иное лицо севастом, основываясь только на величине области, которой оно управляло. Несостоятельна, наконец, ссылка Баласчева на то обстоятельство, что раз наследником Калоянова военачальника был *севастократор* Стрез, то и Цузмен (Чъсмен) должен был быть лицом, по меньшей мере, такого же ранга. Но можно ли по величине владений Стреза судить о положении Цузмена (Чъсмена)? Ведь Цузмен был правителем области при чрезвычайно сильной центральной власти, он был назначен Калояном, а севастократор Стрез действовал в совершенно иных условиях и обособился от центрального правительства как независимый властитель. Кроме того, власть Стреза простиралась на значительно бóльшую территорию, нежели область Калоянова болярина.

В отличие от Г. Баласчева мы думаем, что имеется полная возможность отождествить севаста Цузмена с Калояновым военачальником Цузменом (Чъсменом): имя Цузмен встречается в источниках настолько редко, что нельзя предположить случайное совпадение имен: в начале XIII в., когда титул „севаст" был перенесен в Болгарию, он давался высшим представителям государственной администрации, в том числе и назначавшимся центральной властью правителям областей; надпись севаста Цузмена относится, как установил по палеографическим данным проф. Б. Цонев, к тому же времени, когда жил и Калоянов военачальник Цузмен [31]. Все это дает нам право с уверенностью утверждать, что Калоянов болярин Цузмен был севастом. А этот вывод свидетельствует, в свою очередь, о высоком общественном положении севастов в государстве, о том, что в их руках сосредоточивалась огромная власть. Вместе с тем приведенный выше случай, как и некоторые из следующих, показывает, насколько неправильно слепо придерживаться мнения Иречека и механически заимствовать сербские сведения о низком общественном положении севастов.

2. *Севаст Прибо.* После битвы при Клокотнице (1230 г.) управителем Скопской области был назначен севаст Прибо. Высокое общественное положение этого болгарского болярина видно уже из того факта, что он вмешивался в деятельность церковного правосудия и мог добиваться отмены решения скопского епископа. Нам известен, например, такой случай. В драке между слугами севаста Прибо и жителями с. Еахово (недалеко от г. Скопле) на стороне людей севаста принял участие и священник Драгомир из этого села. Обвиненный в соучастии в совершении убийства, Драгомир был лишен права совершать свещеннодействия и отлучен от церкви. Севаст Прибо заступился за Драгомира и даже написал скопскому епископу специальную записку о невиновности священника. Но епископ отказал в удовлетворении просьбы Драгомира. Тогда вопрос был передан охридскому архиепископу Димитрию Хоматиану. Так как архиепископия переживала тогда некоторые трудности, Хоматиан не мог отказать Драгомиру, поскольку его поддерживал сильный болгарский болярин севаст Прибо. В конце концов Димитрий Хоматиан настоял на том, чтобы скопский

[31] Палеографическая оценка надписи сделана Б. Цоневым. См. Г. Баласчев. Старобългарско блюдо, стр. 4—6.

епископ отменил свое решение, хотя по существу вопрос подлежал компетенции только синода[32].

Несколькими годами позднее тот же самый севаст Прибо был возведен в протосевасты и как таковой сделался ктитором церкви Св. Петки и подарил ей в феодальное владение с. Тморани в Скопской области.[33]

Нам неизвестно точно, в силу каких причин севаст Прибо получил одно из самых высоких отличий в средневековом болгарском государстве — титул протосеваста. Можно только предполагать, что некоторую роль сыграло то обстоятельство, что его владения находились в Скопской области, на правом берегу р. Вардар, между Скопле и Велес[34] и он, следовательно, занимал центральное положение среди остальных болгарских областных управителей в юго-западных болгарских землях. Но сейчас нам важно отметить другое, а именно, что приведенные выше сведения являются неоспоримым, хотя и единственным пока доказательством того, что одно лицо из севастов повышено непосредственно в протосевасты. Только этого одного факта достаточно для решительного опровержения мнения тех ученых, которые утверждают, что севасты будто бы были заурядными провинциальными чиновниками.

3. *Севаст Владимир и его брат.* В одной из самых больших церквей г. Мельника — Св. Николая — находится ктиторская надпись, которая гласит: „Молением божьего раба севаста Владимира, единоутробного брата севаста франков" (Δέησις τοῦ δούλου τοῦ Θεοῦ σεβαστοῦ τοῦ Βλαδιμήρου, αὐταδελφοῦ σεβαστοῦ τῶν Φράγγων)[35].

Прежде всего возникает вопрос: кто это тот „севаст франков", чье имя не упомянуто? Нет сомнения, что речь идет не о каком-то мелком провинциальном чиновнике или вообще о незначительной личности, но о человеке, занимавшем ответственный пост, — лице, которое было хорошо известно уже только по своему титулу „севаст франков", даже без упоминания имени. Этот факт сам по себе красноречиво говорит о высоком значении титула «севаст», и это станет для нас еще более несомненным, после того как мы идентифицируем „севаста франков" с каким-либо из известных нам исторических деятелей.

Сообщивший о надписи Й. Иванов пишет: „Неясно, кто был тот «севаст франков», братом которого был Владимир. Не подразумевался ли в этом случае под „севастом франков" деспот Слав?"[36]. Теперь, после того как науке стал известен сигиллий деспота Алексея Слава от 1220 г., предположение Й. Иванова может быть признано вполне достоверным. Столицей деспота Слава был город Мельник, где он построил монастырь Св. Богородицы Спилеотисы и подарил ему в феодальное владение с. Катуница[37]. Да и вообще мы не знаем другой исторической личности из этой местности, которая была бы в таких близких связях с латинянами, как Алексей Слав, женатый на дочери латинского императора Генриха I[38]. Все это дает основание утверждать, что под „севастом франков" нужно подразумевать, вероятнее всего, деспота Алексея Слава.

[32] П. Ников. Материали за средновековната история на България. — ГСУиф, кн. XVIII, 1922, стр. 7 и 15, док. № 4; ср. П. Петров. Протосеваст Прибо. български феодален владетел в Македония през първата половина на XIII в. Сборник в чест на М. Дринов (в печати).

[33] Споменик СКА, III, 1890, стр. 12—13; ср. П. Петров. Ук. соч.

[34] Р. М. Грујић. Протосеваст Прибо, властелин у Скопской области прве половине XIII в. — Гласник Скопског Научног Друштва, књ. XII, Скопље, 1933 стр. 269.

[35] Н. Мавродинов. Църкви и манастири в Мелник и Рожен. — Годишник на Народния музей, кн. V, София, 1933, стр. 292; Й. Иванов. Ук. соч., стр. 212.

[36] Й. Иванов. Ук. соч., стр. 212—213.

[37] См. Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 31—35.

[38] О деспоте Алексее Славе см. В. Н. Златарски. История на българската държава пред средните векове, т. III. София, 1940, стр. 270 сл.

В свете сказанного можно сделать некоторые выводы и о севасте Владимире. Несомненно прежде всего, что этот „единоутробный брат" Алексея Слава не был просто ординарным чиновником в государстве Слава. Уже один тот факт, что он стал ктитором наиболее значительной церкви в Мельнике, показывает, что севаст Владимир должен был занимать и соответствующее высокое служебное положение. И это вполне логично и возможно. Известно, что административное устройство в фактически независимых владениях Слава и Стреза было организовано примерно так же, как и в болгарском государстве. Вполне естественно, что, опасаясь измены, Алексей Слав предпочел своего брата остальным болярам и доверил ему одну из наиболее высоких должностей в своем государстве. По всей видимости, севаст Владимир управлял одной из наиболее важных областей — Мельникской, где и находилась построенная им церковь.

4. *Севаст Лев Мосхопул и севаст Стефан Гавра.* Управителями областей во владениях севастократора Стреза, вероятно, были и два севаста — Лев Мосхопул и Стефан Гавра, о которых говорится в одном из документов Охридской архиепископии. Речь идет об одном из церковных решений, которым расторгался брак между севастом Львом Мосхопулом и дочерью скончавшегося севаста Стефана Гавры как заключенный под давлением севастократора Стреза и при несовершеннолетии невесты[39].

Этот документ точно так же говорит о высоком общественном положении севастов. Если бы они были обыкновенными чиновниками, севастократор Стрез едва ли был бы заинтересован создавать и поддерживать такими насильственными мерами родственные отношения между ними. А то, что именно севасты были правителями областей, показывают и сведения о двух других севастах, подвизавшихся как раз в это же самое время и примерно в тех же самых землях, — имеем в виду севастов Иоанна Плита и Григория Камону.

5. *Севаст Иоанн Плит и севаст Григорий Камона.* Из документов Охридской архиепископии, связанных с именем Димитрия Хоматиана, стало известно, что управителем Верройской области был некий Иоанн Плит. К нему обращался Димитрий Хоматиан с просьбой о защите и покровительстве оставшемуся без матери верройцу Мелию[40]. После присоединения Верройской области к владениям Эпирского деспотата, севаст Иоанн Плит сохранил дружеские связи с Димитрием Хоматианом и достиг чрезвычайно высоких должностей, став чуть ли не министром (οἰκείου μεσάζοντος)[41]. Это свидетельство точно так же говорит о высоком положении, которое севаст Иоанн Плит занимал до 1216 г. как правитель Верройской области во владениях севастократора Стреза, а после того — как один из высших должностных лиц в Эпирском деспотате. В самом деле, разве мог заурядный областной чиновник иметь столь широкие связи и достигнуть такого видного положения?

Видной личностью был и упоминавшийся уже выше севаст Григорий Камона, управитель Арбанаской области. Около 1216 г. севаст Григорий Камона развелся со старой своей женой и женился на ее родственнице, дочери сербского великого жупана Стефана Первовенчанного. Этот поступок вызвал протест местного (кройского) епископа, но встретил одобрение и поддержку со стороны Димитрия Хоматиана и его прия-

[39] П. Ников. Ук. соч., стр. 8 и 18, док. № 8.

[40] М. Дринов. Ук. соч., стр. 589, примеч. 16; ср. Ив. Снегаров. История на Охридската архиепископия, т. I. София, 1924, стр. 246.

[41] М. Дринов. Ук. соч., стр. 589—590.

теля севаста Иоанна Плита. Между прочим, поддержка была связана и с тем обстоятельством, что в это время велись переговоры „о заключении родственных союзов между правительственными домами сербским и эпирским“ [42].

В той же самой Арбанаской области в конце XIII в. правителем был некий севаст Алексей Арганат [43].

6. *Севаст Иоанн.* Видной личностью в XIV в. был и севаст Иоанн, чье изображение как ктитора сохранилось на одном из пилястров церкви Св. Софии в Охриде. Сопутствующий изображению текст гласит: „Помяни, Христе, душу раба твоего севаста господина Иоанна из Просеника“ (μνήσθητι Χριστὲ ψυχὴν τοῦ δούλου σοῦ Ἰωάννου κυροῦ σεβαστοῦ τοῦ Προσενικοῦ) [44]. И тут ктиторство над такой большой церковью, как Охридская, свидетельствует, что и в XIV в. севасты продолжали оставаться людьми с очень высоким общественным положением и отнюдь не превратились в ординарных провинциальных чиновников.

* * *

Приведенные выше факты недвусмысленно подтверждают тезис о высоком общественном положении севастов как правителей областей. Но надо признать, что есть источники, которые на первый взгляд дают основание для другого истолкования этого титула. Так, например, в известной Боженицкой надписи сказано: „Азь севастъ ѡгнѣнь бихь при цари Шишман[ѣ] кеф[а]лиа и много зло патихь. В[ъ] то врѣмь тѫрци воюахь. Азь са дрьжа[хѣ з]а вѣрь Шишмана царѣ“ [45]. Формулировка этой надписи дала основание П. Мутафчиеву утверждать, что боярам, получавшим пост кефалии или кастрофилакса, присваивался одновременно и почетный титул севаста [46]. По аналогии с Боженицкой надписью Мутафчиев считал, что и севаст Алексей известной Станимакской надписи точно так же был кефалией или кастрофилаксом [47].

Выше уже была отмечена несостоятельность мнения Мутафчиева, будто бы севасты не имели определенной должности. Теперь необходимо добавить, что Мутафчиев неправильно толкует содержание и этих двух надписей. Так, например, Станимакская надпись гласит: „В лѣт[о] ϛ·Ψ·Λ·Θ енд[икта] Ā: в[ог] ѡ[мѣ] въздвиже[н]ныи ц[а]рь Асѣнь блъгаромь и гръкомь таже и прочимъ странамь постави Алексѣ севаста и ѕизда сей градъ“ [48]. Означает ли эта надпись, что севаст Алексей был назначен кефалием или кастрофилаксом Станимакской крепости? Трудно сделать такой вывод. Гораздо вероятнее другое объяснение:

После битвы при Клокотнице владения Болгарии расширились чрезвычайно сильно. Новые земли получили административное устройство такое же, как в остальных частях страны. Во главе отдельных областей были поставлены гражданские, военные, финансовые и судебные чиновники. Пришлось восстанавливать и некоторые из важнейших крепостей,

[42] М. Дринов. Ук. соч., стр. 602—603.
[43] Там же, стр. 605.
[44] Й. Иванов. Ук. соч., стр. 38.
[45] П. Мутафчиев. Боженишкият надпис, стр. 94; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 289.
[46] П. Мутафчиев. История на българския народ, т. II. София, 1943, стр. 155.
[47] Там же.
[48] В. Н. Златарски. Асеновият надпис, стр. 241—242; Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 38.

которые к этому времени оказались в плохом состоянии. Наша надпись и говорит как раз об этих событиях. Дело, видимо, заключалось в том, что правителем одной из новоприсоединенных областей был назначен севаст Алексей и ему, наряду с другими делами, было поручено и восстановление и укрепление, надо думать, давно не ремонтировавшейся Станимакской крепости. Во всяком случае, из надписи трудно сделать вывод, что обязанность севаста Алексея была связана только с управлением крепостью. Но даже если и допустить, что севасту Алексею было поручено специально заботиться об упомянутой крепости, мнение П. Мутафчиева не станет более убедительным. На особенно опасных участках, главным образом по границам, севастам нередко необходимо было сосредоточить в своих руках всю военную власть и действовать преимущественно в качестве военных правителей. Но такая концентрация чрезвычайно большой, преимущественно военной власти в руках некоторых пограничных севастов не изменяла положения во внутренних областях страны и не противоречит утверждению, что севасты были правителями областей [49].

Все только что сказанное относится и к севасту Огняну из Боженицкой надписи. При наступлении турок на Балканский полуостров, когда их набеги начали достигать даже Софийской области, балканские проходы оказались в пограничной зоне. Оборона этих проходов приобрела первостепенное значение. Поэтому совершенно естественно было сосредоточить в руках верховных правителей пограничных областей больше власти, преимущественно военной, чем в руках остальных севастов. Именно поэтому севаст Огнян был в то же время и кефалией и — как это четко указывает надпись — как раз тогда, когда нападали турки и когда Огнян сражался против них.

В этом отношении Станимакская и Боженицкая надписи действительно схожи друг с другом: они касаются положения севастов в пограничных областях во время войны или во всяком случае в период подготовки к ней.

Напряженное положение, характерное для некоторых пограничных областей, могло привести к тому, что в исключительных случаях всю власть сосредоточивал в своих руках не севаст, а кефалия. Такой случай, по-видимому, отражен в Витошской грамоте. Там сказано: „И такози ц҃рво ми ѡсвобажѫть тъи манастиръ ц҃рва ми съ въсѣмъ достоаниемъ и прилежаниемъ того монастирѣ да не смѣетъ метехати на тѣмъ манастиремъ ни кефалие Срѣдешъское на стасиѧ манастиръцкѫ и на люми село Новаѵаны иже сѧ находѧтъ въ градѣ ц҃рва ми Софи на тѣми люми да не метеха ни кефалие Срѣдешъское то ни мѫ прахторе, ни кастрофилаци, ни мѫ десѧтници, ни примикюре же, ни алагаторе потомъ ни перъпираке ц҃рва ми“ и т. д. [50].

Мы видим, что сказанное здесь о правах кефалии г. Софии полностью совпадает со сведениями о правах севастов из других грамот. Но значит ли это, что к концу XIV в. термин «севаст» равнозначен термину „кефалия“? Нет, не значит, и данные Рильской грамоты, рассмотренные нами выше и относящиеся как раз к тому же времени, о котором гово-

[49] В дополнение к приведенным выше материалам упомянем, что в конце XII в. севастом и дукой Скопской области был Константин Аспиет Ангел (σεβαστοῦ καὶ δουκὸς Σκοπίων τοῦ Κομνηνοῦ κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Ἀσπιέτου). См. П. Ников. Ук. соч., стр. 7 и 12, док. № 3.
[50] Й. Иванов. Ук. соч., стр. 600;

рит и Витошская грамота, решительно предостерегают против такого вывода. Да и Боженицкая надпись, в которой упомянуты оба титула, точно так же не дает нам права считать, что термин „кефалия" стал равнозначен термину „севаст" и постепенно его заменил. Но как же тогда объяснить тот факт, что в Витошской грамоте обязанность севаста приписана кефалии?

Во-первых, следует напомнить, что ни в одном из источников, относящихся ко Второму Болгарскому царству, София с ее округой не отмечена как самостоятельная область. Софийская область не упомянута и в списке областей, перечисленных в известной Дубровницкой грамоте — Иоанна Асеня II[51]. Но даже если и принять, что как важный епископский центр София была и центром области, то это еще не значит, что она оставалась таковым вплоть до конца XIV в. Весьма вероятно, что наступление турок, особенно когда оно достигло непосредственно ее окраин, могло вызвать необходимость и в реорганизации ее управления. С сокращением территории и с обострением военных действий область, видимо, была превращена в своего рода военно-пограничный округ и полностью подчинена в административном, финансовом и судебном отношении военному правителю — кефалии.

Этим особым положением, связанным с турецким нашествием, можно объяснить и надпись севаста Огняна. Напомним, что эта надпись обнаружена недалеко от Софии и посвящена, надо думать, событиям именно в этой области. Один из руководителей борьбы против турок, севаст Огнян, исполнял и должность кефалии[52].

Таким образом, анализ всех известных нам материалов свидетельствует, что в средневековом болгарском государстве севасты являлись правителями областей и сосредотачивали в своих руках всю власть в области. В их подчинении находились все остальные административные, военные, финансовые и судебные чиновники, начиная с дук и катепанов и кончая рядовыми сборщиками налогов. В особых случаях севасты могли совмещать со своей должностью и такие ответственные должности, как, скажем, дуки или кефалии. Вместе с тем бывали, очевидно, и такие случаи, когда в некоторых особо угрожаемых пограничных районах вся власть (а следовательно, и функции севастов) сосредоточивались в руках кефалии.

Как видим, сведения о положении севастов в Болгарии существенно отличаются от того, что нам известно о севастах из сербских источников. В Сербии, например, термин „севаст" встречается достаточно поздно — только со времени короля Стефана Драгутина (1276—1282) и связывается он там с самыми различными функциями: то с судейскими, то с правами собирать налоги и налагать штрафы, то с общеадминистративными обязанностями; упоминается и „севасть градскы"[53]. Все эти сведения, очень важные для истории Сербии, не опровергают, конечно, того, что нам известно из болгарских источников. Но они показывают, как осторожно надо относиться к заимствованию материалов для нашей

[51] Й. Иванов. Ук. соч., стр. 578;

[52] Касаясь вопроса о термине „кефалия" в Болгарии, небезынтересно провести некоторые сопоставления с Сербией. Туда этот термин проник в начале XIV в., и то только в пограничные города — такие, как Скопле и Скадар. Но позднее он получил более широкое распространение. Со времени Стефана Душана все королевские наместники носят этот титул. Во второй половине XIV в. положение кефалий снова изменилось — они были облечены некоторыми полицейскими и судебными функциями. См. К. Иречек. Историја Срба, т. III. Београд, 1923, стр. 20.

[53] П. Мутафчиев. Боженишкият надпис, стр. 95; К. Иречек. Историја Срба, т. III, стр. 20.

истории из византийских и сербских источников. Без сопоставлений, конечно, нельзя, но нельзя пренебрегать и особенностями в развитии нашей страны и нашего народа.

О ТИТУЛЕ „ПРОТОСЕВАСТ"

В Византии во времена Алексея Комнина наряду с титулом „севаст" были установлены и некоторые другие титулы, производные от него: „севастократор" (σεβατοσκράτωρ), «протосеваст» (πρωτοσέβαστος) „паниперсеваст" (πανυπερσέβαστος) и др., которые давались императорским детям и наиболее близким царским родственникам[54].

Титулы „севастократор" и „протосеваст" были распространены и в средневековом болгарском государстве, и важно установить их значение и соотношение с титулом „севаст".

Положение севастократоров у нас ясно. Это были обычно крупные феодалы, близкие родственники царя. В их владении часто находилось по нескольку областей, и совершенно естественно предположить, что севасты им были подчинены.

Менее выяснен вопрос о содержании термина „протосеваст". Обычно привлекались лишь два источника: упоминавшаяся уже грамота протосеваста Прибо и § 132 Синодика царя Борила[55]. Но этих сведений крайне недостаточно для характеристики положения протосевастов, и поэтому авторы довольствовались в большинстве случаев тем только, что отмечали, что титул протосеваста был „одним из наиболее высоких придворных титулов"[56], не пытаясь определить его реальное значение. Мы думаем, однако, что даже и из этих материалов можно сделать более определенные выводы, если только рассматривать их в свете всего сказанного выше о севастах.

Так, можно утверждать, что протосеваст, несомненно, занимал значительно более высокую должность, чем севаст. Об этом, в частности, говорит и карьера Прибо: вспомним, что после возведения его в протосевасты его власть распространилась и на другие области Македонии. Вообще нет оснований думать, что севасты как правители областей были прямо подчинены центральной власти. Гораздо вероятнее допустить, что отдельные области были объединены в бóльшие административные единицы, во главе которых стояли или деспот, или севастократор, или же протосеваст.

Это предположение подтверждается и сведениями о протосевасте Хрельо, оставившем нам известную надпись[57]. Эти сведения до настоящего времени не привлекались при изучении вопроса о значении титула „протосеваст". Протосеваст Хрельо, как известно, был крупным феодальным владетелем в Македонии, который с успехом лавировал между болгарами, сербами и византийцами, пока, наконец, не вынужден был признать верховную власть Стефана Душана[58]. Но нам сейчас важно то, что биография Хрельо убедительно свидетельствует, во-первых, что термин „протосеваст" не являлся обозначением только ранга, т. е. титулом

[54] В. Н. Златарски. Асеновият надпис, стр. 245.

[55] М. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. 90, § 132: Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 164.

[56] М. Ласкарис. Ук. соч., стр. 37; Ив. *Дуйчев*. Ук. соч., стр. 317.

[57] Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 280.

[58] Г. Баласчев. — „Минало", год. II, кн. 5—6, 1911, стр. 19.

в узком смысле этого слова, а указывал и на должность, и, во-вторых, что протосеваст был правителем огромной территории [59].

Все сказанное выше дает возможность правильно понять и то место из Синодика Борила, которое гласит: „Монаху Феодосию, который был протосевастом великого царя Ивана Александра вечная [память]“ [60]. Этот протосеваст Ивана Александра, ставший позднее монахом, ни в каком случае не мог быть простым дворцовым служителем, но, несомненно, был одним из высших административных чиновников [61]. Он должен был быть весьма известным лицом, чтобы его имя могло попасть в синодик.

Итак, данные, которые мы привели, ясно показывают, что титул протосеваста не являлся просто обозначением ранга, но и указывал на должность высшего государственного чиновника, объединявшего в своих руках управление несколькими областями. По должности протосевасты были по существу равнозначны севастократорам, но как титул звание протосеваста было несколько ниже звания севастократора, так как последнее давалось только царским родственникам.

---

59 Это, между прочим, дает право с еще большей определенностью утверждать, что после возведения в протосевасты Прибо стал правителем всех македонских земель.

60 Ив. Дуйчев. Ук. соч., стр. 164.

61 Прямой аналогией судьбе монаха Феодосия может служить судьба чыргубиля Мостича, который, после того как долгие годы исполнял высшую государственную службу чыргубиля, тоже в конце своей жизни стал монахом (см. Ст. Станчев. „Надгробният надпис на един преславски болярин от X в.“ ИП, год. XI, 4, 1955, стр. 61—76.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

КРИТСКИЙ ПОЭТ СТЕФАН САХЛИКИС

Стихотворения Сахликиса сохранились в трех рукописях: парижской (*P*), неаполитанской (*N*) и в кодексе Монпелье (*M*). *P* издана Вагнером, учитывавшим также чтения M^1, второе стихотворение кодекса *N* издано С. Д. Пападимитриу [2]. Кодексы расходятся между собой в порядке и чтении стихов, существует необходимость критического издания всего наследия Сахликиса с учетом всех трех рукописей. Такое издание было подготовлено Р. Кантареллой, но, насколько нам известно, не опубликовано [3].

Приблизительная хронология творчества Сахликиса была установлена С. Д. Пападимитриу в исследовании, приложенном к изданию текста. Определяя terminus a quo, С. Д. Пападимитриу ссылается на стихи Сахликиса (I, 320—329) [4], где рассказывается о том, как любовник является в дом корыстолюбивой гетеры, мать которой отвечает ему с гневом: „Как будто пришла печальная весть из Романии (ὡσὰν μανδάτον θλιβερὸν ἀπὸ τὴν Ρωμανίαν“). С. Д. Пападимитриу не без оснований считает, что под μανδάτον θλιβερόν подразумевается весть о падении Константинополя. Определяя terminus ad quem, С. Д. Пападимитриу опирается на более шаткие основания. Сахликис, посвятивший целое произведение обличению азартной игры, нигде не упоминает игры в карты. Это, по мнению С. Д. Пападимитриу, свидетельствует, что Сахликису и его современникам карточная игра вообще была неизвестна. Первое же упоминание игры в карты мы находим в стихотворении Георгиллы „Θανατικὸν τῆς Ῥόδου“, написанном вскоре после 1498 г. Таким образом, 1498 год С. Д. Пападимитриу считает terminus ad quem. Но, во-первых, Сахликис посвящает стихотворение специально игре в кости: он мог, конечно, обойти молчанием карточную игру, которая только начала распространяться в Европе. Во-вторых, Георгилла — житель Родоса,

1 G. Wagner. Carmina graeca medii aevi. Leipzig, 1874, p. 62—105.

2 С. Д. Пападимитриу. Стефан Сахликис и его стихотворение „Ἀφήγησις παράξενος“ — „Летопись ист.-филол. об-ва при Новороссийском университете“, VI, Византт. отд., III, 1896, стр. 15—52.

3 R. Cantarella. Un poeta cretese del secolo XV : Stefano Sachlikis „Atene e Roma“, vol. XXXVII, 1935. В статье Кантареллы приводится вся библиография до 1935 г. Сахликису посвящена также оставшаяся нам недоступной статья Г. Райхенкорна: G. Reichenkorn. Stephanos Sachlikis, Autobiograph und Moralist. — Festgabe für F. Neubert. Berlin, 1956.

4 Мы принимаем способ цитирования, предложенный Пападимитриу: под цифрой I цитируются стихи по изданию Вагнера (G. Wagner. Op. cit., p. 62—78), под II — из второго стихотворения в том же издании (p. 79—105), под III — стихи из издания С. Д. Пападимитриу.

Сахликис — критянин, а время распространения игры в карты на двух островах могло быть различным. Малоубедительны также попытки С. Д. Пападимитриу более точно определить хронологию творчества Сахликиса. Приводя стихи поэта: ὁποῦ λυπᾶται πολιτικήν, ὁ Θεὸς νὰ τὸν κουράσῃ εἰς τὴν Τουρκιὰν νὰ ἐξοριστῇ, εἰς Τούρκους νὰ περάσῃ οὐχὶ νὰ πᾷ πραγματευτὴς πράγματα ν' ἀγοράσῃ, ἀμμὲ 'ς τὲς μαύρες φυλακὲς ἀπέσω νὰ γηράσῃ (II, 425—428), С. Д. Пападимитриу отмечает, что эти строки могут принадлежать произведению, написанному в период, когда критяне имели возможность отправляться в Турцию в качестве купцов (νὰ πᾷ πραγματευτὴς πράγματα ν' ἀγοράσῃ). По мнению С. Д. Пападимитриу, такой возможности не было во время войны с турками 1463—1479 гг., и поэтому стихотворение, откуда заимствованы эти строки, датируется периодом до 1463 г.[5] Однако, согласно дошедшему до нас свидетельству, бедные граждане отправлялись на иностранных судах в занятый турками Константинополь с торговыми целями даже во время войны[6]. Такие поездки, вероятно, были весьма распространены, ибо, как сообщается в документе, „это дело было полезно для всего острова" (que res erat utilis toti insule). Нам представляется невозможным датировать творчество Сахликиса более точно, чем второй половиной XV и самым началом XVI в.[7]

Благодаря сохранившемуся в неаполитанском кодексе стихотворению „'Αφήγησις παράξενος" стали известны некоторые биографические сведения о поэте. Историю всей своей жизни Сахликис представляет как цепь сплошных неудач и разочарований. Сын состоятельных родителей, наследство которых он впоследствии продал[8], Сахликис посещает школу. Однако усердно занимается он только до 14 лет и, по собственному признанию, не слишком преуспел в науке (ὀλίγα γράμματα ἔμαθα)[9]. Сахликис увлекается попойками, становится завсегдатаем борделей. Но и на этом поприще его ждет неудача: Сахликис встречается с некоей вдовой Кутайиотиной, из-за которой он попадает в тюрьму[10]. После освобождения Сахликис отправляется в деревню, проводит время, увлекаясь охотой, а из его попыток заняться сельским хозяйством, по-видимому, ничего не вышло[11]. Затем Сахликис переселяется в город, где становится адвокатом. На этом кончаются наши сведения о жизни поэта.

Сахликис пишет на чисто народном языке, без видимой примеси элементов искусственной книжной речи. У Сахликиса много слов и выражений, заимствованных из итальянского языка[12], что вполне естественно, так как Крит находился под властью и сильным влиянием Венеции. Фразы Сахликиса синтаксически просты. Паратаксис преобладает над гипотаксисом, как это свойственно народной речи.

Использование народного языка было новшеством в эпоху, когда даже так называемая народная литература писалась на языке, представляющем собой фантастическое смешение элементов народной и искусственной книжной речи. С. Д. Пападимитриу и Р. Кантарелла считают эту особенность стихотворений Сахликиса результатом необразованности

[5] Датировать стихотворение периодом после 1479 г. Пападимитриу мешает установленный им terminus ad quem.

[6] H. Noiret. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénétienne en Crète de 1380 à 1485. Paris, 1892, p. 522—523.

[7] Рукописи произведений Сахликиса датируются первыми десятилетиями XVI в.

[8] III, 85 сл.

[9] III, 59.

[10] III, 109.

[11] III, 151 сл.

[12] Например, „Ἰνφερνο (ит. inferno), ἄσσο (ит. asso), βέργα (ит. verga), βιόλα (ит. viola), γρόσο (ит. grosso) и многие другие.

поэта. Однако Сахликис, посещавший школу, преподавание в которой велось на искусственном языке, читавший книги и занимавший должность адвоката, должен был обладать определенным культурным багажом. Использование народного языка определяется скорее тематикой произведений Сахликиса, их демократической ориентацией[13].

Стихотворения Сахликиса во всех кодексах разбиваются на два цикла[14]. Первый цикл, носящий в *P* и *N* общее название „Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἑρμηνεῖαι κυροῦ Στεφάνου τοῦ Σαχλήκη", содержит почти идентичный текст во всех трех списках. Второй цикл, в *P* и *M* объединенный под заглавием „Γραφαὶ καὶ στίχοι καὶ ἑρμηνεῖαι, ἔτι καὶ ἀφηγήσεις κυροῦ Στεφάνου τοῦ Σαχλήκη", в *N* носящий наименование „'Αφήγησις παράξενος τοῦ ταπείνου Σαχλήκη τοῦ ἐν Κρήτῃ", имеет различное число и порядок стихотворений в разных рукописях. С. Д. Пападимитриу и Р. Кантарелла оставляют открытым вопрос о том, является ли объединение отдельных стихотворений в циклы делом рук самого Сахликиса или же его переписчиков. Для решения этого вопроса следует обратить внимание на порядок и композицию произведений поэта. Приводим схему расположения стихотворений Сахликиса в трех рукописях.

Первый цикл. *P*, *M*, *N*: О ночных экскурсиях (I, 1—117), об азартной игре (I, 118—239), о действиях гетер (I, 240—367). Второй цикл. *P*: О друзьях (II, 1—201), о тюрьме (II, 202—266), о тюремщиках (II, 267—340), о моем тюремщике (II, 342—377), собрание гетер (II, 378—712). *N*: Странный рассказ (III, 1—412), о тюрьме (III, 413—483) о тюремщиках (III, 484—564), о моем тюремщике (III, 565—602), собрание гетер (III, 602—812), главные сводницы (III, 812—908).

Порядок следования стихотворений второго цикла в *M* совпадает с *P*. Однако в *M* полностью отсутствует „О друзьях".

Композиция первого цикла не представляет трудностей. Во втором цикле также можно обнаружить определенную тенденцию к логической последовательности отдельных стихотворений. Так, в *M* этот цикл начинается рассказом о тюрьме, продолжается описанием тюремщиков, после чего автор переходит к изображению собственного тюремщика, затем следует сатира на гетер вообще и, в частности, на Кутайиотину — гетеру, из-за которой автор оказался в тюрьме. В *N* перед этими рассказами расположен „Странный рассказ", где Сахликис сообщает свою биографию, а в конце, после „Собрания гетер", прибавлены отсутствующие в других списках „Главные сводницы". Мало логичным кажется помещение на первое место „О друзьях" в *P*, однако, как будет показано дальше, такое расположение не было исконным.

Обращает на себя внимание, что группа стихотворений „О тюрьме", „О тюремщиках", „О моем тюремщике", „Собрание гетер" имеется во всех трех списках и расположена там в одинаковом порядке, причем соединительные стихи между отдельными стихотворениями примерно одинаковы (II, 267—269 = III, 484—486; II, 341—345 = III, 565—569; II, 378 = III, 603).

[13] То, что содержание произведения определяло выбор языка в византийской литературе, доказывает хотя бы творчество Продрома, писавшего на ученом языке, но в своих „Нищенских стихотворениях" пользовавшегося народным языком.

[14] Уже С. Д. Пападимитриу заметил, что тексты Сахликиса составлены из отдельных написанных в разное время стихотворений. Об этом свидетельствует наличие переходных стихов (II, 202—203; 267—269; 341—344; 378—381; III, 413—417; 484—486; 565—569; 603—607), сочетание в одном произведении рифмованных и белых стихов и т. п. (см. С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 82 сл.). Мы сохраняем условные названия, данные С. Д. Пападимитриу отдельным стихотворениям.

Переписчики кодексов *P*, *M* и *N*, безусловно, имели перед собой рукописи или даже некую рукопись — архетип, где эти стихотворения были уже объединены в определенном порядке. Скорее всего в не дошедшей до нас редакции текста стихотворение „О друзьях" следовало непосредственно за описанием тюрьмы. В начале стихотворения „О тюрьме" Сахликис пишет: ἐγὼ ἀπεδὰ ἀφήνω τό, τοῦτο τὸ καταλόγι, νὰ γράφω καὶ τῆς φυλακῆς τοὺς πόνους καὶ τὰς θλίψεις, καὶ (διὰ) τοὺς φίλους τοὺς καλοὺς καὶ τοὺς κακοὺς τὸ τί 'νε (III, 415—417). Действительно, в конце этого стихотворения содержится естественный переход к повествованию о друзьях: 'Αμμὲ τότες ἕνα καλὸν τῆς φυλακῆς εὑρίσκω, ὅτι τοὺς φίλους τοὺς καλούς ἡ φυλακὴ τοὺς δείχνει καὶ τοὺς καθάριους συγγενεῖς, ἐκείνη τοὺς γνωρίζει (III, 479—481). Однако само стихотворение „О друзьях" в *M* и *N* отсутствует, а в *P* находится в начале цикла. Возможно, что самому Сахликису или его переписчику местоположение „О друзьях" показалось тематически неоправданным, так как оно разбивало связный рассказ о горестях тюрьмы.

В пользу того, что вся эта группа стихотворений была объединена самим автором, говорят два факта: 1) Стихотворению о тюрьме предпослано введение, которое содержит рассуждения об изменчивости человеческого счастья и служит вступлением ко всему циклу (II, 203—215). В двух других случаях, когда авторская редакция текста не вызывает сомнений, мы видим аналогичный способ объединения стихотворений. Так, перед первым советом Фрациски находится общее вступление (I, 1—51). Обладает введением также „Странный рассказ", в текст которого включены два ранее написанных произведения[15]. 2) Второй цикл, за исключением находящихся только в *N* „Странного рассказа" и „Главных сводниц", рассчитан на восприятие читателем в целом: отдельные изолированные стихотворения не могут быть до конца поняты. Так, „О друзьях" начинается с заявления автора: 'Απὸ τὴν ὥραν τὴν κακὴν ὁποῦ με φυλακίσαν, ὁ λογισμός μου ἐβιάζε με...[16] Эти слова уже предполагают знание читателем того факта, что Сахликис был заключен в тюрьму. В конце этого стихотворения Сахликис мечтает о каком-нибудь средстве, благодаря которому можно было бы различить верных друзей от неверных. Таким средством поэт считает тюрьму[17]. Та же мысль содержится в конце рассказа „О тюрьме" в строках, являющихся переходом к повествованию о друзьях[18]. В конце „Собрания гетер" Сахликис описывает, как потерпевшая фиаско Кутайиотина является к нему в тюрьму, что тоже может быть понято только читателем, знакомым с предыдущими произведениями поэта. Не говорим уже о тесной связи между собой таких стихотворений Сахликиса, как „О тюрьме", „О тюремщиках", „О моем тюремщике". Есть основания думать, что сам автор объединил свои разрозненные стихотворения, как это сделал его гениальный современник Франсуа Вийон в своем „Testament"[19].

* * *

Первым, или во всяком случае одним из первых произведений Сахликиса были „'Αρχεμαυλίστρες" („Главные сводницы" — III, 812—908)[20].

[15] См. С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 112.
[16] II, 1—2.
[17] II, 183—185.
[18] III, 479—483.
[19] Конечно, не исключается возможность, что отдельные стихотворения (например, „Главные сводницы") были приложены к сборнику переписчиками, которые также могли самовольно изменить и порядок стихотворений.
[20] ... καὶ τ'ἄγραφα εἰς τὴν φυλακὴν διὰ τὲς ἀρχαῖς μαυλίστρες (III, 111).

В кодексе *N* оно присоединено к „Собранию гетер" даже без обычных соединительных стихов. Стихотворение направлено против сводниц, и главным образом против некоей Пофоцуцунии, под которой, как предполагает С. Д. Пападимитриу, надо подразумевать все ту же Кутайиотину. В стихотворении рассказывается о собрании пяти сводниц, хвастающих своими подвигами. Основное место занимает самовосхваление Пофоцуцунии. С. Д. Пападимитриу сближает это стихотворение с бытующими в греческом фольклоре σάτυραι, в которых народ предавал осмеянию тех или иных лиц. Число зафиксированных σάτυραι незначительно и они слишком малы по объему, чтобы судить о действительной близости к ним „Главных сводниц". Тем не менее связь этого стихотворения с устным народным творчеством представляется нам безусловной. „Главные сводницы" начинается следующими словами: Μικροί, μεγάλοι, ἀκούετε τοῦτο τὸ καταλόγι (III, 812). Обращение к слушателям в начале стихотворения встречается у Сахликиса также в „Собрании гетер": 'Ακοῦτε εἶντα συμβολὴν ἐνόρθωσεν ἡ φίνα (III, 676). Подобное начало — вообще не редкость в произведениях на народном языке того времени[21]. Обращение к слушателям — очень частое начало многих народных песен, в том числе критских[22].

Своего рода рефреном в стихотворении является вопрос, обращенный к Пофоцуцунии, представляющий собой устойчивую форму, повторяющуюся с небольшими вариациями: εἰπέ με Ποθοτσουστουνιά, μαυλίζεις ἢ γαμιέσαι[23], причем в двух случаях ответ Пофоцуцунии начинается одинаковыми словами: Νὰ σὲ κερδέσω ἀφέντη μου...[24]. Часто повторяющиеся формулы, особенно в вопросах, — также характерный признак критских народных песен[25].

Сатира на Пофоцуцунию кончается недобрыми пожеланиями по адресу сводницы: „Все Пофоцуцунию позорьте, повсюду о ней трубите, доставьте ее начальству, доносите на нее и на еврейском кладбище похороните"[26]. Проклятия высмеиваемому лицу нередко встречаются в инвективных песнях фольклора многих народов. В исторических критских песнях XIX в., направленных против врагов греческого народа, также можно найти подобное окончание[27].

Характерным стилистическим приемом греческих народных песен, встречающимся в „Главных сводницах", а также в других произведениях Сахликиса, является анафора:

'Αλλη εἶπεν οὐκ ἠῦρηκα μαυλίστριαν νὰ με διαβῇ
'Αλλη εἶπεν πίνω τὸ κρασὶν παρ' ἄνδρα ἢ γυναῖκα
'Αλλη εἶπεν πίνω τὸ κρασίν, μαυλίζω καὶ μεθύω (III, 821—823);

[21] См. „Περὶ γέροντος νὰ μὴν πάρῃ κορίτσι", 1—4 (G. Wagner. Op. cit., p. 106—111); „Γαδάρου, λύκου καὶ ἀλοποῦς διήγησις ὡραία", 1 сл. (ibid., p. 124—140); Γεωργιλλᾶ. Θανατικὸν τῆς Ρόδος, 18 сл. (Ibid., p. 32—52).
[22] Словами ἀφρουκαστῆτε νασᾶς πῶ... начинается, например, большинство критских исторических песен, собранных в сборнике Яннараки (A. Jeannaraki. Kretas Volkslieder, Leipzig, 1876, № 13, 14, 21, 28, 31, 38, 47, 48, 49, 52 и т. д. Существуют также другие формулы обращения: ποῦ θέλει νὰ δροικήξῃ καὶ νὰ μάθῃ (ibid., № 44 и др.). Ср. также A. Passow. Popularia carmina Graeciae recentioris. Leipzig, 1860, CIX, CCCXCIV и др.
[23] III, 826, 835—836, 848, 865.
[24] III, 827, 837.
[25] Материал, который можно было бы привести, очень велик, ограничимся указанием на три песни сборника Яннараки (270, 272, 293).
[26] III, 905—909.
[27] A. Jeannaraki. Op. cit., p. 30, 54.

или:

ἐγῶμαι (ἡ) Ποθοτσουστουνιά, ἐγῶμαι (ἡ) ψωλοπόθα
ἐγῶμαι ἀπάνω εἰς ὅλες σας, ἐγῶμαι ἐδὰ κεράσας (III, 829, ср. III, 852)[28].

Особенно часто в стихах Сахликиса и его современников встречаются случаи так называемой распространенной анафоры, когда стихотворная строчка разбивается на две части, причем различие между полустишиями заключается только в последнем слове[29]. Подобная анафора служит акцентированию смысла строки.

Народные песни, с которыми мы сравниваем „Главных сводниц", значительно более позднего происхождения, однако, как известно, художественная форма фольклорной поэзии весьма консервативна и часто в течение веков подвергается сравнительно небольшим изменениям. А о том, что Сахликис был знаком с современными ему народными песнями, он сам говорит в своих произведениях[30].

Тематически тесно связано с „Главными сводницами" „Собрание гетер" (II, 377—712; III, 603—811). В рукописях этого стихотворения не совпадает порядок следования многих стихов, немало разночтений. В отличие от белого стиха „Главных сводниц", „Собрание гетер" написано рифмованным стихом (четверостишие с одинаковой рифмой: аааа). С. Д. Пападимитриу, ссылаясь на слова Сахликиса о том, что ему в тюрьме приходилось слышать νὰ τραγῳδοῦν λατινικά[31], утверждает, что Сахликис слышал латинские песни голиардов и у них заимствовал такой оригинальный способ рифмовки. Аргументация С. Д. Пападимитриу малоубедительна, так как в языке того времени слово λατινικός означает не „латинский", а „западный", в таком значении употребляет это слово в другом месте сам Сахликис[32]. Поэтому предполагать влияние на творчество Сахликиса латинской поэзии голиардов нет оснований.

Четверостишия, которые С. Д. Пападимитриу объединяет под общим названием „Собрание гетер", принадлежат, по крайней мере, двум различным стихотворениям. Первое из них начинается уже знакомым нам обращением к читателям (ὅλους λοιπὸν παρακαλῶ III, 608 сл.) и так же, как „Главные сводницы", заканчивается проклятиями по адресу Кутайиотины: „Если бы мне увидеть Кутайиотину в повозке Влассены и ее сек бы секущий, чтобы ей было тяжело и жгли бы ее, чтобы ее взял Харон"[33].

Композиция этого стихотворения полностью совпадает с композицией „Главных сводниц".

Стихотворение, собственно изображающее совет (собрание) гетер, начинается обращением к читателям (III, 676). Из-за испорченности текста, пропусков и различия версий рукописей последовательность действия произведения можно восстановить, только комбинируя тексты всех трех списков. Кутайиотина устраивает совет, на который гетеры являются с совершенно определенной целью: они хотят найти способ устроить своего рода общежитие и жить своим телом без всякого труда (III, 680—683). В первой части стихотворения подробно описывается, кто явился на совет (II, 443—534; III, 680—734). Почти каждая из пришедших наделяется каким-либо бранным эпитетом, а некоторым из них дается краткая сатирическая характеристика. Совет происходит, очевидно, в доме Кутайиотины[34]. Женщины отпускают реплики, выступают с речами. Они выбирают Кутайиотину своей начальницей[35]. Женщины совещаются, танцуют, играют (III, 760), после чего Кутайиотина отправляет их по домам, приглашая назавтра вновь собраться у нее. Женщины с песнями расходятся, а утром вновь являются к Кутайиотине[36]. У Кутайиотины они едят, пьют и веселятся. Речью некоей Лацены обрывается действие в кодексе *N*. Согласно чтению других кодексов, женщины во главе с Кутайиотиной отправляются к городским властям просить участок земли под „общежитие". Над ними, однако, там смеются, и Кутайиотина идет в тюрьму к Сахликису, который увещевает гетер: λείπετ' ἀπ' ταῖς πολιτικαῖς, ὅλους σας συμβουλεύγω. И далее: καὶ δι' αὕτο τούτην τὴν βουλὴν εἰς ὅλους ἔγραφά την 'ς τὸ Ῥέθεμνος κ' εἰς τὰ Χανιὰ παντοῦ κουδούνισά την, καὶ 'γω τὴν Κουταγιώταιναν παντοῦ μανδάτευσά την, καὶ τὴν βουλὴν τῶν πολιτικῶν παντοῦ διελάλησα την (II, 670—674).

Эти слова являются логическим завершением произведения, однако стихотворение на этом не кончается. Дальнейший текст в *M* (24 стиха) соответствует *N* (III, 696—723) и *P* (II, 458—474). Но в *P* за этими словами следуют в основном совершенно новые стихи (II, 675—712), относительно принадлежности которых к „Собранию гетер" и вообще перу самого Сахликиса высказывались сомнения[37]. Нам, однако, кажется, что эти сомнения лишены оснований. Дело в том, что в разбираемом тексте упоминается главная героиня „Собрания гетер", Кутайиотина, которая названа πριώρα (II, 712), а именно приорой[38] избрали Кутайиотину женщины на своем совете. Кроме того, некоторые строки окончания кодекса *P* находят соответствия в *N* (II, 689 = III, 740; II, 700 = III, 748 и др.). Да и по содержанию этот отрывок вполне мог бы находиться в середине „Собрания гетер".

Согласно чтению *N*, женщины на совет ἤρθασιν μοῖρα τρέχοντα, μοῖρα νὰ βαλόπο[39]. Непонятное выражение νὰ βαλόπο С. Д. Пападимитриу считает модификацией итальянского a galoppo[40]. В этом случае стих получает следующий смысл: „...часть прибежала, часть прискакала галопом". В тексте *N* и *M* ни об одной из женщин не говорится как о прибывшей верхом. В рассматриваемом же отрывке большинство гетер изображаются наездницами (II, 675, 678, 687, 690). Отрывок начинается словами:

---

[28] Подобная анафора встречается в некоторых памятниках народной литературы греческого средневековья. См., например, „Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαϐάρου", 57—59 (G. Wagner. Op. cit., p. 112—123) и др. Укажем на некоторые из очень многочисленных случаев анафоры в народных песнях. Так, целиком на анафоре построено стихотворение из сборника Пассова (CCCCXXXIV). См. также A. Jeannaraki. Op. cit., 26, 31 и др.

[29] Например: ἔχω καὶ τέτοιαν χάριταν ἔχω καὶ τέτοιαν τάξιν (III, 875). В народной поэзии: Σήκω Τάσιο νὰ φύγωμε, σήκω Τάσο νὰ πᾶμε (A. Passow, LXVII, 24) и т. п.

[30] См., например, III, 197 сл.

[31] С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 125 сл.

[32] II, 685.

[33] III, 673—675. В переводе мы следуем толкованию С. Д. Пападимитриу, который под τῆς βλάσσαινας τὸ κάρος понимает повозку (τὸ κάρος — от венец. caro) некоей Влассены, в которой ее провозили по городу для всеобщего поругания. Заслуживает внимания упоминание Харона — фигуры, чрезвычайно популярной в греческом фольклоре.

[34] III, 771.

[35] III, 757 сл., II, 561. С. Д. Пападимитриу прав, предпочитая чтение *M* εἶπαν вместо εἶπεν.

[36] II, 586, сл. Об этом сообщается только в *P*. В *N* и *M* вместо этого стоят стихи (III, 785 сл.), которые в *P* отнесены к концу стихотворения, где они гораздо более уместны (II, 629 сл).

[37] Г. Вагнер (ук. соч., стр. 105) ссылается на Бурсиана: „Bursiano carmen ab ipso poeta V. 674 finitum esse videtur, ceteris ab aliena manu additis". Ср. С. Д. Пападимитриу. Указ. соч., стр. 103—104, примеч. 2.

[38] Об этом слове см. ниже, стр. 73—74.

[39] III, 680.

[40] С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 186.

Καβαλλικεύει κουφαροῦ καὶ τρέχει Ῥοκοτζέλα (II, 675) — фразой, содержащей такое же противопоставление, как и в начале стихотворения в *N* (Μοῖρα τρέχοντα, μοῖρα νὰ βαλόπο). Скорее всего текст отрывка принадлежит начальной части стихотворения, где рассказывается о том, как собирались на совет гетеры: он более всего подходит к началу по своему содержанию и стилю.

Интересную проблему представляет вопрос о жанре „Собрания гетер". Обращает на себя внимание, что в двух сатирах, направленных против женщин, Сахликис изображает некое собрание, совет. Византийская литература предшествовавших веков знала сатирические произведения, изображающие собрания плодов[41], рыб[42], птиц[43], животных[44]. Сопоставление „Главных сводниц" и „Собрания гетер" с этими произведениями выявляет их общие черты[45]. Собрания бывают весьма многочисленными и охватывают большое число представителей плодов, рыб, птиц или зверей. В доме Кутайиотины собираются женщины всех рангов — от крестьянки до любовницы протопапы. На собрании всегда есть главный председательствующий[46]. Роль главной у Сахликиса исполняют Пофоцуцуния (в „Главных сводницах") и Кутайиотина (в „Собрании гетер"). Между присутствующими на собрании обычно разгорается ссора, участники собрания выступают с речами, восхваляя себя и понося своих противников, и даже вступают между собой в сражение („Пулолог" и „Рассказ о четвероногих"). Самовосхвалением занимаются и сводницы в „Главных сводницах" и гетеры в „Собрании гетер". В уста гетер вложены отдельные сатирические реплики и высказывания, но основная сатирическая характеристика в этом произведении исходит от самого автора. Вполне вероятно, что стихи, находящиеся в конце кодекса *P* и относящиеся, как кажется, к началу стихотворения (II, 675—712), представляют собой отрывок из описания битвы между гетерами: женщины находятся в полном вооружении (II, 685—690), грозят друг другу (II, 688—689) и т. п.

В конце произведений, описывающих собрания, председательствующий (царь) объявляет свое окончательное решение: Айва осуждает Виноградную кисть в „Рассказе о плодах", Кит — ὁ Τζῆρος (макрель?) — в „Опсарологе", Орел приказывает птицам прекратить распрю в „Пулологе"[47]. Конец „Собрания гетер" более всего близок к окончанию „Рассказа о четвероногих". В обоих случаях цель собрания оказалась недостигнутой: царь-лев повелевает, чтобы вновь началась вражда между четвероногими, ничего не вышло также из плана гетер обосноваться в одном месте, и начальница Кутайиотина советует женщинам вновь рассеяться по стране. И в других деталях „Собрание гетер" более всего напоминает „Рассказ о четвероногих": в обоих произведениях собрания называются советом (ἡ βουλή)[48], в обоих произведениях перед открытием самого совета рассказывается о том, кто и каким образом явился на совет[49], упоминается, каким образом расселись его участники[50]. Сахликис мог знать возникший в XIV в. „Рассказ о четвероногих", один из списков которого носит следы критского происхождения[51].

„Собрание гетер" не обладает острым социальным содержанием „Рассказа о четвероногих". Это произведение представляет собой злую сатиру на женщин, которых Сахликис обвиняет в разврате, сводничестве и пьянстве — пороках, которыми еще в античности охотно наделяли женский пол авторы сатир и комедий[52]. Сахликис называет множество имен, по всей вероятности, своих современниц. Описание некоторых из них сопровождается даже деталями внешнего облика[53]. Гетеры собираются со всей страны, они — разного возраста и общественного положения. Невозможно сейчас установить, в какой степени сатира Сахликиса соответствует действительности — во всяком случае она представляет собой гротескную инвективу. Насмешка Сахликиса касается не только самих женщин, но и их мужей и содержателей: автор не упускает случая назвать имена тех, кому принадлежат гетеры (III, 715, 724, 748 и др.). В числе любовников Сахликис часто называет лиц духовного звания: ὅλοι οἱ παπάδες ἔχουσιν τὸ σπίτιν τῆς μητᾶτον (и для всех священников дом ее служит гостиницей), — говорится о ἡ μαστόρισσα τοῦ Ἰωάννου Πιλάτου[54]. О двух женщинах сообщается, что они τῶν παπάδων ὁλωνῶν ἐκάμασιν τραπέλα[55]. Дважды в тексте стихотворения упоминаются οἱ φράροι — духовные лица католической церкви, может быть, монастырские „братья". Так, гетера Якумена „сосчитала любовников и нашла сотню, а сверх сотни еще пять братьев (πέντε φράροι)[56]. Другая женщина является на собрание от братьев (ἀπὸ τοὺς φράρους ἔρχεται)"[57]. В *P* гетера Пилатена названа φραρογαμημένη (II, 473)[58]. Пострадал от некоей Николетты епископ[59]. В числе любовников, называется также высшее духовное лицо критских греков — протопапа[60]. На совет является гетера, названная τοῦ πριόρε (III, 730). Слово πριόρε (ит. priore, лат. prior) означает должностное лицо как светское, так и духовное[61]. Однако следующая

---

[41] „Διήγησις τοῦ Πωρικολόγου" (G. Wagner. Op. cit., p. 199—202).

[42] См. K. Krumbacher. Das mittelgriechische Fischbuch, SBAW, 1903, S. 345—360.

[43] „Πουλολόγος" (Ed. G. Th. Zoras, ΕΕΒΣ, 1956, 25).

[44] „Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων" (G. Wagner. Op. cit., p. 141—178).

[45] О „родстве" произведений, описывающих собрания плодов, рыб, птиц и животных в византийской литературе, говорил К. Крумбахер („Das mittelgriechische Fischbuch", S. 348). Насколько нам известно из краткой аннотации в BZ, 39, ту же мысль высказал А. Камариано (A. Camariano. Der griechische Porikologos und Opsarologos, — „Certerari literare", 3, 1939). О жанре „совета" в мировой литературе см. статью Х. Лопарева „Животный совет" во всеобщей литературе — Commentationes philologicae. Сборник в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897, стр. 21—24.

[46] Царь-Орел в „Пулологе", царь-Лев в „Рассказе о четвероногих", царь-Айва в „Рассказе о плодах", царь-Кит в „Опсарологе".

[47] Следует отметить, что в двух (из восьми имеющихся) версиях „Пулолога" ссора птиц не прекращается.

[48] „Рассказ о четвероногих", 29; Сахликис, II, 671, 674 и др.

[49] „Рассказ о четвероногих", 30—111; Сахликис, III, 680 сл. и др.

[50] „Рассказ о четвероногих", 17 сл.; Сахликис, II, 483—485.

[51] См. В. С. Шандровская. Византийская басня „Рассказ о четвероногих". — ВВ, X, 1956, стр. 191 сл.

[52] Симонид Аморгосский, Аристофан. В византийской литературе можно указать на „Κατὰ φιλοπόρνου γραός" Продрома. В XV в. появилась анонимная сатира на женщин, напоминающая по стилю стихотворение Сахликиса (см. K. Krumbacher. Ein vulgargriechischer Weiberspiegel. Münch., 1905).

[53] Ἡ κυρὰ Κολομπούδαινα μὲ τ'ἄσπρα τὰ μαλλιά της (III, 692), Ἡ Γιακουμίνα . . . μὲ τὸ ξανθὸν τριχάριν (II, 478).

[54] III, 718. Ср. примеч. С. Д. Пападимитриу к слову μητᾶτον (ук. соч., стр. 139—140).

[55] III, 730. Слова ἐκάμασιν τραπέλα представляют собой народное идиоматическое выражение, смысл которого сейчас непонятен.

[56] II, 481—482. Принимаем чтение С. Д. Пападимитриу στοὺς ἑκατόν вместо вагнеровского τοὺς ἑκατόν.

[57] III, 746—747. Перед этим стихом в тексте лакуна, на что указывает отсутствие рифмы.

[58] В *N* ἐγνιογαμημένη (III, 710).

[59] II, 530—531.

[60] III, 742. Ср. H. Noiret. Op. cit., p. 136.

[61] См. Ducange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, s. v. *prior*.

фраза: καὶ τῶν παπάδων ὁλωνῶν ἐκάμασι τραπέλα — показывает, что под πριόρε в данном случае подразумевается именно духовное лицо. В связи с этим возникает и другое предположение. Сахликис говорит, что женщины выбирают Кутайиотину своей приорой: ἐκάτζαν εἰς τὴν βουλὴν διὰ νὰ κάμουν πριόρα (III, 757 сл.). Приорой названа Кутайиотина также в конце повествования (II, 712). С. Д. Пападимитриу переводит πριόρα словом „начальница". Ни один из словарей не дает этого слова. Латинский словарь Дюканжа фиксирует женский род от prior — priorissa и priosa (фр. prieuse)[62]. Возможно, что Сахликис, употребляющий πριόρε как обозначение духовного лица, под термином πριόρα понимает также духовное лицо — „аббатиссу". Председательствующая Кутайиотина иронически называется военным термином ἡ καπετάνιος[63] и духовным ἡ πριόρα. Подкреплением этой мысли, может быть, служит тот факт, что в другом своем стихотворении — „Странный рассказ" — поэт уподобляет τὸ μαυλισταρειόν (сборище сводниц) большому монастырю (τὸ μέγα μοναστῆριν)[64].

В контексте сатирического произведения о гетерах не слишком почтительно звучат упоминания бога и Христа в устах гетер, да и самого автора[65]. Клянущиеся в верности Кутайиотине гетеры приносят иконы[66]. Иронический оттенок имеет также сравнение гетер с игуменьями[67]. Насмешки над духовенством встречаются и в других произведениях Сахликиса[68].

Во время пребывания в тюрьме Сахликис написал также стихотворение „О друзьях", текст которого сохранился только в *P* (II, 1—201). Так же как „Главные сводницы" и стихотворения о тюрьме и тюремщиках, „О друзьях" написано белым стихом. Стихотворению предпослано введение (II, 1—17), где рассказывается, как рассудок (ὁ λογισμός) и ум (ὁ νοῦς) побуждали заключенного в тюрьму Сахликиса писать о друзьях и родственниках. Сахликис сопротивляется, но ум и рассудок берут верх и заставляют его взяться за перо. Сахликис кончает введение просьбой к читателям простить его за ошибки, ибо „он берется за великое дело, а ума не хватает". Обращение к рассудку, жалобы на ὁ νοῦς и ὁ λογισμός и даже персонификация этих понятий — нередкое явление в византийской литературе, особенно написанной на народном языке[69]. Обращение к своему λογισμός встречается в эпиграммах Паллада[70]. В одном из диалогов Филиса, „Ἠθοποιΐα δραματική", в качестве собеседника автора выступает персонифицированный ум. В памятниках народной литературы о νοῦς и λογισμός, как и у Сахликиса, говорится чаще всего во введении. „Ὁ λογισμός μου πάντοτε φέρνει σε εἰς τὸν νοῦν μού", — обращается к племяннику Спанеас в начале своей дидактической поэмы[71]. „Ἀπορεῖ γάρ μου ὁ λογισμὸς συγχέεται κ' ὁ νοῦς μου", — заявляет анонимный автор „Θρῆνος περὶ Ταμυρλάγγου"[72]. Анонимное стихотворение „Εἰς Βενετίαν" начинается словами: Ἐδᾶ συνάξου, λογισμέ, καὶ λεπτινή μου γνῶσι, καὶ μίλειε, γλῶσσα, φρόνιμα, κι ὁ νοῦς μου ἂς θεμελιώσῃ[73]. В середине произведения современника Сахликиса Георгиллы приводится беседа автора со своим ὁ λογισμός[74]. Обращает на себя внимание частое сопоставление в народной литературе ὁ νοῦς и ὁ λογισμός — сопоставление, которое мы находим во введении к стихотворению „О друзьях" Сахликиса[75].

Само стихотворение начинается с рассуждений о бескорыстной дружбе в минувшее время, когда люди с охотой шли на смерть ради друга и ни во что не ставили деньги, богатство, готовые всегда их предоставить в распоряжение своих друзей. В качестве примера Сахликис приводит идеальную дружбу Ахилла и Патрокла. „Но я вижу, что изменились дела мира (ἀμμὴ θωρῶ ὅτι ἐλλάξασι τὰ Πράγματα τοῦ κόσμου), — продолжает поэт. — Сейчас нельзя найти верного друга, все любят богатство, ищут состояния, пытаются получить выгоду, стать богатыми...; где выгода и польза, там заключают дружбу" (II, 50—54). Эту мысль в разных словах и выражениях Сахликис повторяет на всем протяжении произведения, иллюстрируя ее различными примерами. Все любят богатых родственников и презирают бедных (68—71), — пишет поэт, — дети богатого человека мечтают о его смерти (100—103), стóит богатому разориться, как от него отворачиваются все друзья (105—106), и т. п. Сахликис мечтает о том, чтобы найти средство различать верных друзей от неверных, и горькими сетованиями об исчезновении дружбы заканчивает стихотворение[76].

„О друзьях", так же как и большинство других произведений Сахликиса, носит ярко выраженный дидактический характер, содержит многочисленные обращения к читателю[77]. Несмотря на откровенно поучительный характер, обилие повторений и общих рассуждений, стихотворение „О друзьях" не лишено определенных достоинств. Картина разрыва родственных и дружеских связей, всеобщего корыстолюбия представляет собой не дань какой-либо литературной традиции[78], а гротескное отражение реальных отношений. В стихотворении немало горестно-иронических наблюдений. Так, говоря о заболевшем богатом человеке, Сахликис описывает, как родственники ждут его смерти, как после кончины „громко бьют в колокола, собираются священники, возносят к небу псалмы и хоронят его" (II, 134—135). Родственники плачут, но в душе хохочут (II, 137). Затем по контрасту Сахликис дает картину смерти бедняка. „Очень тихо поют, в колокола не бьют, хоронят его, возвращаются и больше ни слова" (II, 163—164). Характерно, что в первом случае Сахликис упоминает священников (οἱ παπάδες), о которых нет речи при описании похорон бедняка. Уже отмеченные нами приемы — повто-

---

62 См. Ducange. Glossarium mediae et infimae latinitatis, s. v. *priorissa*, *priosa*.
63 III, 758.
64 III, 99.
65 II, 667; III, 686.
66 II, 623.
67 II, 663—664; III, 711.
68 О том, что духовные лица на Крите мало чем отличались от мирян и вели, по всей видимости, отнюдь не безупречный образ жизни, свидетельствует хотя бы документ из сборника Нуаре, датированный 10 марта 1390 г. В документе говорится о том, что на Крите происходят многочисленные беспорядки в связи с тем, что некоторые духовные лица (clerici prime tonsure et quatuor ordinum minorum) живут как миряне (in habitu, vita et moribus secularibus in omnibus se nutriunt. Se gerunt uti seculares), но когда они совершают какое-либо преступление, то избегают наказания, будучи духовными лицами (H. Noiret. Op. cit., p. 30).
69 У Сахликиса персонификация ὁ νοῦς встречается также в стихотворении „О моем тюремщике" (III, 586, ср. I, 180).
70 Паллад, X, 96.

71 „Ἀλεξίου Κομνηνοῦ ποίημα παραινετικόν" (G. Wagner. Op. cit., p. 1—27).
72 „Θρῆνος περὶ Ταμυρλάγγου", 6 (G. Wagner. Op. cit., p. 28—31).
73 „Εἰς Βενετίαν", 1—2 (G. Wagner. Op. cit., p. 221—223).
74 „Θανατικὸν τῆς Ρόδου", 446, сл.
75 Кроме приведенных примеров, сошлемся на „ Περὶ γέροντος νὰ μὴν πάρῃ κορίτσι, 196. Подобное же сопоставление встречается в критских народных песнях (Jeannaraki. Op. cit., № 15,2; 23,1; 48,3 и др.).
76 Те же мысли о разрыве родственных и дружеских связей под влиянием корыстолюбия высказываются устами кормилицы Аретузы через несколько десятилетий после Сахликиса в „Эротокрите".
77 II, 30, 72, 82 сл., 114, 140, 149, 165 и др.
78 На тему об исчезновении дружбы известно стихотворение Продрома „Ἀποδήμος φιλία". Трудно сказать, знал ли его Сахликис.

рение отдельных стихов[79], анафора[80] встречаются и в стихотворении „О друзьях".

Группа стихотворений о горестях жизни заключенного („О тюрьме", „О тюремщиках" и „О моем тюремщике") со сравнительно малым числом разночтений содержится в тексте всех трех рукописей.

Цикл начинается обычным введением, после которого следует обращение к читателям: καὶ τοῦτο ὀρδινιάζω σας ὅλοι μικροὶ μεγάλοι[81]. Обращения к читателям встречаются также и в середине цикла[82]. С. Д. Пападимитриу сравнивает первые два произведения этой группы с поэмой М. Глики о тюрьме[83], однако эти сопоставления, как, впрочем, он сам это признает, малоубедительны: некоторое совпадение текстов объясняется общностью тем обоих произведений. Цикл стихотворений о тюрьме носит ярко выраженный личный характер: поэт описывает действительно пережитое им. Говоря о тюремщиках, Сахликис постоянно подчеркивает их корыстолюбие: первым делом, как только является заключенный, они стараются выяснить, богат он или беден, и если заключенный оказывается состоятельным человеком, непрерывно вымогают у него взятки.

Своеобразием художественной формы этого цикла является нагромождение развернутых гиперболических сравнений. Поэт уподобляет тюрьму могиле: „Дверь тюрьмы похожа на могильную плиту, и как могильная плита покрывает мертвеца, так тюрьма держит живых людей" (III, 440—443). Не удовлетворяясь этим сравнением, Сахликис уподобляет дверь тюрьмы яду, стены — отвесам высокого утеса, а пол — колючему чертополоху, затем сравнивает стены тюрьмы с мечом, пол — с саблей и т. д. В конце стихотворения поэт называет тюрьму чистилищем: как души умерших мучаются в подземном царстве, так живые — в тюрьме. Подбирая сравнения для тюремщиков, Сахликис уподобляет их волкам и во́ронам. Но это кажется поэту недостаточным, и он называет их кинокефалами[84], прибавляя, однако, что, как он слышал, кинокефалы пожирают людей, не трогая их имущества, в то время как тюремщики съедают вместе с человеком его детей и состояние. Стремясь к большей выразительности и обладая умеренным талантом, Сахликис идет по линии нагромождения изобразительных средств.

„Странный рассказ" (III, 1—412), как это явствует из его содержания, написан Сахликисом в последний период творчества. В интересное автобиографическое повествование включены два ранее написанные произведения: „О крестьянах" (III, 170—258) и „Об адвокатах" (III, 350—412). Если другие стихотворения Сахликиса в жанровом отношении можно сравнить с некоторыми произведениями византийской народной литературы, то „Странный рассказ" представляет собой единственный образец автобиографического жанра.

В обширном введении (III, 1—29) Сахликис жалуется на свою судьбу и долю. Слова ἡ τύχη и ἡ μοῖρα в качестве синонимов постоянно употребляются вместе для усиления, точно так же как ὁ νοῦς и ὁ λογισμός во введении к „О друзьях"[85]. Основная мысль введения, проходящая, впрочем, через все стихотворение, — непостоянство человеческой судьбы. „Та (судьба), которая тебя ограбила, может вернуть еще большие блага, может повернуть вспять колесо" (III, 7—9), — восклицает автор. Она „играет несчастным, как музыкант на лире" (III, 26), — заявляет он[86]. На всем протяжении „Странного рассказа" Сахликис представляет себя игрушкой в руках судьбы. „Подъемы и спуски несут меня"[87], — пишет поэт. С 14 лет начала Сахликису препятствовать судьба (III, 39). Это она заставила его полюбить пороки (III, 49) и отправила в бордели (III, 51). Злая судьба (ἡ τύχη μου ἡ κακή — III, 91) побудила Сахликиса промотать остатки состояния. По воле судьбы встречается поэт с Кутайиотиной (III, 102), а после освобождения из тюрьмы отправляется в деревню (III, 115). Но ничему не научив его в деревне (III, 115), судьба велела Сахликису возвращаться в город (III, 163). Мысли о преходящем характере всего земного встречаются у Сахликиса и в других произведениях „...κυλιοῦν τὰ πράγματα τοῦ κόσμου καὶ διαβαίνουν" (II, 100), — говорит Сахликис в стихотворении „О друзьях". Рассуждениями об обманчивости мирских дел и непостоянстве всего земного начинается цикл стихотворений о тюрьме (III, 419 сл.). В последнем случае Сахликис указывает на литературное происхождение такого представления: такие мысли он встречал в писаниях „разумных людей" (III, 419—422).

Рассуждения об изменчивости и вероломстве человеческой судьбы, а также персонифицированная и обожествленная Τύχη с античных времен встречаются в литературе[88]. Нет, однако, необходимости предполагать знакомство Сахликиса с памятниками древней литературы. Представления об изменчивости Τύχη были, по-видимому, общераспространенными в средневековой Греции: мы встречаемся с ними во многих произведениях, в том числе написанных на народном языке. Подобные мысли нередки у Продрома и Цеца. В „Δραμάτιον" автора XII в. М. Аплухира выводилась олицетворенная фигура Τύχη . В аллегорической сказочной поэме „Λόγος παρηγορητικὸς περὶ δυστυχίας καὶ εὐτυχίας" были изображены аллегорические фигуры счастья и несчастья. Персонифицированная Судьба (Μοῖρα) выступает в качестве собеседницы в диалоге Фалиериса (Ἱστορία καὶ ὄνειρο τοῦ εὐγενεστάτου ἄρχοντος κυρίου Μαρίνου Φαλιέρου). Интересно, что в двух анонимных произведениях народной литературы, датируемых примерно концом XV в., т. е. временем жизни Сахликиса, мы встречаемся с образом колеса судьбы, которое возносит человека ввысь только для того, чтобы сразу же опустить вниз[89]. Этот образ находит полное соответствие в „Странном рассказе" Сахликиса: δύναται ἡ τύχη τὸν τροχὸν πάλιν νὰ τὸν γυρίσῃ (III, 9). Мысли об изменчивости судьбы нередки в последующей новогреческой литературе[90], а обращение к судьбе, особенно в начале произведения, встречается часто и в устной поэзии[91].

Рассуждения Сахликиса об изменчивости судьбы — не столько абстрактно-нравоучительное философствование, сколько горькие выводы

[79] II, 183, 186.
[80] III, 188—190, 180—181; II, 62, 63.
[81] III, 428. Ср. начало „Главных сводниц": „μικροί, μεγάλοι, ἀκούετε... (III, 812).
[82] III, 536—537 и др.
[83] С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 96 сл.
[84] III, 555 сл. в *N* κουρνοκέφαλα, в *P* κυνοκέφαλοι. Кинокефалы (песьеголовцы) — распространенные образы греческого сказочного фольклора. В современных сказках они носят название Σκυλοκέφαλοι. Сахликис заимствовал этот образ из устных рассказов: οἱ κουρνοκέφαλοι ὡσὰν ἀκῶ καὶ λέγουν (III, 561).
[85] Ср. „Περὶ τῆς ξενιτείας", 148, 154 (G. Wagner. Op. cit., p. 203—220).

[86] См. также III, 77 сл.
[87] Τὰ μεγάλα ἀνήφορα κατήφορα μὲ φέραν (III, 72).
[88] Аргументацию и ссылки на соответствующую литературу см. И. Ирмшер. Паллад. — ВВ, XI, 1956, стр. 261—262.
[89] „Ἀλφάβητος κατανυκτικὸς καὶ ψυχωφελής", 6—15 (G. Wagner. Op. cit., p. 242—247). Почти в тех же выражениях эта мысль передается в „Περὶ τῆς ξενιτείας", 431—433. Жалобы на τύχη содержатся и в начале „Περὶ τῆς ξενιτείας".
[90] „Печальное созерцание непостоянства всего земного... составляет излюбленную тему многих новогреческих стихотворений" (K. Dietrich. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902, S. 83).
[91] A. Passow. Op. cit., CCCLXXXV; A. Jeannaraki. Op. cit., p. 16, 76 и др.

из собственного жизненного опыта. „Странный рассказ" написан с позиций умудренного опытом человека, раскаивающегося в своем беспутном прошлом. Сахликис постоянно осуждает себя и пытается оправдаться только кознями судьбы, против которых он всегда оказывается бессильным. Сахликис приписывает себе даже некоторые благородные мысли и побуждения, которым, однако, не суждено было осуществиться из-за его безволия и пассивности. Так, в начале адвокатской деятельности он старался усердно выполнять свои обязанности, был справедливым, избавил от платы многих бедняков, не брал взяток[92]. Такое поведение вызывает неудовольствие его коллег — адвокатов-взяточников, среди которых он чувствует себя белой вороной. Свои ощущения Сахликис передает развернутым сравнением с состоянием человека, впервые пускающегося в морское путешествие: „...моряки едят и пьют, смеются и поют, расхаживают по кораблю, ходят туда и сюда, а те, которые не привыкли, лежат удрученные, их рвет, и они валяются, как больные"[93].

Сахликис собирался даже отказаться от должности, но и этому благородному побуждению не суждено было осуществиться: он становится таким же взяточником, как и его коллеги. Такое превращение поэт опять-таки объясняет сравнением с морским путешествием: „Кто плывет по морю, должен сам научиться плавать и не бояться глубины, быть хорошим матросом, любителем путешествий"[94]. „Если кто-нибудь имеет должность, — продолжает автор, — будь он хоть крепче дуба, становится негодяем, вором и обманщиком"[95]. Сознавая свое безволие, Сахликис в то же время не склонен снимать с себя всей вины: „Признаю грех свой", — говорит поэт. Яркий образ автора — одно из основных достоинств „Странного рассказа". Включенные в „Странный рассказ" рассказы о крестьянах (III, 170—258) и адвокатах (III, 350—412) по своему жанру мало чем отличаются от таких произведений поэта, как „О тюремщике", „О моем тюремщике" и т. п. К крестьянам Сахликис относится с высокомерным пренебрежением человека, вкусившего плоды городской цивилизации. Земледельцы, пахари, пастухи, свинопасы и пр., по словам поэта, не умеют вести себя в обществе, грубы и невежественны (III, 173 сл.). Он ненавидит крестьян, призывает на их головы гнев Христа (III, 246). Несмотря на такую явную тенденциозность, Сахликис дает образную картину крестьянской жизни и сообщает много интересных деталей быта крестьян[96]. К сожалению, оказалась утерянной та часть рассказа о крестьянах, в которой говорилось о сельском священнике[97]. Поэт иронически называет священника „блюстителем" (ὁ κουράτορας, ит. curatore).

Не меньший интерес представляет рассказ Сахликиса об адвокатах. По словам поэта, это сословие разъедает коррупция. Адвокаты расценивают свою деятельность только как средство обогащения. „Старайся обобрать богатых и бедных, бери у всех плату, набивай хорошенько кошелек", — увещевают Сахликиса его коллеги (III, 290—291). Корыстолюбие и в данном случае обличается Сахликисом как основной общественный порок. Адвокат, не получивший взятки, ничего не будет делать, даже если человек умирает (III, 361), но он проявляет максимум

[92] См. III, 275—284.
[93] III, 307—310.
[94] III, 325—327.
[95] III, 329—331. С. Д. Пападимитриу, конечно, прав, изменяя чтение ὁ πρίμος (330) на ὁ πρίνος. Этой поправки требует как смысл, так и рифма (ἐχεῖνος).
[96] См., например, III, 182—183, 186—187 и др.
[97] Сахликис пишет: "Ας ἔρθωμε εἰς τὸν παπᾶν... (III, 249). Однако сам рассказ не следует.

активности, как только видит перед собой богатого человека, щедро оплачивающего его услуги (III, 391 сл.). Поэт сравнивает адвокатов с ворами, делящими добычу (...ὡσὰν κλέπτες νὰ μεράζουν — III, 314), с бешеными псами (... ὡσὰν λυσσάρους σκύλους — III, 301). Вряд ли в каком-либо историческом источнике содержится такая яркая картина разложения сословия государственных чиновников[98].

Все упомянутые выше произведения Сахликиса объединяются рукописями в одно стихотворение. Другой цикл составляет так называемые „Советы Фрациски" (I, 1—367). Число разночтений в этом стихотворении сравнительно невелико, порядок следования текста одинаков[99]. Все произведения Сахликиса в той или иной степени носят дидактический характер, но особенно это относится к „Советам Фрациски" — циклу, представляющему собой поучения автора сыну своего старого друга. Поучения, направленные какому-либо определенному лицу или просто адресованные читателю, — излюбленный жанр византийской литературы, особенно написанной на народном языке[100].

Как уже говорилось, композиционно этот цикл построен так же, как и другие произведения поэта: после общего введения (1—51) следуют три самостоятельных стихотворения, объединенные в одно целое. Во вступлении Сахликис говорит, что он не впервые обращается к Фрациски с увещеваниями (например, он советовал сыну друга покинуть чужие страны — I, 1—2), однако эти обращения не приводят к желаемым результатам. Описание несчастий, которые ожидают человека на чужбине, составляет содержание большого цикла греческих народных песен. То, что эта тема не была чуждой и византийской народной литературе, доказывается сохранившимся анонимным произведением „Περὶ τῆς ξενιτείας". Если бы стихотворение Сахликиса о путешествиях в чужие страны дошло до нас, мы, возможно, имели бы лишнее доказательство зависимости творчества Сахликиса от фольклора.

В первом из упомянутых выше трех стихотворений поэт советует Фрациски не участвовать в ночных экскурсиях, во втором — оставить азартные игры, в третьем предостерегает от козней гетер. Можно отметить, что по сравнению с другими произведениями этого жанра у Сахликиса значительно слабее чувствуется влияние религии: упоминания Христа, напоминания о божьем гневе и т. п. носят эпизодический характер и не определяют общего тона стихотворения[101]. Как и в других

[98] Косвенные данные о злоупотреблениях государственных чиновников, в том числе advocatores communis, на Крите можно извлечь из документов сборника Нуаре. Дож Венеции регулярно отправлял на Крит синдиков с особыми полномочиями, в задачу которых входило принятие жалоб на государственных чиновников, в том числе на advocatores communis (см., например, документы от 13 мая 1438 г., стр. 378 сл., от 12 апреля 1473 г., стр. 525 сл. и др.). В документе от 15 марта 1436 г. говорится о запрещении одновременно избирать в число адвокатов родственников. Подобная практика приводила, по-видимому, к злоупотреблениям. О злоупотреблениях среди других категорий государственных чиновников см. H. Noiret. Op. cit., p. 527 и др.
[99] Только после I, 336 *P* и *M* дают разные тексты.
[100] См., например, стихи, приписываемые Константину Манасси (XII в.) (E. Miller. Annuaire de l'association pour encouragement des études grecques en France, 1875), или стихотворение, обращенное к племяннику автора, приписываемое Спанеасу (XII в.), (E. Legrand. Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs aux XVe et XVIe siècles, vol. I, 1885), „Στίχοι αὐτοσχέδιοι εἰς κοινὴν ἀκοὴν" Георгия Лапифиса (XIV в.) (PG, t. 149). Ср. также небольшое дидактическое стихотворение Фалериса (XVI в.) (E. Legrand. Bibliothèque grecque vulgaire, 2, 1881) и др. Непосредственно подражал Сахликису М. Дефаранос (см. С. Д. Пападимитриу. Ук. соч., стр. 227 сл.). К этому же жанру можно отнести такие анонимные произведения, как „Περὶ τῆς ξενιτείας", „Περὶ γέροντος νὰ μὴν πάρῃ χορίτσι" и др.
[101] Например, I, 33 сл.; 60—63; 110 сл., 129, 231—233 и др.

своих произведениях, Сахликис и здесь с горечью говорит о корыстолюбии и жажде наживы[102], а его поучения являются не только плодом абстрактного морализирования, но и основаны на жизненном опыте автора[103]. Характерными для формы „Советов" являются уже отмечавшиеся нами часто встречающиеся у Сахликиса анафоры[104], сравнения[105], поговорочные выражения[106].

* * *

Хотя у Сахликиса нельзя встретить прямых упоминаний о каких-либо государственных, политических событиях, его произведения представляют собой интересную картину жизни острова Крита второй половины XV в. Исследователь истории Крита Е. Герлянд утверждает, что XV век — это век процветания и благосостояния острова[107]. Произведения Сахликиса вносят некоторые коррективы в эту чересчур оптимистическую оценку, они свидетельствуют о том, что определенный экономический расцвет сопровождался большой имущественной дифференциацией и обеднением некоторых слоев общества, моральным упадком, корыстолюбием и коррупцией. Такую же картину рисуют документы венецианского архива, многие из которых могут служить хорошей иллюстрацией к стихотворениям Сахликиса. Сахликис неоднократно с сочувствием говорит о горестях и страданиях бедняков. О тяжелом положении неимущего населения Крита, особенно ухудшившемся в результате войны с турками 1463—1479 гг., свидетельствуют и документы. В речи перед венецианским правительством критских послов Матфея Мудатия и Николая Гримари[108] сообщается о том, что многие города разграблены, разрушены и лишены населения, земледелие находится в упадке (neglegitur et deseritur agricultura), венецианцы облагают критское население тяжелыми налогами (...cum gravissimis penis cogimur afferre illam quantitatem quam non excussimus a villanis). Послы подчеркивают, что ограничение венецианцами свободы торговли отражается на бедных моряках (pauperes marinarii), добывающих себе пропитание перевозками товаров.

Судьба самого Сахликиса, о которой он рассказывает в „Странном рассказе", является, по-видимому, весьма типичной для того времени: Сахликис продает доставшиеся ему от родителей дома и земли в погашение долгов ростовщикам. Материалы венецианского архива предоставляют в наше распоряжение многочисленные свидетельства того большого размаха, который приобрело ростовщичество в XV в.[109] В документе от 14 ноября 1415 г. говорится о гражданах, покинувших родину (exules a patria), ставших беглецами и бродягами (fugitivi et vagabundi) из-за неуплаты долгов. Находят подтверждение также сообщения Сахликиса о коррупции чиновничества, в частности advocatores communis[110]. Мрачная картина, нарисованная Сахликисом, в какой-то степени результат позиции автора, брюзжащего на мир неудачника. Тем не менее, как это следует из документов, Сахликис только сгущает краски, давая в целом реалистическое изображение жизни Крита своего времени.

Отмеченные нами особенности творчества поэта — грубая реалистичность, дидактико-сатирическая направленность, ироническое отношение к духовенству, использование народного языка и следование фольклорным традициям — сближают произведения Сахликиса с некоторыми произведениями европейской предренессансной литературы[111]. „В Византии не было крепкого среднего городского сословия, в котором западная литература черпала свои силы", — писал Дитрих[112]. Думается, что для Крита XV в. роль „среднего городского сословия" европейских стран играла прослойка купцов, торговцев, моряков и других городских жителей, число которых значительно возросло благодаря активной торговле Крита в XV в.[113] Потребности этих слоев населения могли вызвать к жизни демократическое направление в критской литературе XVI—XVII вв., у истоков которого находится творчество Сахликиса, — направление, которое иногда называют критским Ренессансом.

[102] Об азартных игроках Сахликис рассказывает: „Когда выигрывает игрок, многие водят с ним дружбу, а когда проигрывает, его оставляют и не вспоминают о нем" (I, 154—155). О корыстолюбии гетер Сахликис говорит на протяжении всего третьего совета.

[103] Сахликис в молодости сам участвовал в ночных прогулках, от которых он предостерегает Франциски (III, 67—69). Пострадал Сахликис и от гетер, о кознях которых он рассказывает Франциски.

[104] Особенно много анафор в первом „Совете": τὴν νύκταν ὁποῦ περιπατεῖ... (58, 62, 72, 74) ὁποῦ γυρίζει σκοτεινά... (70, 106, 109, 111). См. также I, 65—67, 122—123 и др.

[105] См., например, образное сравнение азартного игрока с рыбой, попавшейся на крючок (I, 218—221).

[106] I, 8—21, 249, 290, 338 и др.

[107] E. Gerland. Kreta als venetianische Kolonie (1204—1669). — „Historisches Jahrbuch", Bd. 20, 1899, S. 1—24.

[108] H. Noiret. Op. cit., p. 513.

[109] Ibid., p. 241—242, 493 и др.

[110] Ср. выше, стр. 78—79.

[111] Р. Кантарелла (ук. соч., примеч. 22) правильно отмечал сходство „Странного рассказа" с испанским плутовским романом, имея в виду такие черты этого жанра, как автобиографичность и бытописательный характер, натуралистичность и назидательность. Хронология (первый плутовской роман „Ласарильо" появился в 1553 г.) исключает всякую мысль о прямом заимствовании. Произведения Сахликиса можно сопоставить также с откровенными, подчас циничными, стихами его современника, гениального Франсуа Вийона, а также со стихами предшественника Вийона—Рютбефа. И в данном случае речь должна идти, конечно, не о прямом влиянии, а о сходстве литературных явлений периода подготовки или раннего Ренессанса.

[112] K. Dietrich. Op. cit., p. 30.

[113] На Крите почти не было ремесленников — основного сословия городов средневековой Европы. В документах венецианского архива упоминаются только бочары, изготовлявшие бочки для вин — одной из основных статей экспорта.

М. М. КОПЫЛЕНКО

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ О ЯЗЫКЕ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДОВ ПАМЯТНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Гипотактические конструкции славяно-русского перевода „Александрии")

Памятники переводной литературы, созданнные в древней Руси, необходимо признать одним из важнейших источников изучения ранних периодов в развитии русского языка. Они представляют широкие возможности для исследования различных сторон лексической и грамматической системы языка, но прежде всего должны быть использованы для изучения синтаксиса. Синтаксический анализ произведений древней переводной литературы является надежным средством для выяснения специфических отличий славянских языков от греческого и для установления характерных особенностей древнерусского языка, выделяющих его среди других древних славянских языков. О преимуществах, которые представляют в этом отношении переводные памятники по сравнению с оригинальными произведениями славяно-русской литературы, мы уже упоминали[1].

Среди других сторон древнеславянского синтаксиса особое внимание привлекает гипотаксис. Сложноподчиненные предложения раннего периода развития славянских языков настолько близки по своей структуре к сложноподчиненным предложениям греческого языка, что в литературе высказывалось даже сомнение в возможности провести между ними различие. Однако такое различие объективно существует, и именно переводные памятники дают возможность выявить его с максимальной четкостью[2]. Более того, гипотактические конструкции разных изводов церковно-славянской переводной литературы при их сличении с оригинальными греческими конструкциями позволяют выявить своеобразные черты гипотаксиса русского, болгарского и сербского языков древнейшей поры.

Среди этих переводных произведений особая роль принадлежит „Александрии". „История Александра, — как справедливо отмечает академик А. С. Орлов, — стала одной из мировых книг и всегда нисходила до массового обихода"[3]. Степень близости литературного языка к живой разговорной речи всегда зависит от жанра. В условиях же средневековья биографическая повесть с элементами фантастики несомненно должна была быть жанром, наиболее понятным народу и максимально

[1] См. М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции славяно-русского перевода „Хроники" Георгия Амартола. — ВВ, XII, 1957, стр. 232—233.

[2] См. исследования В. И. Срезневского, С. Слоньского, О. Грюненталя, Е. Т. Черкасовой и др. Подробные ссылки в нашей указанной выше статье (ВВ, XII, 1957, стр. 233).

[3] А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. М., АН СССР, 1934, стр. 9.

приближающимся к народной речи по своему языку. В этом отношении „Александрия" превосходит не только богослужебную и житийную литературу, но также и исторические хроники. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что „Александрия" повлияла со стороны стиля, метафор и художественных формул на многие памятники древнерусской письменности, в том числе и на летопись XIII или даже XII вв.[4]

Вот почему мы считаем, что для объективной оценки возможностей славянских языков раннего периода в области гипотаксиса именно „Александрия" является одним из наиболее подходящих памятников переводной славяно-русской литературы.

Для своего исследования мы избрали тот текст „Александрии", который уже в конце XII—начале XIII в. вошел как составная часть в русские хронографы. Относительно происхождения этого текста существовали различные мнения. Виднейший исследователь „Александрии" академик В. М. Истрин в одной из своих ранних работ еще не решался признать без оговорок русское происхождение этого памятника. Но ни В. М. Истрин, ни другие исследователи не могли указать ни одной языковой черты, которая говорила бы о болгарском источнике „Александрии", за исключением *ръ* в соответствии с русским *ер*: „пръваго", „дръжим", „смръти" и т. п.[5] Но одна-единственная, притом орфографическая, черта не может быть критерием для определения извода памятника. Ведь древнейшие списки „Александрии" первой редакции, которая и подлежит нашему анализу, относятся к XV—XVI вв. — поре интенсивного южнославянского влияния на русскую письменность. Вряд ли можно относить употребление *ръ* вместо *ер* к таким чертам правописания, которые механически удерживались при неоднократной (на протяжении трех-четырех столетий!) переписке. Скорее всего это инновация, вызванная распространенным в XV—XVI вв. подражанием среднеболгарским образцам. В пользу русского происхождения „Александрии" свидетельствует, помимо огромного количества фонетических и морфологических признаков[6], лексика. Такие слова, как „сулица", „пестун", „кормилец", „радитель", „дружина", „посадник", „товар" (лагерь, обоз), „корста" (гроб), „староста", „гривьна", „верста", „скотъ" (деньги), „порты" и многие другие, являются искони русскими. Частота употребления этих слов во всех без исключения списках исключает мнение о том, что они были введены впоследствии как восточнославянские эквиваленты болгарских прототипов. В более поздней работе академик В. М. Истрин без всяких колебаний говорит о русском происхождении „Александрии"[7]. Такой же точки зрения и до В. М. Истрина, и после него придерживались другие исследователи[8].

Мы используем для изучения гипотактических конструкций „Александрии" текст первой редакции, являющийся переводом греческого текста так называемого Псевдокаллисфена. Этот перевод был выполнен в конце XI—начале XII в. При анализе соответствий гипотактических конструкций греческому оригиналу делаются сопоставления со славяно-

[4] См. А. С. Орлов. Ук. соч., стр. 12.

[5] См. В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, стр. 137—138.

[6] См. В. М. Истрин. Ук. соч., стр. 137.

[7] В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Пг., 1922, стр. 96, 99.

[8] См. А. И. Соболевский. Материалы и исследования по славянской филологии и археологии. — Известия ОРЯС, т. 88, 1910, стр. 98 сл.; В. П. Владимиров. Древняя русская литература XI—XIII вв. Киев, 1900, стр. 89; А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М. — Л., 1945, стр. 46—47.

русским переводом „Хроники“ Георгия Амартола[9] (первая половина XI в.) и с древнеболгарским переводом „Хроники“ Иоанна Малалы (X в.)[10].

Наибольшее своеобразие в „Александрии“, как и в хрониках, представляют переводы инфинитивных конструкций оригинала. В славянском тексте вместо греческих инфинитивов выступают аналогичные им по синтаксическим функциям придаточные предложения.

Инфинитивы в значении обстоятельства цели переводятся придаточными цели с союзом «да»:

Ἐπανελθὼν δὲ Φίλιππος ἀπὸ τῆς ἀποδημίας ἐξῆλθεν εἰς Δελφοὺς χρησμοδοτηθῆναι τίς ἄρα μετ' αὐτὸν βασιλεύσει[11]. — Възвращаꙗ҆же сѧ Филипъ ѿ шествіа, и҆ыде въ Делфоу, да емоу влъхвую҆ть, ктѡ оу҆бѡ по немь на́чнеть ц҃рствовати[12]. I, 15.

Ὁ οὖν Παυσανίας ἔσπευσεν εἰς τὸ παλάτιον ἁρπάσαι τὴν Ὀλυμπιάδα. — Паоу҆сїѧ же тече въ полатоу, да въсхыти́ть Алоумпїадоу. I, 24.

Так же переводятся и субстантивированные инфинитивы с предлогами. —

Πρός:

Κελεύει οὖν Ἀλέξανδρος χωρογραφῆσαι τὸ περίμετρον τῆς πόλεως πρὸς τὸ θεάσασθαι αὐτό. — Повелѣ оу҆бѡ Алекса́ндръ ѡ҆черести мѣроу гра́дноую, да ви́дить. I, 32.

Καὶ οὕτως ἀποφηνάμενος Ἀλέξανδρος πρὸς τὸ θρασῦναι τὴν στρατιὰν αὐτοῦ ἀντιγράφει Πώρῳ... — И҆ тако ѿвѣщꙗ Алекса́ндръ да во́ѧ дрѣзы сътворить, и въсписа По́рови... III, 2.

ἡμεῖς δὲ ἐπέμψαμεν αὐτῷ σκῦτος καὶ σφαῖραν ἐπὶ τὸ παίζειν καὶ παιδεύεσθαι. — мы́ же послáхомъ къ немоу мѧ́чь и҆ кръчегу, да и҆гра́е҆ть и҆ оу҆чи́тсѧ. II, 7.

ὥστε:

ἐκπέμψω κατὰ σοῦ καταδιώκοντας, ὥστε συλληφθῆναι ὑπὸ τῶν ἐμῶν στρατιωτῶν. — а҆ꙗ҆ле ли не послоуша҆еши, повелѣниѧ мое҆го, послю на́ тѧ, да́ тѧ имоуть во́ини мои[13].

Значительно реже, чем в „Хронике“ Георгия Амартола[14], выступают придаточные цели вместо accusativus cum infinitivo:

...δύναμαι δέ σοι ὡς Αἰγύπτιος προφήτης βοηθῆσαι τοῦ μὴ ἁπόβλητόν σε γενέσθαι ὑπὸ τοῦ Φιλίππου. — ...могоу же ти помоꙗи, ѩ҆ко пр҃ркъ е҆гипетскыи, ѩ҆ко да не и҆згнана боу́деши ѿ Филипа. I, 4.

...παράσχου μοι τὸν τοπον τοῦτον εἰς τὸ κοιμᾶσθαί με ἀπαρενόχλητον... — ...въда́и же ми мѣсто сѐ, да пребываю безъ голкы... I, 7.

Переводы инфинитивов придаточными временными и причинными в „Александрии“ не встречаются[15]. Но accusativus cum infinitivo часто переводится придаточным причинным. В роли союзов при этом выступают „зане (же)“ и реже „ꙗко“[16]:

...τοῦ βασιλέως Φιλίππου κατηφοῦς ὄντος διὰ τὸ ἔγκυον εἶναι Ὀλυμπιάδα τὴν γυναῖκα αὐτοῦ... — ...ц҃рю же Филиппоу дрѧхлоу соуꙗю, зане непразⷭна бѣ Алоумпїада, жена е҆го... I, 10.

...ὃν ὁ πατήρ σου ἐνέκλεισε διὰ τὸ ἀνθρωποφάγον αὐτὸν εἶναι. — ...е҆го́же ѿц҃ь твои затвори, зане ч҃лкоꙗ҆дець е҆сть. I, 17.

Βασιλεύσεις Τύρου ὅλης, καὶ ὑποχειριός σοι γενήσεται διὰ τὸ τὸν Σάτυρόν σοι δεδωκέναι Τύρον... — ...ц҃рь боу́деши всемоу Тоуру и҆ пѡ҆ роукою твое҆ю боу́доуть, зане́же ти е҆сть вдалъ сатоуръ сы́ръ...

Ἠβουλόμην μὲν αὐτὸ μὴ ἀναθρέψαι διὰ τὸ γέννημα ἐμὸν μὴ εἶναι. — мы́слилъ ѥсмь не кръми́ти е҆го, ꙗ҆ко не ѿ мене сѧ е҆сть родилъ. I, 13.

Столь же часто выступает вместо accusativus cum infinitivo придаточное дополнительное. В зависимости от глаголов со значениями „говорить“ и „думать“ употребляется придаточное с союзом «ꙗко»:

Οἱ δὲ ἐντόπιοι ἔλεγον ἐν ἐκείνοις τοῖς τόποις ἀνθρώπους ἀγρίους καὶ θηρία πονηρὰ καὶ τερατώδη εἶναι. — тоу́ земци же г҃лаахоу, ꙗ҆ко въ странахъ т҃ѣхъ ди́вїи ч҃лци соу́ть и҆ зв҃рїе зли҃ и҆ дивни.

αὐτὸν γὰρ ὑπώπτευεν εἶναι Ἀλέξανδρον. — мнѧше бо, ꙗ҆ко тои есть Александръ. III, 19.

...ἡ Κανδάκη προῆλθε βασιλικῷ διαδήματι ἐμφαίνουσα, ὑπερμεγέθη τὴν ἡλικίαν καὶ τὴν μορφὴν ἡμίθεον ἔχουσα, ὡς δοκεῖν Ἀλέξανδρον εἶναι τὴν ἑαυτοῦ μητέρα Ὀλυμπιάδα. — изыде Кандакыи въ ц҃рⷭтѣмъ вѣнци, велика тѣломъ и҆ ѡ҆бразъ малы́ не акы бж҃ии и҆моущꙗ, ꙗ҆ко мнѣти Александроу, ꙗ҆ко е҆сть мт҃и е҆го Алоумпиада. III, 21.

...καὶ ἀνήρχετο ὁ κονιορτὸς ἕως Ὀλύμπου, ὥστε τοὺς Πέρσας ἀπὸ τῶν τειχέων ὁρῶντας ὑπονοεῖν πλῆθος ἄμετρον τὸ στρατόπεδον τυγχάνειν. — ...и҆ въсхожáше прáхъ до Ѡ҆лоумпа, ꙗ҆коже Пръсомъ, съ гра́да зрѧщимъ, мнѣти, ꙗ҆ко мнóзи со́уть во́ини безъ числа. II, 13.

Последние два примера показывают, что в том случае, когда в греческом тексте употребляются два взаимозависимых оборота accusativus cum infinitivo, один из них переводится дательным с инфинитивом.

В зависимости от глаголов со значением „желать“ и „убеждать“ выступают придаточные с союзом „да“:

βούλομαι ὑμᾶς χιθῶνας κατασκευάσαι πλῆθους πολλοῦ καὶ στεῖλαι ἡμῖν. — хощоу бо, да пристроивше порты многи послете къ намъ. II, 11.

...ἔπεμψε πρὸς αὐτήν τινας ὡς δυναμένους πεῖσαι αὐτὴν καταλεῖψαι Φίλιππον τὸν ἄνδρα αὐτῆς καὶ γαμηθῆναι αὐτῷ... — ...посла къ не́и нѣкыѧ, и҆же ю҆ мо́гуть оу҆клюдити, да сѧ ѡ҆хаби́ть Филиппа, моу́жа свое҆го, и҆ и҆деть за него. I, 24.

---

[9] См. М. М. Копыленко. Ук. соч.

[10] См. М. М. Копыленко. Із спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактичні конструкції „Хроніки“ Іоанна Малали, пам'ятки перекладної літератури X ст. Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова, Збірник філологічного факультету, т. III, 1953.

[11] Греческий текст по изданию: Arriani Anabasis et Indica... — Reliqua Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. fragmenta collegit Pseudocallisthenis historiam fabulosam ex tribus codicibus nunc primum edidit Carolus Müller. Parisiis, 1877. Текст „Александрии“ Псевдокаллисфена снабжен особой пагинацией: I—XXXII, 1—152.

[12] Славянский текст помещен В. М. Истриным в приложении к его книге „Александрия русских хронографов“ под заглавием: „Александрия первой редакции по списку Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел, ркп. № 905/1468“. Внизу страниц помещены варианты других списков. Однако мы используем только такие примеры, которые в области характерных признаков гипотаксиса безусловно совпадают во всех списках. Сомнение в принадлежности анализируемых нами гипотактических конструкций протографу, таким образом, почти исключается. Римские цифры после славянского текста указывают номер книги, а арабские — номер главы.

[13] В „Хронике“ Георгия Амартола инфинитивы с союзом ѿстє переводятся придаточными с союзами ꙗко, ꙗко да. (См. М. М. Копыленко. Гипотактические конструкции..., стр. 235—236).

[14] См. М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 237—238.

[15] Такие переводы часто встречаются в „Хронике“ Георгия Амартола (М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 236—237) и реже — в „Хронике“ Иоанна Малалы (Ук. соч., стр. 68).

[16] В богослужебных книгах: „зане (же)“, „имьже“ и „понеже“. (См. St. Słoński. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908, S. 61). В „Хронике“ Георгия Амартола — только „зане (же)“ (М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 241).

Такие же придаточные употребляются в зависимости от глаголов со значением „молить", „просить":
'Εγραφε δὲ καὶ Πώρῳ τῷ βασιλεῖ τῶν 'Ινδῶν δεόμενος βοηθείας τυχεῖν παρ' αὐτοῦ. — написа́ же къ По́рови ц҃рю и́ндийскому молѧсѧ, да помощь прїиметь ѿ него.
ὥστε οὖν ἐλθὲ παρακαλοῦσα αὐτὸν διαλλαγῆναί σοι. — прїиди же оу́бо молѧйсѧ е́моу, да сѧ премени́ть к тобѣ́. I, 22.
ἱκετεύετε τοῦ μὴ ἀποθανεῖν... — ...мо́литесѧ, да не оумрете... I, 37.
Οἱ δὲ τῶν 'Αφρῶν στρατηγοὶ ὑπήντησαν αὐτῷ καὶ ἱκέτευον αὐτὸν ἀποστῆναι ἀπὸ τῆς πόλεως αὐτῶν Καρθαγένης. — Вое́воды же африкїискыѧ оу́ср҃тоша, молѧшесѧ е́моу, да бы ѿстоупилъ ѿ града и́хъ Каѳаргена. I, 30.
Οἱ δὲ λαβόντες τὸ ἀργύριον ᾐτήσαντο 'Αλεξάνδρῳ χώραν αὐτοῖς ἀπομερισθῆναι ἐν τοῖς τόποις ἐκείνοις... — ѿ́ни же, прие́мше сребро, молѧхоу 'Алекса́ндра, да бы и́мъ да́лъ мѣ́сто на странѣ́ то́и... II, 18.
ἀλλ' αἰτοῦμαί σε, προφῆτα, πάλιν συναμιγῆναι αὐτῷ... — но́ молю́тисѧ, пр҃рче, да бы́ сѧ па́кы смѣси́ла с нимъ... I, 6.

Как видим из приведенных примеров, употребление сослагательного наклонения наряду с будущим временем (совершенным видом настоящего времени) факультативно. Оба способа перевода инфинитивов в функции дополнения здесь, как и в „Хронике" Георгия Амартола, равнозначны.

Придаточное дополнительное с союзом „да" употреблено также в зависимости от глагола „написа", который, однако, имеет в данном случае значение „приказалъ":
Γνοὺς δὲ ταῦτα Δαρεῖος γράφει τοῖς ἔγγιστα στρατηγοῖς ἤτοι σατράπαις αὐτοῦ γενέσθαι ἑτοίμους καὶ παρεμβολὴν τιθέναι. — сѐ же оу́вѣдѣвъ, Да́рїи написа къ бли́жнимъ вое́водамъ и́ къ бокѣ́ромъ свои́мъ, да боу́доуть гото́ви и́ строити плъкы. II, 11.

Вместо accusativus cum infinitivo, зависящего от глагола со значением „знать", выступает придаточное дополнительное с союзом „ѩко": ...μαθὼν τὸν Φίλιππον ἔμπνουν (ἔτι) ὄντα, προσελθὼν λέγει αὐτῷ. — оувѣ́дѣвъ же, ѩ́ко Филипъ еще дышеть, пришедъ къ немоу, ре́че. I, 24.

Как видно из примеров, союзы в переводах греческих accusativus cum infinitivo придаточными дополнительными имеют уже вполне ясные и четкие значения: „да" употребляется в значении современного „чтобы", а „ѩко" — в значении „что".

Изредка употребляется вместо accusativus cum infinitivo придаточное следствия:
Εἰς δὲ τὴν Μακεδονίαν πᾶσαν ἐμφανὴς γενόμενος ὁ Νεκτανεβὼς ἀκριβῶς πᾶσιν ἐσκέπτετο, ὥστε καὶ τὴν βασίλισσαν 'Ολυμπιάδα ἀκούσασαν περὶ αὐτοῦ νυκτὸς ἐλθεῖν πρὸς αὐτόν...—'И по всеи же Макидо́нїи прославивсѧ Нектонав, извѣ́сто всѣмъ влъхвоваше, ѩ́коже и ц҃рца Ѡлоумпїада, слы́шавши ѡ немъ, прїиде к немоу но́ѥию... I, 4.

Переводчик „Александрии" проявляет стремление к расчленению простого предложения даже тогда, когда инфинитив довольно тесно связан с глаголом в личной форме, когда он не является дополнением, а образует вместе с предшествующим глаголом составное сказуемое: Τί οὖν μοι συμβουλεύεις ποῆσαι. — Что ми придаси оума, да створю. III, 19.

Однажды встретился перевод субстантивированного accusativus cum infinitivo в функции подлежащего придаточным подлежащным с относительным словом „еже":

Τὸ δὲ ἑωρακέναι σὲ θεὸν καὶ κριοῦ κέρατα καὶ πολιὰν τὴν χαίτην ἔχοντα, οὗτος ἐστὶν ὁ τῆς Λυβύης θεὸς 'Αμμων. — е́же, е́си ви́дѣвъ бо́га, ѿвнѧ рогы и́моу҆ща и́ сѣ́доу браду, и броу́ди имоу҆́ща, сѐ е́сть лувийскыи богъ 'Амно́нъ. I, 8.

Согласованные причастия греческого текста „Александрии" переводятся разнообразными придаточными предложениями. Чаще всего они имеют атрибутивный характер и заменяются придаточными определительными:
Γύναι, κατὰ γαστρὸς ἔχεις ἄῤῥενα τὸν ἐκδικόν σου γινόμενον. — жено, зачѧ́ла е́си въ чревѣ́ моу́жескъ по́лъ, и́же боудеть мѣ́стникъ твои. I, 5.
...καταφρονοῦμεν κενῆς δόξης τῆς παρὰ τοῖς ἄφροσιν οὔσης. — ...пре҆ѡ́бидишь же тъ҆мноую славу, е́же при безумлих есть. III, 16.
...ἔλαβον ἂν τὰ χρήματα καὶ τὴν χώραν τὴν δεδομένην σοι... — взялъ бы́хъ и́мѣ́ние и́ страноу ю́же ти даѣ́ть... II, 17.

Переводчик избегает калькирования. Он стремится как можно доходчивее передать содержание произведения и в случае необходимости смело отступает от формальных особенностей греческого текста.

Так, вместо пассивной конструкции употребляется активная: Πρωΐας δὲ γενομένης, ἰδὼν Φίλιππος τὸ τεχθὲν παιδίον ὑπὸ 'Ολυμπιάδος ἔφη. — Оу́троу же бы́вшю, видѣ́ Филипъ ѡ҆́троча, е́же роди 'Алоумпїа, и́ ре́. I, 13.

Причастие συναγόντων („собирающих") переводится определительным предложением с союзом „идѣ́же", потому что славянскому языку не свойственна конструкция: „Висады (название местности), иже събирають перъ" („Висады, которые собирают перец"):
...καὶ ἔφθασα ἐγγὺς τῶν καλουμένων Βισάδων τῶν τὸ πέπερι συναγόντων. — и́ дошедъ близъ нарица́емымъ Висады, идѣ́же перъ събираю́ть. III, 8.

Оборот ἐπεκαλεῖτο ὅρκοις τοὺς πρὸς τοῦτο πεποιημένους δαίμονας... („призывал заклинаниями предназначенных для этого духов...") переведен крайне своеобразно, но в точном соответствии с общим смыслом:
...ἄψας λύχνον ἀπὸ τῶν βοτανῶν ἐπεκαλεῖτο ὅρκοις τοὺς πρὸς τοῦτο πεποιημένους δαίμονας... — ...и́ въжегъ свѣти́лникъ ѿ земл҆ïи, призыва́ше заклинаа бѣ́сы, и́же бѫ́ху на сѐ на́добѣ... I, 5.

Атрибутивный причастный оборот περιέχοντα οὕτως („содержащее следующее"), который слишком удален от определяемого γράμματα („письмо"), удачно переведен сочиненным предложением („и бѫ́ше написано сице"):
Μετὰ δὲ ἡμέρας τρεῖς γράφει 'Αλέξανδρος γράμματα Δαρείῳ, ἅπερ καὶ ὑπανέγνω τοῖς ἰδίοις στρατεύμασι λάθρα τῶν γραμματοφόρων Δαρείου περιέχοντα οὕτως. — По трехъ же дн҃ехъ написа 'Алекса́ндръ къ Да́рьеви грамоту, ю́же и́ прочте пр҃ѣ́ свои́ми во́и ѡ҆та́и сло́въ да́рье́въ, и́ бѫ́ше написанно сице. I, 38.

Причастие, являющееся определением к дополнению, переведено придаточным дополнительным с заменой пассивной конструкции активной:
...καὶ ἀπήγαγον αὐτὴν Δαρείῳ ἐν Βαβυλῶνι, ἀπαγγέλλοντες αὐτῷ πάντα τὰ πραχθέντα τοῖς παρὰ τοῦ 'Αλεξάνδρου. — ...и несо́ша въ Вавилонъ къ Да́рье́ви и́ повѣ́да́ша е́моу всѧ́, ѩ́же ре́че 'Александръ. I, 23.

Мастерски передано содержание перфектного причастия среднего рода τὸ γεγονός от глагола γίγνομαι („происходить", „бывать"):
...καὶ ὁρᾷ μεγίστην ταραχὴν ἐν τῇ πόλει, καὶ ἠρώτησε τὸ γεγονός. — ...и́ вид҃ѣ́ велѩ́къ мѧтежь въ град҃ѣ́, и́ въпроша, что́ е́сть го́лка[17] си́. I, 24.

[17] голка — шум, гомон, мятеж, спор. См. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, стр. 366—367. Ср. русск. просторечн. галдеть, укр.

Согласованное причастие с причинным значением переводится придаточным причинным:
'Αναριθμήτους δὲ οὐσίας παρ' ἑαυτοῖς σπουδάζετε σωρεύειν, δοῦλοι ὄντες σωμάτων καὶ ἑντέρων ἀκορέστων. — безъııислени же богатьство тııитесѧ събрати, раби бо есте тѣломь и́ чревомь несытымь. III, 16.

Придаточным причинным переводится также причастие, не имеющее причинного значения. Здесь мы наблюдаем изменение конструкции, стремление сделать текст более организованным и выразительным:
ἄχθεται δὲ ἡ ἐμὴ γυνὴ τοῦ πατρὸς αὐτῆς Πώρου, ἀναιρεθέντος ὑπὸ 'Αλεξάνδρου... — но жена моѧ враждоуе́ть на Александра, ѿ́ко оу́билъ е́сть Пора, цр҃ѧ ѿц҃ѧ е́ѧ. III, 23. Вместо: „враждоуеть отьца своего [дѣлѡ], оубиеннаго Александромъ".

Согласованный причастный оборот с временным значением переводится придаточным временным:
'Ο δὲ 'Αλέξανδρος προέκοπτε τῇ ἡλικίᾳ, καὶ γενόμενος ἐτῶν δώδεκα μετὰ τοῦ πατρὸς εἰς τὰς παρατάξεις τῶν στρατευμάτων παρεγένετο... — 'Александръ же моужаа́шесѧ възрастомъ, е́гда бы́ двоюнадесѧть лѣ́тоу, съ ѿц҃мъ на воѥ́ноу хожаше. I, 14.

Согласованное причастие будущего времени — придаточным цели:
Πέμψον οὖς βούλει τοὺς παραληψομένους ταῦτα εὐθέως... — посли оу́бо и́хже хощеши, да возмоуть сѐ. III, 18.

Субстантивированное причастие, выполняющее функцию подлежащего, — придаточным подлежащным:
Τί δὴ εἶη τὰ διδόμενα; — что́ е́сть, е́же е́млете́. I, 22.

Абсолютное причастие (genitivus absolutus) чаще всего переводится дательным самостоятельным. Только в одном случае genitivus absolutus переводится придаточным условным:
Ἡμεῖς μὲν οὖν οὐδὲ ὕδωρ πίνομεν ἄκοντες, δίψης μὴ παρούσης· — мы же оубо ни воды пиемь, аııе не жаж҃емь. III, 16.

Значительно реже встречается замена существительного придаточным предложением. Она осуществляется преимущественно в тех случаях, когда переводчику трудно было подыскать соответствующий греческому существительному лексический эквивалент. Так, описательно переводится существительное τοὺς συμμαθητάς („соучеников"):
τοὺς συμμαθητὰς αὐτοῦ ἐδίδασκε... — оу́чѧше дѣти, с ни́миже оу́чѧшесѧ... I, 13.

Имя коня Александра Македонского „Буцефал" воспринимается как нарицательное определение — „на котором была бычья голова":
καθεζόμενος ἐπὶ τὸν Βουκέφαλον ἵππον. — сѣдѧ на кони на не́мже бы́ волоу́ѧ глава. II, 16. (См. также II, 14).

При помощи придаточного цели переводится существительное ὁ τοκετός („рождение", „роды"):
Καὶ αὐτὸς δὲ ἐπένευσεν αὐτῆς τὸν τοκετόν... — и́ сáмъ же повелѣ́ е́и, да роди́тъ... I, 12.

Интересны случаи передачи обстоятельственных оборотов придаточными причины и сравнительным с одновременной заменой существительных прилагательными — вместо σμικρότητα („малость", „незначительность") — „малъ"; вместо τολμήματι („дерзостью") — „дръзи":

Οἱ δὲ Πέρσαι ἔβλεπον θαυμάξοντες τὸν 'Αλέξανδρον διὰ τὴν τοῦ σώματος σμικρότητα... — Пръси же, зрѧ́ше 'Алексáндра, двивлѧхусѧ, ѩко мáлъ бѧ́ше тѣломъ. II, 15.

...τί ὑμᾶς ἠδίκητα, ἵνα ὑμεῖς ἀνελῆτέ με βαρβάρῳ τολμήματι; — ...что́ вы́ злѡ́ сътворихъ, да́ мѧ хо́ııете погоуби́ти, ѩ́коже вáрвари дръзи. II, 20.

Изредка переводится придаточным определительным прилагательное, замкнутое между членом и существительным:
οὐ μὴν κωλύσῃς τὴν πρὸς ἅπαντάς μου εὐσέβειαν... — не мо́жеши възбрани́ти бл҃говѣ́рїа мое́го, е́гоже и́мѣ́ю къ всѣ́мъ... II, 10.

Следует отметить, что передача существительных и прилагательных придаточными предложениями в переводе „Александрии" встречается гораздо реже, чем в переводах „Хроник".

Специфическими особенностями литературного жанра, к которому принадлежит „Александрия", обусловлено то обстоятельство, что как в оригинале, так и в славянском переводе сравнительно мало сложноподчиненных предложений. Подчинительных союзов в „Александрии" значительно меньше, чем в „Хрониках" или в богослужебных книгах. В составе подчинительных союзов „Александрии" наблюдаются некоторые отклонения от „Хроник", что видно из следующего сопоставления:

Союзы и относительные слова	„Александрия"	„Хроника" Иоанна Малалы	„Хроника" Георгия Амартола
ἐπεί (ἐπειδή)	понеже	зане, занеже, елма	зане, ибо
τίς, τί (в косвенном вопросе)	къто, чьто который	къто, чьто	къто, чьто, кои, которъ
ὅθεν	от негоже, отнюдоуже	—	темь
ὡς в причинном значении	ѩко	ѩко, акы	ѩко
ὡς в сравнительном значении	акы, ѩкы	ѩко, ѩкоже, акы	ѩко, ѩкоже

Особенности передачи вопросительного местоимения τίς, τί подтверждают наше мнение о том, что союзное слово „который" издавна присуще восточнославянской традиции и отличает ее от южнославянской[18].

Различие в передаче союза ὡς говорит о том, что в „Александрии" проводится дифференциация причинного и сравнительного его значений. Различительным признаком служит конечный гласный „ѩко" — причинный союз, „акы (ѩкы)" — сравнительный союз. В „Хрониках" причинное и сравнительное значения союза ὡς не различаются. В новозаветных текстах ὡς в причинном значении отсутствует. В сравнительном же значении этот союз передается так же, как в „Хронике" Иоанна Малалы — через „ѩко", „ѩкоже" и „акы"[19].

просторечн. галдикати, болг. глък и глъчка — шум, гомон, ссора; глъчене — крик, ругань; гълча — шуметь, ругаться.

[18] См. М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 241.
[19] См. St. Słoński. Op. cit., S. 11, 12—13.

Своеобразной особенностью оригинала „Александрии“ является относительно частое употребление соотносительных конструкций. Эти конструкции находят эквивалентное выражение в переводе:

τοιοῦτος	ὁποῖος —	такой	акы
ὥσπερ	οὕτω —	ꙗкоже	тако
οὕτως	καθώς —	тако	ꙗкоже

В некоторых случаях придаточное относительное передается посредством придаточного причинного:
. . . χείρονες οἱ φίλοι τῶν ὑπεναντίων, οἳ καθ' ἡμέραν ἐπιβουλεύουσί μοι πλέον τῶν ἐχθρῶν μου. — горше сѫть друзи супостатъ, ибо всѧ дн҃и на мѧ мыслѧть паче врагъ мои[x]. III, 15. Сохранение относительного подчинения в данном случае нарушило бы связность и стройность речи. В другом предложении подобного рода переводчик употребляет соотносительную конструкцию, близкую по своему составу к современной конструкции „за то, что“:
. . . βουλόμενος ἐκπορθῆσαι αὐτὸν ἐφ' οἷς ἔπραξε, συνίστημι αὐτῷ καὶ ἕτερον πόλεμον. . . — . . . хотѧ погоубити ѐго за то, еже ми ѐсть сътвори̂, дроугоую бра́нь въста́влю на́ нь. . . II, 19.

Особенности славянского гипотаксиса требовали от переводчика изменения порядка следования составных частей гипотактической конструкции:
τίς δὲ ὁ θεός, οὐκ οἶδα. — не вѣдѣ же, которыи бо́гъ. I, 10. (Вместо: „который же богъ, не вѣдѣ“).
Ἵνα μὴ αἰχμαλωτισθῶμεν διὰ τοῦτο πολεμοῦμεν. — бьѐмсѧ, да не пленени боу́демъ. III, 4. (Вместо: „да не пленени боудемъ, [того ради] бьѐмсѧ“). Переводчик устраняет излишние при перестановке союзные слова „того ради“ (διὰ τοῦτο).

Иногда перестановка предложений сопровождается значительным изменением структуры гипотаксиса:
Τάφον γὰρ ἕξεις αὐτὴν ἣν κτίζεις πόλιν. — гра́дъ бо̀, и҆же дѣ́лаѐши, гробъ ти хо́щеть быти. I, 33. (Вместо: [гробъ бо хощеши имѣти тои, иже дѣлаеши городъ]). Эффект, произведенный перестановкой предложений, своеобразной передачей глагола ἕξεις, устранением местоимения αὐτὴν и вставкой местоимения „ти“, вполне очевиден.

Изученные нами факты говорят о том, что перевод „Александрии“ в области гипотактических конструкций менее зависим от оригинала, чем произведения исторического характера.

Переводы именных конструкций оригинала придаточными предложениями свойственны „Александрии“ в такой же степени, как и „Хроникам“. Однако в „Александрии“ в большей степени сказывается прогрессивная тенденция развития славянского гипотаксиса. В этом плане следует отметить: наметившуюся дифференциацию союзов [„да“ и „ꙗко“, „акы“ („ꙗкы“) и „ꙗко“], частое употребление соотносительных конструкций, свободное перемещение составных частей сложноподчиненных предложений, замену пассивных оборотов оригинала активными, устранение (без ущерба для смысла) затрудняющих понимание соотносительных и союзных слов, употребление одного вида подчинения вместо другого и сочинения вместо подчинения.

Все эти явления объясняются особенностями литературного жанра, к которому принадлежит „Александрия“, максимальным для того времени сближением языка этого памятника с обиходной речью. Но нельзя также не отметить высокой языковой культуры переводчика „Александрии“.

Не подлежит сомнению, что он владел более богатым арсеналом синтаксических средств, чем переводчики „Хроник“. Вполне вероятно, что это объясняется не только его личными достоинствами, но и объективным развитием языка. Ведь „Александрию“ от „Хроники“ Георгия Амартола, а тем более от „Хроники“ Иоанна Малалы, отделяет довольно значительный период.

Дальнейшее изучение памятников переводной литературы различных жанров и изводов позволит сделать более определенные выводы о структурных особенностях славянорусского гипотаксиса и о тенденциях его развития.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

стр.

В. Тыпкова-Заимова (София—Болгария). Нападения „варваров" на окрестности Солуни в первой половине VI в. . . . 3

В. Бешевлиев (София—Болгария). К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. . . . 8

К. Н. Юзбашян. „Варяги" и „прония" в „Повествовании" Аристакеса Ластивертци . . . 14

М. М. Фрейденберг (Великие Луки). Труд Иоанна Киннама как исторический источник . . . 29

П. Х. Петров (София—Болгария). О титулах „севаст" и „протосеваст" в средневековом болгарском государстве . . . 52

Я. Н. Любарский (Великие Луки). Критский поэт Стефан Сахликис . . . 65

М. М. Копыленко (Алма-Ата). Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода „Александрии") . . . 82

А. П. Каждан (Москва). Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу новой работы П. Лемерля) . . . 92

Б. А. Шелковников (Ленинград). Стекло Киевской Руси X—XIII вв. . . . 114

К. В. Голенко (Москва). Клад монет из села Тобаниери . . . 127

В. С. Шандровская (Ленинград). Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа . . . 173

Л. А. Мацулевич (Ленинград). Войсковой знак V в. . . . 183

А. В. Банк (Ленинград). Несколько византийских камей из собрания Государственного Эрмитажа . . . 206

Е. Э. Граистрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. I . . . 216

Критика и библиография

Рецензии

Я. Н. Любарский (Великие Луки). Феофилакт Симокатта. История. М., 1957 . . . 244

С. Лишев (София—Болгария). Несколько замечаний по поводу статьи М. Я. Сюзюмова . . . 250

М. Я. Сюзюмов (Свердловск), Н. А. Мещерский (Петрозаводск). Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik, Bd. I, hrsg. von Johannes Irmscher. Eerlin, 1957 . . . 256

А. П. Каждан (Москва). Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958. . . . 271

М. М. Фрейденберг (Великие Луки). J. M. Hussey. The Byzantine World. London, 1957 . . . 287

Я. Н. Щапов (Москва). F. Dvornik. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. Dumbarton Oaks Papers, № 9 and 10. Cambridge, 1956 . . . 293

Обзоры

(Византиноведение за рубежом)

П. Тивчев (София—Болгария). Изучение истории Византии и средневековой Болгарии в Народной Республике Болгарии в 1954—1957 гг. . . . 300

Э. Франчес (Бухарест—Румыния). Византиноведение в Румынской Народной Республике (1948—1958) . . . 308

Публикации

В. А. Мошин (Загреб—Югославия). Сербская редакция „Синодика" . . . 317

Хроника

З. В. Удальцова (Москва). XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене . . . 395

Академик Евгений Алексеевич Косминский . . . 402

Список сокращений . . . 408

А. П. КАЖДАН

ЕЩЕ РАЗ ОБ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ВИЗАНТИИ IV—XI вв.

(По поводу новой работы П. Лемерля)

Один из виднейших французских византинистов, П. Лемерль, выступил недавно на страницах журнала „Revue historique" с обширной статьей, озаглавленной „Очерк аграрной истории Византии". В подзаголовке — словно несколько ограничивая свою тему — автор указал: „Источники и проблемы"[1]. Иначе говоря, он сам рассматривает свою работу как введение в аграрную историю Византийской империи, как предварительный очерк, как постановку проблемы[2].

Рецензируемая работа охватывает не весь период византийской истории: автор ограничивается рассмотрением лишь времени до XI столетия включительно. Избранную им эпоху П. Лемерль разделяет на три части: протовизантийский период (IV—VI вв.), византийское средневековье (VII—IX вв.) и апогей империи (IX—XI вв.). Последнему периоду посвящена бóльшая часть статьи.

Если характеристика протовизантийского периода дана довольно суммарно, то изложение следующих частей строится по-иному: как во втором, так и в третьем разделе П. Лемерль исходит из источниковедческого анализа и только после детального разбора тех или иных памятников переходит к постановке проблем. Во втором разделе он рассматривает главным образом „Земледельческий закон", останавливаясь в заключение на других источниках — преимущественно на „Житии Филарета" и некоторых данных трактата Константина Багрянородного „Об управлении империей". Значительно более многообразны источники, рассмотренные в третьем разделе: кратко упомянув „Василики", которые П. Лемерль — на наш взгляд, справедливо — не считает источником, способным пролить свет на действительные отношения в Византии (т. 219, стр. 254, примеч. 2), он переходит к анализу нарративных памятников, „Трактата об обложении", новелл X в. (это — наиболее обширная и, пожалуй, наиболее оригинальная часть исследования), сочинений Константина Багрянородного, трактатов по тактике, житий святых, деловых документов, „Пиры", постановлений магистра Косьмы. Таким образом, автором последовательно рассмотрена основная масса византийских источников, проливающих свет на аграрную историю империи VIII—XI вв.

[1] P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — „Revue historique", t. 219, 1958, p. 32—74, 254—284; t. 220, 1958, p. 43—94.

[2] Предварительность своих выводов автор подчеркивает в самом начале статьи (т. 219, стр. 33).

Можно было бы, правда, упрекнуть П. Лемерля в том, что не все эти группы источников использованы с исчерпывающей полнотой (например, куда более обширные данные содержатся в „Пире" или в нарративных источниках X—XI вв.); можно было бы также отметить, что некоторый материал по аграрной истории имеется в эпистолографических памятниках (в частности, в переписке Николая Мистика и Михаила Пселла) или в монастырских уставах (например, в типике Бакуриани, относящемся к концу XI в.) и в постановлениях поместных соборов XI в., однако, повторяем, основные источники П. Лемерлем привлечены и рассмотрены.

Источниковедческий анализ весьма детален и позволяет иногда автору внести существенные исправления в общераспространенные взгляды. В этом отношении, пожалуй, наиболее важно проделанное П. Лемерлем критическое рассмотрение так называемой первой новеллы императора Романа Лакапина, которую обычно датировали 922 г. П. Лемерль пришел к выводу, что текст ее дошел до нас не в первоначальном виде и что дата ее не может считаться твердо установленной: некоторые источники относят ее ко времени Константина VII (т. 219, стр. 266). Иными словами, первым памятником аграрного законодательства императоров Македонской династии должна считаться новелла 934 г., изданная — добавим мы от себя — вскоре после восстания под руководством Василия Медной руки.

Основные проблемы, рассмотренные П. Лемерлем в рецензируемой статье, могут быть сведены к следующим:

1) проблема устойчивости Восточной Римской империи в IV—VI вв. (т. 219, стр. 40 сл.);

2) проблема изменений в аграрном строе империи к моменту издания „Земледельческого закона" (т. 219, стр. 63 сл.);

3) вопрос о влиянии государства на византийскую сельскую общину (т. 219, стр. 58, 261 сл.);

4) вопрос о борьбе динатов и „убогих" за землю в X в. (т. 219, стр. 278 сл.);

5) проблема церковной собственности (т. 219, стр. 280; т. 220, стр. 82)[3];

6) проблема стратиотского землевладения (т. 220, стр. 43 сл.);

7) проблема крестьянской зависимости в X—XI вв. (т. 220, стр. 82 сл.).

Конечно, можно было бы к этому списку прибавить некоторые иные, также весьма существенные проблемы, например, вопрос о зарождении византийского иммунитета, привлекший в последнее время пристальное внимание многих ученых[4]. П. Лемерль ограничивается лишь крайне беглым, хотя и справедливым замечанием, что термин ἐξκουσσεία следует переводить не „иммунитет", а „изъятие" — т. 220, стр. 82, примеч. 1, однако избранные автором вопросы, несомненно, принадлежат к числу наиболее существенных для специалиста по аграрной истории Византии.

При рассмотрении этих проблем П. Лемерль сделал ряд новых наблюдений — иногда, впрочем, довольно спорных, однако нередко способствующих более глубокому пониманию процессов аграрного развития

[3] Отметим, между прочим, что П. Лемерль, формулируя проблему, в одном месте (т. 219, стр. 268) говорит о собственности монастырской (des couvents), в другом (т. 219, стр. 280) — несколько непоследовательно — более широко: о церковной (de l'Église).

[4] Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. — ВВ, XI, 1956, стр. 186 сл.; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 60 сл.; М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. — Ученые записки Великолукского пединститута, вып. 3, 1958, стр. 339 сл.

Византии. Среди оригинальных решений, предложенных П. Лемерлем, обращают на себя внимание в первую очередь следующие:

1) Рассматривая причины устойчивости Восточной Римской империи, он, в частности, указывает, что развитие крупной земельной собственности на Востоке не было (если не говорить об отдельных районах) столь значительным, как на Западе, и что статут крестьянина здесь не эволюционировал в направлении крепостничества: энапограф папирусов VI в. — это не крепостной крестьянин, не колон-серв, как выражается сам автор (т. 219, стр. 41 сл.); П. Лемерль подчеркивает далее, что крупные поместья на Востоке были раздроблены на несколько мелких хозяйств (т. 219, стр. 44).

2) Анализируя данные „Жития Филарета Милостивого", П. Лемерль обращает внимание на то обстоятельство, что Филарет беспрепятственно раздавал свой скот и рабов, т. е. движимое имущество, но ни разу мы не слышим о раздаче земель; наоборот, его земли были разделены (διεμερίσαντο — слово того же корня, что и μερισμός, „раздел" в ст. 8 „Земледельческого закона") соседними крупными и мелкими землевладельцами (т. 219, стр. 66 и особенно примеч. 4). Правда, П. Лемерль не делает, как нам кажется, всех необходимых выводов из своего наблюдения, однако проделанный им анализ „Жития Филарета" позволяет приблизиться к решению проблемы, давно уже поставленной в византиноведческой литературе. Мы имеем в виду тот факт, что „Земледельческий закон" ни разу не упоминает акта продажи земли, хотя и допускает обмен и заклад недвижимости[5]. М. Я. Сюзюмов полагал, что купля-продажа земли все же существовала в византийской деревне времен „Земледельческого закона"[6], и П. Лемерль, по существу, следует за ним, приводя те же аргументы в защиту этого тезиса (т. 219, стр. 58, примеч. 6). Не вдаваясь сейчас в обсуждение этого вопроса во всей полноте, мы хотели бы лишь отметить, что проделанный П. Лемерлем анализ данных „Жития Филарета" должен бы, скорее, привести к обратному решению вопроса: из „Жития" следует, что право собственности на движимость и недвижимость в византийской деревне VIII в. было различным.

3) В противоположность традиционным представлениям о пронии как о земельном пожаловании П. Лемерль рассматривает солемний (т. е. особую форму передачи частному лицу или монастырю некоторой квоты государственных налогов) как институт, предшествовавший пронии (т. 219, стр. 265)[7].

4) По-новому трактует П. Лемерль известные термины новелл X в. „динаты" и „убогие". Динаты, по его мнению, это отнюдь не богатые люди и тем более не крупные земельные собственники, но чиновники, тогда как „убогие" (πένητες) — не обязательно бедняки. „Это, — говорит

[5] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным „Земледельческого закона"). — ВС, стр. 122 сл.

[6] М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по „Земледельческому закону". — ВВ, X, 1956, стр. 35 сл.

[7] В этой связи мы хотели бы остановиться на одной фразе историка конца XI в. Михаила Атталиата о пронии; эти слова, насколько нам известно, до сих пор еще не привлекали внимания исследователей. Атталиат рассказывает, что Михаил VII (1071—1078) во время голода ничего не раздавал ни знати, ни народу — ни из царских сокровищ, ни из иной пронии (οὐδὲν ἐκ τῶν βασιλικῶν θησαυρῶν ἢ τῆς ἄλλης προνοίας. — Michael Attaliota. Historia. Bonnae, 1853, p. 211. 15—17). Здесь слово „пронии" имеет смысл „источник дохода"; его нельзя понимать ни в его основном значении — „забота, попечение", ни тем более в значении „земельное пожалование". Несколько иначе это место передано Продолжателем Скилицы (Georgius Cedrenus, vol. II. Bonnae, 1839, p. 725. 3—4).

П. Лемерль, — класс, слабый не в экономическом, а в социальном отношении". И далее он замечает: „Мы наблюдаем переходную эпоху (une époque de transformation), которая характеризуется, как бо́льшая часть переходных эпох, тем, что обе иерархии, социальная и экономическая, уже или еще не совпадают между собой" (т. 219, стр. 279)[8]. Из этого наблюдения, кстати сказать, вытекает критическое отношение П. Лемерля к теории об „отливе капитала в деревню" (т. 220, стр. 93), весьма распространенной в зарубежной византинистике и неоднократно подвергавшейся критике советскими учеными (о чем, впрочем, П. Лемерль не упоминает).

5) Убедительно замечание П. Лемерля о необоснованности традиционных расчетов размеров церковной собственности накануне иконоборчества ($^1/_3$ всех земель) (т. 219, стр. 280)[9].

6) Интересна предложенная П. Лемерлем трактовка вопроса о роли так называемой класмы (заброшенной земли, изымавшейся у общин). П. Лемерль показывает, что распространение системы класм лишь внешне приносило облегчение общинникам, освобождавшимся от обязанности платить налоги за эту землю, на деле же система класм вела к экономическому ослаблению общин (т. 219, стр. 263).

7) Но, пожалуй, наиболее оригинальной гипотезой, предложенной П. Лемерлем и занимающей центральное место в его построениях, является новая трактовка вопроса о стратиотском землевладении. П. Лемерль приходит к выводу, что в источниках VII—IX вв. нет упоминания солдатских наделов (biens militaires) (т. 219, стр. 71). Развивая эту мысль далее, он утверждает, что стратиот X в. не был солдатом, солдат обозначался тогда термином στρατευόμενος (т. 220, стр. 49 сл.). Стратиот же (иначе — держатель стратиотского надела, le détenteur de la strateia) был обязан лишь экипировать и содержать воина (т. 220, стр. 68). Система стратиотских наделов, которая приобрела в X в. широкое распространение, имела, по мнению П. Лемерля, исключительно финансовый (фискальный) смысл: она затрагивала только формы экипировки войска (т. 220, стр. 67)[10].

[8] Укажем попутно, что этот вопрос ставился в советской историографии. О сложности термина πένης, обозначавшего подчас состоятельного горожанина-землевладельца, см. А. П. Каждан. Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв. — ВВ, VIII, 1956, стр. 91 сл. Более существенное значение для построений П. Лемерля имело бы высказанное в советской литературе соображение о наличии двух прослоек в господствующем классе Византии, о незавершенности процесса консолидации господствующего класса (М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — Ученые записки Свердловского пединститута, вып. 4, 1948, стр. 68; А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, стр. 82 сл.). Вместе с тем несомненно, что во многих случаях термин πένης обозначал бедняков в прямом смысле этого слова (ср. особенно Attaliota. Historia, p. 276. 6.). В числе динатов, с другой стороны, находились духовные лица (см., например, Jus, III, p. 254. 26), т. е. лица, не принадлежавшие непосредственно к чиновничеству; провинциальная знать, не служившая в императорских секретах, тем не менее носила высокие титулы и принадлежала к числу динатов (несомненно, к числу динатов относился, допустим, патрикий Константин Далассин, хотя он и пребывал в своем поместье — Cedrenus, II, p. 506. 23; могущественного сеньора побаивался сам Иоанн Орфанотроф). Это свидетельствует, что социальная структура византийского общества была более сложной, чем это представляет П. Лемерль.

[9] См. критические замечания по поводу этих выкладок: М. В. Левченко. Церковные имущества в V—VII вв. в Восточно-Римской империи. — ВВ, II, 1949, стр. 18 сл.

[10] Вопрос о стратиотских наделах заслуживает специального рассмотрения, однако уже сейчас нам хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего бесспорно, что подавляющее большинство источников IX—XI вв. пользуется

Итак, рецензируемая работа и по охвату источников, и по кругу поставленных проблем, и по свежести предложенных решений, несомненно, заслуживает внимания. Однако мы сразу же должны сказать, что основная концепция автора, последовательно проводимая на всем протяжении статьи, представляется нам совершенно неприемлемой. В чем же состоит эта концепция П. Лемерля?

Подобно христианскому богу, эта концепция едина и вместе с тем имеет три ипостаси, три тезиса, последовательно вытекающих один из другого. П. Лемерль начинает свою статью с нескольких замечаний по поводу советского византиноведения. Он признает успехи советских византинистов в последние годы и отмечает, что их точка зрения является интересной и плодотворной. Однако, продолжает П. Лемерль, полученные ими результаты не представляются убедительными (т. 219, стр. 32). Здесь мысль автора выражена еще слишком вежливо и слишком туманно, чтобы можно было понять, в чем суть дела. Гораздо более прямо П. Лемерль говорит в одном из примечаний: „Я не мог бы сказать, что они (имеются в виду „многочисленные статьи русских ученых". — *А. К.*) действительно по-новому осветили вопрос". Зато, продолжает он, большинство этих исследований отличается применением термина „феодальный", что кажется П. Лемерлю насилием над действительностью (т. 219, стр. 267, примеч. 1).

Из первого постулата П. Лемерля („советская наука не внесла чего-либо нового в вопрос об аграрной истории Византии, кроме произвольного употребления термина феодализм", — так мы могли бы его сформулировать) вытекает второй тезис: отрицание вывода о существовании феодальных отношений в Византии. В самом конце своей статьи П. Лемерль утверждает, что в отношении Византии следует всячески избегать применения терминов „феодальный", „сеньориальный" и т. п., имеющих определенную традицию и не связанных с византийской действительностью (т. 220, стр. 89)[11].

термином στρατιῶται именно для обозначения воинов (см., например, „Тактика Льва", IX, 1, 3, 75 и другие места). Поэтому следовало крайне тщательно обосновать положение, что в новеллах X в. этот термин имеет иной смысл. П. Лемерль исходит из того факта, что новелла Константина VII говорит о передаче стратиотского надела родителям стратиота после его смерти и о возможности раздела стратиотского участка между несколькими лицами. На основании этого П. Лемерль заключает: а) отец не может наследовать сыну в несении военной службы, б) невозможно, чтобы несколько человек выполняло — в равных или в неравных долях — службу одного воина. Следовательно, стратиот — это не воин, а лишь держатель надела, обязанный обеспечить воина. Мы позволим себе не согласиться с аргументацией П. Лемерля. Отец воина мог быть пригодным к военной службе человеком и в силу этого наследником воина. Михаил Атталиат, описывая битву при Никее в 1057 г. между войсками Михаила VI и Исаака Комнина, восклицает: „И вот уже отец и сын, забыв о родстве, не стыдятся звать друг друга к сражению, и сын оскверняет десницу убийством отца" (Attaliota. Historia, p. 55. 15—17). Значит, сын и отец могли быть воинами в одно и то же время, и поэтому нет ничего невероятного в том, что закон предусматривал возможность перехода воинского участка от сына к отцу. Что же касается поставки одного воина несколькими крестьянскими хозяйствами, то это — факт, хорошо известный, в частности, на родине П. Лемерля, во Франкском королевстве, при Карле Великом: по существу, аналогичное мероприятие предусматривал и Никифор I, обязавший общинников помогать несению военной службы беднейшими крестьянами (см. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 169).

[11] Любопытно отметить, что единственный „союзник", которого упоминает П. Лемерль в своем стремлении отвергуть представление о византийском феодализме, это французский историк Р. Геньеро (т. 220, стр. 43, примеч. 2), чья поверхностная работа была в свое время подвергнута уничтожающей критике П. В. Безобразовым (ВВ, VII, 1900, стр. 165 сл.).

Из второго тезиса (отрицание византийского феодализма) вытекает третье и последнее принципиальное положение рецензируемой статьи: коль скоро Византия не была феодальным государством, коль скоро она оставалась государством древним (l'état ancien — т. 220, стр. 89), основным принципом, пронизывающим аграрный строй Византийской империи, оказывается традиционализм. Сохранение традиций является, по мысли автора, характерным для Восточной Римской империи в IV—VI вв. (т. 219, стр. 49). Между протовизантийским периодом и византийским средневековьем, утверждает П. Лемерль, мы не можем проследить какого-либо существенного различия (т. 219, стр. 74). Не было существенных перемен и в конце IX в. (т. 219, стр. 255). Свободная община с присущими ей формами эксплуатации рабского и наемного труда сохраняется на протяжении всей византийской истории (т. 220, стр. 92) и т. д.

Рассмотрим последовательно все три тезиса, выдвинутые П. Лемерлем.

Отношение П. Лемерля к советской византинистике чрезвычайно показательно для современного момента: он не замалчивает работы советских ученых, наоборот, он неоднократно ссылается на статьи М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова, Е. Э. Липшиц, М. Л. Абрамсон, К. А. Осиповой, автора этих строк; из некоторых его замечаний видно, что общее содержание этих работ ему знакомо. Но мы позволим себе заметить, что эти работы не были достаточно внимательно изучены П. Лемерлем, хотя он и утверждает, что их выводы неубедительны и что они не содержат чего-либо нового. Приведем несколько примеров.

П. Лемерль стремится доказать, что крупное землевладение всегда существовало в Византии. В этой связи он выдвигает тезис, что иконоборчество не выступало против церковного землевладения и что поэтому церковь в VIII—IX вв. сохранила свои земли. В подтверждение этого тезиса П. Лемерль ссылается на известную статью М. Я. Сюзюмова „Проблемы иконоборчества" (т. 219, стр. 69). Однако только человек, абсолютно не разобравшийся в статье М. Я. Сюзюмова, мог бы в аналогичном случае сослаться на его работу. М. Я. Сюзюмов действительно считал, что иконоборчество не было „идеологической оболочкой борьбы против монастырского землевладения"[12], но он выдвигает этот тезис только после того, как, рассмотрев разнообразные данные о состоянии монастырских имуществ в VII — начале VIII в., приходит к выводу о „крахе монастырского и церковного хозяйства". „В бурный период VII и начала VIII века, — пишет М. Я. Сюзюмов, — колоссальные угодья и энапографы были растеряны как светскими, так и духовными крепостниками"[13]. Легко можно видеть, что мысль М. Я. Сюзюмова в данном случае прямо противоположна мысли П. Лемерля.

Мы уже имели возможность подчеркнуть интересные тезисы П. Лемерля, выдвинутые в объяснение причин устойчивости Восточной Римской империи (см. выше, стр. 94). Все эти характерные черты аграрных отношений IV—VI вв., кроме сентиментального и ошибочного замечания, будто экономика восточноримской деревни до середины VI в. не знала кризисов и положение крестьян не было жалким (т. 219, стр. 42), были уже намечены в советской литературе[14].

[12] М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . ., стр. 89.

[13] Там же, стр. 88.

[14] См. хотя бы А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3, стр. 95: „У нас нет данных для ответственного предположения, будто в период Римской империи происходит коренное перераспределение земельной собственности, в результате чего

При анализе „Земледельческого закона“ П. Лемерль не учитывает многие проблемы, впервые поставленные в советской историографии, и в том числе в цитируемых им статьях. Одним из центральных вопросов, по нашему мнению, является вопрос о соотношении „Земледельческого закона“ и западноевропейских варварских правд — вопрос, выдвинутый впервые Е. Э. Липшиц[15]. Действительно, коль скоро П. Лемерль стремится выяснить отличие путей аграрного развития феодального Запада и „нефеодальной“ Византии, ему необходимо в первую очередь выяснить сходство и отличие византийской и западной общины. Этот вопрос не поставлен в рецензируемой статье (как не поставлен он, впрочем, ни в одной из работ западноевропейских византинистов).

П. Лемерль справедливо выступает против теории К. Э. Цахариэ фон Лингенталя о существовании в византийской общине периодических переделов и трактует выражение μερισμός „как раздел“ (т. 219, стр. 59). Он не учитывает при этом, что одним из важнейших аргументов в пользу этого тезиса является ссылка в одной из лаврских грамот, говорящей о разделе между жителями Иериссо и афонскими монахами, на „решение знаменитого магистра Косьмы“, т. е. как раз на известное постановление магистра Косьмы о μερισμός, служившее для Ф. И. Успенского и некоторых других исследователей свидетельством (неправильно понятым) в пользу наличия в византийской деревне периодических переделов. Этот аргумент был тоже выдвинут в советской историографии[16].

Анализируя известие Константина Багрянородного о привилегиях, полученных Патрской митрополией, П. Лемерль не ссылается на работы советских ученых, исследовавших этот текст[17]. Это, между прочим, приводит его к досадной неточности: выражение ἀπαργυρίζεσθαι П. Лемерль переводит „вводить дополнительный налог“ (т. 219, стр. 67, примеч. 4), тогда как это слово обозначает „переводить на деньги, коммутировать“[18].

П. Лемерль рассматривает известие Продолжателя Феофана о попытке Василия I ввести реформу обложения (т. 219, стр. 256 сл.), не учитывая, что этот эпизод рассматривался в советской историографии, причем были получены иные выводы[19]. Без учета развернувшейся в советской византинистике дискуссии[20] дает П. Лемерль определение термина „проастий“ (т. 219, стр 260, примеч. 3). П. Лемерль повторяет слова А. П. Рудакова о том, что агиография не применяет термина

мелкое землевладение вытесняется крупным“. Однако, в отличие от П. Лемерля, мы старались показать, что мелкое землевладение сохранялось и даже укреплялось также и в некоторых западных провинциях. Не только эта работа, но и вся дискуссия о переходе к феодализму в Римской империи (см. „Проблема падения рабовладельческого строя“. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 3—13), осталась неизвестной П. Лемерлю.

[15] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 132 сл.

[16] См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 81.

[17] См., например, Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 124.

[18] См. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. — ВВ, XI, 1956, стр. 114. Как известно, начиная с VI в. слово ἀπαργυρίζεσθαι имеет значение латинского adaeratio (см. H. G. Liddle—R. Scott. Greek-English Lexicon. Oxford, 1953, s. v.).

[19] А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии. — ВВ, X, 1956, стр. 63.

[20] См., например, М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 59 сл.

„парик“ ранее X в. (т. 220, стр. 87, примеч. 2), хотя в действительности этот термин можно встретить в житиях VIII—IX вв.[21]

Число таких примеров можно было бы значительно расширить. Мы совершенно сознательно говорили до сих пор о случаях сравнительно частных: о мелких погрешностях, возникших из-за недостаточного знакомства с советской литературой, или о тех случаях, когда П. Лемерль, сам того не зная, приходит к результатам, полученным до него советскими учеными. Но если это так, если он действительно недостаточно знаком (допустим, в силу трудности русского языка) с работами советских ученых, не следует ли предположить, что П. Лемерлю осталась недостаточно ясной и концепция византийского феодализма?

Переходим теперь ко второму постулату П. Лемерля. Что же понимает он под феодализмом и каким образом он доказывает отсутствие феодализма в Византии?

И вот тут-то обнаруживается самое любопытное. В работе, определенным образом ориентированной против советского византиноведения, против его основной концепции — концепции византийского феодализма, — мы не встретим серьезной попытки разобраться в этой концепции, понять, на чем она основана, опровергнуть ее. П. Лемерль, как мы видели, не устает повторять, что термин „феодальный“ не применим к Византии, что в Византии не было феодализма, но все это остается в его работе лишь простой декларацией.

Проблема византийского феодализма не впервые всплывает в буржуазной историографии. В конце 40-х и в начале 50-х годов буржуазные византинисты много писали о феодализме в Византии. Правда, понятие „феодализм“ распространялось преимущественно на сферу политической надстройки и рассматривалось как элемент процесса децентрализации государства: феодализация империи молчаливо отождествлялась с распадом государственного организма[22]. Далее, внедрение феодальных институтов связывалось преимущественно с западными влияниями, с проникновением крестоносцев в первую очередь[23]. Наконец, буржуазные исследователи, даже признавая наличие в Византии феодальных институтов или процесса феодализации, никогда не рассматривали византийское общество как феодальное, как обладающее определенными феодальными общественными противоречиями: представление о феодальной общественно-экономической формации казалось им „прокрустовым ложем“, мешающим историческому исследованию[24]. Только в работах Г. А. Острогорского мы встречаем попытку рассмотреть

[21] См. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья. . ., стр. 109, примеч. 86.

[22] См. из числа последних работ: J. Danstrup. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1200. — „Classica et Mediaevalia“, vol. 8, 1946, p. 229 f.: P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. — „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“. Princeton, 1951, p. 352; K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. — „American Journal of Philology“, vol. 74, 1953, p. 240 f.; D. A. Zakythinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 50, 58, 146.

[23] G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire Byzantin. Paris, 1953, p. 147.

[24] Ф. Дэльгер, который допускал наличие процесса феодализации в Византии (F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. — BZ, Bd. 39, 1939, S. 59) — впрочем, под западным влиянием (idem. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 228, 271) — не может без раздражения слышать о феодальной формации (его же. Рецензия на кн.: „Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR“. — BZ, Bd. 50, 1957, S. 437).

феодализм как определенную систему господства и подчинения[25].

Тенденция к признанию византийского феодализма, наметившаяся (со всеми вышеуказанными оговорками) в зарубежной историографии послевоенного периода, в самые последние годы встретила откровенную реакцию, и нам думается, что эта реакция порождена не столько изучением „источников и проблем", сколько борьбой против проникновения „советских влияний" в науку вообще и в византиноведение в частности. Эта реакция до сих пор проявлялась преимущественно в рецензиях[26]. П. Лемерль впервые, если мы не ошибаемся, попытался отвергнуть тезис о византийском феодализме в исследовательской статье.

Однако дискуссию о византийском феодализме нельзя вести так, как это делает П. Лемерль, — при помощи простого отрицания *термина* „феодализм". Да и начинать ее надо с иного конца — с последних столетий византийской истории. Дело в том, что только для XIII—XIV вв. мы располагаем сравнительно массовым материалом — деловыми документами, позволяющими получить детальное представление о внутреннем строе византийской деревни. Анализ этих документов приводит нас к выводу о глубоком сходстве поземельных отношений в Византии и странах „классического феодализма". Мы не станем подробно пересказывать работы византологов-марксистов, показавших, что Византии XIII—XV вв. присущи были основные формы феодальной собственности (при наличии крестьянского владения)[27], феодальной ренты, внеэкономического принуждения[28]. Отношение П. Лемерля к работам советских византинистов-аграрников, „неубедительным", по его словам, и „не дающим чего-либо нового", нам уже знакомо. Мы ограничимся тем, что приведем высказывание весьма далекого от марксизма немецкого ученого, авторитетнейшего на Западе византиниста Ф. Дэльгера. „После всего вышесказанного, — писал Ф. Дэльгер, — мы должны представлять себе поместный строй (die grundherrschaftlichen Verhältnisse) средне- и поздневизантийского времени аналогично отношениям на Западе...: господский двор с дворовыми и строения типа казарм для неимущих батраков (ἀκτήμονες, καπνικάριοι), стойла для домениального рабочего скота (ζευγάρια), сараи с инвентарем и т. п.... Кругом „салическая земля" (Salland. — Ф. Дэльгер смело и, на наш взгляд, справедливо обращается здесь к западному термину. — *А. К.*), т. е. обширная, частично обработанная, частично используемая под пастбища территория, которая возделывается либо трудом неимущих париков, либо при помощи барщин (Fron- und Spanndienste) париков, наделенных землей...."[29]. Мы не станем цитировать до конца: и из приведенного видно, что обилие материала, относящегося к поздневизантийскому периоду, заставляет объективного исследователя, даже чуждого марксистской методологии, признать наличие принципиального сходства между поместным строем на Западе и в Византии. Поэтому нельзя не высказать сожаления, что статья П. Лемерля ограничилась только IV—XI вв. и что автор остановился (впрочем, может быть, не случайно) как раз перед теми источниками, которые свидетельствуют о сходстве аграрного строя Византии с поземельными отношениями западного средневековья.

[25] См. особенно G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956; ср. его же. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958.

[26] Особенно в некоторых рецензиях на работы Г. Острогорского. Всего ярче эта реакция проступает в рецензии ученика Ф. Дэльгера, мюнхенского византиниста И. Караяннопулоса (BZ, Bd. 50, 1957, S. 168 f.).

[27] Мы имеем в виду то, что Г. А. Острогорский, следуя за советскими учеными, называет двойственностью, или антиномией, характерной для поземельных отношений феодального общества (G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire, p. 62).

[28] См., например, Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв. — ВВ, X, 1956 (и другие работы); А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. Ср. также Д. Ангелов. Принос к поземлените отношения във Византия през XIII век. — Годишник на философско-историческия факултет, кн. 2. София, 1952; его же. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958; E. Werner. Formen der Feudalrente auf dem Balkan. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, VII, 1959.

[29] F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 253, A. 75.

Здесь мы должны позволить себе одно отступление. В начале статьи П. Лемерль с большой похвалой отзывается о не опубликованном еще „синтетическом исследовании" Н. Свороноса в области аграрных отношений в Византии (т. 219, стр. 32). Н. Своронос, насколько мы можем судить по одной из его статей, как раз и предпринял попытку сделать то, чего не сделал П. Лемерль: сравнить аграрные отношения Византии и Запада и установить существование между ними принципиального различия. Это различие Н. Своронос видит в том, что в Византии основная масса земли крупных собственников находилась в руках крестьян[30]. Преобладание мелкой обработки земли объясняет, по мнению Н. Свороноса, то обстоятельство, что Византия упорно сопротивлялась принятию политических форм, присущих феодализму[31].

С теорией Н. Свороноса нельзя согласиться. Прежде всего Н. Своронос недостаточно знаком с экономической историей средневековой Западной Европы, иначе он не стал бы смешивать вопрос о структуре феодальной вотчины с вопросом о феодализме. В Англии XIII в. мы можем найти немалое количество атипических маноров со значительным преобладанием крестьянских наделов над домениальной землей (особенно в восточных и северных графствах)[32]. В Западной Германии XIV—XV вв. господский двор был обычно невелик, да и на нем хозяйство вел мейер, присваивая себе доходы в качестве вознаграждения за свою службу. Только со второй половины XV в. наблюдается здесь рост барской запашки и барщин[33]. Поместья самой различной структуры были тем не менее феодальными поместьями, коль скоро они представляли собой организацию для взимания феодальной ренты.

Но действительно ли прав Н. Своронос, утверждая, что Византия не знает крупных вотчин с барщинным трудом?

Выводы Н. Свороноса обоснованы лишь двумя примерами (практик Ивирского монастыря от 1301 г. и опись владений иеромонаха Каллиника в деревне Мамицона от 1323 г.), относящимися к одному району и к одному и тому же отрезку времени. Тем не менее автор распространяет свои выводы и на всю территорию империи, и на все тысячелетие ее существования. Далее, выводы Н. Свороноса прямо противоречат наблюдениям, сделанным другими исследователями вопроса. Уже Ф. Дэльгер обратил внимание на то, что в поместье Варис (округ Алопекон, близ Милета, опись 1073 г.) $^4/_5$ всех земель составлял домен[34]. Г. А. Острогорский, специально занимавшийся вопросом о соотноше-

[30] N. G. Svoronos. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation. — „Annales", vol. 11, 1956, № 3, p. 329 sq.

[31] Ibid., p. 335.

[32] Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947, стр. 121 сл.

[33] М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, стр. 56 сл.

[34] F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 221.

нии сеньориальных и крестьянских владений, пришел к выводу, что лишь меньшая часть земли приходилась на подворные участки крестьян, а бóльшая оставалась в непосредственном владении сеньора[35]. При этом Г. А. Острогорский прямо подчеркивал, что владения хиландарского иеромонаха Каллиника (т. е. именно те, опись которых была использована Н. Свороносом) представляют собой (наряду с владениями прониара Михаила Мономаха, опись 1333 г.) исключение[36]. Другой крайностью, например, была опись метоха Стомий, принадлежавшего Ксенофонтову монастырю, где 2100 модиев земли составляли домен и только 70 модиев были в руках париков[37]. При этом известно, что часть домениальной земли сдавалась в аренду, другая же часть возделывалась при помощи крестьянских барщин. Размеры барщин варьировали от семи дней в году (в XIII в.) до одного-двух дней в неделю (середина XIV в.)[38]. В соседних областях Средней и Северной Македонии размеры барщин колебались от трех до ста дней в году[39]. Все это свидетельствует о необоснованности теории Н. Свороноса и об отсутствии принципиального отличия в обработке крупных земельных владений в Византии и в странах „классического феодализма".

Итак, можно констатировать, что там, где мы располагаем достаточным количеством источников (т. е. применительно к последнему периоду византийской истории), феодальная природа византийской экономики встает перед нами достаточно ясно. Это, разумеется, не означает, что она не имела здесь своих специфических особенностей, обусловленных своеобразием природных условий (небольшие горные долины с преобладанием виноградарства и скотоводства, конечно, благоприятствовали развитию мелкого крестьянского хозяйства как на владельческих, так и на арендованных землях) и определенными историческими традициями.

Гораздо меньше данных имеется в нашем распоряжении относительно рассмотренного П. Лемерлем периода „апогея империи", однако и их достаточно, чтобы говорить о наличии феодальной ренты, феодальных форм собственности и внеэкономического принуждения[40]. Памятникам этого времени знакомы барщины-ангарии[41]; известно, например, что мистии Патмосского монастыря в конце XI в. работали в монастырском хозяйстве пять дней в неделю[42], что, кстати сказать, противоречит теории Н. Свороноса об отсутствии домениального хозяйства в Византии. О значительных размерах отработочной ренты в болгарских фемах на рубеже XI—XII вв. свидетельствует переписка Феофилакта Охридского[43].

---

[35] Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. — BS, vol. 9, 1948, p. 238.

[36] Там же, стр. 240, примеч. 116.

[37] Б. Т. Горянов. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв., стр. 129.

[38] А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 118.

[39] Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, стр. 162.

[40] См., например, оставшиеся неизвестными П. Лемерлю работы: Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии XI—XII вв. — Ученые записки Института славяноведения, т. 14, 1956, стр. 226 сл.; М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII веках. — Ученые записки Великолукского пединститута, 1956, стр. 105 сл.

[41] Jus, vol. III, p. 247.2—6; Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 148. 12—14.

[42] См. А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. — Ученые записки Тульского пединститута, вып. 2, 1951, стр. 81.

[43] Г. Г. Литаврин. Крестьянство..., стр. 246.

Больше известий сохранилось о ренте натурой. Здесь можно указать на письма патриарха Николая Мистика (901—907 и 912—925), которые, как мы уже отметили выше, не были вовсе использованы П. Лемерлем. В письме, адресованном неизвестному, патриарх Николай говорил о деревне, обязанной поставлять пшеницу одной из церквей: эта пшеница шла как на изготовление просфор, так и на пропитание клира[44]. В другом письме, также адресованном неизвестному, Николай упоминает о лицах, обязанных ежегодной рентой воском; церковь, по его словам, не должна переобременять этих людей и незаконно обогащаться за их счет[45]. Наконец, в третьем письме Николая идет речь о лицах, освобожденных от государственных податей, но зато обязанных платить ренту Великой церкви; в другом месте эта рента названа „служба, иначе оброк капустой (τὴν τῆς κράμβης συντέλειαν)"[46].

Еще более отчетливый характер феодальной ренты носит так называемый каниский („корзиночка"), который в XI в. в некоторых местах состоял из буханки хлеба, курицы, модия ячменя и полумеры вина[47].

Мы можем отметить в источниках XI в. данные (правда, довольно скудные) о коммутации некоторых натуральных платежей — как государственных, так и частновладельческих. Известно, что одной из основных причин восстания в Болгарии в 1040 г. явилась коммутация Иоанном Орфанотрофом натуральных налогов, которые болгарское население уплачивало пшеницей, просом и вином[48]. Определение константинопольского поместного собора от 1089 г. отмечает, что афинская митрополия издавна имела в Декелее земли, которые сдавала в аренду за десятую долю вина. Митрополит Иоанн заменил натуральную ренту денежной, что оказалось невыгодным для митрополии. Константинопольский собор постановил вернуться к старому порядку; это постановление распространялось и на виноградники, поля, усадьбы и мельницы, принадлежавшие митрополии в Фивах[49].

Кстати сказать, эта тенденция к коммутации натуральных повинностей в XI в. хорошо увязывается с фактом усиления товарного обращения в этом столетии[50].

Точно так же, как мы можем наметить существование феодальной ренты в X—XI вв., возможно проследить и наличие феодальной зависимости: парики, проскафимены, зависимые влахи не были в эту пору

---

[44] PG, t. 111, col. 260. B.

[45] Ibid., col. 273. B — C.

[46] Ibid., col. 380. С. А. Васильев (рецензия на кн. П. Я. Яковенко. — ЖМНП, т. 20, 1909, апрель, стр. 435), не учитывая, по-видимому, всего контекста этого письма, ошибочно полагал, что речь идет о „разновидности налога на овощи". Уплата подобного налога не могла бы, разумеется, служить основанием для освобождения крестьян от государственных повинностей.

[47] Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона, Киев, 1873 (этот сборник актов не использован П. Лемерлем), стр. 158.20. В грамоте царского нотария Иоанна Катафлорона от 1079 г. он определен в несколько ином размере: буханка, курица, 7 модиев ячменя и 3 меры вина (G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, № 32. 19—20).

[48] Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 85.

[49] Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ. — ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 38.12—39.13; Ф. И. Успенский (там же, стр. 4) датировал это определение 1107 г., не учтя, что упомянутый в нем афинский митрополит Никита, возбудивший вопрос о десятине, умер в апреле 1103 г. (См. V. Grumel. Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople, vol. I, fasc. 3. Constantinople, 1947, № 952).

[50] Это устанавливается на основании анализа нумизматического материала: находки дают несравнимо больше монет XI, нежели X в.

„рабами земли", прикрепленными к своему origo, подобно зависимому населению эллинистических и римских общин Малой Азии и Сирии. Это были люди, зависевшие от своего сеньора, хотя и имевшие в XI в. еще право перехода. В этой связи П. Лемерлю следовало бы остановиться на письме известного писателя и политического деятеля XI в. Михаила Пселла: Пселл сообщает, что парики некоего Патрикия, сына Иканатиссы, задумали покинуть владения своего господина, и просит влиятельного чиновника воспрепятствовать переселению париков[51]. Еще Э. Штейн полагал, что византийские крестьяне X в., в отличие от ранневизантийских, пользовались свободой передвижения[52]. Только на протяжении XII—XIII вв. в Византии устанавливаются крепостнические отношения и исчезает свобода перехода частновладельческих крестьян. Государственные крестьяне потеряли свободу перехода значительно раньше.

Итак, мы вправе говорить о сходстве экономических условий в Византии и странах „классического феодализма" не только в XIII—XV вв., но и накануне крестовых походов. Недаром Ф. Дэльгер, полагавший, что феодализм (под этим термином он разумеет лишь политическую надстройку феодального общества) сложился в Византии под влиянием крестоносцев, утверждал, что самая возможность восприятия этого „привнесенного" феодализма была обусловлена сходством экономических отношений на Востоке и Западе[53]. В отличие от Ф. Дэльгера мы, однако, считаем, что в Византии X—XII вв. существовала и феодальная надстройка, а именно вотчинная юрисдикция, элементы феодальной иерархии и др.[54] Недаром Византия еще до крестоносцев знала феодальные файды[55].

Все это показывает, что проблема византийского феодализма гораздо более сложна, чем это представляет себе П. Лемерль: от византийского феодализма нельзя отмахнуться несколькими общими замечаниями относительно термина „феодальный". Мы готовы спорить с П. Лемерлем о византийском феодализме, но для того, чтобы споры эти были плодотворными, необходима одна предпосылка: необходимо, чтобы П. Лемерль внимательно ознакомился с работами советских византинистов (как мы — с его работами) и рассмотрел те аргументы, которые были выдвинуты в защиту этого тезиса до сих пор. При том подходе к проблеме, который, к сожалению, имеет место в рецензируемой работе, платформы для плодотворной дискуссии еще нет.

Но если отрицание П. Лемерлем византийского феодализма не основано, как мы старались показать, на тщательном изучении источников и литературы вопроса, а является совершенно декларативным, то возникает законное недоумение: почему же этот постулат столь дорог французскому исследователю? Нам думается, что разгадка этого кроется

[51] C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. V. Venetia — Paris, 1876, p. 381.4—5.

[52] E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. — „Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte", Bd. 21, 1928, S. 161 f.

[53] F. Dölger. Рецензия на работу Д. Закифиноса. — BZ, Bd. 49, 1956, S. 498.

[54] А. П. Каждан. Формирование феодального поместья..., стр. 117 сл.; Г. Г. Литаврин. Крестьянство..., стр. 247 сл.

[55] Так, при Константине VIII (1025—1028) Василий, сын Романа Склира, пошел войной на магистра Прусиана (Cedrenus, vol. II, p. 483.4—7); немногим позднее вспыхнула война в феме Анатолик между Георгием Маниаком и его соседом Романом Склиром; последний был вынужден бежать из собственных владений (ibid., p. 547.16—19). В 1042 г., воспользовавшись отсутствием Маниака (он был с войсками в Италии), Роман Склир напал на его деревни и подверг их разграблению (ibid., p. 548.2—3).

в связи тезиса о феодализме с третьим звеном концепции П. Лемерля — с тезисом об отсутствии коренных изменений во внутреннем строе Византийской империи.

Объективно в настоящее время представление о застойности Византии является попыткой „научно" обосновать политически вредный тезис о коренной противоположности восточного и западного мира, причем в этой концепции западный мир наделяется чертами носителя прогресса, тогда как восточный (в том числе и Россия, которая изображается пассивной восприемницей византийской цивилизации) оказывается оплотом консерватизма и деспотизма. Таков объективный политический смысл этой концепции, и ученому, как бы он ни призывал к беспристрастному анализу источника, нельзя забывать о том здании, в которое он вкладывает кирпичи своих идей. Однако вернемся к самим источникам и посмотрим, дают ли они основание для подобных утверждений.

Сравнивая византийское средневековье с протовизантийским периодом, П. Лемерль, как мы уже говорили, утверждает, что не было принципиального различия между обеими эпохами. Он основывается при этом на следующих критериях:

1) обе эпохи знают мелкую и крупную собственность;

2) крупной собственности обоих периодов присуща дробность;

3) для обоих периодов характерно сосуществование свободных крестьян и колонов-париков;

4) и в протовизантийский период, и в византийское средневековье существовал принцип совместной ответственности перед фиском за регулярное внесение податей (т. 219, стр. 74).

Элементарные принципы научного исследования требуют проверки критериев анализа, прежде чем мы сможем принять основанные на этом анализе результаты. Скажем прямо: критерии, избранные П. Лемерлем, не являются удовлетворительными. Рассмотрим их последовательно.

Сосуществование крупной и мелкой земельной собственности присуще всякому классовому обществу: в тех или иных формах это явление наблюдается на древнем Востоке, в Греции и Риме, в средневековых государствах Европы и Азии, в капиталистических государствах наконец. Правомерно ли будет сделать из этого вывод, что общество за последние тысячелетия не сделало принципиальных шагов вперед и что современная Франция по своему аграрному строю не отличается от Шумера времен Урукагины? Вопрос, разумеется, совершенно риторический, и ответ на него не вызывает сомнений.

Столь же мало показателен и критерий дробности крупного землевладения. Действительно, дробным было крупное землевладение не только в протовизантийском Египте, как справедливо полагает П. Лемерль (т. 219, стр. 44), но и в странах „классического феодализма", аграрный строй которых П. Лемерль отнюдь не склонен отождествлять с византийским.

То же самое можно было бы сказать и относительно свободного крестьянства, которое повсеместно существовало и в античных обществах, и в государствах раннего средневековья, хотя, впрочем, конкретное содержание понятия „свобода" было различным в различных условиях[56]. В этой связи мы хотели бы отметить желательность специального исследования понятия „свобода" в Византии; впрочем, уже и сей-

[56] Ср. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, стр. 33.

час можно было бы отметить коренное отличие византийского понятия „свободный" (ἐλεύθερος) от римского liber. Если римская свобода противопоставляется рабскому состоянию (что совершенно естественно в условиях рабовладельческого общества), то в Византии „свободен" тот, кто по какой-либо причине не внесен в податные списки: свобода здесь отождествляется с экскуссией[57]. Только в поздний период византийской истории намечается некоторая эволюция термина ἐλεύθερος: с одной стороны, его противопоставляют теперь парикам-крепостным[58], с другой — термином „элевтеры" обозначают особую категорию зависимого крестьянства[59].

Что же касается отождествления византийских париков с позднеримскими колонами, то в этом пункте мы никак ве можем согласиться с П. Лемерлем. Позднеримские колоны (и особенно восточноримские γεωργοί) были людьми, прикрепленными к земле, к месту своего происхождения, к своей общине. К ним, нам думается, вполне применима та характеристика, которая была дана А. Б. Рановичем их предшественникам — эллинистическим „царским земледельцам". „Принадлежность к общине, — писал А. Б. Ранович, — дававшей каждому своему члену право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность по мере разложения общины и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к ἰδία, которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей. Эта зависимость была, очевидно, не феодальной"[60].

Византийский парик не похож на восточноримского „георга". Поздневизантийские парики — это феодальнозависимые крестьяне; их зависимость может принимать разнообразные формы, доходя до крепостничества: известно, что византийские сеньоры XIII—XIV вв. могли отделять крестьян от земли, переводить париков на новые места и даже дарить их[61]. Сложнее вопрос о париках IX в., с которыми, собственно говоря, и сравнивает позднеримских колонов П. Лемерль. Если оставить в стороне агиографические памятники, в которых термин „парик" восходит к традиции Септуагинты и означает просто „присельник", то первым упоминанием париков в византийских текстах следует считать рассказ Феофана о Никифоре I, приказавшем взимать капникон с париков императорских монастырей и иных духовных учреждений[62]. М. Я. Сюзюмов предположил, что там речь идет о живущих „на щедроты монастыря" странниках, которые до того не облагались каким-либо налогом[63]: он, следовательно, толкует этот термин в духе библейско-агиографической традиции. Но если даже и не соглашаться с М. Я. Сюзюмовым (Феофан определенным образом связывает париков с монастырскими владениями), все равно это раннее известие настолько неопределенно, что из него нельзя сделать выводов о характере эксплуатации париков начала IX в. В юридических документах X—XI вв. (постановления магистра Косьмы, „Пира") парик — это крестьянин, арендующий чужую землю, за пользование которой он платит капникон, а также, быть может, несет и иные повинности („Пира", XVIII, 2). Земля, на которой он сидит, ему не принадлежит: магистр Косьма, запрещая церковным парикам отчуждать земли, подчеркивает, что именно церковь является господином, собственником этой земли[64]. Постепенно, однако, формируются владельческие права парика: магистр Косьма указывает, что если парик уходит с земли, на которой он сидел, церковь обязана выдать ему материал его строений[65]. Еще дальше идет автор „Пиры", писавший в середине XI в.: по его словам, парики после 30-летнего пользования наделом приобретают квази-владельческие права („Пира", XV, 2). Перед нами — картина „феодализирующейся аренды", иначе говоря, аренды, превращающейся в крестьянское владение феодального типа; аналогичный процесс мы можем наблюдать в средневековой Италии[66] и во многих других странах „классического феодализма".

Таким образом, тезис о тождестве византийского парика с позднеримским колоном не доказан П. Лемерлем, да и не может быть доказан: если само по себе крупное землевладение присуще и рабовладельческому, и феодальному обществу, то формы эксплуатации, как правило, составляют специфику данного общественного строя.

Что же касается последнего критерия, предложенного П. Лемерлем, то мы позволим себе коренным образом разойтись с автором рецензируемой работы и утверждать, что так называемое византийское средневековье не знает принудительного взыскания с соседей налогов за опустевший участок.

Феофан, рассказывая о „злодеяниях" Никифора I, называет среди них также и установление обязанности односельчан платить подати друг за друга[67]. Это свидетельство противоречило воззрениям всех тех, кто подобно П. Лемерлю полагал, что система принудительного взыскания налогов с соседей неизменно сохранялась начиная с протовизантийского периода. Так, Ф. Дэльгер утверждал, что это постановление не было введено Никифором[68], однако он не выдвигал каких-либо аргументов в защиту своего тезиса, кроме призыва внимательно прочитать текст Феофана. Г. А. Острогорский полагал, наоборот, что постановление Никифора не содержало чего-либо нового, ибо эта система была известна уже ранее[69]. Однако у нас нет никаких оснований отбрасывать прямое свидетельство хрониста, которое, как мы сейчас увидим, подтверждается и другими памятниками.

---

[57] См., например, G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, № 50, B. 37. Особенно показательно в этом отношении свидетельство Атталиата, называющего „действительно свободными и римскими гражданами" (Attaliota. Historia, p. 284.7. Это — формула отпускных грамот — см. G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire, p. 73) не тех, кто получил свободу путем пожалования золотого перстня или пощечины, но избавленных от страха перед поборами (φόβον τῶν ὀφλημάτων).

[58] Об этом свидетельствует, в частности, аргировул морейского деспота Феодора II (1407—1443) (см. Г. Острогорски. Две белешке о душановим хрисовуљама светогорском манастиру Ивирону. — „Зборник матице српске. Сер. друштвених наука", св. 13—14, 1956, стр. 79).

[59] См. Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги. . ., стр. 270 сл.; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 134 сл.

[60] А. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 31 сл. Попытку разграничить позднеримских колонов и средневековых крепостных (применительно к Западу) см.: А. Р. Корсунский. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. — ВДИ, 1954, № 2, стр. 67 сл.

[61] G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire, p. 65 sq. Право феодала изменять характер повинностей париков засвидетельствовано уже памятником XI в. — типиком Бакуриани (L. Petit. Typicon de Grégoire Pacourianos. — BB, XI, 1904. Приложение, стр. 48.11).

[62] Theophanes. Chronographia. Lipsiae, 1883, vol. I, p. 486.30.

[63] М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. . ., стр. 77, примеч. 38.

[64] Ф. Успенский, В. Бенешевич. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XXXV.

[65] Там же, стр. XXXVI.

[66] М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX—XI вв.). — ВВ, VII, 1953, стр. 173 сл.

[67] Theophanes, vol. I, p. 486.25.

[68] F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 129 f.

[69] G. Ostrogorsky. History of Byzantine State. Oxford, 1956, p. 167.

„Злодеяния" Никифора были, по-видимому, отменены после его смерти. И тем не менее уже во второй половине IX в. мы встречаемся с новой попыткой возложить на соседей обязанность платить налоги за покинутые наделы. Мы имеем в виду известие Продолжателя Феофана о попытке реформировать податное обложение при Василии I, использованное, как мы уже говорили, и П. Лемерлем (т. 219, стр. 256 сл.).

Это известие, по мнению П. Лемерля, может быть истолковано двояко: либо как свидетельство об установлении ответственности соседей за уплату податей, либо как рассказ о введении системы класм, описанной в „Трактате об обложении" и состоявшей в том, что заброшенные земли (так называемые класмы) отчуждались от общинной территории и передавались посторонним лицам. Сам П. Лемерль склоняется в пользу последней точки зрения (т. 219, стр. 263).

Конечно, сообщение Продолжателя Феофана весьма неопределенно и позволяет строить различные гипотезы, но действительно ли мы должны предпочесть вторую версию? По словам Продолжателя Феофана, земли, о которых шла речь в проектируемой реформе, использовались соседями из числа бедняков (τοῖς γειτονοῦσι τῶν πενήτων)[70]. Власти закрывали глаза на это, но логофет геникона при Василии I предложил обязать этих людей уплатой налогов. Что здесь общего с системой класм, которая, как совершенно справедливо полагает П. Лемерль, вела к разрушению общины: как показал уже Г. А. Острогорский на основе анализа лаврской грамоты 941 г., класма переходила в руки крупных собственников, не являвшихся членами общины[71]. Наоборот, естественно предположить, что речь идет о реформе, аналогичной рассмотренному выше мероприятию Никифора I, — о попытке возложить на соседей ответственность за уплату податей с опустевших наделов.

Итак, дважды на протяжении IX в. предпринималась попытка установить систему коллективной ответственности за уплату податей: при Никифоре I и при Василии I. Ни в том ни в другом случае эта система не утвердилась: во времена Василия I крестьяне даже могли пользоваться опустевшей землей соседей, не уплачивая податей. Но если эту систему еще только пытались вводить в IX в., как же можно считать, что она уже существовала в VIII в.?

Основанием для подобного предположения, как известно, служат некоторые статьи „Земледельческого закона" (ст. 18—19). Однако ст. 19 не знает ответственности крестьян за односельчанина-недоимщика, она говорит лишь об обязанности выполнять повинности в том случае, когда кто-нибудь пользуется землей отсутствующего соседа. Согласно ст. 18, если крестьянин покинет свою деревню, урожай на его участке могут собрать οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπαιτούμενοι. Но кто эти ἀπαιτούμενοι — соседи, староста или вообще всякий член общины, выполняющий государственные повинности, — остается неясным. Ж. Малафосс, например, предполагал, что этим термином обозначаются сборщики податей[72]. Следует еще обратить внимание на ст. 21, которая свидетельствует, что обработка чужой заброшенной земли носит добровольный характер, коль скоро эта статья предусматривает *отказ* нового владельца вернуть освоенную им землю.

[70] Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 348.2—6.

[71] G. Ostrogorsky. The peasant's preemption right. — „Journal of Roman Studies", vol. 37, 1947, p. 122 f.

[72] J. de Malafosse. Les lois agraires á l'époque byzantine. — Recueil de l'Académie de Législation, vol. 19, 1949, p. 39. Следует отметить, что Г. Острогорский (G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jhdt. — „Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. 20, 1927, S. 30, A. 2) читал в ст. 18: οἱ τὰ δημόσια ἀπαιτούμενοι, что можно понять как „обязанные уплатой налога" (впрочем, и как „собирающие налог"), тогда как в критическом издании В. Эшбернера мы находим: τῷ δημοσίῳ ἀπαιτούμενοι λόγῳ, т. е. „ответственные перед казной", а это оставляет возможность для более широкого и свободного понимания текста.

Таким образом, мы видим, что „Земледельческий закон" не содержит бесспорных свидетельств о существовании системы коллективной фискальной ответственности, а нарративные источники позволяют утверждать, что попытки ввести эту систему еще только предпринимались в IX в. Следовательно, ни один из критериев П. Лемерля не дает оснований отождествлять аграрный строй протовизантийского периода и так называемого византийского средневековья.

Что же в действительности произошло в аграрном строе Восточной Римской империи в VI—VII вв., что́ позволяет нам говорить о коренных сдвигах, об аграрном перевороте?

Прежде всего речь должна идти об исчезновении рабовладельческой *системы* производства. Это не значит, что рабство как *уклад* не существовало в последующее время: рабов упоминает даже „Земледельческий закон", а во второй половине IX в. мы можем проследить некоторые тенденции к укреплению рабовладельческого хозяйства[73]. Однако достаточно сравнить памятники IV в. с „Земледельческим законом", чтобы увидеть, насколько изменилось за это время место рабов в хозяйственной жизни страны. Речь антиохийского куриала Ливания „О рабстве" начинается следующими, весьма показательными словами: „Эти два слова: раб и свободный — везде на устах: в домах, на рынках, в полях, на равнинах, на горах, даже на кораблях и челноках"[74]. Проблема отношения к рабам занимает весьма значительное место в произведениях Иоанна Златоуста[75], и это свидетельствует, что данный вопрос был в ту пору весьма актуальным.

В отличие от этого „Земледельческий закон" и современные ему памятники говорят лишь о случайном, спорадическом и ограниченном применении рабского труда; в частности, все пять случаев упоминания рабов в „Земледельческом законе" относятся к скотоводству[76]. Проблема рабства не поднималась, насколько мы знаем, византийскими философами и богословами VIII—IX вв.

Судьба рабовладения тесно переплетается с судьбой восточноримских полисов, ибо центрами рабовладения на Востоке были именно города (известно, что во II в. н. э. крупным центром рабовладения был малоазийский город Пергам[77], большое число рабов было в Антиохии IV в.[78]). В VII в. бóльшая часть восточноримских городов переживает серьезный упадок, засвидетельствованный археологическими и нумизма-

[73] А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв., стр. 78.

[74] Libanius. Orat., XXV, I. См. русский перевод: С. Шестаков. Речи Либания, т. I. Казань, 1916, стр. 399.

[75] Г. Л. Курбатов. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, вып. 2, 1958, стр. 92 сл. При этом, по-видимому, *тенденция* к уменьшению роли рабского труда уже давала себя знать в IV—VI вв. (см. W. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 133 f.).

[76] См. Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 129.

[77] W. Westermann. The Slave Systems..., p. 87.

[78] F. Heichelheim. An Economic Survey of Ancient Rome, vol. IV Baltimore, 1938, p. 165.

тическими данными[79]. Помимо Константинополя и, может быть, еще двух-трех центров, рабовладельческие полисы Балкан и Малой Азии перестали существовать.

Параллельно мы можем наблюдать процесс вытеснения крупной земельной собственности мелким землевладением; последнее обстоятельство признает и П. Лемерль, который при этом настаивает на эволюционном течении процесса. „Я не вижу революции", — говорит он (т. 219, стр. 69). Весьма существенно было бы выяснить, сколь значительным было сокращение доли крупной земельной собственности на протяжении VII в. К сожалению, в нашем распоряжении нет никаких статистических данных, и мы можем только догадываться о размерах крупных владений VIII—IX вв. Нам хотелось бы только отметить, что приведенные П. Лемерлем примеры крупных владений этого времени (т. 219, стр. 66 сл.) далеко не всегда бесспорны.

Один из них заимствован из „Жития Филарета Милостивого", где рассказывается о Филарете, жителе деревни Амния, которой был собственником 50 проастиев[80]. Впрочем, в другом варианте этого „Жития" говорится о 48 проастиях[81]. Уже Г. А. Острогорский в рецензии на книгу Ж. Руйар справедливо заметил, что о Филарете можно говорить лишь как о зажиточном крестьянине[82]. Дело не только в том, что агиограф прямо называет Филарета сыном крестьянина Георгия, бывшего сельским старостой[83]. Более существенно то, что владения Филарета не выходят за пределы *одной* деревни, где, кроме него, живет немало других самостоятельных землевладельцев — „династов" и крестьян, как говорит агиограф[84]. Проастии Филарета — не более чем крестьянские наделы (в византийской деревне XIV в. крестьяне нередко имели по 20—30 мелких наделов[85]); превращение этих наделов в проастии нужно отнести на счет агиографа, стремившегося подчеркнуть смирение „святого мужа", безропотно сносившего переход от богатства к бедности.

Второй пример, привлеченный П. Лемерлем, относится к известию Константина Багрянородного о митрополии Андрея Патрского, однако, как мы уже стремились показать, рассказ Константина не дает никаких оснований говорить о крупной вотчине с зависимыми крестьянами: речь идет только о том, что государственные повинности (постой), которые прежде выполняла митрополия Андрея Патрского, теперь перелагались на славянские общины в окрестностях Патр; митрополии *запрещалось* переводить на деньги эту крестьянскую повинность[86].

Таким образом, масштаб аграрного переворота VII в. был, по-видимому, более значительным, нежели это представляется П. Лемерлю.

С сокращением размеров крупного землевладения связано также ограничение (если не полное исчезновение) старых форм прикрепленности к земле (см. об этом выше, стр. 106). Наконец, нам представляется возможным проследить изменение характера византийской общины[87].

Таким образом, мы полагаем, что есть все основания говорить о существенных сдвигах в аграрном строе Восточной Римской империи в VII в. Разумеется, скудость источников не позволяет выяснить характер аграрного переворота в деталях, однако мы можем считать установленными такие факты, как исчезновение рабовладельческой системы производства, связанной с существованием позднеантичного полиса; значительное сокращение удельного веса крупной собственности и преобладающая роль мелкой собственности; исчезновение (или значительное сокращение) старых форм прикрепленности к земле; изменение характера общины.

Мы не станем здесь затрагивать специально вопроса о причинах аграрного переворота VII в. Нам хотелось бы только обратить внимание на одно обстоятельство. П. Лемерль, говоря об эволюции аграрного строя в это время (как мы видели, эволюцию как совокупность количественных перемен он признает), обусловливает ее демографическими переменами: это „радикальное изменение" (changement radical) связано, по его словам, со славянскими вторжениями, однако не с прямым влиянием общественных порядков славян, но с тем фактом, что увеличившееся народонаселение империи ликвидировало недостаток в рабочих руках (т. 219, стр. 64)[88]. Попытки объяснить экономическое развитие при помощи демографических факторов широко распространены в западной медиевистике вообще и нередко применяются к рассмотрению судеб Поздней Римской империи. Однако нам кажется, что перемены были слишком значительными, чтобы их можно было свести целиком к воздействию демографических факторов. В частности, вряд ли к простым демографическим переменам можно свести появление в византийской общине VIII—X вв. элементов родового быта, от которого были свободны позднеримские митрокомии IV—VI столетий[89]. Мы полагаем, что объяснение этих перемен надо искать в воздействии двух сил: во влиянии аграрного строя вторгавшихся на территорию империи „варварских" народов, прежде всего славян, и в той экономической тенденции, которая была присуща уже истории последних веков Римской империи, — тенденции к укреплению мелкого, самостоятельного хозяйства непосредственных производителей[90]. В этой связи стоит напомнить, что и сам П. Лемерль, опираясь на работу Г. Чаленко, отмечает факт раздела латифундий в Северной Сирии начиная с IV в. (т. 219, стр. 42, примеч. 5).

Стремление П. Лемерля подчеркивать консерватизм Византии проступает, наконец, еще в одном вопросе — в его попытках доказать, что в Византии государство всегда оказывало чрезвычайно большое воздействие на аграрные отношения (т. 219, стр. 74) и что это воздействие постоянно шло в одном направлении. Последний тезис П. Лемерль выдвигает в связи с анализом аграрного законодательства Никифора Фоки. В буржуазной историографии вообще принято рассматри-

[79] А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. — СА, т. 21, 1954, стр. 187.
[80] А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. — ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 64.21.
[81] M. H. Fourmy — M. Leroy. La vie de S. Philarète. — Byz., vol. 9, 1934, p. 113.9—10.
[82] G. Ostrogorsky. — BZ, Bd. 47, 1954, S. 422.
[83] А. Васильев. Ук. соч., стр. 64.15—17. Этого места нет в генуэзской рукописи, изданной М. Фурми и М. Леруа, в издании которых пользовался „Житием" П. Лемерль.
[84] А. Васильев. Ук. соч., стр. 65.33—34.
[85] См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 60.
[86] А. П. Каждан. Формирование феодального поместья. . ., стр. 114 сл.

[87] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10, стр. 83 сл. П. Лемерль, однако, признает лишь существование фискальной общины, неизменной на всем протяжении византийской истории (т. 219, стр. 259 сл.)
[88] Ср. также роль, которую П. Лемерль отводит чуме 541—544 гг. в экономической истории протовизантийского периода (т. 219, стр. 48).
[89] М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины. . ., стр. 36.
[90] З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы. . ., стр. 86 сл.

вать императорскую власть (государство) в Византии как абстрактную категорию, руководствовавшуюся не классовыми интересами, а идеей общего блага, и проводившую в соответствии с этим определенную политику, направленную на ограничение крупной собственности[91]. Некоторое исключение делалось лишь для Никифора Фоки, законодательство которого оценивалось как аристократическое, феодальное, реакционное[92]. Именно против этой точки зрения и выступает П. Лемерль, полагая, что новеллы Никифора Фоки не отличались от новелл его предшественников (т. 220, стр. 53).

Нам кажется, что вопрос этот шире, нежели просто оценка законодательства одного императора — Никифора Фоки. В действительности императорская власть на том или ином этапе выступала как выразитель интересов той или иной группировки господствующего класса. Не только Никифор Фока, но и Константин VII проводил политику, отличную от политики Романа Лакапина. П. Лемерль не видит этого обстоятельства, потому что он изучает не всю совокупность данных источников о политике Романа Лакапина, Константина VII или Никифора Фоки, а лишь их широковещательные заявления в новеллах. Совершенно по-иному начинаешь оценивать новеллы, если рассматривать их в связи с известиями нарративных памятников. В частности, Продолжатель Феофана рассказывает, что Константин VII „слышал о несправедливостях и поборах, которым подвергались при его тесте Романе несчастные и почтенные «убогие» со стороны стратигов и протонотариев, стратиотов и всадников, и он послал благочестивых и почтенных мужей, чтобы облегчить бремя податей, взимавшихся с несчастных бедняков“[93]. Из слов Продолжателя Феофана видно, что Роман Лакапин проводил политику охраны „убогих“ от динатов не ради самих „убогих“ и не ради „общего блага“, но в целях усиления податного гнета. Окружение Константина VII осуждало эту политику. В новеллах Константина VII мы также найдем осуждение налоговой политики Романа Лакапина[94].

Обращаясь к аграрному законодательству самого Константина, мы видим, что он придерживался основных принципов, развитых в новелле Романа от 934 г. Однако в новеллах Константина главное внимание уделено вопросу о выкупе крестьянской земли, захваченной динатами. Особенно существенно в этой связи свидетельство новеллы Романа II о не дошедшей до нас новелле Константина VII, изданной по просьбе архонтов, записанных в стратиотские списки, которой на беднейших крестьян — вразрез с новеллой 934 г. — была возложена обязанность возмещать уплаченную цену[95]. Естественно, что мы вправе рассматривать это постановление как выгодное для динатов.

Здесь не место подробно анализировать все аграрное законодательство императоров X в. Но и сказанного достаточно, чтобы прийти к выводу, отличному от сделанного П. Лемерлем: мы не можем говорить о едином потоке аграрного законодательства византийских императоров — в действительности каждый из них проводил свою линию, отражая интересы определенной социальной группировки.

Мы рассмотрели более или менее подробно основную концепцию работы П. Лемерля. Рецензируемая статья затрагивает много вопросов

[91] См. особенно „Byzantium“, Oxford, 1948, p. XVIII f.
[92] P. Charanis. On the Social Structure of the Later Roman Empire. — Byz., vol. 17, 1944—1945, p. 52.
[93] Theophanes Continuatus, p. 443.13—18.
[94] Jus, vol. III, p. 266. 1; ср. ibid., p. 265.30—31.
[95] Ibid., p. 282.17—20

первостепенной важности, и далеко не на всех мы могли остановиться. Кое-где наши возражения по необходимости были слишком краткими, чтобы оказаться достаточно убедительными. И все-таки мы считаем возможным дать общую оценку статьи П. Лемерля.

Рецензируемая работа представляет чрезвычайно большой интерес. Дело не в количестве привлеченного материала и не в оригинальных частных наблюдениях, которых немало в ней. Статья Лемерля представляется нам интересной потому, что это максимально квалифицированное изложение той „антифеодалистской“ точки зрения, которая сложилась в буржуазном византиноведении как реакция против основных положений советской историографии. Основной тенденцией советского византиноведения является выяснение развития византийского аграрного строя в рамках феодальной общественно-экономической формации, основной тенденцией П. Лемерля является стремление покончить как с идеей развития, так и с представлением о феодализме. Но П. Лемерль не может быть последовательным в своей концепции: как честный ученый, хорошо знающий факты, он волей-неволей вынужден противоречить себе. Отсюда рождается его теория „радикальных перемен“ VII в.: П. Лемерль гонит в дверь теорию аграрного переворота, но вынужден пустить ее в окно. Разве уж так велика разница между понятиями „аграрный переворот“ и „радикальные перемены“? Но П. Лемерль боится слова „революция“, он спешит оговориться, что эти радикальные перемены были эволюцией, но не революцией... Разрабатывая свою теорию „класмы“, сам П. Лемерль исходит из анализа путей закабаления византийской общины. При свете этой теории бледнеет абстрактный фетиш „фискальной общины“, за который еще держится П. Лемерль: община выступает прежде всего как коллектив земельных собственников, постепенно теряющий свои земли в борьбе с государством — органом господствующего класса, добавим мы от себя.

Статья П. Лемерля ценна для нас потому, что она облегчает возможность *размежеваться* с буржуазными историками аграрного строя Византии, облегчает выяснение концепции, противостоящей нашим воззрениям. И нам кажется, мы вправе сказать, что П. Лемерлю не удалось поколебать основных позиций советского византиноведения: ни его возражения против византийского феодализма, ни его представления о застойности аграрного строя Византийской империи не могут считаться достаточно аргументированными.

Б. А. ШЕЛКОВНИКОВ

СТЕКЛО КИЕВСКОЙ РУСИ X—XIII ВЕКОВ

Еще в конце XIX в. Н. П. Кондаков впервые обратил внимание на то, что эмали, украшающие русские ювелирные изделия Киевской Руси, значительно разнятся от современных им византийских. При этом русская эмаль отличается не только по стилю и по технике (перегородчатая) изготовления, но и самим составом, менее стойким и сильнее разлагающимся от длительного лежания в земле, с одной стороны, и более ярким и блестящим в тех случаях, когда эмаль хорошо сохранилась, — с другой[1]. Наблюдения Кондакова о том, что эмалевые порошки не привозились из Византии, а, возможно, изготовлялись на месте, можно распространить, ввиду сходства технологии, и на производство смальт для мозаик. Иначе обстоит дело с производством стеклянной посуды, для которой, помимо варки стекла иного состава при другой, более высокой, температуре, требуются квалифицированные мастера-стеклодувы, знающие способ выработки полых изделий.

Сам Н. Кондаков считал, что находимые на территории Среднего Приднепровья стеклянные сосуды привезены из Сирии[2]. Иного мнения придерживался И. А. Хойновский, еще в 1893 г. высказавший предположение о местном происхождении посуды, найденной при рытье котлованов на месте „великокняжеского двора“ в Киеве[3].

В 1907—1908 гг. В. В. Хвойко, раскапывая участок, смежный с Десятинной церковью, нашел стеклоделательную мастерскую, датируемую им концом XII—первой половиной XIII в.[4] В ней оказались печи, глиняные горшки для варки стекла и множество стеклянных браслетов и колец; часть колец относилась к производственному браку, так как была смята в процессе выработки[5]. Тут же были найдены куски цветных эмалей и инструменты для изготовления украшенных перегородчатой эмалью древнерусских серег-колтов. Эти находки говорили о том, что в мастерской варилось стекло и выделывались из него браслеты и украшенные цветными эмалями ювелирные изделия.

[1] Н. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, стр. 88, 148. О русском происхождении найденных в Старой Рязани „барм“ писал еще А. Оленин („Рязанские русские древности“. СПб., 1831, стр. 13). Почти все древние русские эмали найдены при случайных или научных раскопках.

[2] Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 36.

[3] И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего города Киева, произведенные весной 1892 года. Киев. 1893, стр. 20.

[4] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 72.

[5] Там же, стр. 71.

Рядом со стеклоделательной мастерской Хвойко нашел мастерскую керамическую, где изготовлялись украшенные цветными эмалями поливные изразцы. Тут же были найдены тигли для плавки эмалей, при этом некоторые из тиглей двойные, с двумя ячейками для эмалей разных цветов. Каждая ячейка снабжена отверстием для выливания жидких эмалей на поверхность керамических плиток. В тиглях-лячках найдены остатки цветных эмалей.

Обнаружены также и куски эмалевой массы, которая плавилась в этих тиглях[6]. Получалась же эмалевая масса, вероятно, в соседней стеклоделательной мастерской.

В 1950 г. в Киеве, на Подоле, в слоях конца XI—начала XII в. В. А. Богусевич открыл стеклоделательную мастерскую. Он обнаружил остатки глинобитных горнов и установил наличие кусков смальты и стеклянных сплавов, обломков „стеклянных браслетов, перстней и тонкостенной посуды (стенки небольших бокалов и круглые донца)“ и осколков разнообразных цветных бус[7]. В 1951 г. такая же мастерская была открыта (и тоже под руководством В. А. Богусевича) в митрополичьем саду Киево-Печерского заповедника. Мастерская обнаружена в 4 м от найденной при этих же раскопках стены, датируемой по кладке XII в. Здесь были вскрыты остатки двух производственных сооружений с большим количеством слитков стекла, „заготовок разноцветной смальты, иногда обработанной в виде кубиков для мозаичных выкладок, фрагментов стенок стеклянных сосудов, обломков керамических тиглей со стеклянной массой и поливных плиток, а также застывших стеклянных капелек, кусочков свинца и серы“[8]. Найдены в мастерских и фрагменты круглых оконных стекол[9]. В. А. Богусевич датирует мастерские второй половиной XI в. как по стратиграфическим признакам, так и по кирпичам, которые „совершенно одинаковы с кирпичами Успенского собора Киево-Печерской лавры, построенного в 1073—1075 гг.“[10]. Материалы этих раскопок значительно расширяют, по сравнению с находками В. В. Хвойко, ассортимент изготовлявшихся в Киевской Руси стеклянных изделий. Теперь мы видим, что в Киеве уже в XI в. производились не только эмалевые сплавы и украшения, но и получаемые выдуванием сосуды и круглые оконные стекла. Но так как наличие местного производства не исключает возможности ввоза (в основном высококачественных изделий), то нам предстоит еще решить вопрос о том, какие же из сохранившихся стеклянных предметов производились русскими мастерами.

Фрагментов стеклянной посуды найдено очень большое количество, и не только в Киеве, но и в Белгороде, под Киевом, в Старом Галиче и в Вышгороде. Среди фрагментов обращают на себя внимание небольшие, от 3 до 5 см в диаметре, донышки от тонкостенных бокалов из белого со слабым зеленоватым оттенком стекла. В Вышгороде Б. А. Рыбаков нашел их около сотни[11]. В Львовском музее хранится фрагмент бокала такого же стекла, с ножкой того же вида, как и найденные Б. А. Рыбаковым[12]. По этому экземпляру можно восстановить форму

[6] В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 70.

[7] В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве, по материалам раскопок 1951 г. — КС АН УССР, вып. 3, 1954, стр. 14.

[8] В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 15.

[9] Там же, стр. 20.

[10] Там же, стр. 15.

[11] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 398.

[12] Львов. Ист. музей, инв. № 1125.

бокалов (рис. 1). Они имеют широкое невысокое пойло, типичную ножку, полученную в процессе выдувания из одной с пойлом стеклянной заготовки, с коротким, не слишком узким перехватом и глубоко вдавленным дном. Донышки вдавливались до соприкосновения с внешними стенками бокала; последнее было необходимо для того, чтобы отделить свободное пространство кольцевой ножки от пойла. Стенки львовского бокала украшены девятью вертикальными ребрами, выпуклыми как внутри, так и снаружи. Они хорошо видны напросвет и напоминают жилки лепестков цветка. Такие же ребрышки видны и на ножке; следовательно, заготовка сперва была украшена ребрами, а затем уже отформована ножка. Обнаружен этот фрагмент вместе с керамикой на Золотом току в Старом Галиче. В Старом же Галиче, в женском погребении, рядом с могилой Ярослава Осмомысла, был найден такой же бокал, рассыпавшийся после находки. Край бокала несколько утолщен, форма та же, что и у львовского фрагмента, размер его следующий: высота 7,2 см, диаметр ножки 3,2 см, толщина стенки около 1 мм. Датируется бокал временем погребения Ярослава Осмомысла — XII в.[13] Бокал из погребения и фрагмент Львовского музея близки по размерам, их донышки разнятся в диаметре лишь на 0,3 см. Но в Старом Галиче найдены донышки совершенно той же формы и, вероятно, принадлежавшие аналогичным сосудам большего размера. Их диаметр равен 4—5 см. Толщина же стенок достигает 2—2,5 мм[14]. Изготовлены они из стекла прозрачного, но ввиду большой толщины несколько сильнее окрашенного в желтовато-зеленый цвет. Ребер на этих фрагментах нет, ими украшались, видимо, лишь тонкостенные бокалы меньшего размера. Бокалов не находят на севере и северо-востоке России, не найдены они и в Старой Ладоге. Вероятно, эти хрупкие изделия не выдерживали перевозки на большие расстояния. Последнее обстоятельство уже само по себе говорит о русском происхождении этих бокалов, что подтверждается оригинальным, редко встречающимся устройством ножек[15]. Произведенный же М. А. Безбородовым химический анализ фрагмента бокала из найденных Б. А. Рыбаковым полностью устраняет какие-либо сомнения в этом[16].

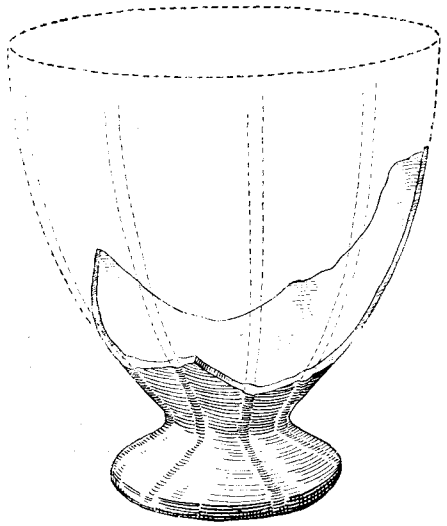


Рис. 1. Бокал бесцветного стекла, найден в Старом Галиче. XI—XII вв. Восстан. выс. 8 см. Львов, Истор. музей, № 1125

[13] Ярослав Пастернак. Старый Галич. Краків, 1944, стр. 139—140.

[14] Львов. Ист. музей, № 3263/1, 3263/2. Найдены в 1940 г.

[15] Возможно, впрочем, что оно заимствовано у Византии, поскольку в Коринфе найдены фрагменты бокалов хотя иной формы, но с похожей ножкой (G. R. Davidson. A Mediaeval Glassical Factory at Corinth. — AJA, vol. XLIV, 1940, № 3, fig. 12—9).

[16] М. А. Безбородов. Стеклоделие Древней Руси. Минск, 1956, стр. 235, анализ № 22, табл. XXX (стр. 232). Стекло бокала является калийно-известковым с ничтожным содержанием натрия, что, с одной стороны, исключает византийское или

Помимо описанных выше бокалов, при раскопках в районе Среднего Приднепровья найдено большое число фрагментов посуды из стекла, обычно окрашенного примесью соединений железа в зеленоватый цвет. Украшались изделия этого вида причудливо изогнутыми налепленными лентами и жгутами, вытянутыми из стекла и наложенными в горячем виде на поверхность выдутых, еще не успевших остыть предметов. Но не только характером орнаментации отличаются изделия этого типа от предыдущих. Не менее оригинально устройство их ножек, образованных при посредстве наложенной, так же как и при орнаментации, в горячем виде волнисто-изогнутой стеклянной ленты.

Несколько замечательных предметов из стекла этого вида было найдено И. А. Хойновским и издано в 1893 г. В настоящее время местонахождение их неизвестно, и мы вынуждены пользоваться опубликованными им рисунками. Все предметы объединены не только одинаковой выработкой (свободное выдувание), но и общностью стиля. Очень интересен небольшой флакон или бутылочка светло-коричневого стекла, 12,5 см высоты, с цилиндрическим туловом, вытянутым высоким, несколько расширенным у устья горлом, длинной, из двух стеклянных жгутов тянутой ручкой и расширенной, похожей на розетку ножкой. Последняя построена, как уже говорилось, при помощи волнисто-изогнутой стеклянной ленты. Флакон изящен и наряден по форме. Такая же лента, лишь в меньшей степени волнистая, охватывает по спирали тулово флакона, что и является его единственным украшением. Несмотря на кажущуюся простоту и даже примитивность приемов, использованных мастером, нельзя не отметить присущее ему чувство меры и стиля, позволивших создать на редкость цельное и выразительное художественное произведение, при этом всецело исходя из особенностей стекла как материала (рис. 2)[17].

Помимо флакона, И. А. Хойновским изданы грушевидный кувшинчик зеленоватого стекла 11,5 см высоты и кружка такого же стекла высотой 8,5 см (рис. 3)[18]. Оба предмета найдены также при раскопках великокняжеского двора. Они лишены украшений, но их округлые, мягких очертаний формы, тянутые как бы из нескольких соединенных жгутов, свободно изогнутые ручки и так же, как у флакона, построенные ножки говорят об едином происхождении.

Ассортимент древнерусского стекла должен быть увеличен за счет находившихся в собрании Б. Н. и В. И. Ханенко стаканов и рюмок из бутылочно-зеленого стекла. Всего имелось три рюмки, найденные в Киевской губернии, и два стакана из Полтавской и Киевской[19]. К сожалению, место их нахождения в настоящее время неизвестно, и мы вынуждены ограничиться фотографиями в издании собрания Ханенко[20]. Рюмки конической формы имеют вытянутые, очень небольшие в диаметре ножки (рис. 4). Развернутые раструбом стаканы имеют цилиндри-

восточное происхождение, где варились натриевые стекла, с другой — западноевропейское, где калийно-известковые стекла содержали больше натрия [там же, табл. XXXV (стр. 291) — анализы средневековых немецких стекол и табл. XXXVII (стр. 293) — анализы средневековых французских стекол]. Фредерик Матсон исследовал стекло из Коринфа. Хотя химические анализы не были произведены, автор все же считает возможным относить коринфские стекла к содово-известковым (F. R. Matson. Technological study of the glass from Corinth Facfory. — AJA., vol. XLIV, 1940, № 3, p. 326).

[17] И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 20, рис. 26.

[18] Там же, рис. 28 и 29.

[19] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, стр. 58 сл., № 1268—1270 — рюмки; № 1271—1272 — стаканы.

[20] Там же, табл. XXXV, № 1268 и 1271.

ческое тулово и в противоположность рюмкам не суженную, а наоборот, расширенную ножку, сформованную при посредстве наложенной и слегка собранной в складки ленты (рис. 5). Так же как и флакон, изданный Хойновским, рюмки и стаканы собрания Ханенко украшены накладными стеклянными лентами. У рюмок они расположены вертикально и протянуты от середины тулова к ножке, у стаканов же охватывают кольцами тулово, при этом нижние кольца шире и массивнее верхних.

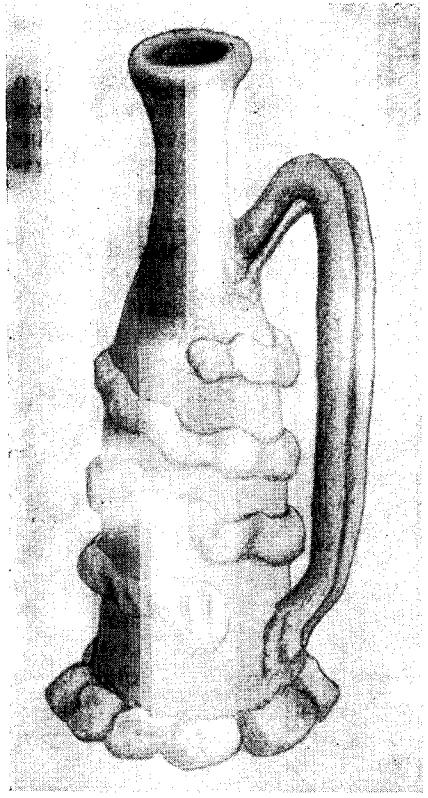


Рис. 2. Флакон бесцветного стекла, найден в Киеве. XI—XIII вв. Выс. 12,5 см. По И. А. Хойновскому

Фрагментов ножек, подобных ножке стакана, изображенного на рис. 5, найдено много как в Среднем Приднепровье, так и на территории западных областей Украины, но их плохая сохранность, за немногими исключениями, не позволяет восстановить формы предметов. В Львовском историческом музее хранится нижняя часть сосуда с ножкой в виде семилепестковой розетки, образованной из ловко изогнутой стеклянной ленты [21]. Такие же ленты опоясывают нижнюю часть тулова сосуда, по сторонам же, судя по сохранившимся остаткам, к ним прикреплялись ручки. По удачной и вероятной реконструкции, предложенной В. Ф. Рожанковским, львовский фрагмент принадлежал небольшой нарядной вазочке с двумя изогнутыми ручками [22].

И. А. Хойновский считал, что посуда, изданная им, производилась в селе Збранка Волынской губернии, основываясь на том, что в этом селе им найдены остатки стекольного производства и большой кусок наполовину сплавленных стеклянных браслетов. И. А. Хойновский с достаточным основанием предполагает, что в обнаруженной им мастерской сплавляли битые браслеты, вследствие хрупкости материала часто ломавшиеся, и вырабатывали новые. Но этого, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы найденные при рытье „Княжего двора" стеклянные сосуды относить к производству села Збранки [23].

Б. Н. Ханенко при описании стаканов и рюмок своего собрания, так же как и И. А. Хойновский, высказывает мысль об их местном происхождении, но очень осторожно. „В городищах, — пишет он, — встречаются сосуды из толстого зеленоватого стекла, довольно примитивных форм, украшенные гофрированными выпуклыми узорами также из стекла; сосуды эти мы готовы признать за местные изделия Приднепровья, хотя не можем утверждать положительно" [24]. Только через 30 лет после высказываний Хвойновского и Ханенко на вопрос о происхождении описанного выше стекла был получен убедительный ответ в капитальном труде шведского ученого Карла Ламма о средневековом стекле Ближнего Востока. Изучив огромное количество стекла восточного происхождения и зная производство Западной Европы, Ламм приходит к выводу о киевском происхождении предметов, изданных Хвойновским и Ханенко, основываясь при этом на некоторых особенностях их формы, в частности на устройстве их ножек [25]. Наконец, химический анализ фрагмента днища „гофрированного" сосуда из раскопки М. К. Каргера 1947—1948 гг. в Киеве, относящегося к стеклу описанного выше типа, приводит и М. А. Безбородова к выводу об его отечественном происхождении [26].

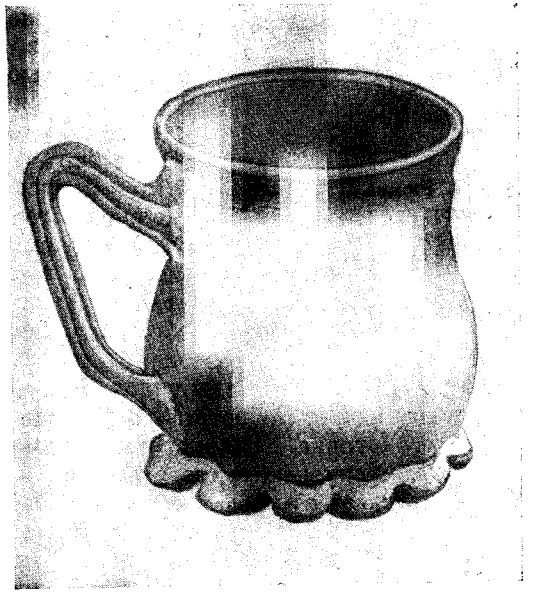


Рис. 3. Кружка бесцветного стекла, найдена в Киеве. XI—XIII вв. Выс. 8,5 см. По И. А. Хойновскому

И. А. Хойновский датировал найденные им предметы временем, предшествующим монгольскому нашествию [27]. Б. Н. Ханенко „допускает возможность" относить к тому же времени стекло своего собрания, исходя из того, что оно найдено „совместно с предметами, несомненно относящимися к великокняжеской эпохе" [28].

К датировкам И. А. Хойновского приходится относиться осторожно, поскольку он найденные и изданные им расписанные кобальтом печные изразцы, принадлежащие по своей барочной орнаментации к XVIII в., также датирует великокняжеской эпохой [29]. Но одно обстоятельство вынуждает нас все же присоединиться к определению И. Хойновского и Б. Ханенко. Стекло, изданное обоими авторами, по своим архаичным формам не могло быть изготовлено в XVII и XVIII вв., возможность же датировать его временем начиная от монгольского завоевания до XVII в., видимо, отпадает, так как на территории верхнего древнего Киева в этот период городская жизнь замерла настолько, что, по свидетельству М. К. Каргера, „над слоем XII—XIII вв. нет культурных напласто-

[21] Львов. Ист. музей, инв. 3613.
[22] В. Ф. Рожанковский. Украинское художественное стекло. Рукопись. Архив Акад. худ. СССР, 1958, стр. 53.
[23] И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 20—21.
[24] Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., стр. 58.
[25] C. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten, Bd. I. Berlin, 1930, S. 91.
[26] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 234, анализ 110, табл. XXX (стр. 232). По составу проанализированное стекло относится к щелочно-кальциевым стеклам с значительным содержанием окиси натрия при преобладании окиси калия. Анализ аналогичен оконному стеклу из Вышгорода, № 128 и 137, табл. XXIX (стр. 225).
[27] И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 20—21.
[28] Б. Н. Ханенко. Ук. соч., стр. 59.
[29] И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 58, 59, табл. XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI.

ваний XIV—XVI вв."[30] Кроме того, нельзя не учитывать и того, что совершенно независимо, исходя не из соображений, связанных с условиями находки, а по признакам „типологическим", к тому же выводу приходит и К. Ламм[31], датирующий описанные выше сосуды XI—XIII вв.

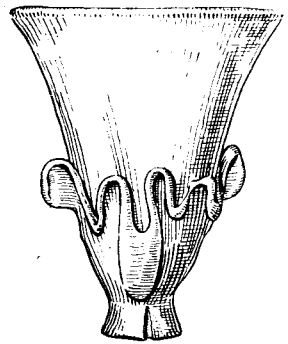


Рис. 4. Рюмка бутылочно-зеленого стекла, найдена в Киевской губернии. XI—XIII вв. По Б. Н. и В. И. Ханенко

Помимо бокалов, формованных совместно с ножкой из одной заготовки, и сосудов с наложенной в горячем виде орнаментацией из волнисто-изогнутых стеклянных лент и жгутов, в Киеве производились изделия (видимо, в основном небольшие стопки), украшенные не лентами, а нитями из окрашенного или молочно-белого стекла — витью. В противоположность первым двум видам они часто изготовлялись из цветного стекла — желтого, зеленого, голубого и синего. Множество фрагментов этого стекла найдено В. А. Богусевичем при раскопках стеклоделательной мастерской в Киево-Печерской лавре[32]. Судя по реконструкции В. Ф. Рожанковского (рис. 6)[33], это стопки конической формы с несколько расширенной ножкой. Они сравнительно небольшого размера (около 9 см высоты и 5 см в диаметре у устья). Стекло этих изделий отличается более высоким качеством, чем у предыдущих видов, выработка же тоньше, а орнаментация из разноцветной вити изысканнее. Стопка, реконструированная В. Ф. Рожанковским, изготовлена из синего стекла и украшена в верхней части тщательно наложенной в два ряда витью молочно-белого цвета. Находка многочисленных фрагментов стопок этого вида в стеклоделательной мастерской Киево-Печерской лавры говорит о том, что они производились на месте. Кроме того, трудно предположить возможность ввоза тонкостенных и хрупких сосудов при наличии местного стекольного производства, тем более что они не могли, ввиду своей открытой формы, служить тарой для ввозимых в Киев ценных материалов, как-то: благовоний, лекарств и косметики. Эти выводы подтверждает анализ фрагмента стопки зеленого цвета с витью того же цвета, произведенный М. А. Безбородовым. Анализ показывает, что сосудик изготовлен из богатого содержанием свинца стекла, неизвестного ни в Византии, ни на Востоке, ни в Европе[34].

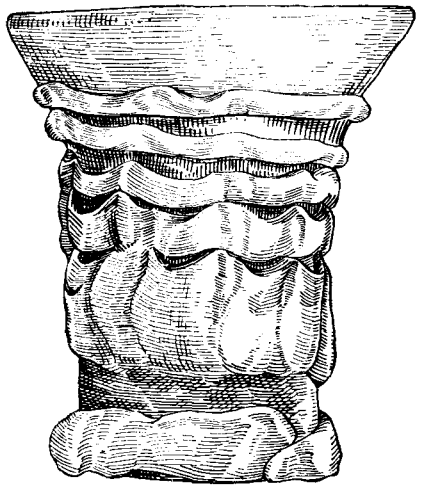


Рис. 5. Стакан бутылочно-зеленого стекла, найден в Киевской или Полтавской губернии. XI—XIII вв. По В. Н. и В. И. Ханенко

[30] М. К. Каргер. Киев и монгольское завоевание. СА, XI, 1949, стр. 67.
[31] C. Lamm. Op. cit., Bd. I, S. 41 и 91.
[32] В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 20.
[33] В. Ф. Рожанковский. Ук. соч., рис. 4.
[34] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 236, анализ № 155 (стр. 233), табл. XXXI.

Находка стекла, украшенного витью, в мастерской XI—начала XII в. дает нам право датировать его этим временем и, следовательно, более точно, чем изделия предшествующих видов[35].

Из цветного стекла, помимо стопок, вырабатывались в Киевской Руси украшения: браслеты, кольца, бусы. Если фрагменты стеклянной посуды находят, как уже говорилось, преимущественно в районе Среднего Приднепровья и на западе Украины, то бусы, браслеты и кольца встречаются повсеместно, и притом в очень большом количестве[36]. Находка производственного брака этих изделий, помимо Киева[37], в Збранке[38], Старой Рязани[39] и Костроме[40] доказывает, что они вырабатывались не только в столице.

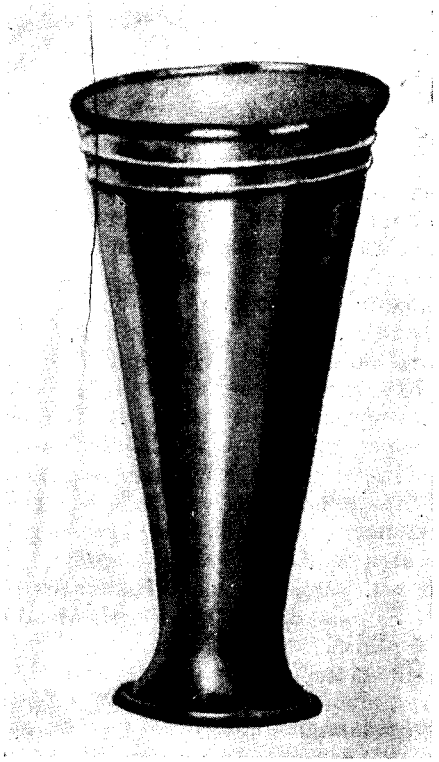


Рис. 6. Стопка синего стекла, найдена в Киево-Печерской лавре. XI в. Выс. 9 см. Киев, Исторический музей. Реконструкция В. Ф. Рожанковского

Изготовлялись стеклянные украшения из стекол, окрашенных в зеленый, голубой, бело-молочный, желтый, фиолетовый и синий цвет. Браслеты и перстни получались оборачиванием предварительно вытянутых и разогретых стеклянных стерженьков вокруг деревянного бруска толщиной в руку[41]. По форме и технике выработки они делятся на три основных вида: 1) гладкие, свободно тянутые, 2) закрученные при вытягивании, иногда с витью из стекла иного, чем сам браслет, цвета (оба эти вида имеют круглое сечение)[42], 3) браслеты не круглой в сечении формы, встречающиеся сравнительно редко. Бусы по способу изготовления делятся на два вида: 1) к первому относятся бусы, полученные или прессованием при помощи щипцов, или накручиванием вытянутых стеклянных нитей на металлические стерженьки, — они бывают круглые, цилиндрические и фигурные. К ним следует отнести бусы бипирамидальные и с квадратным сечением. Украшаются такие бусы обычно так же,

[35] В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 14.
[36] Г. Ф. Соловьев и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси. — КСИИМК АН СССР, вып. 49, 1953, стр. 21—25.
[37] В. В. Хвойко. Ук. соч., стр. 71.
[38] И. А. Хойновский. Ук. соч., стр. 20—21.
[39] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, стр. 131.
[40] М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. — КСИИМК АН СССР, вып. 47, 1952, стр. 106.
[41] Значительно более сложная техника изготовления колец описана монахом Теофилом в „Трактате о различных искусствах" (см. W. Theobald. Technik des Kunsthandwerks im Zehnten Jahrhundert. Berlin, 1933, S. 49—50).
[42] Некоторые браслеты с круглым сечением, найденные в Киеве, изданы у И. А. Хойновского (ук. соч., табл. X) и Б. Н. Ханенко (ук. соч., вып. V, табл. XXXVI, № 1278—1290).

как браслеты, накручиванием цветных нитей. Чаще встречается желтый узор на зеленом или буро-черном фоне самих бус. 2) Бусы второго вида изготовляются из предварительно вытянутых трубочек, которые разрезают на кусочки и закругляют в местах среза. Из еще горячих и не затвердевших трубочек путем сжимания их в нескольких местах вырабатываются бусы, соединенные из нескольких, обычно из двух-четырех бусинок. Находят их сравнительно часто как в Среднем Приднепровье, так и на Севере (в частности, найдены они в Старой Ладоге)[43]. Соединенные бусы попадаются как цветные (желтые, синие и фиолетовые), так и покрытые золотой или серебряной фольгой. Фольга закрепляется тонким поверхностным слоем стекла.

О местном происхождении стеклянных украшений свидетельствует находка производственного брака этих изделий на территории Киевской Руси. Конечно, этого недостаточно для того, чтобы все находимые в России стеклянные украшения относить к местному производству, так как наличие последнего не исключает возможность ввоза. Но одно мы можем утверждать положительно: ввозиться при наличии своего производства могут лишь предметы, не достижимые для своих мастерских или по причине отсутствия необходимого красителя, или же по незнанию секрета производства технически замысловатых изделий. Следовательно, все простейшие виды стеклянных украшений, ранее нами перечисленные, безусловно, производились на месте, о более же сложных изделиях, как расписные браслеты и глазчатые бусы, мы этого утверждать не можем. Интересно отметить, что некоторые виды бус, напр. соединенные из нескольких бусинок, находимые как на Севере, в Старой Ладоге, так и в Киеве, в это время, вероятно, производились лишь на Руси. Их не находят на Кавказе и не найдены они в Византии, в частности в Коринфе, где производились систематические раскопки[44].

Химические анализы фрагментов стеклянных бус и браслетов, произведенные под руководством М. А. Безбородова, подтверждают местное происхождение всех исследованных образцов, кроме синих[45]. Стеклянные украшения изготовлялись в основном из содержащего свинец стекла. Содержание свинца неодинаково. Стекло бусины красно-печеночного цвета, призматической формы, найденной близ деревни Посад Калининской области[46] совместно с диргемом X в., относится к свинцово-кремнеземному стеклу, содержащему около 60% окиси свинца и лишь немного более 1% щелочей. Из такого же стекла изготовлены браслеты зеленого и черного цвета, найденные в Смоленске в 1951—1952 гг. Д. А. Авдусиным[47], и перстни желтого и зеленого цвета из раскопок М. К. Каргера в Киеве в 1947—1949 гг.[48] В большинстве же случаев окиси свинца в стекле меньше 20—30%, щелочей же, в основном окиси калия, больше 10—16%. Стекло этого состава относится к калийно-свинцовым кремнеземным стеклам[49]. Украшения, изготовленные как из свинцово-кремнеземного, так и калийно-свинцово-кремнеземного стекла, производились в Киевской Руси, так как таких стекол не знали ни Восток, ни Византия, ни Италия. Напротив, стеклянные изделия, найденные в Белой Веже, изготовлены из стекла, близкого по составу к античному, восточному и и византийскому, — они не содержат свинца и окись калия у них заменена окисью натрия[50]. Такой же состав имеют некоторые предметы, найденные на территории Киевской Руси, а именно синяя бусина, найденная в Калининской области, синие браслеты из Минска, Гродно, Чечерска, Смоленска и черный браслет из Волковыска[51]. Так как натриевое стекло могло вариться на Руси лишь из привозного сырья (окись натрия добывалась в старину из золы морских водорослей), то вопрос о происхождении перечисленных украшений остается открытым. Они, возможно, или были завезены с юга, или же были изготовлены из привозного полуфабриката — цветного стекла. Последнее вероятнее, так как все изготовленные из натриевого стекла украшения относятся к простейшим видам.

Стеклянные украшения, судя по стратиграфии находок, относятся к домонгольскому времени. Наиболее ранние, как найденные в Старой Ладоге, относятся к IX—X вв., и, следовательно, стеклянные украшения бытовали в Киевской Руси, по крайней мере, начиная с этого времени. К местному производству следует отнести и упомянутую выше красную бусину из селения Посад, датируемую X в. Нужно думать, что с течением времени менялись и состав стекла и форма самих украшений. Но в настоящее время древнерусские стеклянные украшения еще настолько плохо изучены, что мы не можем проследить их развитие и нам приходится ограничиваться общей и расплывчатой датировкой X—XIII вв.

Эмалевые порошки для заполнения ячеек перегородчатых эмалей изготовлялись в России как из прозрачного цветного стекла, так и из непрозрачного — смальт. Цветная гамма была разнообразна. В 1889 г. в Киеве был найден клад, в состав которого входила замечательная диадема, состоящая из девяти щитков, украшенных перегородчатой эмалью. На семи центральных, имеющих форму киотцев, изображены Христос, богоматерь, архангелы и апостолы; два же боковых, имеющих иную, продолговатую форму, украшены круглыми медальонами с женскими головками и пальметками. Неправильные греческие надписи центральных щитков и по-древнерусски написанное имя апостола Павла указывают на русского мастера-эмальера, исполнившего эту диадему. Эмали отличаются яркостью цвета и блеском[52]. Они окрашены в бирюзовый, изумрудно-зеленый, синий, лиловый, пурпурный и телесный цвета. В особенности замечательны нежная желтовато-розовая и телесная эмаль и яркая, необыкновенно чистого тона голубая, не имеющая себе равной в эмалях византийских. Такая же бирюзовая эмаль украшает крупные медальоны, так называемые бармы, найденные в 1822 г. в Старой Рязани, с изображениями князей Бориса и Глеба. Рязанские бармы сделаны, возможно, местными ювелирами и отличаются от киевских ювелирных изделий[53], но варились ли эмалевые сплавы в Рязани или же привезены из Киева —

[43] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. — СА, XIV, 1950, стр. 185, рис. 3.

[44] G. R. Davidson. The minor objects. — Corinth, vol. XII. Princeton-New Jersey, 1952, p. 263—265; № 2138—2162.

[45] М. А. Безбородов. Ук. соч., анализы бус, табл. XXII (стр. 190—191); анализы браслетов, табл. XXIII (стр. 195).

[46] Там же, стр. 189; анализ 21 в, табл. 22 (стр. 190).

[47] Образцы были даны для анализа Смоленским краеведческим музеем — М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 200; анализы 65, 66 в табл. XXIV (стр. 199).

[48] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 202; анализы 183 и 184 в табл. XXV (стр. 204).

[49] Там же, анализы 23, 24, 25, 189, 35, 59 в табл. XXII (стр. 190, 191); анализы 9, 53, 182, 198, 61, 213 (1950 г.) в табл. XXIII (стр. 195); анализы 40, 60, 62, 187, 147 в табл. XXIV (стр. 199), анализы 190, 196. 185, 186, 215, 193, 194, 195 в табл. XXV (стр. 204—205) — итого 26 образцов.

[50] М. А. Безбородов. Ук. соч., анализы 202, 203, 204, 206, 207 в табл. XXV (стр. 205); анализы 105, 180, 201, 208 в табл. XXVI (стр. 208).

[51] Там же, анализ 18, табл. XXII (стр. 190); анализы 8, 197, 10, 11 в табл. XXIII (стр. 195); анализы 64, 191 в табл. XXIV (стр. 199).

[52] Н. Кондаков. Русские клады, стр. 147—148, табл. VIII.

[53] Там же, стр. 86—89, табл. XVI и XVII.

неизвестно, хотя телесная эмаль рязанских изделий отличается от киевской своим лиловатым оттенком.

В больших количествах изготовлялись в Киевской Руси цветные смальты для мозаики. Они служили не только для украшения стен мозаиками, но и для выкладки полов. Вскрытие полов в Софийском соборе в Киеве[54] и раскопки в Чернигове в 1946—1947 гг.[55] и Переяславе-Хмельницком[56] обнаружили древние полы XI—XII вв., выложенные смальтами желтого, зеленого, синего, черного и коричнево-красного цвета. Рисунок полов геометрический, в Софии — двух типов. Полы выкладывались или из небольших равносторонних треугольников, или же составлялись из комбинаций квадратов, прямоугольников и треугольников. Квадратные пластинки обычно имеют размеры от 3 × 3 см до 4,5 × 4,5 см, стороны же треугольных кусков равны 3—4 см. Помимо полов, смальтовой мозаикой были украшены в Софийском соборе подступеньки южной башни. Одна сторона смальтовых пластинок, служивших для выкладки полов и стен, гладкая, другая (употребляя техническое выражение) — „кованая".

В Чернигове, в Благовещенском соборе, построенном в 1186 г., найдены остатки пола, выложенного смальтами. Под куполом пол был украшен мозаичным ковром, набранным смальтами печеночно-красного, зеленого, темно- и светло-желтого, фиолетового и черного цвета. От этого ковра сохранился лишь кусок с изображением павлина в круглом медальоне (диаметром 60 см). Контуры птицы выложены узкими продолговатыми кусочками черной смальты, клюв — красными, а тело — зелеными квадратами неправильной формы. Хохолок из трех перьев набран узкими длинными кусочками зеленой смальты с красными квадратиками на концах. Павлин изображен на фоне, выложенном фиолетовыми и желтыми смальтами неправильной формы. Нарядная широкая оправа, обрамляющая медальон, составлена из нескольких концентрических поясов: внутреннего — узкого красного, среднего — широкого, набранного квадратными и треугольными кусочками красной, желтой и зеленой смальты, образующими довольно сложный геометрический узор. Средний узорчатый пояс с внешней стороны обхвачен двумя зелеными[57]. Принимая во внимание красоту ярких цветов и блеск стеклянных плиток, можно живо представить себе, как богат, наряден и красив был пол Благовещенского собора до его разрушения. В Чернигове же при раскопках 1951 г. под руководством В. А. Богусевича и Ю. Н. Дмитриева недалеко от Спасского собора в яме были найдены смальтовые пластинки[58]. Ими, видимо, был когда-то выложен пол здания, в дальнейшем же, при переделке пола, смальты были сняты и выброшены в яму, где и были обнаружены в 1951 г. В Переяславе-Хмельницком раскопки 1948—1949 гг. под руководством М. К. Каргера обнаружили фундамент Михайловского собора и остатки мозаичного, составленного из кусочков смальт, пола. Применение смальт не только для стенных мозаик, но и для выкладки полов, при этом не только в главном храме столицы государства — Киеве, но и

[54] М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. — Труды Всероссийской Академии Художеств, т. I, М. — Л., 1947, стр. 25—27.

[55] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. — МИА СССР, № 11, 1949. Раскопки Благовещенского собора, стр. 69—78.

[56] М. К. Каргер. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований. — СА, XV, 1951, стр. 44—63.

[57] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 73—75, рис. 38, 39 в красках.

[58] Смальты хранятся в Гос. Эрмитаже. Они имеют обычные размеры: 3 × 3 см и 4 × 4 см, красные кусочки часто меньше по величине.

в провинциальных храмах Чернигова и Переяславля Южного, говорит о размере производства. Ни в Византии, ни в странах Переднего Востока, ни, тем более, в Западной Европе мы не имеем примеров такого расточительного применения цветных смальт, и сравнительно бедная поделочными природными камнями Киевская Русь стояла в XI—XII вв. на одном из первых мест в этом производстве.

Смальтовые пластинки из раскопок 1951 г. В. А. Богусевича и Ю. Н. Дмитриева в Чернигове и из раскопок Д. В. Милеева перед войной 1914 г. на участке Десятинной церкви в Киеве, находящиеся в Гос. Эрмитаже, были исследованы старшим реставратором Эрмитажа В. Н. Кононовым, определившим их удельный вес.

Оказалось, что все образцы разных цветов — желтого, зеленого, красно-печеночного и черного — из Чернигова принадлежат к тяжелым свинцовым стеклам с удельным весом от 5 до 6[59]. Смальты же киевские неоднородны. Если желтые и глухие (т. е. непрозрачные) зеленые относятся к таким же тяжелым[60], как описанные выше, то красно-печеночные имеют удельный вес 2,6, зеленые прозрачные — 2,4 и черные — 1,7[61]. В 1952—1955 гг. под руководством М. А. Безбородова были произведены химические анализы смальт из Киево-Печерской стеклоделательной мастерской, Софийского собора и Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком и Благовещенского собора в Чернигове. Анализы, подтвердив общие выводы В. В. Кононова, дали полную картину химического состава смальт. Оказалось, что все смальты желтого — от светлого до темного оттенка — и зеленого глухого цвета относятся к свинцово-кремнеземным стеклам, содержащим от 63 до 75% окиси свинца[62]. К стеклам того же типа относятся черный образец из Переяслава-Хмельницкого и печеночные смальты как Переяслава-Хмельницкого, так и из Благовещенского собора в Чернигове[63]. Следует отметить, что смальты более поздние, чем киевские (конца XI в. из Переяслава-Хмельницкого и конца XII в. из Благовещенского собора в Чернигове), все без исключения относятся к богатому свинцом стеклу. Меньше свинца и присутствия щелочи с преобладанием окиси калия обнаружено в золоченых мозаичных кубиках из Киевской Софии и смальтах телесного цвета из Михайловского Златоверхого монастыря[64]. Последние стекла, относящиеся к калийно-свинцовым кремнеземным, и предыдущие, свинцово-кремнеземные, следует считать изделиями местного производства, так как стекла подобного состава не встречаются среди древних и средневековых стекол как Востока и Византии, так и Западной Европы[65].

Иной состав имеют ранние красно-печеночные стекла из Киева. Они не содержат свинца, и калий заменен у них натрием; по химическому

[59] Гос. Эрмитаж, № Р. А. 10—115, Р. А. 10—108, Р. А. 10—114, Р. А. 10—117.

[60] Там же, инв. № 300—310, 314—317.

[61] Там же, инв. № 491—519, 540—549.

[62] М. А. Безбородов. Ук. соч., анализ № 141 в табл. XVI (стр. 160) — из Софийского собора; анализ 74 (там же) — из Киево-Печерской стеклоделательной мастерской; анализы № 175 и 178 в табл. XVII (стр. 164) — из Михайловского Златоверхого монастыря; анализы № 158 и 160 в табл. XVIII (стр. 167) — из собора в Переяславе-Хмельницком; анализы 28 и 29 в табл. XIX (стр. 168) — из Благовещенского собора в Чернигове.

[63] Там же, анализы 157 и 159 в табл. XVIII (стр. 167); анализ 30 в табл. XIX (стр. 168).

[64] М. А. Безбородов. Ук. соч., анализ 146 в табл. XVI (стр. 160); анализ 177 в табл. XVII (стр. 164).

[65] Там же, стр. 162 и приложение табл. I—XXXVII (стр. 269—293).

составу они близки к античным и византийским[66]. Эти стекла окрашены в красный цвет, судя по анализу, медью; изготовление же медного рубина, сложное в техническом отношении, возможно, не было освоено киевским стеклоделием в XI в., и стекла этого цвета приходилось ввозить. В таком случае можно предположить, что к ним относится свидетельство „Печерского Патерика" („Вдаша же и мусию, иже бе принесли на продание, его же святый алтарь строиша")[67], если под словом „мусия" подразумеваются смальты для мозаик. Откуда же они ввозились, остается неясным. Во всяком случае, судя по отсутствию натриевых стекол в построенном в конце XI в. Михайловском соборе Переяслава-Хмельницкого и в Благовещенском соборе Чернигова 1186 г., начиная с XII столетия ввоз смальт для стенных мозаик и полов прекратился.

Помимо выкладки полов и стен и набора мозаичных картин, смальтовые пластинки находили еще одно применение в Киевской Руси: ими инкрустировались черные шиферные плиты, также служившие для настила полов[68].

Стекольное производство домонгольской Руси в настоящее время изучено еще настолько мало, что мы вынуждены ограничиваться столь кратким и явно неполным его описанием. Последнее особенно относится к стеклянной посуде, ассортимент которой был, судя по огромному количеству открытых при раскопках фрагментов, значительно богаче и разнообразней.

---

[66] М. А. Безбородов. Ук. соч., анализы 75, 143, 145 в табл. 16 (стр. 160); анализ 176 в табл. 17 (стр. 164).

[67] Патерик Киевского Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 8.

[68] М. К. Каргер. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода, стр. 29, 30, 32.

К. В. ГОЛЕНКО

КЛАД МОНЕТ ИЗ СЕЛА ТОБАНИЕРИ

Публикуемый клад серебряных монет принадлежит собранию Государственного кутаисского историко-этнографического музея[1]. Согласно документам музея и сведениям, любезно сообщенным Д. Г. Капанадзе, известно, что клад найден в 1927 г. в селе Тобаниери (Ванский район Западной Грузии). Монеты этого клада в количестве 215 экземпляров переданы гр. Гогадзе Кутаисскому музею[2]. Более подробные сведения об обстоятельствах находки и общем числе монет, входивших в клад, остались неизвестными.

Монеты Тобаниерского клада (или, точнее, известной нам его части), если не считать двух экземпляров (сельджукская — № 214[3] и грузино-хулагуидская — № 215), распадаются на две неравные части: 186 трапезундских монет и 27 западногрузинских.

Трапезундская часть клада представлена чеканкой четырех императоров:

Иоанна I (1235—1238) — 4 монеты
Мануила I (1238—1263) — 56 монет
Иоанна II (1280—1297) — 125 монет
Иоанна II и Алексея II (до 1297) — 1 монета

Эти монеты являются серебряными аспрами и представляют чеканку примерно 60 лет. В кладе отсутствуют монеты Георгия (1266—1280), при котором выпускалась только медь, и очень редкие монеты Феодоры (ок. 1285 г.). Состав трапезундской части клада не случаен, так как находки аспров именно этих императоров, как мы увидим ниже, характерны для Западной Грузии. Не случаен и тот факт, что все аспры указанных императоров чеканены по общему типу, известному исключительно для монетных выпусков этого периода[4].

---

[1] Возможность изучения и публикации этого интересного клада была любезно предоставлена нам зав. отделом культурно-просветительных организаций Министерства культуры Груз. ССР И. Г. Ахвледиани, его заместителем П. В. Кикнадзе и бывш. директором Кутаисского музея Н. С. Баланчавадзе. Ряд ценных замечаний был сделан зав. отделом нумизматики ГМГ Д. Г. Капанадзе.

[2] Крайне неточное упоминание об этом кладе имеется в брошюре: Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. IV. Баку, 1949, стр. 53, № 1172. См. также: Т. Я. Абрамишвили. Западногрузинские монеты XIII—XIV вв. (Копитнарский клад). (Автореферат кандидатской диссертации). Тбилиси, 1951, стр. 21. Диссертация Т. Я. Абрамишвили, к сожалению, нам осталась недоступной.

[3] Здесь и дальше номера монет клада даются по списку, приложенному в конце статьи (прилож. 1).

Чеканка монет трапезундских Комнинов не принадлежит к числу малоисследованных областей нумизматики, хотя многие важные вопросы, с ней связанные, далеко еще не ясны[4]. Ряд исследователей посвятили трапезундским монетам специальные работы. Из их числа можно назвать Н. Маршана[5], которому принадлежит первая публикация трапезундских монет, Ф. Пфаффенхоффена, давшего сводную работу по этому разделу нумизматики[6], О. Блау[7], посвятившего особую работу трапезундским монетам, Ж. Сабатье, издавшего все известные ему типы монет Трапезунда[8]. В 1910 г. вышла монография О. Ф. Ретовского, являвшаяся для своего времени корпусом трапезундских монет[9]. В следующем году увидел свет труд известного английского нумизмата В. Роса, опубликовавшего монеты Трапезунда собрания Британского музея[10]. В. Росу работа О. Ф. Ретовского стала доступна лишь перед самым выходом в свет его книги[11], о чем прямо говорит автор. Поэтому особенно показательным является то, что общие выводы и наблюдения над хронологией трапезундских монет и у О. Ф. Ретовского, и у В. Роса совпали. За исключением некоторых деталей, автор настоящей статьи придерживается классификации трапезундских монет, предложенной указанными исследователями[12].

Как мы уже говорили, все аспры Иоанна I, Мануила I, Иоанна II принадлежат общему листу. На лицевой стороне этих монет помещено изображение императора во весь рост, впрямь, в далматике и стемме с украшениями, свешивающимися по сторонам. В правой руке императора лабарум (у монет Иоанна I — длинный крест), в левой — свиток (у монет

[4] Неясно, в частности, почему выпуск монеты в Трапезунде начался только при Иоанне I (1235—1238), т. е. на протяжении более чем 30 лет это государство не имело собственной монеты. Скудость источников по истории Трапезунда не позволяет указать точную причину этого малоисследованного явления. Однако на основании общеисторических данных можно высказать некоторые предположения по этому вопросу. При самом общем знакомстве с трапезундской чеканкой обращает внимание большое количество серебряных монет, при крайней редкости медной монеты, рассчитанной для внутреннего рынка. Эта особенность трапезундского монетного дела должна объясняться характером экономики Трапезунда, основой которой была посредническая торговля. В этой связи необходимо вспомнить, что весь Передний Восток, начиная с XI в. и вплоть до вторжения монголов, испытывал так называемый „серебряный кризис", сущность которого заключалась в прекращении чеканки и выпадении из денежного обращения серебряной монеты и замене ее медью с условным курсом. Дата прекращения „серебряного кризиса" не может быть определена точно. Но в данной связи имеет решающее значение тот факт, что возобновление регулярной чеканки серебра на всем Переднем Востоке впервые было предпринято сельджуками в 20-х годах XIII в. Следовательно, начало чеканки монеты в Трапезунде именно при Иоанне I (1235—1238) служит убедительным подтверждением связи этого события с особенностями денежного обращения Переднего Востока и специально „серебряным кризисом".

[5] N. D. Marchant. Mélanges de numismatique et d'histoire. Metz, 1818—1829.

[6] F. de Pfaffenhoffen. Essai sur les aspres comnénants ou blancs d'argent de Trébisonde. Paris, 1847.

[7] O. Blau. Trapezunter Komnenaten. „Berliner Blätter für Münz- Siegel- und Wappenkunde". Berlin, 1868, S. 151—182.

[8] J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, II. Paris, 1862, p. 306—337.

[9] O. Retowski. Die Münzen der Komnenen von Trapezunt. Отд. оттиск из „Нумизматического сборника", т. I. М., 1910.

[10] W. Wroth. Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards and of the empires of Thessalonica, Nicae and Trebizond in the British Museum. London, 1911, p. LXXIV—XCIII, p. 230—310.

[11] W. Wroth. Op. cit., p. LXXV.

[12] К сожалению, нам осталась недоступной работа M. Larsen. The metrology of the coinage of Trebizond". „Seaby's Coin and Medal Bulletin", № 446, 1955, p. 270—271. Однако, судя по аннотации в „Numismatic Literature" (№ 40, 1957, p. 300), эта статья не может существенно изменить наши представления о раннем чекане Трапезунда.

Иоанна I и Мануила I) или сфера с крестом (у монет Иоанна II). Вверху справа всегда изображена десница божья. Заимствование типа лицевой стороны трапезундских аспров у византийских и некоторых грузинских монет очевидно. Что касается типа оборотной стороны аспров, то, хотя в композиции изображения византийское влияние не может вызвать сомнения, сюжет чисто местный: изображение св. Евгения, патрона империи и местного святого. Евгений изображен во весь рост впрямь в длинном плаще, с нимбом вокруг головы, длинным крестом в правой руке.

На лицевой и оборотной сторонах трапезундских монет по обеим сторонам стоящих фигур находятся вертикально расположенные легенды, в схеме которых также чувствуется византийское влияние. Легенда лицевой стороны всегда содержит сокращенное имя императора, оборотной — имя святого.

Важным элементом типа трапезундских аспров являются различные эмблемы (дифференты), находящиеся на обеих, но чаще только на лицевой стороне монет. Эти эмблемы не всегда имеют значение символов в узком смысле этого слова, но их значение пока еще не выяснено до конца. Можно лишь утверждать, что безусловно правы О. Ф. Ретовский[13] и В. Рос[14], связывавшие эти эмблемы с технической стороной выпуска трапезундских монет и видевшие в них отличительный признак определенных монетных серий. Наибольшее разнообразие этих эмблем дают монеты Иоанна I и Мануила I, среди которых преобладают точки в различных комбинациях, буквы [В, К, КЛ (в лигатуре), Z, или Ͻ (сигма?)], кресты, звезды. В чеканке Иоанна II эти эмблемы присутствуют только у монет двух, очевидно наиболее ранних, групп, представленных сравнительно небольшим количеством экземпляров, причем, как мы увидим ниже, трапезундское происхождение монет одной из этих групп внушает известное сомнение. Что касается остальных аспров Иоанна II, составляющих основную массу монет этого императора, то для них известна только одна эмблема — шестиконечная звезда („печать Соломона"). То обстоятельство, что эта звезда характерна для очень большого количества монет, дает основание рассматривать ее не как технический значок, а только как эмблему, имеющую символический смысл. Характерно, что аналогичное изображение звезды можно видеть на серебряных монетах 1247 г. грузинского царя Давида Нарина[15]. Осмысление этого знака на грузинских монетах как эмблемы Багратидов, введших впоследствии шестиконечную звезду в фамильный герб и возводивших свой род к иудейским царям[16], весьма вероятно. В этой связи необходимо вспомнить о сильном политическом влиянии Грузии в XII—XIII вв. на Трапезунд и о тесных династических связях трапезундских Комнинов и грузинских Багратидов, что дает возможность видеть в появлении шестиконечной звезды на трапезундских монетах грузинское влияние.

Если с точки зрения типологии трапезундские аспры чрезвычайно близки византийским монетам, то в метрологическом отношении влияние дирхема, специально сельджукского, бесспорно. Это видно из сопоставления весов трапезундских аспров и одновременных им сельджукских дирхемов, которые практически одинаковы.

[13] O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. ., S. 19.

[14] W. Wroth. Catalogue of the Coins of the Vandals. ., p. XC—XCI.

[15] Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 75, № 84.

[16] Традиция, возникшая еще в IX в. и просуществовавшая до XIX в.

Вес сельджукских дирхемов [17]	Вес трапезундских аспров [18]
1. 1235—1238 гг. от 2,63 г до 2,97 г	Иоанна I (1235—1238) от 2,45 г до 2,92 г
2. 1238—1263 гг. от 2,23 г до 3,02 г	Мануила I (1238—1263) от 2,11 г до 3,17 г
3. 1280—1297 гг. от 2,10 г до 3,04 г	Иоанна II (1280—1297) от 2,10 г до 3,43 г

Если вспомнить, что для византийской чеканки всегда было типичным преобладание золота над серебром и что в годы, предшествовавшие взятию Константинополя, серебряная монета почти не выпускалась, в то время как основой денежного обращения мусульманского Переднего Востока был серебряный дирхем, то становится ясным, что отсутствие золотой монеты и массовая чеканка серебра в Трапезунде экономически обусловлены мусульманским окружением. Более того, форма и размер трапезундского аспра ориентируются на сельджукский дирхем. В этом отношении показательна неудача выпуска Мануилом I серебряных монет сцефатной формы, типичной для византийского монетного дела [19].

Монет Иоанна I (1235—1238) в кладе четыре (№№ 1—4). Из числа монет одноименных императоров они выделяются сравнительно легко благодаря более тщательному исполнению и явной близости ранним аспрам Мануила I. Специальными типологическими признаками монет Иоанна I являются изображение императора в короткой далматике с длинным крестом в руках и полностью развернутое имя императора — ΙΩΑΝΙΣ, встречающееся только на этих монетах.

В кладе представлены три разновидности монет Иоанна I, отличительными признаками которых служат разные дифференты. Две монеты (№№ 2—3) чеканены одной парой штемпелей. Малочисленность монет Иоанна I должна объясняться не столько тем, что это наиболее ранняя часть клада, сколько их сравнительной редкостью, что в известной мере обусловлено непродолжительностью правления этого императора.

Монет его преемника Мануила I (1238—1263) в Тобаниерском кладе 56 экземпляров, представляющих почти все основные разновидности аспров этого императора. В кладе отсутствуют упоминавшиеся уже сцефатные монеты, не встречающиеся в кавказских находках и очень редкие вообще. Отличительным признаком аспров Мануила I служат особенности украшения далматики императора и имя последнего, данное в сокращении (ΗΝΙΛ). Характерной чертой монет Мануила I является и разнообразие и почти обязательное помещение дифферентов, часто на обеих сторонах монет. Общие дифференты, безусловно, объединяют одновременные выпуски монет. Однако классификация монет строго по видам дифферентов, очень удобная при составлении каталога, не всегда отражает последовательность выпусков монетных серий. Подтверждением этого могут служить две монеты клада (№№ 31—32), имеющие различные эмблемы лицевых сторон, но чеканенные безусловно одновременно. Таким образом, на наш взгляд, наличие одинаковых дифферентов возможно и у монет разновременных выпусков (напр. №№ 20, 32).

Внимательный просмотр монет Мануила I дает возможность проследить их постепенную стилистическую эволюцию. Однако, несмотря на большую общность монет Мануила I, среди них можно суммарно выделить

[17] По материалам собрания Гос. Эрмитажа. Любезно сообщено И. Г. Добровольским.

[18] По материалам О. Ф. Ретовского (O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. . .) и Тобаниерского клада.

[19] O. Retowski. Op. cit., S. 24—25, № 1—10, Taf. I.

две различные в стилистическом отношении группы, которые, очевидно, чеканились параллельно. Внутри каждой из них, как нам кажется, прослеживается стилистическая связь между определенными экземплярами, подтверждаемая в ряде случаев наличием монет, чеканенных общими штемпелями. Кроме того, в отношении монет каждой группы наблюдается известная эволюция в сторону стилистической деградации, как это часто бывает у однотипных монет, чеканившихся долгое время без перерыва. Однако необходимо оговориться, что предлагаемая классификация монет Мануила I, несколько отличная от классификации О. Ф. Ретовского, не подтверждена достаточным числом экземпляров общих штемпелей и носит, таким образом, очень условный характер.

Формальными признаками, объединяющими монеты Мануила I первой группы (№№ 5—27), может служить ряд очень устойчивых иконографических особенностей например распахнутый плащ с закругленными полами у св. Евгения, низ одежды которого всегда украшен значком, напоминающим перевернутый полумесяц. Для этих монет характерны следующие дифференты: вертикально расположенные крупные точки (№№ 5—7), маленькая многолучевая звезда (№№ 9—14) или крест (№№ 22—25) на древке лабарума. К наиболее ранней серии монет этой группы, безусловно, следует отнести монеты №№ 5—8, что подтверждается их высоким весом и исключительной стилистической близостью монетам Иоанна I, с которыми они имеют одинаковое расположение легенды и общие особенности изображения императора (короткая далматика и низ одежды, украшенный параллельными рядами точек).

Характерной чертой монет Мануила I второй группы (№№ 28—60) является изображение плаща святого с полами, заканчивающимися острыми углами (напр., №№ 34, 41) или совсем запахнутом, со складками, трактованными прямыми частыми линиями (напр., №№ 42—45). Низ одежды святого на монетах ранних серий не имеет украшений (напр., №№ 28—41), на более поздних монетах украшен мелкими, беспорядочно расположенными точками (например, №№ 42—51). Монеты второй группы имеют ряд дифферентов, свойственных только им: крупные звезды в поле (№№ 28—29), крест в поле (№№ 30—32), буквы (№№ 39—52). К ранней серии этих монет нужно отнести №№ 28—32, благодаря типологической близости монетам Иоанна I (№№ 1—4) и упомянутым ранним монетам Мануила I первой группы (№№ 5—8).

Средний вес монет Мануила I обеих групп и монет Иоанна I одинаковый — 2,85 г и — как было уже отмечено — соответствующий среднему весу ранних сельджукских дирхемов.

Монет Иоанна II (1280—1297) в кладе 125 экземпляров, довольно полно представляющих чеканку этого императора. Внешний вид аспров Иоанна II, по сравнению с монетами его предшественников, претерпел существенные изменения: вместо свитка — император, изображенный на этих монетах, держит державу с крестом, трактовка одежды императора и святого совершенно изменилась, изменилась и формула легенд, в частности ὁ ἅγιος монет Иоанна I и Мануила I заменено на аспрах Иоанна II монограммой Ⓐ.

Монеты Иоанна II, на основании типологических особенностей, четко распадаются на три неравные по количеству входящих в них монет группы. Однако недостаточное число экземпляров, чеканенных общими штемпелями, лишает возможности сколько-нибудь обоснованно предположить, чеканились ли эти группы одновременно или сменяли друг друга. Кроме того, бурные события правления Иоанна II дают возможность говорить о перерывах в чеканке этого императора

К первой группе монет Иоанна II следует отнести №№ 61—89. По мнению О. Ф. Ретовского[20], они являются наиболее ранними, что, однако, не подтверждает их невысокий средний вес — около 2,50 *г*. Эти монеты сохранили некоторые типологические особенности аспров Мануила I: лабарум на длинном древке в руках императора и строгую последовательность смены дифферентов. Судя по тщательности исполнения и явной неустойчивости написания легенды на оборотной стороне, к первым выпускам монет этой группы следует относить №№ 61—65, объединенные общими дифферентами: на лицевой стороне голова орла; на оборотной — шестилучевая звезда. Эту серию, безусловно, сменяют монеты (№№ 66—69), имеющие на лицевой стороне, кроме изображения головы орла, четыре точки, а на оборотной стороне крест оригинальной формы. В этой серии намечается (№ 67) переход к монетам №№ 70—73, с изображением только головы орла. Помимо дифферентов, последние серии, может быть, объединяет особенность, свойственная только им: изображение маленького креста в начале легенды лицевой стороны. К заключительной серии монет этой группы нужно отнести №№ 74—89. Эти монеты не имеют дифферентов. Они, судя по доступным изданиям, публикуются впервые.

Монеты этой группы выпускались очень недолго, за что говорит их немногочисленность (28 экз.) при большом количестве экземпляров, чеканенных общими штемпелями. Таким образом, если учесть, что О. Ф. Ретовскому было известно только 10 подобных монет, в кладе эта интересная группа представлена исключительно полно.

Монеты с изображением длинного лабарума являются лишь эпизодом в чрезвычайно обильной чеканке Иоанна II, основу которой составляют экземпляры с изображением короткого лабарума в руках императора. Однако среди этих монет выделяется ряд экземпляров благодаря некоторым характерным признакам, свойственным только им. Изучение этой крайне интересной группы монет (№№ 90—104), условия чеканки которой остаются, к сожалению, еще до конца неясными, не может быть предпринято без тщательного анализа формальных особенностей, очень важных в данной связи.

В отличие от остальных групп, монеты данной группы не имеют строго определенных, повторяющихся у всех экземпляров, характерных признаков. К числу обязательных (кроме №№ 90—91) особенностей этой группы монет следует отнести такую незначительную деталь, как трехчастная подвеска стеммы императора и характерное изображение головы святого. Другой особенностью является одежда императора, украшенная так, как на монетах Мануила I (№№ 92—94), или почти всегда (кроме № 104) содержащая значительное число элементов этих характерных украшений. Ряд общих признаков позволяет выделить в этой группе несколько серий, а именно:

Первая. Монеты №№ 90—91 составляют единственное исключение в данной группе в отношении отсутствия трехчастной подвески стеммы. Детали орнаментации одежды императора известны и для многих других монет Иоанна II. Особый интерес этих монет заключается в их дифферентах: на лицевой стороне всегда Δ (дельта), оборотная — или без дифферента или с необычным знаком P_0(?)[21] B(?) или — вероятнее — Po.

[20] O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. . ., S. 76—79, №№ 1—10, Taf. VI.

[21] Подобный значок известен и для монет, не входящих в эти серии, но той же группы, — ср. например: O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. . ., Taf. VII, № 51, 53.

Вторая. Монеты этой серии (№№ 92—94) отличаются буквальным повторением монет Мануила I в отношении украшений далматики императора, изображение которого передано довольно грубо. Для этих монет характерно также необычное украшение груди святого (помимо точек, две параллельных черточки).

Третья. Особенностью монет №№ 98—99, кроме грубого изображения императора, является полное написание слова ὁ ἅγιος, в отличие от других монет с именем Иоанна II.

Остальные монеты этой группы ввиду их ограниченного количества и типологического разнообразия не представляется возможным на материале клада объединить в отдельные серии. Среди наиболее интересных из них нужно отметить №№ 95, 99, 100 с необычными дифферентами; № 97, на которой грудь святого украшена не точками, как обычно, а квадратиком; №№ 102—104, чеканенные тремя разными штампами лицевой стороны и одним общим оборотной, с изображением святого, держащего крест не в правой, а в левой руке.

Условия чеканки и истинное происхождение монет этой группы не совсем ясны. С одной стороны, есть основания сомневаться в трапезундском происхождении этих монет и рассматривать их как западногрузинские монеты „кирманеули", в пользу чего могут говорить некоторые признаки:

1. Отсутствие определенных единых типологических черт, обязательных для каждой группы трапезундских монет регулярной чеканки.
2. Стремление в ряде случаев буквально повторить некоторые особенности типа монет Мануила I: трактовка одежды императора, полностью развернутое слово ὁ ἅγιος у монет №№ 97—99.
3. Случайность и необязательность помещения дифферентов (кроме №№ 90—91), многие из коих известны только для одного определенного штампа (например, №№ 95, 99, 100, 102—104). Подобное явление известно и для некоторых кирманеули ранних выпусков (например №№ 190—192).
4. Крайняя стилистическая грубость многих экземпляров.

С другой стороны, есть достаточно серьезные основания видеть в монетах данной группы подлинно трапезундские аспры:

1. Отсутствие неправильностей написания легенды, что является характернейшей чертой кирманеули.
2. Высокий средний вес (ок. 2, 75 *г*) этих монет.
3. Характерно, что в Тобаниерском кладе, найденном в Грузии, их немного — 15 экземпляров, в то время как, судя по материалам других собраний, они встречаются довольно часто.

Независимо от локализации места выпуска монет этой группы, они, в отличие от остальных трапезундских аспров, могут быть с достаточными основаниями датированы относительно точно. Как отметил В. Рос, некоторые монеты этой группы (например, № 97) имеют поразительно близкие стилистические аналогии, предполагающие работу одного мастера и одновременность выпуска с аспрами Феодоры: одинаковое украшение одежды императора и императрицы, украшение груди святого квадратом и полностью развернутое слово ὁ ἅγιος[22]. Кроме того, как на монетах Феодоры, так и на этих аспрах с именем Иоанна II одинакова характерная трактовка головы святого и украшение стеммы трехчастное. Все это дает основание утверждать, что разобранная

[22] См., например, Taf. VII, № 72 в работе О. Ф. Ретовского (O. Retowski. Die Münzen der Komnenen) — монета с именем Иоанна II; Taf. X, №№ 1—2 — монета с именем Феодоры.

(№№ 192, 204, 205) материалом послужили монеты с арабской легендой, определение которых не представляется возможным, для двух других (№№ 200, 202) — хулагуидские дирхемы (имя Ильхана неразборчиво). Шестой экземпляр (№ 207) перечеканен из хулагуидского дирхема ильхана Аргуна (1284—1291).

Кирманеули, битые по типу аспров Иоанна II (№№ 208—211), несмотря на свою малочисленность, представляют значительный интерес. При чеканке одной из этих монет (№ 208), судя по изображению длинного лабарума в руках императора и дифферентам (голова орла — звезда), образцом послужил аспр первой группы Иоанна II (№№ 61—65). У этой монеты изображения лицевой стороны даны обратно, негативно. Кирманеули подобного типа публикуется впервые. К очень редкой разновидности, известной О. Ф. Ретовскому[29] только по трем крайне грубо исполненным экземплярам, принадлежат и две другие монеты (№№ 209—210). Трехлопастная подвеска стеммы и характерное украшение далматики императора указывают, что прототипом этих монет служили некоторые аспры Иоанна II второй группы (№№ 98—99). Четвертый кирманеули (№ 211) принадлежит к наиболее обычной категории этих монет, чеканенных по типу аспров Иоанна II третьей группы. Но наш экземпляр, в отличие от большинства ему подобных, не имеет изображения шестиконечной звезды. Незначительность же искажений первоначального типа дает основание причислить эту монету к первым сериям кирманеули данного типа.

Западногрузинскому чекану принадлежат и две монеты (№№ 212—213) оригинального, близкого византийскому, типа: на лицевой стороне — изображение стоящих впрямь двух царей, держащих между собою длинный крест, по сторонам сокращенная грузинская надпись шрифтом асомтаврули: ⴔⴔⴑ — ⴑⴔⴐ („царь царей Давид" и „Давид царь"); на оборотной стороне — сидящая на троне богородица, по сторонам: ⴑⴑⴍ — ⴘⴓⴖⴍ („матерь божья"). Обе эти монеты чеканены общим штампом лицевой стороны и представляют собою значительную редкость (включая тобаниерские, их известно около 10 экземпляров).

Монеты с именем двух Давидов являются эпизодическим выпуском, предпринятым на рубеже 1261—1262 гг. Давидом Нарином и Улу Давидом в Кутаиси[30].

Только две монеты клада (№№ 214 и 215) не могут быть отнесены к какой-либо из указанных групп. Одна из них (№ 214) — сельджуков Рума, чеканенная в Конии при Кай-Кубад ибн Кай-Хосроу в 630 (?) г. х. (1232/1233 г. н. э.), и является самой ранней монетой клада. Другая (№ 215) — хулагуидская без обозначения места чеканки, но несомненно в Грузии при ильхане Абаге в 680 (?) г. х. (1281/1282 г. н. э.).

Установление даты зарытия Тобаниерского клада усложняется не только тем, что трапезундские монеты и кирманеули не имеют обозначения даты их выпуска, но и тем обстоятельством, что первые имели в Грузии длительное обращение, а кирманеули чеканились и обращались вплоть до XV в., а возможно, и позже.

В этой связи решающее значение имеет анализ состава Тобаниерского клада. Основную массу монет составляют трапезундские аспры периода 1235—1297 гг., причем есть основания предполагать, что чеканка последнего императора представлена до 1297 г., о чем может

[29] O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. . ., S. 110 ff.

[30] Т. Я. Абрамишвили. Монеты двух Давидов. „Вестник Музея Грузии", вып. XVI—В. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.), стр. 139—143; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 77.

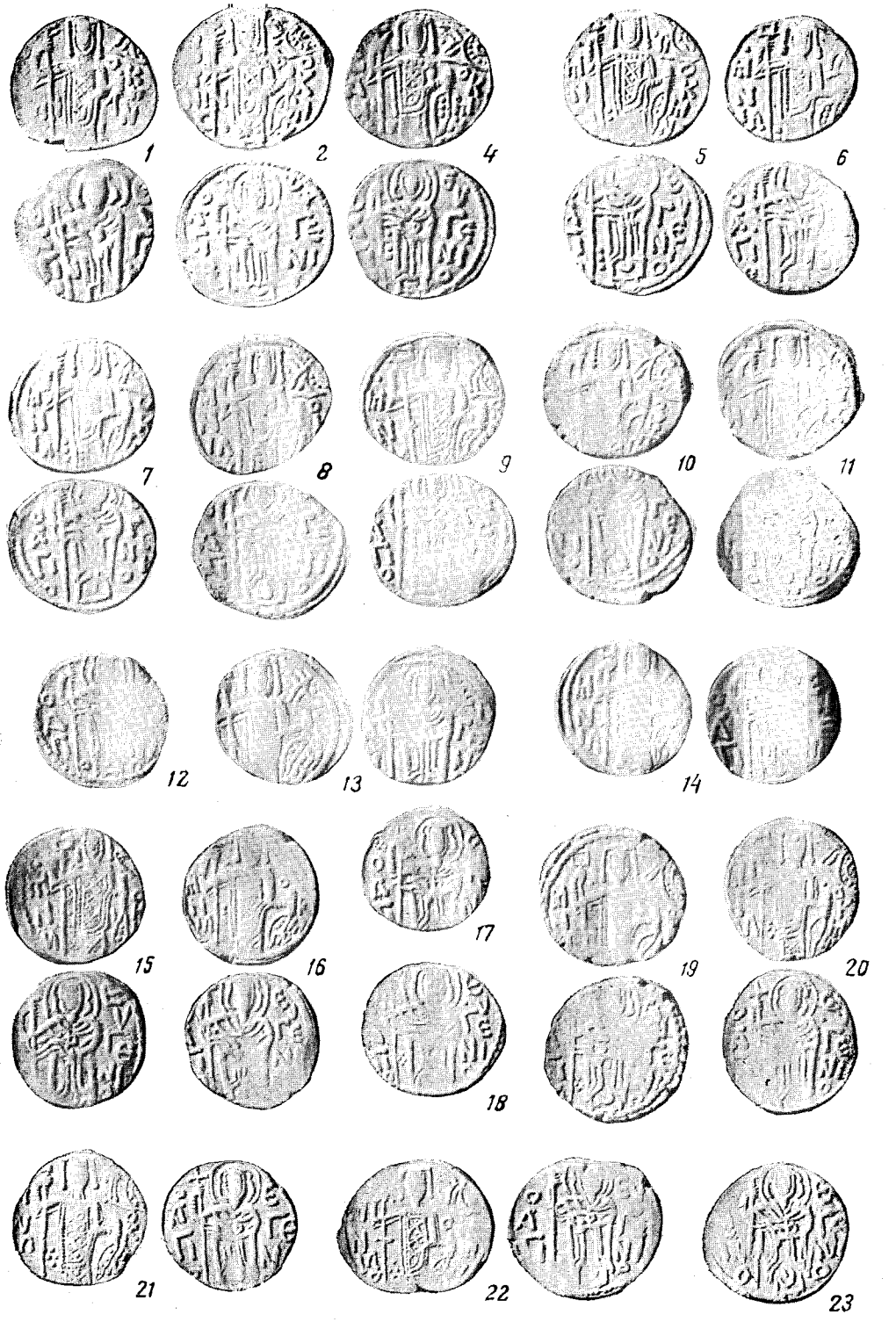


Табл. 1. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты: № 1—4 — Иоанна I, № 5—23 — Мануила I

(№№ 192, 204, 205) материалом послужили монеты с арабской легендой, определение которых не представляется возможным, для двух других (№№ 200, 202) — хулагуидские дирхемы (имя Ильхана неразборчиво). Шестой экземпляр (№ 207) перечеканен из хулагуидского дирхема ильхана Аргуна (1284—1291).

Кирманеули, битые по типу аспров Иоанна II (№№ 208—211), несмотря на свою малочисленность, представляют значительный интерес. При чеканке одной из этих монет (№ 208), судя по изображению длинного лабарума в руках императора и дифферентам (голова орла — звезда), образцом послужил аспр первой группы Иоанна II (№№ 61—65). У этой монеты изображения лицевой стороны даны обратно, негативно. Кирманеули подобного типа публикуется впервые. К очень редкой разновидности, известной О. Ф. Ретовскому[29] только по трем крайне грубо исполненным экземплярам, принадлежат и две другие монеты (№№ 209—210). Трехлопастная подвеска стеммы и характерное украшение далматики императора указывают, что прототипом этих монет служили некоторые аспры Иоанна II второй группы (№№ 98—99). Четвертый кирманеули (№ 211) принадлежит к наиболее обычной категории этих монет, чеканенных по типу аспров Иоанна II третьей группы. Но наш экземпляр, в отличие от большинства ему подобных, не имеет изображения шестиконечной звезды. Незначительность же искажений первоначального типа дает основание причислить эту монету к первым сериям кирманеули данного типа.

Западногрузинскому чекану принадлежат и две монеты (№№ 212—213) оригинального, близкого византийскому, типа: на лицевой стороне — изображение стоящих впрямь двух царей, держащих между собою длинный крест, по сторонам сокращенная грузинская надпись шрифтом асомтаврули: ⴔⴔⴑ — ⴑⴔⴐ („царь царей Давид“ и „Давид царь“); на оборотной стороне — сидящая на троне богородица, по сторонам: ⴑⴑⴍ — ⴘⴓⴖⴍ („матерь божья“). Обе эти монеты чеканены общим штампом лицевой стороны и представляют собою значительную редкость (включая тобаниерские, их известно около 10 экземпляров).

Монеты с именем двух Давидов являются эпизодическим выпуском, предпринятым на рубеже 1261—1262 гг. Давидом Нарином и Улу Давидом в Кутаиси[30].

Только две монеты клада (№№ 214 и 215) не могут быть отнесены к какой-либо из указанных групп. Одна из них (№ 214) — сельджуков Рума, чеканенная в Конии при Кай-Кубад ибн Кай-Хосроу в 630 (?) г. х. (1232/1233 г. н. э.), и является самой ранней монетой клада. Другая (№ 215) — хулагуидская без обозначения места чеканки, но несомненно в Грузии при ильхане Абаге в 680 (?) г. х. (1281/1282 г. н. э.).

Установление даты зарытия Тобаниерского клада усложняется не только тем, что трапезундские монеты и кирманеули не имеют обозначения даты их выпуска, но и тем обстоятельством, что первые имели в Грузии длительное обращение, а кирманеули чеканились и обращались вплоть до XV в., а возможно, и позже.

В этой связи решающее значение имеет анализ состава Тобаниерского клада. Основную массу монет составляют трапезундские аспры периода 1235—1297 гг., причем есть основания предполагать, что чеканка последнего императора представлена до 1297 г., о чем может

[29] O. Retowski. Die Münzen der Komnenen..., S. 110 ff.

[30] Т. Я. Абрамишвили. Монеты двух Давидов. „Вестник Музея Грузии“, вып. XVI—В. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.), стр. 139—143; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 77.

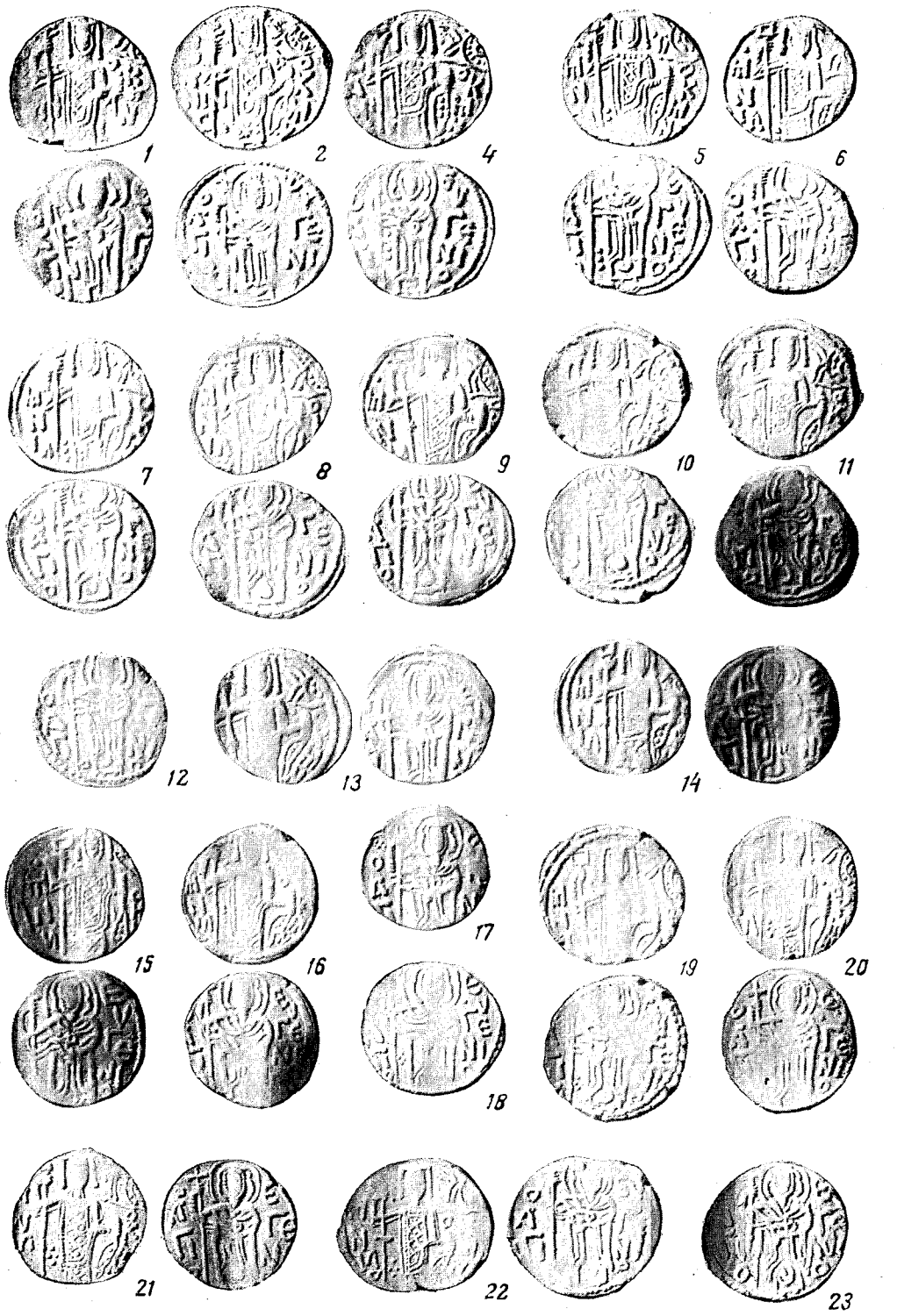


Табл. 1. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты: № 1—4 — Иоанна I, № 5—23 — Мануила I

ными за счет образов сармато-аланского мира и Кавказа; с другой стороны, оно решительно противостоит римским и византийским изображениям, подчеркивающим обоюдную ожесточенность схватки.

4. ВОЙСКОВОЙ ЗНАК

Исключительное своеобразие нескребовской статуэтки состоит из 12 накладок-шариков вдоль спины птицы. Они размещены на крыльях тесно, в два ряда, через равные промежутки. У каждого шарика со стороны, обращенной кверху, намечена небольшая площадочка, разделенная перекрещивающимися линиями на четыре части, в связи с чем

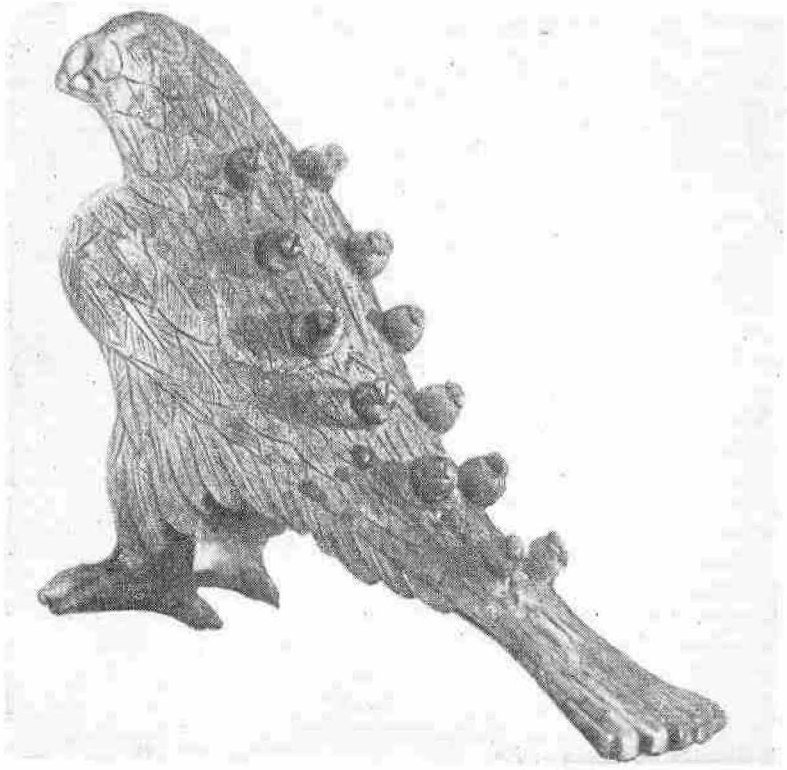


Рис. 8. Серебряная статуэтка из Нескребовского кострища (вид сбоку)

создается впечатление, что каждая накладка представляет собой как бы плод, ягоду (рис. 8. Ср. рис. 3).

Любопытно, что в Керчи, в склепе, известном по раскопочному номеру экспедиции 1904 г. № 145, было найдено несколько подобных шариков[28]. Время склепа — последняя четверть IV в. Каждый шарик напоминает бусину диаметром 16—19 мм (рис. 9). Все они из пасты молочного цвета. За бусы признать их нельзя, потому что сквозное отверстие у них слишком широко. Оно достигает 8—9 мм, т. е. половины диаметра шарика. У некоторых из них сохранился продевавшийся

[28] Гос. Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры. Сохранилось пять экземпляров.

сквозь него металлический стержень с выступавшим с одной стороны шарика концом. Несомненно, этим концом стержень вставлялся в дерево или в металлическую пластинку какого-то предмета, на котором и закреплялся наглухо при помощи шплинта. Я не хочу видеть в шариках-накладках на крыльях нескребовского орла прямое и безусловное повторение керченских шариков. Все же они косвенно подтверждают существование в Северном Причерноморье приема использования ягодоподобных накладок приблизительно в то же время, когда подобный прием был использован в культурно-родственной среде Нижнего Подунавья. Внешнее совпадение или подлинное сходство керченских накладок с нескребовскими увеличивается тем, что стержни керченских шариков имеют круглые плоские шляпки из золота, с перегородчатой

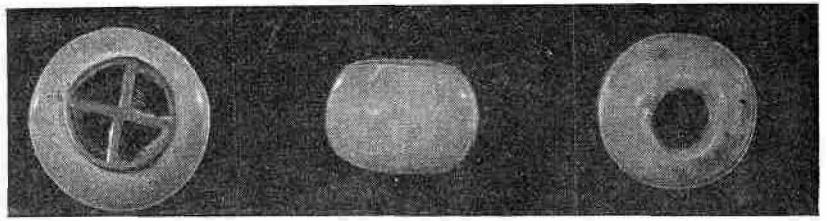


Рис. 9. Шарики, найденные в 1904 г. в склепе (Керчь) последней четверти IV в.

инкрустацией из красных пластинок. Они, так же как и на накладках у орла, разделены начетверо двумя перекрещивающимися линиями.

Появление накладок-шариков на крыльях птицы несомненно связано со значением количества их, т. е. с цифровым показателем — с числом 12, с особым пониманием его. Число 12 использовалось прежде всего при делении суток на дневные светлые часы, противоположные темной ночи. Не могли ли 12 накладок и в данном случае служить именно для учета времени? Равномерное расположение шариков вдоль спины двумя тесными прямыми рядами, близко поставленными друг к другу, исключает возможность приписать им роль отметчиков часовой солнечной тени. Кроме совпадения количественного показателя „12", у них нет ничего общего с солнечными часами — ни с древними — сферическими, ни с позднейшими — плоскими[29].

При решении вопроса о назначении интересующего нас предмета необходимо обратить внимание на то, что на ногах птицы можно обнаружить значительное количество припоя. Он покрывает ноги птицы не только снизу, в местах спайки, но и сверху. Будучи легкоплавким, в отличие от металла статуэтки, он быстро расплавился при высокой температуре костра и растекся. Ноги из-за этого и выглядят столь грубыми и несуразными, не вяжущимися с исполнением фигуры в целом. К тому же концы пальцев отломаны и частью расплавились. Наличие припоя как раз на ногах свидетельствует, что статуэтка была припаяна и составляла навершие, подобно тому как припаивалась к древку статуэтка орла, служившая знаменем римского легиона. В самом деле,

[29] Само собой разумеется, число нескребовских шариков отнюдь нельзя сопоставить с числом апостолов христианской легенды, несмотря на то, что почитание их в византийском мире засвидетельствовано знаменитым константинопольским храмом IV в.

Образ схватки орла и змеи у Плиния — это образ без победителя. Он, как и на дворцовой мозаике, как и на драгоценном резном перламутре, противоположен образу нескребовской группы, потому что в той воплощен народный образ. Этим и объясняется ее подлинный реализм. Родственную нескребовской группе среду нужно искать в противостоящем империи, теснящемся в Подунавье варварском — славянском и аланском — мире.

Рис. 6. Серебряная бляха I—II вв., найденная на Северном Кавказе в 1935 г.

Серебряная бляха I—II вв., обнаруженная в сарматизованной среде Северного Кавказа — в Золотой Горке[18], только на беглый взгляд мало отличается от образов Плиниева рассказа (рис. 6). Птица представлена в полете, хотя и не в обычном для полета положении тела. Змея обвила ее ноги и лишила возможности подобрать их и сжать пальцы. Птица не столько летит, сколько поднимается ввысь. Прерывистые рельефные полосы ниже группы мы, видимо, должны рассматривать как облака, а не как горки, на которых можно бы представить себе орла сидящим. Самый факт передачи заоблачной выси, вообще совершенно отсутствующей в сарматском искусстве, а также и общий характер изображения указывают, что перед нами не чисто варварская композиция; она в какой-то степени использует античный рельеф. Использовать его сарматизованный мэотский мастер мог, конечно, только потому, что нашел в нем образы, воспринятые им как родственные, народные. Тем любопытнее, тем показательнее, как он его изменил, как бы приспособил к выражению образов своего общества. Змея не оплетает кольцами птичьего тела, не связывает ими его крыльев, как в Плиниевом рассказе, она только угрожает ему своим ядом — совсем так, как в нескребовской группе, Так же, как в нескребовской группе, птица не когтит змею; не она напала на нее, а стала жертвой нападения сама; она не вступает в схватку, даже не раскрывает клюва. Совершенно так же, как в нескребовской группе, птица не приравнена гаду в своих действиях: она внутренне напряжена и сосредоточенно наблюдает за движениями змеи. Птица величественна в своей сдержанности. В образе ее нет ничего зловещего, хищного, ничего отвращающего. Весь ее образ противоположен Плиниеву. Не имеет ничего общего с нашим и образ орла в античных баснях. Например, Эзопов орел в басне „Черепаха и Орел" — это образ коварства и безжалостности[19].

Объяснение своеобразия образа птицы на северокавказской серебряной бляхе и общей трактовки сцены надо искать в тех общественных условиях, в которых было создано это художественное произведение. Изменения, которые мастер внес в предполагаемую греческую композицию, имеют своим источником местную народную среду, представления горцев о мироздании.

Встает в памяти прежде всего кавказский образ Паскунджи, громадной птицы преисподней[20]. Живя в подземном мире, т. е. в обиталище враждебного человеку гада-змеи, она сама-то образ не мрака, не вражды, а светлый, добродетельный. Паскунджа — посредник между подземным миром и миром земным, поднебесным, людским. Она — помощник человека, подвергшегося вероломному нападению и коварно сброшенного в пучину бедствий преисподней. Змея стремится извести Паскунджев род, пытается насильственно прекратить его, пожрав в гнезде Паскунджи яйца. Птица же бессильна одолеть змею одна и спасти свое потомство сама.

На бляхе из Золотой Горки попытка змеи извести Паскунджу представлена в версии о прямом нападении змеи на птицу. Показательно, что последняя не вступает в борьбу, несмотря на страшную угрозу.

Слово „паскундж" переводят как „гриф"[21]. Но, по-видимому, слово это имело двоякое значение: образное фольклорное и орнитологическое — название особого семейства птиц. Можно допустить, что орнитологическое содержание сливалось с фольклорным на какой-то ступени общественной мысли. По крайней мере, художественный образ мифологической птицы включал в себя черты грифа, этой громадной птицы горных ущелий, приковывающей к себе людское внимание и поныне. Действительно, у птицы в группе на бляхе из Золотой Горки имеются такие черты кавказского бурого грифа, как голая голова, сравнительно небольшой, мало изогнутый клюв, короткие пальцы без длинных, сильно изогнутых когтей. Конечно, перед нами художественный образ фольклорной птицы, а не научное изображение *Aegypius monachus* или *Vultur monachus*, выполненное согласно требованиям полной точности. Однако художественному образу изображенной птицы сообщают своеобразную выразительность именно характерные черты грифа. Оголенность его головы и шеи отразилась в народном образе подчеркнуто; оголенной представлена даже грудь. Но это отнюдь не неумение кавказского мастера справиться с рельефом, это только свое понимание рельефа, своеобразное его толкование. Ногами, лишенными изогнутых, длинных орлиных когтей, гриф действительно не может схватить змею. И в нашей сцене не птица напала на змею, а змея держится в воздухе

птицы, получили некоторое значение в Московской Руси. Своеобразное переосмысление их, согласно официальной политической доктрине того времени, было закреплено на Руси „Повестью о Царьграде" XV в. („Памятники древней письменности", вып. 61, СПб., 1886, стр. 3).

[18] На реке Белой, выше Майкопа, за станцией Тульской. Случайная находка 1935 г.

[19] Esope. Fables. Paris, 1927, p. 157. Показательно, что к эзоповской басне в Византии было присоединено нравоучение: „Не стремись к недостижимому, ограничивайся возможным" (Игнатий Грамматик).

[20] Ф. Разикашвили. Народные сказки, собранные в Кахетии и в Пшавии. Тбилиси, 1909, стр. 7, 15—19, 51.

[21] Д. Чубинов. Грузино-русский словарь. СПб., 1887, стр. 1298, 2006.

только потому, что сама крепко обвилась вокруг птичьих ног. Правда, в других народных сказах птица способна, подобно орлу, впиваться когтями в тело жертвы. Так, в эпосе об Амране, Пакондзи в шкуру морского быка с запрятавшимся в нее Амраном „вонзил свои когти, кругами-кругами понес его“ [22]. Но в большинстве кавказских сказаний и сказок птица Паскунджа, при всей своей мощи, бессильна в борьбе со змеей, не может одолеть ее одна. Она нуждается в помощи человека и обычно змею побеждает юноша. Паскунджа воздает ему по заслугам и выносит его из преисподней на дневной свет. В сущности, грань между действиями человека и действиями вещей птицы стирается. Извечная борьба Паскунджи становится делом юноши-героя, стремления юноши становятся делом Паскунджи.

Сцена из сказа о Паскундже, изображенная на рельефе из Золотой Горки, подобно самим народным сказам тоже была рассчитана на организацию мысли зрителя в заданном художественным образом направлении. Общественная сущность искусства, организующее воздействие его были наилучшим образом использованы, так как бляха, будучи крупных размеров (12 × 20,5 см) и с четким, на видном месте чеканным рельефом, носилась, вероятнее всего, на плетеном из тонких прутьев щите, подобном отмеченному Страбоном [23] роксоланскому [24]. Изображение получало значение стяга-знамени и своего рода лозунга. Рельеф обращался к мысли живого человека, к геройству воина.

Группа птицы и змеи из находки в Нескребовке, несмотря на черты сходства, не вполне соответствует кавказскому образу Паскунджи. При взгляде на нашу статуэтку и при сравнении ее с рельефом из Золотой Горки перед нами невольно встает иной художественный образ — орел-птица русских народных сказок. Эта могучая орел-птица, как и Паскунджа, живет в подземном царстве, „за семью дверями садочка бабы-яги“. А „дыра“ в землю, через которую можно спуститься в преисподнюю или через которую можно выбраться из нее, завалена камнем таким огромным, что его не своротишь. И стережет этот камнище Змея о трех главах. Незлобивый простак русской сказки Ивашка одолел Змею, отвалил и отшвырнул камень. Он спустился на ремнях, „утвержденных близ той дыры“, в три подземных царства — медное, серебряное и золотое — и освободил скрытых там похищенных Змеей красавиц. Но коварные братья Ивашки перерезали ремни, чтобы не выпустить самого его из преисподней и обречь его навсегда остаться в земле. Однако сказка не оставляет Ивашку навеки обреченным беде из-за коварства и злобности его неудачливых и ленивых братьев. Могучая орел-птица, которую только герой-простак в состоянии не упустить, выносит его „в ту же дыру на Русь“ [25]. В сказке „Норка-зверь“, в которой место Ивашки занимает меньшой царевич, в земле, куда он тоже коварно сброшен, разразилась буря с грозой. Укрывшийся было под деревом царевич заметил, что „маленькие птушки“ над ним в гнезде совсем промокли. Он скинул с себя одежду и прикрыл их ею. Прилетевшая птица, „да такая великая, что и свет затмился“, в знак благодарности выносит царевича из земли на Русь [26].

[22] „Амран“. М.—Л., 1932, стр. 133.
[23] Strabo, VII, 3, 17
[24] На патине из бронзы сохранились отпечатки плетения щитов или строения кожи.
[25] „Сказка о трех царствах: медном, серебряном и золотом“. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. I, М., 1855, № 5. Ср. там же, вып. VII, № 9; вып. VIII, № 7.
[26] Там же, вып. I, № 6. „Норка-зверь“.

Сказка неизменно уверена в обреченности гада и в неминуемой гибели его от руки незапятнанного коварством юноши. Той же уверенностью пронизан и художественный образ орла-птицы нескребовской группы. Это его основная направленность.

Но образ орла-птицы русских сказок на статуэтке несколько обогащен за счет грифа-Паскунджи. Ноги нескребовского орла, в сущности, не орлиные, а как бы грифьи, без характерных для орла длинных, сильно изогнутых когтей. В этом можно усматривать черты реальных исторических соприкосновений и взаимных проникновений аланской и славянской среды.

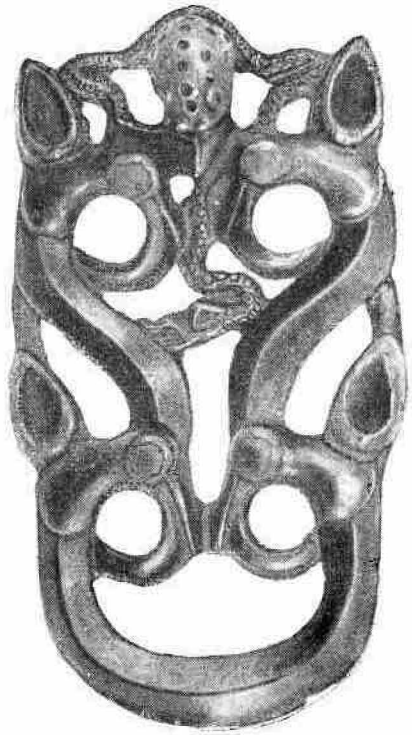


Рис. 7. Золотая пряжка Сибирского собрания Эрмитажа

Народный образ могучей птицы, остающейся невредимой, несмотря на нападение гада, наглядно выступает в своеобразном преломлении и в композиции золотой пряжки так называемого Сибирского собрания Эрмитажа [27]. Она принадлежит к характерным образцам сарматского искусства начала нашей эры. Композиция трактована в линейных геометрических формах и построена по типу идеограммы (рис. 7). Каждая половина пряжки, видимо, воспроизводит родовой знак.

Лирообразная форма знака разработана в виде птиц. Образ их навеян хищной птицей, а изображение их подобно скифским. У них длинная, подчеркнуто гибкая шея, ушастая голова с сильно изогнутым клювом с развитой восковицей; впечатление от большого круглого глаза усиленно цветной вставкой. Нижняя половина лировидного знака состоит из двуглавой птицы. Над каждой ее головой поднимается длинная шея птицы верхней половины знака. Таким образом, композиция состоит из сочетания трех птиц, из которых одна двуглавая. Все три мыслятся в единстве, воспринимаются как единое целое. Нападение гада не изолирует ни одной из них от остальных. Змея угрожает птицам не смертельными обвивами (как у Плиния), а опять-таки, как и на северокавказской бляхе или на нескребовской статуэтке, своим ядом. И так же, как там, птицы не вступают в схватку со змеей. Помощь приходит к ним со стороны. Но так как содержание пряжки выражено исключительно в образах животных, то спасителем оказывается не юноша-герой кавказского эпоса, а еж, который перекусывает гада.

Благодаря введению ежа в композицию группа, несмотря на отвлеченные геральдические формы ее, приобрела фольклорный характер.

Итак, содержание нескребовской группы стоит в самой тесной связи с образами вещих птиц, известными нам по русским сказкам, обогащен-

[27] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1890, рис. 53.

выводу, к которому мы пришли выше в результате рассмотрения своеобразия норбаязетских ложек.

Все в совокупности позволяет признать, что способ клеймения, который мы встречаем на нескребовской статуэтке, падает на ограниченный промежуток времени. Спаренные клейма нашей группы вероятнее датировать непосредственно за прямоугольными клеймами с изображением Тихи Константинополя, известными нам по судженскому кувшину и по другим памятникам, относимым ко времени около 400 г.[13] Начертания букв в клеймах рассматриваемой группы палеографически вполне соответствуют концу IV—V в. Они могут быть сближены с сирмийскими слитками времени Феодосия I, с надписью Абалата на клейме берлинского тазика, отчасти даже с клеймами Анастасия. Они решительно отличаются от надписей в клеймах VII в.

Таким образом, клейма на нескребовской статуэтке археологически подкрепляют вывод об изготовлении предмета на рубеже IV—V вв. или в V в.

Где могла быть выполнена столь выдающаяся по художественным достоинствам и интересная по содержанию группа? Образы, выраженные в ней, настолько связаны, как мы увидим, с одной стороны, с аланским (роксоланским) миром, с другой — со славянским, что место изготовления ее трудно представить себе где-то в отдалении от Нижнего Подунавья[14]. Основанием относить нашу группу к Нижнему Дунаю служит весь исторический комплекс в целом, с которым связано как самое создание, так и начальное бытование нескребовской статуэтки.

3. ОРЕЛ И ЗМЕЯ

Несомненно, группа орла и гада имела смысловое значение; она раскрывала образы, полные глубокого содержания. Выполнена она исключительно своеобразно. По крайней мере, сцена на подобный сюжет, господствовавшая в современных нескребовской группе произведениях византийского искусства, была воплощена совершенно иначе.

Несколько лет тому назад в Константинополе раскопана мозаика в Большом дворце византийских императоров. Ею был выстлан пол перистиля илиака Фара и Хрисотриклина[15]. Особый интерес ее для нас в том, что она одновременна с нашей серебряной группой. Ее исполнение относится к первой четверти V в. Как же представляли себе выдающиеся придворные художники столицы встречу орла и змеи? Какое содержание вкладывали они в свою группу? Они трактовали встречу орла и змеи как бурную взаимную схватку, как обоюдоострую борьбу, полную разнообразных движений (рис. 5). Змея обвивает тело орла петлями, стараясь удавить его. У орла брыжжет кровь. Чтоб освободиться, он бьет мощными крыльями, напрягает хвост. Ему уже удалось скинуть с шеи одну змеиную петлю и он перекусывает врага. По существу, эта схватка ничем не отличается от реалистических изображений любых схваток животного мира. Та же борьба, те же взаимные терзания, та же кровь. Не случайно поэтому рассматриваемая сцена включена на дворцовой мозаике в большой цикл зверей и сцен охоты.

[13] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. 30—35, табл. 6.

[14] Изображения орла и змеи обычны, в частности, на фракийских погребальных колесницах. Однако те никогда не составляли группы, подобной нескребовской, а имели совершенно иное содержание, связанное с заупокойным культом.

[15] „The Great Palace of the Byzantine Emperors". Oxford, 1947, p. 79, pl. 36.

Она композиционно не выделена, не занимает центрального места, помещена даже сбоку. На константинопольской мозаике представлена как раз схватка и борьба, чего нет на нескребовской группе; на мозаике нет того одностороннего нападения гада и угрозы его жала, что столь существенно для серебряной статуэтки.

Трактовка группы, подобная трактовке ее на мозаике Большого дворца, вообще типична для римского и ранневизантийского искусства.

Рис. 5. Фрагмент мозаики из Большого дворца византийских императоров в Константинополе

Так, опять-таки яростную взаимную борьбу представляет сцена, вырезанная на одной ранневизантийской перламутровой пластинке. Орел, широко взмахнув крыльями, взвивается ввысь вместе с оплетающей его змеей[16]. Содержание этого образа выражено яркими словами у Плиния (кн. 10, гл. 5). В своей „Естественной истории" он после рассказа о том, что орел не довольствуется нападением на мелких четвероногих, а нападает также и на овцу, разъясняет: „Только один враг для него — враг подлинный. Ожесточенна битва его со змеей, при этом обоюдна в значительной степени, хотя и происходит в воздухе. Она отыскивает яйца орла со злобной жадностью. В ответ на это тот схватывает ее, где бы ни увидел. Змея же многочисленными перевивами связывает его крылья и так с ним сплетается, что вместе падают"[17].

[16] W. Volbach, G. Salles et G. Duthuit. L'Art byzantin. Paris, 1931, pl. 42 A.

[17] Черты античного образа смертельной схватки орла, держащего когтями змею и поднимающего ее на высоту, и змеи, обвивающей птицу и тем лишающую ее возможности лететь, хотя и были чужды исконному народному русскому образу орла-

свидетельствовать монета совместного выпуска Иоанна II и Алексея II. С другой стороны, состав кирманеули очень необычен, их немного, причем основную их часть составляют относительно редкие монеты, чеканенные по типу аспров Мануила I. Обычных кирманеули (по типу аспров Иоанна II) в кладе только четыре, причем для трех из них образцом послужили монеты Иоанна II ранних выпусков, а четвертая имеет лишь незначительные искажения.

Если учесть отличную сохранность большинства поздних монет клада, отсутствие (кроме №№ 52, 95) пробитых экземпляров, которые очень характерны для поздних кладов, и, главное, то обстоятельство, что в кладе почти отсутствуют кирманеули, чеканенные по типам аспров Иоанна II, то становится очевидным, что зарытие клада было предпринято несколько лет спустя после выпуска последней трапезундской монеты (ок. 1297 г.). Таким образом, дату зарытия Тобаниерского клада нужно отнести примерно к рубежу XIII—XIV вв. Подобная датировка не противоречит выводам Т. Я. Абрамишвили, знакомой с этим кладом[31].

Прежде чем говорить о грузино-трапезундских отношениях в XIII в. и о характере денежного обращения в Западной Грузии, без чего значение Тобаниерского клада не может быть достаточно ясным, следует, несколько забегая вперед, остановиться на топографии находок трапезундских монет и кирманеули на Кавказе. В приложении II мы даем список всех зарегистрированных случаев подобных находок с указанием места, где они были сделаны. Список не оставляет сомнения в очень широком распространении этих монет. Однако во многих случаях невозможно определить, имеем ли мы дело с находкой трапезундского аспра или кирманеули. Это обстоятельство вызвано тем, что даже данные компетентных исследователей страдают часто излишней краткостью и неопределенностью, не говоря уже о сообщениях неспециалистов.

Топография находок приводит к совершенно определенным выводам.

1. Западная Грузия (т. е. Кутаисская обл., Абхазская и Аджарская АССР) является основным районом распространения находок трапезундских аспров и кирманеули. Находки этих монет в других пунктах Закавказья явно случайны, но все же в Восточной Грузии они более часты, чем в Армении и Азербайджане. Следует отметить, что за пределами Западной Грузии эти монеты встречаются в виде отдельных экземпляров, часто вкрапленных в состав больших кладов позднего времени.

2. Находки аспров преемников Алексея II (1229—1330) и медных трапезундских монет также случайны и сосредоточены они главным образом не в пределах Западной Грузии.

Причины распространения аспров Трапезунда XIII в. в Западной Грузии были, конечно, обусловлены тесными историческими связями, существовавшими тогда между этими государствами[32]. Трапезундская империя включала в свой состав Лазику, населенную главным образом грузинами. Следует отметить, что лазы в жизни Трапезунда играли видную роль, многие из них занимали высшие должности империи, при дворе всегда была сильная прогрузински настроенная группировка сановников, большинство крупных феодалов были грузинами по проис-

[31] Т. Я. Абрамишвили. Западно-грузинские монеты... стр. 21.

[32] К сожалению, этот важный и интересный вопрос очень слабо освещен в исторической литературе. Ряд интересных фактов, относящихся к истории грузино-трапезундских отношений, имеется, например, в работе Ф. И. Успенского (Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 28 сл.).

хождению. Само воцарение боковой ветви Комнинов в качестве трапезундских императоров невозможно представить без политической и военной помощи со стороны грузинских Багратидов, с которыми Комнины были связаны родственными узами и при дворе которых они жили и воспитывались. Таким образом, сильная зависимость Трапезунда от Грузии, особенно в ранний период, очевидна. Характерно, что в результате столкновений грузинских и византийских интересов при трапезундском дворе в 80-х годах XIII в. со стороны Грузии дважды были предприняты успешные военные действия против Трапезунда. Экономические связи обоих государств особенно усилились после монгольского вторжения, в результате которого Восточная Грузия оказалась под властью монголов, а Западная Грузия и Трапезунд сумели сохранить свою независимость. В конкретных исторических условиях, сложившихся тогда в Закавказье, Трапезунд стал играть роль одного из крупнейших торговых центров Передней Азии. В этой связи становится понятным, почему монеты Трапезундской империи сразу же получили столь широкое распространение в Западной Грузии.

Облегчению проникновения аспра в Западную Грузию способствовал и ряд других обстоятельств:

1. Отсутствие регулярно чеканившейся собственной монеты в Западной Грузии в XIII в.

2. Политическое и экономическое разделение при монголах Грузии на Восточную и Западную часть и, вследствие этого, слабое распространение в Западной Грузии восточногрузинских монет.

3. Обращение сельджукского дирхема, равного с аспром веса, предшествующее проникновению трапезундских монет в Западную Грузию.

Состав Тобаниерского клада является ценным источником для суждения о денежном обращении в Западной Грузии в XIII в. Он подтверждает, что проникновение трапезундского аспра и замена им обращавшегося здесь сельджукского дирхема, один экземпляр которого имеется в кладе (№ 214), произошли вскоре же после начала чеканки этих монет в Трапезунде, — по всей вероятности, в правление Мануила I[33]. Свидетельством этого может служить не только обильно представленный материал находок, но и то обстоятельство, что в грузинских рукописях чрезвычайно долго держится термин „кирманеули", применявшийся не столько к сравнительно редким монетам, чеканенным по типу аспров Мануила I, но и к монетам, выпущенным по типу аспров Иоанна II.

На наш взгляд, причину появления кирманеули в Западной Грузии следует искать прежде всего в нехватке подлинно трапезундских аспров, не выпускавшихся после Мануила I около семнадцати лет. Косвенным подтверждением этого, по-видимому, может служить малоисследованный факт кратковременного проникновения в денежное обращение в Западной Грузии восточногрузинских монет: так называемых кааников и грузино-хулагуидских дирхемов (один экземпляр в кладе под № 215), известный нам по редким экземплярам кирманеули, носящих следы перечеканки на монетах этого рода[34]. Перечеканенные кирманеули являются ценным

[33] В этом отношении чрезвычайно интересна и показательна находка в с. Тузи (см. № 22 списка находок в конце статьи), опубликованная теперь И. Л. Джалагания (Два клада сельджукских монет. СА, 1958, № 2, стр. 207 сл).

[34] Кроме монет нашего клада, нам известны следующие кирманеули, перечеканенные из мусульманских монет: из тифлисских „анонимных кааников II типа" (1264—79): 1) O. Retowski. Die Münzen der Komnenen. . ., № 209; 2) Собрание ГМГ; 3) Собрание Е. А. Пахомова грузино-хулагуидских дирхемов: 1. Абаги (1265—82) (Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, рис. 2); 2. Аргуна (1284—1291) (O. Retowski. Op. cit., № 204); 3. Имя Ильхана не читается (Собрание ГМГ); 4. Аргуна [Собрание Е. А. Пахомова (2, 52 г)]; 5. Абаги [Собрание Е. А. Пахомова (1, 87 г)].

источником для установления некоторых интересных деталей денежного обращения XIII в.

1. Поскольку материалом для перечеканки послужили „кааники" и дирхемы Абаги (1265—1282) и Аргуна (1284—1291), есть все основания предположить, что время чеканки кирманеули по типу аспров Мануила I должно быть отнесено к концу 80-х годов XIII в.[35]

Таким образом, очевидно, прав Д. Г. Капанадзе, связывающий начало выпуска кирманеули с военными действиями Грузии против Трапезунда в 1282—1285 гг.[36]

2. Факт перечеканки восточногрузинских монет штемпелями кирманеули различной степени деградации позволяет утверждать, что последние чеканились только в начале правления Иоанна II и сравнительно недолго. Это подтверждает сравнительная малочисленность кирманеули, чеканенных по типу аспров Мануила I, и небольшое количество этих монет со следами явной деградации. Очевидно, что после массового проникновения аспров Иоанна II в Западную Грузию там прекратилась чеканка кирманеули, и, таким образом, непосредственной преемственности выпусков кирманеули, чеканенных по типу аспров Мануила I и Иоанна II, нет. Косвенным подтверждением этого, кроме общих соображений о малой вероятности параллельного выпуска аспров и кирманеули, могут служить некоторые наблюдения над самими кирманеули. Если бы кирманеули чеканились регулярно все время после начала их выпуска, то среди этих монет обязательно попались бы экземпляры двух категорий: а) экземпляры, образцом (но не заимствованием отдельных элементов типа) для которых одновременно служили аспры Мануила I и Иоанна II; б) достаточное число кирманеули, чеканенных по первым двум типам аспров Иоанна II. Между тем монеты первой категории неизвестны вообще, а монеты второй — встречаются чрезвычайно редко (например, № 208—210).

Рассмотрение кирманеули, чеканенных по типу аспров Иоанна II, выходит за рамки темы настоящей статьи. Но несколько слов об этих интересных монетах сказать все же следует. Кирманеули этого типа выпускались очень долго, очевидно, вплоть до XV в., что́, вероятно, было обусловлено не только привычкой населения Западной Грузии к этой монете, но и практическим отсутствием как грузинской, так и иноземной регулярно чеканившейся монеты, которая могла бы заменить кирманеули. Долговременность чеканки и обращения кирманеули подтверждают не только находки этих монет, но и многочисленные упоминания о них в древнегрузинских документах, где кирманеули рассматривается как официальная монета, являющаяся общепризнанным эквивалентом денежной единицы[37]. Кирманеули чеканились, возможно, на нескольких монетных дворах и явились образцом для подражания при выпуске монеты Вамека Дадиани (1384—1396), известной в одном

[35] Столь ранней датировке противоречит, с первого взгляда, время правления Аргуна (1284—1291). Но следует учесть, что большинство дирхемов этого правителя относится к периоду до 1288 г. (См.: Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, стр. 90—91).

[36] Д. Г. Капанадзе. Так называемые „грузинские подражания трапезундским аспарам", стр. 207.

[37] Характерно, что термин рукописей „кирманеули" пережил монету этого названия: см. С. Н. Какабадзе. О грамотах, определяющих цену крови. „Исторический бюллетень", т. II. Тифлис, 1924 (на груз. яз.), стр. 36.

экземпляре[38]. С течением времени кирманеули (как это почти всегда бывает при длительном выпуске без перерыва монеты по одному типу) постепенно грубеют, их вес и чистота металла падают[39].

---

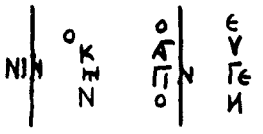
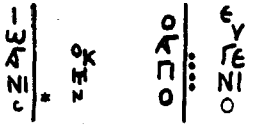
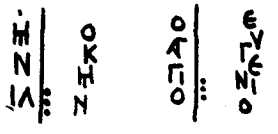
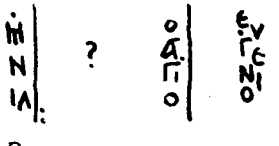
[38] Д. Г. Капанадзе. Так называемые „грузинские подражания...". стр. 209, рис. 1, № 9; его же. Грузинская нумизматика, стр. 97, № 118, табл. IX.

[39] Наиболее деградированными монетами этого рода нужно считать два кирманеули, принадлежащих собранию ГМГ, впервые здесь публикуемые (табл. IX, №№ d, e.). Обе монеты медные. Изображения на них настолько искажены, что точного описания их сделать невозможно. Однако принадлежность этих монет к категории кирманеули подтверждает некоторые характерные детали изображений. На лицевой стороне первого экземпляра (табл. IX, №№ d, e, 0,69 г, пробита) изображены четыре длинные параллельные линии, пересеченные пятью короткими. По всей вероятности, это крайне искаженное изображение фигуры императора в далматике. Оборотная сторона этой монеты заполнена рядом линий и черточек, в общей композиции которых угадывается человеческая фигура с крестом в правой руке.

Все поле лицевой стороны второй монеты (табл. IX, № E, 0,84 г, дважды пробита) заполнено линиями, черточками и значками в разных сочетаниях, отчасти напоминающих надписи. На оборотной стороне этой монеты помещено два погрудных изображения святого (ясно видны нимбы, плечи, головы и черты лица), причем левое изображение по отношению к правому перевернуто. В поле значки, имитирующие легенду.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Список монет Тобаниерского клада

№	Легенда *		Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература **
	Лицевая сторона	Оборотная сторона			
			Иоанн I (1235—1238)		
1				2,48 г 21 мм ↑↙	
2			Слева, у головы императора, — маленькая точка, справа от плеча — три точки.	2,92 г 24 мм ↑↙	Pf. I, № 2 (лиц. ст.) № 3 (об. ст.) Ret. № 5 (лиц. ст.) № 11 (об. ст.) Wr. XXXII, № 3 (лиц. ст.) № 4 (об. ст.)
3	Одной пары штемпелей с № 2			2,91 г 23 мм ↑↙	
4			Справа, у головы императора, — точка.	2,75 г 21 мм ↑↙	Pf. I, № 1 (лиц. ст.) Ret. № 1.
			Мануил I (1238—1263)		
			Первая группа		
5			Справа, у головы императора, — точка.	2,80 г 21 мм ↑↘	
6				2,87 г 20 мм ↑↙	

* Знак вопроса в прописи обозначает не поддающуюся восстановлению часть легенды.

** На таблицах I—VIII настоящей статьи воспроизведены все монеты клада, чеканенные различными штампами. Ссылки на литературу даются лишь при уверенности в том, что монета клада чеканена общими штампами с монетами в указанном издании. Исключение в этом смысле составляют только №№ 212—215.

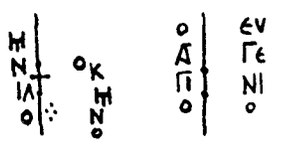
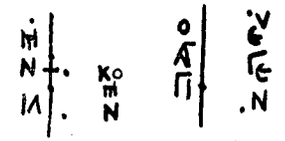
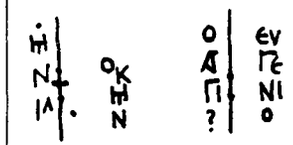
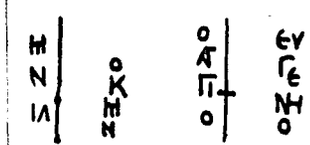
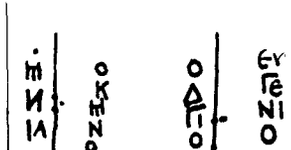
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
7	VIN[illegible] OKE?	OAΠO	Справа, у головы императора, — точка.	2,88 г 21 *мм* ↑↘	
8	VIN[illegible] OK?	OAΠO	Справа, у головы императора, — точка.	2,81 г 22 *мм* ↑↙	
9	VIN[illegible] OK?	OAΠO		2,72 г 21 *мм* ↑↙	
10	? OKE?	? ΠO	Слева, под рукой императора, — точка.	2,88 г 21 *мм* ↑↘	Wr. XXXIV, № 7 (лиц. ст.). Ret. № 97 (лиц. ст.)
11	VIN[illegible] OKE?	OAΠO		2,64 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXIV, № 7 (об. ст.).
12	Общего штампа с № 11.	OAΠ|O		2,77 г 21 *мм* ↑↙	
13	? OKE?	OAΠ?	Справа, у плеча императора, — точка.	2,97 г 21 *мм* ↑↙	

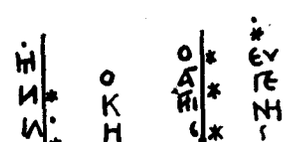
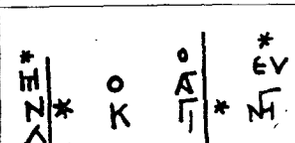
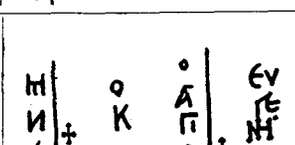
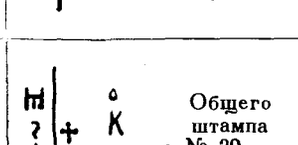
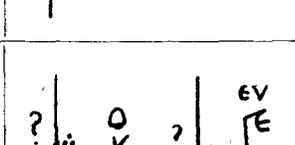
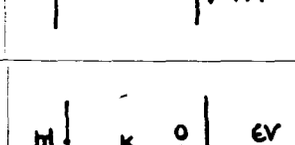
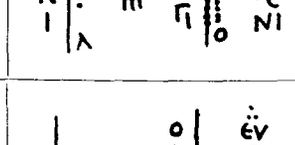
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
14	VIN[illegible] ? :KE?	OAΠO		2,69 г 21 *мм* ↑↙	
15	VIN[illegible] OK?	?		2,11 г 20 *мм* ↑↙	
16	VIN[illegible] O KE?	OAΠO	Слева, у головы и у плеча императора, — три точки.	2,73 г 21 *мм* ↑↙	Pf. VIII, № 78 (лиц. ст.). Wr. XXXIV. № 3 (лиц. ст.)
17	Общего штампа с № 16.	OAΠ?	Слева, у головы святого, — точка (?)	2,79 г 19 *мм* ↑↙	
18	Общего штампа с №№ 16—17	OAΠO		2,88 г 21 *мм* ↑↙	
19	VIN[illegible] OKE?	OAΠ?	Слева, у головы императора, и справа, у плеча, — точка.	2,86 г 21 *мм* ↑↙	
20	VIN[illegible] OKE?	OAΠO	Справа, у плеча императора, — точка.	2,92 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 155 (лиц. ст.).

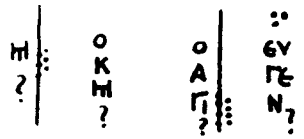
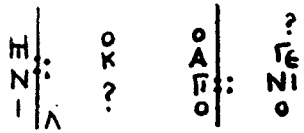
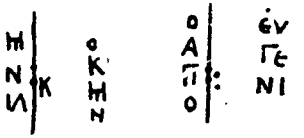
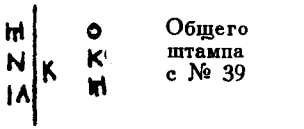
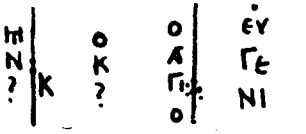
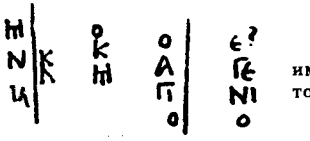
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
21			Справа, у головы императора, — две точки.	2,47 г 20 *мм* ↑↓	
22			Слева и справа, у головы императора, — по точке. Количество точек в начале легенды лицевой стороны неясно.	2,84 г 22 *мм* ↑↙	Pf. IX, № 86. Ret. № 76
23	Общего штампа с № 22.			2,75 г 21 *мм* ↑↙	
24			Справа и слева, у головы императора, — по точке.	2,88 г 23 *мм* ↑↘	Wr. XXXIII, № 11 (лиц. ст.)
25			Справа, у головы императора, — точка.	2,65 г 23 *мм* ↑↘	
26			Слева, под рукой императора, — две точки.	2,81 г 23 *мм* ↑↙	
27			Количество точек на лабаруме неясно, возможно три.	2,88 г 21 *мм* ↑↙	

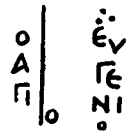
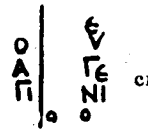
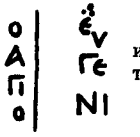
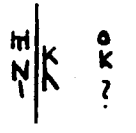
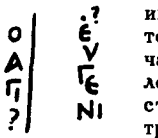
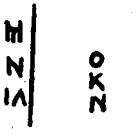
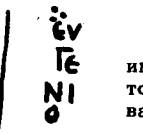
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
			Вторая группа		
28			Справа, над рукой императора и под нею, — по шестиконечной звезде.	2,83 г 21 *мм* ↑↙	
29			Справа, под рукой императора, — шестиконечная звезда.	2,90 г 21 *мм* ↑↙	
30			Справа, под рукой императора, — точка.	2,90 г 22 *мм* ↑↙	
31		Общего штампа с № 30.		2,90 г 21 *мм* ↑↙	Sab. LXVII. № 16(?)
32				2,89 г 22 *мм* ↑↙	
33				2,86 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 136
34				2,82 г 22 *мм* ↑↙	

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
35	Одной пары штемпелей с № 34			2,14 г 21 *мм* ↑↙	
36				2,88 г 21 *мм* ↑↙	
37			Слева от головы императора — точка	2,47 г 21 *мм* ↑↙	
38				2,84 г 22 *мм* ↑↙	
39				2,90 г 22 *мм* ↑↙	Pf. V, № 49 (лиц. ст.)
40			Общего штампа с № 39	2,58 г 21 *мм* ↑↙	
41				2,77 г 20 *мм* ↑↙	Pf. VI, № 52 (об. ст.) Ret. № 36 (об. ст.)
42			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,73 г 23 *мм* ↑↓	

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
43	Общего штампа с № 42		Слева от головы святого — точка.	2,92 г 23 *мм* ↑↙	
44	Общего штампа с № 42, 43		Слева от головы святого — точка.	2,79 г 22 *мм* ↑↘	
45			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,94 г 21 *мм* ↑↘	Pf. VI, № 54. (об. ст.) Wr. XXXIII, № 3 (об. ст.) Ret. № 49 (об. ст.)
46		Общего штампа с № 45.	Слева от головы императора — точка.	2,90 г 21 *мм* ↑↙	
47		Общего штампа с №№ 45, 46.	Слева от головы императора — точка.	2,81 г 22 *мм* ↑↙	
48			Слева от головы императора и святого — по точке. В начале второй половины легенды оборотной стороны, вероятно, три точки.	2,66 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 53 (лиц. ст.)
49			Слева от головы императора и святого — по точке. Слева, под рукой императора — 3	2,85 г 21 *мм* ↑↙	Wr. XXXIII, № 4 (лиц. ст.) Ret. № 54 (лиц. ст.)

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
50	Общего штампа с № 49		Слева от головы святого — точка.	27,40 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXIII, № 4 Ret. № 54
51			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,86 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXIII, № 5 (лиц. ст.) Ret. № 57 (лиц. ст.)
52[1]			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,79 г 22 *мм* ↑↙	Pf. VI, № 60 (об. ст.) Ret. № 58 (об. ст.)
53			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,85 г 21 *мм* ↑↙	Pf. IX, № 85 (об. ст.) Wr. XXXIII, № 9 (об. ст.)
54		Общего штампа с № 53.	Слева от головы императора и под рукой — по точке.	2,83 г 22 *мм* ↑↙	Pf. IX, № 85. Wr. XXXIII, № 9
55			Слева от головы императора и святого — по точке.	2,94 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 189
56			Слева от головы и под рукой императора — по точке. Справа, под рукой императора, — точка. Расположение точек на оборотной стороне неясно из-за дефектности штампа.	2,37 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 183 (лиц. ст.)

[1] Пробита.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
57			Слева от головы императора и святого — по точке. Слева, под рукой императора, — пятичастная розетка.	3,00 г 21 *мм* ↑↙	Pf. IX, № 90 (лиц. ст.) Ret. № 115
58			Слева, у головы императора и святого, — по точке. Справа, над рукой императора, — точка.	2,78 г 21 *мм* ↑↙	
59	Одной пары штемпелей с № 58.			2,83 г 22 *мм* ↑↙	
60			Слева от головы императора и святого — по точке. Справа, под рукой императора, — пять точек.	2,82 г 23 *мм* ↑↙	Wr. XXXIII, № 6. Ret. № 67

Иоанн II (1280—1297)

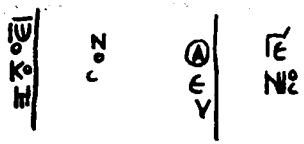
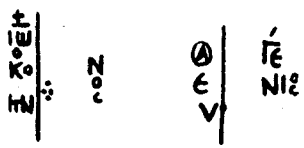
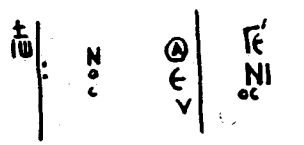
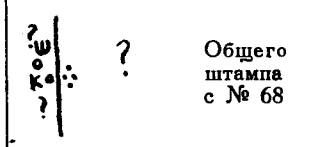
Первая группа

Дифференты: на лицевой стороне — голова орла, на оборотной — шестилучевая звезда

61[2]				2,65 г 22 *мм* ↑↙	Pf. III, № 24 (лиц. ст.) Ret. № 1 (лиц. ст.)
62	Общего штампа с № 61			2,53 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 1
63	Одной пары штемпелей с № 62			2,24 г 21 *мм* ↑↙	

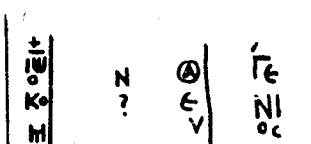
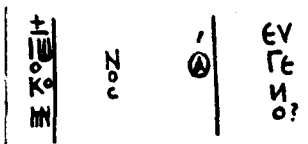
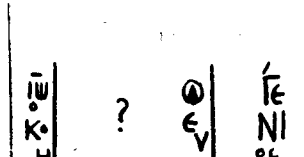
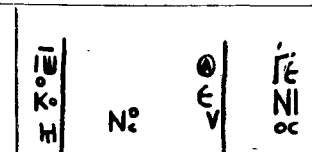
[2] На лицевой стороне негативный отпечаток края другой монеты.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
64[3]				2,73 г 25 *мм* ↑↙	
65			Одной пары штемпелей с № 64	2,63 г 24 *мм* ↑↙	
Дифференты: на лицевой стороне — голова орла, на оборотной — крест					
66				2,03 г 21 *мм* ↑↘	
67[4]			Общего штампа с № 66	2,31 г 21 *мм* ↑↙	
68				2,50 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 7 (об. ст.)
69			Общего штампа с № 68	2,79 г 21 *мм* ↑↙	

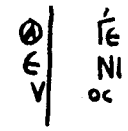
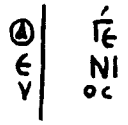
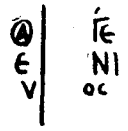
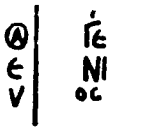
[3] Обломана.
[4] Дифферент на оборотной стороне отсутствует.

Продолжение

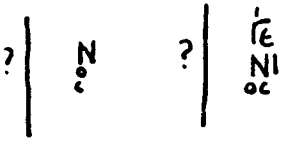
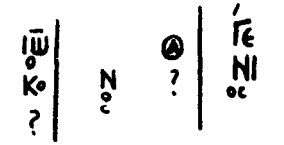
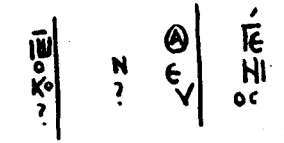
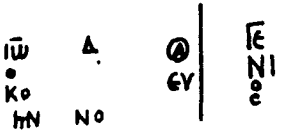
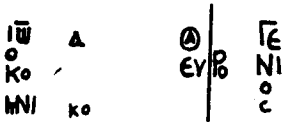
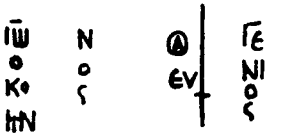
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
Дифференты: на лицевой стороне — голова орла, на оборотной дифферент отсутствует					
70				2,77 г 21 *мм* ↑↓	
71				2,69 г 21 *мм* ↑↙	
72			Общего штампа с № 71	2,47 г 22 *мм* ↑↙	
73[5]			Общего штампа с №№ 71, 72	2,66 г 22 *мм* ↑↙	
Без дифферентов					
74				2,28 г 21 *мм* ↑↙	
75				2,73 г 22 *мм* ↑↙	

[5] На оборотной стороне отпечаток края монеты. Монеты №№ 72—73 дают пример постепенного разрушения штемпеля лицевой стороны.

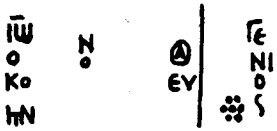
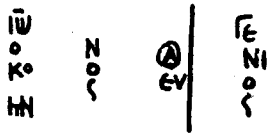
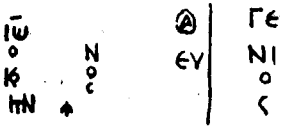
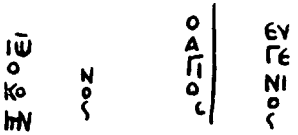
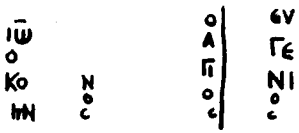
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
76	Общего штампа с № 75			2,60 г 23 *мм* ↑↙	
77	Общего штампа с №№ 75, 76			2,32 г 20 *мм* ↑↙	
78	Одной пары штемпелей с № 77			2,23 г 21 *мм* ↑↙	
79	Общего штампа с №№ 75—78			2,33 г 21 *мм* ↑↙	
80	Одной пары штемпелей с № 79			2,63 г 20 *мм* ↑↙	
81	Одной пары штемпелей с №№ 79—80			2,93 г 22 *мм* ↑↙	
82	Общего штампа с №№ 75—81			2,24 г 20 *мм* ↑↙	
83	Одной пары штемпелей с № 82			2,53 г 23 *мм* ↑↙	
84	Одной пары штемпелей с №№ 82—83			2,38 г 21 *мм* ↑↙	
85	Общего штампа с №№ 75—84			2,69 г 20 *мм* ↑↙	

Продолжение

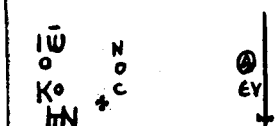
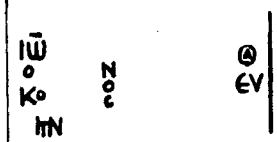
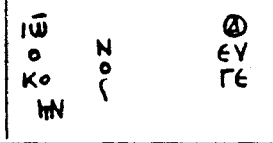
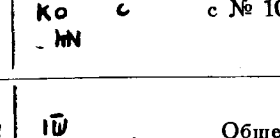
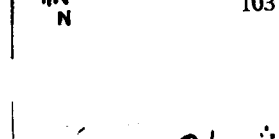
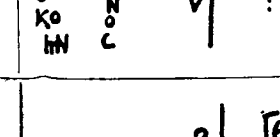
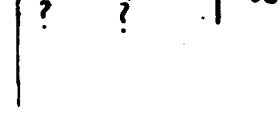
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
86				2,53 г 22 *мм* ↑↙	
87				2,68 г 22 *мм* ↑↘	
88				2,09 г 21 *мм* ↑↙	
89	Одной пары штемпелей с № 88			2,47 г 21 *мм* ↑↙	
	Вторая группа				
90				3,03 г 23 *мм* ↑↙	Ret. № 44 (лиц. ст.)
91				2,83 г 24 *мм* ↑↙	Ret. № 45 (лиц. ст.)
92				2,90 г 21 *мм* ↑↙	Wr. XXXVI, № 1 Ret. № 20

Продолжение

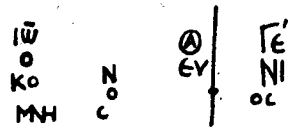
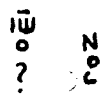
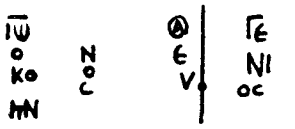
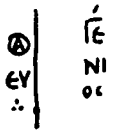
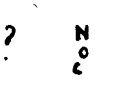
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
93				2,84 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 28 (?)
94[6]				2,78 г 25 *мм* ↑↙	Pf. I, № 10 Ret. № 21
95[7]				2,73 г 23 *мм* ↑↙	Pf. II, № 12 (?) Ret. № 56 (?)
96	Одной пары штемпелей с № 95			2,31 г 21 *мм* ↑↙	
97				2,71 г 23 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 14 (об. ст.) Ret. № 72 (об. ст.)
98				2,38 г 23 *мм* ↑↙	Pf. II, № 13 (об. ст.) Wr. XXXVI, № 10 (лиц. ст.)
99	Общего штампа с № 98			2,64 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 63 (об. ст.)

[6] Двойной удар штемпелей.
[7] Пробита.

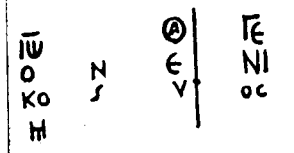
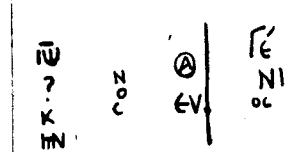
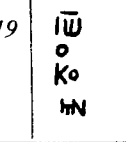
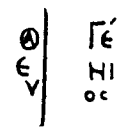
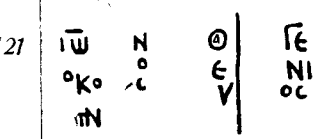
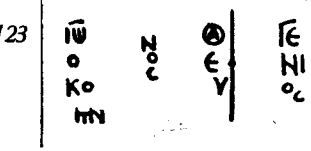
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
100				2,73 г 23 *мм* ↑↙	Wr. XXXVI, № 3 (лиц. ст.) Ret. № 65 (лиц. ст.)
101				2,85 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 77 (лиц. ст.)
102				2,73 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVI, № 4. Ret. № 71
103			Общего штампа с № 102	2,77 г 22 *мм* ↑↙	
104			Общего штампа с №№ 102—103	2,58 г 22 *мм* ↑↙	Wr. p. 262, № 16 Ret. № 67
	Третья группа				
105				2,87 г 23 *мм* ↑↙	Ret. 95 (лиц. ст.)
106				2,86 г 21 *мм* ↑↙	

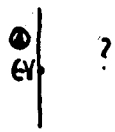
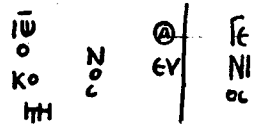
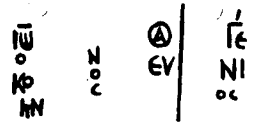
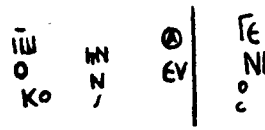
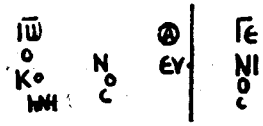
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
107				2,72 г 22 *мм* ↑↙	Blau. XLVII, № 5 (лиц. ст.) Ret. № 90 (лиц. ст.)
108		Общего штампа с № 107		2,83 г 22 *мм* ↑↙	
109				2,80 г 21 *мм* ↑↙	
110	Одной пары штемпелей с № 109			2,54 г 20 *мм* ↑↙	
111	Одной пары штемпелей с №№ 109—110			2,72 г 21 *мм* ↑↙	
112	Одной пары штемпелей с №№ 109—111			2,74 г 20 *мм* ↑↙	
113	Общего штампа с №№ 109—112			2,82 г 22 *мм* ↑↙	
114	Одной пары штемпелей с № 113			2,55 г 22 *мм* ↑↙	
115		Общего штампа с № 114		2,71 г 21 *мм* ↑↙	

Продолжение

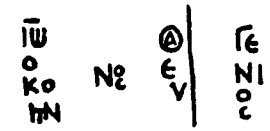
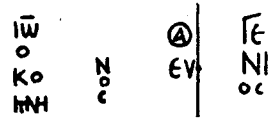
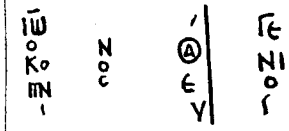
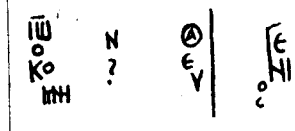
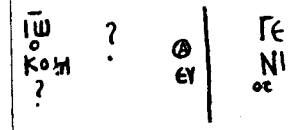
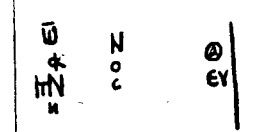
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
116				2,85 г 22 *мм* ↑↙	Pf. II, № 17. Ret. № 147
117	Одной пары штемпелей с № 116			2,65 г 21 *мм* ↑↙	
118				2,63 г 23 *мм* ↑↘	Ret. № 98 (?)
119		Общего штампа с № 118		2,67 г 21 *мм* ↑↙	
120	Общего штампа с № 119			2,59 г 21 *мм* ↑↙	
121				2,58 г 20 *мм* ↑↙	Pf. III, № 22. Ret. № 97
122	Одной пары штемпелей с № 121			2,85 г 21 *мм* ↑↙	
123				2,65 г 22 *мм* ↑↘	Pf. III, № 21 (лиц. ст.) Ret. № 100 (лиц. ст.)

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
124	Одной пары штемпелей с № 123			2,84 г 20 *мм* ↑↓	
125	Общего штампа с № 124			2,98 г 21 *мм* ↑↙	Pf. III, № 21. Ret. № 100
126				3,08 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 102 (об. ст.)
127	Очевидно общего, но исправленного штампа с № 126	Общего штампа с № 126		2,65 г 20 *мм* ↑↘	
128	Одной пары штемпелей с № 127			2,78 г 21 *мм* ↑↙	
129	Одной пары штемпелей с №№ 127—128			2,77 г 21 *мм* ↑↘	
130				2,83 г 21 *мм* ↑↙	
131 [8]				2,85 г 21 *мм* ↑↙	
132				3,43 г 21 *мм* ↑↙	Pf. II, № 20 (лиц. ст.) Ret. № 108 (лиц. ст.)

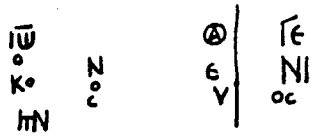
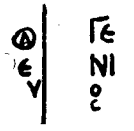
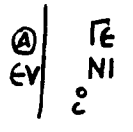
[8] Двойной удар штемпелей.

Продолжение

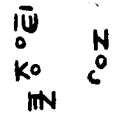
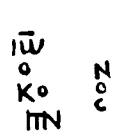
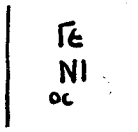
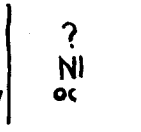
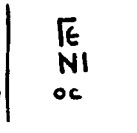
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
133 [9]				2,80 г 21 *мм* ↑↙	Blau. XLVII. № 7 Wr. XXXVII, № 16 Ret. № 140
134				2,73 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXV № 5 Ret. № 118
135 [10]	Общего штампа с № 134			2,43 г 22 *мм* ↑↙	
136				3,06 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVI, № 15 Ret. № 125(?)
137				2,83 г 23 *мм* ↑↙	
138				2,58 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 3 Ret. № 144
139				2,83 г 22 *мм* ↑↙	

[9] Без изображения ленты на оборотной стороне.
[10] Двойной удар штемпелей.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
140	Одной пары штемпелей с № 139			2,75 г 21 *мм* ↑↙	
141	Одной пары штемпелей с №№ 139—140			2,41 г 21 *мм* ↑↙	
142				2,87 г 22 *мм* ↑↙	Blau. XLVII №6, (лиц. ст.) Ret. № 128 (лиц. ст.)
143	Общего штампа с № 142			2,91 г 22 *мм* ↑↙	
144	Общего штампа с №№ 142—144			2,82 г 23 *мм* ↑↙	
145	Одной пары штемпелей с № 144			2,93 г 21 *мм* ↑↙	
146	Общего штампа с №№ 142—145			2,59 г 22 *мм* ↑↙	
147	Одной пары штемпелей с № 146			2,84 г 21 *мм* ↑↙	
148	Одной пары штемпелей с №№ 146—147			2,75 г 20 *мм* ↑↙	
149	Общего штампа с №№ 142—148			2,75 г 21 *мм* ↑↙	

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
150	Одной пары штемпелей с № 149			2,78 г 21 *мм* ↑↙	
151			Общего штампа с №№ 149—150	2,86 г 21 *мм* ↑↙	
152	Одной пары штемпелей с № 151			2,80 г 21 *мм* ↑↙	
153[11]	Одной пары штемпелей с №№ 151—152			2,78 г 23 *мм* ↑↙	
154				2,83 г 22 *мм* ↑↙	
155	Одной пары штемпелей с № 154			2,80 г 21 *мм* ↑↙	
156	Общего штампа с №№ 154—155?			2,93 г 21 *мм* ↑↙	
157	Общего штампа с №№ 154—156			2,63 г 23 *мм* ↑↙	
158	Общего штампа с №№ 154—157			2,70 г 22 *мм* ↑↙	

[11] Обломана.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
159	Общего штампа с №№ 154—158?	? / ЄV ГЄ NI oc		2,85 г 23 *мм* ↑↙	
160	Общего штампа с №№ 154—159	Ⓐ ? / ГЄ NI oc		2,92 г 22 *мм* ↑↙	
161	ĪЄ Ko ΠN N oc	Ⓐ ЄV / ГЄ NI oc		2,82 г 21 *мм* ↑↙	
162	Одной пары штемпелей с № 161			2,74 г 21 *мм* ↑↙	
163	Одной пары штемпелей с №№ 161—162 (?) [12]	Ⓐ ЄV / ГЄ NI oc		2,91 г 22 *мм* ↑↙	
164	ĪЄ Ko ΠN N ?	Ⓐ ЄV / ГЄ NI oc		2,74 г 21 *мм* ↑↙	
165	ĪЄ Ko ΠN N oc	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,79 г 22 *мм* ↑↙	

[12] Штемпель оборотной стороны подвергся исправлению или монета чеканена вторично другим штампом.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
166	ĪЄ Ko ΠN ?	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,71 г 23 *мм* ↑↙	
167	ĪЄ Ko ΠN N oc	Ⓐ Є V / Г′Є′ NI oc		2,66 г 22 *мм* ↑↙	
168	ĪЄ Ko ΠN N oc	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,47 г 22 *мм* ↑↙	
169	ĪЄ Ko ΠN N oc	Общего штампа с № 168		2,62 г 22 *мм* ↑↙	
170 [13]	ĪЄ Ko ΠN N oc	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,57 г 21 *мм* ↑↙	Ret. № 142 (лиц. ст.)
171	Общего штампа с № 170	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,78 г 23 *мм* ↑↙	
172	Общего штампа с №№ 170—171	Ⓐ Є V / ГЄ NI oc		2,79 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 2 (об. ст.)

[13] Двойной удар штемпелей.

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
173	IC XC NIKA		Общего штампа с № 172	2,65 г 21 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 2
174	Общего штампа с № 173			2,53 г 22 *мм* ↑↙	
175	Одной пары штемпелей с № 174			2,66 г 23 *мм* ↑↙	
176	Общего штампа с №№ 173—175			2,83 г 22 *мм* ↑↙	
177	Общего штампа с №№ 173—176			2,65 г 21 *мм* ↑↙	
178	Общего штампа с №№ 173—177			2,84 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 1 (об. ст.)
179	Одной пары штемпелей с № 178			2,85 г 23 *мм* ↑↙	
180	IC XC NIKA			2,76 г 22 *мм* ↑↙	Wr. XXXVII, № 1 (лиц. ст.)
181	Одной пары штемпелей с № 180			2,68 г 21 *мм* ↑↙	
182	Общего штампа с №№ 180—181			2,63 г 20 *мм* ↑↙	

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
183[14]	IC XC NIKA			2,29 г 20 *мм* ↑↙	
184	Одной пары штемпелей с № 183			2,46 г 22 *мм* ↑↙	
185	IC ? KA			2,76 г 20 *мм* ↑↙	

Иоанн II и Алексей II (до 1297 г.)

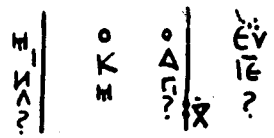
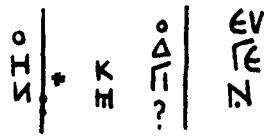
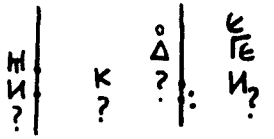
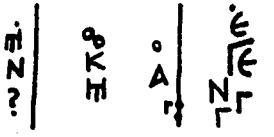
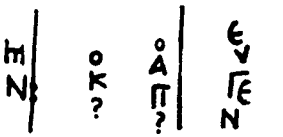
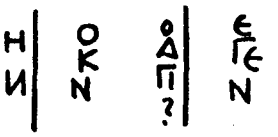
186	KE AΛEΞIOC			2,60 г 23 *мм* ↑↓	Ret. № 2

Кирманеули, чеканенные по типу аспров Мануила I

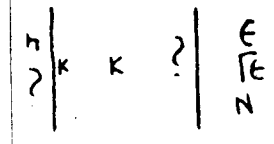
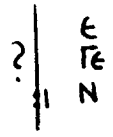
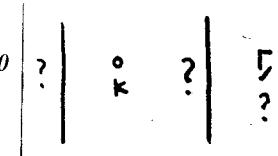
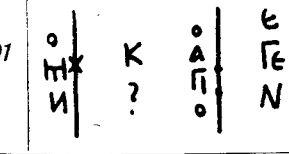
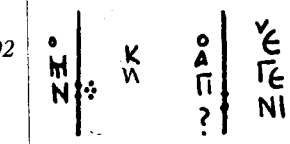
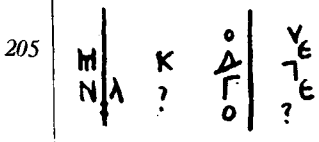
187	OKI			2,47 г 23 *мм* ↑↘	
188	OKKO			2,57 г 23 *мм* ↑↖	
189	OKE		Справа, у плеча императора, — три точки.	2,80 г 22 *мм* ↑↙	

[14] Отпечаток края другой монеты.

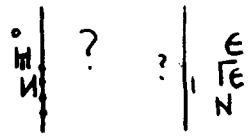
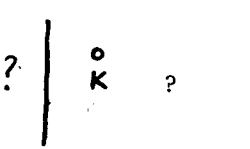
Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
190			Справа, под рукой императора и над ней, — по точке.	2,48 г 21 *мм* ↑↖	
191	Одной пары штемпелей с № 190			2,03 г 20 *мм* ↑↙	
192			Перечеканена из монеты с арабской легендой.	2,45 г 22 *мм* ↑↙	Ret. № 199 (лиц. ст.)
193				2,29 г 22 *мм* ↑↘	
194				2,44 г 22 *мм* ↑↙	
195				2,32 г 22 *мм* ↑↘	
196				2,39 г 22 *мм* ↑↘	

Продолжение

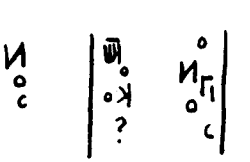
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
197				2,45 г 23 *мм* ↑↙	
198	Одной пары штемпелей с № 197			2,46 г 23 *мм* ↑↙	
199	?		Справа, под рукой императора, — 4 точки	2,21 г 23 *мм* ↑↙	
200			Перечеканена из хулагуидского дирхема	2,31 г 22 *мм* ↑↘	
201				2,81 г 23 *мм* ↑→	Wr. XXXIII, № 7
202			Перечеканена из хулагуидского дирхема	2,35 г 22 *мм* ↑↙	
203	Одной пары штемпелей с № 202			2,48 г 23 *мм* ↑↖	
204	Одной пары штемпелей с №№ 202—203		Перечеканена из монеты с арабской легендой	2,65 г 21 *мм* ↑↘	
205			Слева, у головы императора, — точка; справа, над рукой императора — 4 точки. Перечеканена из монеты с арабской легендой	2,23 г 21 *мм* ↑↗	

Продолжение

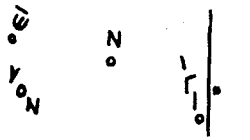
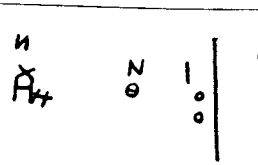
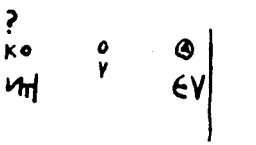
№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
206			Справа, под рукой императора, — 4 точки.	2,24 *г* 22 *мм* ↑↖	
207			Перечеканена из дирхема Аргуна (1284—1291)	2,25 *г* 23 *мм* ↑↘	

Кирманеули, чеканенные по типу аспров Иоанна II

Дифференты: голова орла — звезда

208				2,50 *г* 20 *мм* ↑↘	

Без дифферентов

209				2,41 *г* 22 *мм* ↑←	
210				2,29 *г* 23 *мм* ↓	
211				2,50 *г* 22 *мм* ↑↙	
212	Грузинская Давида Нарина и Улу Давида, рубеж 1261—1262 гг.			2,62 *г* 23 *мм* ↑↗	Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, № 90

Продолжение

№	Легенда: Лицевая сторона	Легенда: Оборотная сторона	Добавочные изображения	Вес, диаметр, соотношение осей	Литература
213	То же, лиц. ст. общего штампа с № 212			2,88 *г* 21 *мм* ↑↗	
214	Сельджуки Рума. Чеканена в Конии при Кай-Кубау ибн Кай-Хосроу в 630 (?) г. х. (1232/1233 н. э.)			2,51 *г* 21 *мм* ↑↘	Cat. Brit. Mus. Orient. Coins. III № 169?
215	Грузино-хулагуидский дирхем. Чеканен в Тифлисе при Абаге в 680 (?) г. х. (1281/1282 г. н. э.)			2,44 *г* 23 *мм* ↑↖	Д. Г. Капанадзе. Ук. соч., № 104.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ НАХОДОК ТРАПЕЗУНДСКИХ МОНЕТ И КИРМАНЕУЛИ НА КАВКАЗЕ

Западная Грузия

Абхазская АССР

1. В с. Мажа (Сухумский район), серебряные „кирманеули". Пахомов, I № 485 *.

2. Там же, в 1929 г., аспр Мануила I и Иоанна II. Пахомов, IV, стр. 98, прим. к № 485.

3. В с. Беслети (Сухумский район), в 1929 г., в кладке древнего храма два кирманеули, чеканенные по типу аспров Иоанна II. Пахомов, IV, № 1173.

4. Там же, в 1951 г., — аспр Мануила I. Сообщение Д. Г. Капанадзе.

5. На юго-восточном берегу Сухумской бухты, около 1885 г., при строительных работах — серебряные монеты, по определению А. В. Орешникова, относящиеся ко времени Комнинов (трапезундских?). Материалы по археологии Кавказа, т. II, 1889, стр. 22.34. Пахомов, II, № 486.

6. В Сухуми, у „замка Баграта"; клад из нескольких сот кирманеули, чеканенных по типу аспров Иоанна II. В кладе находилась также монета Вамека Дадиани

---

* Здесь и далее: Пахомов I=Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и Закавказья. „Труды общества обследования и изучения Азербайджана", вып. 3. Баку, 1926; Пахомов II=Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, вып. II. „Труды Института истории, языка и литературы АН Аз. ССР", том II/41. Баку, 1938; Пахомов III=Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. III. Баку, 1940; Пахомов IV=Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. IV. Баку, 1949; Пахомов V=Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. V. Баку. 1949; Пахомов VI=Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VI. Баку. 1954; Пахомов VII=Е. А. Пахомов. Монетные клады..., вып. VII. Баку, 1957.

(1384—1396). Оттиски с 13 кирманеули осмотрел Е. А. Пахомов; все они имели изображение шестиконечной звезды, у 7 монет корона императора обычная (стемма), у 6 — тройчатая. Монеты сильно деградированные. Пахомов, II, № 483.

7. В Сухуми, на территории „военного городка", в 1886 г.; монета одного из Комнинов Трапезунда. „Изв. Абхазского научн. общества", IV, 1926, стр. 94, 100; Пахомов, II, № 482.

8. В районе Сухуми, в 1928 или 1929 г.; аспр Иоанна II. Сообщение Д. Г. Капанадзе.

9. В районе с. Цебельда (Гульрипшинский район), в 1945 г.; кирманеули, чеканенный по типу аспра Иоанна II. Сообщение Д. Г. Капанадзе.

10 В с. Тамиш (Очамчирский район), на берегу моря, в 1928 или 1929 г.; клад кирманеули. Пахомов, V, № 1466.

11. В Очамчири (Очамчирский район), при земляных работах на глубине 0,5 *м*, в 1940 г.; найден кувшин с 291 целым и 42 обломками кирманеули, чеканенных по типу аспров Иоанна II. Пахомов IV, № 1175; Пахомов V, № 1467 (повторно).

Кутаисская область

12. Близ Цхемской церкви (Зугдидский район), в 1876 г.; найден глиняный кувшин: 114 византийских (кирманеули — по мнению Е. А. Пахомова) и до 400 турецких (sic!) монет. „Известия Общества любителей кавказской археологии", I, стр. 26, 30; Пахомов II, № 487.

13. Близ с. Амболаури (Амболаурский район); клад древних вещей и монет весом около 26 фунтов. Примерно половина монет — иранские серебряные Аббаса (1587—1628). Остальные мелкие монетки с искаженными арабскими надписями (имеретинские второй половины XVI в.; ср. Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955, стр. 118) и „десятка два" сильно искаженных кирманеули, почти все пробитые. Пахомов, ОАК. 1909—10 стр. 216, 257, I, № 195.

14. В Кутаиси, в обмелевшем русле р. Риони, у католической церкви; несколько медных грузинских монет Русудан (1227 г.), обломок другой какой-то грузинской монеты и несколько трапезундских аспров и кирманеули. Всего 10 монет. (Едва ли единый комплекс. — *К. Г.*). Пахомов, III, № 846.

15. В Кутаиси, на берегу р. Риони, в 1936 г.; кирманеули, чеканенный по типу аспра Иоанна II. Пахомов, III, № 848.

16. В Кутаиси, в 1895 г.; клад: около 500 серебряных турецких, иранских и трапезундских монет XVI—XVII вв. (sic!) ОАК, 1895, стр. 67, 189; Пахомов, I, № 193.

17. В с. Копитнари (Самтредский район), в 1907 г.; клад серебряных монет, в числе которых были: трапезундские: Мануила I, Иоанна II, Мануила III (1390—1417) и Алексея IV (1417—1447) — всего 15 экземпляров; кирманеули, чеканенные по типу аспров Иоанна II, — 633 экземпляра; болгарская XII—XIV вв. — 1 экземпляр. Кирманеули этого клада очень деградированы, большинство пробито. Пахомов, I, № 166; Т. Я. Абрамишвили. Западногрузинские монеты..., стр. 18—19.

18. Близ с. Шаумта (Ванский район), в 1940 г.; аспр Иоанна II. Пахомов, IV, № 1171.

19. В с. Тобаниери (Ванский район); клад монет. Публикуется в настоящей статье.

20. Близ с. Саирме (Маяковский район), в 1939 г.; кирманеули, чеканенный по типу аспра Иоанна II. Пахомов, IV, № 1174.

21. В с. Патара Джихаиши (Цулукидзевский район), в 1894 г.; клад, примерно, из 500 серебряных монет, среди которых турецкие (1520—1617), иранские (1524—1574), кирманеули, трапезундские Иоанна III (1342—1344). Пахомов, VII, № 1836.

22. Близ с. Тузи (Тержольский район), в 1948 г.; клад серебряных монет, 25 экземпляров передано в ГМГ, из них 3 трапезундских аспра, остальные сельджукские дирхемы 1226—1264/6 гг. Пахомов, VI, № 1609; СА, № 2, 1958, стр. 207 сл.

23. В с. Чомби (Ткибульский район), в 1910 г.; клад кирманеули, чеканенных по типу аспров Иоанна II, 14 экземпляров в ГМГ. Сообщение Д. Г. Капанадзе.

24. На окраине Чиатури (Чиатурский район), в 1932 г.; аспр Иоанна II. Пахомов, II, № 484.

25. В Кутаисском уезде, в 1908 г.; клад трапезундских аспров Иоанна I (sic?) и Мануила I. Е. А. Пахомов осмотрел ок. 50 экземпляров. Пахомов, I, № 142.

Аджарская АССР

26. В Цихисцзири (Кобулетский район), в 1954 г.; 2 кирманеули, чеканенные по типу аспров Иоанна II (у одного экземпляра корона императора—стемма, у другого — тройчатая, табл. IX, №№ в, с, вес соответственно 2,12 *г* и 1,51 *г*). Приобретено ГМИИ.

Восточная Грузия (Тбилисская область)

27. Близ монастыря Вардзия (Аспиндзский район); аспр Мануила I. Пахомов, III, № 847.

28*. В Ахалцихском районе, в 1900 г.; клад кирманеули. Е. А. Пахомовым осмотрено ок. 20 экземпляров. Пахомов, I, № 143.

29. В с. Али (Хашурский район); в 1925 г.; клад из 480 серебряных монет конца XIII — конца XIV в. Клад состоял из грузинских, джучидских, джелаиридских монет и одного трапезундского аспра. Пахомов, II, № 479.

30. В Горийском районе, в 1900 г.; клад золотоордынских, грузинских монет и кирманеули. Сообщение Д. Г. Капанадзе.

31. В с. Атоци (Карельский район), в 1951 или 1952 г.; аспр Алексея IV (1417—1447). Сообщение Д. Г. Капанадзе.

32. В Душетском районе; клад из 960 серебряных монет. Из этого клада известны четыре монеты: одна грузинская XIV—XV вв., две золотоордынские Токтомыша (1 экземпляр 1389/90 г.) и один кирманеули, чеканенный по типу аспра Иоанна II. Пахомов, I, № 169.

33. В Тбилиси, в 1858 г., при строительных работах; клад из 21 серебряной монеты: 1—сельджукская 1244/5 г.; 2—8—„кааники II типа" 1269—1279 г.; 9—12—грузино-хулагуидские дирхемы Абаги 1281—1283 гг.; 13—21 аспры или кирманеули с именем Мануила I (3 экземпляра) и Иоанна II (6 экземпляров). Пахомов, II, № 445.

34. Близ крепости Биртвиси (Тетрицкоройский район) и где-то в Кутаисской области, в начале XIX в.; два кирманеули, чеканенные по типу аспров Иоанна II. М. П. Баратаев. Нумизматические факты Грузинского царства. СПб., 1844, II отд., стр. 44, табл. I, №№ с, д; Пахомов, I, № 145.

35. Близ крепости Лори (Болнисский район), в 1830—1832 гг.; клад из 2430 серебряных монет. Из 1193 осмотренных экземпляров 503 оказались мусульманскими различных династий от 1343 до 1426 г. и 690 византийских (трапезундских, по мнению Е. А. Пахомова). Пахомов I, № 165.

РСФСР

Адыгейская авт. область

36. Близ станицы Ярославской, в 1895 г., при раскопках Поплавского кургана; в числе других вещей найден пробитый трапезундский аспр конца XIV — начала XV в. ОАК, 1895, стр. 62, 162, 170. Пахомов, III, № 849.

* № 27—28, безусловно, примыкают к западногрузинским находкам и их принадлежность Восточной Грузии чисто формальна.

Армянская ССР

37. В окрестностях села Советашен (Ереванский район), в 1938 г.; клад из 72 серебряных монет последних трапезундских императоров. Попытку Е. А. Пахомова видеть в этих поздних небрежно выполненных монетах западногрузинские подражания едва ли можно признать удачной. Пахомов IV, № 1176.

38. В с. Кош (Аштаракский район), в 1934 г.; клад серебряных монет, состоящий из 61 монеты различных мусульманских династий XV в. и 4 аспров Мануила III (1390—1417). Пахомов, III, № 872.

Азербайджанская ССР

30. В с. Агдаша (Агдашский район), в 1935 г.; клад из 195 серебряных монет, 123 экземпляра — „кааники II типа"; 55 экземпляров — грузино-хулагуидские тифлисской чеканки и 1 аспр Иоанна II. Крайние даты клада (без трапезундской) 1254/5—1287/8 гг. Пахомов, III, № 854.

40. При раскопках в Мингечауре (граница Евлахского и Халданского районов), в 1950 г.; медная позднетрапезундская монета типа: W. Wroth. Catalogue of the coins..., p. 305, pl. XLI, №№ 15—17. Е. А. Пахомов. Монеты Мингечаура. Сб. „Материальная культура Азербайджана", II. Баку, 1951, стр. 160—161, № 21.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ГРИГОРИЙ КАМАТИР И ЕГО ПЕЧАТЬ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

В составе византийской коллекции Гос. Эрмитажа в Ленинграде хранится огромное число подвесных свинцовых печатей-моливдовулов — их насчитывается свыше 11 тыс.

Исследованию моливдовулов посвящена значительная литература, но обычно работа над ними ограничивается ознакомлением с техникой их изготовления, установлением различных типов печатей, изучением изображений, эпиграфических особенностей и т. д.

Между тем моливдовулы имеют одну особенность, которая дает возможность привлечь их к изучению некоторых аспектов византийской истории. Дело в том, что на многих печатях обозначены имена, а часто и чины и звания их владельцев. Это обстоятельство тем более важно, что, как известно, византийские памятники материальной культуры в противоположность, например, восточным изделиям, весьма редко указывают имя мастера или обладателя вещи. Путем сопоставления сведений, представленных в легендах моливдовулов, с данными других источников, удается иногда сделать наблюдения, интересные для характеристики как самих владельцев печатей, так и той общественной среды, в которой они жили.

Ценный и интересный в этом плане материал можно почерпнуть из византийской литературы. Обращение к ней не будет случайным, ибо многие из тех, имена которых начертаны на моливдовулах, встречаются либо как непосредственные авторы произведений, написанных в том или ином литературном жанре, либо выступают в качестве лиц, которым посвящают свои сочинения византийские историки и хронисты, философы и астрономы, поэты и сатирики.

Первым опытом такой работы и является настоящая статья, касающаяся одной печати эрмитажного собрания (М-8040), некогда приобретенной покойным академиком Н. П. Лихачевым вместе с другими моливдовулами, найденными в Турции.

Описание печати с указанием работ, относящихся к выяснению рода Каматиров, дано в большой, пока не опубликованной работе Н. П. Лихачева „Моливдовулы греческого Востока"[1]:

„Печать небольшой величины — 21 мм, на тонкой пластинке, очень хорошей сохранности. С одной стороны — поясное изображение „Бого-

---

[1] По инициативе Института истории материальной культуры АН СССР работа готовится к изданию научными сотрудниками Гос. Эрмитажа А. В. Банк и В. С. Шандровской.

родицы" типа „Знамение", с диском на груди, в диске — погрудное изображение Эммануила в крещатом нимбе. Титла $\overline{\text{МР}}$—$\overline{\text{ΘΥ}}$. С другой стороны, в кругу из точек — отчетливая надпись в четырех строках: ΘΚΕΒΘ/ΓΡΙΓΟΡΙ/ΟΤΩΚΑΜΑ/ΤΗΡΩ, т. е. Θεοτόκε βοήθει Γρηγορίῳ τῷ Καματηρῷ"

Стиль печати и палеографические данные, по мнению Н. П. Лихачева, позволяют датировать моливдовул первой половиной XII в. Чтение и датировка ученого не вызывают возражений. Быть может, следует присовокупить к этому только то, что и тип изображения богоматери на нашей печати также подтверждает эту датировку. Напомним, что — как указывали и сам Н. П. Лихачев[2] и Н. П. Кондаков[3],

а

б

Рис. 1. Печать Григория Каматира из собрания Эрмитажа

а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

а на нумизматическом материале и И. И. Толстой[4] — этот тип „Знамения" хронологически ограничен. „На основании свидетельства монет и печатей мы должны принимать как факт прославление особого иконного перевода (т. е. иконографического типа. — *В. Ш.*), получившего у нас имя „Знамения Божьей Матери" в пределах исключительно XI и XII столетий"[5].

Таким образом, внешние признаки печати дают определенную хронологическую дату — XII в.

Теперь предстоит выяснить, кем был и что представлял собой владелец печати Григорий Каматир.

О знаменитом феодальном роде Каматиров, игравшем большую роль в жизни византийской империи времени правления династии Комнинов (1081—1185), не раз упоминают византийские источники. Не ставя своей целью изучить генеалогию этого рода и не стремясь к полному перечню

[2] Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. СПб., 1911, стр. 84.

[3] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 105 сл.

[4] И. И. Толстой. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской божьей матери. — „Записки Русского археологического общества", новая серия, т. III, 1888, стр. 1—20.

[5] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 108. Ср. описание печати севаста Константина Ксира. См. А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв. — МИА, № 34, 1953, стр. 296.

членов знатной фамилии[6], назову лишь некоторых из них, занимавших высокие посты в империи. Так, например, Андроник Каматир — высший государственный чиновник; Иоанн, сын Андроника, — логофет дрома, Василий и Иоанн — патриархи в Константинополе, Епифаний Каматир — проедр и эпарх[7].

Имя Григория Каматира встречается в источниках: 1) как имя секретаря Алексея Комнина, а при Иоанне Комнине — логофета и протосикрита[8]; 2) как имя претора или протопретора Пелопоннеса и Эллады, известное в сигиллографии[9], и 3) как имя сына Василия Каматира, о чем упоминается в одном из источников 1088 г[10]. Шлюмберже считает, что Григорий, претор Пелопоннеса и Эллады, отличен от Григория Каматира, о котором упоминает Никита Хониат[11]. Вопреки ему для Н. Вейса тождество всех трех имен несомненно[12]. По мнению Лорана, суждение Вейса лишено каких-либо доказательств[13]. Сам Лоран говорит о существовании двух различных лиц: о Григории, секретаре императора Алексея, и о другом Григории, преторе фемы Пелопоннеса и Эллады.

Большой интерес вызывает тот факт, что члены рода Каматиров выступают то в качестве покровителей отдельных писателей и поэтов (например, Иоанна Цеца и Феодора Продрома), то сами являются авто-

[6] V. Laurent. Un sceau inédit du protonotaire Basile Kamatéros. — Byz., vol. VI, 1931, p. 261—271; G. Stadtmüller. Zur Geschichte der Familiae Kamateres. — BZ, Bd. XXXIV, 1934, S. 352—358.

[7] Один из экземпляров печати Епифания также хранится в эрмитажной коллекции, где числится под номером М — 8042 (воспроизведена у Лихачева на табл. LXXIII, № 14). „Печать (средней сохранности) большой величины — 30—32 мм, на толстой пластинке. С одной стороны — изображение „Божьей матери" в рост. Судя по положению рук (очертания стерты), „Богоматерь" держит перед грудью диск с Эммануилом. Титла $\overline{\text{МР}}$ — $\overline{\text{ΘΥ}}$. С другой стороны, в кругу из точек — надпись в семь строк. Некоторые буквы неотчетливы:

— + —	т. е.
ЕПАРХОС	ἔπαρχος
ЕКСҮΣΠРО	ἐκ σοῦ καὶ
ЕΔРОСΠАР	πρόεδρος
ΘЕNЕЕΠΙΦΑ	παρθένε
NΙΟСКАМА	ἐπιφάνειος
ΤΗРОСΟΝ	καματηρὸς
СКЕΠΟΙС	ὂν σκέποις

— ※ —

Печать Афинского музея, прекрасной сохранности, с такой же написанной ямбическим триметром стихотворной надписью, была опубликована К. М. Константопулосом в „Journal international d'Archéologie numismatique", vol. VI, 1903, p. 334, № 345. Датирована XI—XII вв.

Кроме того, Н. Вейс (BB, т. XXI, 1914, стр. 219) считает, что эту же надпись содержит моливдовул, изданный Г. Шлюмберже (G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 629, 3).

Что касается личности самого Епифания Каматира, то Н. Вейс отождествляет его с Епифанием, анфипатом фемы Эллады и Пелопоннеса, упоминаемым в житии св. Мелетия. Против мнения Вейса выступает Лоран (ук. соч., стр. 264).

[8] У Анны Комнины, Никиты Хониата и Феофилакта; ср. печать, изданную А. Мордтманом и Г. Шлюмберже (A. Mordtmann. Sur les sceaux et plombs byzantins. Constantinople, 1873, p. 59—60, № 39; G. Schlumberger. Op. cit., p. 628).

[9] G. Schlumberger. Mélanges d'Archéologie Byzantine. Paris, 1895, p. 199—200, № 1 и p. 224, № 45. G. Schlumberger. Sceaux Byzantins inédits, № 1, 45; K. M. Konstantopoulos. Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα — JIAN, vol. V, 1902, p. 200, № 94, 94a; N. Bees. Zur Sigillographie der Byzantinischen Themen Peloponnes und Hellas. — BB, т. XXI, 1914, стр. 217—218.

[10] MM, VI, S. 50.

[11] G. Schlumberger. Mélanges. . ., p. 199f, 224f.

[12] BB, т. XXI, 1914, стр. 219.

[13] См. V. Laurent. Op. cit., p. 264—266.

а б

Рис. 1. Печать Григория Каматира из собрания Эрмитажа

а) лицевая сторона; б) оборотная сторона

рами различных сочинений. Иоанн Каматир, имеющий звание ἐπὶ τοῦ κανικλέου, позднее архиепископ Болгарии, оставил астрологическое произведение „Περὶ ζωδιακοῦ κύκλου καὶ τῶν ἄλλων ἁπάντων τῶν ἐν τῷ οὐρανῷ", написанное ямбическим триметром и посвященное императору Мануилу Комнину[14]. Другому Иоанну Каматиру, Константинопольскому патриарху, принадлежит ряд полемических сочинений[15]. Андроник Каматир — автор „Ἱερὰ Ὁπλοθήκη"[16].

Порой, однако, Каматиры становятся адресатами, которым посвящают свои речи, письма, произведения известные и анонимные авторы. Так, в адрес патриарха Иоанна направлена панегирическая речь Никифора Хрисоверга[17]. В экскуриальском кодексе Y—II—10 (XIII в.), который по содержанию является неисчерпаемым источником для литературной, церковной, политической и придворной истории Византии, имеются речи, обращенные к великому друнгарию Андронику и патриарху Василию Каматирам. Византийский историк Никита Хониат[18] оставил подробное описание жизни императрицы Евфросиньи, супруги Алексея III, происходящей из рода Каматиров. Протоновелиссиму Михаилу Каматиру адресовано письмо Михаила Италика: „Εἰς τὸν Καματηρὸν κύριον Μιχαήλ, τὸν τοῦ κυρίου Ῥωμανοῦ υἱόν[19].

Что касается интересующего нас Григория Каматира, то ему посвящены два произведения известного поэта XII в. Николая Калликла и монодия Феодора Продрома; Григорию писал свои письма болгарский архиепископ Феофилакт.

Надгробная эпиграмма Н. Калликла „Εἰς τὸν τάφον τοῦ Καματηροῦ λογοθέτου" („На смерть логофета Каматира") — стихотворное произведение, состоящее из 31 стиха. В 1903 г. оно было издано крупным польским филологом Стернбахом в сборнике „Nicolai Calliclis Carmina"[20]. Стихотворение, составленное в форме плача супруги Григория Ирины, происходящей из рода Дук, над прахом ее любимого, — стихотворение нежное, полное образных сравнений с живой природой — рисует скорбь верной жены и любящей матери, потерявшей сына незадолго до смерти мужа:

„συνῆψα πένθει πένθος ἀρχαῖον νέῳ
τῷ πυρὶ πῦρ προσῆξα, τῇ φλογὶ φλόγα
ὀστοῖς πατρὸς συνῆψα παιδὸς ὀστέα" (ст. 21—23).
(„С новой скорбью я связала скорбь прежнюю,
я приблизила огонь к огню, пламя к пламени,
с костями отца кости сына соединила я").

Смерть Григория, по словам Ирины, устами которой говорит поэт, была для всех большим горем:

„Αἴ, αἴ, σεβαστέ! σοῦ κρυβέντος ἐν τάφῳ
ἤνθησε πένθους δένδρον ἐν Βυζαντίδι,

[14] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2 Aufl. München, 1897, S. 760 f.; E. Miller. Poèmes astronomiques de Théodore Prodrome et de Jean Camatère. — „Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques", vol. XXIII, part II. Paris, 1872, p. 40 sq.
[15] K. Krumbacher. Op. cit., S. 92—93.
[16] Ibid., S. 90.
[17] Ibid., S. 470.
[18] Nicetas Choniates. Imperii Alexii Comneni fratris Isaacii Angeli, lib. I—III, ed. Bonn., 1835.
[19] M. Treu. Michael Italikos. — BZ, Bd. IV, 1895, S. 10 f. О печати протоновелиссима Михаила Каматира см. V. Laurent. Documents de sigillographie Byzantine. La Collection C. Orghidan. Paris, 1952, p. 59—60, № 96.
[20] Nicolai Calliclis Carmina, ed. Leo Sternbach. Cracoviae. 1903, p. 21, XXI.

ἤνεγκε καρπόν, ἀλλὰ καρπὸν πικρίας·
ὁ βασιλεὺς ἔφαγε τοῦ καρποῦ πλέον,
ἔφαγεν ἡ σύγκλητος Αὐσόνων ὅλη,
ἡ σύνοδος μετέσχεν, ἦλθεν εἰς κόρον·
Βαβαί, τί τοῦτο; καὶ φαγόντων μυρίων
ἐμοὶ τὸ δένδρον πλῆρες εὑρέθη πάλιν" (ст. 12—19).
(„Увы, увы, севаст, тебе, сокрывшемуся в могиле!
Расцвело древо траура в Византии,
принесло плод, но плод горечи...
Царь вкусил большую часть плода,
весь синклит вкушал,
синод принял участие — пресытился...
Увы, что же это?! В то время, как тысячи вкушали
я снова нашла древо полным [плодов горечи]").

К Григорию Каматиру относится и второе стихотворение Н. Калликла в 19 строк, написанное в виде молитвенного обращения логофета и его супруги к Христу: „Εἰς τὸν Χριστὸν ἱστάμενον ἐπὶ τῷ τάφῳ ὡς ἐκ προσώπου ἀμφοτέρων τοῦ τε λογοθέτου καὶ τῆς συμβίου αὐτοῦ κυρᾶς Εἰρήνης μετὰ μοναχικοῦ σχήματος ἱσταμένων"[21].

Перу другого интересного поэта XII в. — Феодору Продрому — принадлежит траурная речь в честь Григория, озаглавленная: „Μονῳδία εἰς τὸν σεβαστὸν καὶ λογοθέτην κυρὸν Γρηγόριον τὸν Καματηρόν". Известная по рукописям Ватикана № 305[22] и № 466[23], монодия была издана А. Мажури (A. Majuri) в 1908 г.[24]

Эта монодия дает яркое представление о характере подобных надгробных речей, раскрывающих, пожалуй, прежде всего образ самого составителя, а затем уже рисующих облик и деятельность того человека, в память которого торжественно и скорбно звучит прощальное слово.

Монодия начинается риторическим вопросом, обращенным к собравшимся по поводу кончины севаста и логофета Григория Каматира: „Τίνι, ὦ παρόντες, ἐργασαίμην προτέρῳ τὴν μονῳδίαν καὶ τίνι χαρισαίμην δευτέρῳ τὸν θρῆνον; πότερον κειμένῳ τῷ σοφῷ λογοθέτῃ τὸ δάκρυον ἐπομβρήσομαι, ἢ πολὺ πρότερον ἀνατετραμμένην τὴν πολιτείαν οἰμώξομαι"; — p. 528 (17—20).

(„О, присутствующие, для кого прежде составить монодию и кому затем посвятить плач? Ради кого пролить слезы: ради лежащего [в гробу] мудрого логофета, либо оплакивать ниспровергнутое задолго до него государство?")[25].

Сравнивая Каматира — „величайшего севаста" — с золотым жезлом, подпирающим попавшее в трудное положение государство (ῥάβδῳ χρυσῇ ἐῴκεις, μέγιστε σεβαστέ, τὸ πεπονηκὸς ὑπερείδων τῆς πολιτείας) — p. 528 (22—23), Ф. Продром вопрошает: „Τίνα τοίνυν πρῶτον ἀ‹ποδυρ›τέον; τὴν ἤδη κατεαγεῖσαν ῥᾴβδον, τὸν λογοθέτην, ἢ τὴν κατὰ γῆς οἰκτρῶς βεβλημένην γραῖδα, τὴν πολιτείαν;" — p. 529 (7—9). („Кого оплакивать раньше: уже разбитый жезл — логофета, или же упавшую на землю старуху — государство?").

[21] Nicolai Calliclis Carmina, p. 20, XIX.
[22] I. Mercati et P. Franchi de Cavalieri, t. I. Rome, 1923.
[23] E. Feron et F. Battaglini. Codices mss. Graeci Ottoboniani Bibliothecae Vaticanae. Rome, 1893, p. 259.
[24] Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Cl. di Scienze morali, storiche e filologiche, ser. V, vol. XVII. Roma, 1908, p. 528—535.
[25] Пользуюсь случаем выразить благодарность Р. М. Бартикяну, оказавшему мне помощь при переводе этого текста.

Умер Григорий Каматир и „весь мир покрылся тьмой". „И впредь жизнь безнадежна и неоткуда ожидать спасения" (ἀνέλπιστα δὲ τοῦ λοιποῦ τῷ βίῳ τὰ ἔμπροσθεν, καὶ προσδοκία οὐδαμοῦ σωτηρίας) — p. 531 (3—5).

Составитель монодии стремится как можно полнее и разностороннее показать заслуги Каматира перед государством, прибегая в своей речи к ярким сравнениям, широкому использованию античных образов, заимствованных им из классической литературы и мифологии.

Григорий Каматир был очень образованным человеком своего времени, пишет Продром: „Ты был и богословом, судьей для философов и риторов, а для людей, занимающихся законами — законом и законодателем, для церкви — каноном; украшением сената, десницей императора" — p. 532 (18—21). И вместе с тем: „Ты говорил с селянами на более простом языке, ты разбирался и в схедах схедографов и, подражая Сократу, бывал вместе с кожевниками и продавцами обуви, и для всех с тобой, во всем милейшим человеком, было приятно говорить и слушать" — p. 532 (21—25).

Автор воспевает язык севаста, который „своим изяществом и стройностью речи строил стовратный Византий": „ἐγὼ δὲ τοῦ ἐμοῦ σεβαστοῦ τὴν γλῶσσαν ὑμνήσομαι διὰ τῆς οἰκείας εὐφραδείας καὶ ἐμμελείας τὰς ἑκατονταπύλους οἰκίζουσαν, τὸ Βυζάντιον" — p. 529 (27—29). И вновь восклицает: „Ὦ Σειρὴν ἐκείνη καὶ γλῶσσα ἐκείνη, ἀψοφητὶ μὲν καὶ ἠρέμα τὴν φωνὴν προϊεῖσα καὶ ὡς ἄν τις εἰκάσῃ μέλι καὶ ἔλαιον, εἰς αὐτὸ δὲ τὸ βάθος τῶν καρδιῶν ἐνσημαίνουσα τὰ νοήματα" — p. 529 (18—20). („О ты, сирена и голос, который произносил [слова] без шума и тихо, [слова], которые казались медом и маслом, волнуя [людей] до глубины сердца").

Что же касается государственной деятельности Григория Каматира, то в монодии имеются пассажи, где дана характеристика его трудов и заслуг: „Кто из граждан привел в порядок и украсил нравы? Или кто укрепил [страну] ромеев законами, которыми еще больше укрепляется город, хорошо управляемый? Несомненно он [Каматир], после смерти которого законы сильно пострадали. Горе велеречию философов, умению риторов убеждать, строгой точности законов. Подрезаны ваши крылья, погас жар вашего аттического огня, законодатель оставил вас!" — p. 529 (32) — 530 (1—7).

Продром называет Каматира „изумительной башней города, фундаментом которой является благочестие, благоразумие и все прочие добродетели, надстройкой — всякое слово, разнообразные дары наук, а крышей — высокая наблюдательность и свобода действия разумной души" — p. 530 (15—19).

В конце монодии, описывая величие столицы, Продром прибегает к антитезе, желая подчеркнуть роль Григория Каматира для Константинополя, а, быть может, тем самым и для империи: „однако все ничто в сравнении с логофетом (ἀλλ' οὐδὲν τὰ πάντα πρὸς ἕνα τὸν λογοθέτην), который хотя не укрепил тебя камнями и кирпичами, но, по выражению того, происходящего из демоса Пэания (имеется в виду Демосфен. — *В. Ш.*), словами и делом [укрепил] тебя стенами более крепкими, чем стены жителей города Иерихона" — p. 535 (5—8).

Тяжелая болезнь сломила мужественно сопротивлявшегося ей Каматира. „Ковчег" — тело, в противоположность уму — Ною, „будучи сделанным из дерева и смертной материи, не смог выдержать, наконец, удары волн со всех сторон" — p. 532 (13—16).

„Вся вселенная оплакивала тебя: и все сообща, и каждый по отдельности, император и царь... тяжесть общественного правления ты сам взвалил на себя и понес, сенат оплакивал [тебя], как очи свои, церковь — как защитника и знатока святых догм, братья — как своего наилучшего брата и спасителя, дети — своего отца и свое неожиданное и безвременное сиротство, но прежде всего [оплакивала тебя] чтимая супруга, которая при жизни жила [с тобой] прекрасно, а когда ты умер, умерла вместе [с тобой]. И вместе с ними потеряли: нищета — обогащающего, справедливость — защитника, а логос — логофета. Нет такого [человека], который не пролил бы слезы по случаю подобного несчастья и который своими ногтями не обезображивал бы лицо, считая это несчастье своим" — p. 532 (25—33) — 533 (1—6).

Таков образ Григория Каматира, созданный Продромом, — образ широко образованного человека, хорошо разбирающегося и в законах, и в богословии, и в философии, и в поэзии, владеющего при этом блестящим даром красноречия, и страстного защитника чужих прав. Его государственная деятельность, сопряженная с немалыми трудностями, была, по мнению Продрома, примером исключительно ревностного отношения к своим обязанностям, ясного понимания высокого служебного долга.

Стиль языка монодии Продрома находится в соответствии с жанром надгробных речей, весьма распространенным в Византии. Эмоционально насыщенная, полная ярких сравнений и поэтических образов, завершающаяся апофеозом, траурная речь не могла не взволновать присутствующих, убежденных в особых заслугах и дарованиях умершего.

Знание Продромом классической литературы и мифологии позволяет ему сравнивать Григория Каматира то с крышкой большого пифоса, полного зла, которая должна препятствовать выходу коварных и давать спасение жизни (см. Гесиод „Работы и дни"), то с хорошим жезлом, чарующим взоры людей больше, чем жезл Гермеса, пробуждающим даже спящих — p. 528 (25—27). Используя древнее предание, Продром уподобляет логофета яркой звезде, которой суждено было погаснуть и превратиться в легендарный остров блаженных: „О, этот остров, который приносил больше добра, чем по легенде [остров] феаков, и будучи островом большого блаженства, как ты и назывался, защищен крепкими стенами и имеешь хорошую гавань" — p. 531 (30)—532 (1—3).

Поэтическое вдохновление окрыляет автора монодии, когда он поет славу столице: „μεγίστη μὲν γὰρ εἶ τῷ μεγέθει καὶ τῷ κάλλει καλλίστη καὶ τῆς ὅλης οἰκουμένης οἷον φάναι καρδία, εἰς ἣν τὰ πανταχόθεν ἄκρα συντρέχει καὶ ὅθεν ἄρχεται. Πολλά σοι τὰ κατὰ τῶν ἄλλων αὐχήματα πόλεων· νῆσος εἶ ταῖς ἠπείροις καὶ ταῖς νήσοις ἤπειρος· πύργοι περιειλήφασί σε κύκλῳ καὶ θριγγοὶ θαυμαστοί· γυνὴ πρὸς ἄνδρα τὸν σὸν πολιστὴν ἡ Σεμίραμις· ἐκόσμησάν σε στοαὶ διώροφοι καὶ τριώροφοι, ἐθαυμάστωσάν σε καὶ ἀνδριάντες χαλκοῦ καὶ λίθου ἐξειργασμένοι· τῷ μεγέθει μὲν ἐνθυμοῦμαι τὸν Ῥόδιον κολοσσόν, τῇ δὲ τέχνῃ τὸν Ἡρακλέα τοῦ Λυσιμάχου φαντάζομαι καὶ τὴν ἐν Κνίδῳ Ἀφροδίτην τοῦ Πραξιτέλους καὶ τὸν Δαφναῖον Ἀπόλλωνα· λίμνας ἔχεις, θέατρα ἔχεις, λουτρὰ δημόσια ἐνῳκοδόμηνταί σοι καὶ οἰκίαι περιφανεῖς καὶ μεγάλαι.". . . — p. 534 (25—34) — 535 (1—3). Ты, [Византий], великий по величине и красивейший по красоте, так сказать, — сердце всего мира, к которому отовсюду все ведет и откуда берется начало. У тебя больше гордости, чем у других городов. Ты — остров среди материков, и среди островов — материк. Тебя окружают чудесные башни и удивительные венцы стен, перед твоим строителем Семирамида — женщина. Украсили тебя двухэтажные и трехэтажные портики, сделали тебя чудесным бронзовые и каменные статуи. По величине я вспоминаю Родосского колосса, по искусству ты мне кажешься Гераклом Лисимаха, Книдской Афродитой Праксителя и Аполлоном Дафнийским. Ты имеешь озера, театры, в тебе построены общественные бани, отличные и большие дома. . .".

* * *

Надгробные речи — монодии — заслуживают однако критического отношения и требуют привлечения других источников для проверки и подтверждения отдельных показаний. В полной мере это касается и монодии, составленной Продромом.

Сведения, почерпнутые из произведений византийских историков, в частности из „Алексиады" Анны Комниной и „Истории" Никиты Хониата, а также письма болгарского архиепископа Феофилакта могут служить дополнением к тому, что известно о Григории Каматире на основании эпиграммы Николая Калликла и монодии Федора Продрома.

Согласно свидетельству Анны Комниной, Григорий был одно время императорским секретарем и, в частности, вел следствие по делу Никифора Диогена, уличенного в заговоре против императора Алексея Комнина [26].

Никита Хониат в своей „Истории" говорит о Григории Каматире — как о „человеке знаменитом, но рода незнатного и отнюдь не богатого" (ὁ δ'ἀνὴρ οὗτος ἐλλόγιμος μέν, τὸ δὲ γένος οὐκ εὐπρεπὴς οὐδ' ἐπίπαν εὐπάρυφος) [27]. В начале правления Иоанна Комнина Каматир был назначен помощником Григория Таронита, надзирателя над общественными делами. Затем, „взятый к себе царем Алексеем и избранный в число секретарей, он объезжал провинции и, собрав, благодаря установлению налогов в них, великое богатство, захотел путем брака вступить в родство с царем. И действительно, женившись на одной из его родственниц, был выдвинут логофетом секретов" [28].

В письмах архиепископа Феофилакта Григорий Каматир представлен в основном также как государственный деятель. Непосредственное отношение к нему имеют следующие из писем Феофилакта [29]: „Τῷ Καματηρῷ κυρίῳ Γρηγορίῳ" (Meurs., 6), „Τῷ πρωτασηκρῆτι κυρίῳ Γρηγορίῳ τῷ Καματηρῷ (Meurs., 71), „Τῷ Καματηρῷ" (Lami, 23) и „Τῷ Καματηρῷ κυρῷ Γρηγορίῳ (Lami, 30) [30].

Григорий Каматир выступает в письмах как человек, которому, по словам Феофилакта „θεὸς τῷ παρὰ βασιλεῖ μεγάλα δύνασθαι δέδωκεν" („бог дал возможность творить большие дела у царя") и который известен своей опытностью в добрых делах. Последнее обстоятельство побуждает архиепископа из Охриды обращаться в затруднительных случаях за помощью к Григорию, как он пишет об этом, например, в 6-м письме: „οὐ γὰρ ἂν ἠγνόησεν ὁ ἀρχιεπίσκοπος τῷ ἀνδρί, ὃν σμῆνος περιβομβεῖ βασιλικῶν πραγμάτων... πόθεν οὖν τὸ καινοφανὲς τόδε χρῆμα, καὶ ἡμῖν ἄκαιρον; πόθεν; ἐκ τῆς σῆς περὶ πᾶν ἀγαθὸν δεξιότητος" (col. 368 c) („не забыл архиепископ о человеке, который озабочен множеством царских дел... Чем объяснить эту необычную вещь, для нас неуместную? Чем? Твоей искусностью в добрых делах").

[26] Annae Comnenae, Alexias. Bonnae, 1839, lib. IX, 8, p. 451—452.
[27] Nic. Chon., Historia, p. 13.3.
[28] Ibid., p. 14.3.
[29] Перу Феофилакта принадлежит 130 писем, которые были изданы сначала тремя издателями: 20 — Б. Финетти, 75 — И. Меурсием и 35 — И. Ламия. Позднее все эти письма были переизданы Минем — PG, t. 126, Theophylacti epistolae, col. 307—558. Однако при этом им были допущены ошибки, в результате которых материал одного издателя иногда приписывается другому издателю или одно и то же письмо числится у разных издателей и т. д. См. „Писъмата на Теофилакта Охридски", перев. от митрополита Симеона („Сборник на Българската Академия на науките". София, 1931, кн. XXVII, стр. III).
[30] Что касается 12-го письма у Финетти, то В. Васильевский пишет: „Письмо Каматиру, изданное Финетти (№ 12), хотя и носит в заглавии его имя, но неправильно и вследствие какой-то ошибки. Оно написано было к духовному лицу, как показывает обращение ἀδελφὲ τιμιώτατε — в начале и ὦ τοῦ λόγου λειτουργέ — в конце" (См. В. Васильевский. Библиографическая заметка на книгу Ф. Успенского „Образование второго болгарского царства". ЖМНП, 1879, август, стр. 327).

Григорий Каматир имеет большую силу и влияние и может выступать посредником у императора, касается ли это вопроса выборов архонтов („πῶς οὐ προκλητικὸν ἐστί σοι μείζονος ἐκ Θεοῦ παρὰ βασιλεῖ δυνάμεως, ἵνα μείζω καὶ πόλεις εὐεργετοῦντα καὶ ἔθνη διὰ τῆς σῆς τῶν ἀρχόντων ἐπιλογῆς, καὶ παρὰ τῷ κρατοῦντι συστάσεως") (col. 369 в), или защиты прав Охридской церкви относительно села Ἐκκλησίαι (30-е письмо). Кстати сказать, судьба церковного поместья весьма заботила охридского архиепископа, поэтому совершенно не случайно он обращает к Каматиру следующие строки: „Не превосходят ли самое сильное волнение те испытания, которые я претерпеваю по делу о церковном поместье. ...Немалую печаль доставляет нам слух о размежевании поместья" (col. 540 A—B). Но и здесь Феофилакт возлагает свои надежды на Григория Каматира: „Πλὴν ἀντιτιθῆσιν, ὡς σοῖσι γούνασι κεῖται ταῦτα, ῥᾴω τε τὰ τῆς λύπης, καὶ ἡμεῖς ἡδεῖς γινόμεθα" (col. 540 B) („Поразмыслив же, что дело находится в твоей власти, мы умеряем печаль радостью") [31].

Особое место среди писем, обращенных к Григорию Каматиру, занимает 71-е письмо: судя по содержанию послания, Григорий оказал значительную услугу архиепископу, выступив в его защиту. „Итак, — говорит Феофилакт, — ты оказал мне большую услугу, освободив меня от несправедливого обвинения... Так ты пользуешься своим правом заседать в совете царя, о милостях которого свидетельствуют сами враги" [32]. Особый интерес этого письма заключается в том, что Григорий здесь (col. 492—493) впервые назван протосикритом (πρωτοσηκρήτης) и логофетом (λογοθέτης), т. е. лицом, занимавшим одновременно два столь высоких поста в империи. Это указание является весьма ценным, ибо, с одной стороны, оно подтверждает уже сказанное о Григории Каматире, а с другой — расширяет данные, касающиеся его государственной карьеры.

Таким образом, на основании различных источников можно проследить путь Григория Каматира, начавшего свою деятельность простым секретарем и ставшего в конце жизни протосикритом и логофетом. Кроме того, Григорий Каматир был удостоен „высочайшего" (по выражению Хониата) титула севаста.

В связи с рассмотрением материала, относящегося к Григорию Каматиру, было бы, конечно, важно уточнить даты его жизни. Из „Алексиады" Анны Комнины и „Истории" Никиты Хониата известно, что он жил во времена правления Алексея и Иоанна Комнинов. Однако, когда начал Каматир свою деятельность и когда прервалась его жизнь — неизвестно. К сожалению, ни литературные произведения, написанные в честь Григория Каматира, ни письма болгарского архиепископа, ему адресованные, не дают об этом прямых указаний. Попытку установить дату смерти Григория Каматира сделал С. Д. Пападимитриу. Основываясь на отдельных данных монодии Продрома (на том, например, факте, что императрица Ирина была еще жива, на некоторых сведениях, касающихся деятельности императора Иоанна Комнина, и на сообщении о появлении большой кометы, предшествовавшей смерти Григория Каматира), С. Д. Пападимитриу пришел к выводу [33], что кончина Григория

[31] Перевод Ф. И. Успенского (см. Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 27).
[32] Ф. И. Успенский. Ук. соч., стр. 12.
[33] С. Д. Пападимитриу. Федор Продром. Одесса, 1905, стр. 151.

Каматира наступила после лета 1126 г. Однако предположение С. Пападимитриу недостаточно обосновано, и окончательное разрешение вопроса о важнейших вехах биографии Григория Каматира может быть дано лишь на основе привлечения всего известного о нем материала[34].

Каждая конкретизация образа придает ему историческую осязаемость, и, несмотря на то, что привлеченные здесь источники нельзя назвать беспристрастными, они дают много интересного и ценного для восстановления образа владельца одной из эрмитажных печатей — Григория Каматира.

Дальнейшее изучение коллекции, вне сомнения, позволит выделить целую группу печатей, имена владельцев которых вошли так или иначе в историю литературы Византии. Использование же данных литературы поможет оживить эти свинцовые печати, за которыми стоят определенные люди с их чинами и титулами, с присущими этим людям индивидуальными качествами.

---

[34] Так, еще В. Г. Васильевский считал („Библиографическая заметка. . .", стр. 326). что кое-какие хронологические указания можно найти в письмах Феофилакта к Каматиру. Например, в письме 71-м, утверждал Васильевский, идет речь „о том времени, когда царь Алексей в ожидании нашествия Боэмунда оставил столицу и, взяв вместе с собою императрицу Ирину (Anna Comn., II, p. 141, 178) и сына с его женою (ibid., I, p. 49), удалился на запад и провел все время от сентября 1105 г. до конца 1106 г. частью в Солуни, частью около Девола и границ Албании. Тогда же, вероятно, Феофилакт рассчитывал увидеться с Каматиром лично (Lami, 23)". Кстати сказать, письмо 23-е, по мнению профессора В. Златарского, может быть приурочено в 1108 г. (См. В. Н. Златарски. История на българската държава презъ средните векове, т. II. София, 1934, стр. 284).

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

ВОЙСКОВОЙ ЗНАК V В.

1. РИТУАЛЬНОЕ СОЖЖЕНИЕ

Удивительные остатки кострища были обнаружены в 1930 г. против с. Нескребовка на Днепровском левобережье близ Днепростроя[1]. Они представляли собой плотно слежавшуюся массу пепла с золотыми, серебряными, бронзовыми и железными предметами, вперемежку с обломками, превратившимися в бесформенные сгустки металла. Обгорелые остатки эти лежали сваленными в небольшой яме. Они были пронзены сверху тремя железными саблями. Рукоятки и прилегающие к ним части клинков поднимались над ямой. Так, стоймя, они и сохранились в веках.

Место находки расположено неподалеку от Днепра, на самом возвышенном во всей округе месте. Оно было удобно для сторожевых наблюдений: отсюда степь просматривалась на далекое расстояние. Находится это место в районе исторически важном и памятном — приблизительно против одной из важнейших в старину переправ через реку. Переправа, видимо, входила в систему исконного степного пути. Некоторые сведения о ней имеются в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного (913—959)[2]. Он называет ее Крарийской. По его словам, „херсониты переправляются (через нее) на пути из Руси, а печенеги — в Херсон". Здесь был сборный пункт русов, плывущих по Днепру к Константинополю после прохода ими днепровских порогов. „Посему печенеги приходят и на это место и нападают на русов". Почти по соседству с переправой лежит остров Хортица, который, по сообщению Константина Багрянородного, назывался будто бы „святой Григорий". Возможно, это христианизованное воспроизведение какого-то приблизительно созвучного туземного наименования. „На этом острове, — сообщает Константин VII, — они совершают жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные (приносят) куски хлеба, мяса и что имеет каждый, как то требует их обычай. Относительно петухов они бросают жребий, зарезать ли их, или съесть, или пустить живыми".

---

[1] В. А. Грінченко. Пам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі. — „Археологія", т. III, Київ, 1950, стр. 37—63. Село, близ которого сделана находка, носило два названия: одно, согласно словесному разъяснению, данному мне начальником Запорожской археологической экспедиции акад. Д. И. Яворницьким, старинное — Нескребовка, второе — Вознесенка, связанное с посвящением местной церкви соответственному христианскому празднику. Я остановился в настоящей работе на старинном названии Нескребовка, а В. А. Гринченко — на Вознесенка. В обеих работах имеется в виду, таким образом, одно и то же селение.

[2] „Об управлении государством", гл. 9. — Известия ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8—10.

Правда, данные трактата Константина часто полны неточностей и поэтому требуют критической поверки[3]. Но что касается рассказа о Хортице, то в его основе, видимо, лежат действительные предания и давние представления. Д. В. Айналов показал историческую ценность сведений Константина о священном дубе и характере жертвоприношений на острове, сопоставив эти сведения с рельефом, высеченным на среднем Приднестровье на скале над р. Бушкой[4]. Как известно, на этом рельефе, относящемся к первым векам нашей эры, изображена коленопреклоненная фигура перед деревом, с символами солнца — петухом и ромбом. Стоящий олень, замыкающий сцену справа, является также образным выражением солнца. Близость художественного содержания днестровского рельефа к обрядам на Хортице позволяет отнестись с вниманием к сообщению Константина.

Таким образом, место нескребовской находки непосредственно примыкает к исторически важному пункту на границе соприкосновений лесостепи со степью. Но решающих данных, какому народу следует приписать выявленные археологическими раскопками вещи, пока нет.

Обнаруженные предметы принадлежали вооруженным конникам. Сбруи их коней были украшены золочеными бляшками и ременными наконечниками. Несколько наборов украшений отличаются особой роскошью. Железные стремена, видимо начальника, выделяются среди остальных формой и художественной обработкой; в них врезан орнамент из золота. Псалии двух уздечек обтянуты листом золота и воспринимались глазом как золотые. Особенно роскошны и художественно совершенны золотые обкладки ножен, по крайней мере, пяти-шести сабель. Клинки длинные, немного изогнутые, узкие, заточенные с одной стороны. Покрытые листовым золотом рукоятки их имеют округлую форму с напуском в одну сторону, что так показательно для рукоятей большинства сабель. Но этим они решительно отличаются от современной им большой сабли перещепинской находки, сохраняющей в плоской кольцевой форме навершия рукоятки сарматскую форму. У крестовин нескребовских сабель, тоже позолоченных, расширение посередине обоюдозаостренное, ставшее типичным с VII в., и торчащие в сторону острые головки на концах. Стрелы трехперые, большей частью крупные: некоторые из них свистящие, с округлым отверстием в каждом выступе. Железные ножи различны по форме — прямые и кривые. На них орнамент из штампованных кружков с точкой в центре, соединенных елочкой.

Предметы находки могут быть отнесены по их общему характеру, по формам и по орнаментации ко второй половине VII в. или к рубежу VII и VIII вв. О количестве найденных предметов можно судить, например, по таким цифровым данным. Железных уздечек обнаружено не менее 40; стремян, по крайней мере, — 30 пар; разных пряжек железных — свыше 100. Обращает на себя внимание, что стремена трех типов, причем ни один не соответствует типу перещепинских. Что же касается бляшек от сбруи — бронзовых, обложенных золотом, в отличие от перещепинских очень тонких, то их почти полторы тысячи. Они неодинаковы по форме и по рисунку и к тому же значительно разнообразнее перещепинских. При этом число бляшек одного типа превышает иногда сотню и даже две. Напротив, других типов — ограниченное количество. Видимо, сбруя была украшена не у всех конников одинаково, у некоторых она выделялась большей роскошью. А из этого следует, что конники различались по своему достоинству и положению. В частности, внимание останавливается на пяти небольших плоских золотых бляшках круглой формы, с отогнутым книзу узким краем, потому что на них помещены тамгообразные знаки или монограммы, имеющие, быть может, прямое отношение к участникам отряда или к его начальнику. Знаки представляют тем больший интерес, что изображение, данное на трех бляшках, на остальных представлено в осложненной форме: от основания поднимаются косо, под расходящимся углом, две добавочные линии. Всего типов и различных вариантов обложенных золотом штампованных бляшек и ременных наконечников свыше 30. Такое количество отличных друг от друга наборов украшения сбруи как будто согласуется с количеством конников, если число найденных уздечек (около 40) или стремян (около 30 пар) действительно показательно для состава данного отряда или группы.

Столь характерный состав основной массы предметов нескребовской находки не оставляет сомнений в том, что перед нами не случайный набор вещей, а снаряжение значительного воинского отряда. Это ни в коем случае не клад.

В ломе и в сгустках скипевшегося металла обнаружено, помимо уже отмеченных частей сбруи и вооружения, два куска от края большого византийского серебряного блюда VI—VII вв. с остатками изображения охотничьей собаки[5] и другие обломки византийского серебра, а также две серебряные статуэтки. Последние только на беглый взгляд могли бы быть приняты за чисто византийские памятники.

Одна из них изображает орла. Будучи затронута огнем костра сравнительно немного, она сохранилась в основных частях без существенных повреждений. Статуэтка эта литая из серебра по восковой модели, толстостенная, полая, с открытой снизу внутренней полостью. По своему назначению она могла служить только воинским знаком, знаменем отряда, при этом не римского и не византийского.

Вторая статуэтка представляет собой остаток передней части литой серебряной фигуры сидящего льва с оскаленной пастью. Высота обломка от лопатки до темени — около 10 см. Безоговорочно признавать эту статуэтку за парную к предыдущей нельзя. Для выяснения ее назначения потребовалось бы специальное изучение самого предмета, его техники и стилистических особенностей[6].

Нескребовская коллекция составляла до Великой Отечественной войны одно из выдающихся исторических сокровищ Днепропетровского музея.

2. СЕРЕБРЯНАЯ СТАТУЭТКА ОРЛА

Статуэтка, сохранившаяся в нескребовском кострище, представляет собой группу сидящего орла и поднимающейся большой змеи (рис. 1, 2)[7].

[3] М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. — ВВ, VI, 1953, стр. 24 сл. Ср. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 275.

[4] D. B. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin—Leipzig, 1932, S. 5—6, Taf. 1. Ср. Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. — СЭ, 1948, № 1, стр. 101 и 103; В. Б. Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра. — Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. I. Одесса, 1886, стр. 98—99, табл. 3.

[5] См. Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье. — МИА, т. 1, 1940, рис. 1.

[6] Я имел возможность видеть статуэтку льва свыше 25 лет тому назад, вскоре после обнаружения ее в пепле, когда она еще не была очищена в необходимой степени. Поэтому мои наблюдения остались неполными.

[7] Высота 13,2 см. Передний край левого крыла немного погнут, и поэтому крыло производит впечатление опущенного больше, чем это было первоначально.

Змея оплела его ноги и, вытянув голову, почти припадает к его груди справа. Она еще не успела ужалить его и как бы ужалит вот-вот — акцент группы именно в угрозе ядовитого, рокового укуса змеи. Орел сидит, он настороженность сказывается во всей его посадке. Напряженно поворачивая голову вправо и нагибая ее вперед, он зорко следит за движениями гада.

Крылья не прижаты к телу, а слегка растопырены. Птица не распростирает их, не взмахивает ими — она только готова к взлету в любую минуту. При этом верх правого крыла отведен от плеча больше, чем левого, что так согласуется с движениями головы в сторону гада. Тем

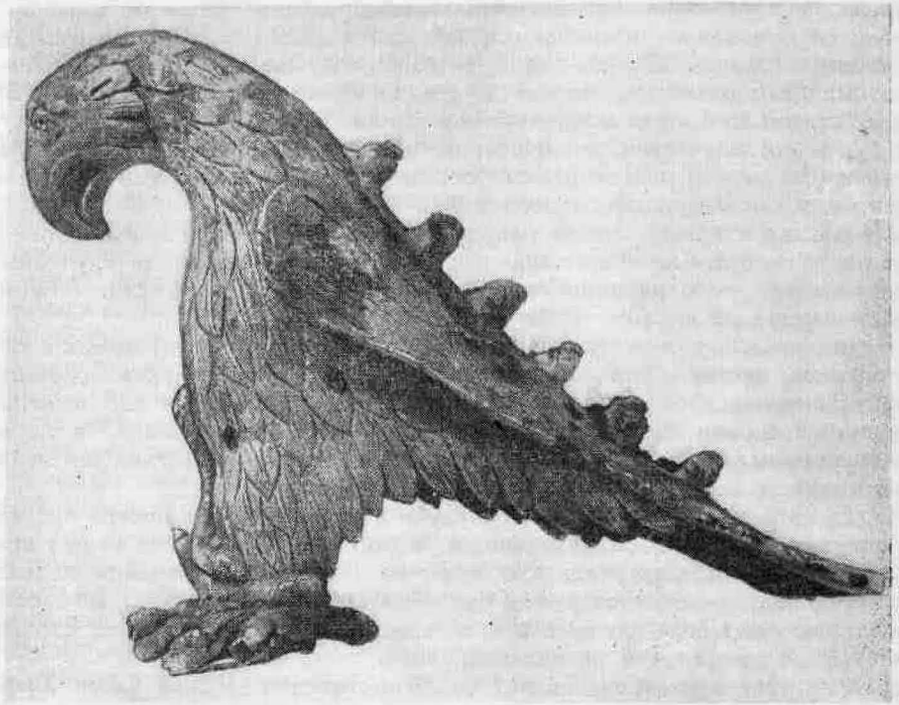


Рис. 1. Серебряная статуэтка, найденная в Нескребовском кострище (вид сбоку)

самым обычный симметричный силуэт сидящей птицы здесь нарушен, чтоб выразить всю сложность движения мышц в грозную для орла минуту (рис. 3). В сдержанности, в величавости, а вместе с тем и в лиричности изображения мощной птицы отражена подлинно реалистическая сущность образа. Этому образу подчинены все изобразительные приемы. Передача оперения учитывает и подчеркивает пластичность форм тела. Поверхность не расчерчена чешуеобразно на горизонтальные и вертикальные ряды, перья расположены свободно. К тому же каждое перо своеобразно заостряется и вытягивается на конце. Оно получает свой ритм. Мелкие косые линии направлены вдоль пера, что сообщает ему необходимую гибкость и плавность.

Реализм статуэтки сближает ее с памятниками римского искусства и решительно выделяет ее из среды зрелых византийских памятников. Черты нового, средневекового искусства, нового художественного стиля

со своими художественными задачами, с абстрактным пониманием живого существа, правда, в какой-то мере уже имеются в нашем памятнике, все же они не выражены в нем так полно и завершенно, как, скажем, на памятниках Византийского антика VI—VII вв. Ни в одном памятнике VI—VII вв. не встретить такого проникновения в психику животного; ни один памятник того времени не сосредоточит внимания на беспокойстве орла, ни один памятник этого периода не выразит тревогу птицы дробным, асимметричным многопланным силуэтом, потому что художественный образ животного в то время иной. Вместе с тем статуэтка лишена геральдической вычурности и декоративности изображения, какие мы обычно наблюдаем, например, у рельефов на серебряной парадной посуде VI—VII вв. С общим реалистическим характером статуэтки согласуется и трактовка глаз, лишенная схематической условности, и подчеркнуто приподнятая дуга клюва, и передача ноздрей. Стилистически, по художественной выразительности — это изделие художественного ремесла не позже рубежа IV—V вв. или V в.

Рис. 2. Серебряная статуэтка, найденная в Нескребовском кострище (вид спереди)

Пробирные клейма на крыле и на хвосте орла позволяют археологически подкрепить датировку.

Клеймо на крыле в форме многолепестковой розетки было оттиснуто настолько неточно, что на предмет попала только часть его. В нем начертано имя, по-видимому, Феодора. Второе клеймо, на конце хвоста, имеет удлиненную четырехугольную форму и заключает три строки надписи, прочитанной еще не полностью. Клейма, независимо от того, что они остаются не вполне прочитанными, включают нескребовскую статуэтку в небольшую, но при этом примечательную группу клейменого художественного серебра.

Отличительной чертой группы служит спаренность на ней клейм двух форм: исключительно восьмилепесткового и прямоугольного трехстрочного. К тому же восьмилепестковое всегда сопровождается прямоугольным и не применяется ни в иных сочетаниях, ни отдельно. Спаренность обоих клейм несомненна. Так, именно в паре встречаем их на серебряных ложках Государственного Исторического музея, найденных в 1906—1907 гг. в с. Ордоклу Норбаязетского района Армянской ССР[8]. Можно

[8] ГИМ, инв. № 47748—47751, 1912 г. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. 123, рис. 48—50 и 51—53.

Табл. 8. Тобаниерский клад. № 193—211 — западногрузинские монеты кирманеули; № 212—213 — Улу Давида и Давида Нарина; № 214 — сельджукская монета; № 215 — грузино-хулагуидская.

Табл. 9. Тобаниерский клад. Кирманеули, перечеканенные из дирхемов (увеличено): № 207, 200, 202, 192, 205, 204. Монеты, не входящие в состав клада: *A* — трапезундская с именем Мануила I, *B*—*E* — „кирманеули": *B*, *C* — серебряные, *D*, *E* — медные

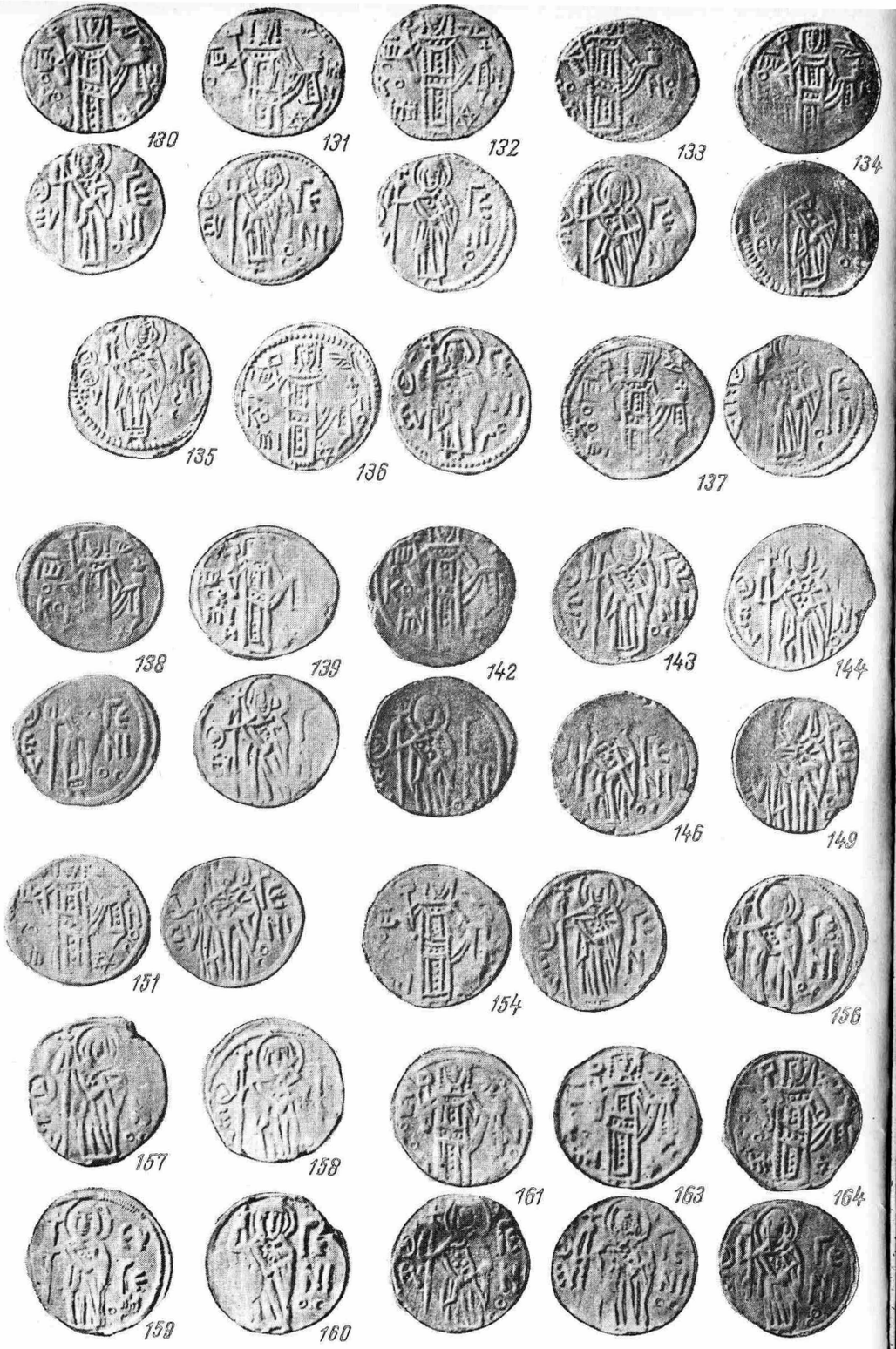


Табл. 6. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты. Иоанна II

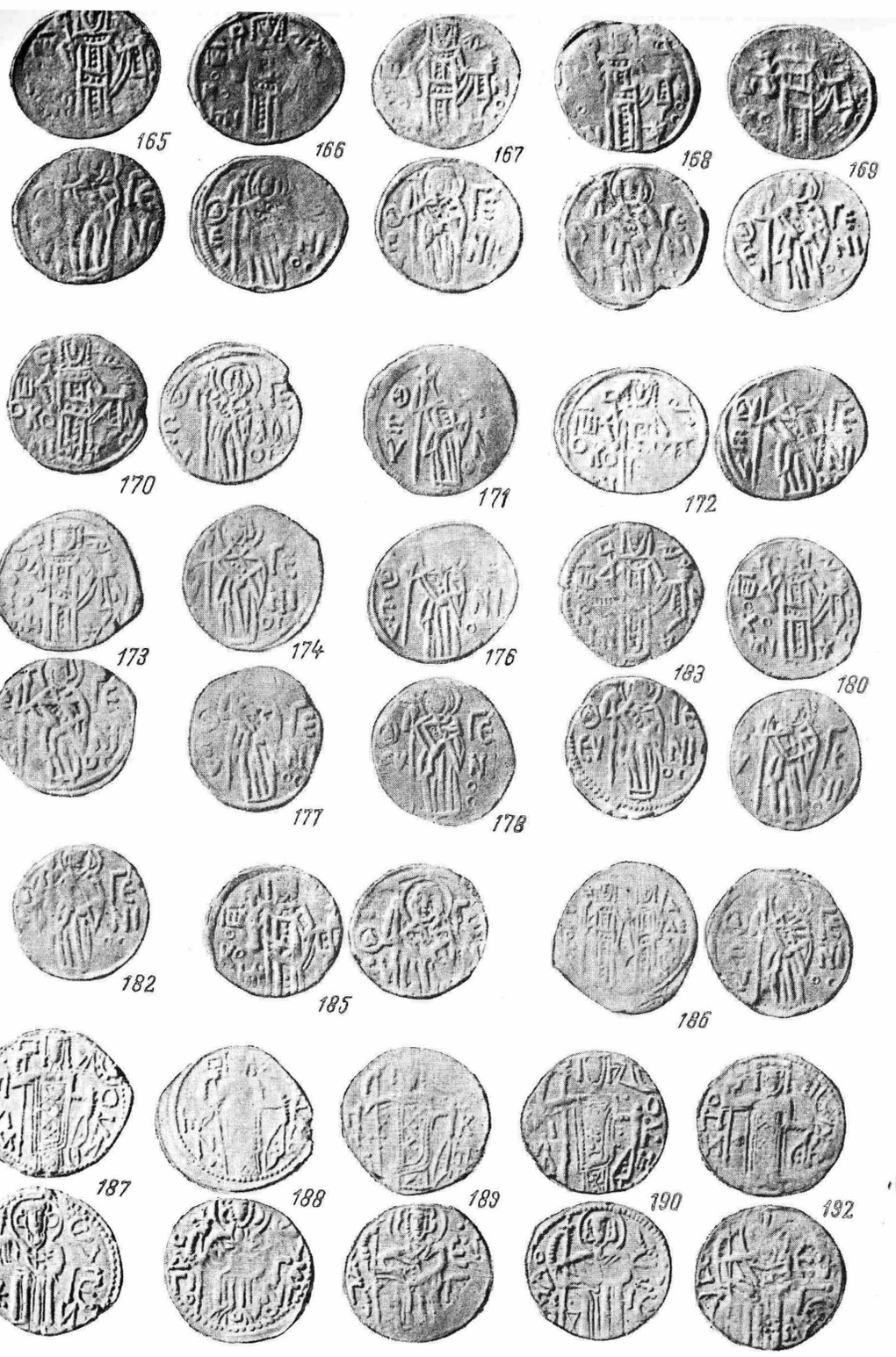


Табл. 7. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты: № 165—185 Иоанна II, № 186 — Иоанна II и Алексея II, № 187—192 — западногрузинские монеты кирманеули

утверждать, что для клеймения описываемых ложек употреблялись щиппы с наглухо укрепленными в их зеве соответственными спаренными матрицами. Вероятно, и при клеймении нескребовской статуэтки были применены подобные щипцы. Этим можно объяснить, почему оба клейма поставлены на ней у самого края, в соответственно удобных местах.

Отчетливо выраженная форма норбаязетских ложек дает возможность ограничить время их изготовления строгими хронологическими рамками. Их овальный черпак плавно сужается к немного вытянутому носику. Наибольшую ширину ложка имеет у тыльного, округло-туповатого края. Такая форма сближает норбаязетские ложки с ложками III в., особенно же IV в., распространенными по Средиземноморью и в Закавказье.

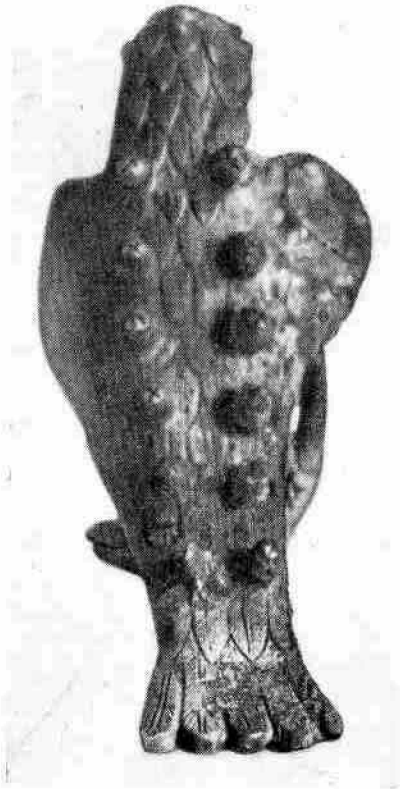


Рис. 3. Серебряная статуэтка, найденная в Нескребовском кострище (вид сзади)

Полной противоположностью форме норбаязетских ложек является, например, византийская ложка Киевского музея из большой находки в Мартыновке. Время последней — позже середины VI в. — определяется небольшой серебряной чашечкой константинопольской работы VI в., найденной вместе с ложкой[9]. Черпак мартыновской ложки, сильно вытянутый и наиболее широкий в передней половине, заостряется к тыльной части, а не к носику. Носик, напротив, широкий, тупой. Изображение листа, покрывающее внешнюю сторону черпака мартыновской ложки, также принципиально отлично в орнаментальной трактовке от соответствующих изображений на норбаязетских. Пятичастный массивный норбаязетский лист, четко очерченный по краям мелкими черточками, заменен мартыновским перовидным, расплывчатым.

Киевский экземпляр ложек — не единственный образец, столь отличный от норбаязетских. Напротив, все ложки VI—VII вв. имеют резко выраженную расширенную спереди, совкообразную, затупленную к носику форму. Листья (если они орнаментированы листом) обычно перистые, подобные мартыновскому орнаменту. Таковы ложки из знаменитых кипрских находок, из лампсакского клада, отчасти карфагенского.

Наблюдения эти приводят в совокупности к выводу, что время изготовления норбаязетских ложек это — рубеж IV—V вв. или V в.[10]

[9] Л. А. Мацулевич. Ук. соч., стр. 152, табл. V, 2.

[10] Ложки обнаружены будто бы вместе с несколькими разновременными предметами при постройке дома. Поэтому состав находки, если это действительно единая находка, не дает конкретных археологических указаний для датировки. Наряду с ложками V в. византийская монета XI в. Константина X Дуки (1059—1067) слывет за происходящую из той же находки. Вместе с ними числятся: константинопольское

Тем самым косвенно определяется и время употребления спаренных клейм — восьмилепесткового и трехстрочного — по крайней мере, на нескольких однородных предметах.

Кроме нескребовской статуэтки и норбаязетских ложек, та же спаренная группа клейм известна еще на донышке серебряного блюда (без изображений на нем), хранящегося в Эрмитаже (рис. 4). В восьмилепестковом легко читается имя Феодора. На соответственном нескребовском клейме находится предположительно то же имя, но выбиты оба клейма не одной матрицей. Поэтому нет оснований считать, что в обоих случаях подразумевается одно и то же лицо. Второе клеймо эрмитажного блюда еще недостаточно разобрано. Подобные ему клейма — прямоугольные, с трехстрочной или с двухстрочной надписью — известны в качестве клейма пробирных мастеров на золотых и серебряных слитках. Бóльшая часть их клеймена в Сирмии[11].

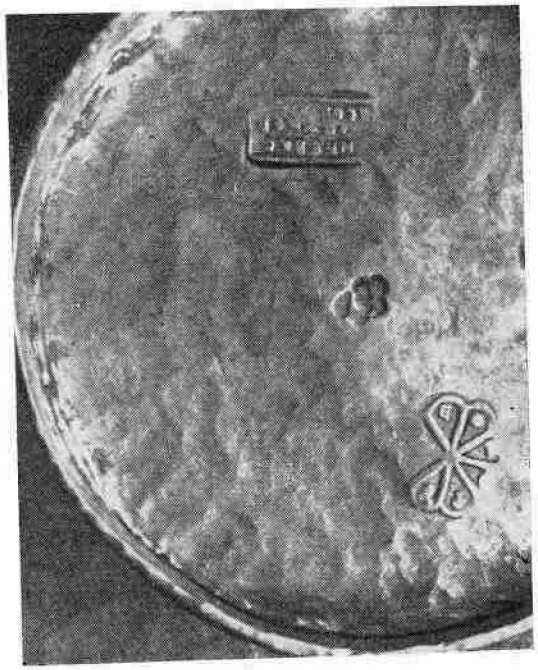


Рис. 4. Клейма на дне серебряного блюда, хранящегося в Эрмитаже

Время наиболее близких к нескребовскому сирмийских клейм точно устанавливается изображением на них Феодосия I с сыновьями, т. е. не позже 395 г.

Показательно, что трехстрочные клейма пока больше нигде не известны, кроме как на указанных монетных слитках и на нескольких рассматриваемых здесь предметах. Они, очевидно, рано вышли из употребления. По крайней мере, со времени императора Анастасия I (491—518) они не встречаются. С его времени вплоть до середины VII в. ставилось обычно пять клейм, большей частью пяти различных форм. Среди всей массы таких клейм ни разу не встречено прямоугольного, удлиненного, с трехстрочной надписью[12]. Такая последовательность в пробировании пятиклеймного византийского серебра вновь приводит к выводу о времени спаривания трехстрочного клейма с восьмилепестковым. Оно во всяком случае старше конца V в. Вывод этот тождествен

серебряное блюдо первой половины VI в. (См.: L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Berlin, 1929, S. 117—118, Fig. 29—30), серебряное блюдо с изображением грифона, считаемое некоторыми исследователями за византийское VI—VII вв. (Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. 307). С закавказским производством может быть связан только один предмет — блюдо с изображением охоты (там же, табл. 309).

[11] H. Willers. Die römischen Bronzeeimer von Hemmoro. Hannover—Leipzig, 1901, S. 228—239, Taf. XI—XIII.

[12] L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike, S. 10—30 u. a.; L. Maculevič. Argenterie byzantine en Russie — Orient et Byzance, t. V, p. 296—301, pl. 44—45; Л. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье. — МИА, т. I, 1940, стр. 142 сл., табл. 1—2, 4—5.

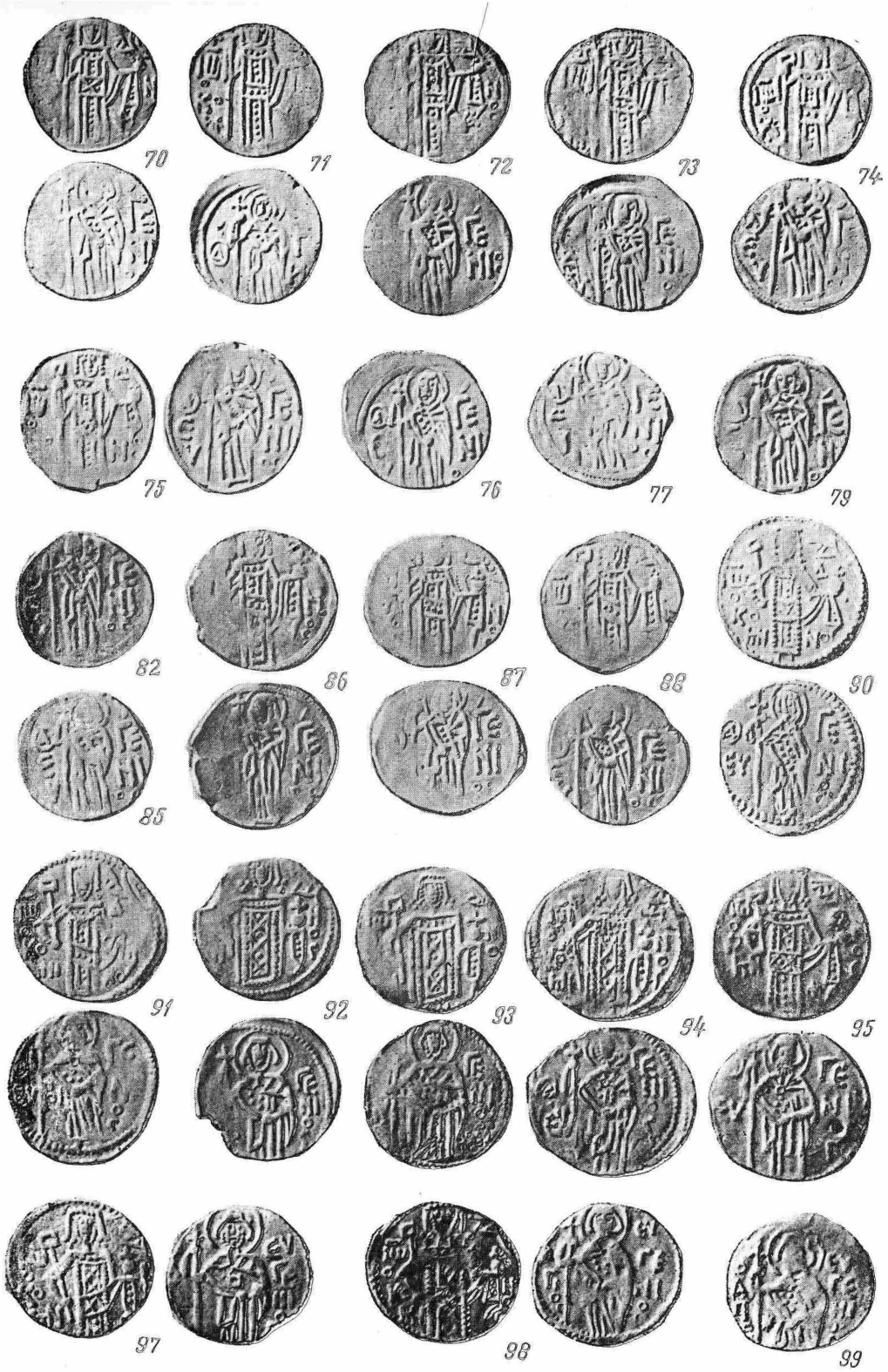


Табл. 4. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты Иоанна II

Табл. 5. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты Иоанна II

Табл. 2. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты Мануила I

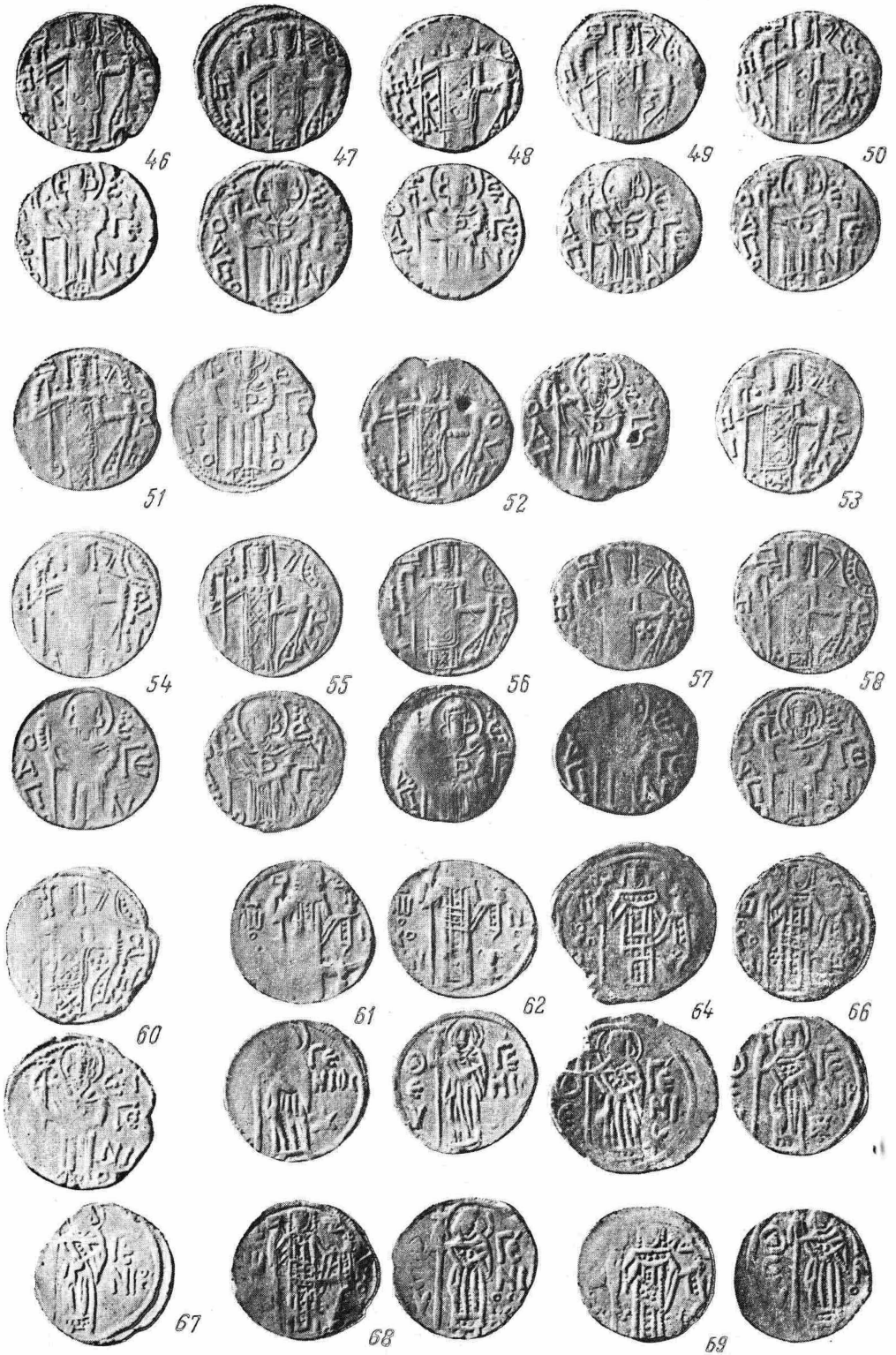


Табл. 3. Тобаниерский клад. Трапезундские монеты: № 46—60 — Мануила I, № 61—69 — Иоанна II

не будет ли окончательным решением стоящей перед нами задачи, если признать и нашу статуэтку за знамя воинской части[30], а накладки числом 12 — за наглядное обозначение порядкового ее номера?

В римской армии были приняты полковые знамена, разные знаки и значки воинских подразделений, а также и флажки. Им придавалось серьезное значение при взаимной связи в боевой обстановке. Они даже носили наименование „немые сигналы". На знаках обязательно ставились буквы, обозначавшие номера отдельных подразделений. Ни о каких иных приемах обозначения номера воинской части не говорит даже Вегеций[31]. А его свидетельство особенно важно в нашем случае, так как он в какой-то мере современник нескребовской статуэтки — его трактат относится приблизительно к 390—410 гг., во всяком случае к первой половине V в. Едва ли он оставил бы без внимания такой наглядный способ обозначать номера легиона, как накладки-шарики на крыльях легионного орла, если бы такой способ действительно был принят в римской армии. Но мало того. Мы знаем, как выглядело римское полковое знамя — легионный орел (aquila Romana), являвшийся в сущности божеством легиона. То была статуэтка грозной птицы с широко раскрытыми крыльями, как бы готовой взлететь. Помещалась она на древке. Орел сжимал в когтях пучок молний, которые каждое мгновение готовы разить непокорного. Он сидел на лавровом венке — знаке победителя. На других изображениях крылья бывали подняты кверху и почти касались концами друг друга. На них надет победный лавровый венок. Иногда орел держит в клюве лавровый лист или желудь[32]. Но во всех случаях легионный орел оставался молниеносным, непобедимым, разящим. Известны, кроме того, и небольшие бронзовые изображения орлов высотой до 5 см, которые набивались по древку римских знамен[33].

Нескребовская статуэтка не только решительно отличается от легионного орла — она прямо противоположна ему. По римским понятиям, встреча орла со змеей несет, как мы видели выше, смерть обоим. Поэтому знамя со статуэткой, подобной нескребовской, было бы предвестником смерти, гибели; а знамя, выражающее образ поражения, хотя бы даже взаимного, само собой разумеется, было бы вообще невозможно. Но нескребовская группа выражает, как мы знаем, иной круг образов и обращена не к византийцам. Она не могла быть и не была орлом ни одного римского легиона, тем паче XII, пользовавшегося особым авторитетом при византийском дворе[34] и издавна носившего название „молниеразящего" (fulminatus, κεραυνόβολος).

---

[30] Ср. В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 44.

[31] Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела, кн. II, гл. 13. Русск. пер., ВДИ, 1940, № 1, стр. 249.

[32] A. Domaczewski. Die Fahnen im römischen Heere. Wien. 1885, S. 20—34, 50; Daremberg, Saglio et Pottier. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, vol, III, 2. Paris, 1904, s. v. *Culte des légions*, p. 1065—1075; *Signa militaria*, p. 1310; Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. — Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 727—772. Ср. Дексипп Афинянин. В кн.: „Византийские историки, переведенные с греческого", т. I. СПб., 1861, стр. 45; „The Dumbarton Oaks Collection". Harvard University. Washington, 1955, № 68.

[33] „Budapest Régiségei", t. II, 1890, p. 128, dess. 17; t. XV, 1950, p. 323—325, dess, 10.

[34] Вспомним хотя бы легендарный эпизод о чудесном исцелении Юстиниана I останками 40 воинов XII легиона. Прокопий Кесарийский. О постройках, кн. 1, гл. 7. Русск. пер., ВДИ, 1939, № 4, стр. 218—219.

Статуэтка не могла быть и не была также и воинским знаком ни одного подразделения легиона по той простой причине, что, например, двенадцатой когорты в легионе вообще не бывало. Легион состоял, как известно, самое большее из десяти когорт. Гекатонтархий или центурий было обычно шесть, реже — восемь. Следовательно, двенадцатой гекатонтархии также не существовало, и 12 шариков-накладок не могли обозначать ее номер.

Вывод остается один. Нескребовская статуэтка, отмеченная 12 накладками, не имела отношения ни к легиону, ни к его подразделениям. Она скорее могла бы быть знаменем отдельного, не византийского отряда, имевшего свою банду (по-гречески „бандон"), т. е. воинское знамя.

5. ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ИППОДРОМЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Сообщение еще об одной группе, подобной нескребовской, находится в описании разорения Константинополя крестоносцами в 1204 г., составленном Никитой Хониатом — крупным византийским писателем конца XII — начала XIII в. или лицом, скрывавшимся под его именем. Никита или Псевдо-Никита, перечисляя расхищенные памятники, некогда составлявшие красу столичного ипподрома, между прочим сообщает: „На ипподроме стоял еще и бронзовый орел, Аполлония Тианского изобретение и его волшебства великолепное создание. Некогда византийцы, пользуясь приездом к ним этого волшебника, обратились к нему с просьбой унять змей, от укусов которых они жестоко страдали. Ввиду этого он, совершив разные заклинания, придуманные демонами и нечестивыми служителями их, поставил на столбе орла. Это — восхитительное произведение искусства, от которого нельзя оторвать глаз, любуясь; и поневоле приходилось оставаться прикованным к месту, подобно тому, кто, начав слушать пение сирен, хотел бы уйти от них прочь, да не мог. Орел растопырил (διήρκει) *крылья как бы для взлета; змея же, лежа у его ног и извиваясь в кольца, лишала его возможности подняться. Она, поднимая голову, тянулась к его крыльям как бы для укуса*"[35].

Поражает столь полное совпадение описания константинопольской группы с нескребовской статуэткой. Особенно любопытно в приведенном описании отсутствие сопротивления со стороны орла перед угрозой гада. Ведь в описании подчеркнута как раз та черта образа вещей птицы, которая не вяжется с византийским образом орла в его схватке со змеей. Такая черта, напротив, перекликается с кавказским образом птицы Паскунджи. Поэтому показательно, что в дальнейших строках Никита или Псевдо-Никита, давая волю риторике, по существу явно вступает в противоречие с только что сделанным им описанием. Змея вдруг оказывается у него не нападающей, а омертвелой, утратившей силу; активность же оказывается на стороне орла, душащего змею в когтях.

В самом деле, автор продолжает описание константинопольской статуи следующим образом. „Порывы ядовитого гада были бессильны. Стиснутая острыми когтями змея потеряла свою силу и, казалось, скорее готова заснуть или испустить дух, чем впиться жалом под крыло

---

[35] Текст приводится в переводе Чельцова („Византийские историки, переведенные с греческого", т. II. СПб., 1862, стр. 435), пересмотренном и в наиболее ответственных местах сделанном заново по PG, t. 139, col. 1049—1052 (курсив мой. — *Л. М*).

победоносной птицы. Таким образом, умирая, она уносила с собой и свой смертельный яд. Со своей стороны орел с гордым, величавым взором и с только что не воспринимаемым слухом клекотом победы решился поднять ее и взвиться с ней в воздушное пространство, *как это было легко заметить по его торжествующему взгляду.* Становилось ясно само собой, что омертвелая в когтях орла змея, лишившись силы своих сокрушительных колец и губительного жала, как бы хотела своим безнадежным положением внушить всем прочим византийским змеям, чтоб они ужаснулись, собрались вместе и скрылись бы в норах...“

В общей витиеватости изложения приведенного отрывка, при обилии в нем риторики, что столь характерно вообще для византийского писателя, выступает на первый план пронизанность рассказа фольклором, зависимость его от народных образов. Правда, образы эти выступают у Никиты в переработке представителя знати. Образ орла, раскрываемый перед нами автором, совершенно отличен прежде всего от того, какой мы знаем по описанию Плиния или по мозаике Большого дворца. Там схватка равных соперников, но соперников из мира животных, схватка существ породы низшей. Здесь же не просто представитель животного мира, а символ власти — царь природы. Он подавит любые усилия, направленные против него; мало того, он должен внушать ужас даже „всем прочим византийским змеям“. Показательна для идеологии того времени самая мысль, высказанная в начале рассказа, что избавлению от ядовитых змей может способствовать постановка на площади для всеобщего обозрения изображения орла, а, скажем, не собственно змеи, подобно библейскому медному змию. Магию сменила угроза. Дело в том, что ко времени Никиты образ орла в его отношении к змее совершенно изменился. В идеологии, которую представлял автор, новый образ противостоял народному и был направлен против него. Трактуемый Никитой или Псевдо-Никитой образ характерен для средневековых (особенно после X в.) изображений геральдического характера. В это время орел, иногда двуглавый, всегда в вычурной декоративной позе, перекусывает змее горло или язык-жало. Таковы рельефы двуглавого орла в Димитриаде, рельеф на шкатулке из Терначины, на резных дверях в Охриде[36]. Все многочисленные подобные изображения не имеют ничего общего с собственно группой ипподрома, как она вырисовывается из описания самого же Никиты. Противоречие между трактовкой им содержания статуи и теми фактическими данными, которые он о ней сообщает, только подтверждает, что вся его риторика не помешала ему отметить основные подлинные черты бронзовой группы. По его описанию восстанавливаются следующие подробности.

Орел был изображен на константинопольской статуе, как и на нескребовской, в сидячей позе, лишь с растопыренными, а не с широко распростертыми крыльями, т. е. так же. как и у нескребовского. О возможности взлета его будто бы говорил как раз не взмах крыльев, а только „торжествующий взор“. Змея вытягивала голову под его крыло и как бы была готова ужалить в грудь, как и на нескребовской группе, и тем не менее не жалила. Она оплетала только ноги; змеиные удавливающие петли не были накинуты ни на крылья, ни на тело, как и на нескребовском орле.

[36] „Archaeologia Hungarica“, t. XXIX, 1943, tabl. 39, 42, 47; Н. П. Кондаков. Македония. СПб., 1909, табл. III. Ср. E. Kitzinger. Early Medieval Art in the British Museum. London, 1955, p. 58 tabl. 34.

Статуя из бронзы была водружена на столб, а не на низкий постамент, т. е. находилась на некоторой, хоть и не очень значительной, высоте. Это следует, в частности, и из того, что внимание зрителя сосредоточивалось на груди птицы и под крылом, куда змея направляла жало. Если же статуя стояла бы на невысоком постаменте в уровень со зрителем, т. е. так, как, например, помещают солнечные часы, внимание сосредоточивалось бы на спине и на верхней поверхности крыльев; а чтобы видеть грудь и тянущуюся к ней голову змеи, нужно было бы нагнуться. Кроме того, поскольку основным в группе была неудавшаяся попытка гада ужалить орла под крыло, ясно, что статуя была рассчитана главным образом на то, чтобы ее рассматривали спереди, впрямь, а не сзади, не со спины.

Между тем Никита Хониат заканчивает описание статуи такими знаменательными словами: „Не только тем, о чем узнали из изложенного, достойно удивления изображение орла, но и тем, что часовые отрезки дня, посредством нацарапанных на крыльях двенадцати линий, становятся совершенно ясными тем, кто обращал взоры *с пониманием их*, когда солнце не скрывало под облаками свои лучи“.

Выше установлено, что нескребовская статуэтка не могла быть солнечными часами. Но вообще-то на скульптурном изображении птицы можно так поднять крылья и придать им такое положение, что они образуют форму, подобную чаше солнечных часов. Но у константинопольского орла крылья были только растопырены, как у нескребовского. К тому же статуя стояла выше, чем обычно ставятся солнечные часы, и вообще была рассчитана на то, чтобы ее можно было рассматривать преимущественно спереди. Поэтому напрашивается вывод, что признание в статуе солнечных часов было лишь попыткой как-то осмыслить изображение, подлинный смысл которого и цели постановки на обширнейшей площади были уже забыты. Нельзя ли допустить, что косвенный повод к этому давали какие-то специальные знаки на спине орла, подобные 12 накладкам нескребовской статуэтки, или сохранившиеся от них следы? Читая заключительные строки рассказа Никиты, нужно помнить, что солнечные часы на общественной площади были обычны, и Хониат не мог, конечно, не уметь ими пользоваться. Поэтому ему едва ли пришлось бы подчеркивать необходимость особого „понимания их“, если бы сам он принимал статую за часы, если бы она была действительно часами[37].

Константинопольская группа, стоявшая до 1204 г. на ипподроме, была, подобно нескребовской, явно не современной Никите Хониату. Подлинная причина и цели ее постановки на столичной площади были утрачены, вероятно, за давностью времени. Она стала особенно непонятна, видимо, своей реалистичностью, отсутствием в ней обычной для времени Никиты геральдической выразительности и декоративной условности. Она нуждалась в осмыслении и поэтому обрастала легендами. Они и оставили свой след в приведенном выше описании. Возможно, что и литературные сказания о волшебстве Аполлония Тианского, слитые с народными сказами о змеях, были привязаны к константинопольской группе как раз потому, что она воспринималась как древняя.

На основании таких данных и соображений можно допустить следующее.

[37] Ср. Ф. И. Успенский. История византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 407.

На константинопольском ипподроме, вероятно, было в свое время водружено в качестве военного трофея знамя одного из варварских отрядов или изображение его в увеличенных размерах[38]. Своеобразный художественный образ знамени был к началу XIII в. уже чужд толпившимся вокруг него.

Во всяком случае сходство описанного изображения на ипподроме с войсковым знаком из Нескребовки поразительно. Оно допускает мысль о существовании какого-то своеобразного типа воинского знака.

6. ВТОРИЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАТУЭТКИ

В VII в. или на рубеже VII и VIII вв. нескребовская статуэтка была вторично использована в качестве войскового знака. В это время на груди птицы была вырезана монограмма.

Монограмма на груди орла крестчатой формы, характерной особенно с середины VI и в VII в. На концах двух взаимно перпендикулярных линий расположены греческие буквы имени в родительном падеже: Πέτρου, т. е. Петров. Начертание собственного имени на знамени может быть истолковано только как указание на командира отряда — знамя Петрово, т. е. войсковой знак отряда под началом Петра. Дело в том, что в это время, например, в Византии, обычно вообще ограничивались при определении воинской части одним только обозначением имени командира. Это систематически проводится, например, у всех византийских писателей VI—IX вв.: и у Псевдо-Маврикия, и у Феофилакта, и у Феофана[39]. Объясняется такой прием обозначения переходом к новой организации византийской армии, обусловленным изменившимся внутренним строем империи[40].

Петр, имя которого начертано на груди нескребовского орла, не может быть отождествлен с тем не вполне счастливым воякой и мало удачливым охотником, которого император Маврикий (582—602) то назначал, то снимал с командования византийскими войсками на славянском придунайском фронте[41]. Само собой понятно, что воинский знак, подобный по содержанию нескребовской статуэтке, не мог принадлежать ни ромейскому главнокомандующему, родному брату императора, каковым был Петр, ни любому иному византийскому командиру.

Казалось бы, более вероятным претендентом на монограмму Петра, обнаруженную в Приднепровье, мог быть какой-либо протоболгарский князь. Время, к которому приурочивается пребывание там болгар, могло бы совпасть с временем выполнения монограммы. Но будь нескребовская находка в самом деле вещественным остатком культуры протоболгар, предметы этой находки, несомненно, совпадали бы с собственно протоболгарскими, в первую очередь с обнаруженными в Акалане[42] и в Мадаре[43]. Двучастные ременные накладки типа акаланских с орнаментацией каждой половины схематизированной лилией обычно считаются как раз показательными для протоболгар. В Нескребовке бляшек подобной формы всего восемь из общей массы в 1500 экземпляров, т. е. столь ничтожное количество, о котором и говорить не приходится как об определяющем или этнически показательном. При этом только семь имеют лилиевидную орнаментацию. Что же касается ординарных бляшек с лилиевидным или пальметообразным мотивом украшения, то таковых опять-таки всего 20 экземпляров.

Для предметов из Мадары характерны наконечники на ремень, украшенные зернью. Но в Мадаре мы не встретим ничего подобного тому, что дают предметы с зернью из Нескребовки. Нескребовские отличаются от мадарских не только размерами и формой, но и разнообразием рисунка, введением иных мотивов, помимо мадарских ромбов и треугольников; они сочетают на одном и том же предмете зернь и многонитяное плетение.

Правда, в Нескребовке могут быть еще указаны предметы, почти повторяющие памятники Паннонии, считающиеся кутригурскими[44], но все это будут единичные экземпляры, не дающие определения нескребовской находки в целом. Если же время ее относится к концу VII в., то вопрос о протоболгарах в Поднепровье подлежит исключению вовсе. К этому времени они уже продвинулись дальше. В 679 (681) г. Болгарское царство на Балканском полуострове было уже официально признано Византией[45].

Таким образом, нет оснований считать монограмму Петра принадлежащей болгарскому князю. Сопоставим ее с другими памятниками, археологически связанными с Приднепровьем, где она обнаружена, и вообще с европейской частью СССР.

Монограмма Петра решительно отличается в палеографическом отношении, например, от монограммы почти тех же размеров, вырезанной на золотом кресте VI в., находившемся в крымском собрании Бертье-Делагарда[46]. Собиратель коллекции считал, что крест происходит из Керчи. Не с ним сближается монограмма „Петрово" навершия нескребовского знака. Она ближе к образцам третьей четверти — конца VII в. Так, палеографически родственны ей монограммы на бронзовых пряжках южного побережья Крыма. Однако те отличаются от нескребовской по характеру почерка и резаны, особенно сууксинская, нетвердой в письме по металлу рукой[47]. Напротив, монограмма на перстне с меньшей жуко-

[38] Мысль о постановке на площади не подлинного трофея, а увеличенного изображения его, товарищески подсказана мне Н. Н. Ворониным. указавшим на крупные размеры (2 локтя) каменного изваяния двуглавого орла, увенчивавшего высокий (10 локтей) каменный столб в районе Холма [„Ипатьевская летопись", под 6767 (1259) г.].

[39] Ср. „Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в." — ВДИ, 1941, № 1, стр. 253—280; Маврикий. Тактика и стратегика. Пер. с латин. Цыбышев, СПб., 1903. См. рец. Ю. А. Кулаковского в ЖМНП, 1903, № 12, стр. 525—553. Ср. Стратегика имп. Никифора. Изд. Ю. А. Кулаковского, СПб., 1908, стр. 26.

[40] Уже византийский писатель середины VI в. Агафий отметил, что Юстиниан I (527—565) в конце царствования „легко переносил ликвидацию легионов" (Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер. М. В. Левченко, М.—Л., 1953, стр. 150). Агафий объяснял это престарелостью императора, но, конечно, причина была не в престарелости императора, а в изменениях в государственном устройстве страны.

[41] ВДИ, 1941, № 1, стр. 265 сл., 272 сл.

[42] Н. Мавродинов. Прабългарската художествена индустрия. София, 1936.

[43] „Мадара. Раскопки и проучвания", т. II. София, 1936, рис. 231—234, 254.

[44] Таков, например, единственный экземпляр наконечника с тройной впадиной в центре, как в Фенлаке, или три нескребовские накладки, близкие к найденным в Рекаше.

[45] Отметим, что некоторые предметы нескребовской находки были воспроизведены Б. А. Рыбаковым как типичные для конных дружинников „той территории, которая обозначалась в источниках VIII—IX вв. термином Русь" (Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. 35, 1950, стр. 11—13. Ср. Б. А. Рыбаков. Древние русы. — СА, т. XVII, 1953, стр. 103).

[46] O. M. Dalton. A Gold Pectoral Cross and an Amuletic Bracelet of the Sixth Century. Mélanges G. Schlumberger, II. Paris, 1924, pl. 17.

[47] ИАК, вып. 19, рис. 13, табл. XII, 20. На рис. 13 монограмма передана неточно; в рисунок включены, кроме букв монограммы, также и линии механических повреждений щитка. Ср. там же, рис. 16 — пряжка из могильника Бал-Гота. Эрмитаж. Отдел истории первобытной культуры.

виной из Мало-Перещепинской находки стилистически близка нашей монограмме[48]. Время перстня может быть отнесено к последней трети VII — к рубежу VIII в. Показательно, что монограмма на жуковине его не обратная, с расчетом на оттиск, а прямая. Это не печатка, а украшение на палец, столь показательное для варвара. Стилистическая близость обеих монограмм позволяет уточнить время, когда было вырезано имя Петра и когда, следовательно, статуэтка V в. стала знаменем Петровой дружины. То было во второй половине или в конце VII — начале VIII в., то было вторичным использованием древней группы — именно использованием, а не общей переработкой статуэтки или изготовлением ее заново. Реалистический характер ее, реализм средств художественного выражения, объясняемый реалистичностью выраженного в ней народного фольклорного образа, и зависящие от этого художественные приемы ее исполнения не оставляют сомнений в том, что подобная группа не могла быть создана ни в середине, ни в конце VII в. Конечно, сохранилось немного художественных памятников того времени, которые могли бы служить твердой опорой при стилистических и хронологических сопоставлениях. Однако рельефы на серебре типа Византийского Антика, а также воспроизведения птиц и животных на некоторых слоновых костях свидетельствуют о решительном отходе от реалистических образов даже в тех случаях, когда изображения являются репликами — правда, не прямыми — эллинистического наследия. Возможность создания в этот период нескребовской статуэтки исключена полностью.

Чтение перещепинских монограмм, предложенное в литературе, — одной как „Телепхару", второй, наиболее близкой по стилю букв к Петровой, как „Рабахату" — не может быть принято за окончательное[49]. Предварительность попытки подобного чтения и условность его объясняется тем, что собственные имена, хотя они и начертаны греческими буквами, на самом деле вовсе не обычные, не греческие[50]. Это имена варварские, и в основе каждого явно лежит этноним. Определить же точно племенную принадлежность его пока не удается. Термин „Рабахат", судя по конечному „τ", дает указание на так называемые „Т"-племена. В конкретной обстановке среднего Приднепровья того времени его можно отнести и к скифскому, и к сарматскому наследию. Одно несомненно: перещепинские монограммы рассчитаны на местную среду Приднепровья. Это не перстни византийца, попавшие в Приднепровье в качестве дара или в результате военного набега. Они резаны для варварской ставки или даже в самой ставке. А из этого следует, что и стилистически однородная и наиболее близкая перстню Рабаха монограмма, принадлежавшая неизвестному нам Петру, может быть тоже связана с Приднепровьем не потому только, что находится на предмете, который археологически неотделим от Приднепровья, поскольку обнаружен там в массе других вещей, но и потому, что она вырезана на нем, по всей видимости, в том же районе.

Нескребовское кострище, раскрытое советскими украинскими учеными, относится ко времени не раньше второй половины VII в. или рубежа VII и VIII вв. Монограмма Петра может быть определена теми же десятилетиями. В какое же точно время изучаемое навершие воинского знака достигло Приднепровья в районе древней Крарийской переправы, прямых исторических указаний не имеется. Тем не менее без существенных колебаний следует допустить, что выдающаяся статуэтка IV—V вв., изображающая орла и угрожающего ему, но обреченного на гибель змея, стала именно в Приднепровье снова навершием знамени дружины или отряда Петрова при вторичном использовании ее на рубеже VII и VIII вв.

---

[48] МАР, № 34, II, 1914, табл. 16, рис. 61.

[49] ИАК, вып. 49, 1913, стр. 116.

[50] Только христианский мученик Антоний (конец IX—начало X в.), живший, по крайней мере, столетием позже владельцев перстней, носил до крещения арабское имя Рабахи (И. А. Кипшидзе. Житие и мученичество св. Антония-Рабаха X в.— ХВ, т. II, 1915, стр. 54—104. Ср. Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 67).

А. В. БАНК

НЕСКОЛЬКО ВИЗАНТИЙСКИХ КАМЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Искусство обработки полудрагоценных камней достигло, как известно, особенно высокого уровня в античном мире. Многочисленные античные инталии (т. е. геммы с углубленными, врезанными изображениями, служившие печатями) и камеи (камни с выпуклыми, рельефными изображениями, которые применялись в качестве украшений и получили особое распространение в Римской империи) хранятся во многих музеях мира и издавна привлекали внимание ученых. Число известных средневековых гемм несравнимо меньшее. Если на Востоке, и в частности в империи Сасанидов, продолжали пользоваться печатями-инталиями, то в Византийском мире они, очевидно, потеряли свое значение в связи с появлением подвесных печатей — хрисовулов и моливдовулов. Однако и в Византии искусство обработки полудрагоценных камней оставалось на высоком уровне. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас точеные сосуды из халцедона, агата, горного хрусталя и т. п., а также и камеи.

Исследование средневековой глиптики, в сущности, началось только в XX в. В каталогах античных и новых западноевропейских камней опубликованы отдельные экземпляры средневекового периода[1], они включаются иногда и в общие музейные каталоги[2]. Западноевропейские памятники этого периода были почти не выявлены, и заслуга их специального исследования принадлежит немецкому ученому Гансу Вентелю[3]. Им же закономерно поставлен вопрос о западном, возможно, происхождении некоторых камей, считавшихся ранее византийскими. Интересно отметить при этом, что эти камеи, так же как пастовые их воспроизведения, часто подражали византийским. Ведущее значение византийских мастеров, таким образом, и в этой области художественного ремесла не вызывает сомнения.

[1] E. Babelon. Catalogue des camées antiques et modernes de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1897; A. Furtwängler. Die antiken Gemmen, Bd. III. Leipzig—Berlin, 1900; F. Eichler und E. Kris. Die Kameen im Kunsthistorischen Museum. Wien, 1927.

[2] O. M. Dalton. Catalogue of the Early Christian Antiquities . . . of the British Museum. London, 1901; O. Wulff. Altchristliche byzantinische und italienische Bildwerke. Bd. III. Teil II. Mittelalterliche Bildwerke. Berlin, 1911; [Marvin C. Ross]. Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition Held at the Baltimore Museum of Art. Baltimore, 1947.

[3] Перечень его работ см. H. Wentzel. Mittelalterliche Gemmen in den Sammlungen Italiens. — Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz, 7. Bd., Heft III/IV, 1956, S. 239, 254.

* * *

Собрание глиптики Государственного Эрмитажа является одним из крупнейших и лучших в мире. Его история тесно связана с начальным периодом жизни величайшего музея нашей страны: как известно, собиранию гемм уделяла особое внимание Екатерина II[4]. К концу XVIII в. в Эрмитаже была сосредоточена коллекция исключительного значения. В ее составе уже тогда находилось и большинство византийских камей, частично происходящих из богатого собрания герцога Орлеанского. Настоящая статья ставит задачей публикацию некоторых из них.

1. Две парные камеи сравнительно редкой формы — прямоугольные, с закругленным верхом — представляют Христа и богоматерь в рост[5] (табл. I, *1* и *2*). Они сделаны из зеленой яшмы со светлыми прожилками. Изображения выделяются в невысоком рельефе на углубленном фоне, образующем своего рода обрамление, как бы арку. Обе фигуры представлены в фас (хотя в изображении Христа ощущается едва заметный поворот влево), стоящими на невысоком пьедестале. Ноги обоих касаются обрамления. Христос держит в левой руке прижатую к груди закрытую книгу; правая, согнутая в локте, обращена ладонью наружу[6]. Нимб крещатый, без украшений; по сторонам фигуры надпись: $\overline{\text{IC}} \mid \overline{\text{XC}}$. Складки одежд в общем следуют структуре тела, они даны здесь, как и в изображении богоматери, с различной степенью глубины. Низкий рельеф мафория богоматери, перекинутого через руки, образует как бы фон, на котором выделяется чуть-чуть удлиненная (по сравнению с более приземистым Христом) фигура. По сторонам надпись: $\overline{\text{MP}} \mid \overline{\text{ΘΥ}}$.

Оба изображения отличаются мастерством исполнения. Лица, особенно Христа, пластически моделированы. В глубоко посаженных глазах не выделен (как это часто бывает) специально зрачок. Волосы Христа даны мягкими волнистыми прядями, спадают за его левое плечо.

Несомненное сходство с эрмитажной камеей представляет фигура богоматери — оранты на удлиненном овальном камне (сицилийской яшме) из собрания Британского музея[7]. При почти полном совпадении иконографических деталей, этот камень (приобретенный в Смирне и датируемый издателем в составе обширной группы предметов XI—XII вв.) отличается от нашего некоторой удлиненностью пропорций, а также большей схематизацией в изображении лица. Складки одежд (особенно на руках) здесь приобретают самостоятельный, независимый от фигуры ритм.

Эрмитажная камея, на первый взгляд, уступает по качеству исполнения знаменитой камее с надписью Никифора Вотаниата (1078—1081), ныне

[4] М. И. Максимова. Императрица Екатерина II и собрание резных камней Эрмитажа. — Сборник Государственного Эрмитажа, вып. 1. Пг., 1921, стр. 43—62.

[5] Номера по инвентарю Эрмитажа ω 358 и 359; размеры 4, 5 и 3, 8 см. На камее с изображением Христа в левой части, вверху, — две сквозные трещины. На обрамлении камеи с богоматерью слева — щербина и несколько мелких по фону. Камея с изображением богоматери упомянута в каталоге собрания герцога Орлеанского под № 379 (Catalogue des pierres gravées du Cabinet de feu son altesse sérénissime monseigneur le duc d'Orléans. Paris, 1786).

[6] Это положение руки необычно для изображения Христа в период зрелого средневековья, но встречается (в несколько ином варианте — с отставленной в сторону рукой) в VI—VIII вв. (см. Н. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник. т. I. Иконография. . . Иисуса Христа. СПб., 1905, рис. 38, 41, 99).

[7] O. M. Dalton. Catalogue of the Early Christian Antiquities. . . , pl. III, № 109, p. 17.

хранящейся в музее Виктории и Альберта в Лондоне[8]. Отмечаемые издателями черты реализма в трактовке лица богоматери, представленной здесь погрудно, с руками, обращенными наружу, перед грудью, имеют известную параллель и в нашем памятнике. Следует вместе с тем указать и на ее большие, необычные для Византии размеры (17 см), что облегчало работу мастера.

Ближайшей аналогией к камее с изображением Христа является камень сходной формы из собрания музея Виктории и Альберта в Лондоне[9]. Здесь Христос представлен в той же позе, также стоящим на постаменте. Черты близости можно усмотреть в типе лица и в общей манере передачи фигуры. Однако рельеф несколько выше нашего. На оборотной стороне изображен четырехконечный крест на сфере, с сильно расширенными концами, и вырезана надпись: IHCOY COCON ΛEONTA ΔECПO..., что значит: „Иисус, спаси Льва деспота". Оба издателя приписывают надпись императору Льву Мудрому (886—912) и датируют, таким образом, камею концом IX—началом X в.[10]

Гораздо чаще встречаются на резных камнях погрудное изображение Христа (в большинстве они относятся к XI в.)[11]. Учитывая относительно небольшие размеры публикуемого камня по сравнению с теми, где Христос представлен погрудно, естественно было бы ожидать бóльшую обобщенность в его изображении. И действительно, это дает себя знать в отсутствии некоторых деталей, например орнаментации нимба или переплета книги, а также в менее тщательной выписанности отдельных прядей волос (ср., например, с великолепной камеей из собрания Филадельфийского Университета)[12]. Однако мягкая моделировка лица способствует его выразительности и ставит публикуемый памятник в ряд выдающихся образцов византийской глиптики, скорее всего, XI в. На эту дату обеих камей указывают и некоторые аналогии из других областей искусства.

Образ богоматери-оранты восходит к глубокой древности. Однако его ранние, доиконоборческие варианты стилистически резко отличаются от нашего. Наибольшее распространение этот иконографический тип получает в XI—XII вв., продолжая существовать и в позднейший период. В это время он, как известно, встречается на мраморных рельефах и в слоновой кости, на центральном месте в апсиде многих церквей (достаточно вспомнить прославленную мозаику богоматери Нерушимой

---

[8] L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris. 1936, pl. XVII, 2, p. 23—24, 67.

[9] D. Talbot Rice. Masterpieces of Byzantine Art (Catalogue). Edinburgh International Festival, 1958. Edinburgh—London, 1958, № 84, p. 38; Review of the Principal Acquisitions During the Year 1932. Victoria and Albert Museum. London, 1933, fig. 1, p. 8.

[10] Не решаясь без специального исследования данного памятника оспаривать эту дату, позволю себе лишь высказать сомнение: титул δεσπότης, как известно, применялся не только к императорам, но и к другим, в частности духовным, лицам. Это явствует из словарей средневекового греческого языка. Можно ли в таком случае безоговорочно приписывать камею Льву VI? Характер исполнения не вполне вяжется со столь ранней датой.

[11] E. Babelon. Catalogue des camées... № 338, 344, pl. XXXV, fig. 397; O. M. Dalton. Catalogue of the Early Christian Antiquities..., pl. III, 106—107; L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, pl. XVII, 1; XVIII, 1; Exhibition of Early Christian and Byzantine Art... Baltimore, pl. LXXVII, № 554; F. Eichler und E. Kris. Die Kameen im Kunsthistorischen Museum, № 128, S. 95, Taf. 20; W. Grüneisen. Art chrétien primitif du haut et du bas moyen-âge, [б. м. и г.], № 435, p. 82.

[12] Exhibition of Early Christian and Byzantine Art..., № 554, pl. LXXVII.

Табл. I

1. Камея с изображением богоматери (увелич. в $1^1/_2$ раза). *2*. Камея с изображением Христа (увелич. в $1^1/_2$ раза). *3*. Камея с погрудным изображением Христа (увелич. в 2 раза). *4*. Обратная сторона камеи с погрудным изображением Христа (увелич. в 2 раза)

1

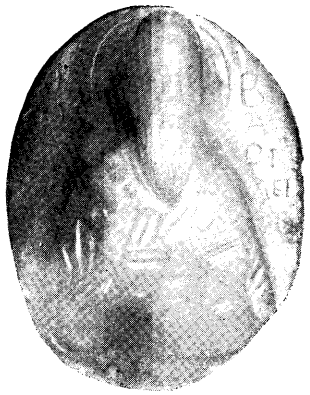
2

3

4

Табл. I

1. Камея с изображением богоматери (увелич. в $1^1/_2$ раза). *2*. Камея с изображением Христа (увелич. в $1^1/_2$ раза). *3*. Камея с погрудным изображением Христа (увелич. в 2 раза). *4*. Обратная сторона камеи с погрудным изображением Христа (увелич. в 2 раза)



1

2

а

3

б

Табл. II

1. Камея с изображением св. Василия. *2*. Камея с изображением св. Георгия и Димитрия. *3*. Гипсовые слепки с камей с изображением: *а*) св. Василия, *б*) св. Георгия и Димитрия

стены в Киевской Софии), на монетах и печатях[13]. Следует отметить, что нумизматические аналогии имеют особое значение для глиптики, так как изображения на монетах и на камнях часто служат прообразами друг для друга.

Образ богоматери-оранты в рост встречается на византийских монетах в середине XI в. Значительное сходство с камеей можно заметить в типе богоматери на серебряных монетах Константина IX Мономаха (1042—1055, рис. 1), Феодоры (1055—1056) и Константина X Дуки

Рис. 1. Серебряная монета Феодора (увелич. в 2 раза)

Рис. 2. Бронзовая монета Константина X Дуки (увелич. в 2 раза)

(1059—1067)[14]. На монетах позднейшего периода оранта встречается гораздо реже и приобретает некоторые особенности в деталях, отличающие ее от интересующей нас камеи.

Важно указать на то, что и сравнительно редко встречающийся образ Христа в рост[15], стоящего на подножии, с книгой в руке, имеется на монетах XI в. Он изображается в течение недолгого периода, а именно на золотых и бронзовых монетах (рис. 2) Феодоры и бронзовых Константина X Дуки[16]. Факт одновременного существования совпадающих

---

[13] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II. Пг., 1915, стр. 61—93; Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, стр. 48—53.

[14] W. Wroth. Catalogue of the Imperiale Byzantine Coins in the British Museum, vol. II. London, 1908, pl. LIX, 3—4, LXI, 5.

И. И. Толстой. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской богоматери. — Записки Археологического общества, новая серия, т. III, 1888, стр. 1—20.

[15] Следует отметить, что этот иконографический вариант сравнительно редко встречается как самостоятельный во всех видах искусства (см., например, K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935; в рукописи, где имеется изображение и богоматери-оранты — Taf. VIII, № 375 или на пластине слоновой кости — A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. II. Berlin, — 1934, Taf. XXII, XXIV). Широкое распространение он имеет в качестве центральной фигуры в композиции деисуса.

[16] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., pl. LX, 3—4; LXI, 7.

с эрмитажными камеями образов на монетах XI в. дает, как нам кажется, достаточное основание для их датировки именно этим периодом.

Сложнее, как всегда, обстоит дело с определением места их изготовления. Можно лишь предполагать, основываясь на том, что культ богоматери-Влахернитиссы, представленной на нашей гемме, был особенно распространен в столице империи[17], что они константинопольского происхождения.

2. Значительный интерес представляет также овальная камея[18] из зеленой яшмы с красными прожилками, на лицевой стороне которой имеется погрудное изображение Христа (Табл. I, *3*), а на обратной вырезана греческая надпись (Табл. I, *4*).

Эта камея, происходящая из того же собрания герцога Орлеанского[19], отличается хорошим качеством исполнения: рельеф относительно высокий, причем корпус передан более плоско, чем голова. Лицо Христа моделировано довольно суммарно. Волосы спадают мягкими волнами за спину, на лбу характерные пряди. Борода округлая, недлинная, с едва намеченным раздвоением, дана, как и волосы, без излишней детализации. Зрачки отмечены углубленными точками на фоне окаймленных двойной линией (содействующей впечатлению рельефности) глаз ромбовидной формы.

Христос представлен в фас, с закрытой книгой в левой руке; правая, как и на камее № 358, согнута в локте и обращена перед грудью ладонью наружу. Кисти рук большие, исполнены несколько грубовато. Крышка евангелия украшена изображением камней (в центре — врезанный ромб, по углам дужки) и жемчужин в виде углубленных точек по краям. Такими же, крестообразно расположенными группами из пяти углубленных точек, украшено и перекрестие нимба.

Складки хитона на груди и гиматия на руках переданы характерными, иногда пересекающимися уголками; в нижней части — косыми штрихами.

По сторонам изображения надпись: $\overline{\text{IC}} \mid \overline{\text{XC}} \parallel \text{O} \mid \text{E} \mid \Lambda\text{E} \mid \text{H} \mid \text{M}\Omega \mid$ Ἰησοῦς Χριστός ὁ ἐλεήμων, что значит. „Иисус Христос милостивый".

Вырезанная на обратной стороне надпись (рис. 6) расположена в пять строк: ΧΕΟΘС | ΟΕΙССЕ | ΕΛΠΙΖΩ | ΟΥΚΑΠΟ | ΤΥΓΧΑΝΕΙ | = Χρίστε ὁ θεός, ὁ εἰς σὲ ἐλπίζω[ν] οὐκ ἀποτυγχάνει, что значит: „Христе Боже, уповающий на тебя да не обманется". Эта надпись, возможно, представляет часть молитвы[20].

Выше был приведен довольно большой перечень известных нам камей с погрудным изображением Христа[21]. Иконографическое своеобразие нашего экземпляра заключается в своеобразном положении руки, обычно представленной в жесте благословения. Единственным в своем роде является и имеющийся здесь эпитет Христа — ὁ ἐλεήμων. Можно было бы высказать предположение: не характерно ли такое положение руки для данного типа Христа?

Эпитет ὁ ἐλεήμων нам пришлось встретить лишь еще на одном памятнике, а именно на мозаичной иконе, хранящейся в Берлинском музее[22]. О. Вульф датировал ее XI—XII вв., а В. Н. Лазарев, как нам кажется, достаточно убедительно уточнил датировку, отнеся икону к первой половине XII в. Он же, вслед за О. Вульфом, высказал предположение, что этот тип Христа восходит, по всей видимости, к прототипу, находившемуся в построенной Алексеем Комнином церкви Спасителя Χριστὸς φιλάνθρωπος[23].

Но на берлинской мозаике, в отличие от нашей камеи, рука прижата к груди в жесте благословения; следовательно, нет основания для гипотезы об едином иконографическом прототипе для обоих памятников. С другой стороны, несмотря на близость понятий ἐλεήμων и φιλάνθρωπος, нельзя утверждать их полное совпадение. Не забудем, что и на русском языке встречаются определения как милостивого, так и человеколюбца. Больше того, есть основания предполагать, что в Византии, кроме храмов, посвященных Христу-человеколюбцу — φιλάνθρωπος (об одном из таких храмов, построенном в конце XI в., у нас есть вполне определенные сведения) существовали также и храмы Христа милостивого — ἐλεήμων. Некоторые данные для этого можно вывести из наименования церкви Христа Милостивого, зафиксированного русским паломником Зосимой, посетившим Царьград в 1420 г.[24] Интересно отметить также, что в известном „Руководстве" (Эрминии) Дионисия из Фурны, восходящем к XVI в., обозначение Христа ὁ ἐλεήμων наряду с φιλάνθρωπος[25] хорошо известно; вопрос об источниках этого памятника является все еще спорным, однако не подлежит сомнению, что в нем отразились многие старые традиции. Известно, наконец, установление празднества всемилостивому Спасу и пресвятой богородице в XII в. „по случаю знамений от образа спасителя во время сражений греческого царя Мануила (1143—1180) с сарацинами и благоверного князя русского Андрея Боголюбского (1157—1174) с болгарами в 1164 г."[26]

Все изложенное не дает нам прямых оснований для датировки публикуемой камеи, однако не исключает и возможности отнести ее ко времени, предшествующему построению храма Χριστὸς φιλάνθρωπος.

Сравнивая наш камень с сохранившимися в других собраниях, можно установить их общие черты. Пожалуй, наибольшую близость представляет камея из Венского музея[27]: при том, что здесь нет орнаментации ни на нимбе, ни на переплете, а руки переданы еще грубее, наблюдается сходство в трактовке волос и бороды (довольно обобщенными прядями), в изображении глаз (углубленной точкой внутри ромба). Похожа и разделка одежд, правда, несколько более резкая. К сожалению, датировка этого камня довольно расплывчата — в пределах от X до XII в. Некоторое сходство с нашим представляет также камень, хранящийся в Са-

[17] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери, т. II, стр. 54—69.

[18] Номер по инвентарю Эрмитажа ω 353; размеры 2,8 × 3 см. Состояние сохранности хорошее, лишь по краю имеются мелкие щербинки.

[19] Catalogue des pierres gravées du Cabinet de feu son altesse sérénissime monseigneur le duc d'Orléans, № 1378.

[20] Близкое обращение имеется, например, в акафисте Исусу Сладчайшему: „Иисусе, надежда моя, не остави меня".

[21] См. перечень на стр. 208.

[22] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1., М., 1947, стр 124; т. II, М., 1948, табл. 196; O. Wulff. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke, Bd. III, Teil II. Berlin, № 1289, S. 95—96.

[23] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 323, примеч. 69; O. Wulff und M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Hellerau bei Dresden, 1925, S. 53—54, 260.

[24] Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. I, Иконография. . . Иисуса Христа, стр. 17; его же. Византийские церкви и памятники Константинополя. — Труды VI Археологического съезда, т. II. Одесса, 1886, стр. 82.

[25] Manuel d'iconographie chrétienne publié par A. Papadopoulos-Kerameus, SPb., 1909, p. 227, 281.

[26] Архиерей Сергий. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2-е, т. II. Владимир, 1901, стр. 296. За это указание благодарю Е. Э. Гранстрем. Она же высказала мнение, что определению „всемилостивый" должно предшествовать "милостивый".

[27] F. Eichler und E. Kris. Die Kameen im Kunsthistorischen Museum, Taf. 20, № 128, S. 95.

binet des Médailles в Париже[28]. Однако формы здесь более грузные и общая трактовка грубее. В передаче волос ощущается тенденция к графичности. Л. Брейе датирует этот памятник XI в.

Великолепным образцом камнерезного искусства является известная камея с погрудным изображением Христа из собрания Sommerwile, ныне в музее Филадельфийского университета[29]. Занимая первое место по художественному качеству, этот камень, возможно, несколько позднее эрмитажного. На это указывает характерная для Комниновского периода повышенная графичность в изображении волос и бороды.

Огрубение интересующего нас типа изображения наблюдается на камее Британского музея[30]. В отличие от всех других изображений Христос представлен здесь с открытой книгой. Нимб орнаментирован сходно с нашим (лишь справа точки слились в виде четырехлистника); общая манера исполнения графическая: это заметно, например, в трактовке бороды, в повторяющихся складках одежд. Не исключена возможность отнесения этого памятника к началу XII в. На это время указывают как стилистические, так и палеографические особенности, заметные в начертании букв на книге. Интересно отметить также, что изображение Христа с открытой книгой встречается на бронзовых монетах Комниновского периода[31].

Помимо приведенных аналогий, имеются еще некоторые геммы с изображением бюста Христа с книгой в левой руке (как, например, сапфир из собрания Feuardent, ныне в Думбартон-Окс в Вашингтоне[32], или другой сапфир, хранящийся в Британском Музее[33]), стилистически далекие от рассматриваемой группы, возможно, в силу специфики материала: иначе трактованы здесь волосы и борода, другими приемами исполнены глаза и т. д.

Произведенное сопоставление с аналогичными памятниками дает основания, как нам кажется, для датировки камеи из собрания Эрмитажа XI в. Однако это заключение нуждается в подтверждении.

Как отмечалось выше, изображения на памятниках глиптики ближе всего к тем, которые встречаются на монетах и тесно с ними связанных печатях. Бюст Христа с книгой в левой руке был представлен впервые на монетах периода первого царствования Юстиниана II (685—695)[34]. Здесь, как и на первых монетах послеиконоборческого периода, где вновь появляется бюст Христа, бросается в глаза отсутствие изображения нимба: перекрестие дается непосредственно по фону монеты[35]. То же наблюдается и на печатях времени Василия I[36].

[28] L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, pl. XVIII, 1; E. Babelon. Catalogue des camées..., № 333, p. 179.

[29] Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition Held at the Baltimore Museum of Art, pl. LXXVII, № 554.

[30] O. M. Dalton. Catalogue of the Early Christian Antiquities..., pl. III, № 106, p. 47.

[31] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. LXV, 9.

[32] L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, pl. XVII, 1; Early Christian and Byzantine Art, pl. CXIX, D.

[33] O. M. Dalton. Catalogue of the Early Christian Antiquities..., pl. III, № 107.

[34] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. XXXVIII, 15, 16.

[35] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. XLIX, 16—18; L, 10.

[36] Н. П. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати Византийских императоров. М., 1911, рис. 77, 78. V. Laurent. Documents de sigillographie. La collection C. Orghidan. Paris, 1952, № 3, p. 14, pl. I, 3.

Погрудное изображение Христа с полным крещатым нимбом становится обычным на монетах начиная с Константина VII[37]. Оно было широко распространено в течение всего периода правления Македонской династии. Этот новый вариант характерен также и для сфрагистики[38].

На ряде монет можно усмотреть большую близость к публикуемой камее как в типе Христа (овале его лица, характере прически и бороды), так и в отдельных деталях, например в орнаментации креста или переплете книги[39]. Особенно заметно сходство с монетами и моливдовулами Василия II и Константина VIII (976—1025)[40]. Позднее, в 70-х годах XI в., сохраняется сходство в орнаментации нимба, но заметно меняется трактовка лица и бороды Христа[41].

В период царствования Комнинов погрудное изображение Христа на монетах встречается значительно реже и постепенно приобретает все более схематичный характер[42].

На основании монетных данных нам представляется, таким образом, возможным датировать камею из собрания Эрмитажа скорее всего началом XI в. Подобной датировке не противоречат, по мнению Е. Э. Гранстрем, и особенности письма: легкие утолщения на концах букв, отсутствие характерной для позднейшего времени тенденции к украшательству дают основания для такого заключения.

* * *

3. Среди византийских камей собрания Эрмитажа особо выделяется качеством исполнения голубоватый прозрачный халцедон овальной формы с погрудным изображением Василия Великого (табл. II, *7*)[43]. Правой рукой святой благословляет, в прикрытой концом плаща левой держит прижатую к груди книгу. Отчетливо переданы мастером кресты с чуть расширяющимися концами на омофоре и обрез книги (переданный углубленными штрихами). По сторонам бюста — врезанная надпись: АГ | О || ВА | СІ | ЛЕІ | ОС.

Бросается в глаза высокий рельеф, почти скульптурный характер изображения: голова в верхней части дана объемно, тонко исполнены морщины на лбу, борода и волосы. Иконографический тип Василия Великого отличается удлиненной формой головы и длинной бородой; на нашей камее эта удлиненность несколько преувеличена, возможно, обусловленная формой камня. В углублении глаз не отмечены зрачки, дано лишь линейное обрамление.

К сожалению, мы не располагаем точно датированными близкими аналогиями для данного памятника. Некоторые общие стилистические черты он имеет с сапфиром, представляющим Христа (ныне в собрании

[37] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. LIII, 7, 12—14.

[38] V. Laurent. Documents de sigillographie, pl. I, 4; Н. П. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати..., рис. 79, 80.

[39] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. LV, 1—5; LVI, 3—8; LVII, 2—7 и др.

[40] Ibid., vol. II, pl. LVI, 7, 12, 14; V. Laurent. Documents de sigillographie, pl. I, 4.

[41] W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins..., vol. II, pl. LXII, 8—9.

[42] Ibid., vol. II, pl. LXV, 9; LXVIII, 4 и др.

[43] Происходит из собрания Екатерины II. Номер по инвентарю Эрмитажа ω 362. Размеры 2,1 и 1,6 см. По левому краю — щербинка; вторая, меньшая — по правому краю.

Думбартон-Окс)[44]. Христос здесь дан в тех же повышенных пропорциях, по-видимому, также в высоком рельефе. В той же манере исполнена благословляющая рука и обрез книги. Сходно трактованы волосы и складки одежд. Л. Брейе и Марвин Росс датируют эту камею X в. Нам представляется возможным отнести к этому времени и эрмитажную камею.

X век, как известно, был периодом своеобразного „классицизма" в Византии. Этим временем определяется несколько изысканных по исполнению рельефов из слоновой кости[45]. Их отличает также тенденция к скульптурности, а иногда и те же, несколько удлиненные, пропорции, которые наблюдаются в изображении Василия. Некоторое сомнение вызывает начертание букв на камее: в них можно усмотреть едва заметную тенденцию к украшательству. Подобные горизонтальные хвостики у букв имеются, например, на упомянутой выше камее Никифора Вотаниата[46]. Возможно, однако, объяснить эти палеографические особенности либо позднейшим начертанием надписи, либо особо парадным характером этого памятника.

Рис. 3. Св. Георгий: обратная сторона камеи

* * *

4. Овальная (несколько приплюснутая сверху, а отчасти и снизу), камея с изображением святых Георгия и Димитрия (табл. II, *2*) сделана тоже из голубоватого прозрачного халцедона (лишь с незначительными темными вкраплениями)[47]. Святые представлены в рост, фронтально, в типе мучеников, в хитонах и застегнутых на правом плече круглыми фибулами плащах, с небольшими крестиками в правой руке; левая приподнята и прикрыта плащом. По сторонам слабо врезанные надписи: АГ | О | ГЄΩ | РГІ | ОС — слева и АГ | О | ΔMH | P̄I | ОС — справа. Изображения также даны в высоком рельефе, головы почти отделены от фона, но все же исполнение несколько слабее, чем на камее с Василием. В соответствии с обычным типом, присвоенным этим святым, Георгий представлен с курчавыми, а Димитрий со слегка волнистыми волосами[48].

[44] L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, pl. XVII, 1, p. 67; [Marvin C. Ross]. Early Christian and Byzantine Art, pl. CXIX, D.

[45] A. Goldschmidt u. K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. II, Taf. IV, XI, XVI, XIX.

[46] L. Bréhier. La sculpture et les arts mineurs byzantins, pl. XVII, 2, p. 67.

[47] Номер по инвентарю Эрмитажа ω 361. Происходит из собрания Екатерины II. Размеры 2,7 и 2 см. Мелкие щербинки слева, по краю.

[48] Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, стр. 280.

Как известно, эти святые в период XI—XII вв. фигурируют все чаще в обличии воинов[49]. Самый факт их изображения на нашей камее в старом типе мучеников дает некоторое, хотя отнюдь не решающее, основание для ее ранней датировки, вероятно, X в. На это время указывают и стилистические черты, весьма близкие камее с изображением Василия.

Исключительную близость с публикуемым памятником представляет один византийский камень из так называемого Cheapside клада в Лондонском музее, значащийся под № A. 14113[50]. При полном иконографическом сходстве (отличие лишь в расположении фигур: Димитрий слева, а Георгий справа) чрезвычайно близки (насколько можно судить по репродукциям) и технические и стилистические черты обоих памятников. Наконец, сходны палеографические особенности, характер лигатур и др. Автор каталога считает, что камень можно датировать не позже начала XI в., а возможно, и более ранним временем. Мы полагаем, что к тому же времени относится и наша камея.

На обратной стороне халцедона с изображением Георгия и Димитрия имеется врезанное изображение всадника (рис. 3), очевидно, святого Георгия, поражающего дракона. Вздыбленный конь скачет влево, плащ всадника представлен в бурном движении. Над головой его, по всей видимости, изображены облака. В фигуре всадника подчеркнута мускулатура, сочленения даны в виде своеобразных узлов. Изображение в целом напоминает барочные памятники. Ни изображение облаков, ни характер передачи строения фигуры Георгия и его коня, так же как дракона, не могут относиться к византийскому периоду. Не предрешая окончательного суждения специалистов, считаем возможным высказать лишь предварительное мнение: не был ли византийский памятник использован для нанесения на него инталии в XVIII в. ?

Вопрос о датировке двух последних камей из собрания Эрмитажа представляется сложным в связи с отсутствием для них прямых, точно датированных аналогий. Но мы склонны все же относить их ко времени так называемого македонского возрождения. Качество их исполнения, своеобразный аристократизм изображений заставляют считать эти памятники безусловно константинопольскими.

Дальнейшее исследование материала, возможно, позволит прийти к более уверенным заключениям.

[49] В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве. — ВВ, VI, 1953, стр. 199—200.

[50] The Cheapside Hoard of Elisabethan and Jacobean Jewellery. London Museum Catalogues, № 2, 1928, pl. XI, 2, p. 29—30.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

I. РУКОПИСИ IV—IX ВЕКОВ

Предварительные замечания

Несмотря на то, что сведения о греческих рукописях ленинградских хранилищ неоднократно публиковались, информацию о них нельзя считать удовлетворительной. Описания рукописей и заметки о них разбросаны по различным, иногда труднодоступным, изданиям, что затрудняет розыски сведений об отдельных рукописях и препятствует обозрению собраний в целом. Сведения о многих рукописях (например, о рукописях собрания Русского археологического института в Константинополе, ныне находящегося в Библиотеке Академии наук СССР) вообще в печати не появлялись.

Опубликованные мною обзоры рукописных собраний не охватывают все рукописные богатства Ленинграда в части средневековой греческой письменности, так как их целью была общая характеристика собраний с выделением лишь наиболее примечательных памятников[1].

Ввиду вышесказанного представляется целесообразным дать сводный каталог греческих рукописей всех ленинградских собраний.

Самое многочисленное и наиболее известное собрание находится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ПБ). На истории каталогизации этого собрания следует остановиться. Первые каталоги греческих рукописей ПБ были опубликованы библиотекарем Эдуардом Мюральтом[2] в 1840 и в 1864 гг.[3]

Позднейшие поступления описывались в „Отчетах" ПБ, публиковавшихся ежегодно с 1850 г. Для описания больших собраний иногда привлекались ученые со стороны, постоянно в ПБ не служившие. Так, для описания собрания Порфирия Успенского (поступило в ПБ в 1883 г.) были приглашены В. Г. Васильевский и В. К. Ернштедт. Однако, как правило, описание всех вновь поступавших рукописей вел И. А. Бычков, заведовавший Отделом рукописей ПБ с 1880 г. по 1944 г.

В начале текущего века подготовку печатного каталога греческих рукописей ПБ начал А. И. Пападопуло-Керамевс, получивший в 1904 г. место библиотекаря богословского отделения ПБ. Им были сделаны описания большей части рукописей, составлявших в то время фонд греческих рукописей ПБ; эти описания, составленные на новогреческом языке, отрывочны и не могут быть использованы в настоящее время[4].

После смерти А. И. Пападопуло-Керамевса греческими рукописями ПБ ведал Х. М. Лопарев; следов его работы над рукописями почти не сохранилось[5].

После Великой Октябрьской социалистической революции фонд греческих рукописей ПБ был вверен В. Н. Бенешевичу, который, прослужив в Библиотеке в общей сложности около восьми лет (1924—1928 гг. и 1934—1937 гг.), подготовил за это время несколько исследований, посвященных отдельным рукописям (например, исследование о Вазелонских актах и публикацию их), публикации текстов и т. п. Им была также начата подготовка каталога греческих рукописей ПБ. Подготовительные материалы к этому каталогу в настоящее время хранятся в Отделе рукописей ПБ.

Эти материалы содержат черновые наброски описаний отдельных рукописей; тексты, как правило, не отожествлены, издания их не указаны. В описаниях ново- и ветхозаветных рукописей отсутствуют индексы, принятые в специальной литературе для отдельных кодексов. При использовании этих материалов мною делается соответствующая ссылка: „По указанию Бенешевича" (см., например, № 46, 94 и др.).

В. Н. Бенешевичем было также подготовлено предисловие к каталогу греческих рукописей, состоявшее из трех разделов: 1) История фонда; 2) Использование фонда; 3) Правила описания.

Наиболее законченный вид имеет второй раздел — „Использование фонда". На основании регистрационных книг читального зала Отдела рукописей ПБ, куда записывались И. А. Бычковым с 1881 г. все посетители зала и все выдаваемые рукописи, В. Н. Бенешевич составил „Указатель лиц, работавших над рукописями, и их трудов". Составляя этот указатель, В. Н. Бенешевич руководствовался тем соображением, что при описании рукописей важно указать, в какой мере каждая рукопись была использована, в каких трудах можно найти о ней сведения, кто и когда ее изучал. Необходимо подчеркнуть, что составление указателя такого рода было предпринято впервые В. Н. Бенешевичем. Составители описаний или каталогов рукописных собраний далеко не всегда указывают библиографию описываемых кодексов. Лишь в правилах описаний для греческих рукописей, напечатанных Р. Девреесом в 1954 г., предъявлено требование отмечать в описании наличие пометок на рукописях, принадлежащих каким-либо крупным ученым[6]. Указатель, составленный В. Н. Бенешевичем, дает картину использования греческих

---

[1] См. Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Гос. Публичной библиотеки. — В кн.: Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Труды, т. II, (V), Л., 1957, стр. 211—237; ее же. Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — ВВ, VIII, 1956, стр. 192—207; ее же. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, стр. 272—284.

[2] Эдуард де Мюральт (Ed. de Muralt, 1808—1895), родом швейцарец, был библиотекарем ПБ с октября 1838 г. по 1864 г.; пользовался славой выдающегося знатока греческих рукописей. О Мюральте см.: С. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. IV, 1917, стр. 446. Его портрет см. в кн. „Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 годы". Л., 1940.

[3] Catalogus codicum Bibliothecae Imp. Publicae graecorum et latinorum. Fasc. I: Codices graeci. I. Ecclesiastici. II. Profani. 1840; Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imp. Publique. St-Pétersbourg, 1864. В каталог 1840 г. вошло всего 43 рукописи, а в каталог 1864 г. — 179.

[4] См. о Пападопуло-Керамевсе: В. Н. Бенешевич. А. И. Пападопуло-Керамевс (1855—1912). — В кн.: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, τ. V. Ἐν Πετρουπόλει, 1915, σελ. 1—14; список трудов см. там же, σελ. 607—641; в моем обзоре греческих рукописей ПБ, названном выше, указаны некоторые некрологи Керамевса.

[5] О нем см. В. И. Срезневский. Х. М. Лопарев. — „Русский исторический журнал", 1918, кн. 5, стр. 327—342.

[6] R. Devreesse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, p. 282: „Les traces du passage de nos manuscrits entre les mains des grands érudits (index, postilles) sont également mentionnées".

рукописных фондов ПБ примерно за 50 лет. К сожалению, и этот указатель не вполне был закончен автором[7]. Библиография также далеко не полна.

Что касается рукописей, хранящихся в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, то над их описанием систематически не работал никто. Сведения об отдельных рукописях печатались в Известиях Русского археологического института в Константинополе (1896—1912 г.), в Докладах и Известиях Академии наук СССР М. А. Шангиным в 20-х годах текущего века, а в прошлом веке — Эдуардом Муральтом в Bulletin de l'Académie des Sciences Impériale.

* * *

Описание рукописей заключает в себе следующие сведения:

1) Название рукописи; установившиеся в научной литературе для отдельных рукописей названия (например, Вазелонские акты, Синайский кодекс и т. п.) приводятся в начале описания в кавычках, после чего дается точное название описываемой рукописи. В случае невозможности точно определить текст ввиду его плохой сохранности после названия поставлен знак вопроса. Для описания евангельских текстов употребляются два названия, соответствующие содержанию описываемых рукописей: а) так называемые четвероевангелия (в русской практике — евангелия „тетр") названы „евангелиями"; б) так называемые евангелия апракос, текст которых расположен в соответствии с ежедневными церковными службами, названы „евангельскими чтениями". Этот же принцип применяется при определении апостольских текстов.

2) Дата.

3) Указание на место написания рукописи — если таковое имеется или может быть установлено на основании косвенных данных (в последнем случае название места помещается в квадратных скобках).

4) Материал.

5) Тип письма и особенности его (в случае необходимости — например, большое число итацизмов).

6) Миниатюры и орнамент.

7) Наличие экфонетических знаков и невм.

[7] Наряду с именами ученых встречаются имена служащих Отдела внешних работ ПБ, выполнявших лишь заказы на фотографирование рукописей; в этих случаях важно было бы установить, по чьему заказу изготовлялся и кому отсылался тот или иной снимок. Однако в настоящее время необходимая для этой цели документация не сохранилась. Особо следует отметить, что в указателе значится А. Эрхард (A. Ehrhard), якобы пользовавшийся греческими рукописями ПБ в 1937 г. В книгах регистрации читателей за 1937 г. фамилия Эрхарда не встречается. Остается предположить, что В. Н. Бенешевич посылал ему сведения о некоторых рукописях (возможно, даже их фотографии) и потому нашел нужным включить его в свой список. Известно, что А. Эрхард состоял в переписке с В. Н. Бенешевичем. На основании сведений, полученных от последнего, Эрхард указывает, что в ПБ имеется 988 греческих рукописей (см. A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiograph. und homilet. Literatur der griech. Kirche, I. Teil, 5. Lieferung. Leipzig, 1937, S. XLIX). Эта цифра неверна; она указана по старому инвентарю греческого рукописного фонда, куда были (без достаточных, на мой взгляд, оснований) включены 105 рукописей Маттеи, хранящиеся в собрании СПб. Духовной Академии. Рукописи Маттеи представляют подготовительные, рабочие материалы по изданию новозаветных, богословских и классических текстов, переписанные рукой Маттеи (см. А. Родосский. Описание 432 рукописей, принадлежащих СПб. Духовной Академии. СПБ, 1894). Кроме того, в это же число (988) вошли и те рукописи, что были в 20-х годах XX в. переданы в Польшу согласно Рижскому договору 1921 г. и в настоящее время в ПБ отсутствуют.

8) Запись писца.

9) Пометы и записи — современные рукописи и позднейшие.

10) Переплет.

11) Количественная характеристика: число листов; размер листа и размер текста (в сантиметрах); число столбцов, если их больше одного; число строк.

12) Сведения об истории рукописи.

13) Библиография рукописи (но не текста!); указываются важнейшие работы.

14) Сведения о сохранности рукописи.

15) Местонахождение и шифр рукописи.

При описании палимпсестов эта схема усложняется, так как и позднейший и смытый тексты должны быть охарактеризованы самостоятельно, как отдельный памятник письменности. Над выявлением смытых текстов работает в настоящее время сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов при Президиуме Академии наук СССР Д. П. Эрастов. Если имеются снимки смытых текстов, в конце описания отдельных палимпсестов помещается указание на наличие этих снимков и сведения о приемах выявления смытого текста, составленные Д. П. Эрастовым.

При передаче текста соблюдались следующие правила: написание писца сохраняется; титла раскрываются, причем восстанавливаемая часть слова заключается в круглые скобки. Части слов и буквы, утраченные вследствие каких-либо повреждений или пятен, восстанавливаются в прямых скобках. Слова и буквы, не поддающиеся прочтению, заменяются точками по предполагаемому числу утраченных букв. Строки разделяются косой чертой (например, Ἰω/άννης).

При описании ветхозаветных и новозаветных текстов в разделе библиографии указываются также индексы, принятые для каждой описываемой рукописи в соответствующей литературе[8].

Список сокращений

р-сь — рукопись

м-рь — монастырь

ПБ — Государственная Публичная ордена Трудового Красного Знамени библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

БАН — Библиотека Академии наук СССР

РАИК — Русский археологический институт в Константинополе

Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T. — A. Rahlfs. Verzeichniss der griechischen Handschriften des Alten Testaments für das Septuaginta-Unternehmen aufgestellt (Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philol.-hist. Kl., 1914, Beiheft-Mitteilungen des Septuaginta-Unternehmens der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Bd. 2). Berlin, 1914.

Gregory. Textkritik d. N. T. — C.-R. Gregory. Textkritik des Neuen Testaments, Bd. I—III. Leipzig, 1900—1909.

Бенешевич. Описание, т. I. — В. Н. Бенешевич. Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае, т. I. СПб., 1911.

[8] C.-R. Gregory. Textkritik des Neuen Testaments, Bd. I—III. Leipzig, 1900—1909; K. Treu. Die Bezeichnung der griechischen Handschriften des Neuen Testaments. — Forschungen und Fortschritte, 1953, 27. Jg., Heft 2, S. 62—63; A. Rahlfs. Verzeichniss der griechischen Handschriften des Alten Testaments. Berlin, 1914 (Mitteilungen des Septuaginta- Unternehmens der Königlichen Gesellschaft des Wissenschaften zu Göttingen, Bd. 2).

* * *

1. Менандр. Отрывки из комедий „Фасма" и „Третейский суд". IV в.

Пергамен. Унциал.

3 обрывка. Размеры: I—11,0 × 8,5; II—10,2 × 15,2; III—6,5 × 5,1. Первоначальный размер неизвестен. Сохранилось от 6 до 27 неполных строк.

Собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си велика, так как она упоминается в большинстве трудов, посвященных творчеству Менандра. В. К. Ернштедт. Порфириевские отрывки из аттической комедии. Палеографические и филологические этюды. Записки ист.-филол. факультета Санкт-Петербургского университета, ч. XXVI. СПб., 1891; Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей Публичной Библиотеки. СПб., 1914, табл. I, 3—4.

ПБ, греч. № 388.

2. „Синайская библия", „Синайский кодекс", „Codex Sinaiticus", Книга Бытия. XXIII_{9}—XXIV_{14}; XXIV_{30-46}; Книга Чисел, отрывки из V—VII глав. Пастырь Гермы, Mandatum, II, 7, IV, 3. IV в.

Пергамен. Унциал.

6 обрывков неправильной формы. Размер обрывков от 10,3 × 2,8 до 21,5 × 23,0. 4 столбца. Сохранилось от 10 до 34 строк.

Собр. Тишендорфа (греч. № 2) и собр. Порфирия Успенского (греч. № 259). Происхождение отрывка № 843 установить не удалось.

Библиография всей р-си очень велика. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 96—97, 226—229, 382, 385, 387, 391, индекс ℵ; K. Lake. Codex Sinaiticus. London, 1911; его же. Codex Sinaiticus Petropolitanus et Friderico-Augustanus Lipsiensis. Oxford, 1922 (Это издание мне недоступно). ПБ, греч. № 2, 259 и 843.

3. Библия, Книга Юдифь, XI_{23}—$XII_{3,59}$. IV в.

Пергамен. Унциал. Текст смыт и не читается, но не покрыт позднейшим текстом.

Обрывок листа. 18,9 × 14,7. 2 столбца и 1 столбец обрезанный.

Поступил в собрание Общества любителей древней письменности от неизвестного лица. Описан по В. Н. Бенешевичу. Описание, т. I, стр. 639—642. Вряд ли этот отрывок принадлежит к Синайской Библии, хотя у Бенешевича он описан именно так.

ПБ, собр. Об-ва любителей древней письменности О № 156.

4. Ветхий Завет? Отрывки. IV в.

Пергамен. Палимпсест. Унциал коптского дукта, покрытый в XIII в. минускульным текстом.

2 лл. 31,0 × 23,5. 3 столбца.

Собр. Тишендорфа. Содержание описано по Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 222—223, 352, 410, индекс 626 (с датировкой IX в.).

ПБ, греч. № 42.

5. Книга Судей, IX_{48}—X_{6}. IV—V вв.

Унциал. Надстрочные знаки отсутствуют. На оборотной стороне листа помечен рукой писца номер тетради: N̄Ē.

1 л. 23,7 × 23,0 и 15,5 × 17,0. 2 столбца. 28 строк.

Собр. П. П. Дубровского. Отрывки из той же р-си, что и ПБ, греч. № 3, хранятся в Париже (Национальная б-ка, греч. № 17) и в Лейдене (б-ка Университета Voss. graec. in qu. № 8). Описание и библиографию см. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 94, 221, 339, 374, индекс G.

На об. листа текст пострадал, читается с трудом; в пергамене имеются мелкие дырки.

ПБ, греч. № 3.

6. Псалтирь, $CXLI_{7}$—$CXLII_{3}$ и $CXLIV_{7-13}$. IV—V вв.

Пергамен. Унциал. Рубрика. Надстрочные знаки отсутствуют.

1 л. 10,0 × 10,0, размер текста тот же. Сохранилось 20 неполных строк.

Собр. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 221, 372, 391, индекс 2027.

Пергамен истлел, разорван и загрязнен; текст читается с трудом.

ПБ, греч. № 4.

7. Евангелие: от Матфея, $XIV_{13-16,19-23}$; XXIV_{37}—XXV_{1}; XXV_{32-45}; XXVI_{31-45}; от Марка, $IX_{14-18,19-22}$; $XIV_{58-64,65-70}$. V в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом. Имеются пятна от химических средств, с помощью которых делались попытки выявить смытый текст.

6 обрезанных лл. 20,0 × 15,3. 2 столбца. 22—27 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 53, 1021, 1061, индекс 067. Имеются снимки лл. 11—11 об. Смытый текст выявлен посредством фотографирования видимой люминесценции документа, возбужденной длинноволновым ультрафиолетом (365 mμ).

ПБ, греч. № 6, лл. 7—12.

8. Евангелие от Матфея, $XXVI_{2-4,7-9}$. V в.

Пергамен. Крупный унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно.

Обрезок листа. 18,0 × 23,8. 2 столбца. Сохранилось $9^{1}/_{2}$ строки.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 89, 1038, 1063, индекс 089.

ПБ, греч. № 280.

9. Евангелие от Марка. Отрывки. V в.

Пурпурный пергамен. Крупный унциал, писанный золотом. Сохранились только следы букв. Отрывки этой р-си хранятся также в Патриаршей б-ке в Каире [9].

2 маленьких обрывка. 2,0 × 1,8.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 59, 1062, индекс 0,80; Порфирий Успенский. Путешествие по Египту и в монастыри св. Антония Великого и преподобного Павла Фивейского 1850 г. СПб., 1856, стр. 77; его же. Восток Христианский, Египет и Синай. М., 1857, табл. XIII—XIV.

ПБ, греч. № 275.

10. Евангелие от Иоанна, XI_{50}—XII_{9}, XV_{12}—XVI_{2}; XIX_{11-24}. V в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом. Пергамен покрыт темными пятнами от химических средств, применявшихся при попытках выявить смытый текст.

3 лл., перегнутых пополам при изготовлении грузинской р-си в X в. 28,0 × 18,5. 29 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T. S. 52—53, 1021, 1061, индекс 065.

Имеются снимки лл. 1—1 об. Смытый текст выявлен тем же методом, что и текст, описанный под № 7 (см. выше).

ПБ, греч. № 6, лл. 1—3.

11. 1-е послание апостола Павла к Коринфянам. Отрывки. V в.

Папирус. Унциал. Отрывки из двух папирусных кодексов.

---

[9] Ввиду плохой сохранности отрывков определить их содержание точнее не удалось. Среди снимков с р-сей, имеющихся в собрании Порфирия Успенского, имеются снимки с отрывков, хранящихся в Каире.

17 обрывков разного размера. Первоначально размер листов был 20,0 × 15,0, а число строк — 12—13.

Собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си велика.— Gregory. Textkritik d. N. T., S. 119, 1041, 1091, индексы $\mathfrak{P}^{11}$ и $\mathfrak{P}^{14}$; K. Treu. Zur Rekonstruktion eines neutestamentlichen Papyruskodex. — „Forschungen und Fortschritte" Bd. XXXI, 1957, Heft 6, S. 185—189; K. Aland. Neue neutestamentliche Papyri. — „New Testament Studies", III, 1957, p. 261—286; idem. Zur Liste der neutestamentlichen Handschriften VI. — „Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche", 48. Bd., 1957, S. 158.

ПБ, греч. № 258.

12. Послания апостольские: 1-е к Коринфянам, XV_{53}—XVI_{9}; к Тимофею, 1_{1-13}. V в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, частично покрытый в X в. грузинским текстом.

2 обрезанных лл. 20,0 × 14,5. 2 столбца. 24 строки.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 116, 1041, 1063, индекс **088**.—

Имеются снимки лл. 6—6 об. Смытый текст выявлен тем же методом, что и смытые тексты под № 8 и 11 (см. выше).

ПБ, греч. № 6, лл. 5—6.

13. Деяния апостольские, XXVIII_{8-17}. V в. Синай.

Пергамен. Палимсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом.

Обрезок листа. 19.7 × 15,4. 2 столбца. 25 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 101, 1039, 1061 индекс **066**.

ПБ, греч. № 6, л. 4.

14. Беседа богословская? Отрывки. V в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом. По мнению Р. О. Шмерлинг (Тбилиси), л. 6 относится к той же грузинской р-си, что и 3-й лист р-си ПБ, № 41 (см. описание под № 43).

8 лл. 18,5 × 14,4. 16 строк?

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente allata. Lipsiae, 1855, p. 10.

ПБ, греч. № 7.

15. Богослужебный текст? Отрывок. V в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый сирийским текстом, а затем в X в. — грузинским текстом. Видны отдельные греческие буквы.

Обрезок листа. 19,5 × 15,0.

Точнее р-сь вряд ли может быть определена ввиду плохой сохранности текста.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente allata, p. 11, № XIII—I.

ПБ, греч. № 8.

16. Книга Чисел. Отрывки. V—VI вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый текстом VIII в.

44 перегнутых пополам листа. 25,5 × 19.2. 25 строк.

Содержание (по указанию — Rahlfs): Книга Чисел, I_{1-30}; I_{40}—II_{14}; II_{30}—III_{26}; V_{13-23}; VI_{6}—VII_{7}; VII_{41-78}; VIII_{2-16}; XI_{3} — XIII_{11}; XIII_{28} — XIV_{34}; XV_{3-20}; XV_{32}—XVI_{31}; XVI_{44} — XVIII_{4}; XVIII_{15-26}; XXI_{15-28}; XXII_{30-41}; XXIII_{12-27}; XXVI_{54}—XXVII_{15}; XXVIII_{7}—XXIX_{36}; XXX_{9}—XXXI_{48}; XXXII_{7}—XXXIII_{5}; XXXV_{3-17}; XXXVI_{6-13}.

Собр. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 222, 352, 374, индекс 624.

Точнее текст может быть описан лишь по выявлении его.

ПБ, греч. № 5.

17. Псалтирь $LXXVIII_{5-8,39}$. VI в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки, насколько можно судить при плохой сохранности текста, не употребляются.

8 маленьких обрезков, извлеченных из переплетов.

Размер от 0,9 × 1,9 до 4,7 × 14,5.

Собр. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. Handschriften d. A. T., S. 222, 372, индекс 2028.

ПБ, греч. № 15 b.

18. „Codex N", „Codex purpureus Petropolitanus", „Сармисахлийское евангелие". Четвероевангелие. VI в.

Пурпурный пергамен. Унциал, писанный серебром и золотом [10].

В бархатном зеленом переплете [11] с накладными серебряными украшениями (распятие и четыре евангелиста).

Листы из этой рукописи хранятся также на о. Патмосе, в Ватикане, Лондоне и Вене.

182 лл. 33,7 × 28,8 и 23,5 × 10,0. 2 столбца. 16 строк.

Поступило в ПБ в 1896 г. из селения Сармисахлы в Малой Азии.

Библиография р-си очень велика. H. S. Cronin. Codex Purpureus Petropolitanus. The text of Codex N of the Gospels ed. with an introduction and an appendice. Cambridge, 1899 (= J. A. Robinson. Texts and Studies. vol. V, № 4); W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago, 1939, pl. XXIX; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 56 сл., индекс **022**.

ПБ, греч. № 537.

19. Евангелие от Матфея, $XIV_{19-27,31-34}$; $XV_{2,4,5-8}$. VI в.

Пергамен. Унциал коптского дукта. Надстрочные знаки отсутствуют.

2 обрезка. Размеры: 13,0 × 20,3 и 12,6 × 9,4. 2 столбца. Сохранилось от 14 до 17 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 67, 1025, 1062, 1459, индекс **084**.

ПБ, греч. № 277.

20. Евангелие от Матфея, XXVI_{59-70}; XXVII_{44-56}; от Марка, I_{34}—II_{12}. VI в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки отсутствуют. Пометы Порфирия Успенского. По Gregory текст был смыт, но на самом деле чернила выцвели, а пергамен пожелтел от сырости.

4 лл. 27,8 × 21,4 и 20,2 × 17,5. 2 столбца. 25 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 89, 1063, индекс **090**.

ПБ, греч. № 276.

21. Евангелие от Матфея, XVIII_{14-25} и от Иоанна IV_{52}—V_{8}. VI в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом.

---

[10] В неизданном стихотворении М. Л. Лозинского, посвященном И. А. Бычкову, в 1926 г., описываемая рукопись определена как „Пурпурный костер Сармисахлы". Эта метафора дает некоторое представление о своеобразной красоте кодекса.

[11] По мнению д-ра Линдберга, библиотекаря Стокгольмской королевской библиотеки, высказанному им во время посещения ПБ в 1958 г., переплет относится к XVI в.

5 полулистов и 1 обрезанный лист, размер которого 26,6 × 19,8. 2 столбца. 22 строки.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 53, 1021, 1062, индекс **078**.

ПБ, греч. № 13, лл. 1—6.

22. Евангелие от Луки, VII_{39-49}, XXIV_{6-19}. VI в. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом.

3 обрезанных листа. 20,0 × 15,0. 2 столбца. На цельном листе было не менее 19 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 53, 1021, 1062, индекс **079**.

ПБ, греч. № 13, лл. 7—10.

23. Евангелие от Иоанна, I_{25-42}; II_{19}—IV_{14}; IV_{34-50}. VI в.

Пергамен. Унциал коптского дукта. Инициалы немного увеличены. Надстрочные знаки, насколько можно судить при плохой сохранности текста, употребляются нерегулярно.

6 лл. 24,8 × 24,2 и 20,5 × 19,2 (подлинный размер листов неизвестен, так как листы по краям обрезаны). 2 столбца. 25 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 67, 1025, 1062, индекс **083**. Листы запачканы клеем, так как использовались в качестве переплета.

ПБ, греч. № 10.

24. Евангелие от Иоанна, $VI_{13-14, 22-24}$. VI в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки добавлены позднее.

Обрезок листа. 18,2 × 13,0. Р-сь была написана в 2 столбца. Сохранилось $13^1/_2$ строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 89, 1038, 1063, индекс **091**.

ПБ, греч. № 279.

25. Послания апостола Павла. Отрывки. VI в.

Пергамен. Унциал. Другие отрывки этой же р-си находятся в следующих хранилищах: Париж, Национальная б-ка, Suppl. Gr. № 1074 и Coislin. № 202; Афон, Лавра, без номера; Москва, Всесоюзная б-ка им. В. И. Ленина, № 526, 1; Москва, Гос. исторический музей, № 60; Турин, Национальная б-ка, B. I. 5 (Ol. LXI). Кроме того, до Отечественной войны один отрывок хранился в Киеве (Гос. б-ка Украинской ССР, Собр. Киевской Духовной Академии № 154) [12].

3 лл. 26,3 × 20,0 и 20,0 × 15,0. 16 строк.

2 лл. из собр. П. П. Дубровского и 1 л. из собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си велика. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 114—116, 1041, индекс **015**.

Пергамен потемнел, текст пострадал.

ПБ, греч. № 14.

26. 2-е послание к Коринфянам, I_{20}—II_{12}. VI в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Инициалы увеличены. Л. 2 подклеен обрывком бумаги с арабским текстом.

2 лл. 27,7 × 20,5 и 20,0 × 17,8. 2 столбца. 18 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 118—119, 1041, 1062, индекс **081**.

Текст на лл. 1 об.—2 стерт, углы листов оборваны.

ПБ, греч. № 9.

[12] Местонахождение киевского отрывка в настоящее время установить не удалось.

27. Богослужебный текст ? Отрывки. VI в.

Пергамен. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. евангельским минускульным текстом.

10 обрезков. Наибольший размер: 10,5 × 15,5.

Собр. Тишендорфа. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 606.

Описано может быть лишь по выявлении текста.

ПБ, греч. № 110 и греч. № 112.

28. Отрывок неизвестного содержания. VI в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. богослужебным текстом. Этот обрывок пергамена был наклеен на переплете Минеи XIV—XV вв.

Обрывок листа. 22,3 × 16,0.

Собр. Сарафова. Определить текст можно лишь по выявлении его.

ПБ, греч. № 847.

29. Отрывки неизвестного содержания. VI в.

Пергамен. Унциал. Надстрочных знаков не найдено.

17 маленьких обрезков разного размера, извлеченных из переплетов. Сохранились обрезки 25 строк. Размеры: от 1,6 × 4,0 до 28,8 × 4,4.

Собр. Тишендорфа.

Текст почти не читается. Обрезки эти принадлежали разным рукописям, содержание которых определить не удалось.

ПБ, греч. № 15.

30. Евангелие от Матфея, XX_{3-32} и XXII_{4-16}. VI—VII вв.

Пергамен. Унциал коптского дукта. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. На лл. 2 и 2 об. — пометы к тексту, писанные унциалом IX в. Карандашные пометы рукой А. И. Пападопуло-Керамевса. В переплете.

3 лл. 23,7 × 19,5 и 16,8 × 13,5. 2 столбца. 26—28 строк.

Собр. А. И. Пападопуло-Керамевса. Р-сь эта была написана в каком-то коптском монастыре. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 68[13], 1026, 1062, индекс **085**; K. Aland. Zur Liste der neutest. Handschriften VI. — „Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche", 48. Bd., 1957, S. 186.

Края листов порваны. Текст на л. 1 почти не читается.

ПБ, греч. № 714.

31. Евангелие от Матфея, XXI_{19-24} и от Иоанна XVIII_{29-35}. VI—VII вв.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно.

1 л. (34,0 × 26,0 и 27,2 × 18,2) и обрывок листа (31,5 × 19,2 и 27,0 × 15,2). 18 строк.

Собр. Тишендорфа (греч. № 12) и собр. Порфирия Успенского (греч. № 278). Бенешевич. Описание, т. I, стр. 605[14]; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 88, 1038, 1063, индекс **087**.

ПБ, греч. № 12 и греч. № 278.

32. Ветхий завет, Маккавеи IV. VII в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в 1301 г. минускульным новозаветным текстом. 3 обрывка, вплетенных в конце палимпсеста, содержащего Апостол. Л. 173-й 2-го тома содержит отрывок из Псевдо-Иосифа, IV кн. Маккавеев. См. Flavii Iosephi Opera omnia, ed. Imm. Bekker, vol VI. Lipsiae, 1856, p. 285,

[13] С неверным указанием, что в р-си 3 столбца.

[14] Бенешевичем также описан как принадлежащий к той же р-си, что отрывки греч. № 12 и греч. № 278, отрывок из собр. А. А. Дмитриевского. Местонахождение этого последнего отрывка в настоящее время определить не удалось.

от слов „. . . τοὔμπροσθεν τεθῆναι . . .“ до слов „. . . στρεβλωτήριά τε καὶ . . .“. Текст почти не читается, так как покрыт темно-синими пятнами от химических средств, применявшихся при попытках выявить смытый текст.

Собр. Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 226 и 355, индекс 930.

ПБ, греч. № 225, т. 1 и т. 2.

33. Евангелие от Матфея, XII_{17-23}. VII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки, насколько можно судить при плохой сохранности текста, отсутствуют. По указанию Бенешевича, этот отрывок из той же р-си, что и р-сь Библиотеки Лейпцигского университета № 1.

2 обрезка. 21,5 × 3,0. Сохранилось 5 неполных строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 87—88, 1037, 1075, индекс **0106**.

ПБ, греч. № 16.

34. Евангелие от Матфея, XXII_{16}—XXIII_{13} и от Марка, IV_{24-35}; V_{14-23}. VII в.

Пергамен. Унциал.

6 лл. 25,5 × 17,0 и 21,0 × 14,5. 2 столбца. 22—23 строки.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 88, 1038, 1075, индекс **0107**; W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago, Mass., 1936, pl. XXXV.

Листы разорваны и запачканы клеем, так как использовались в качестве переплета.

ПБ, греч. № 11.

35. Деяния апостолов, II_{6-17}; XXVI_{7-18}. VII в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом.

2 лл. 19,5 × 13,7; размер текста тот же. Сохранились следы 23 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 101, 1039, 1065, индекс **096**.

Описать подробно можно лишь по выявлении текста. Содержание указано по Gregory. Имеется снимок л. 1.

ПБ, греч. № 19.

36. Деяния апостолов, XIII_{39-46}. VII в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый грузинским текстом в X в.

1 л. 19,5 × 15,0. 2 столбца. 18 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 101, 1039, 1065, индекс **097**.

ПБ, греч. № 18.

37. Богослужебный текст. Отрывки. VII в.

Смытый унциальный текст, покрытый минускульным текстом дважды — в XI в. (менологий) и в XIII в. (номоканон). На левом поле видны слегка увеличенные инициалы.

4 лл. 24,0 × 17,0. Сохранились следы 25—27 строк.

Текст читается только по снимкам. Возможно, тот же текст имеется и на других листах этого канонического сборника XIII в. из собр. Антонина Капустина, но снято только четыре листа (лл. 10 об., 11, 11 об., 12 и 28 об.), которые и описываются. Содержит, видимо, гимны, так как на л. 12, строка 27 имеются следующие слова: Καὶ τῇ ὀγδοάδῃ ἐν ᾗ ὡς παιδίον περιτέμνεται. . . (гимн на обрезание господне 1-го января?)

Смытый текст выявлен посредством фотографирования видимой люминесценции документа, возбужденной средним ультрафиолетом (линией ртутного спектра в 313 mμ).

ПБ, греч. № 566, лл. 10 об., 11, 11 об, 12 и 28 об.

38. Сборник житий и бесед отцов церкви. VII—VIII вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. в Болгарии евангельским текстом. На некоторых листах (например, лл. 78 и 100 об.) видны слегка увеличенные инициалы, рисованные чернилами, и киноварные заголовки (например, л. 60). Болгарский текст расположен большей частью вверх ногами по отношению к греческому тексту.

207 лл., среди которых много обрывков. 25,5 × 20,5. 25 строк.

Содержание (указывается лишь постольку, поскольку удалось прочитать текст): л. 60. [Τ]οῦ μακαρίου Ἐφραὶμ εἰς τὴν ἁγίαν. . .; Л. 116 об. Βίος τῆς ἁγίας Εὐφροσύνης; Л. 175. Τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τ[οῦ Χρυσοστόμ]ου λόγος περὶ τῆ[ς] [. . . . .] ως της αγιας θεοτο[κου].

Собр. И. И. Срезневского. И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 45—47.

Некоторые листы покрыты пятнами от химических средств, применявшихся при попытках выявить смытый текст. Имеются снимки лл. 26—27 об., 60—60 об., 79 об., 84 об. Смытый текст выявлен методом фотографирования собственной видимой люминесценции документа при возбуждении длинноволновым ультрафиолетом (365 mμ).

БАН, собр. Срезневского, № 72.

39. Библия: Книга Чисел, XIV_{43}—XV_{10}, XX_{17}; Второзаконие, XII_{30}—XIII_{5}; Иисус Навин, XI_{17}—XII_{2}; Судьи, X_{6-17}. VII—VIII вв.

Пергамен. Палимпсест. Унциал, покрытый в IX в. арабским агиографическим текстом. Отрывок из этой же р-си хранится в Лейпцигской Университетской б-ке, Graec. № 2.

6 лл. 27,0 × 18,0. 2 столбца. 24 строки.

Собр. Тишендорфа; ранее — в м-ре св. Савы. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 96, 222, 339, 375, индекс K.

Пергамен разорван и загрязнен.

ПБ, греч. № 26.

40. Библия, Книга Исаии, III_{8-14}, V_{2-14}, XXIX_{11-23}, XLIV_{26}—XLV_{5}. VII—VIII вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в X в. грузинским текстом.

6 лл. сильно обрезанных. 20,0 × 15,0. 19 или 20 строк.

Собр. Тишендорфа. Библиография р-си велика. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 222, 355, 425, индекс 926.

Подробнее описать текст можно лишь по выявлении его.

ПБ, греч. № 23.

41. Евангелие от Луки, $III_{8-9, 11-12, 14-16}$. VII—VIII вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый текст, написанный унциалом с легким наклоном вправо, в 1350 г. был покрыт богослужебным текстом. Надстрочные знаки, насколько можно судить при плохой сохранности текста, употребляются регулярно.

1 л., обрезанный по краям. 13,8 × 9,7 и 7,5 × 10,5. 2 столбца. Сохранилось 12 неполных строк.

Собр. Порфирия Успенского. Происхождение р-си установить не удалось.

Имеются снимки смытого текста. Смытый текст выявлен тем же методом, что и текст, описанный под № 38 (см. выше).

ПБ, греч. № 372.

42. Деяния апостолов, II_{45}—III_8. VII—VIII вв.

Пергамен. Унциал. Этот отрывок был извлечен из переплета сирийской р-си. Обрывок листа. 20,2 × 13,5. 20 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 99, 1039, 1065, индекс **095**. W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago—Mass., 1939, pl. XXXVII.

Пергамен загрязнен, текст читается плохо.

ПБ, греч. № 17.

43. Богослужебный текст ? Отрывки. VII—VIII вв. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый текст, писанный небрежным унциалом, был покрыт в XI в. грузинским текстом. По мнению Р. О. Шмерлинг (Тбилиси), на л. 2 изображен крест, характерный для грузинских р-сей синайского происхождения. Л. 3 относится к той же грузинской р-си, что и л. 6 из греч. р-си ПБ, № 7 (см. № 14).

3 лл. 19,5 × 13,2. Число строк неизвестно.

Содержание определить не удалось ввиду плохой сохранности текста.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente allata, p. 11.

ПБ, греч. № 41.

44. Текст неизвестного содержания. VII—VIII вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XII—XIII вв. минускульным текстом, содержащим беседы Иоанна Златоуста.

161 л. 28,0 × 19,0.

Собр. Пападопуло-Керамевса. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 41—45.

Определить текст можно лишь по выявлении его.

ПБ, греч. № 668.

45. Еврипид. „Андромаха". Отрывок. VIII в.

Пергамен. Унциал коптского дукта. Надстрочных знаков нет.

2 обрезка. 2,0 × 5,0. Всего 14 строк.

Собр. Тишендорфа. Текст и библиографию см. Papyri Russischer und Georgischer Sammlungen. Hrsg. von Gr. Cereteli. Bd. I. Tiflis, 1930, S. 58—60; Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских рукописей Публичной библиотеки. СПб., 1914, табл. 15.

Эти обрезки были извлечены из какого-то переплета.

ПБ, греч. № 15 d.

46. Житие св. Григория Агрsuperscript text

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Бенешевич считал, что это отрывок из р-си Coislin, № 229, ныне хранящейся в Библиотеке Московского гос. университета. Однако в р-си Московского университета этого текста нет.

1 л. 27,0 × 18,5 и 21,5 × 15,0. 2 столбца. 32 строки.

Собрание П. П. Дубровского. Текст см. PG, t. 98, p. 704D—708A.

ПБ, греч. №-30.

47. Кирилла Скифопольского житие Иоанна Молчальника. Отрывок. VIII в.

Пергамен. Унциал. Имеется простейшая заставка и заголовок: Βίος και πολιτεια του μακα|ριου Ιωαννου... της λαυρας του | αββα Σαβα.

Обрезок листа. 17,0 × 13,0 и 11,6 × 12,5. Сохранилось 13 строк.

Текст почти не читается, описано по указаниям Бенешевича и Мюральта.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici. Lipsiae, 1860, p. 56, № 17.

ПБ, греч. № 28.

48. Сборник агиографический. Отрывок. VIII в.

Пергамен. Небрежный наклонный унциал. По Бенешевичу — „полуустав VIII—IX вв., проявляющий особенности западного происхождения". Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Встречаются итацизмы. Заголовки и начальные буквы отдельных абзацев писаны киноварью. На лл. 39 об., 40, 66 и 66 об. имеются заставки простого рисунка, чернилами и киноварью. Счет тетрадей помечен рукой писца в верхнем правом углу листов; сохранились тетради 25-я—35-я, по восьми листов каждая. Палимпсест. Смытый унциальный текст V—VI вв. содержит отрывки из Книги Чисел (см. описание под № 16).

88 л. 19,2 × 12,7 и 15,5 × 9,0. 18—21 строка.

Содержание: лл. 1—39 об. „Βίος καὶ πολιτία ἡγουν | μετάνοια της ὁσίας και γενναίας του χ(ριστο)υ αμνά|δος Μαρίας της Αιγυπτί|ας γεναμένης πόρνης". Начало утрачено, заголовок помещен в конце на л. 39 об. Текст см. PG, t. 87, p. 3705—3725; конец: „... εκατὸν εγγὺς ετῶν ὑπάρ|χον... αμήν"; лл. 40—66: „Του αγίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμων | Ἰωαννου πρεσ[βυ]τερου Δαμασ|κινου λόγος εις το γενέθλιον | της δεσποίνης ἡμῶν της | αγίας θεοτόκου και αεῖ|παρθένου Μαρίας". Текст см. PG, t. 96, p. 661—680; лл. 66—88 об.: „Βίος και πολιτεῖα Ξενο|φώντος και της τουτου γαμετῆς Μαρίας και των | υἱῶν αυτων, Αρκαδίου | και Ἰωαννου. Διηγήσατο τίς γέρων μέ|γας λέγων ὅτι Ξενοφῶν τις γέγονεν συγκλητι|κὸς..."; л. 88 об.: „... ευχῆν | αυτοῖς χαρίσασθαι και | μετα την ευχην, λέγουσιν | τω γέροντι δια τον κ(ύριο)ν...". Конец утрачен.

См. Catalogus codicum hagiographicorum graecorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis. Ed. Hagiographi Bollandiani et H. Omont. Bruxellis, 1896, p. 108, № 1313.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Monumenta sacra inedita, t. I, 1857, p. 49—138; idem. Anecdota..., p. 1—2.

ПБ, греч. № 5.

49. Сборник бесед Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста. Отрывок. VIII в.

Пергамен. Унциал. Заголовки писаны чернилами.

2 лл. 22,7 × 18,5 и 19,5 × 14,0. 23 строки.

Содержание: л. 1 „... μετα φόβου και τρόμου ἐμπροσ|θεν της δοξης σου...". В конце заголовок: „Του μακαριου Εφραιμ περι του πάθους του κ(υρίο)υ κ(αὶ) θ(εο)υ | κ(αὶ) σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμων | (ἡσο)υ Χ(ριστο)υ"; л. 1 об.: „Του μακαριου Ἰωαννου του | Χρυσοστομου εις το αγιον πάσχα | Πάντοτε μὲν χαίρειν..."; лл. 2—2 об. Начало: „... εις την κηβωτὸν εισήλθες...". В конце, на л. 2 об., заголовок: „Του μακαρίου Ἰωαννου του | Χρυσοστομου εις το πασχα". Тексты отожествить не удалось.

Пергамен по краям разорван и загрязнен. Найдено среди неразобранных бумаг в Отделе рукописей ПБ в 1947 г.

ПБ, греч. № 835.

50. Иоанн Златоуст. Отрывки из бесед. VIII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки встречаются изредка. Итацизмы.

8 лл. 24,5 × 17,0 и 21,5 × 14,0. 2 столбца. 28 строк.

Содержание: лл. 1—3 об.: „Του αυτου αγιου Ιωαννου Χρυσοστομου μερος λογου περι μετανοιας και εις τη(ν) αποτομην Ιωαννου του Βαπτιστου". Начало: „Βουλησθαι, αγαπητε, την εκκλησιαν..."; конец: „... ου δικαιως ουν και περισσοτερον προφητ[ου]...". Текст см. PG, t. 59, p. 760—761; лл. 4—5 об. Обрывок слова, отожествить которое не удалось. Начало: „... ς κλειστων [ἀ]ν(θρώπ)ων· και εμελ[λε]ν πιστευεσθαι..."; конец: „... Τινα ειδες, ω Πετρε, οτι αρνει σε..."; л. 6. Конец слова: „Εἰς τὴν Ἡρωδιάδα", от слов: „... [ἀγα]θων γαρ πονων..." до конца.

Текст см. PG, t. 59, p. 490; л. 6—л. 7. Отрывок слова, которое отожествить не удалось; крайний столбец обрезан наполовину. Начало (на л. 6 об.): „... εκκλησιαν στεφανουμενην αλλ'η προφασις..."; конец (на л. 7): „... πρὸς τους μαρτυρας ομονοιας αλλα...". л. 7 об. Текст не читается; лл. 8—8 об. Конец слова, заголовок которого помещен в конце: „Ἰωαννου επισκοπου εις την αποτομην του αγιου Ἰωαννου του Βαπτιστου". Текст

отожествить не удалось. Начало: „Ποιος γαρ θηρ. . .“; конец: „. . . σφεγγος εκδράμωμεν. . . αμην“.

Собр. Тишендорфа.

Листы по краям обрезаны, загрязнены, текст читается плохо. Вероятно, эти листы использовались как переплет, так как загрязнены клеем.

ПБ, греч. № 11а.

51. Иоанн Златоуст? Отрывок беседы на евангелие от Иоанна? VIII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно.

Обрезок листа. 15,5 × 18,3 и 13,5 × 13,5. Сохранилась 21 строка.

Начало: „. . . αναγινωσκομένω· | ἐκ γὰρ τῶν λεγομένων ωφε | ληθεὶς. . .“; конец: „. . . ἐκ τῶν προομίων προς | αἰσθησιν εὐλαβῆ. πολλῶ | πλέον προκόπτων τὴν. . .“.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente allata, p. 12, XIV—4.

Пергамен был использован в качестве переплета, разорван и загрязнен.

ПБ, греч. № 27.

52. Книга Бытия, IX_{18-24} и другие отрывки. VIII в.

Пергамен. Палимпсест. Богослужебный текст был написан в XIII в. на отрывках не менее как двух рукописей VIII в., унциальный текст которых был предварительно смыт. В переплете XIX в.

45 лл. 15,0 × 11,0. 20—22 строки.

Собр. Антонина Капустина.

Имеются снимки лл. 15 об., 16, 23 об., 24, 34 об. и 35. Текст, содержащийся на лл. 34 об. — 35, определить не удалось. Смытый текст выявлен тем же методом, что и тексты под № 7, 10 и др. ПБ, греч. № 559, смытый текст.

53. Евангелие от Матфея, XIV_{6-13}; XXV_{9-16}; XXV_{41}—XXVI_{1}. VIII в. (Синай).

Пергамен. Крупный унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Инициалы увеличены. Правый столбец занят параллельным арабским текстом. Помета Порфирия Успенского: „Sinai.“, 3 лл., из которых один обрезан. 33,3 × 26,7; греческий текст — 24,8 × 14,0, арабский текст — 24,8 × 4,5. 2 столбца. 18 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 89, 1038, 1080, индекс **0136**; Бенешевич. Описание, т. I, стр. 611—612.

ПБ, греч. № 281.

54. Евангелие от Луки, XI_{37-45}. VIII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Арабская помета, почти не читаемая, содержит славословие Аллаху(?)

Обрывок листа. 12,0 × 18,0. 2 столбца. 9 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 88—89, 1038, 1075, индекс **0108**.

ПБ, греч. № 22.

55. Евангелие от Иоанна, XV_{10-18}. VIII в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. минускульным каноническим текстом. Лист этот входит в состав канонического сборника.

1 л. 20,0 × 14,0. 2 столбца. Сохранилось 26 строк.

Собр. Антонина Капустина.

Имеется снимок. Текст имеется лишь на одной стороне листа. Смытый текст выявлен тем же методом, что и текст под № 38 (см. выше).

ПБ, греч. № 566, л. 1 об.

56. Евангельские чтения. Отрывок. VIII в. Египет.(?)

Пергамен. Крупный остроконечный унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Заставки, заголовки и инициалы рисованы чернилами и красной, зеленой и желтой красками. По Бенешевичу (см. ниже), из р-си Синайского м-ря № 210.

4 лл. 34,5 × 20,7 и 25,0 × 15,0. 22—23 строки.

Принадлежала А. А. Дмитриевскому. См. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 636—637, со снимком.

Пергамен разорван, текст местами стерт.

БАН, собр. РАИК, № 194.

57. Триодь постная. Отрывок службы в пятницу Сырной недели. VIII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. На л. 1 об. и л. 2 об. имеются рубрики. На л. 1 — помета к тексту, современная р-си. В переплете.

2 лл. 25,3 × 18,9 и 23,6 × 17,5. 22—23 строки.

Нач.: „. . . εν τα σκοτινᾶ. . .“ Конец стерт, на л. 2 об. последней читается рубрика: „ωδη ζ̄ πρ(ὸς) ἱλασθητί μοι σ(ωτ)ηρ. . .“.

Собр. Тишендорфа. Бенешевич указывает на сходство почерка с почерком р-си Синайского м-ря № 210. C. Tischendorf. Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici. Lipsiae, 1860, p. 56, № 14.

Пергамен по краям разорван, у л. 2 оборван угол, на л. 2 об. текст стерт.

ПБ, греч. № 31.

58. Триодь? Отрывки. VIII в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки, по-видимому, почти не употреблялись. Заголовки были написаны красным.

2 обрезка. 14,5 × 10,2. Сохранилось 20 неполных строк.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente allata, p. 12, XIV-6.

Листы загрязнены, текст читается плохо.

ПБ, греч. № 29.

59. Текст неизвестного содержания. VIII в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XI в. минускульным текстом. На некоторых листах видны смытые инициалы, рисованные чернилами.

199 лл. 24,0 × 16,0.

Некоторые листы, по-видимому, принадлежали другой р-си. Точнее можно описать лишь по выявлении смытого текста. Поступило в РАИК от митрополита Амасийского Анфима в 1899 г.

БАН, собр. РАИК, № 109.

60. Сборник житий. Отрывок. VIII—IX вв.

Пергамен. Унциал. Инициалы увеличены. В переплете XIX в.

1 л. 34,0 × 23,5 и 29,0 × 17,5. 2 столбца. 32 строки.

Содержание: л. I. Отрывок из мучения св. Антиоха и Кириака. Начало: „. . . ὁ π(ατ)ὴρ μου· ἵ'να ἀπολάβῃς τὸν στέφανον τῆς ἀθλήσεώς σου. . .“; конец: „. . . καὶ ἐπὶ γῆς πρεσβεύοντες ὑπὲρ ἡμῶν ὅπως ἀξιωθῶμεν τυχεῖν τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν. . . ἀμήν.“ Текст отожествить не удалось. По Сергию, Полный месяцеслов Востока, т. II, изд. 2-е. Владимир, 1901, стр. 273 — память св. Антиоха 16 июля; по болландистам (AASS julii, IV, p. 25—26) — 15 июля. Л. I об. Мучение св. Афиногена епископа. Текст см. Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, τ. IV. Ἐν Πετρουπόλει, 1897, σελ. 252—253, с начала и до слов: „. . . καὶ σχεδὸν πᾶσαν τὴν οἰκουμένην πλανᾷ. . .“ (последние строки не читаются). Текст отожествлен Бенешевичем.

Собр. Тишендорфа. А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI вв. СПб., 1913, tab. V.

Пергамен поврежден червями, нижний край листа оборван. Текст на обороте листа стерт, читается с трудом.

ПБ, греч. № 47.

61. Григорий Богослов. Отрывок беседы: Εἰς τὸ ἅγιον βάπτισμα. VIII—IX вв.

Пергамен. Унциал. Инициалы увеличены. В переплете.

1 лист, обрезанный по краям. 30,0 × 22,0 и 26,0 × 19.2 2. столбца. 38 строк.

Начало: „. . . κείμενος. τί γὰρ τοῦ λόγου μεγαλοφωνότερον; Конец: τότε μὲν ἐλπὶς ἦν διορθώσεώς τε καὶ ἀσφαλείας | νῦν. . .“

Текст см. PG, t. 36, p. 405A—409B.

Собр. Тишендорфа. C. Tischendorf. Notitia editionis Codicis Bibliorum Sinaitici, p. 55, № 12.

ПБ, греч. № 48.

62. Библия. Царств Вторая книга, XXII_{38}—XXIII_{10} и Третья книга, XIII_{4-23}; XVI_{31}—XVII_{17}. VIII—IX вв. Синай.

Пергамен. Палимпсест. Смытый текст, писанный унциалом коптского дукта, был покрыт в X в. грузинским текстом.

Собр. Тишендорфа. Rahlfs.'Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 222, 352, 383, индекс 625.

ПБ, греч. № 24.

63. Псалтирь, псалмы $CXLIX_4$ — CL. VIII—IX вв.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Простейший орнамент. На л. 1 об. киноварная запись писца: «Χ(ριστ)ω τελειω χαρις εγραφει χειρι | Σολομωντος διαχ(όνου) γνο . . . αβου ταμρα[15] | αναγινωσκε υγιαινων και ευξαι | υπερ του γραψαντος δια τον κ(ύριο)ν· | κεινται εν τωδε ψαλτηριω· | ψαλμοι ρν′ καθησματα κ′ | δοξαι ξ′ στιχοι αψπα».

Тут же коптская приписка XIII в., гласящая: „Во имя нашего Господа Иисуса Христа совершился этот экземпляр этого блага, этой псалтири, потщанием нашего боголюбивого брата [Ми]ха[ила]“[16].

Из р-си Синайского монастыря № 33.

1 л. 19,0 × 14,6 и 15,0 × 11,0. 25 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 607—609, со снимком; Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 229, 287, 360, 392 индекс 1190; Палеографич. снимки некоторых греческих, латинских и славянских р-сей ПБ, СПб., 1914, tab. V_1.

ПБ, греч. № 262.

64. Евангелие от Матфея, V_{36-43} и VI_1. VIII—IX вв.

Пергамен. Крупный унциал. На л. 1 об. простейший киноварный орнамент и рубрика.

2 обрезанных листа, размеры которых: 1) 21,5 × 19,5 и 21,5 × 16,5; 12 строк; 2) 21,5 × 19,7 и 21,5 × 17,5; 11 строк.

Собр. Об-ва любителей древней письменности. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 633; Х. М. Лопарев. Описание р-сей и. Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, стр. 173—174.

ПБ. Собр. Об-ва любителей древней письменности, 0152.

65. Евангелие от Марка, XIII_{12-28}. VIII—IX вв. Синай.

Пергамен. Унциал коптского дукта. Надстрочные знаки отсутствуют.

1 л. 17,0 × 21,2 и 13,0 × 18,5. 2 столбца. Сохранилось $15^1/_2$ строки.

Собр. Об-ва любителей древней письменности, куда этот лист поступил от Н. П. Кондакова. Х. М. Лопарев. Описание р-сей и. Общества любителей древней письменности, ч. III, стр. 171—172; Бенешевич. Описание, т. I, стр. 639.

ПБ, Собр. Об-ва любителей древней письменности, 0149.

---

[15] Слова αβου ταμρα непонятны.

[16] Перевод коптской приписки заимствован из указанного ниже издания В. Н. Бенешевича.

66. Евангельские чтения. VIII—IX вв.

Пергамен. Палимпсест. Унциал. Рубрики. На некоторых листах сохранились рисованные красками инициалы. В XIV в. этот смытый текст был покрыт минускульным текстом, содержащим „Грамматику“ Мануила Мосхопула. В переплете.

105 лл. 25,5 × 20,0 и 20,0 × 15,5. 2 столбца. 18 строк.

Собр. Н. П. Лихачева. Ранее р-сь хранилась в Венеции. B. de Montfaucon. Bibliotheca Bibliothecarum Manuscriptorum nova. Paris, 1708, t. 1, p. 478; I. B. Mittarelli. Bibliotheca codicum manuscriptorum monasterii S. Michaelis Venetiarum prope Murianum. Venetiis, 1779, p. 797.

ЛОИИ. Архив, Западноевроп. секция, № 1/666.

67. Евангельские чтения. Отрывок. VIII—IX вв.

Пергамен, лл. 46—47 — бумага VIII—IX вв., вероятно, арабского происхождения. Небрежный унциал. Инициалы и орнамент рисованы чернилами и киноварью. В употреблении надстрочных знаков встречаются пропуски. Имеются арабские пометы к тексту, современные р-си и несколько более поздние, а также греческие пометы и добавления к тексту XIII—XV вв. В переплете.

69 лл. 19,8 × 14,5 и 16,0 × 11,0. 14—15 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 468, 474, 1227, индекс 1 + a 249.

ПБ, греч. № 44.

68. Деяния апостольские, II_{22-28}; II_{45}—III_2. VIII—IX вв.

Пергамен. Унциал.

8 обрезков плохой сохранности, из двух разных рукописей. Размер самого большого обрезка 22,0 × 2,5, самого маленького — 2,0 × 1,5. Происхождение этих обрезков установить не удалось; вероятно, они извлечены из какого-то переплета.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1079, индекс **0123**.

ПБ, греч. № 49.

69. Апостол? Отрывок. VIII—IX вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый минускульным текстом дважды — в XI и в XIV вв.

1 л. 21,4 × 14,3.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 468, 1227, индекс 1a 171.

ПБ, греч. № 38.

70. Беседа духовная? Отрывки. VIII—IX вв.

Пергамен. Палимпсест. Смытый текст, написанный мелким унциалом, был покрыт в XIII в. минускульным евангельским текстом.

9 обрезков. Наибольший размер: 10,5 × 15,0.

Собр. Тишендорфа. По Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, № 37, содержит отрывки из Евангелия, индекс 245в. Указанные у Грегори № 37a (S. 409) и 45a (S. 468) относятся к тексту XIII в. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 606.

Р-сь может быть описана лишь по выявлении смытого текста.

ПБ, греч. № 37 и греч. № 45.

71. „Порфириевское евангелие“. Четвероевангелие. 835 г. Студийский м-рь в Константинополе.

Пергамен. Минускул. Инициалы и заставки рисованы чернилами. Имеются записи и пометы к тексту, а также следующие записи:

1) л. 344 об. — „+ Ετελειωθη εν κ(υρί)ω ο οσιος και θεοφορος | π(ατη)ρ ημων Πλατων ο του Χ(ριστο)υ ομολογη|της ο μεγας της οικου μενης φωστηρ | μην(ί) απριλλιω δ̅ ινδ(ικτίωνος) ζ ημερα δ̅. | ετελειωθη ο εν αγιοις Θεοδωρος ο κοι|νος π(ατ)ηρ ημων και νεος του Χ(ριστο)υ ομολογ(ητης)| πολλους δρομους και αγωνας διανοισας | εν τη αμωμητω και αληθινη των χριστι|ανων πιστει·

πολλους τε φωτισας και | οδηγησας εις επιγνωσιν ευσεβειας | και σ(ωτη)ριας μην(ί) νοεμβριω ιβ ἰνδ(ι)κ(τίωνος) ε ημε(ρᾳ) α | ετους δε απο κτισεως κοσμου ,ςτλε. | Ετελειωθ(η) ο εν αγιοις π(ατ)ηρ ημων Ἰωσηφ ο αγι|ωτατος αρχ(ι)επισκ(ο)π(ος) Θεσσαλονικης | και νεος του Χ(ριστο)υ ομολογητης εν καλη ὁ μολογια και μαρτυρία θανων υπερ| της αληθειας μην(ι) ἰουλίω ιε ἰνδ(ι)κ(τίωνος) ϛ ετους δε κοσμου ,ςτμ.

2) л. 344 об. — „Ετελειωθη θ(εο)υ χαριτι ἡ ἱερα | αυτη και θεοχαρακτος βιβλος | μηνι μαΐω ζ ινδικτιωνος | ιϛ ετους κοσμου ,ςτμγ. δυ|σωπω δε πάντας τοὺς|εντυγχάνοντας μνίαν|μου ποιεισθαι | του γρα|ψαντος Νικολαου αμαρτ(ωλοῦ) | μοναχ(οῦ) οπως ευροιμι ελ|εος εν ημερα κρισεως | γενοιτο κ(ύρι)ε. αμήν

3) л. 339 об. Запись XIII в. — „+ Τὸ δισάκκιν τὸ ἐσπασμ(έ)ν(ον) καὶ τὸ κάγκελ(ον) τὸ μαῦρ(ον) | ἡ χαλκὴ πόλι(ς) ἀπώθ(ει)· τὸ(ν) κοντόν, κυρτὸν δὲ μᾶλλον | καὶ στρογγύλ(ον) δεξαμ(έ)νη κράτο(ς) πάριθι μετρί(ως). | τοῦτ(ο) γὰρ τριπλαῖ δυάδ(ες) σὺν τηι μοναπλ(ῇ) κρατού(σ)ηι | συγκυπτούσης τῆς ἑβδόμ(ης) τοὺς ὑψηλοτ(έ)ρ(ους) δρόμους, | τοὺς Κομν(ήνους) καὶ τοὺς Φράγγους, εἰς τ(ὸν) πόντ(ον) ἀπελ(άσαι)· | τούτων οὕτω γινομένων παναθλίων σῶν αἱμ(ά)των | ταῖς πλημμύρ(αις) τπαν ἤ(δη) κέχρανται σοὶ τὸ πεδ(ίον), | ἀλλ' ὁ πένης, ὁ βοώπ(ης), ὁ νεκρὸς, ὁ πατριώτης | ἀπὸ νότου ἄῆς θαλά(σσης) εὐτ(ε)λῶς προσομιλήσας | βασιλίδ(α) τὴν κυρ(ίαν) ἀπέδειξε τὴν τοῦ κόσμου+".

4) л. 343 об. Запись XIV в. Кондак, исполняемый в неделю праотцов и 17 декабря в память пророка Даниила и трех отроков и запись написавшего этот кондак: „εγῶ ταπηνῶς παπ(ᾶς) Λουκᾶς αμαρτωλῶς".

В тисненом кожаном переплете XIX в.

344 л. 16,2 × 10,2 и 11,0 × 6,0. 19 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си очень велика. Г. Ф. Церетели. Палеографические этюды. 1. Порфирьевское четвероевангелие 835 г. — ЖМНП, 1915, май. Отдел Классич. филологии, стр. 271—282; T. W. Allen. The Origin of the Greek Minuscule Hand. — „Journal of Hellenic Studies", vol. XL, 1920, p. 1—12; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 192, 1106. индекс e 461; K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. VI. Boston, Mass., 1936, pl. 420 и 432; G. Cereteli et S. Sobolevsky. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum, t. II. M., 1913, tab. I—Ia.

ПБ, греч. № 219.

72. Псалтирь. 862 г. Иерусалим?

Пергамен. Крупный унциал. Рубрики. Небольшие заставки. На л. 350 имеется запись писца Феодора: „Εν ονόματι τῆς ἁγίας ἀχράντου καὶ ζωαρχικῆς τριάδος, π(ατ)ρ(ὸ)ς καὶ ὑ(ιο)ῦ καὶ ἁγίου πν(εύματο)ς. ἐγράφη καὶ ἐτελειώθη τὸ παρὸν ψαλτήριον κελεύσει τοῦ ἁγίου καὶ μακαρίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν Νῶε, προέδρου τῆς φιλοχρίστου μεγαλοπόλεως Τιβεριάδος. ἔτους κόσμου ,ςτο ἰνδ(ικτίωνος) ια. χειρὶ Θεοδώρου ἐλαχίστου διακό(νου) τῆς ἁγίας Χ(ριστο)ῦ τοῦ θ(εο)ῦ ἡμῶν Ἀναστ(άσεως). Ὅσοι οὖν ἐντυγχάνετε, εὔξασθε ὑπὲρ τῶν κατεργασμένων καὶ ἐργασαμένων εἰς δόξαν θ(εο)ῦ".

На л. 346 — генеалогия Христа, сочинение некоего Африкана (Ἀφρικάνου φιλοπόνα). Л. 346 об. — гимн Христу; парафраза к этому гимну, писанная курсивом, помещена на лл. 349—349 об. На лл. 347—348 об. — стихи о псалтири, указатель псалмов и запись писца: „Ἔλεος τῶ γράψαντι κ(ύρι)ε | Σοφία τοῖς ἀναγινώσκουσι. | χάρις τοῖς ἀκούουσι· | Σωτηρία τοῖς κεκτημένοις | .Ἀμήν".

На л. 349 об. помещена также запись некоего Фомы, писанная курсивом: Πρεπόντα κοσμον τω θεηδοχω ταφωι | Τετευχε την δε λαμπραν υελουργιαν | Θωμᾶς μονάζων ζωγράφος δαμασκόθεν".

Л. 350 об. пустой. Переплет XIX в.

350 лл. 16,2 × 10,8 и 12,5 × 8,5. 19 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си очень велика. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS, d. A. T., S. 224, 359, 392, индекс 1156; В. К. Ернштедт. Порфириевские отрывки из аттической комедии. Записки ист.-фил. факультета С.-Петербургского университета, ч. XXVI, Спб., 1891, Приложения; Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских р-сей Публичной

библиотеки. СПб., 1914, табл. III$_{1-3}$; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков. СПб., 1913, tab. II, III, VI.

ПБ, греч. № 216.

73. Четвероевангелие. 891 г.

Пергамен. Минускул. По внешнему оформлению это Евангелие сходно с „Порфирьевским евангелием" 835 г. (см. № 71). Имеются киноварные пометы к тексту, современные р-си. Счет тетрадей внизу от δ (на л. 4) до λς (на л. 192), с пропусками. На л. 196 запись писца: „Ἐτελειώθ(η) τὸ παρὸν εὐαγγέλιον μηνὶ νοεμβρίῳ ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ἐξακισχιλιοστοῦ τετρακοσιοστοῦ. Οἱ οὖν ἀναγινώσκοντες ταύτην τὴν βίβλον, εὔχεσθε ὑπὲρ τοῦ γράψαντο(ς) Βασιλείου ἁμαρτωλοῦ καὶ ἐλαχίστου".

К переплету подклеены 2 лл. пергамена из минускульной р-си XIII в., содержащей отрывки из Минеи. Переплет средневековый — доски в тисненой коже.

206 лл. 16,0 × 11,5 и 10,5 × 6,0—7,0. 21 строка.

Куплено Русским археологическим институтом в Константинополе в 1900 г.; с 1931 г. — в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР; K. Aland. Zur Liste der neutestamentlichen Handschriften, VI. — „Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche", 48. Bd., 1957, S. 161, индекс **2500**; Е. Э. Гранстрем. Греческие рукописи Библиотеки Академии наук СССР. — В кн.: „Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук", вып. II, стр. 272—284; Михаил, еп. Смоленский и Дорогобужский. Четвероевангелие 891 года. — „Журнал Московской Патриархии", 1956, № 4, стр. 43—49, с двумя снимками.

Начало и некоторые листы утрачены, пергамен покороблен и обгрызен мышами.

БАН, собр. РАИК, № 74.

74. Иоани Златоуст. Κατήχησις πρὸς τοὺς μέλλοντας φωτίζεσθαι. Отрывок. 893 г.

Пергамен. Минускул. Заставка рисована чернилами. Из р-си Синайского м-ря № 384 (375). Помета Порфирия Успенского.

I л. 34,3 × 25,5 и 27,2 × 16,0. 2 столбца. 32 строки.

Текст см. PG, t. 49, p. 240.

Собр. Порфирия Успенского. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 210—213, 619; его же. Памятники Синая археологические и палеографические, т. II, СПб., 1912, табл. 40; G. Cereteli et S. Sobolevsky. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum, Mosquae, 1913, t. II, tab. I b.

Оборот листа пустой.

ПБ, греч. № 343.

75. Диспут между Афанасием и Арием. Отрывок. IX в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки изредка пропущены. Имеются пометы XIX в.: л. 1 об. „Николаев"; л. 2: „τῇ 27 σεπτεμβρίου ἐφωνήθη ὁ..." (дальше не читается). В переплете XIX в.

4 лл. 25,4 × 19,8 и 21,8 × 15,5. 2 столбца. 30 строк.

Собр. Тишендорфа. Текст см. PG, t. 28, p. 485B—488C (от слов: „ᾧ καιρῷ ἔδει τὸ Πάσχα..." до слов: „ὁμοούσιον αὐτὸ εἶναι πατρὶ καὶ υἱῷ...") и p. 493 C—497 A (от слов: „τοῦ πνεύματος δηλαδὴ κινουμένου" до слов: „τὸ πρᾶγμα τοῦτο ψεύσασθαι σε...").

Верхний край листов обрезан (см. рис. 4).

ПБ, греч. № 50.

76. Богословский сборник. Отрывок. IX в.

Пергамен. Минускул чистый. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Имеются орнамент и инициал, рисованные чернилами. Помета Порфирия Успенского: „Μετεώρ м[онасты]рь из рукописи Кассиана".

2 лл. 17,6 × 12,0 и 12,0 × 8,0. 21 строка.

Содержание: л. 1. Конец статьи о хронологических циклах. Нач.: „ἑτερὶς τέσσαρας χρόνους ἔχει· ἤγουν τεσσαρας ἡμέρας. . .“; лл. 1—2. Имена 72 толковников. „Ταῦτα ἐστὶν τὰ ὀνόματα τῶν οβ̄ ἑρμηνευτῶν. . .“; л. 2 об. чистый.

Собр. Порфирия Успенского. Из р-си Метеоро-Преображенского м-ря в Фессалии. Порфирий Успенский. Путешествие в Метеорские и Осоолимпийские м-ри в Фессалии. СПб., 1896, стр. 531.

ПБ, греч. № 383.

77. Библия, Иеремия, II_{2-12}. IX в.

Пергамен. Литургический унциал. Киноварные экфонетические знаки. Инициалы увеличены. В переплете.

1 л. 24,0 × 17,8 и 24,0 × 17,9. 2 столбца. 21 строка.

Собр. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 223, без индекса.

ПБ, греч. № 46.

78. Псалтирь, псалом CV_{23-39}. IX в.

Пергамен. Мелкий унциал. Небольшие киноварные инициалы.

1 л. 16,3 × 13,3 и 11,5 × 9,5. 21 строка.

Найдена среди неразобранных бумаг в Отделе рукописей ПБ в 1947 г.

ПБ, греч. № 837.

79. Псалтирь, псалмы LXVIII_{13}—LXXI_{5}. IX в.

Пергамен. Унциал. Рубрики. Инициалы рисованы красками. На полях имеются современные р-си схолии, писанные мелким унциалом. В обложке с пометой Порфирия Успенского. Из р-си Патриаршей библиотеки в Иерусалиме, м-рь св. Креста, № 96, после л. 72.

6 лл. 18,5 × 14,7 и 12,5 × 8,5. 21 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, τ. III. Ἐν Πετρουπόλει, 1897, σελ. 156; Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 84, 229, 357, 392, индекс 1070; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков. СПб., 1913, tab. X.

ПБ, греч. № 263.

80. Псалтирь, псалмы XXXVII_{12}—XXXVIII_{9}; LXXVI_{6-17}; $CVIII_{27}$—CIX_{5}. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XII в. минускульным текстом того же содержания. 3 миниатюры на полях, IX в. По указанию Бенешевича, из р-си м-ря Пантократор на Афоне, № 61. В обложке.

4 лл. 16,5 × 14,0 и 9,0 × 7,0. 20 строк.

Собр. Порфирия Успенского. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 22, 229, 356, 392, индекс **1032**? (так!). В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, М.—Л., 1950, стр. 297; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei d. IX—X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 53—54.

ПБ, греч. № 265.

81. „Пурпурное евангелие“. Четвероевангелие. IX в. (Константинополь.)

Пергамен темно-фиолетового, почти черного цвета. Текст писан золотом, комментарии на полях — серебром, ныне почерневшим. Минускул, на полях имеются схолии, писанные мелким унциалом. Имеются заставки, рисованные золотом. По-видимому, р-сь была реставрирована дважды: 1) в XIII—XIV вв., когда к ней были добавлены пурпурные пергаменные лл. 267 и 299, текст которых писан минускулом, также золотом, и 3 миниатюры (евангелисты Матфей, Марк и Иоанн; 2) в XVII в., когда р-сь была переплетена в переплет из серебряной проволоки с камнями и к ней добавлены бумажные лл. 1—11, 91, 128—130, 210, 307, 329, 406 и миниатюра (евангелист Лука). По преданию, р-сь была написана императрицей Феодорой, но доказательств никаких нет. На л. 124 наклеен фрагмент миниатюры из р-си XI—XII вв., изображающей Положение во гроб (?).

406 лл. 20,0 × 15,0 и 14,0 × 8,3. 18 строк.

Р-сь поступила в ПБ из м-ря Иоанна Предтечи Гюмиш-Ханэ на Черном море в 1829 г.

Библиография р-си очень велика. См., например: А. И. Пападопуло-Керамевс. Codex Petropolitanus LIII. — „Записки Русского археологического об-ва“, т. II, 1887, стр. 133—137; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 203, 1108, индекс **e 565**; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei d. IX—X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 13, Abb. 64—70.

Края некоторых лл. повреждены. Р-сь грубо реставрирована бумагой.

ПБ, греч. № 53.

82. Четвероевангелие. IX в.

Пергамен. Унциал. Простейший орнамент, рисованный чернилами. На лл. 273—274 имеется смытая приписка XIII—XIV вв., текст которой не читается; на тех же листах виднеются контуры какой-то незаконченной миниатюры. В тисненом кожаном переплете XIX в. На л. 1 помета Тишендорфа: „Παρὰ Ἐμμανουὴλ Παρόδου Σμυρναίου. 11 σεπτ. 1859. К. Тίσχενδ(ορφ)“.

350 пергаменных листов и 1 бум. лист. 14,3 × 10,0 и 10,0 × 7,0. 21 строка.

Собр. Тишендорфа. W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament, pl. LII; Gregory. Textkritik d. N. T. S. 92, 1038, индекс **041**; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков, tab. IV.

ПБ, греч. № 34.

83. Евангелие от Матфея, VII_{10-13}. IX в.

Унциал. Киноварные экфонетические знаки.

Обрезок листа. 14,3 × 10,0. 2 столбца. Сохранилось 11 неполных строк.

Собр. П. П. Дубровского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1227, индекс **e 247**.

Столбцы обрезаны и поэтому размер текста остался неизвестным.

ПБ, греч. № 40.

84. Евангелие от Луки, XVIII_{13-14}, $XV_{12-13, 15-17, 19-21}$. IX в.

Пергамен. Унциал. Киноварные экфонетические знаки, вероятно, добавленные позднее.

Обрезок листа. 9,3 × 13,0, размер текста тот же. 2 столбца. Сохранилось $9^1/_2$ строки.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1280, индекс **e 1403**.

ПБ, греч. № 293.

85. Апостол. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в 1301 г. минускульным текстом того же содержания. Текст почти не читается. Видны киноварные инициалы и заголовки. Выявить текст с помощью ультрафиолетовых лучей вряд ли возможно, так как листы покрылись темносиними пятнами при попытках выявить смытый текст химическими средствами[17].

---

[17] Вероятно, это пытался сделать Тишендорф. Возможно, что для написания р-си в 1301 г. были использованы отрывки из нескольких разных р-сей, но определить их нельзя ввиду плохой сохранности текста.

Т. 1—156 лл., т. 2—174 лл. (Gregory считает 225 лл.). 16,0 × 12,0.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 102, 103, 1039, 1041, индекс Papr или **025**.

ПБ, греч. № 225, т. 1 и 2.

86. Послания апостола Павла на греческом и латинском языках. IX в. Франция, Корби.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. На л. 1 имеется рубрика. На лл. 1 и 176 об. пометы владельца П. П. Дубровского. Пометы на полях рукой Монфокона. В начале вплетен бумажный лист с пометами П. П. Дубровского. В бархатном переплете XVIII в.

176 лл. и 1 бум. лист в начале. 35,7 × 27,0 и 28,0 × 22,5. 2 столбца. 31 строка.

Собр. П. П. Дубровского, ранее — в библиотеке Сен-Жерменского аббатства.

Библиография р-си очень велика. См., например, O. Dobiaš-Rožděstvenskaïa. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeienses Leninopolitani. Leningrad, 1934, p. 102—103; Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских р-сей и. Публичной библиотеки, табл. II; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 109—110, 1040, индекс **p**: Dabschrift.

ПБ, греч. № 20.

87. „Трапезунтское евангелие". Евангельские чтения. Отрывок. IX в.

Пергамен. Литургический унциал. Инициалы рисованы золотом и красками. 15 миниатюр. Киноварные экфонетические знаки. В переплете XIX в.

15 лл. 32,8 × 26,5 и 27,7 × 19,2. 2 столбца. 18 строк.

Поступило в ПБ из Трапезунта в одном переплете с р-сью Евангельских чтений XII в. (ПБ, греч. № 69) в 1858 г. Библиография р-си очень велика. См., например: В. Н. Лазарев. История Византийской живописи. М., Изд-во „Искусство", т. I, 1950, стр. 81, 301, табл. 66—68; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, d. IX—X. Jahrhunderts, S. 59, 61—62; Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1227, индекс **e 243**; Ф. И. Успенский. Трапезунтская р-сь в ПБ. — „Известия Российской Академии наук", 1917, стр. 719—724; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков. Таб. XVIII.

Возможно, некоторые миниатюры были подновлены; см., например, фигуру Христа в сцене омовения ног на л. 6 об.

ПБ, греч. № 21 (14 лл.) и № 21а (1 л.).

88. Евангельские чтения. Отрывки. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. богослужебным текстом. Из р-си Синайского м-ря, № 1220.

8 лл. 25,2 × 18,7.

Собр. Порфирия Успенского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1281, индекс **e 1417**; Бенешевич. Описание, т. I, стр. 622—623, со снимком текста XIII в.

ПБ, греч. № 367.

89. Евангельские чтения. Отрывки. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XII в. богослужебным текстом.

14 обрезанных листов. Наибольший размер 30,0 × 23,2. 2 столбца.

Поступила в ПБ в 1902 г. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1282, индекс **e 1429**.

Точнее можно определить лишь по выявлении текста.

ПБ, греч. № 645.

90. Евангельские чтения. Отрывок. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст IX в. Видны киноварные экфонетические знаки. Эти 2 лл. вплетены в Стихирарь XIII в., но позднейшим текстом не покрыты.

2 лл. 22,5 × 14,5. 25 строк.

Собр. Пападопуло-Керамевса. Точнее можно определить по выявлении текста.

ПБ, греч. № 674, лл. 20—21 и лл. 17—18.

91. Евангельские чтения. Отрывки. IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст IX в., покрытый в XIII в. минускульным текстом того же содержания. Заметны следы киновари в заголовках и следы киноварных экфонетических знаков.

4 лл. 26,0 × 20,0. 2 столбца.

Собр. Пападопуло-Керамевса. Эти листы пергамена были использованы в качестве переплета какой-то печатной книги.

ПБ, греч. № 679 и № 767.

92. Евангельские чтения. Отрывок. IX в.

Пергамен. Литургический унциал. Киноварные экфонетические знаки. Инициалы писаны чернилами. Листы подклеены к переплету Евангелия 985 г.

3 лл. 26,0 × 17,0 и 19,5 × 13,5. 2 столбца. 19 строк.

Библиотека С.-Петербургской Духовной Академии, куда р-сь поступила от В. К. Саблера. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, 1292, индекс **e 1392**; А. Родосский. Греческое рукописное пергаменное евангелие X в. — Библиографические записки, 1892, № 7, стр. 481—485.

ПБ, собр. СПб. Духовной Академии, Б I, № 5, листы на переплете.

93. Апостольские чтения. Отрывок. IX в.

Пергамен. Унциал. Надстрочные знаки употребляются нерегулярно. Встречаются итацизмы. Рубрики. Инициал рисован красками. Киноварные экфонетические знаки. На л. 2 об. текст писан другим писцом, чем на лл. 1—2. Пробы пера на полях сделаны не ранее XVI в.

2 обрезанных листа. Л. 1 — 17,5 × 15,0 и 14,0 × 10,5. Л. 2 — 16,5 × 8,7. 21 строка

Поступила в ПБ в 1919 г.

ПБ, греч. № 775.

94. Апостол, Послание к Галатам, V_{12} — Послание к Евреям VI_4 и V_8—VI_{10}. IX в.

Пергамен. Унциал. Киноварные экфонетические знаки и заголовки. На полях имеются схолии, современные р-си, писанные мелким унциалом. Помета П. П. Дубровского[18]. Эти отрывки извлечены из переплета греческой р-си XIV в. По указанию Бенешевича, р-сь эта входила раньше в состав греческой р-си ПБ, № 58.

2 обрезка. 20,0 × 17,0 и 16,8 × 13,5. 2 столбца. Сохранилось 25 строк.

Собр. П. П. Дубровского. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 118, 1041, 1079, индекс **0122**.

ПБ, греч. № 32.

95. Новый Завет? IX в.

Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XIII в. богослужебным текстом. Возможно, из р-си Ватопедского м-ря на Афоне, № 1489[19].

[18] „Ex musaeo Petri Dubrowsky" — такие пометы имеются на большинстве рукописей собрания Дубровского.

[19] См. S. Eustratiades and Arcadios. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mt. Athos. Cambridge, 1924, p. 234. (Harvard Theological Studies, XI).

1 л. 33,0 × 23,2.
Собр. Порфирия Успенского.

ПБ, греч. № 365, л. 2.

96. Паремейник. IX в.
Пергамен. Мелкий унциал. Заставки и инициалы в красках. Надстрочные знаки изредка пропущены. Счет тетрадей рукой писца от 1-й до 19-й. Встречаются пометы разных веков. В переплете XIX в.
149 лл. 25,3 × 18,3 и 18,0 × 11,3. 2 столбца. 27—29 строк.
Собр. Тишендорфа. Rahlfs. Verzeichniss d. griech. HSS d. A. T., S. 223, без индекса.
Утрачен первый лист 1-й тетради и 2 последних листа 19-й тетради.

ПБ, греч. № 51.

97. Паремейник. Отрывки. IX в.
Пергамен. Палимпсест. Смытый унциальный текст, покрытый в XII—XIII вв. евангельским текстом.
30 лл. Размер лл. был приблизительно 23,0 × 15,0. 2 столбца. 21 строка.
Собр. Пападопуло-Керамевса. Ранее р-сь принадлежала м-рю Иоанна Предтечи Гюмиш-ханэ на Черном море. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 37, № 4.
Точнее текст может быть определен лишь по выявлении его.

ПБ, греч. № 669, лл. 36—50 и 53—67.

98. Паремейник. IX в.
Пергамен. Палимпсест. Смытый текст, писанный унциалом, был покрыт древнерусским текстом в XIII в. На некоторых листах видны рубрики, которые кое-где остались несмытыми. На л. 112 сквозь древнерусский текст видна небольшая заставка.
154 лл. 23,8 × 16,5. 2 столбца.
Подробней текст может быть описан лишь по выявлении его. Возможно, русский текст был написан на Афоне.

ПБ, F. п. I, 99, смытый текст.

99. Минея на 1—9 дни декабря. IX в., по указанию Бенешевича — X в.
Пергамен. Минускул. На л. 1 имеется заставка в красках и рубрика. Встречаются также небольшие заставки, рисованные чернилами. В переплете XIX в.
32 лл. 26,2 × 19,5 и 19,0 × 14,5. 30 строк.
Листы сплетены неверно, л. 5 должен быть помещен между лл. 16 и 17. Края листов потемнели и оборваны.
Происхождение р-си установить не удалось.

ПБ, греч. № 89.

100. Минея на сентябрь? Отрывок. IX в.
Пергамен. Унциал. Текст изобилует итацизмами.
2 маленьких обрезка. 13,3 × 9,6 и 12,2 × 7,3. Сохранилось 19 неполных строк.
По-видимому, содержит гимны на Воздвижение Честнóго Креста (14 сентября). Л. 1: „ωδ(η) γ̄ Ράβδος εἰς τυπον του...“; л. 2 „ω[δη] ε̄ ὦ τρισμακάριστον ξ[ύλον]...“.
Найдена среди неразобранных бумаг Отдела рукописей в 1947 г. Пергамен загрязнен и разорван.

ПБ, греч. № 841.

101. Триодь постная? Отрывок. IX в.
Пергамен. Полуунциал с наклоном вправо. Надстрочные знаки отсутствуют. Рубрики. В переплете XIX в.

1. 21,2 × 15,4 и 18,0 × 12,5. 32 строки.
Начало: „τη ᾱ κυριακη των αγιων νηστειων...“.
Собр. Тишендорфа.
Пергамен был наклеен на какой-то переплет, текст на л. 1 почти не читается.

ПБ, греч. № 87.

102. Иоанн Златоуст. Отрывок беседы. IX—X вв.
Пергамен. Беглый минускул с легким наклоном вправо. Имеется небольшая заставка и инициал в красках. На обложке помета XIX в.: „Извлечено из другой р-си“. Пробы пера, XIX в.
1 л. 31,8 × 23,0 и 25,8 × 16,5. 2 столбца. 32 строки.
Содержание: л. 1 — конец какого-то слова — “... τῆς ἀνδρείας ἅπαντας / ἀναδήσασθαι... ἧς γένοιτο πάντας ἡ/μᾶς εὐτυχεῖν... ἀμήν“. Начало следующего слова на том же листе: „Τοῦ ἐν ἁγίοις π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶ(ν)/Ἰ/ωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντι/νουπό(λεως) τοῦ Χρυσοστόμ(ου) / λόγος περὶ γαστρι/μαργίας κ(αὶ) μέθης“. Л. 1 об. обрывается словами: „...Καὶ καθάπερ πλοῖον / μεῖζον τῆς οἰκείας συμ/μετρίας τὸ πλῆθος τῶν...“. PG, t. 63, p. 645—647.

БАН, собр. РАИК, № 82.

103. Евангелие от Матфея и от Марка. IX—X вв.
Пергамен. Минускул. Схолии писаны мелким унциалом. Инициалы, орнамент и каноны Евсевия рисованы красными чернилами. Переплет XIX в. Отрывок этой же р-си хранится в Оксфорде (Bodl. Misc. Gr. № 310).
122 лл. 21,3 × 16,9 и 14,5 × 10,0. 2 столбца. 23 строки.
Собр. Тишендорфа (№ 54, 121 л.) и собр. Порфирия Успенского (№ 282, 1 л.).
Gregory. Textkritik d. N. T., S. 203—204, 1108, 1196, индексы **e 566 и к 2149**; Бенешевич. Описание, т. I, стр. 612.

ПБ, греч. № 54 и № 282.

104. Евангелие от Матфея и от Иоанна. IX—X вв. Синай? Пергамен. Литургический унциал с наклоном влево. Рубрики. На лл. 1 и 53 имеются небольшие заставки, рисованные чернилами и кармином. Киноварные экфонетические знаки. На л. 51 об. запись писца: „Τετελεστ(αι) αγαπητ(ος) ὁ κυρ(ίος) Ματθ(αῖος) ὁ εὐαγγελ(ίστης) μην(ὶ) αυγουστ(ῳ) ε̄“.
На л. 99 другая запись писца: „Ἐτελειῶθη ἡ δέλτος αὐτη μηνὶ νοεμβρίῳ κ̄ζ̄ ινδ(ικτίωνος)η̄. ἡμέρα ε̄: ὥρα β̄“. Переплет XIX в. Отрывки из этой же р-си хранятся также в Оксфорде (Bodl. Misc. Graec., № 313) и на Синае (№ 78).
99 лл. 29,5 × 23,5 и 20,8 × 13,0. 24—25 строк.
Собр. Тишендорфа. Библиография р-си велика. См., например, Gregory. Textkritik. d. N. T., S. 85—86, 1037, индекс **036**; W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament, pl. LXI; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei d. IX—X. Jahrhunderts, S. 72—73; Бенешевич. Описание, т. I, стр. 606; Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских р-сей Публичной библиотеки, табл. IV; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI веков. СПб., 1913, tab. VII—VIII.

ПБ, греч. № 33.

105. Евангелие от Иоанна, XIX14—20. IX—X вв.
Пергамен. Литургический унциал. Киноварные экфонетические знаки.
1 л. 31,1 × 20,1 и 24,5 × 16,0. 2 столбца. 20 строк.
Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1279, индекс **e 1395**.

ПБ, греч. № 25.

106. Евангелие от Луки, X 38—42 и 1-е послание к Коринфянам, IV 9—16. IX—X вв.

Пергамен. Мелкий унциал. Простейший орнамент.

2 лл. 12,5 × 8,7 и 8,7 × 5,2. 18 строк.

Собр. Об-ва любителей древней письменности. Бенешевич. Описание, т. I, стр. 638—639, со снимком; Х. М. Лопарев. Описание р-сей Об-ва любителей древней письменности, ч. III, стр. 172.

ПБ, Собр. ОЛДП, 0151.

107. Евангельские чтения: Лука, I_{24-32}, Матфей, XX_{10-29}. IX—X вв.

Пергамен. Унциал. Киноварные экфонетические знаки.

Обрывок листа. 12,5 × 12,8. 10—15 неполных строк.

Собр. Тишендорфа.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1227, индекс l 244.

Пергамен загрязнен.

ПБ, греч. № 35.

108. Евангельские чтения: Лука, XVIII_{14}; XV_{12-24}; XXI_{8-36}; Матфей, XXV_{31-46}; VI_{1-21}. IX—X вв.

Пергамен. Литургический унциал. Инициалы в красках. Рубрики. Киноварные экфонетические знаки. На л. 1 помета: $\overline{\iota\delta}$ (т. е. тетрадь 14-я). В переплете XIX в.

6 лл. 27,0 × 19,2 и 18,6 × 12,5. 2 столбца. 22 строки.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 408, 1227, индекс l 248.

ПБ, греч. № 43.

109. Евангельские чтения, Иоанн, XII_{47} — Лука, XXIV_{36-48}. IX—X вв.

Пергамен. Литургический унциал. Инициалы, заголовки и экфонетические знаки писаны чернилами и красным.

1 л. 27,7 × 21,9 и 19,3 × 13,3. 2 столбца. 20 строк.

Собр. Тишендорфа. Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1227, индекс l 245.

ПБ, греч. № 36.

110. Евангельские чтения. Отрывки. IX—X вв.

Пергамен. Литургический унциал. Киноварные инициалы. Киноварные экфонетические знаки. Листы эти извлечены из какого-то переплета. Пометы XIX в., не поддающиеся прочтению.

2 лл. 29,7 × 21,5 и 25,5 × 16,5. 2 столбца. 20 строк.

Содержание: № 3 — Евангелие от Матфея XXVI_{64-69}; № 67 — Ев. от Матфея XXVI_{38-45}.

Gregory. Textkritik d. N. T., S. 1286, индекс l 1485 (только № 67); K. Aland. Zur Liste der neutestamentlichen Handschriften VI. — „Zeitschrift für die neutest. Wissenschaft und die Kunde der älteren Kirche", 48. Bd., 1957, S. 191.

Листы обрезаны и повреждены по краям. На об. листа № 3 текст не читается. № 3 помещен между двумя стеклами.

БАН, Собр. РАИК, № 3 и № 67.

111. Евангельские чтения. Отрывки. IX—X в.

Пергамен. Литургический унциал. Заголовки писаны золотом. Инициалы рисованы золотом и красками. Киноварные экфонетические знаки.

5 обрезанных по краям листов. Наибольший размер: 22,0 × 20,0; размер текста тот же. 2 столбца. Сохранилось 18 строк.

ЛОИИ, Архив, Западноевроп. секция, № 40/669.

112. Евхологий. IX—X вв.

Пергамен. Минускул своеобразного характера (по указанию Г. Ф. Церетели, см. ниже, почерк „сирийского" характера). Два писца, из которых второй написал только лл. 157 об. — 160. В почерке первого писца (Николая) надстрочные знаки почти не встречаются, тогда как второй писец регулярно употребляет ударения. Заголовки написаны полуунциалом. Инициалы и заставки рисованы чернилами. На л. 172 об. запись писца: „Γραφεν δια χηρος Νηκολάου". На многих листах имеются поминальные записи и арабские пометы к тексту. В переплете XIX в. В начале р-си Порфирием Успенским вплетено 16 чистых листов пергамена.

173 лл. 15,5 × 11,0 и 10,0 × 7,5. 20—21 строка.

Собр. Порфирия Успенского. Библиография р-си велика. М. И. Орлов. Литургия Василия Великого. СПб., 1909, passim (указана обширная библиография); Палеографические снимки с некоторых греческих, латинских и славянских р-сей Публичной библиотеки, табл. V_{2-3} (описание р-си принадлежит Г. Ф. Церетели).

ПБ, греч. № 226.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

ФЕОФИЛАКТ СИМОКАТТА. ИСТОРИЯ.

Изд-во АН СССР, М., 1957, 224 стр.

Институт истории и Институт славяноведения Академии наук СССР приступили к изданию серии „Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы" под общей редакцией академика М. Н. Тихомирова.

Первый том серии, вышедший под редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, содержит перевод „Истории" известного византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты. Историческое творчество Симокатты — важный рубеж в византийском летописании. Он — последний крупный историк доарабского периода, имевший под руками важнейшие документы конца VI — начала VII в., и доступ к этим документам позволил ему создать произведение, ставшее неоценимым источником для эпохи византино-персидских войн и ранней истории славянских народов. Понятен интерес, вызванный первым переводом труда Феофилакта на русский язык.

Издание состоит из вступительной статьи, текста перевода и примечаний. Статья, принадлежащая перу Н. В. Пигулевской, включает содержательный обзор биографических данных о Феофилакте, рассматривает его политические симпатии, литературные особенности его труда, недостатки и достоинства Симокатты как историка. С особенной обстоятельностью автор статьи характеризует время написания „Истории" и останавливается на анализе источников, послуживших базой для труда Феофилакта. Н. В. Пигулевская серьезно обосновывает мнение о том, что важнейшим источником Феофилакта для истории событий 582—593 гг. послужил труд Иоанна Епифанийского (стр. 15—18). Однако, как подчеркивает автор предисловия, Феофилакт не следует рабски источнику, а пользуется им вполне свободно, в отдельных случаях дополняет и расширяет его данные. Убедительны выводы Н. В. Пигулевской относительно хронологии Феофилакта, сводка которых дана на стр. 11—13 при перечне книг и глав „Истории". Тут, к сожалению, не отражены все хронологические отступления, которыми так часто грешит Феофилакт, но тем не менее этот перечень дат представляет прекрасное руководство для всех пользующихся переводом. Безусловно интересны те краткие замечания, которые делает Н. В. Пигулевская, относительно быта персов и характера византино-персидских войн (стр. 18). Эти наблюдения, сделанные опытным глазом знатока восточной истории, очень помогут при общей оценке труда Феофилакта.

Нельзя, однако, не высказать по поводу вступительной статьи и некоторых критических замечаний. Так, политическое кредо Симокатты

определяется лишь в самых общих чертах. Н. В. Пигулевская считает, что он был выразителем взглядов землевладельческой знати, которая получила перевес с воцарением Ираклия, и против этого трудно что-либо возразить. Но нам кажется, что следовало бы поставить вопрос и о том, к какой группировке этого класса принадлежал Симокатта — к прослойке придворной бюрократии или к военной верхушке. Многочисленные высказывания историка по поводу военных событий позволяют, на наш взгляд, предположительно решить этот вопрос: симпатии Феофилакта склоняются на сторону военной верхушки — той самой, которая несколько позднее и выдвинула императора Ираклия. Как уже отмечено выше, Н. В. Пигулевская останавливается на ценных подробностях, сообщаемых Симокаттой относительно быта восточных соседей Византии. Не опасаясь заметно увеличить объем вводной статьи, можно было бы расширить эти указания, пополнив их данными о быте, образе жизни и военных обычаях славян, что было бы очень полезно для изучения соответствующих мест труда Симокатты. Следовало бы остановиться и на такой важной особенности внутренней истории Византии, как организация византийского войска. „История" Феофилакта, содержащая многочисленные описания военных событий, дает для этого благодарный материал. Здесь представляют интерес упоминания о гелеполах (II, 16_{10}), о применении мешков с соломой для защиты стен (II, 18_3), о катапультах и башнях перед крепостными воротами (II, 18_{11}), о кольчугах — „железных рубашках", имевшихся на вооружении воинов (VII, 13_{10}), о палочном режиме, царившем в войске (II, 18_{26}), и небоеспособности этого войска (II, 12_2), наконец, о показном демократизме — несомненно каком-то пережитке античных традиций, сохранявшемся в войсках (III, 1_7).

Наконец, последнее замечание в связи со вступительной статьей. Трагедия Софокла, на которую ссылается Симокатта, носит название не „Аяксы", а „Аякс" (стр. 10), а слово παραδήσομαι правильнее было бы перевести „я вставлю" (стр. 17).

Серьезную помощь читателю, работающему с текстом „Истории", окажет также комментарий, данный в примечаниях, составленных К. А. Осиповой. Сделанные с большой обстоятельностью, они охватывают большинство имен, названий и хронологических указаний, встречающихся в тексте, и построены с учетом новейших работ в этой области. Особое внимание обращено на локализацию географических названий, что, несомненно, значительно облегчает изучение военных походов, описанных Симокаттой, и является безусловным достоинством примечаний.

Тем не менее и в „Примечаниях" приходится отметить некоторые упущения. Не полностью разрешены хронологические затруднения, порождаемые непоследовательным изложением Феофилакта. Правда, вступительная статья оговаривает, что некоторые части „Истории" еще ждут хронологического анализа (стр. 11), но комментарий полностью умалчивает о спорной датировке событий. В результате для читателя остается непонятным, почему одни события сопровождаются хронологическими примечаниями, а другие лишены их. Примером этого может служить обстоятельная датировка походов Филиппика против славян и аваров („зима 584 г.", „весна 585 г." — примеч. 57—58 к гл. I) и необъяснимое отсутствие примечаний к таким выражениям Феофилакта: „наступило время зимы", „весенняя пора вызвала рост трав", „в том же году" (II, 10_{5-8}). Есть основания предполагать, что и эти столь неопределенные датировки Феофилакта, все же поддаются уточнению — по крайней мере, в перечне книг и глав вступительной статьи они отнесены к 585—586 гг.

Тем не менее автор комментария отказался дать здесь свое примечание. Осталось без комментария и сообщение о походе Комментиола в Анхиал против славян и аваров, хотя Феофилакт указывает, что этот поход был совершен в то же время, что и поход Ираклия старшего против персов, т. е., если судить по перечню книг и глав, в 586 г.

Другой пример подобных затруднений дает указание Симокатты о том, что патриарх Иоанн Постник умер до („за четыре года") походов Петра и Приска против славян (VII, 6_1). Явная нелепость этого сообщения заключается в том, что в действительности патриарх Иоанн умер в 595 г., т. е. в том же году, когда были совершены походы Петра и Приска. Совпадение дат смерти патриарха и походов является несомненным, оно подтверждается „Бревиарием" Никифора и данными самого Феофилакта. Перед нами пример явного хронологического недоразумения, однако читателю приходится самому открывать его. А между тем издатели несколько раз возвращаются к этому вопросу. В примечаниях к этому месту (примеч. 16 к гл. VII) К. А. Осипова приводит мнение Б. Графенауера, считающего, что слова „четыре года" относятся к ходу всей войны. Н. В. Пигулевская дважды останавливается на этой спорной датировке (стр. 12 и 13). Но в конечном счете оба автора отказываются встать на какую-либо определенную точку зрения, и совсем непонятным остается указание в перечне книг и глав: „Кн. VII, гл. 6. Об Иоанне Постнике (за четыре года „до этого", т. е. в 591 г." — стр. 12).

Как уже отмечалось выше, работа по локализации географических наименований проведена в примечаниях наиболее обстоятельно и подробно. Это, однако, не помешало тому, что многие названия остались необъясненными. Так случилось с названиями Мамбрафон (I, 15_{14}), Фаманон (II, 10_2), „Гилигердон... в местности, называемой Бизая, около города Бендосабор" (III, 5_2), Фебофон (III, 10_5), Аббарон (IV, 10_4), Анафон (там же), Александрианы (V, 7_{10}), Варварикон (V, 13_3), Даоний (VI, 1_2). Иногда из двух названий, упомянутых буквально рядом, одно локализуется, а другое по непонятным причинам нет (ср. реки Бурон и Арзамон — стр. 47, ср. примеч. 61 к стр. 46). И снова становится неясным принцип составления комментария. Если в хронологические примечания были включены и некоторые спорные или трудно определимые даты, то возникает вопрос, почему этого нельзя было сделать в отношении географических названий. Приходится отметить, что в этом отношении приложенные к книге карты способны только усугубить недоумение читателя. Особенно это относится к карте „Восточные провинции Византии на рубеже VI—VII вв.", так как на этой карте оказываются совершенно точно (и даже без вопросительных знаков, как на другой карте) обозначенными те пункты, относительно которых автор примечаний отказался высказать свое мнение (такие, как Фебофон, Фаманон возвышенность Изала). Становится ясным, что отсутствие комментария в этих случаях является плодом простого недосмотра или небрежности. Такие промахи тем более досадны, что они способны затушевать характер тех действительных трудностей, которые возникли при определении многих географических пунктов.

Естественно, что в числе других вопросов, стоявших перед издателями и требовавших обстоятельного научного комментария, стояла и задача выяснить биографические данные о лицах, упомянутых в источнике. Следует признать, что в этом отношении „История" Симокатты ставит перед комментаторами ряд достаточно трудных задач. Особенно необходимо решение всех вопросов, касающихся личности славянских вождей, упомянутых Феофилактом (Мусокий, Пирогаст, Ардагаст)[1]. Нельзя сказать, что К. А. Осипова полностью уклонилась от решения этой задачи: в некоторых случаях примечания к именам исторических деятелей содержат указания на новейшие исследования (например, о Вараме — примеч. 33 к кн. III, Аристовуле — примеч. 15 к кн. III), однако очень часто комментарий просто отсутствует. Нередко автор примечаний ограничивается тем, что отсылает читателя к имеющейся литературе, не высказывая своей точки зрения; так она поступает, например, комментируя единственное свидетельство о болгарах („булгарах"), приводимое Феофилактом (VII, 4_1). Известно, что с середины VI в. имя болгар (протоболгар) исчезает со страниц источников. Следовательно, свидетельство Феофилакта, помещаемое под 595 г., является первым упоминанием о протоболгарах после почти полувекового перерыва и, естественно, должно было быть комментировано.

Перевод „Истории" Феофилакта представляет определенные трудности. Нарочито усложненный синтаксис, обилие иносказательных и аллегорических выражений нередко затемняют мысль историка. Перевод, сделанный проф. С. П. Кондратьевым и отредактированный К. А. Осиповой, в целом удовлетворяет современным требованиям, предъявляемым к переводам древних текстов. Но естественно, что первое издание на русском языке такого объемистого и сложного памятника, как „История" Феофилакта, не лишено некоторых недостатков. Не везде выдержан единый принцип перевода. Иногда проф. С. П. Кондратьев, следуя за текстом Симокатты, употребляет плохо звучащие по-русски, с трудом воспринимаемые фразы; в других же случаях текст подлинника передается слишком описательно.

Громоздкие предложения с чрезвычайно сложным синтаксисом встречаются довольно часто, нередки и излишние буквализмы. Например, о стратиге Филиппике говорится: „После этого он двинулся к реке Нимфию, *неся с собой славное начало своего командования*" (Курсив мой. — *Я. Л.*, стр. 43). В подлиннике: κ... οὐκ ἄδοξα τὰ προαύλια τῆς ἡγεμονίας ἀπενεγκάμενος. Или на стр. 182 сообщается, что царь Маврикий „велел объявить народу не волноваться (... τοῖς δήμοις ἐδήλου... μὴ ταράττεισται).

Напротив, в других местах переводчик отходит от греческого текста, вставляет от себя слова и выражения, отсутствующие в подлиннике и ненужные для понимания смысла. Вот примеры. Во „Введении" (стр. 26) Феофилакт говорит о любви людей ко всевозможным чудесным рассказам и в подтверждение этого ссылается на феаков, с большим вниманием слушавших рассказ Одиссея. Феофилакт так объясняет этот исключительный интерес феаков к истории Одиссея: „λίχνον γὰρ ἀκοὴ καὶ ἀκόρεστον ἐστιωμένη λόγον παράδοξον". Эта лаконичная греческая фраза переводится на русский язык длинным периодом: „С жадностью слушают люди рассказы и никогда не бывают ими сыты, и повесть об этих чудесных и невероятных приключениях была для них как бы роскошным обедом". Во второй части этого предложения имеются в виду, очевидно, феаки. В греческой же фразе содержится лишь общее суждение. Обращение послов Хосрова к Маврикию „μὴ κρατείτωσιν τύραννοι, ἵνα μὴ μεθὲξῆς παραδείγματος (IV. 13_{19}) переводится следующим образом: „Да не властвуют нигде захватчики, чтобы в таком случае не ссылались на тебя как на

[1] П. Н. Третьяков („Восточнославянские племена". М., 1953, стр. 193) называет среди них, со ссылкой на Феофилакта Симокатту, некоего Баяна, нанесшего поражение Комментиолу в 599 г. Но в тексте „Истории" нигде нет свидетельств об этом лице.

пример такого разрешения". „Такого разрешения" — вставка переводчика, которая, очевидно, сделана для разъяснения мысли Феофилакта. Но ни о каком разрешении раньше речи не было, и вставка не достигает своей цели. Аналогичных примеров в тексте можно найти немало. Мысль автора в этих случаях передается, конечно, в общем правильно, но нарушается единство стиля перевода.

В отдельных же местах русского текста исчезает оттенок мысли Феофилакта и даже изменяется смысл подлинника. Приведем некоторые примеры. На собрании ромейских воинов один из хилиархов, выступая против стратига и призывая воинов прислушаться к его словам, просит воинов пренебречь „авторитетностью" стратига: „τοῦ στρατηγοῦ τὴν ἀξιοπιστίαν μικρὸν ἀποπέμψασθε" (II, 13_4). Объясняя, почему воины должны это сделать, хилиарх продолжает: „ἀξιοπιστία γὰρ αὐτοδυνατόν τί χρῆμα, καὶ τὴν ἰσχὺν οὐκ ἐπίκτητον ἔχει, ἀλλ οἷα πηδάλιον τὸ βούλημα κέκτηται, ὅποι καὶ θέλει τοὺς ἀκούοντας οἰακίζουσα". (II, 13_5). Перевод этого места обезображен опечатками, делающими совершенно непонятной фразу („это" вместо „эта", „служащих" вместо „слушающих"). В исправленном виде эта фраза должна читаться следующим образом: „Доверие имеет силу само по себе, и сила эта не является откуда-либо приобретенной: поставленная цель пользуется им как рулем и куда хочет, туда и направляет слушающих". Ἀξιοπιστία переводится словом „доверие", но доверие — это чувство, питаемое воинами по отношению к стратигу, в то время как ἀξιοπιστία — качество самого стратига; это слово в данном контексте можно было бы перевести „авторитетность". Феофилакт говорит о том, что ἀξιοπιστία, обладая намерением (τὸ βούλημα) в качестве руля, направляет слушающих, куда ей заблагорассудится. Передавая ἀξιοπιστία словом „доверие", переводчик вынужден во второй части предложения вводить новое подлежащее, вернее, превращать в подлежащее дополнение τὸ βούλημα. Таким образом, русская фраза приобретает смысл, отличный от подлинника.

В IV книге перс Биндой, говоря о несчастиях народа, которыми сопровождалось внешне благополучное царствование Хормизда, обращается к свергнутому царю: „...καὶ μιᾶς συμφορᾶς πᾶσα κεκοινώνηκε τύχη, ἵνα δυστυχεστάτης αὐτὸς εὐδαιμονίας ἐμφορηθείης ὑπὸ τῶν χρημάτων καταρδωόμενος (IV, 5_{11}), т. е. „Судьба всех объединилась в одном несчастье для того, чтобы ты сам, купаясь в богатстве, преисполнился несчастнейшего благополучия". Перевод С. П. Кондратьева: „Для того чтобы и ты был исполнен этим несчастным благополучием, затопленный этими богатствами, судьба всех должна объединиться в одном несчастье". Во-первых, с точки зрения стилистики русского языка в данном случае невозможен причастный оборот „затопленный этими богатствами"; во-вторых, в переводе введена категория долженствования, в то время как речь идет о совершившемся факте. В таком виде предложение лишено смысла. Тот же Биндой упрекает Хормизда, посоветовавшего посадить на трон своего младшего сына вместо старшего: „Ты... постарался обидеть старшего в пользу младшего, чтобы не было отдыха в *его* беззакониях", — значится в переводе (стр. 101). У Феофилакта же речь идет о беззакониях Хормизда: «ἵνα μὴ σχοίη ποτὲ τὰ τῆς σῆς ἀδικίας ἀνάπαυλαν».

Можно отметить и другие небрежности, искажающие смысл подлинника. Слова „καὶ ἀθετεῖ τὸ τιμώμενου καὶ γεραίρει τὸ κακιζόμενον" (IV, 2_{11}) переводятся: „они отвергли то, чему поклонялись, и *стали* (курсив мой. — *Я. Л.*) то, что поносили" (стр. 97). На стр. 105 пропущено отрицание „не", вследствие чего фраза приобретает противоположный смысл: „Хосров же, рискуя выстроить лагерь,...". В подлиннике „...οὐ θαρρῶν..." (IV, 9_6). На стр. 63 говорится: „Трусость, сверх всего прочего, любит прибегать к такому самовосхвалению: ...он будто бы пророк, самостоятельно обучившийся этому искусству, он всегда готов отложить дело, сам внезапно на это решась". Вместо местоимения „она" (трусость), употребляется „он". Возможно, употребляя местоимение мужского рода, переводчик имел в виду греческое ὁ ὄκνος, но в таком виде эта фраза мало понятна.

На стр. 28 предсмертные слова императора Тиверия, отдавшего дочь замуж за назначенного им наследником Маврикия, переводятся следующим образом: „Подкрепив перед вами таким залогом свои слова (τηλικούτῳ φύσεως ἐνεχύρῳ θαρρύνων ὑμᾶς) я унесу с собой это утешение в долгий путь моего нового переселения". Незачем в данном случае вполне ясное греческое выражение „θαρρύνων ὑμᾶς" переводить „подкрепив свои слова". Значимое же слово φύσεως остается здесь вообще без перевода. Мешает пониманию смысла также пропуск в переводе слова ἀπολαύσεως в предложении: „До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана и как плату за это просили его не разрушать здания бань" (стр. 32). Вероятно, переводчик имеет в виду, что жены кагана просили не разрушать бань в качестве платы за то, что они в них моются. Но это бессмысленно. В то же время в подлиннике (I, 4_5) слово „плата" имеет дополнение (μισθὸς τῆς ἀπολαύσεως — плата за наслаждение).

На стр. 163—164 ромейский полководец Приск обращается к кагану, убеждая его прекратить грабеж города: „ἀόριστον βούλημα οὐ λαμβάνει κράτος ἀσάλευτον" (VII, 9_3). Выражение ἀόριστον βουλημα (неограниченное желание) передается словами „неопределенное стремление", что дает повод к неверному толкованию (неясное стремление). Неудачно переведены следующие затем слова Приска „μεθόδευσον τῷ κόρῳ τὸ ἄσχετον" как „неудержимый свой голод излечи насыщением" (стр. 164). Эту фразу можно толковать как побуждение к дальнейшим грабежам.

В ряде мест переводчик дает спорный или во всяком случае не единственно возможный перевод текста, нигде не обосновывая своего толкования. Весьма спорным является, например, перевод одной из первых фраз „Диалога истории и философии": «ὦ φιλοσοφία, πάντων βασίλεια, εἴ γε συμπρέπει ἐμοῦ τε πυθέσθαι, αὐτὴν δὲ διδάσκεσθαι, ἀποκρινοῦμαι ὡς ἔχω συνέσεως μηδὲν γὰρ ἄγνωστον ἔχοιμι καλόν, ὡς ἔμοιγε καὶ τῷ Κυρηναίῳ δοκεῖ (Dial., 2)». „О Философия, царица всех наук, если уж нужно, чтобы ты задавала вопросы мне, *которой самой скорее надо у тебя учиться* (курсив мой. — *Я. Л.*), я отвечу тебе, насколько есть у меня разумения: все знать и понимать я считала бы за благо — по крайней мере таково мнение и мое у мудреца из Кирены" (стр. 23). Αὐτήν относится здесь к истории, хотя под αὐτήν скорее надо понимать философию. Более вероятный перевод этого места: „...если уж нужно тебе задавать мне вопросы, самой же быть поучаемой...". Более естественный перевод конца фразы: „...таково мнение мое и Киренца" вместо предложенного „таково мнение и мое и мудреца из Кирены". Слова Феофилакта „οἵ τε ἐπὶ σκηνῆς λοιδορούμενοι οἷς ἂν ἐθέλοιεν", (I, 10_{12}) передаются: „Артисты сцены, представляя пороки людей, какие им было угодно..." (стр. 39), хотя вполне возможен и перевод: „Артисты, порицая, кого им было угодно...". Если бы такое толкование оказалось верным, мы имели бы интересное свидетельство существования личной инвективы в театре того времени.

Встречаются в переводе и отдельные отступления от правил русского словоупотребления и синтаксиса: „повинясь приказанию" (стр. 119), „приступит к кормилу этой власти" (стр. 28), „предлагая тебя императором" (стр. 29), „в виде обнаженных тел императорской семьи" (стр. 188) и др.

Перевод древнего текста — это одновременно его истолкование. Однако перевод „Истории" Феофилакта Симокатты почти вовсе лишен филологического комментария, лишь в очень редких случаях приводятся разночтения рукописей. Нигде в книге даже не указывается издание, с которого сделан перевод, не оговорены поправки издателей.

Не унифицирован в передаче на русский язык термин δῆμος, переводимый то „дем", то „дим" (см. стр. 186 и др.).

В книге много незамеченных опечаток, некоторые из них затрудняют понимание смысла; так, на стр. 58 „войск" вместо „войска", на стр. 116 „троих" вместо „твоих" и многие другие.

Отмеченные небрежности, несомненно, затрудняют пользование русским изданием „Истории" Феофилакта Симокатты для людей, не имеющих возможности обратиться к подлиннику, и они тем досаднее, что в большинстве случаев их очень легко можно было бы избежать при более тщательной подготовке перевода.

Я. Любарский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. Я. СЮЗЮМОВА „О ХАРАКТЕРЕ И СУЩНОСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩИНЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ" *

Советские византинисты достигли значительных результатов в исследовании вопросов о характере поземельных и классовых отношений в Византии после славянской колонизации. Этой проблеме уделяется значительное внимание на страницах „Византийского временника", так как она действительно является едва ли не самой сложной из всех проблем раннего средневековья в Византии. Болгарские медиевисты пристально и с живым интересом следят за этими исследованиями, ибо они находятся в прямой связи с вопросом о генезисе феодализма на территории средневековой Болгарии.

Большой интерес вызвала у нас, в частности, появившаяся недавно статья М. Я. Сюзюмова „О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону".

Автор настоящей заметки хотел бы проявить лишь свое отношение к некоторым вопросам, поставленным в этой статье.

I

Е. Э. Липшиц, пишет М. Я. Сюзюмов, опираясь на термин νεώσειν, на данные Земледельческого закона о расчистке лесов под пахотные земли и о выжигании леса на корню перед пахотой, считает подсечное земледелие господствующим в Византии VI—VII вв. [1]

Исходя из семантики некоторых терминов, М. Я. Сюзюмов предлагает переводить глагол νεώσειν (например, в статье 12) не как „распашет новь", а как „вспашет землю, находившуюся под паром", и не соглашается с тем, что в Земледельческом законе идет речь о распашке целины в том смысле и аспекте, в каком об этом говорит Е. Э. Липшиц [2].

* ВВ, X, 1956.

[1] М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 28.

[2] Там же.

При этом автор опирается на следующее толкование: термин νεατή (целина) согласно Синопсису XI в. означал γῆ ἐπὶ ἐνιαυτὸν ἀργήσασα (земля, которая для отдыха оставляется на один год под пар, т. е. незасеянной) [3]; на Западе в то же самое время термин novale (невспаханная земля, целина) также означал пахотную землю, оставленную на один год под пар. Цитируется здесь и соответствующий текст Исидора Севильского: „novale есть поле, вспаханное в первый раз, или такое, которое отдыхает (оставлено под пар) в течение одного года, чтобы восстановились его силы..." и пр. [4]

Нам представляется, что для правильного понимания этих терминов необходимо рассматривать их в тесной связи с исторической обстановкой того времени, которая в данном случае является особенно важной и, мы сказали бы, даже решающей. Текст Исидора Севильского, рассмотренный именно с учетом исторической обстановки, на наш взгляд, подкрепляет, а вовсе не опровергает вывод Е. Э. Липшиц.

В самом деле:

1. Е. Э. Липшиц не рассматривает подсечное земледелие и расчистку земли от лесов как господствующую форму земледелия, как исторический этап в развитии производительных сил в Византии VI—VIII вв. Из вывода, который Е. Э. Липшиц делает в своей статье „Византийское крестьянство и славянская колонизация" [5], видно, что она устанавливает только факт, что в Земледельческом законе идет речь об определенной категории сельскохозяйственного поселения — преимущественно о поселении в запустевшем месте, в безлюдных лесистых областях. Этот вид поселения, разумеется, был далеко не единственным в империи того времени, и им далеко не исчерпывалась общая картина сельского хозяйства Византии.

2. Особое внимание должно быть обращено при этом на весьма крупный исторический факт, который, по нашему мнению, также полностью подтверждает тезис Е. Э. Липшиц. Известно, что в результате варварских нашествий на Балканский полуостров в IV—VI вв. значительные площади пахотной земли запустели, население было частично истреблено, частично погибло или поредело вследствие голода, лишений, эпидемий и пр. Большая часть обрабатываемой земли на Балканском полуострове, особенно в Мизии и во Фракии, превратилась в пустоши. Запустение обширных земель в Мизии и Фракии в позднеантичную эпоху (IV—VI вв.) является фактом неоспоримым, он подтверждается многочисленными свидетельствами позднеантичных писателей и хронистов — Аммиана Марцеллина, Евнапия, Приска, Дексиппа, Евсевия, Филосторгия, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского, Малха, Зосима и др. Этот факт отмечен Е. Э. Липшиц на стр. 104 ее статьи. Приходится только пожалеть, что Е. Э. Липшиц не привлекла обильные конкретные данные упомянутых выше авторов об опустошительных нашествиях готов, гуннов, авар и др., чтобы полнее и основательнее аргументировать свой представляющийся нам совершенно правильным с исторической точки зрения вывод. Тем не менее она достаточно ясно подчеркивает, что значительная часть земель на Балканском полуострове, которые в конце VI — первой половине VII в. заселили славяне, действительно были землями пустующими, поросшими кустарником и лесом и представляли собою „новь", целину, которую теперь надлежало расчистить и обработать.

[3] Jus, V, p. 590.

[4] Согласно толкованию О. А. Добиаш-Рождественской („Агрикультура в памятниках западного средневековья", М., 1936, стр. 11).

[5] ВС, стр. 141.

Учитывая историческую обстановку того времени, мы считаем толкование, которое Е. Э. Липшиц дает глаголу νεώσειν и другим подобным терминам [в смысле „распашки целины (нови)"], удачным и, на наш взгляд, единственно возможным в данном случае.

3. Выводу Е. Э. Липшиц относительно термина νεώσειν отнюдь не противоречит и чисто текстуальная интерпретация указанного выше места из Исидора Севильского. Novale вполне может быть истолковано там в специфическом значении, в смысле „поля, распаханного в первый раз (= новь, целина)". Конечно, слово novale (= νεατή) имело не только значение „новь" (целина), но также — „поле под паром". Но, на наш взгляд, именно первое из этих значений вполне согласуется с толкованием Е. Э. Липшиц слова νεώσειν. М. Я. Сюзюмов предпочел второе значение, не пояснив, почему он это сделал.

II

М. Я. Сюзюмов на стр. 29—43 своей статьи возражает Е. Э. Липшиц, которая, основываясь на данных Земледельческого закона, рисует картину классового расслоения в византийском селе. М. Я. Сюзюмов защищает при этом два положения: 1) Византия, по его мнению, также переживала эпоху, совершенно аналогичную тому периоду в истории Запада, когда „между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин"[6]; 2) в Земледельческом законе, по его мнению, вообще нет и речи о каких-либо крупных землевладельцах, и византийская община состояла исключительно из свободных (богатых и бедных) крестьян-хозяев (κύριος) и из таких же свободных арендаторов крестьянской и общинной земли[7].

Нам кажется, что историческая обстановка раннесредневекового периода была гораздо более сложной. Мы хотели бы обратить в этой связи внимание на два следующих бесспорных факта:

1. Западная Римская империя была полностью разрушена германцами, на Востоке же Византия сохранила свой государственный аппарат, сохранились там в первое время и значительные остатки рабовладельческого строя — особенно в Малой Азии и в некоторых южных областях Балканского полуострова, где славянское заселение не могло уничтожить полностью ни византийскую администрацию, ни византийскую налоговую систему. Несмотря на наличие спорных вопросов относительно сферы распространения и характера этих позднерабовладельческих отношений, все-таки существование значительных остатков рабовладельческого способа производства в Восточной Римской империи в VI—VII вв. не подвергается сомнению[8]. Остатки рабовладельческих отношений являются бесспорным фактом и в свете данных Земледельческого закона, как мы это увидим ниже. Поэтому, несмотря на некоторые оговорки, М. Я. Сюзюмов слишком резко и категорично, по нашему мнению, проводит аналогию между развитием Востока и Запада.

[6] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 29. — По кн.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 161.

[7] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 30.

[8] Ср., например, Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 28—53; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. — ВС, стр. 2—95; Велизар Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. э. — ИП, 1955, кн. I, стр. 32—55.

2. Е. Э. Липшиц, основываясь на статьях 18—19 Земледельческого закона, делает вполне обоснованный и чрезвычайно важный вывод, что поселения, о которых там идет речь, обложены государственными налогами[9]. Таким образом, ни на мгновение не упускается из виду, что Земледельческий закон охватывает только такие общины, которые непосредственно находились в сфере действия византийской администрации и налоговой системы.

Ясно, что в тех славянских общинах, которые были поставлены в подобные условия, непременно должны были сохраняться старые и возникали новые процессы имущественного и классового расслоения. Эти процессы как раз и установлены Е. Э. Липшиц на основании данных Земледельческого закона.

Не входя во все подробности, укажем здесь лишь на некоторые наиболее важные данные, которые, как нам кажется, не согласуются с выводами М. Я. Сюзюмова в этом основном вопросе.

Верно, что в некоторых случаях понятие κύριος полностью совпадает с понятием γεωργός и означает земледельца, который одновременно является и свободным собственником — мелким землевладельцем и непосредственным производителем. Это ясно видно из сопоставления статей 3, 4, 5, 17. Здесь κύριος означает только „собственник поля" (κύριος τοῦ ἀγροῦ), как и κύριος τοῦ βοός („собственник вола") и „собственник дерева". Но это лишь одна сторона вопроса. М. Я. Сюзюмов упускает из виду, что в других статьях Земледельческого закона понятие κύριος явно означает рабовладельца — κύριος τοῦ δούλου, как, например, в статьях 45, 46, 47 и др. О каком рабе здесь идет речь? Основываясь на статьях 71 и 72, Е. Э. Липшиц показывает, что раб Земледельческого закона вообще лишен какой бы то ни было юридической правоспособности[10]. Раб этот выполняет по воле своего хозяина определенный сельскохозяйственный труд. Ясно, таким образом, что, помимо общинных, в Земледельческом законе нашла отражение и другая форма отношений — отношений рабовладельческих. Община, о которой идет речь в Земледельческом законе, существовала в рамках византийского классового общества, в сфере византийского классового законодательства, под тяжестью и под прямым воздействием византийской налоговой системы. Но такой общине, естественно, были присущи черты, характерные вообще византийскому раннесредневековому обществу. В состав общины Земледельческого закона входили разные слои: 1) свободные земледельцы-собственники, которые сами собственным трудом обрабатывали свою землю; 2) свободные земледельцы-собственники, которые эксплуатировали труд свободных, полусвободных и несвободных людей (свободных арендаторов-мистиев, рабов и др.); 3) некоторые члены общины, которые беднели и разорялись в результате налогового обложения, превращались в ἄποροι и покидали свою землю.

Вполне основательно поэтому Е. Э. Липшиц усматривает в статьях 9—10 данные о крупном феодальном землевладении и феодальной эксплуатации, понимая под χωροδότης крупного феодального собственника (монастырь), а под „мортитом" — феодального крестьянина. Толкование μορτή в смысле „церковного или монастырского десятка", которое дает М. Я. Сюзюмов, не представляется нам убедительным[11]. На наш взгляд, прав С. А. Никитин, который считает, что μορτή Земледельческого за-

[9] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 131.

[10] Там же, стр. 129.

[11] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 29.

кона представляла собою наиболее древнюю форму феодальной натуральной ренты[12]. Ссылка М. Я. Сюзюмова на то, что в Земледельческом законе нет никаких конкретных указаний на наличие церковной поземельной собственности, не может служить доказательством. Вероятно, он имеет при этом в виду то обстоятельство, что Лев III Исавр и его наследники вели борьбу против церковного землевладения. Это, однако, совсем не означает, что церковное землевладение, которое до периода иконоборчества достигло значительных размеров, теперь, к середине VIII в., вдруг исчезло как социальное явление и что церковь потеряла свое значение идеолога византийского самодержавия. Напротив, роль церкви и христианской религии как „укротителя" язычников, как проповедника покорности властям была особенно необходима византийскому правительству в VII—VIII вв. как фактор, содействовавший укреплению господства византийского государства на территориях, заселенных славянами.

Вот почему мы имеем все основания считать, что и в VI—VIII вв. не потеряло своего значения постановление кодекса Юстиниана в связи с борьбой против старых и новых языческих культов на территории империи: „ . . . пусть те места, [в которых совершались языческие обряды и] которые мы многократными постановлениями старались передать досточтимой [нашей] церкви, заслуженно присвоит себе христианская церковь"[13]. Мы полагаем поэтому, что Е. Э. Липшиц совершенно справедливо видит в χωροδότης монастырское феодальное землевладение и в „мортите" статей 9—10 Земледельческого закона — феодального крестьянина. И это у нее достаточно аргументировано.

М. Я. Сюзюмов считает мистия Земледельческого закона совершенно свободным наемным работником[14]. Он ссылается при этом на главы VI (§ 2—3) и XXII Книги эпарха. Действительно, в указанных текстах речь идет о свободных договорных условиях при найме ремесленника. Однако здесь следует обратить внимание и на другую сторону вопроса — на противоречивость содержания этого текста по существу. Самый текст § 2 главы VI Книги Эпарха позволяет прийти к выводу, что на практике работодатель мог через предварительную оплату труда вовлечь в зависимость первоначально свободного мистия-ремесленника и что именно эта практика втягивания мистиев в зависимость вызывала издание подобных распоряжений со стороны правительства.

Мы не знаем, однако, в какой мере действенными оказались эти постановления и как часто работодатель, используя свои связи с могущественными людьми своего времени, мог обходить разными способами указанные распоряжения. Положение же мистиев в сельском хозяйстве, особенно тех мистиев, которые работали во владениях крупных землевладельцев, было еще более неблагоприятным. По самому своему характеру сельскохозяйственный труд мистиев часто бывал с неизбежностью связан с временным поселением или получением крова во владениях работодателя. Обязанный первоначально работать на земле работодателя „временно", при „свободных" договорных условиях, мистий вполне мог быть оставлен там и после условленного срока на более долгое время или даже навсегда, если, например, работодатель закабалял его экономически посредством предварительной оплаты труда, всевозможных ссуд,

[12] История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 52.

[13] Cod. Just., lib. I, tit. XI: „. . . ea vero <loca>, quae multiplicibus constitutis ad venerabilem ecclesiam voluimus pertinere, Christiana sibi merito religio vindicabit (a. 415)".

[14] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 41.

„услуг" и пр. Впрочем, М. Я. Сюзюмов также допускает такую возможность: „Разумеется, — пишет он, — неимущий мистий мог легко попасть в число зависимых людей. Но, — справедливо замечает автор здесь же, — в таком случае он уже переставал быть мистием"[15]. Вот именно это мы бы и хотели подчеркнуть: „наемный работник" в таком случае неизбежно и незаметно попадал в своего рода феодальную зависимость, которая, без сомнения, могла принимать весьма различные экономические и внеэкономические формы, степени и оттенки. Звание же „мистий" играло при этом роль лишь благовидной „приманки" для вовлечения разоренного крестьянина в феодальную или вообще в поземельную экономическую зависимость.

Выводы Е. Э. Липшиц о мистиях Земледельческого закона находят, как нам представляется, полное подтверждение и в тексте главы VIII, § 6 Эклоги, где мистии изображаются как экономически зависимые люди. Разумеется, в Земледельческом законе экономическая и внеэкономическая зависимость мистиев оформлена еще не до конца. Но именно из неимущих и безземельных крестьян сформировалось впоследствии феодально-зависимое крестьянство как особая социальная категория, и именно в Земледельческом законе следует усматривать первые этапы этого процесса.

Мы полагаем, что картина классового расслоения, которую рисует Е. Э. Липшиц на основании данных Земледельческого закона, соответствует исторической действительности того времени.

III

Что касается вопроса о периодическом перераспределении пахотной земли в византийской общине, то крайняя осторожность, которую проявляет здесь Е. Э. Липшиц, вполне оправдана, по крайней мере, для эпохи славянского заселения Балканского полуострова.

Во всяком случае обозначение в Земледельческом законе земельного участка то термином χώρα, то μέρος (ст. 5), то μερίς (ст. 31 и 78), то как σκάφιον (ст. 8), само содержание статьи 8, как и достаточно ясное указание, отмеченное Е. Э. Липшиц[16], на временный или постоянный обмен обрабатываемой землей в статьях 4 и 5, — все это вполне очевидное, на наш взгляд, свидетельство о наличии пережитков или остатков господствовавшего в прошлом обычая периодически перераспределять всю обрабатываемую площадь как коллективную собственность целого поселения.

Открытым можно оставить другой вопрос — насколько сохранился этот обычай в VII—VIII вв. Развитие, разумеется, вовсе не протекало равномерно и единообразно во всех областях Византии, и исследование свелось бы на первом этапе к изучению конкретных случаев, с учетом особенностей места и времени. Мы не можем поэтому согласиться с мнением М. Я. Сюзюмова, что этот вопрос следует решать „со всей категоричностью"[17] и только в том смысле, что до первой половины VIII в. остатков периодических переделов земли в сельских общинах вообще нигде не сохранилось.

[15] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 41.

[16] Е. Э. Липшиц. Ук. соч., стр. 119.

[17] М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 38

Нельзя, конечно, предугадать результаты дискуссии, начатой на страницах „Византийского временника", но мы все-таки полагаем, что дальнейшие детальные исследования не опровергнут, а только дополнят и уточнят те выводы, к которым пришла Е. Э. Липшиц в своих работах[18].

Страшимир Лишев

AUS DER BYZANTINISTISCHEN ARBEIT DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK, BD. I.

Hrsg. von Johannes Irmscher. Berlin, Akademie-Verlag, 1957, 302 S.

Перед нами первый том собрания докладов по византиноведению, подготовленных к сессии группы византинистов при Германской Академии наук, происходившей в мае 1955 г. в Берлине. Эта сессия, как указывает во введении доктор Иоганн Ирмшер, служила задачам всестороннего обмена замыслами и исследовательским опытом между представителями различных научных дисциплин и тем самым содействовала дальнейшему развитию византиноведения в Германской Демократической Республике.

Работы, включенные в сборник, разнообразны по содержанию, форме, а также, подчеркнем, и по их методологии. Но вполне можно согласиться с автором введения, что опубликованные статьи способны „дать наглядную картину интересов, текущих работ и будущих возможностей византиноведения в Германской Демократической Республике".

В первом томе напечатано 24 статьи, посвященные проблемам языкознания, литературоведения, истории, богословия и истории церкви. К сожалению, вопросы внутренней социально-экономической истории Византии в сборнике почти не затронуты. Мало внимания уделяют пока византинисты ГДР и исследованию социальных движений. Так, в рецензируемом томе на эту тему помещена только одна статья.

В раздел „История" включено семь работ. Открывается он статьей Ганса Иоахима Диснера о циркумцеллионах (H.-J. Diesner. Spätantike Widerstandsbewegungen: das Circumcellionentum. — стр. 106—112). В общей оценке этого движения Диснер не расходится с советскими исследователями (Машкиным и Дмитревым)[1]. Он тоже подчеркивает участие в нем рабов. Рабы, должники казны, а также руководившее движением донатистское духовенство стремились к ниспровержению существовавших тогда отношений и присвоили себе право и власть

[18] Неизученным остается еще один вопрос: насколько и в какой степени могут быть использованы данные Земледельческого закона при рассмотрении проблемы общественно-экономического развития тех славянских поселений на Балканском полуострове, которые в VII—VIII вв. оказались вне территории, подвластной Византийскому государству, и остались в большей или меньшей степени не затронутыми прямым воздействием византийской администрации и налоговой системы? В этих славянских поселениях генезис феодальных отношений происходил, несомненно, в иных условиях и в несколько других формах. Развитие феодальных отношений в этих славянских поселениях еще ждет своего изучения.

[1] См. А. Д. Дмитрев. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах. — ВДИ, 1948, № 3, стр. 66 и сл. и Н. А. Машкин. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. — ВДИ, 1949, № 4, стр. 51 и сл. В библиографии, указанной в статье, не учтена ранняя работа Машкина о циркумцеллионах („Историк-марксист", 1935, № 1).

(judicium et imperium), которыми они „изменяли отношения между господами и рабами". Автор отмечает, что против христиан — сторонников господствующей церкви — принимались не только меры насилия, но и экономическое воздействие — бойкот. По мнению Диснера, программа и тактика восставших, а в особенности их связь с донатизмом, мешали распространить движение на всю Африку даже в самый разгар восстания.

Другими словами, движение циркумцеллионов автор считает слишком радикальным, чтобы можно было привлечь союзников из городского населения и мелких собственников. Поэтому, утверждает Диснер, движение было изолировано и потерпело неудачу. Связь с донатистским духовенством не придавала сплоченности движению: само донатистское духовенство боялось своих сторонников!

Статья Эрнста Вернера „Кризис в отношениях между государством и церковью в Византии: Феодор Студит" (E. Werner. Die Krise im Verhältnis von Staat und Kirche in Byzanz: Theodor von Studion. — стр. 113—133) рассматривает иконоборчество в Византии и деятельность Федора Студита с точки зрения борьбы светской и церковной власти. Автор использует в основном западноевропейские концепции иконоборчества. Понятие „византийская церковь", по мнению автора, представляет собою, в противовес августиновскому „царству божию", скорее платоновскую идею, чем понятие о конкретном объединении верующих. Будто бы увлеченный этим мистическим толкованием „церкви" народ слишком предавался идеям отречения от мира. Поэтому, утверждает Э. Вернер, политика иконоборцев состояла в том, чтобы путем преодоления этого гибельного для государства мистицизма сконцентрировать все силы народа на борьбе против ислама. С другой стороны, иконоборцы причимали в расчет неприязнь восточного населения к иконам. В этом Э. Вернер примыкает к Шварцлозе, Дилю, Виссера. Но, с другой стороны, Вернер указывает на социальный смысл павликианства, причем признает, что широкое павликианское движение послужило базисом иконоборческой политики Льва III. Поскольку стратиоты восточных фем были настроены против икон, то иконоборческие императоры, не желая терять защитников империи, отказались от платоновских идей в своих представлениях о церкви. Относительно народных масс автор признает их оппозиционность только к монашеству. Полемизируя с Е. Э. Липшиц, Э. Вернер отмечает большую пестроту в лагере иконоборцев, но считает, что независимо от различных точек зрения деятелей иконоборчества, все их мероприятия сводились к укреплению государственной власти и что в сущности иконоборцы только продолжали политику Юстиниана по отношению к церкви. Борьба против икон была борьбой между regnum и sacerdotium (стр. 127). Но в дальнейшем произошло сближение между борющимися силами: иконопочитатели поняли, что без сильной центральной власти императора восточная церковь погибла бы от оружия мусульман, — и патриархам Тарасию, Никифору и Мефодию приходилось максимально содействовать усилению светской власти, поступаясь правами церкви. Эта концепция автора статьи искусственна. Нигде у византийских деятелей иконопочитания мы не можем найти выступлений против сильной центральной власти светского императора. В действительности борьба шла не против сильной центральной власти, а различные прослойки византийского господствующего класса боролись за овладение государственным аппаратом. Другими словами, суть борьбы заключалась в том, по какому пути должен развиваться византийский феодализм. По мнению Э. Вернера, партия

Феодора Студита стремилась к полной независимости церкви от государства. Феодор Студит и обращался к папе, поскольку в положении папства видел идеал церковной самостоятельности. Однако мы должны возразить: во-первых, папа в то время вовсе не был независимым от власти Карла Великого, а во-вторых, Федор Студит вовсе не развивал широких идей независимости церкви; он выступал только против нарушения императорами канонов и догматов. Что же касается идеи независимости, то Студит был очень далек от мысли об укреплении власти патриарха: напротив, он проявлял полную недисциплинированность по отношению к центральной церковной власти. Он был поборником самостоятельности *монастырей* как учреждений, отрекшихся от мира и потому не подчиненных мирской власти. Что же касается отношения к канонам и догматам, то Студит считал их теми основными законами, которым должны подчиняться все, и император в особенности. Подданным Феодор Студит говорил: „Подчиняйтесь царю, поскольку не нарушается заповедь Божья"; монашество же в представлении Студита было истинным хранителем канонов и законов церкви. По Э. Вернеру, Студит в целях привлечения на свою сторону масс пошел по пути сближения богословской мысли с народными суевериями (стр. 128). В данном случае мы можем отметить некоторое противоречие, характерное для всех обобщающих работ: с одной стороны, Вернер пишет о неприязни масс к иконам, с другой — считает фетишистские суеверия народными представлениями, в угоду которым Студит и выступил со своей теорией сущности иконопочитания. По нашему мнению, Студит был обязан своим влиянием не идеям об образе и прототипе, а только выступлениям против „стяжательства", и в особенности апологии личного физического труда, своим стремлением превратить монастыри в некие трудовые коллективы. Это было созвучно тому периоду византийской истории, когда крестьянство в основном еще не было закабалено, когда еще сильна была свободная крестьянская община. Идеи нестяжательства в соединении с требованием полной независимости монастырей мало имеют общего с борьбой между церковной и светской властями.

Традиции византийской церкви не допускали торжества идей нестяжательства. От идей Студита осталось только требование монастырской самостоятельности. Превращение монастырей в трудовые духовные коллективы без эксплуатации зависимого крестьянства было утопией, которая могла возникнуть в условиях господства свободной общины. В поздневизантийской империи монастыри получили почти полную самостоятельность; идеи Студита о невмешательстве светской власти в дела монастырей претворились в жизнь, но, поскольку принцип нестяжательства был отброшен, свобода монастырей превратила их в феодальные сеньории.

Вернер объясняет победу иконопочитания перенесением центра империи на Балканы. Это неправильно — центр византийского государства еще долго был в Малой Азии. Даже в X в. стратиги восточных фем по рангу стояли выше западных. Свою статью Вернер заключает так: основная цель иконоборческой политики императоров была достигнута — сила монашества была ограничена. Но мы должны сказать, что это совершенно не соответствует действительности. Монашество после борьбы иконоборцев с иконопочитателями вышло окрепшим и политически более мощным, чем было до иконоборчества. Достаточно взглянуть на состав церковных соборов. До иконоборчества представители монашества на соборах занимали ничтожное место, тогда как с 787 г. по своей численности они преобладали на всех соборах. Экономически же

монастырская собственность была ослаблена не столько иконоборчеством, сколько предшествовавшим ему нападением арабов и славян. Только после победы иконопочитания возникли наиболее известные из дальнейшей истории византийские монастыри — крупные землевладельцы. Ни иконоборчество, ни выступление Студита, по нашему мнению, нельзя рассматривать как борьбу светской и духовной власти.

Статья Петра Ранкова (P. Rankoff) „К истории византийско-болгарских отношений" (стр. 134—141) представляет собою реферат-сводку болгарских и советских исторических трудов о византийско-болгарских отношениях и не имеет исследовательского характера.

Герберт Шёнебаум (H. Schönebaum) в статье „К вопросу о кабарах" (стр. 142—146) достаточно убедительно доказывает хорезмийское происхождение кабаров, упоминаемых у Константина Багрянородного. Шёнебаум спирается на советские труды, главным образом на труды С. П. Толстова. Однако автору следовало бы дать критический анализ других толкований этого слова в новейшей литературе, особенно в труде Д. М. Данлопа (D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khasars. Princeton-New York, 1954).

Статья Эдуарда Винтера об отношении папства и Византии к введению христианства на Руси (Ed. Winter. Die Christianisierung der Rus in der Diplomatie des Papsttums und Byzanz. — стр. 147—157) интересна для германского читателя, поскольку в Германии господствовали по вопросу о крещении Руси концепции западных историков. Автор удачно оттеняет общеевропейское значение появления письменности на славянском языке, а также отмечает важное значение христианизации Руси по византийскому обряду, что содействовало оформлению на Востоке мощной феодальной системы, независимой от западноевропейской. Но статья вызывает и некоторое разочарование. Важно не только пропагандировать в Германии марксистский метод изучения истории, но и аргументированно бороться с враждебными концепциями. Между тем Винтер оставляет без ответа и без критики господствующие в Германии концепции Хонигмана, Аммана, Лорана и др.

Статья Бруно Видера (B. Widera) „Борьба Ярослава Мудрого за церковную независимость от Византии" (стр. 158—175) трактует о мероприятиях Ярослава Мудрого по укреплению независимости Руси — как государственной, так и в первую очередь церковной и культурной, поскольку в отношении церкви больше всего необходимо было опасаться преобладания византийского влияния. Видера отмечает успехи русской культуры во время правления Ярослава, его стремление сделать Киев центром, конкурирующим по значению с Константинополем. Как особенно важный акт, подчеркивающий независимость русской церкви, Видера выделяет канонизацию русских святых. Автор, видимо, преувеличивает антивизантийскую направленность канонизации Бориса и Глеба. Этот акт в первую очередь и главным образом был направлен против внутренних феодальных войн, против кровавых распрей в доме Владимира, против братоубийства как „дела сатаны". Видера правильно отмечает, что всякий раз, когда отношения с Византией обострялись, оживлялись сношения с Западом. Статья безусловно выиграла бы, если бы автор вступил в аргументированную полемику с иными, распространенными в Германии воззрениями на соответствующий период отношений между русской и византийской церквами (особенно против взглядов Аммана на состояние русской церкви в то время). Проигрывает статья и оттого, что автор ссылается на византийские источники не по подлинникам, а по русским переводам. Имеются досадные описки: так, например,

текст „Повести Временных лет“ „Се есть новый Константин великого Рима“ Видера переводит: „Der Konstantin des neuen Rom“ (стр. 170). Столь неточный перевод может дать повод предполагать о наличии теории „Киев — новый Рим“, чего на самом деле вовсе нельзя усмотреть в русской летописи. Явно ошибочно говорится в статье (со ссылкой на Пселла), что поход русских против Византии последовал после смерти Василия II и Константина Мономаха; нужно: Константина, брата Василия II (1025—1028). Приходится сожалеть и о том, что автор не отнесся с необходимой критичностью к статье Брунова в „Византийском временнике“ (т. III), на которую он ссылается, хотя в ней много очевидных преувеличений и несомненное стремление в ущерб исторической действительности преуменьшить византийское влияние на русское искусство.

Иоганн Лейпольдт (J. Leipoldt) в сообщении „Религиозно-исторические заметки к обряду возношения даров“ (стр. 213—217) пишет о позднем происхождении таинства причащения.

Гельмут Ристов (H. Ristow) выступает с богословской статьей (стр. 218—236), в которой объясняет происхождение богословского понятия „лицо“ и дает анализ этого понятия у Нестория.

Ферри Лилиенфельд (F. v. Lilienfeld) в большой статье (стр. 237—271) „Древнейшие русские жития святых“ (Die ältesten russischen Heiligenlegenden. Studien zu den Anfängen der russischen Hagiographie und ihr Verhiltnis zum byzantinischen Beispiel) разбирает летописные данные „Сказания“ и „Чтения“ об убийстве Бориса и Глеба в свете их зависимости от византийских образцов. Интересно отметить, что одновременно с Ф. Лилиенфельд в СССР издал монографию на ту же тему Н. И. Ильин („Летописная статья 6523 года и ее источник“, М., 1957). Однако Ильин ту же тему разбирает в связи с вопросом о влиянии чешских легенд. Почти тогда же была опубликована и работа Л. Мюллера (L. Müller. Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb, 1956), в которой тезис о влиянии византийских житий на русскую редакцию выражен еще более резко, чем у Ф. Лилиенфельд. Нам кажется, что аргументация Лилиенфельд более убедительна, чем Ильина. Ильин останавливается главным образом на сходстве фактов в „Сказании“ и в легендах о Вячеславе. Но как раз сходство в фактах ничего не доказывает, так как убийство Бориса и Глеба — не легенда, а действительно происшедшее событие, в некоторой степени аналогичное событиям в Чехии. Гораздо убедительнее сходство в выражениях и фразах, греческое влияние в которых совершенно несомненно. Уж одно выражение „Сказания“ „сущю самодержьцю вьсей Русьстей земли Володимеру“ показывает греческое влияние — αὐτοκράτωρ. Лилиенфельд приводит немало примеров заимствований с греческого. Менее убедительны ее соображения о приоритете летописной статьи перед „Сказанием“ (Ильин, наоборот, считает не подлежащим сомнению, что именно „Сказание“ послужило источником для летописной статьи). Если иметь в виду метод Метафраста, который литературно перелагал более просто написанные жития, то предположение Ф. Лилиенфельд становится более приемлемым. Однако вопрос о том, что является источником — статья летописи или же „Сказание“, все же еще не может считаться решенным.

Статья Карла Розе (K. Rose) посвящена „Слову о законе и благодати“ первого русского киевского митрополита Илариона (стр. 272—287). Автор, используя работы советских исследователей „Слова“, выясняет значение этого памятника для историков и подчеркивает, что

в нем ярко отображена мощь русского государства и самостоятельность культурного развития Руси. Розе совершенно правильно отмечает, что „Слово“ является важным аргументом против „теорий“ школы норманистов. В статье содержится призыв к германским историкам глубже изучать историю и культуру русского народа.

Работа Конрада Онаша (K. Onasch) о „Ренессансе и предреформации в византийско-славянском православии“ (стр. 288—302) затрагивает вопросы, представляющие существенный интерес для истории русской общественной мысли. Работа начинается с характеристики мистицизма исихастов, который, по мнению автора, оказал решающее влияние на развитие предреформационных настроений в России. Автор указывает, что исихазм из Византии проник в Болгарию, откуда через Цамблака, а также непосредственно из Афона, перешел и в Россию. Мистически настроенные Сергий Радонежский и его ученик Нил Сорский были носителями тех же идей, которые были характерны для Запада времен Реформации, в частности идеи секуляризации монастырских земель. Основой исихазма было убеждение, что скромный молящийся может самостоятельно добиться единения с божеством. Это, по мнению автора, имело важнейшее значение для развития „центральной идеи“ Возрождения — индивидуализма. Но это же порождало „сомнения“ и „шатания“ по отношению к церкви. Онаш связывает эти настроения с появлением „стригольников“ в Новгороде, которые особенно резко выступали против „дорогой“ церкви, вообще отвергая всякую иерархию. Автор не считает „стригольников“ организованной ересью, но только вольнодумцами. В ереси „жидовствующих“ Онаш подчеркивает присущее реформационным настроениям стремление критически отнестись к писанию, т. е. дать улучшенный (прямо с еврейского оригинала) перевод Библии. Врага еретиков, Иосифа Волоцкого, Онаш характеризует как сторонника полицейского государства на службе церкви, организатора инквизиции на Руси. Онаш считает наличие предреформационных идей и настроений на Руси несомненным. Причиной же их поражения, по Онашу, являлось торжество идеи „Москва — третий Рим“ и появление в связи с этим самоудовлетворенности православием, Часословом, Псалтирью, Октоихом и Минеями. Платон и Аристотель, которым, по Онашу, открыл дорогу в Европу Виссарион, полностью отвергались.

Онаш безусловно прав, когда считает мистицизм путем к индивидуализму, а затем, при известных условиях, и к критическому отношению к церкви; Онаш прав, когда говорит о наличии на Руси, особенно в Новгороде, предреформационных настроений. Но все исследование Онаша не имеет твердой основы: развитие идей, настроений и выступлений трактуется в отрыве от социальных проблем того времени, вне классовой борьбы, которая проходила очень остро на Руси, особенно в Новгороде — центре еретического движения. Сами по себе ни борьба против распущенности духовенства и симонии, ни тезисы нестяжательства, ни вольнодумство не являются показателями предреформационного настроения — они имели место и задолго до Реформации, и часто их поборниками были самые ярые сторонники укрепления церковного мировоззрения. Эти явления приобретают новое качество, действительно отражают требования Реформации, только при наличии определенных противоречий между пробивающимися новыми производительными силами и отстающим общественным строем и старой идеологией. А как раз эти моменты статья Онаша, построенная на исследованиях западных ученых, и не принимает в расчет. Правда, автор использует и советскую литературу, в основном искусствоведческую, но не оттеняет тех положений,

которые характерны для марксистской концепции Возрождения и Реформации.

Таким образом, первый том рецензируемого сборника свидетельствует, что византиноведение в Германской Демократической Республике еще не полностью преодолело идеалистическую методологию. Но вместе с тем несомненно, что византинисты ГДР настойчиво стремятся овладеть единственно научным методом исторического исследования — методом исторического материализма. Организация группы византинистов при Берлинской Академии наук и конференции, подобной той, которая имела место в мае 1955 г., помогут в этом нашим немецким коллегам.

М. Я. Сюзюмов

* *
*

Следует отметить прежде всего, что среди опубликованных в рецензируемом томе византиноведческих работ пять имеют прямое отношение к русско-византийским связям и затрагивают важные проблемы культуры и литературы русского народа в древнейший период его исторического существования. Если мы добавим к этому, что еще ряд статей касается вопросов, непосредственно относящихся к изучению истории и культуры балканских и закавказских народов, то можно смело сказать, что устремления и интересы византиноведов в Германской Демократической Республике в значительной мере обусловлены их вниманием к культуре прежде всего русского народа, других народов Советского Союза и стран Народной демократии. Это делает византиноведческие исследования немецких ученых особенно интересными и для советских читателей.

И еще одно хочется отметить, прежде чем переходить к разбору отдельных статей. Думается, что идейный и моральный лейтмотив всего сборника в целом хорошо выражают слова автора одной из опубликованной в томе работ — Карла Розе: „Жизнь народа напоминает жизнь дерева, в котором один слой нарастает вокруг другого. Поэтому прошлое народа — не просто прошлое, не просто уже исчезнувшее и не существующее — это часть современной его жизни. Все в ней имеет свое значение — прошлое и настоящее: одно не может существовать без другого.

Во всех научных исследованиях, касаемся ли мы исторического материала или вопросов современности, нас должно воодушевлять пламенное желание находить и отыскивать истину...

Литература народа — это ключ к его душе. И народ можно только тогда понять, когда наряду с прослеживанием внешнего хода его истории углубимся в лабораторию его духовной и умственной жизни и проникнем в сокровищницу его духа.

Для нас сегодня это вопрос жизни. Ибо мы, немцы, сейчас так близко соприкоснулись с русскими и узнали друг друга, как никогда раньше в нашей истории, и поэтому имеет громадное значение для нашего будущего, если мы, немцы и русские, взаимно поймем и изучим друг друга. Ведь взаимное понимание — это первое необходимое условие всякого сотрудничества и совместной работы. Отдать свои силы и труды этому делу требуют не только доводы разума, это должно вытекать также из потребности сердца".

Открывающая сборник работа Гертруды Белиг (G. Böhlig) посвящена соотношению элементов живой народной речи и классического литературного языка в эпоху греческого средневековья (стр. 1—13). Автор указывает, что у греков „двуязычие" приобретает своеобразные черты благодаря тому, что его источником является историческое развитие одного и того же языка, который предстает перед нами в двух формах: так называемой народной речи и литературного, или „чистого", греческого языка. При этом народная греческая речь противостоит литературному языку не в качестве какого-либо диалекта или говора, а как живой и непрерывно развивающийся язык, противополагаемый его окостенелым и искусственно остановленным в своем развитии, подражающим античности формам. Поэтому, как правильно замечает Г. Белиг, следует прежде всего точно установить, что именно мы имеем в виду и под народным и под „чистым" языком применительно к византийскому периоду.

Примерно с XI в., когда начинают появляться в изобилии письменные источники простонародного характера, нам относительно легко определить, что именно представлял собою народно-греческий язык средневековой эпохи, но труднее обстоит дело для предшествующего времени. Правда, мы имеем возможность опираться на данные папирологии, а позднее — на язык византийских хроник, в которых в большей степени заметны черты народного языка, чем в произведениях других жанров. Однако при этом не следует забывать, что во всех памятниках мы имеем дело с постоянным смешением просторечных языковых черт с элементами классического литературного языка. Что же касается понятия "чистый" язык, то в этом отношении воззрения греческого средневековья существенно отличались от нашего понимания того, что именно следует разуметь под классическим периодом греческого языка. Так называемый „чистый" язык обычно именуется в византийскую эпоху „аттическим" (ἀττικῶς) и противопоставляется народному „общему" (κοινῶς). Но само понятие „аттический" в течение истории менялось. Обычно этим понятием охватывалась определенная совокупность грамматических и фонетических явлений, как например: правильное употребление двойственного числа медиума и оптатива, употребление предлога ξύν, вместо σύν, сочетание согласных ττ и ρρ вместо σσ и ρσ. Иногда в антитезу ἀττικῶς — κοινῶς включается еще третье, промежуточное звено — ἑλληνικῶς. В списке авторов, язык которых рассматривается в качестве „аттического", имеются такие имена, как Платон, Фукидид, Аристофан, Софокл, Демосфен, но наряду с этим и Гомер, и даже Григорий Назианзин (IV в. н. э.). Гомеровский язык, хотя и не был аттическим, противопоставлялся средневековыми греческими писателями современному им языку как язык „древних", как язык „поэтический". Таким образом, Ποιητικῶς становится полным синонимом к ἀττικῶς. В статье приведены такие грамматические формы, которые, по общему мнению средневековых авторов, воспринимались в качестве „образцовых" и „поэтических".

Характерным для „аттического" языка средневековой эпохи, в противоположность народному, считается: 1) употребление значительного числа слов, уже не употребительных в эпоху создания койнэ и 2) наличие классических, в эпоху койнэ уже начавших колебаться грамматических форм и моделей словообразования. Указанные языковые элементы благодаря школьной традиции продолжали удерживаться в литературном языке вплоть до падения Константинополя, т. е. до середины XV в. Это происходило в результате той литературной выучки, которую в какой-то степени проходили все, писавшие на греческом языке. Однако все эти приобретенные авторами в результате школьного обучения языковые навыки обязательно смешивались с элементами по-

вседневной речи современников. Наряду с этим у большинства писателей нередки и так называемые гиператтицизмы, порою сознательно допускавшиеся ошибки: подчеркнутое употребление двойственного числа, редуплицированное образование так называемого будущего третьего вместо обычного будущего, будущее медиальное вместо пассивного и др. Эти формы, никогда не существовавшие в живом языке классической эпохи, искусственно создавались авторами средневековья, щеголявшими своей грамматической вышколенностью.

В результате своего исследования Г. Белиг приходит к такому выводу: в литературе греческого средневековья не было „аттицизма" в качестве искусственного воскрешения древности, не было „чистого" языка; был только непрерывно развивающийся, живой народный греческий язык и наряду с ним и в нем самом — образцовый стиль классицизма, который различным образом, в зависимости от особенностей времени, литературного жанра и индивидуальности пишущего, оказывал воздействие на литературный язык.

Отметив высокие научные достоинства статьи, проявляющиеся главным образом в филологической точности и сжатости изложения, мы должны добавить, что метод и выводы ее в какой-то степени поучительны и для исследователей, занимающихся изучением древнерусской литературы и древнерусского литературного языка. И древняя Русь вплоть до XVII в. знала своеобразное „двуязычие". Однако в отличие от греческого языка византийской эпохи, в котором взаимно противопоставлялись две ступени развития одного и того же языка народности, в древнерусскую эпоху роль „образцового" языка, воздействовавшего на древнейший письменный язык, развивавшийся на народной основе, принадлежала общеславянскому литературному языку, первоначально образовавшемуся на южнославянской диалектной основе, языку старославянской церковной письменности, который во всех странах, где он употреблялся, смешивался с элементами народной речи.

Следующая небольшая заметка (стр. 14—16), принадлежащая перу Эриха Клостермана и Гейнца Бертольда (Erich Klostermann und H. Berthold) останавливает внимание читателей на латинских заимствованиях в литературном языке византийской эпохи, иллюстрируя их примерами из проповедей Макария Египетского (Симеона) и некоторых других памятников.

Автор третьей статьи Урсула Трой (U. Treu) посвятила свое исследование употреблению предлога ἀπό с винительным падежом (стр. 17—23). В классическом языке этот предлог всегда употреблялся только с родительным падежом. В новогреческом же он употребляется, за исключением отдельных устойчивых фразеологических сочетаний, только с винительным. Ссылаясь на примеры из словарных и грамматических пособий и из литературных произведений, автор указывает, что данное грамматическое явление должно быть датировано эпохой между концом VI в. и началом VIII в.

Статья Иосифа Шютца (J. Schütz, стр. 24—26) касается отражения в сербохорватской ономастике византийского имени Комнин и одновременно с этим уточняет хронологическое приурочение происходящей в южнославянских языках диссимиляции сочетания согласных *мн* в *мл*, которая обычно относится учеными лишь к XVI—XVII столетиям. Приведенные в статье факты позволяют отнести это диалектное языковое явление среди сербохорватских говоров к значительно более раннему периоду: к рубежу XII—XIII столетий.

Первый раздел сборника, посвященный языкознанию, заключает статья Ганса Иенсена (H. Jensen) „О древнеармянском произношении букв *kh*, *ph*, *th*". (стр. 27—38). Автор, ссылаясь на примеры из греческого и коптского языка, убедительно показывает, какой именно звук соответствовал армянским буквам для придыхательно-глухих согласных.

Переходим к работам, отнесенным в сборнике к разделу литературоведения. Раздел открывает статья Франца Дорнзейфа (F. Dornseiff), посвященная рассмотрению вопроса о подлинности или подложности так называемого „Письма Адриана", находящегося в компилятивном историческом произведении конца IV в., написанном на латинском языке (стр. 39—45). Это письмо, содержащее сжатую, выразительную ироническую характеристику общественных отношений в столице тогдашнего Египта — Александрии, по справедливости может быть причислено к лучшим образцам латинской стилистики.

Существует четыре возможности датировать это письмо: 1) оно является подлинным и действительно извлечено из собрания Флегонта, 2) его сфальсифицировал Флегонт, 3) его сфальцифицировал составитель „Истории Августов" Вописк в начале IV в., 4) оно относится к 50—90-м годам IV в.

Ф. Дорнзейф, критически разобрав — и, на наш взгляд, достаточно убедительно — все указанные точки зрения, становится на сторону первого мнения и в связи с этим считает, что письмо может рассматриваться как один из ценнейших источников для истории Египта римской эпохи. Это письмо могло быть внесено в „Историю Августов" в связи с рассказом об одном из эфемерных императоров, правивших между 276 и 284 гг., — Сатурнине, и, по словам Вописка, составителя данной части „Истории Августов", оно заимствовано из собрания Флегонта из Траллеса Карийского, вольноотпущенника, бывшего когда-то личным секретарем императора Адриана.

Статья Маргариты Римшнейдер (M. Riemschneider) затрагивает вопрос о стиле Нонна в связи с эволюцией позднеантичного искусства (стр. 46—70). Его громадная поэма, посвященная Дионису, насчитывает 28 тыс. стихов. Автор статьи находит в стиле этого произведения преимущественно выраженную „линейность" и усматривает в этой черте словесного искусства поздней античности параллель с портретной живописью того же периода. Линейное видение мира, характерное для стиля Нонна, связано с особенным вниманием, которое этот писатель уделяет изображению движения. Искусство Нонна, как отмечалось неоднократно, отличается стремлением к антитезам и парадоксам, острота которых и составляет существенную черту его стиля. Композиция поэмы Нонна, по наблюдениям автора статьи, также определяется отказом от какой бы то ни было пространственности в изображении.

Автору статьи удалось, на наш взгляд, показать, наряду с индивидуальными чертами в стиле Нонна как художника, также и то, что является в какой-то мере общим для всех писателей и художников поздней античности. Изучение этих особенностей помогает раскрыть закономерности развития ранневизантийской литературы и в дальнейшие периоды.

Нонну же посвящена и короткая заметка Вернера Пеека (W. Peek), сообщающая о плане комментария и словаря к поэме Нонна „Дионисиака" (стр. 71). Над подготовкой этого издания работает в настоящее время руководимый Пееком филологический семинар в Галле-Виттенбергском университете имени Мартина Лютера.

Автор следующей статьи, Франц Циммерманн (F. Zimmermann), называет свою работу (стр. 72—81) юридическо-филологическим комментарием к повести Харитона о Тероне и Каллирое. Как известно, в этом произведении рассказывается о том, как жадный до наживы морской разбойник Терон захватил в плен дочь богатых и знатных родителей красавицу Каллирою и стремился ее поскорее и с наибольшей выгодой для себя сбыть с рук. Изображение такого сложного в юридическом отношении жизненного случая, как продажа в рабство свободной женщины, свидетельствует о том, что автор повести, Харитон, был несомненно хорошо осведомленным человеком в делах эллинистической юриспруденции. По-видимому, он в соответствии с написанием повести действительно служил письмоводителем (ὑπογραφεύς) у адвоката (τοῦ ῥήτορος) Афинагора.

Ф. Циммерманн убедительно раскрывает точное юридическое и общественное значение многих слов и выражений из повести Харитона, показывая, что только их историко-правовое истолкование может помочь и филологическому анализу произведения. Мы видим, таким образом, насколько плодотворным может быть сотрудничество филологии с другими научными дисциплинами, что следует иметь в виду и нашим исследователям литературы.

Небольшая статья Курта Троя (K. Treu) посвящена вопросу о воздействии Диона Хрисостома и Фемистия на речь „О царстве" Синезия (стр. 82—92). Эта проблема, как известно, полно и убедительно раскрыта советским исследователем М. В. Левченко еще в 1953 г. (ВВ, т. VI). Проявляя свое знакомство с работой М. В. Левченко, К. Трой путем текстуальных сопоставлений доказывает особую близость к речам Фемистия написанной Синезием в 404 г. речи „Дион". Однако, по мнению автора, эти совпадения во фразеологии не доказывают еще, что Синезий пользовался речами Фемистия в качестве непосредственного источника. Скорее они свидетельствуют об идейном единомыслии двух позднеантичных авторов, которые оказались союзниками в совместной борьбе как против бесплодного и оторванного от жизни мудрствования софистов, так и против крикливой и пустой болтовни базарных риторов. Оба автора искали возможностей создания синтеза между философией и риторикой, между содержанием и формой. Подчеркивая самостоятельное значение творчества Синезия, К. Трой стоит, несомненно, на более правильной точке зрения, чем большинство зарубежных исследователей, которые обычно видят в Синезии только простого подражателя Диона и Фемистия.

Последней в этом разделе сборника напечатана статья Ганса Диттена (H. Ditten) „Лаоник Халкокондил и румынский язык" (стр. 93—105). Автор показывает, что названный в заглавии историк поздней Византии и свидетель ее падения — имел широкий языковедческий и этнографический кругозор. В его произведениях мы находим немало сведений о языках народов, населявших Балканский полуостров и сопредельные с ним страны. В частности, он не только устанавливает близость языка влахов — как тогда называли предков нынешних румын — с языком итальянцев, и поэтому называет их выселенцами из Италии, но и сообщает более подробные данные об их речи. Он устанавливает также, что молдаване и влахи говорят на одном и том же языке. Следует отметить, что статья Диттена также имеет точки соприкосновения с последними исследованиями византинистов из Советского Союза (Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила. — ВВ, XII, стр. 203—207) и Румынской Народной Республики (В. Греку. К вопросу о биографии и историческом труде Лаоника Халкокондила. — ВВ, XIII, стр. 198—210). Некоторые выводы, к которым приходят названные исследователи, совпадают, хотя они работали совершенно независимо друг от друга: это является новым подтверждением того, что научные интересы и устремления византиноведов Германской Демократической Республики направлены по тому же пути, что и ученых Советского Союза и стран народной демократии.

Из семи работ, включенных в собственно исторический раздел сборника, остановимся только на четырех.

Интересна очень краткая, к сожалению, статья Герберта Шенебаума (H. Schönebaum) „К вопросу о кабарах" (стр. 142—146). Об этом народе упоминает в 39 главе своей книги „Об управлении государством" Константин Багрянородный. Он считает кабаров одной из племенных групп, которая после смут и восстаний в Хазарском государстве перекочевала в Венгрию и там постепенно смешалась с мадьярами. В научной литературе проблемы этнического определения этой группы, а также датировки упоминаемых Константином Багрянородным событий, представляются весьма сложными и запутанными. Г. Шенебаум, опираясь на последние исследования советского ученого С. П. Толстова, доказывает, что кабаров следует считать одним из ответвлений хорезмийцев, которые после завоевания арабами их родины откочевывают в Хазарию и вносят новый элемент в развитие культуры этой страны и способствуют распространению в ней своеобразного синкретического юдаизма. Впоследствии эта группа, после 60-летнего пребывания в северокавказских степях, уходит к венграм и там сливается с ними. В отношении этнической принадлежности автор определяет кабаров как племя иранского происхождения, подвергшееся дальнейшей тюркизации. Датировку же упоминаемых у Константина Багрянородного событий он относит к первой половине VIII в., отодвигая ее примерно на сто лет назад.

Работа Эдуарда Винтера (Ed. Winter) рассматривает вопрос об отношении папства и Византии к введению христианства на Руси (стр. 147—157).

Выяснив принципиальное различие между отношением папской дипломатии IX—X вв. и византийских государственных и церковных кругов к складывавшемуся в это время „третьему" в Европе славянскому культурному миру, автор уделяет внимание социально-экономическим факторам общественного развития славян. В частности, он, в соответствии с использованными им работами советских исследователей, правильно определяет значение христианизации для складывания формировавшегося в то время у славян феодального общественного строя, более прогрессивного по сравнению с разлагавшимся первобытно-общинным строем.

Новым в этой работе является привлечение материала о русско-германских связях X—XI вв., на которые до сих пор мало обращали внимания при изучении вопроса о крещении Руси. В конце статьи автор убедительно показывает, что византийскому православию удалось одолеть западное папство в их обоюдном стремлении провести христианизацию Киевской Руси тем, что именно Византия проявила большую гибкость и терпимость в вопросе развития самобытной славянской культуры.

Византия допускала бóльшую свободу для обращенных в христианство народов в отношении культового применения их родного языка, чем Рим, отстаивавший необходимость безусловного подчинения папству и применение в церкви лишь трех священных языков: еврейского, греческого, латинского.

К статье Э. Винтера примыкает — как по месту в книге, так и по содержанию и основным выводам — работа Бруно Видеры (Bruno Widera) „Борьба Ярослава Мудрого за церковную независимость от Византии" (стр. 158—175). Тема, многократно разрабатывавшаяся в русской и советской исторической науке, начиная с трудов М. Д. Приселкова, освещена автором статьи довольно широко. Он говорит не только об административной независимости русской церкви от константинопольского патриарха, стремление к которой проявилось, в частности, в возведении на митрополичий престол Киева Илариона, но и о тенденциях к самостоятельности в изобразительном и строительном искусстве, в музыке и в церковном пении, которые именно в этот период приобретают самобытные черты русского народного искусства.

К сказанному в статье мы можем добавить, что, по-видимому, о подобном же стремлении и культурной независимости от Византии говорит и известное сообщение „Начальной летописи" (под 1037 г.) о том, что Ярослав „собра писцѣ многы и прекладаша от грекъ на словѣньское писмо". В результате деятельности этой переводческой школы древнерусская литература киевского периода обогатилась множеством переводных произведений, созданных непосредственно в Киеве, и при этом переведенных не на церковнославянский, а именно на древнерусский литературный язык. Как показывают специальные исследования последнего времени, переводчики той поры не ограничивались переводом только с греческого, но смело брались за переводы и с других языков, в частности с древнееврейского, сирийского и, весьма возможно, с языков христианского Кавказа.

Следует отметить, что так же, как и Э. Винтер, Б. Видера довольно широко рассматривает сношения Киева с западноевропейским миром, в частности с Германией. Эти сношения, завершившиеся династическими браками сыновей и внуков Ярослава с представителями западноевропейских царствующих домов, несомненно имели в своей основе твердую внешнеполитическую линию со стороны киевского князя, добивавшегося своих прогрессивных по тому времени целей и укрепившего таким образом международное положение Рюриковичей.

К сожалению, нельзя не указать на довольно многочисленные и существенные неточности в русской части библиографических сносок, которые пестрят опечатками, порою искажающими смысл (стр. 163, 164, 169, 170, 173, 174 и др.).

Последняя статья в разделе истории принадлежит перу Александра Белига (A. Böhlig) и посвящена отношениям Армении и Византии в эпоху с III по XI вв. (стр. 176—187). Совершенно справедливо заявляя о том, что исследование отношений Византии со странами Востока является одной из важнейших задач исторической науки, автор статьи ставит своей целью проследить связи между Восточной Римской империей и областью Арарата, которая, как известно, в течение столетий являлась пограничной зоной и предметом раздора между Византией и Ираном.

В статье показано, как в результате ожесточенной борьбы культура армянского народа удержала свою самобытность, и вместе с тем отмечено и то положительное, что дало армянскому народу многовековое общение с Византией как хранительницей культурного наследия эллинизма.

Одну из очень интересных тем — проблему взаимоотношений между древней русской и византийской агиографией — рассматривает Ферри Лилиенфельд (F. Lilienfeld) в статье „Древнейшие русские жития святых" (стр. 237—271), которая едва ли правильно включена в раздел „Теология и история церкви".

Опираясь на достижения советской науки о древнерусской литературе, статья правильно объясняет быстрый расцвет самобытной литературы на Руси в XI и начале XII в., во-первых, наличием в предшествующие века развитой традиции устного народного творчества и, во-вторых, начатками своей письменности еще до принятия христианства. Однако собственно литературные произведения появляются на Руси лишь со времени официальной ее христианизации — в XI в.

Из всех литературных жанров, представленных в письменности киевского периода, наибольшую связь с византийской литературой имеет жанр „житий". Анализ тех из них, которые были составлены русскими авторами, доказывает, что эти последние были хорошо знакомы со многими жизнеописаниями как раннехристианских, так и византийских церковных деятелей. Именно в это время, около 1000 г. н. э., в византийской агиографии происходит сдвиг, имевший громадное историко-литературное значение. Симеон Логофет, обычно называемый Метафрастом, совершает стилистическую переработку более ранних сказаний о святых, составленных в просторечной манере и содержавших многочисленные выражения из простонародного языка. В угоду господствовавшей в то время тенденции Метафраст делает стиль византийских „житий" изысканным и, искусственно архаизируя их язык, отрывает тем самым от обыденной разговорной речи простого народа. Такие метафрастовские переработки агиографической литературы приобретают чрезвычайно быстро широкое распространение в византийской письменности XI столетия, однако наряду с ними продолжают переписываться и распространяться и старые, дометафрастовские изводы.

Возникает чрезвычайно интересная проблема, до сих пор еще никем не исследованная и не разрешенная: с какими именно редакциями византийских житий — с метафрастовскими, стилистически обработанными, или с более древними и менее совершенными в отношении формы — связаны возникающие в это время древнерусские агиографические произведения? Исследовательница своевременно и правильно ставит этот вопрос и пытается разрешить его, анализируя главным образом древнерусские литературные произведения, имеющие отношение к культу Бориса и Глеба. (Исследованию этих произведений посвящается в наши дни немало работ как в советской науке, так и за рубежом. Автор статьи показывает свое знакомство с большинством этих исследований). Как известно, древнейшее „Житие Бориса и Глеба" дошло до нас в трех основных редакциях: летописной, по тексту „Повести Временных лет" под 1015 г.; так называемого „Сказания... о Борисе и Глебе" и так называемого „Чтения", автором которого, бесспорно, был Нестор Летописец.

Соотношение и датировка этих трех редакций до сих пор представляет собой предмет спора. В согласии с советскими исследователями автор статьи считает наиболее древней и первоначальной летописную редакцию. В отношении датировки и взаимосвязи между вторым и третьим произведением автор статьи, приведя противоположные взгляды Шахматова и Богуславского, оставляет вопрос открытым.

Детально сопоставляя стиль летописного рассказа, в котором еще ясно проступает первоначальная „светская" повесть о кончине двух братьев-князей, со стилем „Сказания", автор статьи показывает, что последнее произведение сознательно перерабатывает свой первоисточник в духе тех требований, которые характеризуют метафрастовскую манеру изложения. „Чтение" Нестора тоже стилистически перерабатывает лето-

писный рассказ, но его автор исходит из других идеологических заданий и поэтому превращает жанр „мученичества", какими являются и летописный рассказ и „Сказание", в жанр „жития" в полном смысле этого слова.

Следует заметить, что в 1957 г. в XIII томе „Трудов Отдела древнерусской литературы" появилась обстоятельная статья Н. Н. Воронина „Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор" (стр. 11—56). Лилиенфельд, разумеется, не могла быть знакома с выводами этой статьи, в которой доказывается, что „Сказание" возникло позднее, чем „Чтение", и что автором „Сказания", по всей видимости, следует считать попа Лазаря, настоятеля церкви в Вышгороде, куда были перенесены мощи Бориса и Глеба после их канонизации. Н. Н. Воронин обосновывает свои выводы широким исследованием социальных отношений и идеологии того времени. Эти выводы, к которым приходит советский историк, несомненно, помогли бы уточнить кое-что и в разбираемой нами статье. Однако самый факт воздействия на текст „Сказания" византийской метафрастовской агиографической манеры не может отрицаться даже и в том случае, если мы, в согласии со статьей Н. Н. Воронина, признаем попа Лазаря в качестве наиболее вероятного автора до сих пор считавшегося анонимным „Сказания". Ведь автор при своей широкой начитанности, бесспорно, был хорошо знаком с византийской агиографией.

В качестве недостатка статьи снова следует отметить некоторую неточность в передаче цитируемых древнерусских текстов и русской части библиографических ссылок (стр. 245, сноска 5, стр. 249 и др.).

Статья Карла Розе (Karl Rose) „Слово о законе и благодати" первого русского киевского митрополита Илариона (стр. 272—287) всесторонне рассматривает это выдающееся произведение древнерусского проповедничества, однако вносит мало нового в его историческую и литературоведческую интерпретацию. Нельзя не отметить тот восторженно-панегирический тон статьи, проявляющийся в несколько наивном идеализме при трактовке вопроса о связи древнерусской культуры с современностью, который читатели могли заметить по довольно большому отрывку, приведенному нами в начале нашего обзора.

Наконец, завершающей сборник статьей является работа Конрада Оната (K. Onasch) „Ренессанс и предреформация в византийско-славянском православии" (стр. 288—302), написанная в стиле широкого обзора, охватывающего время с XIII по XVI в. и все страны тогдашнего православного Востока. К сожалению, статья мало имеет дело с первоисточниками и поэтому не вносит почти ничего нового в трактовку затронутых в ней проблем. Автор не проявляет своего знакомства с некоторыми работами советских исследователей, как, например, с книгой Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье „Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века" (М. — Л., 1955), со статьями А. А. Зимина, И. У. Будовница, А. И. Клибанова и др., которые могли бы во многом уточнить и исправить положения, высказываемые немецкими учеными.

Заканчивая свой обзор, мы можем констатировать, что сборник свидетельствует о несомненных успехах германских ученых, о плодотворности их сотрудничества с историками Советского Союза и стран народной демократии. Нельзя, однако, не высказать вместе с тем пожелания, чтобы германские византиноведы, историки и филологи быстрее преодолели те пережитки ограниченного буржуазного мировоззрения, которые до сих пор нередко все же дают себя знать в их трудах.

Н. А. Мещерский

GY. MORAVCSIK. BYZANTINOTURCICA, I: DIE BYZANTINISCHE QUELLEN DER GESCHICHTE DER TÜRKVÖLKER. Zweite durchgearbeitete Auflage.

(Berliner Byzantinistische Arbeiten, Bd. 10, Berlin, 1958, S. XXVIII+609)

Труд известного венгерского филолога-византиниста профессора Дьюлы Моравчика „Византийские источники по истории тюркских народов", первое издание которого вышло в 1942—1943 гг., получил сразу же всеобщее признание и является в настоящее время одним из основных пособий каждого историка Византии.

Непосредственной целью автора было собрать все сведения, сохранившиеся в византийских письменных памятниках, относительно тюркских народов, и в первую очередь — все остатки их языка (термины, личные имена, географические названия и т. п.). Эта задача сама по себе очень интересна, поскольку история аваров, протоболгар, сельджуков, половцев, печенегов и других тюркских народов (особенно в раннее средневековье) известна нам преимущественно по греческим документам, и так как эти известия довольно скудны и разбросаны по самым различным памятникам, необходимо было прежде всего составить сводку всех данных. И следует сразу же сказать, что в этом отношении работа Д. Моравчика, хотя и является первым опытом, выполнена мастерски. Она должна послужить образцом для других исследований подобного типа: в частности, несомненно назрело время для создания аналогичной сводки данных византийских авторов по истории средневековой Руси.

Однако этим одним не исчерпывается значение труда Д. Моравчика, вернее ее первого, рецензируемого нами тома. Дело в том, что основное пособие по византийскому источниковедению — „История византийской литературы" К. Крумбахера — вышло в 1897 г. и в настоящее время уже, разумеется, не соответствует уровню наших знаний: за 60 лет, протекших с момента выхода этой книги, были опубликованы новые рукописи, были пересмотрены старые точки зрения, многие вопросы поставлены по-новому. Никаких пособий, отражающих современное состояние этой отрасли византиноведения, сейчас нет — и только книга Д. Моравчика в какой-то мере заполняет этот пробел. Давая характеристику (снабженную обильной библиографией) византийских авторов, писавших о тюркских народах, Д. Моравчик тем самым сообщает сведения о значительной части византийских историков, ораторов, поэтов, ученых и т. п.

Первое издание этого труда вышло, как мы уже сказали, в 1942—1943 гг. и отражало состояние византиноведения перед второй мировой войной. Второе издание значительно отличается от первого: это сказалось в расширении объема материала. Д. Моравчик включил статьи о новых авторах[1] и привел значительно больше данных относительно тех источников, о которых уже шла речь о первом издании[2], в уточне-

[1] Одних только статей о житиях во втором издании прибавлено девять (Аморийских мучеников, Германа, Давида, Евгения, Косьмы и Дамиана, Нифонта, Панкратия, Параскевы, Юлиана).

[2] Например, относительно Арефы Кесарийского в первом издании было указано 12 исследований, а во втором — 30; в библиографии к статье „Анна Комнина" прибавлены три работы, пропущенные в первом издании (вышли в 1894, 1920 и 1927 гг. на русском, румынском и греческом языках), и 18 работ 1940—1956 гг. и т. д.

нии некоторых фактических сведений[3] и, как мы увидим ниже, в пересмотре некоторых коренных представлений о характере византийской истории.

Рецензируемая книга состоит из предисловия (стр. VII—XXVI), обширного введения (стр. 1—200), главной части „Источники" (стр. 203—580) и указателей (стр. 581—609).

Введение начинается с краткой характеристики общественного строя и исторического развития Византии, причем Д. Моравчик — и это представляется нам чрезвычайно существенным — порывает с традиционными представлениями буржуазного византиноведения и принимает основные выводы, сделанные в этой области марксистской исторической наукой. „Прежде, — пишет он, — внимание (исследователей — *А. К.*) ограничивалось высшими слоями византийского общества, что частично объясняется тем, что авторы общеизвестных византийских памятников происходили из императорского окружения или клира. Наоборот, новейшие исследования вскрывают глубочайшие общественные и экономические корни, раскрывают жизнь народных масс и классовую борьбу и позволяют создать на новой основе новую картину Византии. Благодаря этим исследованиям мы знаем теперь, что Византия — хотя она и была тесно связана с античным миром — представляла собой новое социально-экономическое образование, где совершался переход от рабовладельческой системы к феодализму" (стр. 1—2). Признание примата социально-экономических отношений и роли классовой борьбы закономерно приводит Д. Моравчика к новому пониманию характера византийского государства: он прямо называет государственный аппарат Византийской империи „орудием безжалостной эксплуатации" (стр. 12). Правда, мы могли бы сказать, что в кратком очерке византийской истории Д. Моравчика (стр. 12—15) автор не всегда достаточно последователен и роль внешних факторов выступает несколько преувеличенной, — тем не менее главное — не в этих отклонениях, а в той принципиально правильной общей оценке исторического развития Византии, которую мы находим во введении к рецензируемой книге.

Далее Д. Моравчик переходит к характеристике тюркских народов; он употребляет последнее понятие в весьма широком смысле, распространяя его и на урало-алтайскую (финно-угорскую) группу, точнее — на все те на протяжении средневековья вторгавшиеся в Европу народы, которые не принадлежали к числу индоевропейцев (стр. 37 сл.). Д. Моравчик включает сюда гуннов, огуров, сабиров, эфталитов, древнетюркские племена, хазаров, вардариотов, печенегов, огузов (узов), куманов (половцев), сельджуков, мамелюков (см. стр. 100) — хотя они, по сути дела, и не являлись особым народом, — монголов, протоболгар, венгров и турок-османов. Некоторые сложности в этой связи порождает проблема отделения протоболгар от болгар. Последние, как признает и Д. Моравчик (стр. 111—112), были результатом слияния славянских и протоболгарских племен, и поэтому, строго говоря, в книге, посвященной истории тюркских племен, следовало бы ограничиться лишь данными о протоболгарах. Но поскольку автор не отрицает славянского характера Болгарского государства (см. особенно стр. XXIV—XXV) и поскольку, кроме того, протоболгарская терминология и протоболгарские собственные имена еще продолжали — хотя и весьма редко — встречаться в Болгарии даже после полной славянизации протоболгар, можно признать в какой-то мере оправданным включение в рецензируемую работу и данных относительно собственно болгарской народности; необходимо только твердо помнить, что в своей основе она была не тюркской, а славянской.

Особое место во введении занимает классификация и характеристика письменных источников, использованных автором. Хронологические рамки, избранные Д. Моравчиком, конец IV—XVI вв. или, точнее, 375—1566 гг. (стр. XI—XII) — довольно условны, однако необходимо учесть, что речь идет не о хронологических пределах византийской истории (в таком случае вряд ли можно было бы оправдать включение источников XVI в.), а об освещении истории тюркских народов в греческих памятниках; но, с другой стороны, при таком понимании задачи исследования почему бы не продлить хронологические рамки и за пределы правления султана Сулеймана II?

Среди использованных им греческих памятников Д. Моравчик выделяет несколько групп: нарративные (собственно исторические) памятники, к числу которых он относит „современные монографии" (истории), хроники, церковные истории и стихотворения на исторические темы; агиографические памятники; произведения, написанные в связи с определенным событием (Gelegenheitsschriften), а именно письма, речи и стихотворения по поводу определенных событий исторического значения; теологическую литературу, списки епископий и протоколы церковных соборов; трактаты по военному делу, географические трактаты, хронологические заметки и словари; деловые документы, папирусы, надписи и легенды монет и печатей. Введение завершается характеристикой метода использования этих источников в данной работе.

Главная часть книги состоит примерно из 320 статей, посвященных византийским источникам по истории тюркских народов. Каждая статья, помещенная под условным сокращенным заголовком (например, Konst Porph, т. е. Константин Багрянородный, или Typ Pant — типик монастыря Пантократора), содержит краткую характеристику данного памятника (или группы памятников: так, статья Acta Dip содержит описание свыше ста деловых документов; в подобных случаях каждый из входящих в группу памятников обозначен еще и дополнительным индексом) и библиографические сведения (доведенные до 1957 г.) об изданиях, переводах и посвященной этому источнику литературе; как правило, указываются рукописи, содержащие данный источник. Все статьи раздела расположены в алфавитном порядке условных заголовков. Размеры статей различны: наряду с краткими заметками встречаются весьма обширные описания; наиболее значительная статья посвящена Константину Багрянородному (стр. 356—390), сочинение которого „Об управлении империи", как известно, было критически издано Д. Моравчиком в 1949 г. Кроме того, много места уделено Прокопию (стр. 489—500), Льву Мудрому (стр. 400—409), Приску (стр. 479—488), Лаонику Халкокондилу (стр. 391—397), Феофану (стр. 531—537), Сфрандзи (стр. 282—288) и некоторым другим авторам. В составленный Д. Моравчиком список включены не только уже изданные произведения, но и около 20 памятников, остающихся пока еще в рукописях[4]; помимо того, Д. Моравчик обсле-

[3] Так, в первом издании анонимная речь X в. о мире с болгарами (Anon Bulg) безоговорочно приписывалась Николаю Мистику и датировалась 924 г., тогда как теперь Д. Моравчик, учитывая работу М. А. Шангина (1939 г.) и письменное сообщение И. Дуйчева, считает возможными авторами, кроме Николая Мистика, также Арефу Кесарийского и Федора Дафнопата, а датой — 924 или 927 г.; в первом издании Д. Моравчик характеризовал отрывок из серальской рукописи № 19 как новую редакцию „Тактики" Элиана (Anon. Tact.), а во втором он говорит об этой рукописи в другом разделе (Not. pop. H) и называет соответствующее место византийской глоссой к „Тактике" Элиана.

[4] Carm Ined, Chron Byz Q R S V Z, Chron Turc R V, Ep Turc Bar, Georg Klon, Hist Turc, Io Kant Or, Mich It, Mir Mar, Not Pop M, Theod Prod XYZ, Theod Scut Add. I.

довал большое число рукописей уже изданных памятников — в тех случаях, когда он располагал старыми, некритическими изданиями. Те рукописи, которые были просмотрены им самим, отмечены в тексте астериском.

Книга завершается указателями, облегчающими ее использование. Первый из них содержит алфавитный список авторов источников и — что следует признать чрезвычайно полезным — группировку однотипных источников в такие гнезда, как биографии, письма, хроники (стр. 582), стихотворения, жития святых (стр. 584), надписи (стр. 585) и т. д., что позволяет легко найти в книге всю группу источников того или иного типа. Во втором указателе регистрируются все упомянутые в книге рукописи, сгруппированные здесь по месту их нахождения (сперва указывается город, а затем библиотека, например: Москва, Исторический Музей и Библиотека им. В. И. Ленина — стр. 598); для удобства следовало бы также и в этом списке пометить астериском все лично просмотренные автором рукописи. Последний — сравнительно небольшой — указатель отмечает все названные в книге народы.

Уже краткий обзор содержания рецензируемой книги показывает, насколько ценным пособием она является: перед нами — труд целой жизни (Д. Моравчик начал работать над этой темой еще в 1921 г.), основанный на превосходном знании текстов (в том числе и рукописных) и колоссальной литературы вопроса. Появлению этой книги предшествовало большое число изданий памятников и монографических исследований Д. Моравчика, посвященных различным связанным с темой вопросам. Подробнейшая библиография, в том числе библиография трудов по социально-экономической истории (стр. 24—26), по русско-византийским отношениям в освещении Константина Багрянородного (стр. 369—371) и по многим другим вопросам, значительно облегчит труд всем византинистам, историкам Болгарии, Венгрии, народов СССР.

Однако тема, избранная Д. Моравчиком, настолько обширна, что в его книге — и это вполне естественно — имеются некоторые сомнительные моменты, известная неполнота и даже фактические погрешности.

Прежде всего вызывает известные сомнения порядок расположения статей в главной части книги. Условно-алфавитный принцип, избранный автором, был бы оправдан в том случае, если рассматривать рецензируемую книгу только как указатель ко второму тому Byzantinoturcica, представляющему список тюркских имен и терминов, встречающихся у византийских авторов. Однако, как мы старались показать выше, значение книги Д. Моравчика несравнимо больше: она используется византинистами прежде всего как частичная замена уже значительно устаревшего труда К. Крумбахера. В силу этого более правильным нам представлялся бы иной порядок расположения статей, основанный не на формальных моментах. Возникает вопрос: какой же? Вряд ли целесообразной была бы замена условно-алфавитного принципа строго выдержанным алфавитным, как это предлагали некоторые рецензенты первого издания книги Д. Моравчика, — наличие алфавитного указателя в конце книги всегда позволяет найти статью, посвященную любому автору, даже если не знаешь того условного индекса, под которым он занесен в книгу. Не представляется нам целесообразным и возрождение того формально-типологического принципа, который был положен в основу книги К. Крумбахера, — опять таки с помощью указателя читатель всегда может найти в книге Д. Моравчика все рассмотренные автором хроники, письма, речи и т. п. Однако, если бы мы поставили перед собой вопрос, какие авторы писали о тюркских народах в XII в. (или в любом другом столетии), то ни структура главного раздела книги, ни указатели не дали бы нам возможности сразу ответить на этот вопрос, нам пришлось бы пересматривать текст всех статей. Поэтому нам и кажется, что наиболее удобным (и вместе с тем наиболее логичным) было бы расположить источники в хронологической последовательности, хотя это, разумеется, и порождало бы много дополнительных трудностей в связи со спорностью ряда датировок. Подобное расположение материала, в частности, позволило бы легче определить, в какое столетие к каким тюркским народам больше или меньше обращали свое внимание византийские авторы; оно внесло бы, иными словами, принцип историзма в книгу. Кстати сказать, этот исторический подход досадным образом отсутствует и в обзоре источников, классификация которых строится исключительно на формально-типологических признаках, которые весьма часто оказываются спорными. Позволим себе сослаться на некоторые примеры. Известно, что широко распространено принятое также и Д. Моравчиком деление византийских нарративных источников на „истории" и хроники, однако, как нам кажется, оно лишено оснований. Действительно, к числу хроник относят обычно сочинение продолжателя Феофана — на самом же деле эта хроника состоит из ряда „современных историй"; то же самое можно сказать и о некоторых частях хроники Скилицы. Далеко не всегда можно провести разграничение между агиографическим памятником и историческим сочинением: так, „Житие Евфимия" (Псамафийская хроника), несомненно, гораздо ближе к историческим памятникам, нежели к агиографии. Только положив в основу источниковедения исторический принцип, можно получить картину развития и изменения характера источников.

Некоторые сомнения вызывает также трактовка отдельных источников. Это относится в первую очередь к хронике Симеона Логофета. Уже В. Г. Васильевский показал, что хроники, рассказывающие о событиях конца IX и начала X в., не являются независимыми, но восходят к одной версии, дошедшей до нас в виде отдельных редакций и изводов. В рецензируемой книге, однако, данные об этих хрониках не сведены воедино, а содержатся в нескольких отдельных статьях (Georg. Cont, Ps Sym, Sym), хотя в каждой из них и имеются ссылки на другие статьи этой же группы. При этом возникают некоторые неточности и в характеристике рукописной традиции: так, по мнению Д. Моравчика московская рукопись 1152 г. (ГИМ № 251/406) содержит на лл. 172—205 первую редакцию хроники продолжателя Георгия (стр. 270), а на лл. 205—207 — отрывки из хроники Симеона Логофета (стр. 516); однако на лл. 182 и 205 московской рукописи имеются, как известно, ясные приписки, свидетельствующие, что весь заключенный между ними текст принадлежит Логофету[5]. Что же касается лл. 205—208, то там заключено произведение, озаглавленное: Εἰς τὴν κοσμοποιΐαν Συμεὼν Λογοθέτου ἐκ διαφόρων χρονικῶν καὶ ἱστοριῶν. Эта статья не содержит какого-либо материала по истории Византии.

На стр. 318 Д. Моравчик дает противоречивую характеристику исторического сочинения, приписываемого Генесию. С одной стороны, он доверяет утверждению Генесия о том, что тот опирался преимущественно на устные свидетельства; с другой — Д. Моравчик принимает вывод, к которому приходят исследователи в последнее время, а именно, что Генесий в трех первых книгах (т. е. в основной части своего труда) весьма близок к хронике продолжателя Феофана и, следовательно, что

[5] Хронограф Георгия Амартола, СПб., 1859, стр. 721.3 и стр. 851.21. См. аналогичные пометки в рукописях: Paris. 1706, Palat. 394 и Monac. 139.

он опирался на общий с продолжателем Феофана источник. Если к этому прибавить, что Генесий очень широко пользовался также общим источником с ватиканским Георгием (по Д. Моравчику, вторая редакция продолжателя Георгия), то на долю „устных свидетельств" Генесия (во всяком случае в первых трех книгах) почти ничего не останется.

На стр. 398 Д. Моравчик датирует окончание труда Льва Диакона примерно 992 г., следуя за старой работой В. Фишера (1886 г.), основывавшегося на ошибочной датировке разрушения и восстановления купола св. Софии. Уже В. Розен показал, что восстановление купола следует относить не к 992, а примерно к 995 г.[6]; А. И. Пападопуло-Керамевс на основании греческих этимологиконов точно датировал восстановление купола, упомянутое Львом Диаконом, 13 мая 994 г.[7] М. Я. Сюзюмов, правда, считает это место вставкой[8], но в таком случае отпадает и принятая Д. Моравчиком датировка В. Фишера: если следовать М. Я. Сюзюмову, завершение „Истории" Льва должно быть отнесено к 989—991 гг. Следовательно, книгу надо датировать или 995 г. или 989—991 гг.

Вопрос о соотношении „Истории" Льва Диакона и хроники Скилицы решает Д. Моравчик недостаточно определенно (стр. 399): теория М. Я. Сюзюмова о двух источниках Скилицы, принятая также П. О. Карышковским, дает в настоящее время довольно точное представление об источниках, лежащих в основе этих двух памятников.

По-видимому, недоразумением объясняется то, что Д. Моравчик различает двух особых писателей: Иоанна Апокавка (стр. 315 сл.) и Иоанна Навпактского (стр. 335). Если верить Д. Моравчику, первый писал о куманах, второй — о болгарах; сочинения первого были изданы А. И. Пападопуло-Керамевсом, второго—В. Г. Васильевским. В действительности же Иоанн Апокавк и был как раз митрополитом Навпактским; А. И. Пападопуло-Керамевс лишь переиздал синодальное послание по поводу коронации деспота Феодора, изданное В. Г. Васильевским, — следовательно, двум разным авторам оказалось приписано одно и то же сочинение; наконец, в указанном у Д. Моравчика синодальном послании идет речь не о куманах, а о живущих за Гемом скифах, разбитых Феодором[9], т. е. о болгарах.

Указывая время жизни Арефы Кесарийского, следовало также учесть и ту дату его рождения, которую предлагал М. А. Шангин (861 г.), хотя, пожалуй, принятая в рецензируемой книге дата (около 850 г. — стр. 226) и является более правильной. Зато, бесспорно, Арефа умер позднее 932 г., как указано у Д. Моравчика: еще в 933 г. он выступал сторонником избрания патриахом Феофилакта, сына Романа Лакапина[10]; возможно даже, что по его заказу была переписана дьяконом Стилианом в 939 г. греческая рукопись (ныне — Paris. 781). Наконец, мы имеем теперь возможность датировать рукоположение Арефы архиепископом

[6] В. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 225, примеч. 176.

[7] А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории греческих этимологов. — ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 115. Ср. П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе. — ВВ, VI, 1953, стр. 41.

[8] М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы. — „Византийское обозрение", т. 2, 1916, стр. 137 и сл.

[9] А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. Сборник византийских текстов XII—XIII веков. СПб., 1913, стр. 258. 21—22 = В. Васильевский. Epirotica saeculi XIII. — ВВ, III, 1896, стр. 285.25. (Ср. там же, стр. 292.23).

[10] М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. — ВВ, I, 1947, стр. 236 и сл.

Кесарии не неопределенно „началом X в." (там же), а точно — концом 902 г.

Автор жития патриарха Игнатия Никита Пафлагон умер не в 890 г., как предполагает Д. Моравчик (стр. 565), а значительно позднее: Ф. Дворник отнес составление этого жития ко времени патриаршества Стефана (886—893)[11], однако житие говорит о „преемниках Фотия" во множественном числе и, следовательно, было написано во всяком случае после смерти Стефана. К тому же весьма вероятно, что автор этого жития тождествен тому Никите Пафлагону, который был известен автору Псамафийской хроники и который еще при Константине Багрянородном составил житие Иоанна Златоуста. Если Д. Моравчик отвергает (вслед за Ж. да Коста Луйе и Ф. Дворником) возможность такого отождествления, то это нужно было оговорить.

Некоторые неточности вкрались и при характеристике жития Василия Нового (стр. 555). Д. Моравчик пользовался старым и неполным изданием А. Н. Веселовского, а не критическим изданием С. Г. Вилинского; последнее определено в библиографическом списке как русский перевод, хотя на самом деле оно содержит греческий текст (в некоторых версиях) и древнерусские переводы. Издание С. Г. Вилинского основано не на одной рукописи XVII в., указанной Д. Моравчиком, а на большой группе разнообразных рукописей, дающих, как мы уже сказали, различные варианты жития. Надо было, кроме того, отметить, что житие содержит сведения не только о венграх, но и о наступлении болгар на Константинополь в 913 г.

Вряд ли можно согласиться с предположением Д. Моравчика (стр. 564) о том, что Ἀβάρων в житии Григентия следует читать Ἀράβων: это слово встречается не только на л. 1, действительно, более позднем, но и на л. 17[12] — а он принадлежит к основной (пергаменной) части рукописи, писанной в XII в. К тому же и славянские тексты говорят о происхождении Григентия из страны аварской, называя местом его рождения Лопляны, что А. Васильев отождествил с древней Ulpiana в Дардании[13].

Отметим, наконец, что восстание Фомы Славянина происходило не в 822/823 г. (стр. 319), а скорее всего в 820—823 гг.: оно началось еще до смерти Льва V (813—820)[14].

Можно было бы указать на некоторую неполноту составленного Д. Моравчиком списка византийских источников, содержащих сведения о тюркских народах (в том широком понимании термина, которое принято в рецензируемой книге). Так, отсутствует, например, историк первой половины X в. Иоанн Камениата, хотя он несколько раз упоминает болгар, называя их скифами. Он указывает, что славянские племена дроговиты и сагудаты платили дань „соседнему народу скифов"[15], а несколько ниже сообщает о недавном крещении „скифов"[16]. Не учтено

[11] F. Dvornik. The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948, p. 273. Ж. да Коста Луйе (G. da Costa Louillet. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe, Xe siècles. — Byz., vol. 24, 1954/56, p. 461 sq.) датирует смерть Никиты *„приблизительно* 890 г.", не приводя, однако, аргументов в защиту этого положения.

[12] А. Васильев. Житие св. Григентия, епископа Омиритского. — ВВ, XIV, 1907, стр. 50.

[13] Там же, стр. 36.

[14] MGH, Legum sectio III: Concilia, t. II, 2, p. 476.

[15] Theophanes Continuatus. Bonnae, 1839, p. 496. 6—8.

[16] Ibid., p. 499.17.

также письмо экзарха Христофора болгарскому царю Асеню II[17]. Пропуски имеются и в учтенном Д. Моравчиком актовом материале. Так, он широко использует известное издание греческих актов Ф. Миклошича и И. Мюллера, не привлекая, однако, имеющиеся в этом издании акты монастыря Лемвиотиссы: между тем среди актов Лемвиотиссы сохранились документы относительно тяжбы между крестьянином Кутлом и захватившим его надел номиком Керамари[18]: там идет речь о куманах, живущих на территории Никейской империи. Легко расширить количество афонских актов, относящихся к избранной Д. Моравчиком теме: например, грамота 1320 г. упоминает тюркское имя Σαλαχατινός (Ксен. № 7. 352, 362, 367), грамота 1338 г. — деревню Вулгари (Ксен. № 11. 140; ср. там же, № 9. 56); Анну болгарку (Ксен. № 11. 34—35), Георгия болгарина (там же, стк. 28), куманку Кали (там же, стк. 17); хрисовул Иоанна V от 1355 г. (Фил., № 10) перечисляет ряд тюркских имен; грамоты из архива монастыря Пантократора от 1357 и 1363 гг. упоминают агарян (Пантокр. № 2.6 и № 4. 15), а грамота 1374 г. называет имя Асанина (Пантокр. № 5.5) (это имя учтено: Byzantinoturcica, Bd. II, 1958, S. 75); дарственная грамота Николая Пагаси от 1385 г. (ВВ, II, 1949, стр. 317—320) говорит о мусульманах (стк. 59), а эсфигменская грамота 1387 г. называет имя Ибрагим (Μπραΐμης) (Эсф. № 21. 19). К приведенному в книге обширному списку зографских грамот можно присоединить хрисовул Андроника II от 1286/87 г. с упоминанием Иоанна Селима[19], а к хиландарским актам — купчую 1377 г., где идет речь об Угровлахии[20].

Кое-какой материал можно было бы дополнительно извлечь из византийских печатей (стр. 311 сл., 504 сл.): в Коринфе была найдена печать Михаила Χαλούφης[21] (это имя учтено: Byzantinoturcica, Bd. II, S. 339); В. Лоран издал сравнительно недавно печати Льва Болгарина[22] и Иоанна Орхана[23]. Все эти печати XI—XII вв.

Необходимо сделать несколько замечаний об использовании в рецензируемой книге греческих рукописей московских собраний. Собрания, эти, к сожалению, Д. Моравчик не обследовал непосредственно, и, видимо, поэтому некоторые московские рукописи, относящиеся к избранному им предмету, не были им учтены. Так, географический трактат Плифона (стр. 478) имеется также в рукописи Ленинской библиотеки (Греч. 150), а рассуждение Мануила Палеолога на тему: „Что мог бы сказать Тимур побежденному Баязиду“ (стр. 415) — в рукописи Исторического Музея (ГИМ) № 458/437 (XV в.); одна из версий беседы (διάλεξις) Геннадия Схолария с „амиром Махуметом“ о христианской вере (стр. 290) помещена в рукописи ГИМ № 365/248 (XVI—XVII вв.); житие Василия Нового имеется не только в известной Д. Моравчику рукописи ГИМ № 249/402, но и в рукописи ГИМ № 250/403 (XVI в.); синаксарная повесть о Николае Студите (стр. 573) — в рукописи ГИМ № 475/323, л. 5 (XV в.).

[17] E. Kurtz. Christophoros von Ankyra als Exarch des Patriarchen Germanos. Bd. II. — BZ, Bd. 16, 1907, S. 141 f.

[18] MM, IV, p. 165—168.

[19] F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 48, 22.

[20] V. Mošin in A. Sovre. Dodatki h grškim listinam Hilandarja. Ljubljana, 1948, № 9.17 и 30.

[21] G. R. Davidson. The Minor Objects. — „Corinth“., vol. 12, 1952, № 2781. Ср. V. Laurent. La Collection C. Orghidan. Paris, 1952, № 423: печать Николая Χαλοπᾶς.

[22] Ibid., № 335.

[23] Ibid., № 459.

Московские рукописи содержат также некоторые византийские произведения, затрагивающие историю тюркских народов, однако — если мы не ошибаемся — вовсе не учтенные Д. Моравчиком. Отнюдь не претендуя на полноту, укажем следующие рукописи.

ГИМ № 263/407. Хронограф от основания мира, за которым на л. 285 об. — 286 следует: Ἑτέρα χρονογραφία περὶ τῶν Τούρκων (за 1346—1539 гг.). XVI в.

ГИМ № 324/444, л. 113 об. — 114. Синаксарь новомученику Николаю, пострадавшему при Сулеймане в 1554 г. XVII в.

ГИМ № 398/315. л. 235. На кормчей X в. к месту, говорящему о сарацинах (§ 100), сделана заметка: Περὶ τῶν Τούρκων.

ГИМ № 415/509, л. 76—77 об. Анонимный географический трактат (по-видимому, поздний). Начало: οἱ παλαιοὶ ἐμέρισαν τὴν γῆν. В конце трактата упомянуты угры. XV в[24]. (См. Приложение).

ГИМ № 508/468, л. 199 об. — 201. Заметки о турках и татарах. XVI—XVII вв.

Библиотека им. В. И. Ленина, Греч. 151. Хронограф, имеющий надписание: Σύνοψις ἱστοριῶν, ἀρχομένη ἀπὸ κτίσεως κόσμου μέχρι[25] τῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγ[ου] τοῦ ἐσχάτου βασιλέως τῶν Ρωμαίων·ἔτι περιέχουσα καὶ τῆς βασιλείας τῶν Τουρκῶν μέχρι τοῦ νῦν·ἔτι δὲ καὶ περὶ τῆς Βενετίας πότε ἐκτίσθη καὶ πόσοι τῶν δουκῶν ὅρισαν αὐτὴν καὶ πόσα κάστρα[26] ἔλαβον·ἔτι δὲ καὶ περὶ τῶν πατριαρχῶν. Рукопись 1607 г.

Следует отметить и некоторые неточности в ссылках на московские рукописи. Д. Моравчик не учел, что каталог греческих рукописей бывшей Синодальной библиотеки (ныне ГИМ) составлялся (если не считать описания Афанасия Скиады) трижды: Маттеи, Саввой и Владимиром[27] — и всякий раз рукописи получали новую нумерацию; естественно, что различные издатели, работавшие в разное время, по-разному нумеровали рукописи Синодальной библиотеки[28]. В результате этого в рецензируемой книге московские рукописи приводятся то под номером Маттеи (Житие Фотия Фессалийского, житие Григория Синаита), то под номером Саввы (Арефа, Евфимий Зигавин, жития Панкратия, Мелетия и Василия Нового), то под номером Владимира („Малый катехизис“ Феодора Студита, записка Николая Месарита о политических событиях 1214 г.[29], хроника Мануила Малаксы, житие Ефрема и „Чудеса Георгия“). Это приводит к недоразумениям. Так, по данным Д. Моравчика, житие Панкратия и „Чудеса Георгия“ содержатся в разных рукописях, тогда как на самом деле они заключены в одной рукописи ГИМ № 15/381; точно также в одной рукописи (ГИМ № 159/390) находятся жития Мелетия и Фотия Фессалийского[30].

[24] На эту рукопись обратил мое внимание во время своих занятий в Москве проф. И. Дуйчев. Пользуюсь случаем выразить ему свою искреннюю благодарность.

[25] Ms. μέχρη.

[26] Ms. κάστροι.

[27] См.: Владимир. Систематическое описание рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894. Там указаны также номера рукописей по старым каталогам.

[28] В настоящее время принята следующая система ссылок: основным номером — номером хранения — является номер по каталогу Саввы („Указатель для обозрения Московской Патриаршей библиотеки“. М., 1858). Дополнительно, для удобства пользования, следует указывать номер по последнему печатному каталогу Владимира. В некоторых случаях Д. Моравчик именно так и поступает.

[29] ГИМ № 207/250, лл. 471—484, а не лл. 271—284, как у Д. Моравчика (стр. 454).

[30] Комментарий Арефы к „Апокалипсису“, по Д. Моравчику (стр. 226), содержится в ГИМ № 407/25 — в действительности же эта рукопись заключает в себе лишь Новый завет и псалтирь.

В силу этого мы считаем необходимым составить заново таблицу рукописей ГИМ, приведенную в указателе в книге Д. Моравчика (стр. 598) (без учета сделанных нами выше дополнений):

15/381	Vita Pan, Mir Georg	293/394	Vita Sin
26/384	Vita Mart Am	298/436	Anon Nuth, Kek
159/390	Vita Mel, Vita Phot	315/441	Areth Ep
161/379	Vita Mart Am	363/418	Greg Kyp, Mich Pal A
183/376	Vita Ephr	368/240	Nik Mes P
184/377	Vita Mart Am	374/205	Theod Stud S [31]
207/230	Nik Mes P	387/224	Euth Zig
242/398	Vita Athan A	426/439	Chron Byz U
249/402	Vita Bas	457/436	Man Mal
251/406	Georg Cont, Sym		

Рецензируемая книга снабжена обширнейшей библиографией, учитывающей книги и статьи на английском, немецком, голландском, французском, итальянском, испанском, румынском, русском, польском, болгарском, сербохорватском, словенском, греческом, венгерском, турецком и некоторых других языках; при этом Д. Моравчик обычно указывает, на какие языки была переведена та или иная работа [32]. Библиографический материал, собранный в книге Д. Моравчика с исключительной полнотой, может быть разделен на две группы: библиография к введению, относящаяся к общим вопросам истории Византии и тюркских народов и источниковедения, и библиография к главной части книги.

Первая группа библиографических данных, естественно, не может быть исчерпывающей (полная библиография работ по истории Византии сама по себе должна была бы занять целый том), поэтому было бы совершенно нецелесообразно выступать с дополнениями по этой части работы Д. Моравчика. Нам хотелось бы высказать в этой связи только одно соображение. На стр. 7 автор приводит список неспециальных журналов, затрагивающих тем не менее проблемы византиноведения. Было бы желательно при новом издании максимально расширить этот список; в частности, из советских периодических изданий могут быть включены: „Вопросы истории", „Вестник Древней истории", „Средние века", „Советское востоковедение", „Палестинский сборник", „Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР".

Библиография к главной части является очень обстоятельной, все же некоторые замечания сделать следует.

Так, при описания актов автор не всегда указывает все издания (например, Acta Zog 40 был критически переиздан Ф. Дэльгером в 1948 г. [33]); значительно могла быть расширена и литература к актам, особенно к таким широко известным документам, как монастырский устав Михаила Атталиата (стр. 209) или простагма Мануила II от 1408 г. (стр. 211).

Об Арефе Кесарийском см. также B. Laurdas. Τὰ εἰς τὰς ἐπιστολὰς τοῦ Φωτίου σχόλια τοῦ κώδικος Baroccianus gr. 127. — „Ἀθηνᾶ", т. 55, 1951 (См. BZ, Bd. 45, 1952, S. 427 f.); R. J. H. Jenkins. Slav revolt in Peloponnese under Romanus I. — „Late Classical and Mediaeval Studies in Honor of A. M. Friend". Princeton, 1955, p. 207 f., а из более ранних — A. Sonny. Dictys bei Arethas. — BZ, Bd. I, 1892; A. Baumstark. Arethas von Kaisareia kein Sospitator der Aristotelesbriefe. — BZ, Bd. 22, 1913; S. Kougeas. Νέος κῶδιξ τοῦ Ἀρέθα, — „Ἐπετηρὶς τοῦ Παρνασσοῦ", τ. 10, 1914.

Об Алексее Макремволите см. еще А. Пападопуло-Керамевс. Алексей Макремволит, — ЖМНП, 1899, январь; I. Ševčenko. The Zealot Revolution and the Supposed Genoese Colony in Thessalonica, — Προσφορὰ εἰς Σ. Κυριακίδην. Θέσσ. 1953, σελ. 617; об Андрее Ливадине — M. Paranikas. Beiträge zur byzantinischen Literatur. München, 1870.

Поправка к тексту Анны Комнины содержится в небольшой статье: S. P. Lambros. Alexander Kabasilas. — BZ, Bd. 12, 1903.

О Василии Охридском см. также J. Dräseke. Zu Basileios von Achrida, — „Zeitschrift für wissenschaftlische Theologie", Bd. 48, 1905.

Мы не знаем французской книги о Виссарионе Никейском, упомянутой Д. Моравчиком: A. Sadov. Bessarion de Nicée..., Petersburg, 1878 — однако существует книга Садова на русском языке: А. Садов. Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб, 1883 (см. также статью А. Садова в „Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона", т. VI, 1892, стр. 542—543, где указана другая русская литература 80-х годов о Виссарионе). О Виссарионе см. также P. Marc. Bessarion und Joseph von Methone. — BZ, Bd. 15, 1906; J. Dräseke. Zu Bessarion und dessen neuen Briefen. — „Zeitschrift für wissenschaftlische Theologie", Bd. 49, 1906; З. В. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. — „Вестник МГУ", 1947, № 1.

О Морейской хронике существенны замечания С. Шестакова (ВВ, т. 12, 1906, стр. 243—254); см. также N. Moutsopoulos. Le monastère franc de Notre-Dame d'Isova (Gortynie). — BCH, vol. 80, 1956, № 1.

Не учтена новая работа о Димитрии Хоматиане: A. d'Emilia. I responsi del canonista bizantino Demetrio Comaziano in materia d'impedimento matrimoniale da affinità, — „Studi in onore di P. de Francisci", vol. IV, Milano, 1956.

Д. Моравчик поступает правильно, не приводя всей — чрезвычайно обильной литературы, посвященной эпосу о Дигенисе Акрите, и отсылая к вышедшей в 1942 г. книге А. Грегуара (стр. 247). Этот прием мог бы быть применен и в других случаях. Однако из многочисленных работ, вышедших в 40-х и 50-х годах, он называет лишь две, не включая даже те, в которых были затронуты общие вопросы, а именно: C. Danguitsis. Le problème de la version originale de l'épopée byzantine de Digénis Akritas. — „Revue des études byzantines", vol. 5, 1946 (и ответ А. Грегуара в том же журнале, т. 6, 1948); S. Hammer. O epopei ludowej greckiego średniowiecza p. t. Bazyli Digenis Akritas. — „Meander", t. 4, 1949; A. Soloviev. La date de la version russe du Digénis Akritas. — Byz., vol. 22, 1952—1953.

О Евфимии Малаки см. работы А. Пападопуло-Керамевса («Εὐθύμιος Μαλάκης μητροπολίτης Νέων Πατρῶν». — „Ἐπετηρὶς τοῦ Παρνασσοῦ", τ. 7, 1903— ср. BZ, Bd. 13, 1904, S. 225 f.; «Διορθώσεις εἰς Εὐθύμιον Μαλάκην καὶ Εὐθύμιον Τορνίκην». — „Ἀθηνᾶ", τ. 15, 1903).

Значительно может быть расширен список литературы о Евфимии Зигавине, где отсутствуют, например: F. Cumont. La date et le lieu de la naissance d'Euthymios Zigabénos. — BZ, Bd. 12, 1903; L. Parmentier. Note sur deux manuscrits d'Euthymios Zigabénos conservés

[31] См. также ГИМ №№ 375/206, 376/207, 211/208.

[32] Мы можем отметить лишь некоторые пропуски. Например, на стр. 22 Д. Моравчик указывает французский перевод книги Джелал Эссада — существует также ее русский перевод: Джелал Эссад. Константинополь. От Византии до Стамбула. М., 1919. Работа Л. Брентано (стр. 24) также переведена на русский язык: Л. Брентано. Народное хозяйство Византии. Л., 1924.

[33] F. Dölger. Aus den Schatzkammern, № 41.

à la Bibliothèque de Patmos. — „Mélanges P. Fredericq", Bruxelles, 1904 (варианты к изданию Миня); M. Jugie. La vie et les œuvres d'Euthyme Zigabène. — EO, vol. 15, 1912; J. Wickert. Die Panoplia dogmatica des Euthymios Zigabenos. — „Oriens christianus", vol. 8, 1911.

О Пахимере см. также G. Zolotas. Γεωγραφικὰ εἰς Παχυμέρην. — „Ἐπετηρὶς τοῦ φιλολογικοῦ συλλόγου Παρνασσοῦ", τ. 9, 1906.

О хронике Георгия Монаха см. Мелиоранский. Из семейной истории аморийской династии. — ВВ, VIII, 1901.

О „Книге эпарха" — H. Gehrig. Das Zunftwesen Konstantinopels im X. Jahrhundert. — „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik", III. F., Bd. 38, 1909; W. Kubitschek. Zum ἐπαρχικὸν βιβλίον, — „Numismatische Zeitschrift", IV, 1911; Е. Черноусов. Римские и византийские цехи. — ЖМНП, 1914, сентябрь.

Замечания к изданию энкомия Иоанну Ватацу, написанного, видимо, Георгием Пелагонитом, см. также: K. Praechter. Zum Enkomion auf Kaiser Johannes Batatzes den Barmherzigen. — BZ, Bd. 16, 1907.

Д. Моравчик не учел русские работы о Геннадии (Георгии) Схоларии: Филарет Черниговский. Геннадий Схоларий. — „Православное обозрение", 1860, № 1; А. П. Лебедев. Геннадий Схоларий. — „Богословский Вестник", 1894, сентябрь.

Значительно может быть расширена библиография к статье о Григории Паламе. Здесь не учтены, в частности: N. Bees. Τὸ ἔτος τῆς τελευτῆς Γρηγορίου Παλαμᾶ, — „Ἀθηνᾶ", τ. 16, 1904 (и продолжение в том же журнале, т. 18, 1905); Алексий. Византийские церковные мистики 14 в. — „Православный собеседник", т. 51, 1906, январь—май; Василий Кривошеин. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы, — „Seminarium Kondakovianum", vol. 8, 1936.

Об Иоанне Апокавке имеются еще статьи А. И. Пападопуло-Керамевса; см. полный список их — S. Pétridès. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits. — ИРАИК, т. 14, 1909, № 2—3, стр. 69, прим. 1—7 (для данной темы особенно существенны его работы: „Παρατηρήσεις εἰς τὰ Epirotica saeculi XIII". — ВВ, XI, 1904 — с поправками к указанному Д. Моравчиком изданию В. Г. Васильевского — и „Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος". — „Сборник в честь В. И. Ламанского", СПб, 1905, где опубликовано письмо Апокавка к архиепископу Болгарии); сочинение Е. А. Черноусова об Иоанне Апокавке не является отдельной книгой, как можно понять из рецензируемой работы (стр. 316), но напечатано в „Сборнике Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула" (Харьков, 1914, стр. 277—295).

Чрезвычайно обширный библиографический список к статье „Иоанн Малала" может быть дополнен несколькими названиями, как-то: В. Истрин. Первая книга хроники Иоанна Малалы. — „Зап. имп. АН по историко-филол. отд.", т. 1, 1897, № 3; N. E. Griffin. Dares and Dictys. An Introduction to the Study of Medieval Versions of the Story of Troy. Baltimore, 1907; E. Patzig. Das griechische Dictysfragment. — BZ, Bd. 17, 1908; O. Schissel von Fleschenberg. Die psychoetische Charakteristik in den Portraits der Chronographie des Johannes Malalas. — „Studien zur vergleichenden Literaturgeschichte", Bd. 9, 1910.

Указанное на стр. 354 издание (Э. Курца) монодии Константина Манасси на кончину Никифора Комнина вышло не в 1915, а в 1910—1911 гг. О Манасси см. также еще А. Пападопуло-Керамевс. Ῥητορικὸν γύμνασμα τοῦ Μανασσῆ. — ВВ, V, 1898; P. N. Papageorgiu. Zu Manasses und Italikos. — BZ, Bd. 12, 1903; Э. Курц. Еще два неизданных произведения Константина Манасси. — ВВ, XII, 1906; K. Horna. Analakten zur byzantinischen Literatur. Wien, 1905; P. N. Papageorgiu. Zu Konstantinos Manasses. — BZ, Bd. 17, 1908; A. Brinkmann. Lückenbüsser. 6. — „Rheinisches Museum", Bd. 64, 1909; J. E. Kalitsunakis. Παρατηρήσεις εἰς τὸν λόγον τοῦ Μανασσῆ πρὸς τὸν λογοθέτην Μιχαήλ. — „Τεσσαρακονταετηρὶς... Κ. Ε. Κόντου", Ἀθῆναι, 1909 (замечания к указанной на стр. 355 работе К. Хорны в „Wiener Studien", Bd. 28, 1906).

О Кекавмене — С. П. Шестаков. Византийский тип Домостроя и черты его сходства с Домостроем Сильвестра, ВВ, VIII, 1901.

О Льве Хиросфакте — М. А. Шангин. Византийские политические деятели первой половины X в. — „Византийский сборник", М.—Л., 1945; Е. Э. Липшиц. Византийский ученый Лев Математик. — ВВ, II, 1949; А. П. Каждан. К истории политической борьбы в Византии в начале X века. — „Ученые Записки Тульского пединститута", вып. 3, 1952.

О Льве VI — C. F. Zepernik. De vita et constitutionibus Leonis. Hallae, 1779; D. Serruys. Les Homélies de Léon le Sage. — BZ, Bd. 12, 1903; Ю. А. Яворский. Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVI—XVII вв. СПб, 1909; R. J. H. Jenkins. The „Flight" of Samonas. — „Speculum", vol. 23, 1948; № 2; R. H. Dolley. Leon VI and a forgotton Conquest of Kypros. — „Bulletin de l'Académie Royale Belgique", vol. 34, 1938; R. H. Dolley. The Date of the St. Mokios Attempt on the Life of the Emperor Leon VI. — „Mélanges H. Grégoire", vol. 2, 1950.

В библиографии к Маврикию указан болгарский перевод статьи А. И. Клибанова, но не указан ее русский оригинал: „Боевой порядок у древних славян". — „Исторический журнал", 1945, № 1—2.

В статьях о Михаиле Атталиате, Михаиле Пселле и других авторах XI в. необходимо было отослать к старой, но все еще сохраняющей свое значение книге Н. А. Скабалановича „Византийское государство и церковь в XI в." (СПб., 1884). Кроме того, о Пселле см. J. Dräseke. Michael Psellos im „Timarion". — BZ, Bd. 6, 1897; E. Renauld. Histoire de Basile II, traduit de la Chronique de Michel Psellos. — „Mélanges Schlumberger", vol. I, 1924; B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 161—210. Правильное название книги П. Безобразова (стр. 439): „Византийский писатель и политический деятель Михаил Пселл, ч. 1. Биография Михаила Пселла".

Работа К. Венделя об Олоболе, указанная на стр. 411, имела продолжение в BZ, Bd. 19, 1910.

Об императоре Мануиле II Палеологе см. Г. Баласчев. Корреспонденция между охридския архиепископ и византийския император Мануил Палеолог (1391—1423). — „Минало", т. 1, 1908.

О Михаиле Глике — P. N. Papageorgiu. Κριτικὸν παραχωρήγημα εἰς Μιχαὴλ Γλυκᾶν. — „Νέα Ἡμέρα", 1899, № 1297 (ср. его же заметку в „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια", т. 18, 1898, σελ. 443—444); A. Papadopulos-Kerameus. Μιχαὴλ γραμματικὸς ὁ ἱερομόναχος. — BZ, Bd. 20, 1911; очень важна также обширная рецензия В. Г. Васильевского на книгу К. Крумбахера о Глике: ВВ, VI, 1899, стр. 524 сл.

О Никифоре Влеммиде — В. И. Барвинок. Об обязанностях государя по воззрению Никифора Влеммида. Киев, 1911; И. И. Соколов. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. СПб, 1912.

О Никифоре Григоре — H. Wegehaupt, A. Brinkmann. Zum Orakel von Tralles. — „Rheinisches Museum", Bd. 58, 1903; N. Terzaghi.

Sul commento di Niceforo Gregora al περὶ ὀνείων di Sinesio. — „Studi italiani di filologia classica", vol. 12, 1904; N. Terzaghi. Nota sul Cod. Monac. gr. 29. — „Studi italiani di filologia classica", vol. 13, 1905.

О Никите Хониате см. также E. Frances. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. — BS, vol. 15, 1954; № 1; М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке. — „Ученые Записки Великолукского пединститута", 1954; К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957.

Сочинение Николая Месариата о политических событиях 1214 г. было издано до А. Гейзенберга по московской рукописи, не содержащей в надписании имени автора — см. Арсений. Некоего митрополита Ефесского, XIII века, не изданное доселе произведение. — „Чтения в обществе любителей духовного просвещения", год 29, 1892, март—апрель. Приложение.

О Николае Мистике см. анонимную статью „Николай Мистик, патриарх константинопольский" („Прибавления к изданию творений свв. отцов в русском переводе", ч. 20, 1861), а также некоторые работы, относящиеся к истории правления Льва VI и Романа I (например, S. Runciman. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign, Cambridge, 1929).

О так называемом „болгарском папирусе" см. также K. M. Setton. The Emperor Constans II and the Capture of Corinth by the Onogour Bulgars — „Speculum", vol. 27, 1952, p. 352 и критические замечания: А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. — КСИС, вып. 11, 1953.

Значительно должен быть расширен список литературы при статье о Петре Сицилийском. Помимо большого раздела о Петре в известной книге А. А. Васильева „Византия и арабы", можно назвать работы: K. Ter-Mkrttschian. Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien. Leipzig, 1893; C. R. Moeller. De Photii Petrique Siculi libris contra Manichaeos scriptis. Bonnae, 1910; F. Scheidweiler. Paulikianerprobleme I. — BZ, Bd. 43, 1950; Е. Э. Липшиц. Павликанское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. — ВВ, V, 1952 (и напечатанный в том же томе ее же критический разбор указанной у Д. Моравчика работы А. Грегуара); К. Н. Юзбашян. К истории павликанского движения в Византии в IX в. — „Вопросы истории религии и атеизма", вып. 4, 1956; M. Loos. Deux contributions à l'histoire des pauliciens I. — BSl, vol. 17, 1956.

Список работ, касающихся Фотия, также может быть значительно расширен. Можно указать, например, на следующие исследования: Т. Яред. Отзывы о св. Фотии, патриархе константинопольском, его современников. — „Христианское чтение", 1872—1873; И. С. Пальмов. Цареградский патриарх Фотий и его отношение к современному ему славянству. СПб., 1891; А. М. Иванцов-Платонов. К исследованиям о Фотии, патриархе константинопольском. М., 1892 (здесь указан список русских и новогреческих работ о Фотии); Н. Ф. Красносельцев. Патриарх Фотий и византийское богослужение его времени. Одесса, 1892. Обширный список литературы о Фотии приведен в указанной у Д. Моравчика книге Ф. Дворника (1948 г.) — он использован Д. Моравчиком лишь частично. Кое-что можно указать и из более поздних работ, например: F. X. Seppelt. Das Schisma des Photius in neuer Sicht. — „Theologische Revue", Bd. 48, 1952; F. Dölger. Photius. — „Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Greifswald", Bd. 5, 1955—1956, № 1.

О Стефане Сахликисе см. R. Cantarella. La vita e l'opera di Stefano Sachlikis. — „Изв. на Българ. Археол. Институт", т. 9, 1935; idem. Un poeta cretese del sec. XV. Stefano Sachlikis. — „Atene e Roma", vol. III, 2, 1935; G. Reichenkorn. Stephanos Sachlikis, Autobiograph und Moralist. — „Festgabe für F. Neubert", Berlin, 1956; П. В. Ернштедт. О греческом предшественнике слова гайтан. — „Акад. В. В. Виноградову к его шестидесятилетию", М. 1956.

О Феодоре II Ласкаре — J. Dräseke. Theodoros Lascaris. — BZ, Bd. 3, 1894; N. Festa. Noterelle alle epistola di Teodoro Lascaris. — „Studi italiani di filologia classica", vol. 7, 1899; P. N. Papageorgiu Zu den Briefen des Theodores Lascaris. — BZ, Bd. 2, 1902; ср. также заметку К. Иречека в „Archiv für slavische Philologie", Bd. 21, 1899, S. 622—626.

О Феодоре Педиасиме — P. N. Papageorgiu. Zu Theodoros Pediasimos, BZ, Bd. 10, 1901.

Можно расширить библиографический список к статье „Феодор Продром", например: Petrus Lazeri. Clarorum virorum Theodori Prodromi, Dantis Alighieri etc. epistolae. Romae, 1754; И. Жданов. Греческие стихотворения в славянских переводах. — „Commentationes philologicae", СПб., 1897; A. Papadopulos-Kerameus. Ἡ ψευδοποιήτρια Εἰρήνη. — „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια", τ. 20, 1900, № 18; L. Petit. Monodie de Nicétas Eugénianos sur Théodore Prodrome. — BB, IX, 1902; E. Kurtz. Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos. — BZ, Bd. 16, 1907; A. Majuri. Un poeta mimografo bizantino. — „Atene e Roma", vol. 13, 1910, № 133—134.

О Феодоре Студите — A. Tougard. La persecution iconoclaste d'après la correspondance de St. Théodore Studite. — „Revue des questions historiques", vol. 50, 1891; В. Преображенский. Преподобный Феодор Студит и его время (759—826). М. 1896; Б. Мелиоранский. Перечень византийских грамот и писем, вып. 1. СПб., 1899; И. И. С(околов?). Преп. Феодор Студит, его церковно-общественная и богословско-литературная деятельность. — В кн.: «Творения Феодора Студита», т. 1, СПб., 1907; Ch. Van de Vorst. Les relations de S. Théodore Studite avec Rome. — AB, vol. 32, 1913; В. Латышев. Vita S. Theodori Studitae in codice Mosquiensi muzei Rumianzoviani № 520. — BB, XXI, 1914.

Некоторые дополнения следует внести также в библиографию житийных памятников. Так, о житиях Василия Нового и Игнатия см. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; не указаны старые издания жития Игнатия: M. Raderus. Acta concilii octavi. Ingolstadii, 1604; J. D. Mansi. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. XVI, 1771, — и литература о нем в общих трудах о фотианских спорах; название цитированной выше работы Ж. да Коста Луйе, касающейся жития Игнатия, указано неточно; о житии Иоанникия см. также J. Pargoire. Quel jour S. Joannice est-il mort? — „Echos d'Orient", vol. 4, 1901; о житии Параскевы — E. Kałużniacki. Zur älteren Paraskevalitteratur der Griechen, Slaven und Rumänen. — „SB der Akad. der Wiss. in Wien", Phil.-hist. Kl., Bd. 141, 1899, № 8; житие Павла Латрского было издано в русском переводе: „Житие преп. отца нашего Павла Нового, подвизавшегося на Латрской горе", М., 1854 (второе издание — 1896); о житии Иоанна Готского см. Х. М. Лопарев в кн. „Отчет императорской Публичной

библиотеки за 1911 г.", Пг., 1917, стр. 56 сл.; В. П. Бабенчиков. Из истории Крымской Готии. — „Известия ГАИМК", вып. 117, 1935; о житии патриарха Евфимия — Н. Г. Попов. К византийской истории X века. — „Летопись историко-филол. об-ва при Новороссийском университете", т. IV. Византийское отд. № 2, 1894; житие Фотия Фессалийского было издано В. Г. Васильевским (это издание указывает Д. Моравчик) лишь в отрывках; полное издание — Арсений. Похвальное слово св. Фотию Фессалийскому. Новгород, 1897; см. о нем также V. Grumel. Le fondateur et la date de fondation du monastère thessalonicien d'Acapniou — „Echos d'Orient", t. 34, 1931.

Мелкие погрешности, подобные отмеченным, неизбежны в работе, посвященной столь обширной теме с таким огромным кругом источниковедческих проблем. Но даже и при наличии этих погрешностей труд венгерского ученого окажет, повторяем, неоценимую помощь каждому византинисту и займет видное место в ряду тех работ, которые должны подготовить появление новой „Истории византийской литературы".

Приложение

АНОНИМНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ ИЗ РУКОПИСИ XV в. (ГИМ № 415/509, лл. 76—77)

Οἱ παλαιοὶ ἐμέρισαν τὴν γῆν εἰς τμήματα τρία· εἰς Ἀσίαν, Λιβύην καὶ Εὐρώπην. Καὶ ἔστιν ὅριον Ἀσίας καὶ Εὐρώπης ὁ Τάναϊς ποταμός, ὃς ῥεῖ[1] ἀπὸ τῶν Σκυθικῶν μερῶν καὶ ἀγνώστων, καὶ εἰσὶν αἱ πηγαὶ τούτου ἄδηλοι. Ἀσίας δὲ καὶ Λιβύης ὅριον ὁ Νεῖλος, Λιβύης δὲ καὶ Εὐρώπης τὸ περὶ τὰς Ἡρακλείας[2] στήλας στενόν. Ὑπαρχίαι δέ εἰσι τῆς Ἀσίας ἀπὸ μὲν τῶν ὑπερβορείων μερῶν ἡ Σαρματία ἡ ἐν Ἀσίᾳ, εἶτα ἡ Μαιῶτις λίμνη, μετὰ δὲ ταῦτα Κυμμέριος Βόσπορος, εἶτα Κολχὶς καὶ Ἰβηρία, Πόντος Πολεμονιακός, ἐν ᾗ ἐστὶν ἡ Τραπεζοῦς, εἶτα Πόντος Καππαδοκικός, ἐν ᾗ ἐστὶν ἡ Ἀμινσός, εἶτα Καππαδοκία, μεθ' ἣν Γαλατία, ἐν ᾗ ἡ Συνώπη, εἶτα Παφλαγονία, ἐν ᾗ ἐστὶν ἡ Ποντοηρακλεία καὶ ἡ Ἄμαστρις, εἶτα Βιθυνία[3] ἀφ' ἧς ἄρχεται τὸ Στενὸν τῆς Κωνσταντινουπόλεως[4], εἶτα ὁ Ἑλλήσποντος μέχρι τῆς Τροίας, εἶτα ἡ Μεγαλῆφρυγία, εἶτα ἰδίως Ἀσία, ἐν ᾗ ἐστὶν ἡ Ἔφεσος, μεθ' ἣν Λυκία, εἶτα Παμφυλία, εἶτα Κιλικία || Τραχεῖα, ἐν ᾗ ἐστὶ τὸ Κώρυκος, εἶτα Κιλικία, ἐν ᾗ ἡ Ταρσός, εἶτα Συρία Κοίλη, ἐν ᾗ ἡ Λαοδίκια καὶ ἡ Τρίπολις, εἶτα Συρία Φοινίκη, ἐν ᾗ ἡ Βηρυτὸς[5] καὶ ἡ Τύρος καὶ ἡ Σιδών, εἶτα Παλαιστίνη Ἰουδαία, ἐν ᾗ ἡ Καισάρεια τοῦ Φιλίππου καὶ ἡ[6] Ἰώππη, ἡ κοινῶς Γιάφα, εἶτα Αἴγυπτος μέχρι τοῦ πρώτου στόματου τοῦ Νείλου, τὸ καλούμενον Πηλουσιωτικὸν στόμα· καὶ τοῦτο ἐστὶ τὸ καθ' ἡμᾶς ἐγνωσμένον. Ἀπὸ δὲ τὸ ἄνω μέρος τὸ πρὸς τῇ Ἐρυθρᾷ θαλάσσῃ ἔστιν Ἀραβία Πετραῖα, εἶτα Ἀραβία Ἔρημος, μεθ' ἣν Ἀραβία Εὐδαίμων, εἶτα Περσίς· καὶ αὗται μὲν εἰσὶν ἐπαρχίαι τῆς Ἀσίας παράλιαι. Αἱ δὲ μεσίγειαι εἰσὶν αὗται· μετὰ τὴν Φρυγίαν ἐστὶ Λυδία, ἐν ᾗ ἡ Φιλαδέλφια καὶ αἱ Σάρδεις καὶ Μαγνησία, εἶτα Φρυγία Σαλουταρία καὶ Φρυγία Καπατιανή, ἐν ᾗ τὸ λεγόμενον Ἀκροτήριον, εἶτα Λυκαονία, ἐν ᾗ τὸ Ἰκόνιον καὶ τὰ Λάρανδα, εἶτα Ἀρμενίαι Μικρὰ καὶ Μεγάλη, εἶτα Μεσοποταμία, εἶτα Ἀσσυρία[7], Παρθία, || Γεδρωσία, Ἀραχωσία, Βαβυλωνία, Ἀρεία, Παροπανισάδαι, Καρμανία, Συρικὴ Σκυθία ἡ ἐντὸς Ἰμάου ὄρους, Σκυθία ἡ ἐκτὸς Ἰμάου ὄρους, Ἰνδικὴ ἡ ἐκτὸς Γάγγου ποταμοῦ καὶ οἱ Σῦναι. Καὶ αὗται μὲν εἰσὶν αἱ ἐπαρχίαι Ἀσίας.

Τῆς δὲ Εὐρώπης αὗται· ἡ Σαρματία ἡ ἐν Εὐρώπῃ, εἶτα ἡ Μαιῶτις λίμνη, μετὰ ταῦτα ἡ Ταυρικὴ Χερρόνησος[8], ἐν ᾗ ὁ Καφὰς καὶ τὸ Σύμβολον, εἶτα Δακία[9], εἶτα Μυσία, εἶτα Θράκη, ἐν ᾗ τὸ Βυζάντιον, εἶτα Μακεδονία, ἐν ᾗ ἡ Θεσσαλονίκη, εἶτα Βοιωτία, μετὰ ταῦτα ἡ Πελοπόννησος, εἶτα ἡ Ἀκαρνανία καὶ μετ' αὐτὴν ἡ Ἤπειρος, ἐν ᾗ ἡ Ἄρτα· μετ' αὐτὴν μέρος Μακεδονίας, ἐν ᾗ ὁ Αὐλών, εἶτα ἡ Ἰλυρίς, ἐν ᾗ ἡ Ἐπίδαυρος ἤγουν τὸ Δυρράχιον, εἶτα ἡ Δαλματία, ἐν ᾗ ἡ Ἐπίδαμνος ἤγουν τὸ Ῥαούζιον[10]· τὰ δὲ περὶ αὐτὸ ὄρη Κεραύνια λέγεται· εἶτα ἡ Ἰταλία, ἀρχομένη ἀπὸ τοῦ Μεσάκτου, ὁ καλεῖται Μέσακτον τέλος Ἰταλίας, καταλήγουσα μέχρι Γένουας εἶτα ἄρχεται ἡ Ἰβηρία || ἥτις μερίζεται εἰς ἐπαρχίας τρεῖς· εἰς Ταρακονησίαν καὶ Ναρβονησίαν καὶ Λυγδουνησίαν· μετὰ ταῦτα ἄρχονται αἱ Γαλίαι· καὶ ἔστι Γαλία Ἀκουιτανία καὶ Γαλία Κελτική· εἶτα ἐστὶν ἡ Δευτέρα Γερμανία πλησιάζουσα τῷ Ῥήνῳ, καὶ μετ' αὐτὴν ἡ Μεγάλη Γερμανία· εἶτα Γήπεδες ἤτοι Οὔγγροι. Рукопись, видимо, не закончена: далее следуют чистые листы.

А. Каждан

[1] Ms. ῥεει
[2] Ms. Ἡρακλείους
[3] Ms. Βυθηνία
[4] Ms. Κονσταντίνολπ
[5] Ms. Βυριτὸς
[6] Ms. ἡ καὶ
[7] Ms. Ἀσυρία
[8] Ms. Χειρόννησος
[9] Ms. Δακεία
[10] В рукописи явная ошибка: в действительности Диррахий — это древний Эпидамн, а Рагуза (Дубровник) — древний Эпидавр. Однако мы не исправляем текста, так как неясно, принадлежит ли ошибка автору или переписчику.

J. M. HUSSEY. THE BYZANTINE WORLD.

London, Hutchinson's University library, 1957, p. 191

Книга профессора Лондонского университета Дж. М. Хассей, в отличие от других сводных работ, характерных для западного византиноведения последних лет, невелика по объему. Но своеобразие книги заключается не только в этом. Само заглавие работы „Византийский мир" — сразу же говорит о стремлении автора дать не строго последовательное изложение византийской истории, а нарисовать общую картину жизни византийского общества. Естественно, что такая структура книги позволила ее автору свободно располагать накопленные им данные и факты, а следовательно, отчетливо отразить свой принцип исследования, и особенности своей трактовки истории Византии. Вот почему читатель раскрывает книгу Хассей с вполне обоснованным интересом.

Первая часть работы, излагающая собственно историю империи, распадается на четыре главы: „Византийская империя формируется — 324—717", „Средневековая Римская империя — 717—1056", „Коренные перемены — 1025—1204", „Столкновение Востока с Западом — 1204—1453". Следует хотя бы кратко остановиться на том, как автор освещает вопросы политической истории.

Исходным пунктом истории Византии Хассей считает перенесение столицы в Константинополь, после чего начинается борьба империи с внешними врагами. Эту борьбу Хассей считает чрезвычайно важной для всего будущего развития государства. В отличие от многих других историков, автор особо выделяет роль Маврикия. Это внимание автора к роли исторических деятелей характерно для работы в целом. Война с персами, которую Маврикий успешно закончил, и реорганиза-

ция италийских областей дают этому императору, по мнению автора, право на выдающееся место среди византийских правителей. „Если бы Маврикий построил еще св. Софию и издал Корпус гражданского права, возможно, мы могли бы говорить об эпохе Маврикия, а не Юстиниана" (стр. 23). В борьбе с арабами значительную роль Хассей отводит Ираклию и его потомкам — „Династии Ираклия" (стр. 28).

Но необходимо подчеркнуть, что внимание автора не полностью приковано к историческим личностям крупного плана. Последующее изложение политической истории Византии автор нередко старается связать с характеристикой состояния материальной базы государства. Так, многие явления политической жизни страны в VII—VIII вв. осмысливаются автором в связи с тем, что после потери восточных провинций, захваченных арабами, большое значение начинает приобретать Малая Азия — будущий источник материальных богатств и людских резервов империи. Или несколько дальше: охарактеризовав налаженную систему местного управления и сильный центральный аппарат, Хассей добавляет к этому вывод о том, что в VIII—IX вв. начинается новый подъем византийской торговли. Именно на этой основе начинается, по ее мнению, дальнейший расцвет страны.

Интерес представляет характеристика отношений Византии с ее соседями. Вполне определенно, хотя и предельно кратко, отмечается, что славянские племена, проникшие на Балканы, надолго сохранили свою независимость. Более детально разобраны отношения со славянами и экспансия Византии на Восток в IX—XI вв. Справедлив вывод Хассей о том, что Русь никогда не находилась под контролем Константинополя (стр. 41). Характерно, что причиной неудач, начавшихся для империи в XI в., автор считает не только появление могущественных внешних врагов — норманнов и турок, но и тот факт, что их появление совпало с ростом власти земельных магнатов и последующим ослаблением центрального управления.

Рост крупного землевладения Хассей отмечает как важнейшую черту эпохи Комнинов. Опираясь на крупную земельную аристократию, Комнины начинают перестройку прежней системы обороны, отныне базирующейся на прониальном землевладении (стр. 55). Впрочем, несмотря на эту перестройку, основные принципы византийской внешней политики остаются без существенных изменений. Так, Малая Азия по-прежнему считается оплотом империи, и правительство Комнинов не решается вызывать военные инциденты на ее границах. Именно по этим причинам, полагает Хассей, Комнины не смогли поддержать идею крестового похода против Сирии и Палестины: это значило бы открыть малоазийскую границу для внешних врагов. Такова новая точка зрения, которую предлагает Хассей для того, чтобы объяснить позицию византийского правительства по отношению к крестовым походам. Тем не менее, утверждает автор, византийская политика оказала благоприятное влияние на ход Первого крестового похода, так как благодаря ей крестоносцы благополучно пересекли Малую Азию, и все сведения о том, что греки предали крестоносцев, следует отнести за счет злостных вымыслов, распространявшихся старым врагом империи — Боэмундом (стр. 57).

Хассей подробно останавливается на попытках сколотить в XII в. союз двух империй — византийской и германской — и с горечью отмечает, что эти попытки не увенчались успехом: Комнины встретили слишком много врагов. После смерти Мануила особенно отчетливо стали проявляться основные тенденции XII в. — проникновение латинян

в империю и усиление крупного землевладения. Как известно, и тот и другой процесс вызвали к жизни крупнейшие события византийской истории конца XII в. — разгром латинских купцов в 1182 г. и воцарение Андроника Комнина. К сожалению, характеристике событий 1182 г. автор посвящает всего одну строку, опуская и анализ их причин и описание последствий. Деятельность Андроника Хассей рисует значительно более подробно. Правда, она с осуждением относится к методам, применявшимся реформатором, и отрицательно оценивает результаты его мероприятий: погибло множество военных вождей, чья служба была так необходима империи. Однако в целом деятельность Андроника изображена как закономерное следствие происходивших в обществе процессов. Попыткам Андроника не только искоренить латинские элементы, но и усилить центральную власть путем оттеснения военной аристократии предшествовало широкое распространение пронии в империи и засилие крупных землевладельцев в политической жизни.

История последних столетий существования Византии содержит характеристику лишь наиболее важных событий. Автор отмечает все возрастающую зависимость центрального правительства от местной феодальной знати и рост недовольства народа религиозной и фискальной политикой правительства.

Таковы наиболее существенные черты в очерке политической истории Византии, предпринятом Хассей. Эта история занимает первый план в книге, но она не исчерпывает всего ее содержания. Автор стремится уловить закономерности общественного развития, и в некоторых местах она специально останавливается на этой проблеме.

Первый важный этап развития общественных отношений в Византии — это усиление сельской общины, общины Земледельческого закона. Хассей правильно датирует этот процесс и находит закономерную связь между ним и развитием стратиотского землевладения в рамках фемной системы (стр. 25 и 141). Быт деревни иллюстрирован у Хассей, к сожалению, лишь несколькими штрихами, заимствованными из Земледельческого закона. Вместе с тем она подробно останавливается на положении сельских священников (secular clergy). Внимание к этой категории населения определяется у Хассей ее общим интересом к роли духовенства в византийском мире. Но в данном случае характеристика положения сельских священников помогает воссоздать общую картину византийской деревни, ибо низшее духовенство по своему уровню жизни мало отличалось от крестьян.

Автор останавливается и на формировании феодальных отношений в Византии, но рассматривает этот процесс несколько односторонне. Так, в книге отмечен массовый переход крестьян под власть крупных землевладельцев (стр. 141), но Хассей интересуется этим процессом в первую очередь потому, что он снижал обороноспособность империи. Значительно более подробно рассматривается прония, оцениваемая как пожалование земли в попечение (care) на определенный срок. Функции прониара автор осторожно определяет как право управлять и взимать налоги, отказываясь высказать свое суждение о том, имел ли прониар реальные права собственности на пожалованную землю[1] и был ли

[1] Г. Острогорский, например, считает, что право распоряжаться землей прониара сохраняет за собой государство (см. Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951, стр. 45—47), но в то же время прония не была исключительно правом собирать налоги, каким был солемний (там же, стр. 48). А. П. Каждан, напротив, склонен считать, что прония возникла как право на определенную долю податей, лишь впоследствии постепенно превратившись в право на землю (А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 223).

он обязан военной службой[2]. Очень неполно характеризуется в работе и система иммунитета, рассматриваемая автором преимущественно как обязанность крупных земельных собственников самим собирать налоги и передавать их в казну (стр. 95). Таким образом, роль иммунитета как одного из важнейших орудий закабаления феодалами крестьян, к сожалению, остается нераскрытой. Тем не менее следует отметить, что при всей неполноте и краткости своих суждений о феодализме Хассей совершенно правильно высказывает одно принципиально важное соображение, а именно, что „византийский феодализм был продуктом ее собственного развития и не был перенесен с Запада" (стр. 59).

К сожалению, социальные движения византийского средневековья освещены автором еще более скупо. Хассей не упоминает ни о восстаниях в столице (даже о таком, как „Ника"), ни о народных движениях в провинции (например, о восстании зилотов). Единственным исключением является богомильство, к характеристике которого автор возвращается несколько раз. Отрадно отметить, что Хассей не только рисует это движение относительно подробно, но и старается избежать односторонности в его освещении — она находит в богомильстве, помимо религиозных, также и социальные, экономические и политические аспекты (стр. 109).

Много внимания уделяет Хассей воссозданию быта византийского общества, описанию жилищ, одежды, продуктов питания, уровня „социального обеспечения" (глава „Повседневная жизнь"). Хассей совершенно правильно указывает, что материала для подобных хозяйственно-бытовых очерков у историков пока еще недостаточно, но в то же время нельзя не заметить, что она сама не до конца использует те источники, которые имелись у нее в руках. Так, обещая обрисовать жизнь общества вплоть до скромных деревенских хижин (стр. 132), автор привлекает лишь материал, почерпнутый в хрониках, составленных придворными летописцами, а на жития святых — источник, который содержит максимум свидетельств о положении народных масс, — автор ссылается лишь для доказательства религиозности византийцев. Поэтому создается впечатление, что бытовая характеристика византийского общества приобретает у Хассей несколько одностороннее направление.

Более обоснованы экскурсы автора в историю византийской торговли. Она приходит к выводу, что в VIII—IX вв. намечается новый подъем торговли, который делает возможным дальнейшее усиление государства. Хассей останавливается на проникновении итальянского торгового капитала в Византию и стремится отыскать экономические мотивы захватов крестоносцев на территории империи. Дополнительную черту вносит работа и в понимание событий, последовавших за Четвертым крестовым походом: автор подчеркивает, что крестоносцы сделали в Византии не только кратковременные территориальные, но и прочные экономические приобретения, и указывает в этой связи на захват итальянскими купцами квасцовых рудников в Фокее и шелковых мастерских в Фивах (стр. 74).

[2] По мнению Ф. И. Успенского, прония была вознаграждением за военную службу (Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. — Сборник статей в честь В. И. Ламанского, СПб., 1883, стр. 29). К этому же мнению, в свое время оспаривавшемуся П. Мутафчиевым (П. Муфтафчиев. Войнишки земи и войници в Византия. — Списание на Бълг. Академия на науките, XXVII, 1923), в последнее время вновь вернулся Г. Острогорский (ук. соч., стр. 23, 58).

Во многих главах книги автор настойчиво подчеркивает ведущие идеи работы. На них следует остановиться. Хассей убеждена в том, что традиции римской империи и культура эгейского мира без каких-либо изменений перешли в раннюю Византию (стр. 23). Впоследствии автор развивает это положение, утверждая, что, несмотря на славянские вторжения и потрясения VII в., греки не потеряли ни традиций, ни своего языка, а отражение арабской опасности означало для Византии прежде всего сохранение связи с Поздней Римской империей (стр. 27). Хассей, правда, оговаривает, что речь идет прежде всего о культурной преемственности. При этом заслуживает внимания тот факт, что у Хассей византийская культура представляет не пассивное усвоение греко-римской, а выступает в качестве явления живого и органического (стр. 175). Характерна и другая черта. Хассей подчеркивает взаимосвязь византийской культуры и духовных ценностей, созданных на Востоке. Неоднократно на протяжении книги Хассей возвращается к утверждению, что по своему культурному облику Византия была гораздо ближе к Востоку, чем к Западу. С Востоком контакт был традиционным и уважение взаимным, здесь было налицо явное взаимопроникновение культур (стр. 166).

К положениям, имеющим принципиальное значение для характеристики общей методологии автора, относится и его оценка деятельности и роли византийского государственного аппарата. Хассей подчеркивает достоинства системы управления, которые, по ее мнению, с успехом искупали недостатки отдельных правителей (стр. 35). Автора поражает активность, проявленная государственной властью с середины IX в. до смерти Василия II, и ее способность проводить непрерывные реформы (стр. 43); она считает административную машину (administrative machinery) главным средством защиты и расширения границ империи. Жаль, что при этом, если не считать беглых замечаний о борьбе между гражданской и военной администрацией (стр. 47), не ставится вопрос о социальной природе государственной власти, и это, конечно, обедняет работу. Кроме, того, поскольку автор предпринял специальную оценку государственного управления, книга должна была бы включать и ответы на некоторые неизбежно возникающие в этом плане вопросы, например на чрезвычайно существенный вопрос о связи между развитием феодальных отношений и усилением централизованной византийской державы в IX—X вв.

Наконец, нельзя не обратить внимания еще на одно основное положение, особенно настойчиво подчеркиваемое автором во второй половине книги. Речь идет об оценке автором роли христианства в истории Византии. Хассей всячески стремится создать представление, будто христианство было самым важным элементом „византийского мира". „Церковь пронизывала жизнь народа, ее благословения искали во всех формах деятельности..." (стр. 113). Нетрудно найти объяснение подобной позиции автора: она предопределена ее предшествующими исследованиями в области церковной истории[3]. Убеждение Хассей в том, что деятельность церкви имела для Византии решающее значение, и определила ее идеалистический подход к освещению многих вопросов византийской истории[4]. Согласиться с такой концепцией исторического развития советский читатель, естественно, не может.

[3] J. M. Hussey. Church and learning in the Byzantine empire. Oxford, 1937.

[4] Этим, видимо, объясняется и подбор источников, на которые ссылается автор. Достаточно сказать, что творения отцов церкви цитируются по многу раз (особенно повезло в этом отношении Иоанну Дамаскину: на его трудах автор останавливается

Следует отметить и еще некоторые недостатки рецензируемой работы. Так, при том, какое место занимают в книге вопросы культуры, естественно было бы ждать, что в поле зрения автора окажется и проблема народной культуры. С чувством сожаления приходится отметить, что этого не произошло. Досадным кажется и тот факт, что автор забыл высказать свое мнение о роли монастырей в экономике и общественной жизни страны, в то время как особенностям монастырских уставов и правилам вступления и выхода из монастырей посвящена чуть ли не целая глава (VII). Правда, Хассей упоминает об институте харистикия, но не склонна сближать его с пронией и не пытается дать ему какое-либо социальное объяснение. Точно так же αὐτοδεσποτία рассматривается исключительно как административная льгота, но не как институт, способный сыграть известную роль в отношениях феодала с крестьянами[5]. Автор вообще не останавливается ни на положении зависимых монастырских крестьян, ни на состоянии монастырского землевладения. И это тем более жаль, что одна из важнейших проблем византийской истории — проблема феодальной эксплуатации — может быть решена, как известно, только с помощью грамот о монастырском землевладении. Нужно ли говорить, насколько это обедняет работу Хассей? Не остановился автор и на социальных отношениях в среде самого монашества, хотя имеющийся материал позволяет сделать интересные наблюдения. Известно, что в западноевропейских монастырях широко применялся труд низшего монастырского персонала — „конверсов“[6]. Было ли что-либо подобное в Византии? Этот вопрос был бы вполне естествен в книге Хассей, тем более что источники X—XII вв. содержат множество свидетельств по этому поводу, и, на наш взгляд, дают возможность правильно его решить. Данные „типиков“ свидетельствуют, во-первых, о глубоких материальных различиях, сохранявшихся между монахами и выражавшихся в различных нормах σιτηρέσιον — довольствия, выдававшегося инокам[7], а во-вторых, о существовании в монастырях прослойки младшей братии, именовавшейся в источниках послушниками (μαθηταὶ) или служителями (διακονηταὶ) и выполнявшей в обителях полевые работы[8].

восемь раз), в то время как материал актов и жалованных грамот, даже относящихся к истории монастырей (собранных у Ж. Руйяр), использован далеко неполно.

[5] Уже П. А. Яковенко пытался рассматривать автодеспотию в связи с развитием иммунитета (П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, стр. 11). По нашему мнению, автодеспотия является одним из первых элементов складывающейся монастырской экскуссии (М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии в XI—XII вв. — УЗ Великолукского пединститута, вып. 3, 1957, стр. 343).

[6] Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии. М., 1947, стр. 449.

[7] Монах, управлявший монастырем св. Илии, получал в год в качестве довольствия 30 модиев хлеба, 50 мер вина, 6 модиев овощей и 6 номисм „на приварок“ (1106, Лавра, 18.31). Богатый даритель Константин Экзотрох, вступивший в обитель, получал 20 модиев хлеба, 3 модия бобов и 1 модий миндаля (1197. MM, VI, 135.5), в то время как рядовые монахи лавры Афанасия получали в год всего 5 модиев хлеба (970. Ph. Meyer. Die Haupturkunde für die Geschichte der Athoskloster. 1894, 115.8). Игумены монастыря Иоанна Богослова на о-ве Патмос получали в полтора раза больше хлеба и вина, чем рядовые монахи (1157. MM, V, 31.5).

[8] О διακονηταί, занятых работой на монастырь, сообщают монастырские уставы (А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. I, Киев, 1895, стр. 737. 14; MM. V, 414. 12.). В некоторых из них упоминается, что диаконитъ получают довольствие наравне с мистиями (MM, V, 414. 14.). О них упоминает и житийная литература (Acta Sanctorum Novembris, III, p. 525. C., 537. B — Д., 561. A.; Православный Палестинский сборник, XVII, стр. 22. 18), и авторы трактатов (Eustathii Opuscula, ed Tafel, Francofurti, 1832, p. 242. 45, 243. 55—58).

В конце книги приложен список трудов по византиноведению, вышедших за последние 25—30 лет и учтенных автором. Бросается в глаза полное отсутствие в этом списке произведений советских авторов и авторов-марксистов других стран.

Оценивая книгу в целом, мы должны еще раз подчеркнуть, что идеалистическая концепция автора, видящего в христианстве один из основных факторов исторического развития, составляет ее идейный базис. Но самым характерным в книге является все же не это. Показательно то, что Хассей не ограничилась только вопросами политической истории и истории развития культуры, но и проявила заметный интерес к проблемам экономической жизни и общественной структуры, более того, она выразила стремление к комплексному освещению этих вопросов и предприняла попытку (одну из первых в зарубежном буржуазном византиноведении) объединить их решение в едином историческом очерке.

М. М. Фрейденберг

F. DVORNIK. BYZANTINE POLITICAL IDEAS IN KIEVAN RUSSIA.

Dumbarton Oaks Papers № 9 and 10. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1956, p, 71—121

В современной западноевропейской и американской историографии Византии сравнительно большое место занимают работы, посвященные истории византийских политических идей в средневековой Европе, и особенно в России. Причины такого повышенного внимания уже отмечались в нашей литературе[1]. Рецензируемая статья известного католического историка церкви, профессора Гарвардского университета, относится к этому же ряду работ.

Ф. Дворник посвящает свое исследование выяснению значения византийских политических идей о соотношении священства и царства (т. е. светской и церковной власти), о божественном характере светской верховной власти для древней Руси X—XII вв. По мнению автора, „тщательное изучение влияния византийских политических принципов на политическое развитие Киева“ приводит к заключению, что многие византийские идеи были воплощены в политическом строе Киевского государства и что они стали основой дальнейшего развития России (стр. 76). Последняя фраза хорошо выражает всю направленность рецензируемой работы, которая как бы должна служить введением к истории воплощения византийских политических идей в период образования централизованного русского государства XIV—XVI вв.

Автор привлек довольно широкий круг источников как византийских, так и русских. Он рассматривает памятники византийского светского и церковного права, Стословец, приписываемый патриарху Геннадию, Изборники 1073 и 1076 гг., Хронику Георгия Амартола, церковный устав Владимира Святославича, сочинения митрополита Илариона, Луки Жидяты, монаха Иакова, Кирилла Туровского, Пчелу, сочинения митрополита Никифора и Владимира Мономаха. Автор знаком с основными исследованиями этих памятников, и в том числе русскими, изданными до 1918 г. Что же касается работ, вышедших в Советском Союзе, то

[1] С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. — ВВ, XI, 1956, стр. 308 сл.

автор, судя по приводимой им библиографии, знаком лишь с двумя публикациями: Хроникой Георгия Амартола, изданной В. М. Истриным, и первым томом „Памятников русского права", составленным А. А. Зиминым. Автор не использовал исследования советских ученых 30—50-х гг. — как специальные, посвященные главным образом истории общественно-политической мысли и связи ее с общественным развитием и политической историей Руси, так и обобщающие. Это обедняет его выводы.

Свое исследование Ф. Дворник строит по следующему плану: 1) византийские сочинения, в которых изложены интересующие автора политические идеи; 2) проникновение этих сочинений на Русь и наличие их среди памятников русской письменности XI—XII вв.; 3) идеи о характере княжеской власти и отношение к этой власти духовенства в русских памятниках XI—XII вв. как результат усвоения византийских идей. Воплощение последних в политической жизни указанного времени.

Рассматривая памятники византийского права — канонического и светского (такие, как Номоканон Иоанна Схоластика и Сборник XIV титулов, содержащие соборные правила, Собрание постановлений в 87 главах, содержащее отрывки из новелл Юстиниана, из Эклоги и Прохирона), Ф. Дворник рассказывает историю переводов этих памятников, как она исследована К. Цахарие, А. С. Павловым, М. П. Бенеманским, В. Н. Бенешевичем и др. Он приходит к правильному выводу о раннем знакомстве древнерусского читателя с римским правом в изложении и переработке VI—IX вв. Кроме греческих книг, которыми могли пользоваться приехавшие на Русь греки и русские, владевшие греческим языком, в распоряжении местных юристов, политических и церковных деятелей уже в X—XII вв. были славянские переводы византийских сборников, содержащих основы римского права. Это были первые кормчие книги, известные нам по упоминаниям в древнерусской литературе и отдельным сохранившимся до нашего времени рукописям: Устюжской кормчей XIII в. и Ефремовской — XI—XII вв.[2]

В результате рассмотрения памятников византийского законодательства, и прежде всего новелл Юстиниана, сохранившихся в этих кормчих, Ф. Дворник приходит к выводу, что эти памятники должны были иметь заметное влияние в Киевской Руси. „Принципы, которые внушали императорские декреты, помогли оформить русскую концепцию об отношениях между церковью и государством и о правах и обязанностях правителя в христианском обществе" (стр. 85).

Следует, однако, учитывать, что богатейший византийский юридический и вообще идеологический материал, который находился в распоряжении руководителей молодого русского государства в пору оформления его институтов и христианизации, не был однородным по выраженным в нем политическим взглядам на роль императора. Наряду с теориями, нашедшими особое развитие в памятниках времени иконоборцев, о неограниченности власти императора, бывшего главою и государства и церкви, в Византии существовало воззрение на императорскую власть как на равную с властью патриарха и ограниченную законами и канонами. Даже и до Эпанагоги, в которой эта теория нашла, благодаря Фотию, яркое выражение[3], — памятника, неизвестного на Руси, как считает Ф. Дворник, до появления Синтагмы Матвея Властаря (XIV в.), — теория о равной власти и гармоническом сочетании царства и священства нашла выражение в памятниках византийского права, в том числе в новеллах Юстиниана. Исследователь близкого к рассматриваемой теме вопроса В. Вальденберг в сочинении, известном Ф. Дворнику, справедливо писал, что „византийское законодательство, так же как и византийская практика, не могло оказать на русские учения о пределах царской власти такого решительного влияния, которое определило бы сполна все содержание и направление этих учений. Византийское законодательство могло только дать чрезвычайно ценный и благодарный материал, которым русские книжники могли воспользоваться сообразно своим планам и для подкрепления уже слагавшихся идей"[4]. Естественно, что на Русь проникли и оказали большое влияние именно те из византийских идей, которые больше соответствовали местным условиям, порожденным слагавшимися здесь общественным и государственным строем.

Активное отношение древнерусских переводчиков и редакторов к отбору интересующего их материала подтверждается, между прочим, теми фактами из истории переводов византийских юридических памятников, которые оставлены Ф. Дворником без объяснения. Имеем в виду, в частности, сосуществование в славянских кормчих отрывков из двух памятников византийского права — Эклоги и Прохирона, несмотря на то, что в Византии последний вытеснил Эклогу из официального употребления. При этом если предисловие к Эклоге сохранено в славянском переводе, предисловие к Прохирону в славянских кормчих отсутствует. Видимо, нормы Эклоги, изданной в пору, когда Византия стояла на более низкой ступени общественного развития, могли еще вполне соответствовать нуждам славянских стран, и переводчик или редактор, вместо того чтобы отказаться от Эклоги, отказался от этого предисловия, прямо направленного против Эклоги и называющего ее „разрушением добрых законов, каковое для государства бесполезно и неудобно и сохранять"[5].

После анализа юридических памятников Ф. Дворник останавливается на идеях, содержащихся в Стословце, Изборниках и Хронике Георгия Амартола. Если рассмотрение сочинения Амартола среди византийских памятников вполне закономерно, то включение сюда же Стословца и Изборников Святослава не является обоснованным. Исследованием Изборника 1076 г. специально занимался советский ученый Н. П. Попов, и если ему не удалось доказать принадлежность Изборника перу Илариона, то русское, по крайней мере славянское, происхождение основной части статей этого сборника он безусловно доказал[6]. Продолживший исследование Н. П. Попова И. У. Будовниц закономерно видит в идейном составе Изборника ответ на внутриполитическую обстановку, сложившуюся на Руси. Цель создания Изборника 1076 г. — это всестороннее обоснование теории общественного примирения, столь необходимой для господствующего класса феодалов во время крайнего обострения классовых противоречий в Древнерусском

---

[2] Устюжская кормчая хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в собрании гр. Н. П. Румянцева под № 230, Ефремовская кормчая — в Государственном Историческом музее в Москве в составе Синодального собрания под № 227. В работе Ф. Дворника Синодальная кормчая № 227 случайно названа Устюжской (стр. 80—81).

[3] В. Сокольский. О характере и значении Эпанагоги. — ВВ, I, 1894, стр. 35.

[4] В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, стр. 58.

[5] М. Бенеманский. Закон градский. М., 1917, стр. 459.

[6] N. P. Popov. L'Izbornik de 1076 dit de Svjatoslav, comme monument littéraire. — „Revue des études slaves", 1934, t. XIV, p. 17—24; idem. Les auteurs de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076. — Ibid., t. XV, 1935, p. 210 sq.; его же. Памятники литературы стригольников. — Исторические записки, № 9, 1940, стр. 38—39.

государстве в 70-х годах XI в.[7] В свете этих исследований представляется весьма натянутым рассмотрение Изборника 1076 г. и входящего в его состав Стословца среди византийских источников.

Изучение господствующей идеологии классового общества неизменно ведет объективного исследователя к уяснению сущности той идеологии, как отражения интересов господствующего класса. Обожествление власти князя служило лучшим освящением возглавляемого этим князем феодального порядка, и выступления против этого порядка или его носителей должны были в понимании древнерусских писателей караться богом в лице князя или его людей. Естественно в этих условиях то изображение личности и характера князя, которое дают современные им или последующие летописцы[8]. В феодальном обществе церковь как правая рука князя, владевшая словом и книгой, играла большую роль в поддержании и усилении существующего строя, используя для этого философию, проверенную не одним тысячелетием. Рассматривать вопрос о влиянии идеологии одной страны на идеологию другой, не учитывая классовый смысл этой идеологии, — это значит следить за поверхностью явлений, не вдаваясь в их сущность. Нужно ли говорить, что работа Дворника страдает этим недостатком?

Отдельно рассматривает Ф. Дворник вопрос об отношениях, сложившихся между Константинополем как средоточием авторитета императора и патриарха и Киевом как митрополией константинопольского патриархата. Касаясь некоторых работ, стремящихся доказать политическую зависимость Киевского государства от Византии[9], Ф. Дворник справедливо отмечает, что „подчинение киевских князей высшему авторитету императора не может быть сравнено с отношением вассалов и сеньоров, как иногда изображается историками, незнакомыми с византийской политической системой. Киевские князья никогда не были вассалами императора. Они рассматривали последнего главным образом как высшую власть на земле, которой все христиане должны подчиняться по вопросам, касающимся христианского общества (Commonwealth)“ (стр. 95—96). Тут же автор останавливается и на вопросе о борьбе за самостоятельность русской церкви, проявившейся особенно отчетливо в поставлении митрополитом Илариона в первой половине XI в. Ф. Дворник считает, что „вопреки общему мнению, назначение некоторых киевских митрополитов самими великими князьями не указывает еще, что киевские правители иногда восставали против этого вмешательства патриархов и императоров в религиозную жизнь их страны“ (стр. 95). „Есть ряд указаний, — продолжает Ф. Дворник, — что в этом мог быть достигнут компромисс между Киевом и Константинополем и что митрополиты выбирались поочередно патриархами и императорами, которые обычно посылали в Киев греческого прелата, и великими князьями, которые обычно выбирали местного священника“ (там же). Можно согласиться с автором, что „если это предположение будет полностью обосновано, окажется, что в Константинополе должно было происходить только утверждение нового митрополита“ (там же). Однако известные нам источники не показывают такой очередности.

К концу рассматриваемого периода, к рубежу XII—XIII вв., относится перевод Пчелы, в котором Ф. Дворник также обращает внимание на ряд определений царя, в том числе из трактата дьякона Агапета о царской власти (стр 109). Основываясь на знакомстве автора описания убийства Андрея Боголюбского (1175 г.) с идеями Агапета, отраженными в Пчеле, Ф. Дворник предлагает датировать перевод Пчелы не концом XII в., а временем до 1175 г., что заслуживает внимания и дополнительного исследования.

Из произведений, созданных на Руси в XI—XII вв., внимание Ф. Дворника привлекают „Начальная русская летопись“, церковный устав Владимира, сочинения Илариона, Луки Жидяты, митрополита Никифора, Владимира Мономаха. Вслед за русскими историками церкви Ф. Дворник признает, что, хотя правила Устава Владимира основаны на византийском церковном законодательстве, некоторые положения отличают устав от норм, известных в Византии: расширение церковной юрисдикции, своеобразный порядок разрешения споров, затрагивающих и духовную и светскую стороны, наконец, введение десятины. Пытаясь найти объяснение двум первым явлениям, Ф. Дворник, следуя общим своим установкам, ищет их за пределами Руси и ссылается на некоторые более или менее близкие нормы среди толкований к Кодексу Юстиниана или объясняет их упрощением византийских норм. Но тем самым он признает — вольно или невольно — возможность для русских законодателей выбрать те нормы, которые больше соответствовали местным условиям.

Еще менее удачной является попытка автора рецензируемой работы рассматривать в качестве источника знакомства русских с десятиной пошлину, которую, как свидетельствует Ибн Хордадбех, брал хазарский хакан с русских купцов. Перед нами совершенно разные явления: пошлина, которую в средние века обычно платили купцы за проезд через территорию, лежавшую на их пути, и отчисление княжеских доходов на содержание защищающей эти доходы церкви[10].

Подвергая рассмотрению сочинения русских церковных писателей XI—XII вв. с точки зрения отражения византийских политических идей, Ф. Дворник нигде не прослеживает связи идейного содержания этих сочинений с конкретными условиями, породившими их. Очень характерным, в частности, является отношение автора к сочинениям Илариона. Так, говоря об источниках этих сочинений, он в первую очередь указывает притчу о восьми блаженствах. Вместе с тем, разбирая вопрос о влиянии Илариона на писателей своего и последующего времени — Климента Смолятича, митрополита Даниила (которого, кстати сказать, Дворник считает писателем того же периода, что Иларион и Климент), русскую и украинскую житийную литературу вплоть до XVII в., Ф. Дворник особо подчеркивает, что „Иларион более, чем какой-либо другой русский автор, ответствен за то, что византийские идеи о гармоническом отношении между церковью и государством и о праве князя

[7] И. У. Будовниц. „Изборник“ Святослава 1076 года и „Получение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, X, 1954, стр. 44—59.

[8] Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописях XII—XIII веков. — ТОДРЛ, X, 1957, стр. 7—43; Б. А. Романов. Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, стр. 144 сл.

[9] A. A. Vasiliev. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — „Speculum“, VII, 1932, p. 350 sq.; N. K. Chadwick. The Beginnings of Russian History. Cambridge, 1946, p. 71 sq. См. разбор последней работы: М. Н. Тихомиров. Откровения Чадвик о начале русской истории. — ВИ, 1948, № 4, стр. 112—115.

[10] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 109—111; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2, М., 1956, стр. 171. Заметим, кстати, что Ибн Хордадбех сообщает, что такую же пошлину брал с русских купцов не только владетель хазар, но и царь Рума (De Goeje. Bibliotheca geographicorum arabicorum, t. VI. Leiden, 1889, p. 154). Исчерпывающий обзор свидетельств о десятине в Византии и связанных с ней странах Европы дан в опубликованной недавно статье Г. Ф. Шмида (H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen. — „Jahrbuch der Österreichischer Byzantinischen Gesellschaft“, VI, 1957, S. 45—110).

заботиться о целости и чистоте церкви стали путеводной звездой для политической и религиозной эволюции на много веков" (стр. 106).

Используя работу И. Шевченко о Повести о Варлааме и Иосафе[11], Дворник говорит о знакомстве Кирилла Туровского с этой повестью, судя по включенному им в послание Василию, игумену Печерского монастыря, отрывку из повести, попавшему в нее в свою очередь из трактата Агапета. Эта повесть была переведена на Руси уже в XI в., а в отдельных частях в болгарском переводе была известна и ранее. Однако, если признать это заимствование, следует отметить, что Кирилл значительно изменил текст повести и Агапета, перенеся образную характеристику с короля („*И правда была достигнута им* [царем], который был украшен венком мудрости и облачен в пурпурное платье справедливости" — по переводу у Ф. Дворника, стр. 108) на монахов („Но суть целомудрием оболчени и правдою поясани, смирением украшени"[12]) и тем самым лишил его того смысла, который важен для нашего автора в его аргументации.

Неоправданно большую роль в развитии русской политической мысли XII в. отводит Ф. Дворник киевскому митрополиту, греку Никифору, автору посланий к Владимиру Мономаху. Дело доходит до того, что он считает деятельность Владимира плодом проповедей Никифора (стр. 112). Нужно ли доказывать, что только совершенно отвлекаясь от внутренних условий феодальной Руси начала XII в. и слепо следуя за проникнутыми средневековым христианским мышлением источниками, можно видеть в деятельности Владимира Мономаха продукт византийского влияния и олицетворение христианской идеи благоверного правителя. Объединение удельных князей и восстановление единого государства было необходимо для защиты русских земель от разграбления половцами. Владимир Мономах, задолго до того как стал киевским князем как выдающийся государственный деятель правильно понял политическую задачу, стоявшую перед русскими князьями, и, обладая организаторским талантом, сумел задержать процесс дробления „Русской земли", который являлся выражением в государственном строе глубоко зашедшей феодализации Руси[13].

Говоря обо всем этом, мы отнюдь не собираемся отрицать того, что можно проследить связь между посланием Никифора и деятельностью Мономаха, например, в Уставе Владимира Мономаха, который был ответом на крупное городское восстание в Киеве в 1113 г. Необходимо только помнить, что призывы митрополита, жившего в Киеве, к князю сами были ответом господствующих классов города на эти события[14].

Неоднократно и в разной связи возвращается автор к вопросу о роли церкви как носительницы византийских идей в истории Руси. Он признает, что греческое духовенство должно было приспособляться

[11] I. Ševčenco. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology. — „Harvard Slavic Studies", 2, 1954, p. 148—150.

[12] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, XII, стр. 351.

[13] См. советские работы: А. С. Орлов. Владимир Мономах. М. — Л., 1946; И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина. — Исторические записки, № 22, 1947, стр. 42—100; его же. „Изборник" Святослава 1076 года и „Поучение" Владимира Мономаха. . ., стр. 44—59.

[14] См. Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1949, стр. 196—197, 496—498; М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской правде. М. — Л., 1941, стр. 206—211; его же. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 130—148; В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 172—175; Очерки истории СССР. . ., ч. I. М., 1953, стр. 190—193.

к местным условиям, но оно, подчеркивает Дворник, всегда отстаивало и проводило византийскую идеологию. Так, столкнувшись на Руси с таким государственным строем, когда власть над территорией государства была поделена среди сыновей Ярослава при номинальном главенстве киевского князя, „греческие священники и их местные ученики" поддерживали и единство русской земли, и единство русской церкви будто бы только потому, что духовенство было носителем „византийских политических принципов". Дальнейшее дробление древнерусского государства в XII—XIII вв. показало ту подчиненную по сравнению с социально-экономическими условиями роль, которую могли играть прежние идеи, хотя бы и освященные византийским авторитетом. Что касается заинтересованности церкви в единстве русских земель, объясняемой Ф. Дворником идейными побуждениями духовенства, то и эта заинтересованность не может быть выведена лишь из желания воплотить те или иные идеи. Подчинение всей русской церкви одному киевскому митрополиту, сохранение владений церкви от разграбления половцами, регулярное и полное поступление доходов требовали такого единства.

В работе Ф. Дворника, целиком посвященной вопросу о значении византийских политических идей в истории политической мысли древнерусского государства, осталось невыясненным, к сожалению, что же из богатейшего византийского наследства оказалось негодным в новых условиях, какие византийские идеи, не найдя для себя почвы в общественном и государственном строе Руси X—XII вв., не были „перенесены" и „воплощены" в этой стране. Автор, например, только мимоходом упоминает о том, что на Руси порядок поставления епископов не совпадал с византийским. Он противоречил часто византийским каноническим правилам. Русские князья считали себя полномочными избирать кандидатов в епископы и смещать их[15]. Интересно отметить для выяснения политической идеологии домонгольского времени, что летописцы, эти идеологи феодального общества, из плена идей которых нелегко бывает выбраться и современному исследователю, не только не порицают князей за присвоение этой власти, но в некоторых случаях и прямо одобряют. Многочисленные жалобы в литературных памятниках на поставления „на мзде" свидетельствуют о большом распространении симонии, осуждаемой византийскими канонами[16].

Рассмотрению в этом плане мог бы быть подвергнут, например, и вопрос о различии в понимании в византийской политической и юридической литературе и на Руси порядка престолонаследия. В Византии, как известно, в силу определенных исторических условий возникла и бытовала идея о праве императора, пришедшего к власти в результате соправления, как божественном праве[17]. Эта идея благодаря защите ее в Житии Константина Философа была известна на Руси[18], но не получила развития и практического воплощения.

Другим вопросом, без изучения которого нельзя обойтись при рассмотрении поднятой Ф. Дворником проблемы, является вопрос об отражении идеи о характере княжеской власти и взаимоотношении верховной светской и духовной власти в политической мысли Новгорода, прослеживаемой по древнейшим новгородским летописным сводам.

Наконец, существенным недостатком рецензируемой работы яв-

[15] Например, в 1156 г. в Ростове или в 1168 г. в Чернигове.

[16] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, стр. 179.

[17] N. G. Svoronos. Le serment de fidélité à l'empereur Byzantin et sa signification constitutionnelle. — REB, t. IX, 1952, p. 117.

[18] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 13.

ляется то, что автор, занимаясь историей политической мысли на Руси X—XII вв. (с экскурсами в XIII—XVI вв.), не видит развития этой мысли и даже не ставит своей задачей исследовать ее развитие. Он видит только более или менее полное и удачное воплощение готовой, заимствованной идеи, доверчиво следуя за построениями средневековых христианских идеологов.

В результате можно сказать, что Ф. Дворнику не удалось правильно показать ни настоящую историю идеи княжеской власти на Руси, ни подлинное значение византийских политических идей в истории русской политической мысли. Эта тема еще ждет своего исследования.

После работ советских историков, археологов, литературоведов, искусствоведов, посвященных изучению конкретных вопросов взаимоотношения общества и его культуры, работ, являющихся значительным шагом вперед в мировой историографии, становится все яснее, что каждый исследователь, желающий своему труду быть если не последним словом современной науки, то хотя бы значительным вкладом в нее, должен не только знать все главное, что сделано его коллегами, но и строить свою работу на фундаменте глубоких исследований первопричины всех общественных явлений — социально-экономической жизни общества. Без этого его работа не может служить науке.

Я. Н. Щапов

Обзоры

(Византиноведение за рубежом)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ В НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИИ В 1954—1957 гг.

История Византии всегда привлекала внимание болгарских историков и занимала важное место в их исследованиях. Это вызвано тем обстоятельством, что болгарский народ в течение всего средневековья был соседом Византии и поддерживал с ней тесные экономические, политические и культурные связи. Они начали устанавливаться уже в период расселения славянских племен на Балканском п-ве. После возникновения Болгарского государства, и особенно после принятия Болгарией христианства (865 г.), связи с Византией становятся еще более тесными. В XI—XII вв. болгарские земли были, как известно, непосредственно включены в состав империи. Взаимосвязи между Болгарией и Византией продолжали развиваться и в период Второго Болгарского царства (1185—1396). Естественно, что византийское влияние на общественную и культурную жизнь болгарского народа было весьма велико, но и Болгария в свою очередь оказывала влияние на империю.

Большой интерес болгарских ученых к истории Византии связан и с тем, что сочинения многих византийских авторов являются важными источниками и по нашей отечественной истории.

В период, которому посвящен этот обзор, т. е. в 1954—1957 гг.[1], болгарское византиноведение по-прежнему уделяло значительное внимание исследованию вопросов социально-экономической истории Византии и, в частности, проблеме происхождения, сущности и развития византийского феодализма. Отметим наиболее интересные и важные, на наш

[1] Мы не рассматриваем работ предшествующих лет, так как это сделано уже в подробном обзоре З. В. Удальцовой „Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953)". ВВ, VIII, 1956, стр. 344—366.

взгляд, работы по социально-экономической тематике, расположив их в соответствии с хронологическим порядком.

Из исследований по позднеримскому и ранневизантийскому периодам истории Балканского п-ва следует назвать статьи В. Велкова: „Деревня и город во Фракии IV—V вв."[2], „Некоторые проблемы позднеантичной деревни во Фракии"[3] и „Сведения Фемистия о Фракии"[4]. В первой статье детально рассматривается социальная структура деревни и города позднеримской эпохи, а также характерные для того времени экономические отношения. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в IV в. наблюдается рост числа рабов, и приводит некоторые новые данные относительно развития внутренней и внешней торговли на Балканах. Вторая статья посвящена вопросу о категориях деревенского населения, о характере деревенских поселений на Балканском п-ве и их судьбе во время варварских нашествий. В третьей статье впервые используются некоторые сведения Фемистия, относящиеся к его пребыванию в пограничных районах по Дунаю в 367—369 гг.

В некоторых статьях рассматривается социально-экономическое развитие Византии в XI—XII вв. Это было время, когда в империи уже окончательно сложились феодальные отношения и когда под ее властью находились и болгарские земли, покоренные в 1018 г. в результате долгих войн. Этому периоду посвящено исследование Г. Цанковой „Югозападные земли Болгарии в XI в. по „Стратегикону" Кекавмена"[5]. Автор останавливается прежде всего на вопросе об истории написания „Стратегикона" и о личности Кекавмена. В работе приведены не использованные до настоящего времени данные о налогах на городское население в империи. Автор рассматривает и некоторые вопросы византийского судопроизводства, показывает широкое распространение взяточничества, обращает внимание на особенности денежного обращения и констатирует существование ростовщичества. В статье дается подробное описание восстания болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. во главе с Никулицей Дельфином. Это восстание, вызванное вначале причинами чисто экономического характера, стало превращаться в народно-освободительное движение против Византии.

К периоду XI—XII вв. относится и небольшая статья В. Тыпковой „Известия о харистикии в наших землях"[6]. Здесь приводится текст и перевод двух писем Михаила Пселла, содержащих данные об интересном институте, характерном для феодальных отношений в Византии.

Следует упомянуть и не опубликованную еще статью П. Тивчева „О правлении византийского императора Андроника I Комнина". В ней сделана попытка разрешить вопрос о социальной основе власти Андроника. Автор считает, что Андроник Комнин пользовался поддержкой части аристократии. Кандидатская диссертация того же автора, еще не вышедшая из печати, посвящена исследованию аграрных отношений в Византии в XII в. Основываясь на многочисленных источниках, часть которых впервые вводится в научный оборот, автор прослеживает рост и структуру крупного светского и церковного землевладения в указанный период и положение деревенского населения. В работе подробно рассматривается вопрос о формах и характере феодальной ренты, приведены новые сведения о классовой борьбе в Византии XII в.

[2] ИП, XI (1955), кн. 4, стр. 32—55.
[3] ИП, XII (1956), кн. 5, стр. 93—109.
[4] ИБАИ, XIX (Сборник Кацаров, II), 1955, стр. 245—249.
[5] ИИБИ, VI (1956), стр. 589—626.
[6] ИИБИ, V (1954), стр. 385—392.

Внимание болгарских историков привлекают и последние годы существования Византийской империи и завоевание ее османскими турками. В частности, этому вопросу посвящено исследование проф. Ангелова „Некоторые аспекты покорения балканских народов турками“ [7]. Исследование насыщено богатым фактическим материалом, в большей части еще не использованным в научной литературе.

Турецкое завоевание, как показывает автор, явилось причиной упадка хозяйственной у культурной жизни на Балканах. Здесь же рассматривается вопрос об обезлюдении балканских земель и их колонизации турками.

В 1954—1957 гг. опубликовано несколько статей, в которых рассматриваются политический и военный аспекты болгаро-византийских отношений. Такова, например, статья П. Петрова „Отражение болгаро-византийских отношений второй половины XIII в. в поэме Мануила Фила «О военных подвигах знаменитого протостратора» “ [8]. П. Петров анализирует данные поэмы Мануила Фила и, сопоставляя их с известиями Пахимера, вносит уточнения в датировку некоторых событий в болгаро-византийских отношениях середины и второй половины XIII в., в частности в период восстания Ивайла. Здесь же следует упомянуть и статью Л. Йончева „Болгаро-византийские отношения около середины XIV века (1331—1344 г.)“ [9]. Из приведенных автором свидетельств источников видно, что в середине XIV в. Болгария принимала очень активное участие в событиях на Балканском п-ве. Так, при болгарском царе Иване-Александре была сделана попытка использовать гражданскую войну в Византии, чтобы освободить от власти империи некоторые территории. Однако феодальная раздробленность Болгарского государства и тяжелая эксплуатация, которую терпел болгарский народ, помешали укрепить за собой территории, отвоеванные у Византии. Это были, в сущности, последние успехи в расширении границ Болгарии перед турецким завоеванием.

В 1956 г. издана хрестоматия по истории Византии [10], необходимая для подготовки студентов-историков. Хрестоматия содержит переводы византийских источников, относящихся преимущественно к социально-экономической истории империи. Издание осуществлено под общей редакцией проф. Д. Ангелова, переводы выполнены Г. Батаклиевым, Ст. Маслевым и П. Тивчевым.

* * *

Тесные связи, существовавшие в течении всего средневековья между Болгарией и Византией, обусловили то, что и большинство исследований по средневековой истории Болгарии так или иначе касаются и истории Византии. Естественно, что наиболее подробно болгаро-византийские взаимоотношения рассматриваются в обобщающих трудах, охватывающих весь период средневековья. Из таких работ, опубликованных в интересующие нас сейчас годы, прежде всего следует отметить первый том „Истории Болгарии“ [11], написанный нашими известными учеными. Труд этот является большим достижением болгарской исторической науки и представляет собой основу для написания подробной многотомной марксистской истории болгарского народа. В нем с достаточной полнотой дана общая характеристика экономических, политических и культурных связей Болгарии с Византией в VII—XIV вв.

Другой обобщающий труд — „История болгарского государства и права“ [12] проф. Д. Ангелова и проф. М. Андреева. На основе тщательного использования источников здесь с позиций марксистско-ленинской методологии обрисован процесс образования славяно-болгарского государства, его характер и развитие до турецкого завоевания и возникновение и особенности болгарского феодального права. С особым вниманием авторы останавливаются на соотношении права средневековой Болгарии с византийским правом. Они показывают, какие юридические памятники были заимствованы Болгарией у Византии, почему стало возможным это заимствование и как и в чем были изменены нормы византийского права в процессе их применения в болгарских землях.

Как и в предшествующие годы, много внимания было уделено проблеме возникновения болгарского государства и вопросу об отношениях между протоболгарами Аспаруха и славянами. Этой теме посвящена статья М. Войнова „О первой встрече болгар Аспаруха со славянами и о дате основания болгарского государства“ [13]. Автор останавливается прежде всего на вопросе об отношениях между северянами и „семью племенами“ и на том, как следует понимать выражение ὑπὸ πάκτων ὄντας. Сопоставляя данные, приводимые Феофаном и патриархом Никифором, М. Войнов приходит к выводу, что северяне были частью союза или группы племен, известных византийцам под именем ἑπτὰ γενεάς (семь племен). Перед этим славяне были федератами Византии. Протоболгары подчинили себе этих византийских федератов, расселили их и использовали в тех же целях, в которых использовала их Византия. Датой основания болгарского государства он считает 681 год.

С этим же периодом нашей истории связана и статья В. Тыпковой-Заимовой „Древнее болгарское поселение и вопрос об аулах“ [14]. Автор поставила себе цель ответить на вопрос, принесли ли протоболгары Аспаруха свой характерный тип поселения, свои виды селищ и сохранились ли от этих поселений какие-либо следы. Она приходит к выводу, что первые поселения болгар представляли собой лишь временные лагери, огражденные деревянными укреплениями. С развитием феодальных отношений и сглаживанием этнических различий между славянами и протоболгарами аулы, как чисто болгарские поселения, перестали существовать — они превратились в деревни со смешанным и уже оседлым населением.

Исключительно важный и интересный вопрос об отсутствии у славян рабовладельческого строя рассмотрен в работе Й. Митева „Причины, по которым болгарский народ миновал в своем развитии стадию рабовладения“ [15]. По мнению автора, таких причин было четыре: 1) Южные славяне еще сохраняли варварские традиции и были врагами рабства. 2) Южные славяне заимствовали у Византии усовершенствованные в течение тысячелетнего периода рабовладения орудия производства и этим двинули далеко вперед развитие производительных сил. 3) Славяне были союзниками рабов в их освободительной борьбе. 4) К моменту поселения славян на Балканском п-ве рабство находилось здесь уже в упадке. Автор отмечает одновременно, что хотя болгарский народ и

[7] BS, XVII, 2 (1956), p. 220—275.
[8] ИИБИ, VI (1956), стр. 545—572.
[9] ИП, XII (1956), кн. 3, стр. 63—74.
[10] „Подбрани извори за историята на Византия“, София, 1956, 361 стр.
[11] История Болгарии. София, 1954, изд. БАН. Раздел о средневековье написан Д. Ангеловым и А. Бурмовым.
[12] София, 1955, 217 стр.
[13] ИИБИ, VI (1956), стр. 453—476.
[14] ИИБИ, VI (1956), стр. 439—450.
[15] „Исторически студии“, София, 1955, стр. 234—310.

миновал рабовладельческий период как особую стадию своего развития, рабство встречалось в средневековой Болгарии, и во время византийского и особенно турецкого господства, получило даже довольно значительное распространение.

Важным событием в истории болгарского народа было принятие христианства. Связанное с этим событием создание славянской письменности дало возможность болгарскому народу усвоить достижения тогдашней культуры и одновременно развивать свою самобытную культуру. С провозглашением христианства государственной религией в 865 г. вырос международный авторитет болгарского государства. Болгария стала центром высокой славянской культуры, оказавшей значительное влияние и на другие славянские народы. Но пока еще далеко не все вопросы, связанные с проблемой христианизации болгарского государства, могут считаться достаточно выясненными. Вызывает спор даже время распространения христианства в Болгарии. Так, в 1954 г. на страницах журнала „Исторически преглед" были помещены две статьи дискуссионного характера по вопросу о том, можно ли считать датой принятия христианства 865 год или оно получило распространение у славян уже в предшествующий период. Первая точка зрения базируется главным образом на том положении, что христианизация страны была вызвана необходимостью укрепить уже сложившиеся феодальные отношения и содействовать их дальнейшему развитию. Она была поддержана проф. Ал. Бурмовым в статье „Против буржуазно-идеалистической постановки вопроса об утверждении христианства в Болгарии в IX в." [16]. Утверждение христианства, показывает автор, было результатом всего общественно-экономического развития болгарского государства в VII—IX вв. Статья проф. Ал. Бурмова была направлена против теории о распространении христианства среди значительной части славян задолго до 865 г. — теории, защищавшейся проф. Е. Георгиевым в его книге „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия" [17]. В своем ответе Ал. Бурмову [„К вопросу о христианизации средневековой Болгарии (против догматизма и схематизма в нашей исторической науке")] [18] Е. Георгиев отстаивает свою прежнюю точку зрения. Вопросу о крещении славян посвящена и статья акад. Ив. Снегарова „Списки епархий как исторический источник по христианизации балканских славян" [19]. Автор считает, что списки епархий — ввиду отсутствия точных хронологических данных об их издании, а также ввиду их неполноты и содержащихся в них ошибок — не могут считаться достоверными историческими источниками при исследовании вопроса о христианизации балканских славян в VIII в.

По социально-экономическому развитию Болгарии в IX и X вв. опубликовано две статьи: Л. Йончева „Некоторые вопросы законодательства Крума" [20] и Стр. Лишева „Некоторые данные о феодальных отношениях в Болгарии в X в." [21]

Автор первой статьи, анализируя законодательство Крума — прежде всего распоряжения о ворах и нищих, конкретизирует наши представления о классовом расслоении в Болгарии начала IX в. Проводя аналогии со сходными моментами в истории Франкского государства, Л. Йончев истолковывает эти статьи законодательства Крума как попытку центральной власти создать военное сословие.

[16] ИП, X (1954), кн. 2, стр. 36—52.
[17] София, 1952.
[18] ИП, X (1954), кн. 5, стр. 82—104.
[19] ИИБИ, VI (1956), стр. 647—654.
[20] Там же, стр. 631—644.
[21] Там же, стр. 409—436.

Во второй статье Стр. Лишев показывает, что бо́льшая часть сельского населения в Болгарии X в. уже потеряла свои земли и самостоятельность и попала в зависимость от крупных светских и церковных феодалов. Множество феодалов получило в то время частичный административный, судебный и финансовый иммунитет. Центральная власть помогала феодальной аристократии держать в повиновении эксплуатируемые массы.

Однако и сама центральная власть была уже значительно ограничена знатью, которая стремилась к политической независимости.

Стр. Лишев опубликовал также и монографию „О товарном производстве в феодальной Болгарии" [22]. В своем труде автор пытается проследить основные этапы развития хозяйства, и особенно товарного производства, в средневековой Болгарии. Он считает, что в первый период ее истории — от основания государства до X в. — товарного производства в Болгарии не существовало. В X в. в результате развития производительных сил и усиления феодальной эксплуатации болгарская феодальная аристократия вступила в оживленные торговые сношения с Византией. Эта торговля, по мнению автора, подготовила почву для возникновения товарно-денежных отношений в болгарском натуральном хозяйстве. В XI—XII вв., во время византийского господства, товарно-денежные отношения в болгарских землях получили дальнейшее развитие. В период полного расцвета болгарского феодализма (XIII—XV вв.) главным определяющим звеном производства было уже, утверждает Стр. Лишев, не частное хозяйство крестьянина или ремесленника, а феодальное поместье. Феодалы сами вели торговлю излишками производства, так как они имели собственные рынки в городах и селах. Это было причиной того, что не появилось сколько-нибудь влиятельного местного болгарского торгового сословия. Феодальная эксплуатация и присвоение феодалами монопольного права на рыночную торговлю лишали болгарских крестьян и ремесленников XIII—XIV вв. возможности стать постоянными товаропроизводителями. Господство феодального поместья, феодальные повинности и ограничения помешали развитию товарно-денежных отношений. Болгарская экономика, заключает автор, обслуживала преимущественно иностранное товарное производство.

Важным вкладом в исследование социально-экономических отношений в Македонии XIV в. являются три статьи [23] проф. Д. Ангелова: „Рост и структура крупного монастырского землевладения в Северной и Средней Македонии в XIV в." [24], „Зависимое население в Македонии в XIV в." [25] и „Крупное монастырское хозяйство в Северной и Средней Македонии в XIV в." [26]. На основе богатого, в значительной части еще не использованного материала источников автор дал яркую картину роста крупной монастырской феодальной собственности, показал структуру крупного феодального поместья и различные категории зависимого населения, а также развитие феодальной ренты в ее различных формах. Подробно рассмотрен и вопрос о характере феодальной собственности на землю. Много внимания уделил автор вопросу об иммунитете. Д. Ангелов связывает особенности иммунитета в Македонии с конкретной исторической обстановкой, именно с угрозой

[22] София, 1957, 135 стр.
[23] Они представляют собой сокращенные части недавно опубликованной монографии „Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в.". София, 1958 г.
[24] ВВ, XI, 1956, стр. 135—162.
[25] ИП, XIII (1957), стр. 30—66.
[26] „Гласник на Института за национална историја", год. I, бр. 2, Скопље, 1957.

турецкого завоевания. Впервые столь детально исследован вопрос об аппарате управления, которым пользовались монастыри при осуществлении своих иммунитетных прав, т. е. при осуществлении внеэкономического принуждения. При изучении отработочной, натуральной и денежной ренты проводятся сравнения с соответствующими формами феодальной ренты в Византии, Болгарии и Сербии. Таким образом, статьи дают материал не только для изучения феодальных отношений в Македонских землях, но в известной степени и для социально-экономической истории других частей Балканского п-ва.

С большим интересом относятся болгарские историки к борьбе болгарского народа против чужеземцев и против собственных угнетателей.

После нескольких неудачных попыток свергнуть византийское иго усилия болгар во главе с братьями Асенем и Петром в 1185 г. увенчались успехом. В статье „Восстание 1185 г. и его хронология“ [27] проф. Ив. Дуйчев на основе тщательного анализа источников и использования некоторых новых материалов дал точную хронологию событий начального периода восстания (конец 1185 и первая половина 1186 г.). Автор справедливо подчеркивает, что хронология событий болгарского освободительного движения может быть выяснена лишь в связи с хронологией событий, происходивших тогда в самой Византийской империи. Поэтому в статье содержится много материала и о внутреннем и внешнем положении Византийской империи при последних Комнинах и Исааке II Ангеле — накануне восстания.

Несколько работ посвящено восстанию Ивайла (1277—1280). Как известно, это было самое крупное крестьянское антифеодальное восстание в средневековой Болгарии. В продолжение трех лет болгарский народ с исключительным героизмом боролся против своих угнетателей-феодалов и против чужеземных нашествий татар и византийцев.

О восстании Ивайла имеется исторический очерк проф. Д. Ангелова „Ивайло“ [28]. На материале источников здесь последовательно рассматриваются: положение болгарского народа в XIII в., причины восстания, его развитие и причины поражения крестьян. Автор подчеркивает героизм крестьянских масс во главе с легендарным вождем Ивайло. Личность Ивайла и его дела оставили глубокие следы в сознании народа.

Восстанию Ивайла посвящена и кандидатская диссертация П. Петрова, значительная часть которой опубликована в „Ежегоднике“ Софийского университета [29]. В работе обстоятельно говорится о росте феодальной собственности, о крупных феодалах, дается в целом правильная общая характеристика феодальных отношений в Болгарии XIII в. П. Петров приходит к выводу, что удар, нанесенный восстанием господствующему классу феодалов, был столь сильным, что хотя феодалы и остались победителями, они были вынуждены для сохранения своего господства изменить прежние методы и средства управления. На основе этого исследования П. Петров опубликовал популярно и живо написанный очерк истории восстания 1277—1280 гг. [30]

Из других работ, связанных с народными движениями в средневековой Болгарии, следует отметить две статьи Б. Примова, посвященные богомильству: „Название болгарского народа в Западной Европе в связи с богомилами“ [31] и „Отношение богомилов и их западных последователей к труду, частной собственности и государству“ [32]. В первой статье прослеживается употребление названия „болгары“, ставшего на Западе нарицательным для обозначения еретиков. Автор полагает, что существовали связи не только между богомилами и катарами, как было принято считать до настоящего времени, но и между западными еретиками и павликианами. Во второй статье Б. Примов пытается разрешить вопрос об отношении богомилов к труду, частной собственности и государству, что очень важно для правильной характеристики общественно-политической сущности богомильского движения и выяснения сложного социального состава богомилов.

Необходимо отметить, что болгарские ученые проявляют значительную активность и в области источниковедения. Институт болгарской истории при Болгарской Академии наук готовит полное издание текстов византийских и латинских авторов, относящихся к истории болгарских земель и болгарского народа в период средних веков. В этой работе участвуют многие сотрудники Института: Ал. Бурмов, Ив. Дуйчев, В. Бешевлиев, Стр. Лишев, Г. Цанкова, М. Войнов, В. Тыпкова, Б. Примов, Л. Йончев, П. Тивчев и др. До настоящего времени вышел один том греческих источников [33], охватывающий период от III в. до середины VI в. Находятся в печати второй (VI—VII вв.) и третий (VII—IX вв.) тома греческих источников. Вышел в свет также первый том латинских источников (III—VI вв.) [34] и готовится к печати второй том (VI—XI вв.). Источники издаются с греческим (соответственно — с латинским) текстом, с болгарским переводом и кратким научным комментарием.

Следует упомянуть и сборник „Естествознание в средневековой Болгарии“ [35]. Здесь собраны древнеболгарские источники естественно-научного содержания с IX до XIV в. Сборнику предпослано подробное введение акад. Цв. Кристанова, а публикация источников сопровождается вводными и объяснительными замечаниями, написанными проф. Ив. Дуйчевым.

В заключение следует сказать, что настоящий обзор не является полным и не отражает всей научно-исследовательской деятельности по изучению болгарской и византийской истории. Здесь дана лишь краткая информация о наиболее важных трудах преимущественно по вопросам социально-экономической истории Византии и Болгарии. Не вошли сюда некоторые более мелкие работы по болгаро-византийским политическим и военным отношениям, исследования по отдельным византийским и болгарским источникам или памятникам культуры.

Но даже и этот перечень работ свидетельствует о том, что в течение короткого периода болгарские историки сделали значительный вклад в разработку и выяснение многих основных проблем византийского и болгарского феодализма. Успехи эти — результат усвоения и творческого применения болгарскими историками метода исторического материализма.

П. Тивчев

---

[27] ИИБИ, VI (1956), стр. 327—356.
[28] София, 1954, 70 стр.
[29] ГСУ, фил. фак-тет, т. 49, кн. 1, 1955, стр. 175—255.
[30] „Въстанието на Ивайло“, София, 1956, 68 стр.
[31] ИИБИ, VI (1956), стр. 359—403.
[32] ИП, XII (1956), кн. 1, стр. 36—59.
[33] Гръцки извори за българската история, т. 1. София, 1954, 238 стр.
[34] Латински извори за българската история, т. 1. София, 1958.
[35] Естествознанието в Средневековна България. — „Сборник от исторически извори“. София, 1954, 626 стр.

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1948—1958)

В годы народной власти археологическая деятельность в Румынской Народной Республике приобрела широкий размах. Начались новые археологические раскопки, а там, где таковые производились раньше, они были расширены и развиваются в гораздо более благоприятных условиях, проводятся более организованно и планомерно.

Византиноведов особенно интересуют исследования двух археологических объектов, а именно: раскопки, производимые в местности Гарвэн, на развалинах бывшей римской крепости Диногеция, в северо-западном районе Добруджи и раскопки Истрии, древней милетской колонии, которая продолжала существовать в римско-византийский период.

Результаты археологических раскопок описаны в годичных докладах, которые до 1955 г. печатались в журнале „Исследования по древней истории", издаваемом Национальным Музеем древностей, а с 1955 г. они печатаются в сборниках „Археологические материалы и исследования", издаваемых Институтом археологии Академии наук РНР. Началось также издание обширной археологической монографии об Истрии. Первый том этого труда уже вышел из печати[1]. Об Истрии же римско-византийского периода имеется также исследование обобщающего характера академика Ем. Кондураки[2]. Другой монографический труд посвящен Диногеции.

Несмотря на то, что археологические исследования в двух упомянутых районах еще продолжаются, все же в отношении византийского периода уже можно подвести интересные итоги. Так, например, в Диногеции были раскопаны относящиеся к концу III в. или же к началу IV в. остатки римской крепости, в которой были расположены части I легиона Иовия[3]. Пребывание здесь этих частей было установлено благодаря оттискам печатей легиона, сохранившимся на кирпичах, использованных при постройке стен крепости. Византийские монеты, найденные при раскопках, свидетельствуют, что крепость существовала вплоть до VII в. Здесь были найдены следы крупных построек IV в., связанных с военным характером поселения, а также остатки базилики, которая была восстановлена в конце V или же в начале VI в., при Анастасии. В конце V в. были восстановлены также и стены крепости. На одном кирпиче сохранилось имя императора Анастасия.

Следы большого пожара, который уничтожил значительную часть крепости в начале VII в., заставляют нас высказать предположение о ее трагической гибели. Это связано с событиями 602 г. на дунайской границе Византии. Войска, сражавшиеся против аваров, восстали и двинулись к столице. Граница осталась открытой, и это дало возможность аварам проникнуть далеко в глубь Балканского полуострова. Годы анархии во время правления Фоки, войны с персами, продолжавшиеся и при Ираклии, нашествие арабов, все эти обстоятельства сделали невозможным вторичное завоевание Добруджи византийцами. Диногеция была завоевана и разорена аварами, а вся окружающая территория была заселена славянами. О массовом славянском заселении свидетельствует большое количество славянской керамики, найденной в данном районе.

Как восстановление фортификаций Диногеции в конце V в., так и работы по укреплению Истрии, произведенные в то же время, говорят о том, что Византия придавала особое значение обороне провинции Малой Скифии (Scythia Minor). Этим объясняется и тот факт, что проникновение болгар и антов в пределы империи произошло не через Добруджу, а западнее, выше по течению Дуная[4], хотя кратчайшая дорога из их земель в империю пролегала именно через Добруджу. Кроме того, становятся понятными и военные успехи Виталиана (командовавшего здесь войсками и поднявшего в 514—515 г. мятеж), который располагал значительными силами, именно благодаря особой заботе империи о том, чтобы этот участок ее границ был бы хорошо укреплен и охраняем достаточным количеством войск. Весьма возможно, что многие из военных сооружений, которые Прокопий приписывает в своем панегирике „De aedificiis" Юстиниану, были воздвигнуты еще во время правления Анастасия.

Во время раскопок здесь были найдены весы с надписью, упоминающей имя префекта Геронтия[5]. Стеклянная гиря с такой же надписью была найдена за несколько лет до этого на месте бывшей крепости Сучидавы[6]. Этот Геронтий был префектом Константинополя около 559—561 гг. Следовательно, и в VI в. меры и гири должны были апробироваться от имени константинопольского префекта, как это для более позднего времени предусмотрено в „Книге Эпарха". Поскольку весы и гиря с именем префекта Геронтия были найдены на окраине империи, мы можем заключить, что правомочия константинопольского префекта в этом отношении распространялись далеко за пределы столицы.

Археологические исследования не могли установить существования следов человеческого обитания в Диногеции на протяжении VII—X вв. В X в. здесь возобновляется жизнь и появляется многочисленное население. Оно использует стены древней крепости в целях обороны. Однако в это время поселение носит чисто гражданский характер. Оживляется экономическая деятельность. Были обнаружены, например, металлургические и гончарные мастерские[7] и специальные устройства для соления рыбы на экспорт[8].

Значительное количество византийских монет, начиная от времен правления Иоанна Цимисхия до Алексея Комнина, разнообразие остатков материальной культуры как древнерусского, так и византийского и восточного происхождения свидетельствуют о степени экономического развития этой области. Ее экономическое благосостояние, ее связи с отдаленными областями в значительной мере были обусловлены развитием Киевского государства и тем значением, которое начинает приобретать Добруджа, лежавшая на торговом пути между Русью и

[1] Histria. Monografie arheologică, I. Bucureşti, 1954.

[2] E. Condurachi. Histria romano-bizantină în lumina ultimelor săpături. — „Monumente şi Muzee", I (1958), p. 21—39; Histria à l'époque du Bas Empire d'après les dernières fouilles archéologiques. Dacia I. 1957 p. 245—263.

[3] Gh. Ştefan. La legio I Iovia et la défense de la frontière danubienne au IVe sèilce de notre ère. — „Nouvelles études d'histoire". Bucarest, 1955, p. 161—167.

[4] В 517 г., например, анты достигли Македонии и Фессалии, но Мезия осталась невредимой.

[5] G. Ştefan. O balanţă romană din secolul al VI-lea e. n. descoperită în Dobrogea. — „Studii şi cercetări de istorie veche", I (1950) 2, p. 156—162.

[6] N. Bănescu. Le général byzantin de Sucidava. — „Académie Roumaine, Bulletin de la Section historique", XXVI (1945), p. 223—224.

[7] I. Barnea. Meşteşugurile în aşezarea feudală de la Garvăn (sec. X—XII). — „Studii şi cercetări de istorie veche", VI (1955), p. 99—121.

[8] St. Constantinescu. Pescuitul în bălţile Dunării în lumina săpăturilor arheologice de la Garvăn (sec. X—XII). — „Studii şi cercetări de istorie veche", VII (1956), 3—4, p. 407—419.

Византией. Таким образом, подтверждается свидетельство древнерусской летописи относительно благосостояния городов Добруджи.

Изучение материалов, найденных в Диногеции этого периода, и их происхождения производилось не только в рамках годовых отчетов, но и в специальных очерках, написанных одним из членов коллектива археологов, работающих на этих раскопках, а именно И. Барня[9].

Это поселение сохранило следы пожара, имевшего место в XI в. Было высказано предположение, что это случилось во время нашествия узов в 1065 г.

Несколько лет тому назад в Диногеции был найден клад, содержащий 106 золотых монет, большинство с изображением Василия II; другой клад, заключающий в себе золотые и серебряные женские украшения и монеты от времени Василия II и до Исаака I Комнина, был обнаружен при раскопках 1954 г. Другие ценные предметы были найдены во время предыдущих раскопок. Все это доказывает, что в Диногеции в XI в. существовал зажиточный слой населения, разбогатевший, надо думать, на торговых операциях.

Все эти клады были зарыты, вероятно, в связи с нашествием узов, опустошивших поселение. После этого нашествия жизнь в поселении возобновилась, но постепенно опять пришла в упадок во время вторжений печенегов и половцев. О пребывании здесь этих степных народов свидетельствуют найденные в Гарвэне принадлежности упряжки, а также легкого оружия, характерного для этих кочевых племен. Вместо жилищ с богатым инвентарем, появляются теперь бедные хижины. Наиболее поздние византийские монеты, найденные здесь в большом количестве, относятся ко времени Алексея Комнина. Эта находка, а равным образом и тот факт, что в верхнем слое была обнаружена в большом количестве керамика славянского происхождения, а также и печать некоего русского архипастыря ποιμενάρχης (по всей вероятности, киевского митрополита Михаила)[10] подтверждают сообщения древней русской летописи о том, что в 1116 г. Владимир Мономах посылает на Дунай войско, которое занимает города, расположенные как на левом, так и на правом берегу. Исчезновение этого поселения следует отнести к XII в., вероятно, вследствие нашествия половцев.

Греческая колония Истрия была расположена к югу от Диногеции, в восточной части Добруджи, недалеко от черноморского побережья. Археологические раскопки, предпринятые в Истрии, показали, что в IV в. и приблизительно до конца VI в. город переживал эпоху непрерывного роста своего экономического благосостояния. Он значительно расширился, в его северо-западной части появился новый квартал, население возросло, древние стены были реставрированы и, кроме того, воздвигнуты еще новые. В V и VI вв. в городе были построены две новых базилики крупных размеров, улицы и площади были замощены и сооружено много монументальных зданий. В особенности обращают на себя внимание остатки одного крупного здания, обнаруженного при раскопках 1954 г. Это здание вероятно представляло собой базилику с многочисленными пристройками или же жилище одного из представителей господствующего класса, при котором находилась и базилика. Экономической базой города в IV—V вв. было земледелие. Даже в черте города значительные пространства предназначались для земледелия, что вполне объяснимо, ввиду того что город часто подвергался осаде со стороны кочевых народов. Торговля постепенно приходит в упадок вследствие близости Истрии к византийским границам и соседства с кочевыми, экономически отсталыми народами, находящимися в постоянном конфликте с империей. Монументальные гражданские сооружения свидетельствуют о том, что в Истрии было много крупных землевладельцев, которые пользовались большими доходами даже в новых политических условиях, эксплуатируя крестьянское население в городской округе. В городе было развито ремесленное производство; обнаружены следы разных мастерских VI в. по обработке металлов.

В Истрии ранневизантийского периода были найдены многочисленные монеты времен Юстиниана и Юстина II; однако были найдены и монеты времен Фоки. Вероятно, власть Византии распространялась на Добруджу еще в течение нескольких лет после возмущения войск, расположенных на Дунае, в 602 г. Нам это представляется правдоподобным. Вспомним, что основные районы, из которых авары нападали на империю, находились вблизи Виминация (Браничева); византийские войска, которые сражались там против аваров, восстали и направились к Константинополю. Границы остались незащищенными, и это позволило аварам вторгнуться на Балканский полуостров. Гарнизоны, расположенные в северо-восточной части полуострова, вынуждены были или самостоятельно отражать нападения аваров, а затем и славян, или же, оставшись совершенно изолированными, покинуть эти города. Население, брошенное на произвол судьбы византийскими властями, пыталось защищаться собственными скромными средствами. В Истрии, в частности, оно соорудило три земляных вала и покинуло те части города, которые невозможно было оборонять. Конец существования города надо отнести к VII в. С ним связан, видимо, тот грозный пожар, следы которого сохранились.

Что касается промежутка между VII—X в., то не было найдено никаких материальных следов существования организованной жизни в Истрии. После падения Первого Болгарского царства, вся эта область вновь входит в зону византийского влияния, но, несмотря на это, более тесную связь Истрии с Византией можно проследить лишь в XII в., после побед, одержанных византийцами над половцами.

Найденные здесь византийские монеты относятся ко времени от Иоанна Цимисхия и до Мануила Комнина, а глазированная керамика византийского происхождения — к XII в.: она подобна керамике, найденной в других придунайских местностях в слоях XII—XIII вв.

Новое поселение в Истрии, относящееся к XII в., не имеет непрерывной связи с древней рабовладельческой крепостью[11], являясь совершенно новым поселением, более скромных размеров, которое появилось в результате непрестанного развития торгового пути, пролегавшего через Добруджу, между Киевом и Византией, в XII в.

---

[9] I. Barnea. Elemente de cultură materială veche ruseasc̆ă şi orientală în aşezarea feudală (secolele X—XII) de la Dinogetia (regiunea Galaţi). — „Studii şi referate privind istoria Romîniei", I. Bucureşti, 1954, p. 195—227; I. Barnea. Relaţiile dintre aşezarea de la Bisericuţa-Garvăn şi Bizanţ în secolele X—XII. — „Studii şi cercetări de istorie veche", IV (1953), 3—4, p. 641—671; I. Barnea. Amforele feudale de la Dinogeţia. — „Studii şi cercetări de istorie veche", V (1954), 3—4, p. 513—530; I. Barnea. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas Danube du Xe au XIIe siècle. — „Nouvelles études d'histoire". Bucureşti, 1955, p. 169—180.

[10] I. Barnea. Sigiliul unui ierarh al Rosiei în aşezarea de la Garvăn. — „Studii şi cercetări de istorie veche", VII (1956), 1—2, p. 189—198.

[11] G. Preda. Urme de viaţă la Historia din secolele XII—XIII. — „Studii şi cercetări de istorie veche", V (1954), 3—4, p. 531—538.

Помимо систематических исследований, предпринятых в Истрии и Диногеции, были сделаны разведки (зондажи) и на месте, где находилась прежняя Викус Петра (ныне село Камена), а также в районе Слава-Русэ. Здесь была обнаружена керамика VI в., а у Слава-Русэ — следы древней крепости VI в. и монеты времен от Юстиниана и до Маврикия.

Другие розыски были предприняты на месте бывшего дунайского порта Новиодуна, где были найдены монеты времен Иоанна Цимисхия и династии Комнинов (в особенности Алексея Комнина), свинцовая печать времен Исаака II Ангела и несколько монет периода Палеологов. Наконец, в результате разведок, произведенных в селе Никулицел, была обнаружена трехлопастная в плане церковь, самая древняя церковь этого типа на территории РНР (похожая на другую церковь, обнаруженную в селе Плиска). Здесь были найдены также фрагменты славянских надписей XI—XII вв. Раскопки, произведенные в селе Гырлица (Констанцская область в Добрудже), привели к обнаружению остатков византийской крепости X в., а при раскопках на месте бывшей римской крепости Сучидава найдены остатки крепостных стен IV—VI вв. Таким образом, материалы, обнаруженные во время раскопок последних лет, являются ценным подспорьем к изучению истории Добруджи периода IV—XIII вв. и устанавливают существовавшие некогда связи между этой провинцией, с одной стороны, и Византией, Киевом и болгарским царством, с другой стороны.

После того как И. Барня опубликовал христианские надписи, найденные на территории бывшей римской провинции Малая Скифия, т. е. в Добрудже, с переводом и библиографией[12], мы можем сделать интересные выводы. Почти три четверти этих надписей — на греческом языке и относятся к периоду начиная с конца III и до VI в. Из 80 личных имен, упоминаемых в надписях, более 30 — греческие. Следовательно, провинция Малая Скифия была более эллинизирована, чем остальные провинции на севере Балканского полуострова. С этим, конечно, связано и то обстоятельство, что во времена Анастасия и Юстиниана Византия особенно заботилась обеспечить оборону этой провинции от вторжения кочевых народов, и таким образом можно понять сравнительное благосостояние некоторых городов Добруджи в V—VI вв., в тот период, когда кризис рабовладельческого общества глубоко потрясал империю. Эллинизация была настолько энергичной, что повлияла даже на соседние племена, пришедшие сюда позже. Надпись IX в., сохранившаяся в Алексиополе, в которой упоминается о Растуславе и ее сыне, будучи несомненно славянского происхождения, написана по-гречески.

Многочисленные клады, содержащие византийские монеты, открытые на территории РНР, были описаны в нескольких нумизматических очерках. В особенности следует отметить статьи О. Илиеску[13] и Иримии Димиана[14], в которых дана общая характеристика важнейших кладов, состоящих из византийских монет, найденных в Румынии. При исследовании данных, касающихся монетных кладов, обнаруженных в нашей стране, можно сделать весьма интересные выводы. Наибольшее количество византийских монет было найдено в Добрудже или же вообще вблизи Дуная вследствии того, что эти области находились в непосредственной связи с Византией. Клады, обнаруженные в отдалении от Дуная, обычно содержат золотые монеты и представляют собой либо дань, которую Византия выплачивала какому-нибудь „варварскому" вождю, либо следы грабежей, творимых на византийской территории. Так объясняется, например, происхождение клада, найденного в Трансильвании с золотыми монетами от Феодосия до Юстина I и другого клада, найденного в Молдавии (село Долгешть), с монетами времен Василия II.

Большинство византийских монет, найденных на территории РНР, бронзовые, т. е. предназначены для обращения, а не для накопления сокровищ. Значительное количество их относится к временам Анастасия и Юстиниана и соответствует периоду наибольшего влияния Византии на севере Добруджи. Византийские монеты, начиная со второй половины VII и до X в., весьма малочисленны; большинство найденных монет золотой и серебряной чеканки относится ко времени Ираклия и его наследников и несомненно хранилось в сокровищнице „варварских" вождей. Исчезновение византийских монет со второй половины VII в. объясняется в первую очередь разрывом связей между Византией и Добруджей, а также и придунайскими областями вследствие вторжения славян и образования Первого Болгарского государства. Иримия Димиан констатирует в указанной выше статье, что обращение византийских монет в ту эпоху было крайне ограничено даже и на территориях, которые еще оставались во власти Византии. Он объясняет это экономическим кризисом, которым была охвачена Византия в то время, и конкуренцией арабской монеты. Надо обратить внимание и на большое количество разменной монеты времен Алексея III Ангела, найденное в кладе, обнаруженном вблизи Тузлы (древний Стратонис)[15]. Это доказывает, во-первых, что образование Второго Болгарского царства не привело к разрыву связей между Византией и придунайскими областями, как это случилось в период Первого Болгарского царства, и, во-вторых, что при достигнутой к этому времени стадии развития экономической жизни на территории теперешней РНР чувствовалась необходимость в монете как средстве обращения. Необходимостью наличия достаточного количества монеты, предназначенной для обращения, объясняется и состав клада, найденного в Бальше (Крайовская область), — медные монеты времени Комнинов, разрезанные на четверти. Клад, найденный около Мэчина[16], и другой — около Исакчи (в Добрудже) делают правдоподобным предположение, сделанное несколько лет тому назад, что владычество Византии распространялось в эпоху правления первых Палеологов и на нижнее течение Дуная[17].

Прочие исследования в области нумизматики посвящены изучению малоизвестных византийских монет или же вносят некоторые поправки в отношении времени их чеканки[18].

---

[12] I. Barnea. Creştinismul în Scythia Minor după inscripţii. — „Studii teologice", VI (1954), 1—2, p. 65—112.

[13] O. Iliescu. Despre tezaurele monetare şi viaţa economică în sec. III—XIV pe teritoriul tării noastre. — „Studii", V (1952), 3, p. 178—185.

[14] Irimia Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R. P. R. — Studii şi cercetări de numismatică, I, Bucureşti, 1957, p. 189—216.

[15] Ileana Băncilă. Note asupra unor tezaure de monede bizantine. — „Studii şi cercetări de numismatică", I, p. 425—438.

[16] Em. Condurachi. Un nou tezaur de monete bizantine. — „Academia R. P. R. Buletin stiinţific", I (1949), 3—4, p. 163—167.

[17] V. Laurent. La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue. — „Revue historique du sud-est européen", XXII (1945), p. 184—198.

[18] I. Băncilă. Monedele de bronz greşit atribuite lui Constantin al IX-lea. — „Studii şi cercetări de bibliologie", I, Bucureşti, 1955, p. 305—309; I. Băncilă. O monedă bizantină inedită sau puţin cunoscută. — „Studii şi cercetări de numismatică", I, 417—418.

Большое значение для специалистов будет иметь издающееся по инициативе Академии РНР собрание византийских исторических произведений. Первый том этого собрания — исторический труд Дуки — уже вышел в свет. Это критическое издание, сопровождаемое переводом на румынский язык и обширным комментарием, составленным В. Греку[19].

Научное использование византийских исторических источников для освещения темных периодов истории РНР помогло в деле исправления искажений в шовинистическом духе, допущенных прежними румынскими буржуазными историками. Так, например, Ал. Греку установил, на основании византийских источников, что в IX—X столетиях в границы болгарского государства были включены и некоторые земли к северу от Дуная[20]. Е. Франчес указал на совершенное сходство между русскими и византийскими источниками в характеристике ряда древнерусских княжеств (сперва Киевского, а затем Галицкого) в придунайских землях в XII в.[21]

Б. Кымпина установил роль, которую играли генуэзцы в устье Дуная в XIII—XV вв., тормозя экономическое и политическое развитие Молдавии.[22]

Попытку объяснить неустойчивость политики румынских князей в течение третьей четверти XIV в., их колебания между православием и католичеством предпринял в одной из своих статей В. Греку. Он считает, что причиной этих колебаний была латинофильская ориентация Иоанна V Палеолога[23]. Однако мы не разделяем этой точки зрения. Гораздо более обоснованно связывать такого рода политику с теми событиями, которые происходили в тот период за западными рубежами нашей страны. Правители из дома Анжу достигают в это время в Венгрии значительного могущества: Людовик являлся одновременно королем Венгрии и Польши и под влиянием сильного соседа румынские князья и делали известные уступки католицизму.

П. С. Настурел попытался объяснить слова „torna, torna, fratre", которые Феофилакт Симокатта и Феофан приписывают одному византийскому солдату, сражавшемуся с аварами[24]. Тот же автор высказывает предположение, что город Вичина, важный придунайский центр, имевший тесную связь с Византией в XI—XIV вв., был не чем иным, как теперешней Исакчей[25].

По случаю 500-летия со дня падения Константинополя В. Греку опубликовал перевод на французский язык не изданного доселе румынского повествования о завоевании Константинополя турками, которое хранилось в рукописи в Библиотеке Академии РНР. Как указывает и переводчик, упомянутое повествование фактически является компиляцией, сделанной на основании некоего русского источника[26].

В связи с этой же датой было опубликовано еще несколько статей. Так, М. Шесан напечатал статью о впечатлении, которое произвело падение Константинополя на православные народы[27]. Довольно подробный общий обзор событий этого периода был сделан Т. Попеску[28], а Н. Щербанеску исследовал тему об отражении осады Константинополя турками в румынской церковной живописи[29].

Среди работ по византийской истории, напечатанных в течение последних лет, упомянем и очерки Е. Франческа. В одной из своих статей он исследует причины, помогшие латинянам, сравнительно немногочисленным, завоевать Константинополь в 1204 г. Автор приходит к заключению, что большую роль в этом сыграли глубокие классовые противоречия, все более и более обострявшиеся в среде населения Византии[30]. В другой статье Е. Франчес останавливается на вопросе о взаимоотношениях между византийской феодальной знатью и городами на протяжении XIII—XIV вв.[31] Наконец, тот же автор анализирует особенности положения валашских пастухов в Византийской империи в XIII—XIV вв.[32]

Следует отметить также и ряд исследований в области византийской исторической литературы, опубликованных В. Греку. Обращаем внимание на его очерк о литературном значении византийских исторических сочинений. Стремление создать в первую очередь литературное произведение, как вполне справедливо замечает автор, заставляло многих византийских писателей часто оставлять без надлежащего внимания исторические факты[33]. В другой своей работе В. Греку останавливается на некоторых вопросах, связанных с изучением исторического сочинения Критовула и с изданием этого сочинения Карлом Мюллером[34]. Помимо этого надо упомянуть и о его статье, в которой он обсуждает вопрос о составителе сочинения „О статуях", приписываемого Никите Хониату, и приходит к заключению, что Хониат действительно является автором этого сочинения. В. Греку считает даже, что „О статуях" является лишь отрывком большого исторического труда Никиты Хониата[35]. Исследованию сочинений этого историка посвящена еще одна работа В. Греку, в которой он доказывает, что та часть истории Никиты Хониата, в которой излагается царствование Иоанна II и Мануила I Комнина, была подвержена влиянию Киннама[36].

---

[19] Ducas. Istoria Turco-Bizantină (1341—1462). București, 1958. В. Греку опубликовал также румынский перевод Халкокондила и готовит переводы Критовула и Сфрандзи.

[20] A. Grecu. Bulgaria în nordul Dunării în veacurile al IX—X-lea. — „Studii și cercetări de istorie medie", I (1950), p. 223—236.

[21] E. Frances. Slavii pe pămîntul patriei noastre în veacul al XII-lea. „Studii". VIII (1950), 3, p. 65—80.

[22] B. Cîmpina. Despre rolul Genovezilor la Gurile Dunării în sec. XIII—XIV. — „Studii", VI (1953), 1, p. 191—236; „Studii", VI (1953), 3, p. 79—120.

[23] V. Grecu. Bizanțul și catolicismul în trecutul nostru îndepărtat. „Studii teologice", II (1950), 9—10, p. 556—568.

[24] P. S. Nasturel. Torna, torna, fratre. O problemă de istorie și de lingvistică. — „Studii și cercetări de istorie veche", VII (1956), 1—2, p. 178—188.

[25] P. S. Năsturel. Așezarea orașului Vicina și țărmul de apus al Marii Negre în lumina unui portulan grec. — „Studii si cercetări de istorie veche". VIII (1957), 1—4, p. 295—305.

[26] V. Grecu. La chute de Constantinople dans la littérature populaire roumaine. — BS, XIV (1953), p. 55—85.

[27] M. Şesan. La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes. — BS, XIV (1953), p. 271—282.

[28] T. Popescu. Cincisute de ani de la căderea Constantinopolei sub Turci. — „Ortodoxia", V (1953), 3, p. 381—437.

[29] N. Serbănescu. Impresurarea Tarigradului ți zugrăveala bisericilor noastre. — „Ortodoxia", V (1953), 3, p. 438—463.

[30] E. Frances. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. — BS, XV (1954), 1, p. 21—24.

[31] E. Frances. La féodalité et les villes byzantines au XIII-e et au XIV-e siècles. — BS, XVI (1955), 1, p. 76—96.

[32] E. Frances. Păstori i vlahi din imperiul bizantin în secolele XIII—XIV. — „Studii", IX (1956), I, p. 139—146.

[33] V. Grecu. La valeur littéraire des œuvres historiques byzantines. — BS, XIII (1952—53), 2, p. 252—270.

[34] V. Grecu. Kritobulos aus Imbros. — BS, XVIII (1957), 1, p. 1—17.

[35] V. Grecu. Autour du De Signis de Nicétas Choniates. — „Revue des études byzantines", VI (1948), 1, p. 58—66.

[36] V. Grecu. Nicétas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? — „Revue des études byzantines", VII (1950), 2, p. 194—204.

Опубликован, кроме того, ряд работ, в которых излагаются вопросы, имеющие более специальный интерес, как, например, проблема взаимоотношений светских византийских властей с церковью[37] или вопрос об отношениях между Византией и папством[38].

Заканчивая этот краткий обзор развития византиноведения в Румынской Народной Республике за последние десять лет, считаем необходимым упомянуть об издании греческих законодательных сборников, которые применялись в румынских княжествах в период правления фанариотов. До настоящего времени вышли из печати: Кодекс Караджа[39], Книга правил[40] и Кодекс Каллимаха[41]. Все эти законодательные сборники даются в критических изданиях, снабжены румынскими переводами, с обширными историческими вступлениями и юридическими комментариями. Они будут весьма полезны для исследователей византийского как уголовного, так и гражданского права.

Оценивая общие результаты развития византиноведения в Румынской Народной Республике, не следует упускать из виду, что в течение этого десятидетия главной целью румынских историков была разработка отечественной истории на основе марксистской теории. В настоящее время в этом направлении достигнут ряд крупных успехов, так что в ближайшие годы румынские историки смогут уделять гораздо больше внимания исследованию новых тем, главным образом по истории тех стран, с которыми румынский народ имел наиболее тесные связи в прошлом. Среди этих стран была и Византия. И нет никакого сомнения в том, что целый ряд проектируемых исследований, по некоторым из которых уже началась работа, составит достойный вклад румынских ученых в общую историю Византии и в особенности в историю связей румынского народа с Византией.

Э. Франчес

---

[37] L. Gafton. Acte de violență și abuz ale împăraților bizantini față de patriarchi de Constantinopol. — „Studii teologice", VIII (1956), 7—8, p. 454—469.

[38] L. Stan. Impăratul Justinian, sinodul V ecumenic și papalitatea. — „Studii teologice", V (1953), 5—6, p. 347—364; L. Gafton. Acte de autoritate imperială în speiinul primatului papal în secolele IV—V. — „Studii teologice", VII (1955), 5—6, p. 324—336.

[39] Legiuirea Caragea. București, 1955.

[40] Pravilniceasca condică. București, 1957.

[41] Codul Calimach. București, 1958.

ПУБЛИКАЦИИ

В. А. МОШИН

СЕРБСКАЯ РЕДАКЦИЯ СИНОДИКА В НЕДЕЛЮ ПРАВОСЛАВИЯ.

Анализ текстов*

„Синодик в неделю православия", культурно-историческое значение которого получило освещение уже в „Очерках по истории византийской образованности" Ф. И. Успенского[1] и в замечаниях его критиков, в особенности П. Б. Безобразова[2], не потерял интереса для текстологического исследования, несмотря на несколько изданий отдельных текстов и на ряд работ, появившихся за протекшие 65 лет и посвященных его разностороннему изучению. И теперь еще можно повторить то, что писал об этом Ф. И. Успенский: „Синодик привлекает к себе научное внимание как памятник, мало исследованный с точки зрения времени и исторических обстоятельств его происхождения и почти совсем не затронутый со стороны его состава и различных редакций.

---

*Текст памятника будет напечатан в следующем томе ВВ.

[1] „Можно сказать, что Синодик ближайшей ко времени турецкого завоевания эпохи, или Синодик полного состава, представляет собой всю историю болезни, которая по временам захватывала византийскую церковь, и заключает живыми красками написанную картину борьбы из-за богословских, философских и близких к ним вопросов. Разумею не отвлеченные вопросы, интересующие только клир церковный, но такие, которыми занималось все общество, о которых велись беседы на площадях и в частных собраниях. Материал, находимый в Синодике, не ограничивается предметами вероучения в тесном смысле, но распространяется на широкую область философского мышления, общественной морали, политических идеалов и т. п. Отсюда можно понять, как этот материал интересен с точки зрения культурной истории Византии" (Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1891, стр. 4. „Очерки" печатались в виде отдельных статей в Журнале Министерства народного просвещения за 1891 г., январь, стр. 73—158; апрель, стр. 267—323; сентябрь, стр. 102—159; октябрь, стр. 283—324; за 1892 г., январь, стр. 1—64; февраль, стр. 348—427.) „В смысле общеисторических выводов изучение Синодика убеждает, что византийская история имеет свои стадии развития, представляющие параллелизм с западноевропейским развитием. Через всю историю Византии проходит живая и упорная борьба из-за религиозных и философских идей. Эта борьба, часто совсем не отмеченная историками, может быть изучаема на основании или полемических, или ораторских произведений, восполняющих до некоторой степени недостаток летописи и утрату философских систем. Логическая последовательность между старыми и вновь выдвигавшимися вопросами служит показателем известного поступательного движения в развитии византийского общества" (там же, стр. 7—8).

[2] ВВ, III, 1895, отд. II, стр. 125—150. П. Б. Безобразов пересматривает положение Ф. И. Успенского о борьбе аристотелизма и платонизма, якобы последовательно проходящей в Синодике от XI до XIV в., и не находит генетической связи между всеми анафематизированными еретиками, так как „еретики не были платониками, и церковь не усвоила себе аристотелевского направления". Но не соглашаясь с отдельными выводами Успенского, Безобразов все же признал, что „автор прокладывает новые пути в истории малоизвестного византийского просвещения, и книга его, несомненно, сделается настольною у всех византинистов".

В самом деле, кем и когда составлен Синодик, какой был первоначальный состав его, как происходили в нем постепенные наросты и прибавки — на эти вопросы нет удовлетворительного ответа".

Неутомимый и многогранный медиевист Ф. И. Успенский изучил несколько древнейших греческих и русских текстов Синодика, сделал критическое издание сводного греческого текста[3] и употребил много труда и остроумия для решения вопроса об основном составе памятника и его последующей эволюции. Благодаря его исследованиям можно считать вполне решенным вопрос о трех главных наслоениях на основной текст Синодика 843 г.: при Алексее Комнине в конце XI и в начале в XII в., при императоре Мануиле в середине XII в. и в эпоху варлаамитских споров в XIV в. Принятые критикой в России и на Западе[4], выводы Успенского вошли в научный оборот и послужили основой для исследований по истории Синодика на славянской почве[5].

Но насколько твердыми оказались положения Успенского о последующих наслоениях на основной текст памятника, настолько же гипотетическими оставались его заключения о первоначальном составе и редакциях основного текста Синодика 843 г., и в 1930 г. А. Михель при пересмотре вопроса о Синодике мог сказать, что о происхождении этого „знаменитейшего" (hochberühmte) памятника известно мало определенного[6].

Исследование А. Михеля, в котором к ранее известному материалу были привлечены и некоторые новые источники, в частности неизвестная Успенскому Мюнхенская греческая рукопись № 380, дало более определенный ответ на ряд темных вопросов и, можно думать, послужило толчком для новых изысканий в области состава и хронологии разных рукописей памятника в трудах В. Лорана, В. Грюмеля, Г. Меркати, Н. Капюинса и С. Эвстратиадиса[7]. В настоящее время, насколько мне известно, наука располагает данными о 22 рукописях греческого Синодика, представляющих редакционные изменения как различного хронологического, так и местного происхождения[8].

[3] Ф. Успенский. Синодик в неделю православия. Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893, стр. 1—96. (В дальнейшем — Синодик).

[4] П. В. Безобразов. — ВВ, III, 1896, стр. 125—150; А. М. — Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, II, Одесса, 1892, Византийское отд., стр. 100—101; Э. Курц. — BZ, Bd. I, 1892, S. 176—178; Bd. IV, 1895, S. 143—145; K. Krumbacher. Gesch. der Byzant. Litteratur. 2 Aufl. Munchen, 1897, S. 1090.

[5] Е. В. Петухов. Очерки по литературной истории Синодика. СПб., 1895; М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. — ИРАИК, V, 1900; его же. Синодик царя Борила („Български старини", VIII). София, 1928; рецензии: П. А. Лавров, В. Златарский, С. М. Кульбакин, Т. Д. Флоринский, Б. Ляпунов (цитированы в книге: Б. Цоневъ. Описъ на ржкописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната библиотека въ София, т. I. София, 1910, стр. 197—198); также М. Вейнгарт. — BS, vol. I, 1929, p. 242—243 и В. Грюмель — „Echos d'Orient", vol. XXXI, 1928, p. 500—501.

[6] A. Michel. Humbert und Kerullarios. Quellen und Studien zum Schisma des XI. Jahrhunderts. II. Teil. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte... hrsg. von der Görres-Gesellschaft, XIII. Bd.), Paderborn, 1930, S. 2.

[7] Литература о различных списках Синодика приведена в труде V. Grumel. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople, vol. I, Fasc. II [s. l.] 1936, № 425, в общей статье о Синодике (p. 51—54) и в статьях о дополнениях к первоначальному тексту — № 416, 418; fasc. III [s. l.], 1947, № 1003, 1060—1067, 1075, 1077, 1080, 1109—1111, 1113, 1115—1116.

[8] 18 рукописей перечислены у Грюмеля („Регесты...", № 425). Из них Ватиканский список 419 представляет особый памятник, содержащий краткий обзор соборов от апостольского времени до VIII собора, а под № 1978 в Описании ватиканских рукописей не значится Синодика. Не упомянуты две рукописи Синодика Афинской митрополии, описанные Евстрадиадисом и комментированные позднее Грюмелем („Remarques sur le synodicon d'une église de Grèce". REB, VI, 1948, p. 67—73), Мюнхенский список 380 и ватиканские 1554, 1600 и 1607.

I. ОРОСЫ (Οἱ ὅροι) ВСЕЛЕНСКИХ СОБОРОВ

В ряду вопросов, связанных с изучением основного состава Синодика 843 г., которые еще не вышли из стадии гипотетических построений, стоит вопрос о „первом Синодике VII собора", который рядом с „вторым Синодиком благодарения" цитируется в актах Константинопольского собора по иконоборческому вопросу при Алексее Комнине[9]. Успенский обратил внимание на то, что приведенный в деяниях этого собора отрывок из „первого Синодика VII собора" целиком взят из определений на седьмом заседании VII собора, и предположил, что этот Синодик VII собора был приноровлен к акту утверждения православия при Михаиле и Феодоре и явился первоначальной редакцией Синодика 843 г., которая лишь в XI в. была вытеснена позднейшей редакцией, „бесспорно более совершенной по плану и изложению"[10]. А. Михель, внимательно сравнив упомянутую цитату из Актов собора около 1092 г. с текстом определения VII собора, нашел другие подтверждения существования „Синодика святого и вселенского седьмого собора", в частности у Кодина[11]. Он обратил внимание на то, что название ороса VII собора Синодиком впервые встречается при Алексее Комнине, но все же остался при мнении, что вопрос о „первом Синодике", предшествовавшем „Синодику благодарения" 843 г., не является твердо решенным и что из упомянутого совпадения цитат нельзя заключать, что эти определения VII собора существовали и как самостоятельный текст[12].

Вопрос осложнялся тем, что в Мадридской рукописи O_2 вместе с обычным текстом „Синодика благодарения" находится особый текст так называемого „второго ороса святого и вселенского VII собора, бывшего при Михаиле и Феодоре его матери". Указав, что и этот орос представляет выборку из деяний VII собора (сокращение определений собора и анафематствований, приведенных в тексте грамоты Ирины и Константина), Успенский предположил, что именно этот текст мог представлять первоначальную редакцию Синодика в неделю православия[13]. Грюмель отделил последний текст от Синодика как особый акт, представлявший синодальный указ о подтверждении определений VII собора и восстановлении иконопочитания, изданный между 4 и 11 марта 843 г., на основании которого возник текст „Синодика благодарения" к неделе православия 2 марта следующего 844 г.[14] Здесь же он отметил, что в Мадридской рукописи рядом с „Синодиком благодарения" и этим „вторым оросом VII собора при Михаиле и Феодоре" находится и текст обычного ороса VII собора, и высказал предположение, что оба эти оросa первоначально читались на „торжестве православия".

Наличие ороса VII собора в Мадридской рукописи, а как мне сейчас удалось установить по присланным фотографиям и в Мюнхенской рукописи № 380, представляет особую важность для вопроса о сбор-

[9] B. de Montfaucon. Bibliotheca coisliniana. Parisiis, 1715, p. 109: Acta Sunodi Constant. sub Alexio Comneno [=Mansi (J. D. Mansi. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, t. I—XXXI. Florentiae et Venetiis, 1759—1798), XIII, 377D—380A=PG. t. 127, col. 980B—D].

[10] Ф. И. Успенский. Очерки.., стр. 104—107.

[11] Codinus. De officiis, cap. 15 (ed. Bonn., 1839, p. 346).

[12] A. Michel. Op. cit., S. 8—11.

[13] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 106—107, где приведен текст в русском изложении.

[14] V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, № 416.

никах таких соборных определений, которые в славянском переводе сопровождают тексты болгарской и сербской редакций Синодика, но были известны и в греческой рукописи, присоединенной к болгарскому списку Палаузова. Хотя наличие греческого и болгарского текстов этих определений было отмечено уже в 1900 г. во введении к изданию Синодика у Попруженко и в 1910 г. Цоневым в Описании рукописей Национальной библиотеки в Софии[15], а сербского текста в 1922 г. Стояновичем в издании сербской редакции Синодика по списку Троицкого монастыря[16], однако эти тексты еще не изданы и остаются не использованными для изучения Синодика[17]. Наше издание текстов сербской редакции, которые будут опубликованы в следующем томе Византийского временника, имеет в виду пополнить этот пробел и вместе с тем побудить специалистов к изданию греческого и болгарского текстов этого памятника и к поискам его новых списков.

Публикуемые нами определения нескольких вселенских и некоторых других соборов сопровождают текст сербской редакции Синодика в рукописи Троицкого монастыря около Плевли (быв. Таслиджи) в Герцеговине[18]. Эта рукопись, которую будем называть Троицкой (*Т*), согласно водяным знакам и на основании палеографических соображений датируется 80-ми или началом 90-х годов XIV столетия[19]. Несколько листов из рукописи утеряно, благодаря чему в трех местах имеются разрывы в тексте, однако содержание может быть пополнено на основании известных текстов деяний соборов. Характерную особенность данных текстов составляет сербское добавление в каждом тексте с осуждением „бабунской веры" — богомильства, вставленное между определением собора и заключением. Это добавление, которым придется подробнее заняться позднее, кроме общего анафематствования последователей „злой ереси", содержит многолетие сербским королям Радославу (свергнут братом Владиславом осенью 1233 г.) и Владиславу (1233—1243) и архиепископу Арсению (1233—1263), что вместе с некоторыми другими соображениями позволяет датировать создание

[15] М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. — ИРАИК, V, 1900, стр. VIII—X; Б. Цоневъ. Описъ. . ., стр. 197—198.

[16] Љ. Стојановић. Требник манастира св. Тројице код Плеваља. Споменик Српске академије, LVI, 1922, стр. 22—30, где изданы отрывки из оросов, представляющие сербские дополнения к ним.

[17] М. Г. Попруженко в первой главе введения ко второму изданию Синодика (1928 г.) остановился на вопросе об оросах (Ук. соч., стр. II—IX), но и здесь не издал их. Поэтому последующие исследователи Синодика в данном вопросе были ограничены только данными, приведенными в цитированных трудах Попруженко, Цонева и Стояновича.

[18] Данные о рукописи с краткой выдержкой из сербской части Синодика сообщил С. Косановић. Српске старине у Босни. Гласник Српског ученог друштва, XXIX, 1871, стр. 172—177; издание текста Синодика с выдержками из сербского добавления к дополнительным статьям см. Љ. Стојановић. Требник манастира св. Тројице код Плеваља. Споменик Српске академије, LVI, Београд, 1922, стр. 22—30. Историю изучения памятника см. А. Соловјев. Сведочанства православних извора о богомиљству на Балкану. Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, V, Сарајево, 1953, стр. 44—68; см. также: В. Мошин. Плеваљски рукопис Синодика православља. — „Слово", VI—VII (=„Vajcов зборник") Загреб, 1957, стр. 157—177 (книга, посвященная 90-летию И. Вайса), где дано описание рукописи, обзор содержания и разбор данных о богомильстве.

[19] V. Mošin et S. Traljić. Filigranes des XIII[e] et XIV[e] s. Zagreb, 1957, № 453 (лук со стрелой), 1418 (голова быка), 2308 (олень), 5001 и 5010 (охотничий рог) — с датировкой между 1380 и 1395 г.

данной редакции (Арсениевской) началом правления этого иерарха, вероятно 1234 г.[20]

В Троицком списке имеются следующие дополнительные статьи:

1) *Заповедь вселенского Халкидонского собора (Четвертого вселенского собора 451 г.).* Текст содержит определения собора, находящиеся в пятом деянии, и заключение, приведенное в шестом заседании. Затем вставлено сербское дополнение против „бабунской веры", а затем — заключительный отрывок из деяний собора. В конце прибавлено литургическое указание: „Потом прокимен и апостол и вся служба по порядку. И по сем в следующее воскресенье читается Собор Великий".

2) *Заповедь Великого собора, в самом Царьграде собравшегося на злочестивого Севира и подобно ему мудрствующих еретиков (т. е. Константинопольского, 536 г. собора патриарха Мины).* Текст заключает два отрывка: а) речь патриарха Мины собору на пятом и последнем заседании (у Манси, VIII, 1137—1142 вместо имени патриарха Мины ошибочно поставлено имя патриарха Епифания) и б) постановление, начинающееся ссылкой на 5-ю главу 16-й стих 1-го послания апостола Иоанна „Есть грех к смерти..." и содержащее осуждение Севира, Петра и Зоара, затем сербское дополнение и начало заключительного отрывка, который утерян.

3) *Заповедь вселенского Цариградского шестого собора 680—681 гг.* Утеряно заглавие с первыми строками определения (первые 16 строк русского перевода на стр. 466 в VI томе Деяний вселенских соборов, Казань, 1871), которое заключает „изложение веры" первого и второго соборов и изложение учения о двух естествах Христа с осуждением еретиков. Вторая часть, как и в предыдущих текстах, содержит заключительный отрывок осуждения еретиков. Затем идет сербское дополнение, а в конце заключительный отрывок из деяний собора — обращение императора. Так же как и в первой статье, следует литургическое указание: „Прокимен и апостол, и бывает вся служба по порядку. Ведомо же буди, что седьмой собор читается месяца октября в 7 день, или же перед ним или после него, когда случится воскресенье; настоящее же (определение) читается в 7-ю неделю по Пасхе, святых отцов".

4) *Заповедь великого вселенского собора, в Никеи собравшегося во второй раз — седьмого вселенского собора 787 г.* Как и в предыдущих статьях, текст представляет точный перевод определений и заключительный отрывок с проклятием иконоборцам (пять последних возглашений целиком повторены в Синодике). Затем вставлено сербское дополнение о бабунской вере, а затем идут возглашения вечной памяти царям Константину и Елене, новым Константину и Елене (Константину VII и Ирине) и патриарху Герману, анафемы иконоборцам, возглашения многолетий и вечной памяти сербским государям — обрываются вследствие потери одного листа. На сохранившемся последнем листе рукописи приведены заключительные слова из Деяний VII собора и литургическое примечание: „и потом прокимен и апостол, и вся служба по порядку".

5) Кроме того, перед текстом Синодика (в болгарском списке эта статья приведена после определений VII собора) имеется еще одна статья: *Определения собора 920 г. с запрещением четвертого брака* (по поводу четвертого брака императора Льва Мудрого). К сожалению,

[20] Ст. Станојевић. Архиепископ Арсеније. Гласник Историског Друштва у Новом Саду, V, 1932, стр. 1—15 и 331—341; его же. Краљ Урош (отд. оттиск из „Годишњица Ђупића", XLIV, 1935, стр. 1—12).

в сербской рукописи имеется в конце большой пропуск вследствие утери двух листов. Содержание недостающего текста может быть в значительной степени восстановлено с помощью греческого текста этого определения[21] и аналогичного сербского перевода, внесенного в Святосавскую Кормчую[22]. Судя по величине недостающего отрывка, который мог бы уместиться на утерянных двух листах (четыре страницы по 20 строк), можно предполагать, что в сербской рукописи Синодика данный текст как раз отвечал тексту, находящемуся в Святосавской Кормчей. Слияние обоих текстов в сохранившейся части заставляет предполагать наличие двух особых сербских переводов этого памятника[23]. К счастью, сохранился конец данной статьи, где говорится, что „ныне" тихое царство боговенчанных царей Василия и Константина восстановило церковный мир, вернув в церковное общение духовенство, находившееся в отлучении в связи с вопросом о четвертом браке Льва Мудрого. Таким образом, здесь имеется позднейшая редакция акта собора 920 г. со схолиями 995—996 гг.[24], которая странным образом связана с историей Синодика в неделю православия. Первая часть этих схолий содержит те же многолетия и вечные памяти византийским царям и патриархам и анафемы противникам патриархов Германа, Тарасия, Никифора и Мефодия и нарушителям церковного предания и учения, которые находятся и в тексте Синодика 843 г.[25] Согласно указанию Валсамона, этот „том единения", так же как и оросы вселенских соборов, „читался ежегодно с амвона в июле месяце"[26], и этим объясняется включение данного текста в сборник оросов. Важно, что данная статья находится и в болгарском сборнике оросов[27], а очевидно, и в его греческом оригинале[28], но интересно, что в сербском тексте имеется только начальная часть схолий, тогда как основная часть с многолетиями вечной памятью и соборными определениями опущена, в болгарском же сборнике, по-видимому, находится полный текст схолий, так как Попруженко при изложении именно этой статьи упоминает славословия византийским царям и иерархам и различные постановления соборного характера[29].

Как уже было упомянуто, сербские тексты этих соборных определений не представляют самостоятельную сербскую выборку из греческого текста деяний этих соборов, но являются переводом сборника,

[21] Mansi, XVIII, 336—341 = PG, t. III. 195 cc = C. E. Zachariä von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, vol. III, p. 228—232 = J. Zepos et P. Zepos. Jus Graeco-Romanum, I, Athènes, 1931, p. 193—196.

[22] См. дополненную часть в публикуемом нами тексте, издаваемую по Иловичской рукописи 1262 г. (в Архиве Югославской Академии, № III, с 9; см. В. Мошин. Ћирилски рукописи Југославенске академије, I. Опис, Загреб, 1955, стр. 48—54). Полный обзор всех изданий этого памятника и литературы о нем дается в работе: С. Троицки. Како треба издати Светосавску Крмчију-Номоканон с тумачењима. (Споменик Српске Академије наука, CII, Београд, 1952), стр. 91.

[23] Факт двух независимых друг от друга переводов доказывается различиями в лексике почти в каждой фразе текста, а также и в конструкции фраз, например в оборотах с отрицанием μή, которое в тексте Синодика пропускается (см. примеч. 48 и 81 к издаваемому тексту).

[24] Mansi, XVIII, 341—342; Jus, vol. III, p. 233.

[25] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 100—101; A. Michel. Op. cit., S. 16—18.

[26] Jus, vol. III, p. 228.

[27] На листах 95об.—102об.: см. М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила, стр. II—III.

[28] По утверждению Б. Цонева (Ук. соч., стр. 198—199), греческая рукопись с этими определениями, переплетенная вместе с Палаузовским списком болгарского Синодика и со сборником оросов, содержит именно греческий оригинал этих статей.

[29] На л. 100а: М. Г. Попруженко. Ук. соч., стр. IX.

сохранившегося и в болгарском переводе, и в его греческом оригинале. В болгарском тексте они носят название „устав", в сербском — „заповедь", в греческом оригинале — ὅρος.

М. Г. Попруженко не разобрался в этих текстах и не сравнил их с текстом соборных деяний. Поэтому он не заметил, что цитированные им как особые статьи „Изложение веры Никейского собора 318 святых отцов" и „Изложение веры Константинопольского собора 150 святых отцов", которые в рукописи следуют за „уставами" IV (Халкидонского) и VI (Константинопольского) соборов, на самом деле не представляют самостоятельных статей, а являются составными частями текстов этих „уставов". Следовательно, „уставы" соборов в болгарской редакции целиком отвечают „заповедям" сербской редакции, с той только разницей, что в болгарской рукописи отсутствуют определения „Великого собора" патриарха Мины 536 г., которые имеются в сербской рукописи.

К сожалению, мне не удалось пока ознакомиться с болгарским текстом этих оросов и с их греческим оригиналом в рукописи Палаузова, и мое знание о них ограничивается данными, сообщаемыми Цоневым и Попруженко. Поэтому я могу только предполагать, что „уставы" болгарского списка, вероятно, отличаются от соответствующих сербских „заповедей" и отсутствием дополнительных статей с анафематствованием богомильства (аналогичных дополнительным статьям сербских „заповедей" с осуждением бабунской веры). Предположение это представляется мне весьма вероятным, поскольку таких добавлений, столь важных для болгарской истории, не заметили ни Цонев, ни Попруженко, внимательно отметившие в описании этого памятника все, что так или иначе связано с Болгарией [например, М. Г. Попруженко (ук. соч., стр. VIII—IX) заметил и напечатал многолетия болгарскому царю Иоанну Шишману, его супруге Марии и патриарху Евфимию, которые находятся в возглашениях VI собора, VII собора и собора 920 г.][30].

Независимо от того, окажутся ли эти сербский и болгарский тексты *похожими или они различны* в своих дополнительных статьях, уже указанные различия — отсутствие основной части схолий в конце определений собора 920 г. в сербской рукописи и отсутствие в болгарском списке определений собора патриарха Мины 536 г. — позволяют предполагать, что оригиналами обеих славянских редакций оросов послужили различные греческие тексты. Однако в то же время можно априорно утверждать, что в основном содержании и сербский, и болгарский, и греческий оросы должны оказаться тождественными просто потому, что в этой части сербский текст представляет *буквальный перевод соответствующих мест из соборных деяний, без каких бы то ни было изменений или дополнений.*

Эти оросы — выборки из соборных определений для литургической цели — представляют тексты обрядов, аналогичных позднейшему обряду „торжества" в неделю православия. Об их литургическом значении с очевидностью свидетельствуют богослужебные примечания к данным

[30] Значение оросов для изучения Синодика делает особенно необходимым скорейшее издание их греческого текста из палаузовского списка. Судя по указаниям Цонева на качество бумаги и водяные знаки, эта рукопись должна относиться к третьей четверти XIV в. Толстая бумага с широким vergeure и с водяным знаком *P* простой формы, большого размера, с крестом сверху, похожим на знак из 1362 г.: издан у F. K. Piekosinski. Sredniowieczne znaki wodne, XIV v. W Krakowie, 1893, № 384; перепечатан у Н. П. Лихачева № 2588 и в альбоме V. Mosin et S. Traljic. Filigranes des XIIIe et XIVe s. № 5502.

текстам с указанием, в какие дни они читаются в церкви и какое место занимают в обычном порядке службы. Наконец, текст „заповеди" VII собора позволяет утверждать, что это именно тот канонически фиксированный текст τοῦ ἐπ'ἄμβωνος κατὰ τὴν κυριακὴν τῆς ὀρθοδοξίας ἀναγινωσκομένου συνοδικοῦ τῆς ἑβδόμης συνόδου, из которого на Константинопольском соборе Алексея Комнина цитированы отдельные места в опровержение „иконоборческих заблуждений" митрополита Льва Халкидонского[31]. Как уже указывалось, наряду с цитатами из этого Синодика VII собора в постановлениях собора Алексея Комнина приведены и цитаты из „другого Синодика поминального и благодарственного, также читаемого с амвона", причем данные места целиком соответствуют тексту Синодика в неделю православия[32].

Важные данные для вопроса об „уставах" или „оросах" вселенских соборов, употреблявшихся в православной церкви до введения Синодика в неделю православия, содержатся в Типике Константинопольской церкви св. Софии, относящемся в основной части к началу IX в. Этот текст, известный по Патмосской рукописи X в.[33] был уже в 1892 г. обследован Н. Ф. Красносельцевым[34], но не был принят во внимание М. Г. Попруженко.

Этот типик является полным месяцесловом константинопольской церкви, обнимающим весь календарь обоих литургических циклов — сентябрьского и пасхального. Патмосский текст представляет копию более древнего памятника, составленную в конце IX в., что доказывается рядом памятей о лицах и событиях из середины и третьей четверти IX столетия[35], позволивших Красносельцеву правильно определить типик как „памятник церковной политики времен патриарха Фотия". Однако основной текст его, несомненно, возник в начале того же столетия, о чем свидетельствуют даты 767 г., 780 г., 802 и 811 гг., которые означены как современные составителю типика[36].

[31] Цитата „Ὁριζομένου σὺν ἀκριβείᾳ πάσῃ καὶ ἐμμελείᾳ παραπλησίως τῷ τύπῳ τοῦ τιμίου σταυροῦ ἀνατίθεσθαι τὰς σεπτὰς εἰκόνας . . ." до: „ὡς ἐξ εἰκόνων καὶ ἐν εἰκόσι τιμᾶται ἡ ἀλήθεια καὶ προσκυνεῖται" буквально отвечает в сербском тексте отрывку „Повелеваем со всякою твердостью и прилежанием приближно образу честного и животворящего креста полагать святые и честные иконы. . ." до „яко от икон и в иконах, рекше от образа и в образах, чгет се и покланяема бысет истина" (PG, t. 127, col. 980); ср. Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 104—105; A. Michel. Op. cit., S. 10—11.

[32] „Οἱ προφῆται ὡς εἶδον, οἱ ἀπόστολοι ὡς ἐδίδαξαν" до: „καὶ τὴν κατὰ σχέσιν προσκύνησιν ἀπονέμοντες" — „Пророци якоже видеше, и апостолы научише. . ." до „и любовное поклонение сим отдающе".

[33] Πατμιακὴ βιβλιοθήκη. . . ὑπὸ Ἰ. Σακκελίωνος, ἐν Ἀθήναις, 1890, σελ. 136, № 266.

[34] Н. Ф. Красносельцев. Типик церкви св. Софии в Константинополе, Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, II, Византийское отд., I, 1892, стр. 156—254.

[35] Памяти: Феодора Саввваита (ум. 27 декабря 840 г.); Евфимия Сардийского (ум. 16 декабря 840 г.), Евдокима вельможи (ум. 31 июля 842 г.), Михаила Синкелла (ум. 20 декабря 843 г.), патриарха Мефодия (ум. 18 июня 846 г.), Феофана Никейского (ум. 11 октября 847 г.), мучеников Сирийских (6 февраля 847 г.), третье обретение главы Иоанна Предтечи (25 мая 867 г.), патриарха Игнатия (ум. 23 ноября 877 г.). Нет памятей патриарха Фотия (ум. 6 февраля 891 г.), патриарха Стефана (ум. 17 мая 893 г., отмечается и 25 августа) и патриарха Антония (ум. 12 февраля 901 г.), „весьма часто встречающихся в памятниках X и XI вв." (Н. Ф. Красносельцев. Ук. соч., стр. 165; хронологию патриархов исправляю по V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, table, p. 267).

[36] 20 октября память *новоявленных* мучеников Андрея, Стефана, Павла, Петра и их собора — пострадали при Константине Копрониме в 767 г.; 16 декабря память мученика Вакха, который „пострадал *в наши времена* в Палестине при Ирине и Константине" — умер в 780 г.; 9 августа память патриарха Константина и *„Ирины новой* в св. Апостолех" — царица Ирина, умершая в 802 г., погребенная в церкви св. Апостолов; 7 августа память „в благочестии бывшей *царицы нашей* в св. Апостолех Ирине"; 26 июля упоминается война в Болгарии и смерть Никифора царя и многих других индикта четвертого в 8-й день — событие 811 г. (Н. Ф. Красносельцев. Ук. соч., стр. 102—105).

Мне кажется, что отсутствие упоминания о соборе 843 г. и наличие памяти VII вселенского собора, восстановившего иконопочитание, позволяют более точно датировать составление первоначального текста временем между 811 г. (дата упомянутой в месяцеслове болгарской войны и смерти императора Никифора) и 815 г., когда возобновился период иконоборчества, в течение которого не могла праздноваться память VII собора с чтением анафематствований иконоборцам.

В ряду данных о местных и исторических поводах к совершению различных церковных служб особое место занимают указания о празднованиях в честь вселенских соборов от I до VII, за исключением одного III. Празднование их по составу службы было, по-видимому, одинаково, но с различной торжественностью. Согласно Красносельцеву, „более торжественными были, по-видимому, празднества в честь I, а отчасти IV и V соборов. Как для больших праздников, для I собора положено παραμονή, т. е. богослужение в честь собора накануне праздника вечером. . . Утром в самый день праздника совершается утреня на амвоне, а после утрени читаются провозглашения св. соборов — προαναγινώσκεται οἱ προσφωνητικοὶ τῶν ἁγίων συνόδων, т. е. *вечная память отцам соборов и анафемы еретикам.* Затем следовала литургия с особыми, приноровленными к случаю, антифонами и чтениями из Апостола и из Евангелия. Устав службы IV и V соборов описывается сходно с уставом I, но короче. Отличие состоит в том, что положены особые тропари в память этих соборов и *чтение соборного определения на литургии после трисвятого* καὶ μετὰ τὸ τρισάγιον ἀναγινώσκεται ὁ ὅρος. На память II и VI соборов устав службы не излагается; не упоминается и о чтении ὁ ὅρος. VII собор тоже только упоминается, но с указанием на *чтение соборного определения* (μνήμη τῆς ἁγίας ϛ' συνόδου· ὅρος τῆς ἁγίας συνόδου τῆς ἐν Νικαίᾳ τὸ δεύτερον)[37].

Таким образом, приведенный документ начала IX в. свидетельствует, что в то время в богослужебной практике константинопольской церкви существовали особые тексты постановлений вселенских соборов для чтения на литургии в дни празднования этих событий. Как обязательная составная часть службы такие тексты — оросы, уставы, заповеди — должны были иметь установленную форму и канонический авторитет. Именно такую форму имеют тексты сербского перевода в Троицком списке — все сохранившиеся здесь „заповеди" составлены по одному плану: краткое указание на собор, вынесшей данное определение, определение собора и заключительная часть с обращением императора и провозглашением вечной памяти подвижникам за православие и анафемы еретикам. Цитаты из Синодика VII собора, встречающиеся в памятниках XI и XII вв., тождественные с текстами, сохранившимися в сербском переводе, с очевидностью подтверждают, что именно эти тексты представляют те канонически фиксированные оросы, которые в IX в. употреблялись в дни празднования соответствующих соборов.

Константинопольский типик дает следующие дни празднования соборов: I — в седьмое воскресенье после пасхи; II — 3 августа; IV — 16 июля; V — в первое воскресенье после IV; VI — 15 сентября; VII — 11 октября. Позднее к этому было присоединено празднование собора

[37] Н. Ф. Красносельцев. Ук. соч., стр. 223.

843 г. в связи с восстановлением иконопочитания в первую неделю великого поста — „неделя православия". По-видимому, в процессе постепенного возрастания значения последнего обряда с течением времени произошли изменения в праздновании памяти вселенских соборов, так что в настоящее время календарь, кроме недели православия, отмечает лишь три даты: память I собора в седьмое воскресенье после пасхи, память шести вселенских соборов 16 июля (прежде — день памяти IV собора) и память VII собора 11 октября. Вместе с тем отпали обряды чтения ороса в день празднования вселенских соборов, вместо чего утвердилось чтение Синодика в неделю православия.

Нужно предполагать, что и изменение дней празднования соборов, и изменение служебного чина в эти дни не могло быть следствием случайных местных изменений церковного устава, а было результатом определенных канонических мероприятий высшей церковной власти. Красносельцев в упомянутом сочинении в связи с гипотезой Ф. И. Успенского о том, что окончательная редакция текста Синодика недели православия принадлежала патриарху Михаилу Керуларию, высказал предположение, „что этому именно патриарху принадлежит как установление определенной формы празднования памяти торжества православия, так и окончательное приурочение этого празднования к первой неделе поста"[38]. Вместе с тем он указывает, что месяцесловы XI в. свидетельствуют о колебании церковной практики относительно времени празднования восстановления православия между первой неделей поста и 11 октября (память VII собора) и что древнейшее свидетельство о приурочении этого обряда к первой неделе поста в книге Константина Порфирородного „De caerimoniis"[39] позволяет думать, что приведенный здесь обряд первоначально не был рассчитан на постовое богослужение, а на другой день. Последнее мне не представляется вероятным, поскольку о приурочении обряда с анафематствованиями иконоборцев к дню памяти собора 843 г., т. е. к первой неделе поста (дату приводит уже современник собора Амартол), свидетельствует опиравшийся на хорошие современные источники Генесий[40], а за ним и другие авторы, например Продолжатель Феофана[41] в рассказе о наказании клеветников на патриарха Мефодия, которые были осуждены участвовать в ежегодной процессии в день празднования собора и слушать анафематствования на них самих до конца своей жизни.

Интересно, что дни празднования соборов в сербском Троицком тексте не совпадают с указанными днями Константинопольского устава IX в., а также и с нашим календарем. Во-первых, *память VII собора* отнесена к 7 октября, что не находит соответствия в других календарях — ни старых, ни позднейших; приходится думать или об ошибке переписчика, или об особых причинах, заставивших сербскую церковь в XIII в. перенести это празднование с 11 на 7 октября. *Память VI собора* перенесена с 15 сентября на 7-ю неделю по пасхе, в которую всегда праздновалась память I вселенского собора. Нужно думать, что это сделано из практического соображения; обычный день празднования памяти VI собора — 15 сентября — стоит рядом с днем двунадесятого праздника воздвижения (14 сентября), и поэтому нельзя было ожидать в такой день большого стечения молящихся, на которое было рассчитано выполнение обряда с чтением определений собора и сербских дополнений к нему. К тому же изложение вероучения I собора цитируется в тексте определения VI собора, и это могло оправдать перенесение данного обряда на день празднования памяти I собора. День *памяти IV собора* в Троицком тексте не обозначен, и поэтому нужно предполагать, что сохранена старая практика празднования 16 июля. Наконец, *Собор Великий патриарха Мины 536 г.*, согласно литургическому указанию Троицкого списка, должен был праздноваться на следующее воскресенье после памяти IV собора, т. е. в день празднования памяти V вселенского собора. Появление данной статьи на месте ожидаемых постановлений V вселенского собора заслуживает особого внимания, и изучение этого вопроса может пролить некоторый свет на причины и обстоятельства возникновения рассматриваемого нами сборника соборных постановлений.

Если мы примем во внимание, что постановления первого и второго вселенских соборов цитированы в имеющихся в сборнике определениях IV и VI соборов, то оказывается, что здесь отсутствуют только постановления III и V соборов. Оба эти собора относятся к одному и тому же вопросу — осуждению несторианства: III собор 431 г. осудил самого Нестория, V 553 г. — „три главы", т. е. творения Феодора Мопсуестского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, как несторианские (как несторианцы Ива Эдесский и Феодорит Кирский были осуждены на монофизитском „разбойничьем" соборе в Эфесе 449 г.). Очевидно, причина исключения постановлений обоих этих соборов из данного сборника была одна и та же: желание обойти вопрос о несторианстве. Дело в том, что это учение особо подчеркивало человеческую природу Христа (Иисус Назарянин только как носитель божественного слова) и было диаметрально противоположно монофизитству, а в дальнейшем и вытекавшему из него докетизму, и осуждение несторианства могло в той или иной степени ослабить силу осуждения монофизитства и вытекающих из него заключений. Учитывая же органическую связь иконоборчества с христологической проблематикой, столь обстоятельно показанную исследованиями Г. А. Острогорского[42], я думаю, что составление данного сборника определений IV, VI и VII вселенских соборов должно быть поставлено в связь с подготовкой материалов для восстановления иконопочитания на соборе 843 г. „Изображение образа Господа на иконах в плотском его виде служит обличением еретиков суесловящих, будто Он лишь призрачно, а не по истине сделался человеком", — формулировал патриарх Герман в письме епископу Фоме Клавдиопольскому основное догматическое положение иконопочитания[43]. Определения III и V соборов могли только затемнить этот вопрос.

---

[38] Н. Ф. Красносельцев. Ук. соч., стр. 226.

[39] Const. Porphyr. De caerimoniis, lib. I, cap. XXIII; lib. II, cap. XI.

[40] Genes. IV, ed. Bonnae, 1834, p. 79 sq.; Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 21.

[41] Ὁ καὶ τηρούμενον ἐράνη ἐπὶ πολὺ καὶ τῆς αὐτῶν μέχρις ἐτιμεύτη ζωῆς (Lib. IV, 10; Bonnae, 1838, p. 160); Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 24.

[42] Г. А. Острогорский. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества. Seminarium Kondakovianum, I, Prague, 1927, p. 35—48; его же. Гносеологические основы византийского спора о св. иконах. — Seminarium Kondakovianum, II, Prague, 1928, p. 48—52; Idem. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Historische Untersuchungen, hrsg. von E. Kornemann und S. Kaehler, Breslau, 1929, особенно первая глава — Die Schrift Kaiser Konstantins V gegen die Verehrung der Bilder Christi und das erste ikonoklastische Konzil, где показана генетическая связь иконоборческой доктрины с монофизитской догматикой.

[43] PG, t. 98, col. 173B; Г. А. Острогорский. — Seminarium Kondakovianum, I, p. 38.

По-видимому, именно этим обстоятельством должно быть объяснено и появление в сборнике определений „Великого собора“ патриарха Мины. Нельзя предполагать, чтобы выборка определений этого собора была сделана только для сохранившегося сербского перевода, так как, во-первых, эти определения не стоят в прямой связи с осуждением богомильской ереси, которая дала повод к возникновению данного перевода, а во-вторых, по своей канонической структуре этот акт вполне согласуется с выборками определений упомянутых вселенских соборов, а по содержанию стоит в непосредственной связи с определениями Халкидонского собора против монофизитства. Анафематизированные в 536 г. бывший антиохийский патриарх Север и его единомышленник епископ Петр Апамейский были уже синодом 518 г. осуждены как монофизиты и после этого продолжали вести борьбу за свои убеждения (в частности, Север после своего изгнания с антиохийской кафедры распространял в Египте учение, что Христово тело до воскресения было тленно), а их „общник и причастник“, сирийский монах Зоара, был в данное время особенно ревностным борцом за „евтихианство“. Им ставили в вину, что они не только не покорились авторитету церковного собора, осудившего их, но сами произносили анафему на „святых“ и даже в самом Константинополе напротив „истинных алтарей“ воздвигали свои алтари и баптистерии для крещения своих последователей[44]. Ввиду того, что никакого особенного празднования в память этого, невселенского, собора церковью не положено и что литургическое примечание к сербскому переводу его постановлений указывает на чтение данных определений в следующее воскресенье после памяти IV вселенского собора, нужно полагать, что эта подстановка определений собора 536 г. вместо определений V вселенского собора должна была практиковаться в константинопольской церкви в течение определенного периода, и мне кажется, что введение этого новшества могло быть сделано в эпоху борьбы за иконопочитание. Некоторым подтверждением этой догадки могло бы служить то, что в каноне, читаемом на утрени в день памяти первых шести вселенских соборов, особенно подчеркнуто осуждение Севера, тогда как в определениях V и VI соборов (которые должны были послужить основой для составления текста канона) имя Севера вообще не упоминается. Вероятнее всего, оно могло попасть сюда именно под влиянием определений собора 536 г., читавшихся одно время вместо определений V собора. К тому же и наименование данного собора, поставленного между IV и VI вселенскими, „Великим собором иже в самом Царском граде собравшимся на злочестивого Севира“, внушает мысль о желании придать его определениям авторитетность постановлений V вселенского собора.

Таким образом, мне кажется, что настоящий сборник, объединенный одной общей темой — опровержением иконоборчества и его монофизитских догматических предпосылок, представляет канонический сборник специального назначения, составленный по определенному поводу. Так как он обнимает и определения VII вселенского собора, очевидно, что составление его было вызвано потребностями именно собора 843 г., и этим объясняется причина присоединения данных текстов к Синодику недели православия, догматическую аргументацию которого они представляют. Останавливаясь на факте отсутствия актов собора 843 г., Успенский особенно подчеркивал то обстоятельство, что этот собор не был вселенским и что поэтому его решение, в сущности, сводилось к признанию святости VII вселенского собора, восстановившего иконопочитание в 787 г., и к подтверждению его канонических определений. „Новых постановлений не приходилось делать, ибо на VII вселенском соборе тщательно собрана была литература вопроса, при том же он имел высший авторитет как утвержденный вселенскою церковью“[45]. Такую картину рисует и современный источник, Слово Феофана пресвитера и препозита на перенесение мощей патриарха Никифора в Константинополь. По смерти императора Феофила, рассказывается здесь, царица Феодора, желая восстановить благочестие, сначала посоветовалась с высшими сановниками государства, затем собрала наиболее влиятельных монахов и, получив от них согласие на восстановление иконопочитания, поручила им „выбрать места из святоотеческих книг в подтверждение истины“ и, наконец, собрала во дворце многолюдный собор, который „утвердил II Никейский собор и одобрил все его определения“[46]. Поскольку вся литература в защиту иконопочитания была собрана уже на VII соборе, естественно предполагать, что упомянутая в приведенном известии „выборка из святоотеческих книг в подтверждение истины“ представляла именно сборник соборных оросов, который сопровождает Синодик. Актом подтверждения был, согласно с упомянутой догадкой Грюмеля, „второй орос VII собора“, утвержденный Михаилом и Феодорой, который сохранился в Мадридским тексте.

Особую проблему представляет вопрос о появлении в сборниках оросов вселенских соборов определений собора 920 г. о четвертом браке. Нужно думать, что причина этого лежит не в содержании определений 920 г., а в добавлениях 995—996 г., которые сделали данный акт „Актом единения“ в связи с ликвидацией раскола, вызванного определениями 920 г. Именно эта цель побудила церковные власти дать данному каноническому тексту значение ороса для торжественного оглашения в церкви, а установившаяся литургическая форма оросов послужила причиной присоединения к тексту „Акта единения“ схолий с многолетиями и анафематствованиями по типу Синодика, а частью и прямо заимствованных из него. Весьма вероятно, что это включение „Акта единения“ в сборник оросов произошло именно в последние годы X столетия, когда, по-видимому, были произведены и некоторые редакционные изменения в тексте Синодика[47].

Что касается причины отсутствия ороса собора 536 г. в болгарском тексте и в его греческом оригинале, мне кажется, что это нужно приписать вине позднейшего редактора (а может быть и переписчика), который заметил, что данные определения не принадлежат V вселенскому собору, и потому выпустил их как имеющие второстепенное значение.

II. РЕДАКЦИИ ГРЕЧЕСКОГО СИНОДИКА

По мнению Ф. И. Успенского, „основная часть Синодика, сохранившаяся в редакции первой четверти XI в. и повторяемая в позднейших списках, в целом своем составе не может быть рассматриваема ни как

[44] См. C. J. Hefele. Konciliengeschichte, II, 2 Aufl. Freiburg im Brisgau, 1875, S. 763—774.

[45] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 33—34.

[46] Acta Sanctorum, Martii, XI, p. 318; Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 30.

[47] Нужно отметить, что данные определения непосредственно присоединены к Синодику в одной из древнейших рукописей — Мюнхенской 380, фотографию которой мне любезно предоставил заведующий Отделом рукописей Баварской гос. библиотеки О. Мах. Пользуюсь возможностью выразить ему мою особую благодарность за эту услугу.

заимствование или сокращение из протоколов VII вселенского собора, ни как определение собора 842 г.[48] В этой редакции заметна литературная обработка разнообразного материала, поучительный элемент церковного слова и, наконец, исторические факты, имена и намеки, указывающие на происхождение ее скорее в XI, чем IX в.“[49]. „Первоначальная редакция этой части, составленная в 842 г., была короче, чем та редакция, в которой Синодик дошел до нас... Синодик, по самой своей цели служит знаменем церкви торжествующей, имел постоянную тенденцию развиваться и обновляться в обеих своих составных частях: положительной и отрицательной, т. е. в той, где провозглашается вечная память, как и в той, где произносится анафема. Нараставшие элементы распознаются по несомненным признакам: это имена лиц, живших после утверждения православия; распространение Синодика объясняется также привнесением в него местных эпархиальных элементов. Приняв это в соображение, можно допустить, что Синодик находился в постоянном процессе развития и пополнений и что древнейшая, дошедшая до нас редакция его, относящаяся к XII в., уже не совпадает с первоначальною, современною торжеству православия“[50]. „Нельзя полагать, что в 842 г. Синодик читался в том составе, в котором сохранила его редакция XI в., что он сразу приобрел устойчивость и ту как бы каноническую форму, которая дана древнейшей редакцией. Прежде всего находим возможным выделить в основной части Синодика некоторые элементы, обличающие субъективную точку зрения литератора или, вернее, церковного оратора, и чуждые объективности, беспристрастия и документальной точности, какими характеризуются официальные акты — соборные протоколы. При внимательном чтении легко увидеть, что это по существу есть церковное слово, произнесенное в храме св. Софии в день недели православия. Как слово одного из авторитетнейших церковных учителей, вполне удовлетворяющее цели и случаю, оно составило одно целое с Синодиком, хотя и не могло принадлежать к соборным актам“[51]. „Относительно же имени автора можем сослаться на рукописное предание, по которому известный Константинопольский патриарх Михаил Керуларий считается автором проповеди, составляющей дословное воспроизведение Синодика... Монфокон издал ее под заглавием „Письмо Никейского собора к святой александрийской церкви“, хотя против подобного заглавия говорит и форма, и содержание напечатанного документа, что и доказано было еще в начале XVIII в.[52] Издатель Патрологии, аббат Минь (t. 120, col. 722—723), на основании указаний Фабриция-Гарлеса напечатал этот документ под именем М. Керулария, ни словом не обмолвившись о том, что он тождественен с Синодиком. По существу же и Монфоконово

[48] В то время, когда Успенский писал свои „Очерки“, годом восстановления православия считался 842 г. Позднее De Boor исправил дату на 843 год („Angriff der Rhos.“, BZ, Bd. IV, 1895, S. 449—453), что было принято Гельцером, Крумбахером и А. Васильевым (А. Васильев. Византия и Арабы, т. I, СПб., 1900, стр. 142—146,), после чего именно эта дата становится общепризнанной (см. V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, p. 46, № 416).

[49] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 104.

[50] Там же, стр. 38—39; ср. там же, стр. 104.

[51] Там же, стр. 39.

[52] Mémoires de Trévoux, a. 1716, p. 40 sq. Перепечатано в PG, t. 120, col. 722, Notitia; cf. J. A. Fabricius. Bibliotheca graeca, Hamburgi, 1808, t. XI, p. 195. Повторенное здесь мнение авторов „Мемуаров“ о принадлежности текста Михаилу Керуларию перешло в последующую научную литературу. Аллаций на основании печатного издания Триоди, где в основу положен текст Синодика в редакции конца XIV в. со списком патриархов, доходившим до Филофея, приписал авторство Синодика этому патриарху. L. Allatii De libris ecclesiasticis Graecorum, Parisiis, 1645.

„письмо“ и „проповедь“ есть не что иное, как занимающий нас Синодик в неделю православия“[53]. Указывая затем на хронологическое несоответствие — серии царей и патриархов в Мадридском списке Синодика доведены до 1025 г., тогда как Михаил Керуларий стал патриархом в 1043 г., — Успенский высказывает догадку, что „М. Керуларий мог произнести свою проповедь ранее возведения в патриархи... Верным пока можем считать то, что новая редакция Синодика возникла из церковного слова и что это слово сказано около половины XI в.“[54]

Я позволил себе столь подробно цитировать заключения Успенского о древнейшей редакции Синодика, поскольку они в течение долгого времени были приняты в науке и легли в основу исследований о славянских редакциях памятника. Однако внимательное чтение „Очерков“ не вызывает в читателе чувства согласия с этими выводами.

Как можно видеть из приведенных в начале этой главы цитат из „Очерков“, в основе гипотезы Успенского стоит предположение, что текст Синодика должен был бы по форме отвечать тексту соборных определений 843 г. Эта предпосылка неправильна. Как сам Успенский хорошо показал анализом исторических данных о соборе по восстановлению иконопочитания, его определения должны были заключать только подтверждение определений VII собора и постановление об установлении обряда „торжества православия“. Синодик представляет именно текст данного обряда и заключает как раз то, что для данного случая требовалось: проповедь с изложением общего содержания соборных постановлений, формулировку основных заблуждений с анафемами еретикам. Формулирования догматической аргументации здесь не требовалось, поскольку она имеется в оросе VII собора, который читался вместе с Синодиком[55].

В связи с этим очень странной представляется гипотеза Успенского об авторстве Михаила Керулария в отношении к первой части Синодика. Насколько очевидна абсурдность заглавия Синодика у Монфокона как „Письма Никейского собора святой Александрийской церкви“[56], настолько же очевидно и хронологическое противоречие в гипотезе об авторстве Керулария. Сам же Успенский определил время происхождение Мадридского списка 1025—1028 гг., т. е. почти на четверть века старше патриаршества Михаила Керулария. А теперь мы располагаем списком Синодика с обычным текстом основной части (Ватиканский список, № 1600, XII в.), но со списком патриархов только до Полиевкта (ум. в 970 г.), т. е., по-видимому, из времени патриарха Василия (970—974) или Антония III (974—979)[57]. Да и вообще трудно объяснить, как могла „проповедь“ позднейшего времени войти в качестве составной части в каноническо-литургический памятник, бывший в церковном употреблении с середины IX в. Не исключено, что судьба Синодика действительно связана с патриархом Михаилом Керуларием, может быть именно в связи

[53] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 108—109.

[54] Там же, стр. 109.

[55] Очевидно, этим объясняется появление имен императора Михаила и Феодоры в заглавии „второго ороса святого и вселенского VII собора при Михаиле и Феодоре“, который вместе с „Синодиком благодарения“ находится в Мадридской рукописи. См. примеч. 13 и 14.

[56] B. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana, p. 96—102: Epistola synodi Nicaeanae (787) ad s. Alexandrinorum ecclesiam.

[57] Codices Vaticani graeci. Codices 1485—1683. Recensuit C. Giannelli. Civitas Vaticana, 1950, p. 242. Пользуюсь возможностью принести проф. Джаннелли благодарность за сообщение мне более подробных данных об этой и некоторых других рукописях.

с окончательным фиксированием празднования обряда недели православия[58], но текст „ежегодного Благодарения", конечно, принадлежит не ему, а возник в связи с установлением торжества православия в 843 г.

К такому выводу пришел и Михель в упомянутом исследовании о Синодике. Он считает, что текст „Благодарения" действительно написан каким-то патриархом: в его тоне чувствуется сильный авторитет; в тексте не имеется обращения к патриарху. Однако Керуларий не может быть автором Синодика — он писал другим стилем; слова „Благодарения" о восстановлении иконопочитания мнением всех церквей противоречат указанию „Сфалмы" 21-й, что некоторые латыняне не почитают икон; ни одна рукопись Синодика не носит имени Керулария; формуляр Мадридской рукописи восходит к началу XI в. — вряд ли тогда мог возникнуть текст с именами забытых иконоборцев: очевидно, эти имена внесены в текст Синодика современником. Имена царей и патриархов, внесенные в Синодик, не помогают определению хронологии основного текста и могут говорить только о древности последней редакции. Напротив, точное хронологическое указание находится в самом тексте: „В первый раз, по многолетном периоде уничтожения и оскорбления святых икон (*726—787 гг.*), возвратилось благочестие *(VII собор 787 г.)*; ныне же, вторично, сразу после 30 лет озлобления *(813—843 гг.)* совершил (бог) недостойным нам злых перемену . . ." Эта цитата прямо указывает, что текст „Благодарения" составлен именно для упомянутого в нем праздника. На это же указывает и параллель библейского воспоминания о втором обновлении иерусалимского храма со вторым восстановлением православия. Автором „Благодарения" должен был быть сам патриарх Мефодий (он был и автором стихов, которые помещены под иконой Христа, снова поставленной над вратами Халкопратии). В связи с этим получает особый смысл и известный рассказ о наказании противников Мефодия ежегодным выслушиванием возложенных на них анафематствований[59].

Грюмель также указывает на канонический характер Синодика, который у Пахимера и в Синоптической хронике носит название ороса. Текст был выработан или самим патр. Мефодием, или под его руководством, и обнародован в присутствии синода. Заглавие „Должное благодарение" — за возвращение храма св. Софии иконопочитателям — должно было принадлежать оригиналу. Судя по свидетельству деяний собора 1086 г. первоначально в день торжества православия читался орос VII собора (который нужно было восстановить после осуждения на иконоборческом соборе 815 г.), и это чтение его вместе с оросом 843 г. оставило на последнем след в его названии „вторым оросом VII собора при Михаиле и Феодоре". Текст Синодика был составлен не к самому торжеству православия в 843 г., а к его годовщине в неделю православия 844 г. В пользу этого предположения, кроме заглавия, в котором подчеркнут смысл „воспоминания", говорит: 1) выражение τὴν ἐγκαινίων ἡμέραν ἑορτάζομεν вместо τὰ ἐγκαίνια, что более бы отвечало самому событию; 2) последняя анафема τοῖς ἐπιμένουσι... указывает на промежуток времени, протекший после торжества православия, в течение которого часть упорных иконоборцев не отказалась от своих заблуждений; 3) обозначение Синодика в деяниях собора 1086 г. как συνοδικὸν τῆς ἀναμνήσεως καὶ εὐχαριστίας[60]. Последнюю поправку даты — с 843 на 844 г. — придется отвергнуть, так как неиспользованный до сих пор древнейший текст Синодика в ватиканской рукописи № 1554 в заключительной части введения, отличной от обычного текста, определенно указывает, что этот текст был составлен на соборе 843 г.

Принимая в остальном точку зрения Грюмеля и соглашаясь с его выводами об условиях возникновения первоначальной редакции Синодика, я думаю, что для большей ясности и определенности выставленных положений и выводимых из них заключений не будет лишним еще раз пересмотреть аргументацию теории Ф. И. Успенского о позднейшем происхождении дошедшего до нас текста.

Указывая, что первая часть Синодика представляет церковное слово, Ф. И. Успенский обращает внимание на то место, где эта проповедь характеризуется как *благодарение* (εὐχαριστία) по случаю победы над иконоборцами и где затем указывается, что страдания, перенесенные от иконоборцев, *будут описаны* в другом сочинении (ἕτερος ὁ λόγος καὶ λογογραφία διεξωδικωτέρα δηλώσει). Подчеркивая, что подобное выражение не могло иметь места в соборных актах, Успенский считает, что „это могло быть сказано уже много после совершившихся событий"[61]. Данное место, конечно, не принадлежало к соборным актам, а стоит в поучительном введении к тексту обряда „Благодарения". Но какие основания для предположения о его составлении в позднейшее время? Обещать слушателям, что история иконоборчества будет представлена в последующей хронографии, естественно было современнику событий и совсем не подходило бы ни Михаилу Керуларию, ни вообще какому-нибудь писателю X или XI в., которым в данном случае незачем было бы обещать будущих описаний, а достаточно было сослаться на предшествующих хронистов IX—X вв. Михель нашел одну проповедь на праздник Православия в сборнике слов Феофана Керамевса, которая вполне отвечает обещанному в Синодике „второму слову". Этот λόγος διηγματικός объясняет повод празднования, рассказывает различные случаи из эпохи иконоборчества и заканчивается цитатой из „Благодарения" — „ταύτην οὖν τὴν πανήγυριν ἑορτάζομεν", проклиная при этом „начальников скверны" и чествуя иконы. Поскольку сборники проповедей, приписываемых этому проповеднику XII в., содержат ряд произведений его предшественников в области гомилитики, возможно предполагать, что и данный текст является переработкой более древнего произведения[62].

Второе приводимое Успенским место из „Благодарения" тоже ничего не говорит в пользу его гипотезы. „Мы сочли, — читаем мы здесь, — справедливым начертать на сердцах братии как на некоей колонне, составленной из громадных плит и приготовленной для иссечения надписи, с одной стороны, благословения, какие приличны соблюдающим закон, с другой — клятвы, которым подвергают себя преступники закона". Успенский полагает, что проповедник употребляет этот риторический образ, имея ввиду те видимые плиты в храме св. Софии, на которых высекались постановления вселенских соборов[63]. Но если этот литературный образ в данном случае действительно имел в виду ассоциацию с видимыми плитами, то и это естественнее приписать современнику, который мог желать обратить внимание прихожан на эти новые надписи на Софийских плитах, а может быть, даже говорит о предстоящем появлении этих записей, которых еще не успели высечь.

---

[58] См. выше примеч. 38; ср. A. Michel, Op. cit., S. 20—21.
[59] A. Michel. Op. cit., S. 5—7.
[60] V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, p. 52—54, № 425.

[61] Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 95—96.
[62] PG, t. 132, col. 425—443; A. Michel. Op. cit., S. 12—13.
[63] Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 96.

Доказательство позднейшего происхождения текста Успенский видит и в словах: „как благословения отцов переходят на нас, сынов их, ревнующих благочестию их, так и клятвы их постигают отцедосадителей и презирающих Господние заповеди". Писавший это, указывает Успенский, очевидно, „не был современником тех соборных отцов, которые изрекли благословение борцам за православие и анафему иконоборцам"[64]. Последнее, конечно, очевидно, но вместе с тем ясно, что в данном случае под „отцами" следует предполагать не участников собора 843 г., а „отцов" VII вселенского собора, в первый раз осудившего иконоборчество и восстановившего иконопочитание[65].

Далее Успенский полагает, что протоколам собора не могла принадлежать и вся статья основной части, предшествующая перечислению имен анафематствуемых иконоборцев, в которой говорится о „пребывающих в иконоборной ереси, паче же в христоборном отступлении", не внимающих ни Моисееву законоположению, ни апостольскому учению, ни учению отцов, „ниже согласному определению всей вселенской церкви". Под определениями всей вселенской церкви Успенский хочет видеть определения собора 843 г., утвержденные согласием римского папы[66]. Поскольку здесь это определение *всей вселенской* церкви приведено после Моисеева законоположения, апостольского учения и святоотеческого предания, очевидно, что здесь имеется в виду именно постановление VII вселенского собора, на который опирались и определения собора 843 г.

Успенский обращает внимание и на якобы „необычное для IX в. выражение об иконоборцах, что „они приложились к иудейской и еллинской части". Он указывает, что в IX в. иконоборство выводили с Востока и приписывали его еврейским внушениям, „на иконопочитание же смотрели как на черту западную, характеризующую эллинизм. Позднее эллинизм стал пониматься как синоним языческого, противоположного христианской догматике, и притом по связи с философскими воззрениями Платона и неоплатоников"[67]. Михель возражает, утверждая, что приведенный способ выражаться о еллинах и иудеях для IX в. вполне возможен. По его мнению, можно предполагать, что в Синодике в данном случае имеются в виду языческие ругатели иконопочитания. Он напоминает, что выражение „иудеи и еллины" встречается в посланиях Иоанна Златоуста (PG, t. LII, col. 567—568), вероятно, под влиянием известного места I-го послания апостола Павла к Коринфянам[68]. Не вдаваясь в рассмотрение сложного вопроса, насколько вообще правильно цитированное мнение Успенского о хронологии различных фаз в изменении содержания понятия „еллинства" в церковной литературе, я думаю, что в данном случае это выражение не имеет того значения, которое ему приписал Успенский. Синодик осуждает иконоборцев как еретиков, решающихся хулить „первообразное", чем они сами себя „приложили к иудейской и еллинской части". По всей вероятности, Синодик употребил здесь это выражение под влиянием соответствующего места ороса IV собора[69], где предаются проклятию отвращающие желающих „обратиться в разум истинный от еллинства или жидовства, сиречь от каковой-либо ереси". Здесь, как видим, всякая ересь квалифицируется как „еллинство или жидовство".

Наконец, по мнению Успенского, и „общий план дошедшей до нас редакции Синодика позволяет усматривать в ней литературную обработку не современника собора 842 г., а позднейшего времени". Успенский ссылается при этом на то, что и „в положительной и отрицательной части (т. е. и там, где излагаются положения церковного учения об иконопочитании, там, где говорится о заблуждении еретиков) центр тяжести сосредоточивается... на двух пунктах христианской догматики: на таинстве вочеловечения Бога-Слова и на соответствии ветхозаветных обетований с новозаветным благодатным исполнением". Сопоставляя эти положения с Деяниями VII вселенского собора, Успенский приходит к заключению, что в Синодике „есть элементы церковного учения, выходившие из круга занятий отцов VII вселенского собора", что поэтому „содержание Синодика частью шире того, что должно было содержаться в первоначальной его редакции 842 г., частью же теснее; шире — потому что догматические вопросы разрешены были церковью не на VII вселенском соборе, теснее — потому, что уделено мало места иконоборческому элементу"[70]. Подчеркивая, что каноническая часть вся „без изменений встречается во всех списках" и „носит выразительные черты авторства одного лица"[71], Успенский находит в построении этой части тот же план, который начертан и в прологе.

Два не анализированных до сих пор Ватиканских текста, восходящих к X столетию — № 1554 и 1607[72], проливают новый свет на вопрос о первоначальной форме Синодика. Здесь, с одной стороны, находим то же введение, что и в позднейших текстах, чем подтверждается мнение Михеля о возникновении „Благодарения" в связи с установлением торжества православия. С другой стороны, каноническая часть представляет большие расхождения с обычным позднейшим текстом (как в распределении материала, так и в большей зависимости отдела анафематствований от Деяний VII собора), что свидетельствует о ряде последовательных редакций данного отдела в основном тексте Синодика.

В основном тексте обычной редакции (несколько видоизменяя распределение Михеля)[73] можно выделить четыре главные составные части.

I. *Риторическое введение — „Благодарение"* богу за восстановление иконопочитания: Προφητικαῖς ἑπόμενοι ῥήσεσιν, ἀποστολικαῖς τε παραινέσεσιν εἴκοντες καὶ εὐαγγελικαῖς ἱστορίαις στοιχειούμενοι τῶν ἐγκαινίων τὴν ἡμέραν ἑορτάζομεν... и т. д. до διὸ φαμὲν τάδε.

II. *Положительная каноническая часть*, распадающаяся на два отдела. а) Общая часть, в которой по отдельным параграфам сформулировано семь догматических положений иконопочитания с присоединением „вечной памяти" исполнителям каждого определения: Τῶν τὴν ἔνσαρκον τοῦ Θεοῦ λόγον παρουσίαν... ὁμολογούντων αἰωνία ἡ μνήμη; Τῶν εἰδότων τῆς τοῦ Χριστοῦ μιᾶς καὶ αὐτῆς ὑποστάσεως...; Τῶν πιστευόντων καὶ διακηρυκευομένων ...; Τῶν τῷ λόγῳ ἁγιαζόντων τὰ χείλη...; Τῶν ἐπισταμένων ὡς ἡ ῥάβδος...; Τῶν τὰς προφητικὰς ὁράσεις...; Τῶν συνιέντων Μωσέως λαλοῦντος...

---

[64] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 97.
[65] Ср. A. Michel, Op. cit., S. 7—8.
[66] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 97—98.
[67] Там же, стр. 98.
[68] A. Michel. Op. cit., S.8.
[69] См. издаваемый текст.

[70] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 98—100.
[71] Там же, стр. 96.
[72] Ватиканский список № 1607 представляет собой отрывок оригинальной рукописи X столетия времен патриарха Антония III (974—979), Ватиканский № 1554 — калабрийскую копию XII в. со списка X столетия, вероятно, также времени патриарха Антония III.
[73] A. Michel. Op. cit., S. 2—4: 1) „благодарение", 2) тезисы иконопочитания, 3) прославление борцов за благочестие, 4) анафемы и заключение.

Заканчивается эта часть обычным для оросов прославлением „правой веры": οἱ προφῆται ὡς εἶδον, οἱ ἀπόστολοι ὡς ἐδίδαξαν,... οὕτω φρονοῦμεν, οὕτω λαλοῦμεν... Αὕτη ἡ πίστις τῶν ἀποστόλων... *б) Поименное прославление борцов за правоверие*: ἐπὶ τούτοις τοὺς τῆς εὐσεβείας κήρυκας... ἀνευφημοῦμεν καὶ λέγομεν· Γερμανοῦ, Ταρασίου, Νικηφόρου καὶ Μεθοδίου... αἰωνία ἡ μνήμη... и т. д. (Михель выделяет эту часть текста — II б — в особую часть III, но непоследовательно оставляет в одной части аналогичный отрицательный отдел общих осуждений и личных анафематствований). Необходимо особо подчеркнуть, что общая часть IIа во всех списках остается неизменной во всех деталях, тогда как часть IIб с поименными прославлениями с самого начала представляет текст с изменяющимися данными.

III. *Отрицательная каноническая часть*, представляющая полную аналогию предшествующей части: Αὗται ὡς εὐλογίαι πατέρων ἀπ'αὐτῶν εἰς ἡμᾶς... διαβαίνουσιν, ὡσαύτως δὲ καὶ ἀραὶ τοὺς πατραλοίας... καταλαμβάνουσιν. διὸ... αὐτοῖς τὴν ἀρὰν... ἐπιφέρομεν. Затем следуют: а) пять общих *параграфов осуждения догматических заблуждений*. — Τοῖς λόγῳ μὲν τὴν ἔνσαρκον ἐκονομίαν τοῦ Θεοῦ λόγου δεχομένοις, ὁρᾶν δὲ ταύτην δι' εἰκόνων οὐκ ἀνεχομένοις..., анафема; Τοῖς τῷ ῥήματι...; Τοῖς τὰς μὲν προφητικὰς ὁράσεις...; Τοῖς ἀκούουσι τοῦ Κυρίου...; Τοῖς ἐπιμένουσι τῇ εἰκονομάχῳ αἱρέσει...); б) *Поименные анафемы еретикам*: Ἀναστασίῳ, Κωνσταντίνῳ καὶ Νικήτᾳ τοῖς ἐπὶ τοῦ Ἰσαύρου κατάρξασι τῶν αἱρέσεων... ἀνάθεμα, и т. д. Аналогично предшествующей положительной части и здесь, IIIа с общими положениями остается неизменяемой, поименные же анафематствования в IIIб дополняются новыми именами, а позднее и целыми новыми отделами с осуждением позднейших еретических движений.

IV. *Заключительная часть Синодика*, содержащая: а) *общие осуждения иконоборчества*, заимствованные из Деяний VII собора: Ὅλοις τοῖς αἱρετικοῖς, ἀνάθεμα; Τῷ φρυξαμένῳ συνεδρίῳ... Τοῖς ἐκλαμβάνουσι τὰς... ῥήσεις...; Τοῖς κοινωνοῦσι ἐν γνώσει... и т. д.); б) Многолетия царю и патриарху и *вечная память* умершим царям и патриархам — часть с постоянно изменяющимися данными, представляющими чрезвычайно важный материал для датировки текстов и определения эпархиальных редакций; в) *Заключительная статья* с молитвой о прославлении „подвижников за благочестие и о божией милости предстоящим" Ἡ ἁγία Τριὰς αὐτοὺς ἐδόξασεν. Τούτων τοῖς ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας μέχρι θανάτου... Ἀμήν.

В развитии текста Синодика нужно различать: а) изменения в содержании и распределении отделов канонической части; б) изменения в просопографическом материале и в) догматические наслоения в связи с новыми еретическими движениями. Последняя категория изменений позволяет установить ряд последовательных редакций Синодика, которые мы обозначим буквами А, Б, В и т. д. Постепенное нарастание имен в рамках отдельных редакций дает возможность наметить и отдельные моменты в истории эволюции данного текста; обозначаем их порядковыми числами А—1, А—2 и т. д.

Синодик 843 г. без дополнений XI в. А

Как было уже указано, два древнейших текста — Ватиканский № 1607 и Ватиканский № 1554[74] представляют особую редакцию основного текста, которую следует считать древнейшей. Хотя № 1607, сохранившийся только в отрывке, имеет известные расхождения с текстом № 1554, однако совпадение ряда статей с очевидностью свидетельствует, что в данном случае мы имеем две версии одной и той же редакции. № 1554 — в рукописи XII в. — содержит весь текст Синодика: I — *„Благодарение"* обычного вида, целиком, но без последней фразы, которая в позднейших текстах служит переходом к положительной канонической части „Διὸ φαμὲν τάδε". Вместо этого текст переходит к III — *отрицательной канонической части*: продолжает последнюю фразу введения определением необходимости почитать иконы и ссылкой на постановление вселенского собора об анафематствовании еретиков. Затем идет ряд особых статей с анафемой: Симону и Манесу; Арию, Македонию и Аполлинарию; Несторию, Евтихию и Диоскору; затем 11 статей против иконоборцев начиная от „τῷ φρυξαμένῳ συνεδρίῳ...", заимствованных из деяний VII собора; последняя из этих статей — с анафемой Феодосию, Сисинию Пастиле, Василию, Константину и Иоанну (Иоанна в деяниях VII собора нет); заканчивается отдел статьей „всем еретикам анафема". Сразу за этим идет II — *положительная каноническая часть*: семь общих статей вечной памяти (Τῶν τὴν ἔνσαρκον... и т. д.), которые заканчиваются обычным прославлением: „οἱ προφῆται ὡς εἶδον..." до „Αὕτη ἡ πίστις...". Непосредственно за этим идут *вечные памяти и многолетия* IV части: Михаилу и Феодоре; царям Василию, Константину, Льву и Александру; семи вселенским соборам; Герману, Никифору, Тарасию и Мефодию патриархам; Игнатию, Фотию, Стефану и Антонию II (ум. в 901 г.) патриархам; Феофилакту, Петру, Михаилу и Иосифу митрополитам; Евфимию, Феофилу и Емилиану архиепископам; Иоанну, Николаю и Георгию епископам; Феодору исповеднику Студиту; Исаакию и Иоанникию; Илариону Далматскому; Симеону Стилиту; и еще один параграф — патриархам Николаю, Евфимию, Стефану, Трифону, Феофилакту и Полиевкту (ум. в 970 г.). Затем идут статьи многолетий с „имя рек": императору, патриарху, митрополитам, протоспафарию и стратигу Калабрии и всем православным иереям и мирянам. Текст заканчивается обычным отрывком: Τούτων τοῖς ὑπὲρ εὐσεβείας... Память последнего упомянутого патриарха Полиевкта позволяет датировать настоящий текст временем его наследника Василия I (970—974) или, еще вероятнее, следующего патриарха Антония III (974—979) — Василий I был низложен, и отсутствие ему вечной памяти указывает, что он в то время еще был в живых. Особенно интересно прославление стратига Калабрии: возможно, появление этого вельможи в тексте Синодика следует поставить в связь с переходом Калабрии и Сицилии под власть Византии по договору с Оттоном III в 972 г.

№ 1607 — в рукописи X в. — содержит только вторую часть Синодика; утеряны: введение, статьи анафематствований древних еретиков и первая статья против иконоборцев „Τῷ φρυξαμένῳ συνεδρίῳ". Текст сохранился со следующей статьи „Τοῖς χριστιανοκατηγόροις, ἤγουν τοῖς εἰκονοκλάσταις, ἀνάθεμα" и точно соответствует тексту № 1554 до последней статьи отрицательной части с анафемой Феодосию, Сисинию, Василию, Константину и Иоанну. Но далее нет положительной канонической части, а сразу идут вечные патяти: Михаилу и Феодоре; семи вселенским соборам; Никифору, Тарасию и Мефодию (интересно, что и здесь, как в № 1554, Никифор и Тарасий переставлены); Герману (особая статья); Феофилакту, Феофилу, Петру, Евфимию, Михаилу, Феодору Грапту и Феофану-исповеднику, брату его; Феодору Студиту; Стефану, Петру и Андрею новомученикам; Никите и Никифору монахам и игуменам Мидикийского монастыря; Игнатию, Фотию и Стефану патриархам; Антонию, Николаю, Стефану и Трифону (ум. в 931 г.) патриархам. Затем многолетия: Василию и Константину *нашим* царям; Антонию вселен-

[74] Оба текста издаются по фотографическим снимкам, любезно присланным мне Ватиканской библиотекой.

скому патриарху (974—979). После этого заключение — иное, чем в обычном тексте: „Ὁ δὲ πάντων ἡμῶν σωτῆρ καὶ δεσπότης, ὁ ταῖς ἐκκλησίαις αὐτοῦ τὴν εἰρήνην εὐδοκήσας βραβεύσαι διὰ παντός, ἐν εἰρήνῃ καὶ ὁμονοίᾳ καὶ ὀρθοδόξῳ πίστει διατηρήσει καὶ φυλάξει πάντας ἡμᾶς· καὶ τὸν βασιλέα ἡμῶν στεφανῶν ταῖς νίκαις, ἐν πολλοῖς ἔτεσιν διαφυλάξει τὴν ἁγίαν καὶ δικαίαν αὐτῶν βασιλεῖαν σὺν τῷ συγκλίτῳ καὶ ἄρχουσι, καὶ τῷ πιστοτάτῳ στρατῷ καὶ παντὶ πολιτεύματι. Ὅτι αὐτῷ πρέπει πᾶσα δόξα καὶ τιμὴ καὶ προσκύνησις, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ Ἁγίῳ Πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν. Серия патриархов, доходящая только до Трифона, свидетельствует, что настоящий текст представляет список от времени патриарха Антония с оригинала от времени патриарха Феофилакта (933—956). Не исключено, что происхождение этого формуляра стоит в связи с началом единодержавия императора Константина VII (944 г.). 30-летний промежуток между данным формуляром и текстом № 1554 может объяснить значительные редакционные изменения, которые мы находим в последнем.

Приведенные тексты свидетельствуют, что первоначальная редакция Синодика действительно была значительно короче и проще по плану, чем обычный позднейший текст. Судя по № 1607, она содержала: 1) Благодарение (как в № 1554), 2) анафематствования иконоборцам, главным образом заимствованные из Деяний VII собора, 3) вечные памяти и многолетия и 4) заключительный отрывок с молитвой о церковном мире и о государе.

Особая статья с вечной памятью патриарху Герману свидетельствует, что в первоначальном тексте 844 г. эта вечная память, заимствованная из ороса VII собора, существовала как особая статья. Вероятно, тогда же была присоединена и следующая статья с памятью Никифору и Тарасию, к которым последующая редакция прибавила позднее Мефодия. Нужно отметить, что в статье с вечной памятью митрополитам и епископам приведены и данные об их епархиях (Феофилакту, епископу Никомидии и т. д.), которые в позднейшей редакции выпали. Особо следует подчеркнуть, что в этом же списке среди прославляемых патриархов приведен и Фотий, чем опровергается мнение Михеля, что имя этого патриарха было внесено в Синодик после 996 г. при переделке текста в связи со схолиями к „акту единения“ [75].

Многолетие патриарху Антонию III в № 1607 свидетельствует, что эта редакция, которую пока можем считать первоначальной или очень близкой к ней, держалась до 70-х годов X в. Текст № 1554 позволяет предполагать, что, по-видимому, при этом же патриархе, может быть, в связи с началом царствования Василия II и Константина VIII (976 г.) была произведена большая редакторская работа над Синодиком. В него был внесен целый новый отдел — положительная каноническая часть с семью статьями общих положений иконопочитания и заключительным прославлением подвижников благочестия, которая вставлена после отдела анафематствований, перед заключительными статьями вечных памятей и многолетий императорам и иерархам. При этой редакции был составлен и новый заключительный отрывок „τούτων τοῖς ὑπὲρ εὐσεβείας μεχρὶ θανάτου...“

Вскоре — по-видимому, при наследнике Антония III патриархе Николае II Хрисоверхе (979—991) [76] — была произведена новая полная редакция Синодика, в результате которой возник обычный текст, переходивший потом в неизменном виде в позднейшие редакции. В соответствии с планом „Благодарения“ положительный канонический отдел был поставлен перед отрицательной частью, причем вместе с общими статьями прославления иконопочитания были перенесены и те вечные памяти из заключительной части, которые имели значение исторических воспоминаний в связи с икономахией. Соответственно был заново составлен отрицательный догматический отдел с параллелизмом статей, на который обращал внимание Успенский, и с добавлением личных анафематствований. Прежние статьи общих анафематствований, заимствованные из деяний VII собора, были переброшены в заключительную часть, где за ними были поставлены многолетия и вечные памяти царям и иерархам, и заключительный отрывок Антониевой редакции. Поскольку ряд статей данной редакции вошел в схолии к „Акту единения“ 995—996 г., нужно думать, что эта редакция была произведена около того же времени, а перечень почивших патриархов, доходящий до Антония III, позволяет с большой вероятностью датировать эту редакцию временем наследника патриарха Антония, Николая II Хрисоверха. Впрочем, не невозможно, что эту редакцию выполнил и сам патриарх Антоний, поскольку она имеется уже в Ватиканском списке № 1600 с формуляром, восходящим ко времени Антония.

Обычная редакция основного текста Синодика, без добавлений XI в., дошла до нас в четырех списках.

Ватиканский список № 1600 [77], XII в., с формуляром X в. Списка императоров нет; патриархи во II отделе — Герман, Тарасий, Никифор и Мефодий; Игнатий, Фотий, Стефан и Антоний II; в заключительной части — Николай, Евфимий, Стефан, Трифон, Феофилакт и Полиевкт (ум. в 970 г.). По-видимому, этот формуляр должен относиться ко времени партиарха Василия I или Антония III. Список принадлежал Криптофератскому монастырю: имеется многолетие криптофератскому игумену (имя рек), папе (имя рек), и кардиналам.

Список Мадридской Национальной библиотеки O_2 — копия XVI в. с текста из времени императора Константина VIII (1025—1028): список покойных императоров кончается Василием II (ум. 1025), а список покойных патриархов Евстафием (1019—1025). Мадридский текст положен в основу сводного текста в издании Успенского.

Список Коаленовой библиотеки 34 в рукописи XII в., скопированный с оригинала 1052—1054 гг.[78] В числе покойных находим императора Михаила (ум. 1051), императрицу Зою (ум. 1050) и антиохийского патриарха Василия (ум. 1052)[79]. Однако список вселенских патриархов доходит только до Сисиния (996—998). Михель предполагает возможность случайного пропуска[80], но мне кажется более вероятным предполагать в основе Коаленова формуляра еще более древний царьградский формуляр из времени патриарха Сергия (1001—1019). Характер-

[75] A. Michel. Op. cit., S. 13—20; ср. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 100—101.

[76] Хронология патриархов дается с поправками по V. Grumel. Regestes..., vol. I, fasc. II—III.

[77] Список еще не издан и не анализирован. Пользуюсь фотографическим снимком.

[78] Текст издал B. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana, p. 96—102 (=Mansi, XIII, 809—820 = PG. t. 120, col. 724—736); Коаленов текст перепечатан в подстрочных примечаниях у Е. В. Петухова (Ук. соч., стр. 10—40). Рукопись сейчас находится в Парижской Национальной библиотеке. (См. H. Omont. Inventaire sommaire des Manuscrits du suppl. gr. Paris, 1883, p. VII).

[79] О хронологии антиохийских патриархов см.: V. Grumel. Le patriarchat et les patriarches d'Antioche sous la seconde domination byzantine, 969—1084. — „Échos d'Orient“, vol. XXXIII, 1934, p. 127—147.

[80] A. Michel. Op. cit., S. 15.

ную особенность Коаленова формуляра, кроме списка антиохийских патриархов (который отсутствует в Ватиканском 1600 и в Мадридском списках), представляет перемещение анафем заключительной части, заимствованных из ороса VII собора, и следующих за ними многолетий императорам, в конец положительной канонической части (IIб). Михель считает этот порядок частей присущим древнейшей редакции, но сравнение с более древними списками, где этот распорядок отсутствует, свидетельствует, что в данном случае имеет место редакционное колебание в связи с переработкой текста в конце X столетия.

Почти точную копию Коаленова текста, дополненную 11 статьями против Иоанна Итала (1082), представляет *Мюнхенский список греч. 380* в рукописи XII в. Вопреки указаниям Михеля на имеющиеся различия в просопографических данных, якобы позволяющие говорить о несколько более раннем формуляре Мюнхенского текста в сравнении с Коаленовым, приходится констатировать тождественность этих элементов: вечная память императорам идет до Михаила (хотя в середине списка имеется пропуск нескольких имен), приведена особая статья с вечной памятью императрице Зое, антиохийские патриархи перечислены также до Василия. Тождественность имеется и в распорядке материала — и здесь анафематствования из ороса VII собора поставлены в конец положительной канонической части. Общей особенностью обоих этих списков, возводящей их к общему формуляру, является пропуск имени патриарха Фотия в возглашении вечной памяти патриархам в статье заключительной части, тогда как это имя упоминается рядом с патриархом Игнатием в возглашениях, помещенных в положительном каноническом отделе[81]. Очевидным свидетельством более позднего происхождения Мюнхенского формуляра является упомянутый отдел со статьями против Итала, который отсутствует в Коаленовом списке.

Общей особенностью Коаленова и Мюнхенского формуляров является и статья с осуждением Геронтия из Лампи, распространявшего ересь на Крите. Указывая на то, что данная статья не имеет твердого места в Синодиках, Успенский допускал возможность, что она могла относиться ко времени императора Мануила Комнина, так как в источниках его времени упоминается Дмитрий из Лампи[82]. Между тем наличие данной статьи в Коаленовом и Мюнхенском текстах свидетельствует, что здесь идет дело о разных личностях и что Геронтий Синодика жил ранее середины XI в. Поскольку его не находим в более ранних формулярах, включая Мадридский 1025—1028 гг., следует предполагать, что эта статья внесена в Синодик только во второй четверти XI в., может быть, именно в редакции Михаила Керулария.

Более раннего происхождения, но тоже дополнение, не принадлежавшее первоначальной редакции, — предшествующая статья с осуждением Павла „иже в Савла развратившегося", Феодора Гасти, Стефана Милита, Феодора Крифина и Лалудия Льва. Эти лица были осуждены собором 869 г. в связи с разбором иконоборческого дела Феодора Крифина, и Успенский правильно заключает, что данная статья могла войти в Синодик лишь после 869 г.[83]

[81] В Мюнхенском списке пропущенное имя патриарха Фотия написано на полях, той же рукой, что и текст: очевидно, писец считал этот пропуск в своем оригинале результатом ошибки предшествующего писца.

[82] Синодик, стр. 14, примеч. 3 и стр. 29, примеч. 1; Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 233 и сл.

[83] Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 103—101. Успенский обращает при этом внимание на свидетельство Деяний VII собора об осуждении Феодора Крифина, епископа Сиракузского, но предполагает, что здесь имеются в виду разные лица.

Таким образом, в своей основной части, которая потом в более или менее неизменяемом виде входит во все позднейшие редакции, Синодик прошел сложный путь развития.

Первоначальный текст — А-1 — содержал только „Благодарение", анафемы иконоборцам, заимствованные из Деяний VII собора, и возглашения царям и иерархам (Ватик. № 1607). В течение периода существования этой первой редакции шел процес объединения ряда отдельных возглашений в две статьи: а) вечная память патриархам — борцам за иконы и б) вечная память пяти первым патриархам после Мефодия (Игнатий, Фотий, Стефан, Антоний II и Николай — до 925 г.). Следующие за Николаем патриархи уже не вносились в эту статью, а перечисляются в особой статье заключительной части. Эти две статьи в устойчивой форме были позднее перенесены в положительную — каноническую — часть и в таком виде вошли в позднейшие тексты, до печатной Триоди.

Вторая редакция — А-2 — внесла в текст новый отдел из 11 положительных статей с многолетием поборникам православия, поместив его за анафематствованиями VII собора как переходную часть к возглашениям Заключения. Возможно, эта редакция возникла около середины X в., но во всяком случае до 70-х годов.

Третья редакция — А-3 — при патриархе Антонии III в 70-х годах X столетия целиком переработала весь текст. Перенесла положительную каноническую часть на второе место, сразу за „Благодарением"; в соответствии с ней создала новую отрицательную каноническую часть с семью статьями общих осуждений положений иконоборчества и с тремя статьями личных анафематствований: а) патриархам первого периода иконоборчества (730 — 780) — Анастасию, Константину и Никите; б) патриархам-иконоборцам второго периода (815 — 843) — Феодоту, Антонию II и Иоанну VII и в) упорствующим иконоборцам, осужденным собором 869 г. (Павел, Феодор Гасти и др.). Отдельные статьи этой редакции вошли потом в схолии к „акту единения" 995—996 г., а предшествующие редакции вышли из употребления и лишь счастливым случаем сохранились в списках, попавших на Запад — в Калабрию и Криптофератский монастырь.

Наконец, четвертая редакция — А-4 — прибавила к отрицательному отделу статью с осуждением Геронтия из Лампи, по всей вероятности, во второй четверти XI столетия.

Таким образом, устойчивая форма основной части Синодика, которая встречается потом в составе позднейших редакций, окончательно сложилась, по-видимому, именно ко времени Михаила Керулария, как это предполагал Успенский.

Дополнения XI—XIV вв.

В эпоху Алексея Комнина, в конце XI и в начале XII в., Синодик получил четыре канонических наслоения, которые находим в списке Венской Национальной библиотеки № 307[84]. Эта рукопись XII в. составлена при императоре Мануиле Комнине (1143—1180) — в тексте имеется многолетие этому императору — во всяком случае ранее 1156 г., так как не содержит постановлений против Сотириха, принятых на соборе этого года. По всей вероятности, может быть точнее датирована временем патриарха Михаила Куркуаса (1143—1146), так как серия патри-

[84] Текст Венского списка положен Успенским в основу издания сводного текста Синодика для времени Алексея Комнина. В остальных частях текста особенности Венского списка приведены Успенским в подстрочных примечаниях.

архов в статье вечной памяти доходит до его времени (последними упомянуты Евстратий, Николай, Иоанн и Лев — 1143 г.). Текст содержит следующие наслоения, которые следует рассматривать как последовательные редакции Синодика.

Б. *Одиннадцать статей против Иоанна Итала и его школы* в связи с осуждением этого учения на соборах 1076—1077 г. (XV индикта) и 1082 г.[85] Этот отдел встречается затем во всех позднейших списках, иногда с выпуском нескольких статей.

В. *Одна статья против монаха Нила*, осужденного на соборе при патриархе Николае около 1087 г.[86] за учение, что „человечество обожествлено по естеству". В связи с процессом Нила на том же соборе осуждена „армянская ересь", которая также нашла отражение в некоторых списках Синодика.

Г. *Пять статей против богомильства, осужденного на соборе* 1111 г.[87] Вопрос об этом отделе в составе Синодика представляется особенно сложным. В данной протокольной форме этот текст находится в двух текстах — Венском и Эскуриальском — конца XII или первых годов XIII в. Почти во всех позднейших списках отдел о богомильстве совсем отсутствует. В двух списках Афинской митрополии (Святогорской Лавры св. Афанасия № I, 197 и Богословской школы в Халке № 39), восходящих к формуляру времени патриарха Иоанна Агапита (1111—1134)[88], вместо обычного текста вставлен позднее „Томос" монаха Ефимия из Перивлепты, который в первых изданиях этого памятника и у Миня (PG, t. 131, col. 40—48) ошибочно приписан Евфимию Зигавину[89]. По-видимому, на основе этого текста составлен отдел о богомильстве в болгарской редакции, о чем придется говорить ниже.

[85] Синодик, стр. 14—18; Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 149—189; П. В. Безобразов. Рецензия на „Очерки..." Ф. И. Успенского ВВ, III, 1896, стр. 125—150; Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. ИРАИК, II, Одесса, 1897, стр. 1—66; L. Petit. Jean Italos. Dictionnaire de Théologie catholique, Paris, X, p. 826—827; S. Salaville. Philosophie et Théologie ou Episodes scolastiques à Byzance de 1059 à 1117. „Échos d'Orient", XXIX, 1930, p. 143—144; E. Stéphanou. Jean Italos. L'immortalité de l'âme et la résurrection. „Échos d'Orient", XXXII, 1933, p. 413—428; V. Grumel. Le Symbole Quicumque et Jean Italos. „Échos d'Orient", XXXVII, 1938, p. 136; cf. idem. Regestes, vol. I, fasc. III, № 907, 923—927 (p. 27—28, 33—36).

[86] Anna Comnena. (ed. Bonnae, 1878, vol. II, p. 3—4), X, 1. Синодик, стр. 19; Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 189—191; S. Salaville. Op. cit., p. 148; J. M. Hussey. Church and Learning in the Byzantine Empire 867—1185. Oxford, 1937, p. 95; V. Grumel, Regestes, vol. I, fasc. III, № 945 (p. 54).

[87] Синодик, стр. 19—20; Ф. №. Успенский. Очерки..., стр. 203—211; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, N 988—989, с поправкой даты на около 1110 г.; ср. Фр. Рачки. Богомили и Патарени. Рад Југослав. Академије, VII, Загреб, 1868, стр. 112—116 (второе изд. — Београд, 1931, стр. 365—369); П. Гроссу. К истории византийских богомилов XII века. Труды Киевской духовной академии, 1913. Из богатой новой литературы о богомильстве в связи с вопросом о соборе 1110 или 1111 г. приведем: S. Runciman. The medieval Manichee. Cambridge, 1947, p. 70—71; D. Obolensky. The Bogomils. Cambridge, 1948, p. 201—206; Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии. М., 1954, стр. 121—124. К сожалению, мне недоступна работа Д. Ангелова о богомильстве в Византийском государстве, напечатанная в издании „Годишник на Софийски университет", Ист.-филол. факултет, XLVI, 1949—1950, стр. 1—58.

[88] Σ. Εὐστρατιάδης. Τὸ Συνοδικὸν τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος. ΕΕΒΣ, Τ. ΙΓ', 1937. σελ 3—29; V. Grumel. Remarques sur le Synodicon d'une Église de Grèce REB, VI, 1948, p. 67—73.

[89] См. издание и исследование G. Ficker. Die Phundagiagiten. Ein Betrag zur Ketzergeschichte des byzantinischen Mittelalters. Leipzig, 1908; см. также M. Jugie. „Échos d'Orient", XII, 1909, p. 261—262; XV, 1912, p. 217; А. Соловјев. Фундајајити, Патерини и Кудугери у византиским изворима. Зборник радова Византолошког института Српске Академије наука, кн. I, Београд, 1952, стр. 122—126.

Д. Две статьи против учения архиепископа Никейского Евстратия „о ипостасном соединении двух естеств во Христе", осужденного собором 1117 г.[90] В статьях, находящихся в Синодике, имя Евстратия, известного богослова и блестящего проповедника, не названо, но Успенский сравнением данного текста с изложением ереси Евстратия у Никиты Хониата устанавливает, что данные статьи направлены против него и против его единомышленника Халкидонского митрополита Льва. Грюмель возражает, что статьи относятся только к учению самого Евстратия[91]. Опущение имени Евстратия в Синодике Успенский объясняет тем, что после поданного им в 1117 г. исповедания веры он был прощен, однако его заблуждение было осуждено. Между тем в нескольких позднейших списках — в Кипрском (около 1170 г.)[92] и Родосском (XIII в.)[93] — перед этими статьями стоит краткая статья с общим осуждением заблуждений, высказанных Никейским митрополитом Евстратием по поводу армян. В Синодике Афинской митрополии приведена только эта одна статья с общим осуждением заблуждений Евстратия[94]. Интересно, что в двух ватиканских Синодиках — № 789 конца XIV в. и № 722 в рукописи XVI в. — статьи о ереси Евстратия перенесены вперед — поставлены сразу после общих осуждений иконоборчества.

Период царствования императора Мануила внес в Синодик новые наслоения, которые находим в трех списках XII и XIII вв. В Синодике Кипрской митрополии, составленном при патриархе Михаиле III Анхиале (1170—1178), вероятно, сразу после 1171 г.[95], Синодике епископии Суарет на Крите (эскуриальский список) времени императора Алексея III (1195—1203)[96] и в Родосском Синодике, который датируется промежутком между 1258 и 1261 гг. (при императоре Михаиле VIII —

[90] Синодик, стр. 21; Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 191—203; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1003; J. Draeseke. Zu Eustratios von Nikäa, BZ, Bd. V, 1896, S. 319—326; F. Dölger. Eustratios. Lexicon für Theologie und Kirche, t. III, Freiburg, 1931, S. 867; S. Salaville. Op. cit., p. 133—141; Chr. Zervos. Un philosophe platonicien du XIe siècle, Michel Psellos. Paris, 1920, p. 225—226; M. Jugie. Theologia dogmatica Christianorum orientalium ab Ecclesia catholica dissidentium. Paris, vol. II, p. 652—654; P. Joannou. Eustrate de Nicée. REB, X, 1953, p. 24—34.

[91] V. Grumel. Remarques... REB, VI, p. 72; ср. idem. L'affaire de Léon de Chalcedon. Le Chrysobulle d'Alexis Ier sur les objets secrets. REB, II, 1944, p. 126—133; см. также примечания в рецензии Б. Т. Горянова (ВВ, IV, 1951, стр. 164).

[92] Кодекс Синайской библиотеки № 989, см. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока, т. II, Εὐχολογία. Киев, 1901, стр. 888—892. Данные списка анализировал Dom N. Cappuyns. Le Synodicon de Chypre au Xe siècle. Byz., X, 1935, p. 489—504; список епископов см. V. Laurent. Les fastes épiscopaux de l'Église de Chypre. REB, 1948, VI, p. 153—166.

[93] Dom N. Cappuyns. Le Synodicon de l'Église de Rhodes au XIIIe siècle. „Échos d'Orient", XXXIII, 1934, p. 196—217; V. Grumel. Synodicon de Rhodes. REB, IX, 1952, p. 161—163.

[94] Эта статья поставлена здесь в заключительный отдел, куда попали и статьи против Варлаама и Акиндина, что указывает на позднейшую вставку этих данных в настоящий текст. По-видимому, основной формуляр этой редакции составлен после 1111 г. (по смерти патриарха Николая III), но до собора 1117 г.

[95] См. примеч. 92. Хронологию списка согласно подтверждают перечисления покойных императоров до Иоанна (ум. в 1143), императриц до жены Мануила Ирины (ум. в 1160), вселенских патриархов до Луки Хризоверха (ум. в 1169—1170), антиохийских патриархов до Афанасия (ум. в 1171) и архиепископов критских до Варнавы (ум. около 1170).

[96] Данная часть текста издана Успенским в составе сводного текста (Синодик, стр. 22—29). О датировке списка см. Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 90; также V. Laurent. Le Synodicon de Sybrita et les métropolites de Crète aux Xe—XIIIe siècles. „Échos d'Orient". XXXII, 1933, p. 385—412.

с 1258 г. и при Иоанне IV Никейском — ум. в 1261 г.)[97]. В Венском списке этот отдел отсутствует, как это правильно было отмечено Успенским в „Очерках" (стр. 91), но потом в „Синодике" (стр. 22) он неправильно утверждал противоположное.

Е. *Статьи против заблуждений по вопросу „о жертве Христа в страсти и в литургии"* (приносится ли Христос в бескровной жертве Отцу, или всей Троице, т. е. и самому себе), осужденных соборами 1156 и 1157 гг.[98] Статьям с осуждением отдельных положений предшествует вводная статья с общим осуждением этих заблуждений в суждениях Михаила Дидаскала, Никифора Василаки, Дирахийского митрополита Евстафия и выбранного на антиохийский патриарший престол диакона Сотириха Пантевгена. В Эскуриальском списке находим пять статей, в Родосском — три, в Кипрском — только две.

Ж. *Статьи против заблуждений в толковании текста „Отец мой болий мене есть"*, осужденных на соборах 1166—1170 гг.

Ж-1. Начатая Дмитрием из Лампи, эта ересь была осуждена на соборе 1166 г., который на четвертом заседании, между 6 и 13 марта, выработал четыре постановления для внесения в Синодик[99].

Ж-2. В следующем заседании 6 апреля собор постановил прибавить еще одну анафему против тех, кто не считается с авторитетными мнениями святых отцов и постановлениями IV и VI вселенских соборов (τοῖς ἀποβαλλομένοις . . .)[100]. В эскуриальском списке этой статьи нет, а вместо нее идет соответствующая по содержанию статья против толкований текста „Отец мой болий мене есть", не согласных с толкованиями святых отцов (τοῖς μὴ δεχομένοις τὴν τοῦ ἀληθινοῦ θεοῦ . . . φωνήν. . .).

Ж-3. Вопрос был снова поднят на соборе 1169—1170 г. в связи с обвинением против низложенного митрополита Керкирского (и титулярного Болгарского) Константина, продолжавшего исповедовать ересь. Одновременно с ним был обвинен и игумен Иоанн Ириник. 20 февраля 1170 г. был осужден на анафему митрополит Константин[101], а вслед за тем (до недели православия 14 марта 1171 г.) была внесена в Синодик и статья против Ириника — Ж-4[102].

З. Последние наслоения в греческом Синодике появляются после большого промежутка времени, в середине XIV в., в связи с паламитскими спорами на соборах от 1341 до 1368 г.[103] Статьи, относящиеся

[97] См. примеч. 93.

[98] Синодик, стр. 22—25; Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 215—225; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1038—1039, 1041—1043, 1045; см. также: F. Cavallera. Le trésor de la foi orthodoxe de Nicétas Choniatès. Bulletin de la littérature ecclésiastique, V, 1913, p. 124—131; L. Oeconomos. La vie religieuse dans l'Empire byzantin au temps des Comnènes et des Anges. Paris, 1918, p. 30—35; M. Jugie. Theologia dogmatica Christianorum orientalium ab Ecclesia catholica dissidentium, vol. III, Paris, 1930, p. 317—320; idem. Dictionnaire de théologie catholique. Paris, t. X, p. 1337—1338; Μ. Γεδεών. Μνημεῖα τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας τοῦ ΙΒ' αἰῶνος. Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, IV, σελ. 605—606.

[99] Синодик стр. 25—27; (в отделе „Против Н. Василаки, Сотириха и прочих", статьи 5—8); Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 225—236; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1059—1065; см. также литературу, приведенную в примеч. 98.

[100] Синодик, стр. 26—27; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1067; D. N. Cappuyns. „Échos d'Orient", XXXIII, p. 210—211; cf. L. Petit. Documents inédits sur le Concile de 1166 et ses derniers adversaires. BB, XI, 1904, стр. 465—493.

[101] Синодик, стр. 28—29; Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 230—233; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1109—1111.

[102] Синодик, стр. 27; V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. III, № 1110, 1115—1116.

[103] Общему обзору истории этого периода в истории умственной жизни Византии посвящена VI глава „Очерков" Успенского („Философское и богословское движение в XIV в. Варлаам, Палама и приверженцы их", стр. 246—364); см. также: Г. Острогорский. Афонские исихасты и их противники. Записки Рус. Научн. Института в Белграде, V, 1931, стр. 349—370; M. Jugie. Palamas. Palamite (Controverse). Dictionnaire de Théologie Catholique, t. XII, col. 1735—1818; В. Кривошеин. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. Seminarium Kondakovianum, VIII, Praha, 1936, p. 99—154, где приведена предшествующая литература; из большого количества новых работ, посвященных этой проблематике (M. Jugie, G. Mercati, I. Hausher, O. P. Loenertz, E. Ivanka, M. Candal и др.) особого внимания заслуживает: I. Hausher. L'hésychasme. OCP., XXII, 1956, p. 5—40, 247—285.

к вопросу о Варлааме и Акиндине и их последователях, имеются в следующих текстах: 1—3) Ватиканский список № 789 1383—1388 гг., его копия XVI в. в Ватиканском списке 722, и, может быть, Оттобонский список греч. 225 того же времени[104]; 4—5) текст, изданный в греческой печатной Триоди, и Синодик Монемвасийской церкви в Туринском списке 1397 г. той же редакции[105]; список Кутлумушского монастыря на Афоне с текстом Адрианопольской церкви[106]; Синодик Солунской митрополии в Ватиканском списке 172 1439 г.[107] По-видимому, к этой же редакции принадлежит упоминаемый Грюмелем Афинский список 807 и, может быть, Синайский 520 (1795), указанный в каталоге Бенешевича, I, стр. 369—370.

З-1. *Семь статей осуждения Варлаама и Акиндина*, внесенных в Синодик постановлением собора 1352 г., и семь статей вечной памяти защитникам воззрений Григория Паламы[108]. Акты собора 1368 г. говорят о внесении этих статей в Синодик предшествующим собором, а опубликованный Порф. Успенским акт собора 1352 г. резюмирует заблуждения Варлаама и Акиндина как раз в форме положений, внесенных в Синодик.

З-2. *Статьи против Никифора Григоры, Прохора Кидона и Димитрия Кидона* в Ватиканской рукописи № 172 (Солунский Синодик 1439 г.) следуют за статьями против Варлаама и Акиндина. Никифор

[104] В тексте Ватик. № 789 имеется многолетие патриарху Нилу (1380—1388). Водяной знак рукописи — охотничий рог — идентичен знаку 1384 г. в Альбоме MT 5008 и очень похож на знак MT 4997 1385 г. Пользуюсь случаем и здесь выразить признательность проф. Джаннелли за присланный рисунок водяного знака.

Список Ottobon. 225 XVII в. указан у Грюмеля (V. Grumel. Regestes, vol. I, fasc. II, № 425); G. Mercati. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV (Studi e Testi 56), Citta del Vaticano, 1931, p. 55, n. 6.

[105] Печатное издание греческой Постной Триоди вышло в 1538 г. и затем перепечатывалось без изменений до последнего времени. Успенский напечатал отрывок о Варлааме и Акиндине по этому тексту в издании 1722 г. Д. Н. Каппюинс анализировал текст, сравнив его с Родосским Синодиком. („Échos d'Orient", XXXIII, p. 196—214) Туринский текст погиб во время пожара; отрывок со списком Монемвасийских епископов издан в описании рукописей Pasini. Codices manuscripti Bibliothecae regi-Taurinensis Athenaei. Turini, 1749, Pars I, p. 421—426 ex Cod. 336 f. 58; просопоиграфические данные анализировал V. Laurent. La liste épiscopale du Synodicon de Monembasie. „Échos d'Orient", XXXII, 1933, p. 129—161.

[106] Цитировал Порф. Успенский. История Афона, ч. III. Киев, 1877, отд. 2, № 45, стр. 45; использовал Ф. Успенский. Синодик, стр. 73—74. Подробные данные сообщил М. Гедеон в журнале Константинопольского патриархата Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, XXIV, 1904, σελ. 371—374.

[107] В Ватиканской рукописи 172 имеются многолетия императору Иоанну VIII (1425—1448), императрице Марии и патриарху Иосифу (ум. 10 июня 1439 г.). См. J. Gill. Joseph II patriarche de Constantinople. OCP, XXI, 1955, p. 79—101; ср. V. Laurent. Les origines princières du patriarche de Constantinople Joseph II (+1439). REB, XIII, 1955, p. 131. Хронологию солунских митрополитов восстановил L. Petit. Les évêques de Thessalonique. „Échos d'Orient", IV, 1901, p. 136—145, 212—221; V, 1902, p. 26—33, 90—97, 150—156, 212—219; VI, 1908, p. 292—298; VIII, 1905, p. 272—274; XVIII, 1916, p. 236—254; ср. V. Laurent. La liste épiscopale du synodicon de Thessalonique. „Échos d'Orient", 1933, p., 300—310; G. Mercati. Notizie, 55—58.

[108] Синодик, стр. 30—38; Ф. И. Успенский. Очерки. . ., стр. 361—362.

Григора, как известно, был осужден собором 1351 г. и после этого находился даже в заточении, однако сам император искал с ним примирения[109]. По-видимому, по этой причине осуждение Григоры не вошло в Синодик ни в 1351 г., ни в следующем, когда собор, осудивший Варлаама и Акиндина, постановил внести в Синодик статьи против них. Прохор Кидон был осужден на соборе 1368 г.[110], но почему-то не попал в Синодик ни в список времени патриарха Нила (около 1384 г.), ни в текст Триоди, формуляр которого восходит к тому же времени (последний умерший император — Иоанн Кантакузин, в схиме Иоасаф, ум. в 1383 г.). Возможно, что оба эти имени вошли в Синодик в связи с включением осуждения Димитрия Кидона, наиболее горячего приверженца и защитника Григоры и ожесточенного противника патриарха Филофея[111]. Следует упомянуть, что в Ватиканской рукописи 172 между статьями против Прохора Кидона и Димитрия Кидона вставлено возглашение вечной памяти Нилу Кавасиле, архиепископу Солунскому, который принял этот пост в 1361 г. и в том же году умер[112].

З-3. Наконец, как последнее наслоение в греческом тексте является *статья против монаха Исаака Аргира* в связи с осуждением его учения об энергиях св. Духа[113]. Как указывает Успенский, его имени не находим ни в соборных деяниях, ни в обличительных сочинениях сторонников Паламы, но зато известно опровержение самого императора Иоанна Кантакузина, направленное против упомянутого учения Исаака Аргира[114]. Успенский полагает, что его осуждение могло последовать уже после собора 1368 г. Может быть, этим следует объяснить тот факт, что данная статья попала только в один, сравнительно поздний текст Синодика — в печатной Триоди. Место этой статьи в тексте между семью анафематствованиями Варлааму и Акиндину и семью статьями вечной памяти борцам за Паламитское воззвание свидетельствует о тесной связи вопроса об Исааке Аргире с Паламитским спором.

III. БОЛГАРСКАЯ И РУССКАЯ РЕДАКЦИИ СИНОДИКА

В каком отношении к этим греческим редакциям стоят славянские тексты? Когда возник первоначальный текст славянского перевода? Являются ли известные нам болгарская, русская и сербская редакции постепенными видоизменениями первоначального славянского перевода или представляют самостоятельные переводы разных греческих списков?

---

[109] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 349—356; ср. R. Guilland. Essai sur Nicéphore Grégoras. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1926; idem. Correspondance de Nicéphore Grégoras. Paris, 1927.

[110] Ф. И. Успенский. Очерки.., стр. 354—361; G. Mercati. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone... ed altri appunti per la storia della teologia et della letteratura bizantina del secolo XIV. Studi o Testi, 56, Città del Vaticano, 1931; cf. M. Candal. El libro VI de Procoro Cidonio. OCP, XX, 1954, p. 247—297.

[111] G. Gammelli. Démetrius Cydonès, Correspondance. Paris, 1930; O. P. Loenertz. Manuel Paléologue et Demétrius Cydonès. „Échos d'Orient", XXXVI, 1937; XXXVII, 1938; O. P. Loenertz. Démetrius Cydonès, Correspondance. Studi e Testi, 186, 1956; G. Mercati. Op. cit.

[112] O. Tafrali. Théssalonique au quatorzième siècle. Paris, 1912, p. 151, 158—159; Ив. Снегаровъ. Солунъ въ българската духовна култура. София, 1937, стр. 10, 20.

[113] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 363. M. Candal. Un escrito trinitario de Isaac Argiro en la contienda palamitica del siglo XIV. OCP, XXII, 1956, p. 92—137; idem. Argiro contra Dexio-Sobre la luz taborica. OCP, XXIII, 1957, p. 80—113.

[114] Cod. theol. Vindob. 210, f. 388; Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 364.

В последнем случае чем следует объяснить текстологические совпадения в лексике и фразеологии разных редакций славянских Синодиков?

Ф. И. Успенский, первый поставивший вопрос о времени возникновения первоначального славянского перевода Синодика, сравнив два небольших отрывка из болгарской рукописи Дринова XVI в. и из русской рукописи Московской Синодальной библиотеки № 667 XV в., пришел к выводу, что „болгарский перевод несомненно сделан с той же редакции греческого Синодика, с какой и русский", но оставил под вопросом, „русский перевод сделан ли непосредственно с греческого, или при посредстве южнославянского перевода"[115].

Е. В. Петухов, проведя сравнение болгарского и русского текста на протяжении более обширного отрывка, пришел к такому же примерно выводу. „Сходство обоих текстов, писал он, — болгарского и русского — как в синтаксическом, так и в лексикальном отношении едва ли может быть объяснено случайным совпадением двух различных переводов, предпринятых независимо один от другого, хотя бы и с одного и того же оригинала; нам более вероятной кажется, напротив, та мысль, что один перевод был сделан при помощи другого, уже ранее существовавшего, хотя редактор позднейшего перевода руководился в своей работе и самостоятельным разумением греческого оригинала"[116]. Приводя слова болгарского Синодика, что царь Борил приказал „преписати соборник от греческого на болгарский свой язык" и что „прежде бо царства его никто же ин створи православный сей собор", он заключает, что Синодик был переведен с греческого на болгарский при царе Бориле, по-видимому, в первый раз. С другой стороны, имеются свидетельства источников о существовании на Руси этого памятника еще в XII в. Это, во-первых, свидетельство начальной летописи под 1108 г.: „...вложи Бог в сердце Феоктисту игумену Печерскому и нача возвещати князю Святополку, дабы вписал Феодосья в сенаник, и рад быв обещался и створи, *повеле митрополиту вписати в синодик*: и повеле вписывати *по всем епископьям*, и вси же епископи с радостию вписаша и поминати и на всех соборех". Затем в грамоте новгородского князя Всеволода-Гавриила новгородскому духовенству около 1135 г. говорится: „...а кто нашего роду пограбит или отъимет, того повелехом владыце собором в синодице проклинати". Допуская на основании этих свидетельств возможность, что на Руси чин православия мог существовать ранее возникновения болгарской его редакции, Петухов указывает, что „сопоставление той и другой ...редакции с греческим подлинником, ... не может решить вопроса о том, которая из них возникла раньше и могла влиять на другую при справках последней с тем же греческим оригиналом; ...в одних случаях русский редактор стоит ближе к подлиннику, чем болгарский; ...в других — наоборот; ...иногда же обе редакции, различаясь между собою в передаче подлинника, находятся в одинаковом отношении к нему в смысле точности"[117].

М. Г. Попруженко, вопреки указанию Петухова, что в летописном известии о внесении Феодосия в Синодик следует разуметь не помянник, а именно чин православия, что „особенно ясно видно из последних слов приведенного текста", остался при убеждении, что „о том памятнике, который происхождением своим связан с Константинопольским собором 843 г. и по преимуществу носил название синодика в зависимости от греческого τὸ συνοδικόν, здесь речи быть не может", так как

---

[115] Ф. И. Успенский. Очерки..., стр. 125.

[116] Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895, стр. 57.

[117] Там же, стр. 58—61.

он „у славян в полном объеме стал известен позже". Упомянутое свидетельство болгарского Синодика о том, что до царя Борила в Болгарии Синодик был неизвестен, заставило Попруженко предположить, что приведенные русские тексты XII в. имеют в виду не Синодик в неделю православия, а один из оросов вселенских соборов, которые представляли „один из древнейших видов синодика, т. е. памятника, которым пользовались для обличения различного рода преступников", и послужившего „подготовительным материалом" для Синодика 843 г.[118] Текст Синодика, утверждал Попруженко, впервые был переведен в Болгарии при царе Бориле в 1211 г.; этот первоначальный перевод дошел до нас в списке Палаузова конца XIV в. Второй сохранившийся болгарский список Дринова (XVI в.) представляет копию второй болгарской редакции, выполненной трудами патриарха Евфимия после 1370 г. В известной части переводной текст обеих редакций совпадает, чем доказывается, что в основе Евфимиевой редакции лежит первоначальная болгарская редакция 1211 г. (называем ее Палаузовской). В других статьях находим значительные изменения и отступления как в синтаксисе, так еще более в лексике, что указывает на сознательную редакционную работу в целях осмысления неясных мест старого дословного перевода и стилистического улучшения всего текста. При этой работе ясно видно пользование новым греческим текстом, что отразилось и в распределении содержания, поскольку некоторые главы оказались переставленными, а некоторые — повторенными в разных местах[119]. Из Болгарии Синодик перешел на Русь. „Нетрудно допустить, что русским иерархам был известен болгарский Синодик типа списка Палаузова и в начале XIV в."[120], однако сохранившиеся русские редакции обнаруживают очевидную зависимость от болгарской редакции патриарха Евфимия (Дриновской), которая была принята в основу выработки нового „правого Царегородского Синодика", введенного в обиход русской церкви в 1395 г. митрополитом Киприаном, болгарином по происхождению и другом патриарха Евфимия[121]. Вторая (по существу третья) русская редакция в печатной Киевской Триоди 1627 г. (и зависящий от нее текст Московской редакции)[122], представляющая новый перевод особого греческого текста, также обнаруживает ясное соответствие с болгарским Синодиком Дриновской редакции[123]. Сербскую редакцию Попруженко также выводит из болгарской, с которой находит много совпадений. „Мы не имеем указаний о времени возникновения сербского Синодика, а потому нет оснований для предположения о том, что памятник этот в Сербии мог появиться раньше болгарского текста. Ввиду этого естественным представляется постановка вопроса о зависимости сербского текста Синодика от того славянского его текста, который, по имеющимся у нас данным, наиболее ранний среди славянских, а таким текстом именно и является текст, дошедший до нас в болгарском списке Палаузова". Доказывая сравнением отдельных мест, что „сербский текст составлен на основе греческого при посредстве того болгарского текста, который дошел до нас в Палаузовском списке", Попруженко указывает и на сходство отдельных мест сербского текста с Дриновской редакцией и заключает, что „первоначальный сербский текст в известный момент был подвергнут пересмотру и редактированию. При этой работе был принят во внимание тот вновь переработанный болгарский текст, который дошел до нас в списке Дриновском и который мы, как сказано выше, имеем вполне достаточные основания считать результатом редакторской работы патриарха Евфимия"[124].

Не останавливаясь на отдельных замечаниях авторитетных критиков (Радченко, Лаврова, Златарского, Кульбакина, Флоринского, Ляпунова), сделанных по поводу первого издания труда Попруженко и принятых им во внимание при втором издании в 1928 г., следует особо отметить большую работу П. А. Лаврова, поставившего Попруженко в вину то, что он не издал памятника на основе всех известных славянских текстов и поэтому недостаточно осветил взаимоотношения русского, болгарского и сербского текстов. Со своей стороны, указывая на большое число оборотов, которые в болгарском языке неудачно передают греческий оригинал в сравнении с более правильным русским переводом, Лавров пришел к выводу: „Что касается болгарского и русского текстов Синодика, то всего скорее мы имеем дело с двумя различными переводами"[125]. Во втором издании болгарского Синодика в его обеих редакциях с параллельным греческим текстом Попруженко указал, что приведенные Лавровым примеры относятся к числу тех, которые были исправлены Евфимиевой редакцией, неизвестной Лаврову.

Вопрос о возникновении сербской редакции Синодика и ее последующих изменениях был в широких рамках поставлен лишь в последнее время А. В. Соловьевым[126]. Он считает, что „первоначальный греческий Синодик 843 г. должен был уже в X в. быть переведенным на церковнославянский язык для потребностей болгарских и русских церквей, которым был необходим этот торжественный чин православия для начала Великого поста. Отдельные национальные церкви могли прибавлять к этому Синодику новые прославления своих государей и иерархов и анафематствования в соответствии с местными условиями". Так, он предполагает, что 17 анафем против богомилов, цитированные во второй части беседы Косьмы Пресвитера, вероятно, переписаны из Синодика болгарской Преславской патриархии X в., так как Косьма вряд ли бы решился сам придумать такие анафемы. Свидетельства русской летописи и грамоты Всеволода Новгородского 1135 г. о русских добавлениях к Синодику указывают на строго официальный характер пополнения Синодика новыми данными. Древнейшая русская редакция Синодика не сохранилась. Не сохранился и текст древнего болгарского Синодика времени первого царства, так как греческая иерархия после 1019 г., вероятно, уничтожила в Болгарии и в Охридской области рукописи Синодика, в которых провозглашались вечная память и многая

---

[118] М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. I—IV.

[119] Там же, стр. XLV—XCVIII.

[120] Там же, стр. C, примечание.

[121] Там же, стр. XCVIII—CIX. Грамота митрополита Киприана псковскому духовенству о введении нового текста „Царегородского синодика" издана в „Русской Исторической библиотеке" (изд. Археографической Комиссии). СПб., 1880, т. VI, стр. 239, 241.

[122] Е. В. Петухов. Ук. соч., стр. 61 и др. Текст второй редакции по московской рукописи Синодальной библиотеки № 93 разобран Ф. И. Успенским в „Очерках" (стр. 122—124) и напечатан в „Синодике" параллельно со сводным греческим текстом.

[123] М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. София, 1928, стр. CIX—CXVIII.

[124] Там же, стр. CXVIII—CXXVI.

[125] П. А. Лавров. К вопросу о Синодике царя Борила. Одесса, 1899, стр. 41.

[126] А. Соловьев. Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану. Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, V. Сарајево, 1953, стр. 44—68. Сербские тексты Синодика привлекли к себе внимание сербских и хорватских ученых уже давно, но изучались только со стороны содержания, относящегося к вопросу о богомильстве в Сербии и Боснии. Историю изучения этого вопроса см. в указанной работе А. В. Соловьева.

лета болгарским царям и патриархам. Когда была восстановлена независимость Болгарии, снова явилась потребность для болгарской церкви в славянском тексте Синодика, переработанном и дополненном в соответствии с новыми потребностями. Это не было сделано при Калояне, признавшем власть папы Иннокентия III, но когда при его преемнике Бориле (1207—1217) Болгария сблизилась с Никейской империей в борьбе против общего врага, латынян в Царьграде, усилившееся в предшествовавшее царствование богомильство дало царю повод созвать собор в 1211 г., где были выработаны дополнения к царьградскому Синодику. Эта редакция болгарского Синодика 1211 г. (Палаузовская) сохранялась до конца XIV в., когда ее переработал патриарх Евфимий. В Сербии, пока в государстве Неманей существовала греческая иерархия, Синодик в первую неделю поста читался по-гречески в епископских храмах в Расе, Нише, Призрене и в других епархиях. Но когда в 1219 г. была создана самостоятельная сербская церковь, появилась потребность иметь свой сербский Синодик. По-видимому, это было выполнено самим архиепископом Саввой. На соборе в Жиче в 1221 г. он торжественно провозгласил „истины православной веры" и анафематствование еретиков, т. е. обнародовал официальный текст сербского Синодика. Ввиду того, что сербский текст не имеет болгарских дополнений о богомилах, Соловьев думает, что или Савва имел перед собой древний текст болгарского Синодика без добавлений времени царя Борила, или что он переводил непосредственно с греческого оригинала, где этих добавлений не было. Сходство отдельных мест болгарского и сербского текстов может быть объяснено как результат параллельных дословных переводов с греческого или еще проще — предположением, что сербский текст взят из старого болгарского оригинала[127]. Первая святосавская (I Жичская) редакция не сохранилась в оригинале, а сохранившиеся три сербских текста (Плевальский, Загребский и Дечанский) представляют позднейшие переделки, в которых можно найти две последующие редакции: II Жичскую времени архиепископа Арсения (1233—1243) и следующую времени архиепископа Иакова (1284—1290), где имеются сербские дополнения с прославлением сербских иерархов и государей и осуждением боснийских еретиков[128].

Работа, которую проделали Петухов, Лавров, Попруженко и др. по сравнению болгарского, русского и сербского текстов, неоспоримо доказала ближайшее сходство в лексике и синтаксисе для очень большого числа мест между всеми имеющимися славянскими текстами Синодика. С другой стороны, нельзя не отметить шаткость большинства общих выводов о соотношении редакций и переводов, — выводов, основывающихся или на произвольных недоказанных предпосылках, или на применении аргумента ex silentio. Таков, например, вывод Успенского из сравнения двух небольших отрывков болгарского и русского текстов о зависимости этих текстов от одной и той же греческой редакции. Заключение основано на неточной предпосылке, что первоначальная редакция Синодика значительно отличалась от позднейшей и что позднейшие редакции должны были различаться между собой не только нарастанием новых статей и возможными изменениями в распределении материала, но и литературно-стилистическими изменениями текста. Напротив, необходимо все время иметь в виду, что Синодик представляет литургический текст и что в таких текстах изменения являются лишь

[127] Соловьев. Ук. соч., стр. 60, примеч. 156.
[128] Там же, стр. 51—52 и сл.

как самые редкие исключения. Поэтому в формулировке и стиле отдельных статей греческого Синодика мы видим полное однообразие на протяжении всех редакций с X до XVI в. Чрезвычайно характерным примером использования аргумента ex silentio является цитированный выше вывод Попруженко о происхождении сербской редакции из болгарской на том основании, что о происхождении сербской нам ничего не известно. Такого же, по существу, порядка и утверждение о появлении первого славянского перевода в Болгарии лишь в 1211 г.; связанная с этим утверждением гипотеза о том, что показания русских источников 1108 и 1135 гг. о пополнении русского Синодика в положительной и отрицательной части относятся будто бы не к Синодику, а к оросам, основана на произвольной предпосылке, что такие оросы могли существовать у славян независимо от Синодика; на самом деле мы их находим только в виде сборников, связанных с Синодиком и, по-видимому, специально для него составленных. Свидетельство Борилова Синодика, что перевод греческого Синодика на болгарский язык был произведен по предписанию царя Борила и при этом „сей святой собор" вписан в православные соборы для чтения в первую неделю поста, а что „прежде бо царства его никто же ин сотвори православный сей собор", во-первых, может иметь в виду не первый перевод Синодика, а созыв первого собора против богомильства, а во-вторых, если же здесь действительно имеется в виду тот факт, что до Борила в Болгарии не существовало болгарского текста Синодика[129], то это находит полное объяснение в приведенном предположении Соловьева об уничтожении болгарских текстов в период византийского владычества в XI и XII вв. В высшей степени вероятной представляется догадка Соловьева, что 17 глав Косьмы Пресвитера против богомилов заимствованы им из текста первоначального Преславского Синодика, о чем свидетельствует их протокольный характер. Если же действительно такой текст существовал, вопрос о сходствах между разными славянскими редакциями может получить в ряде случаев совсем иное решение, чем то, какое можно вывести, допуская только позднейшие взаимовлияния. Что же касается отношения славянских редакций к греческим, то этот вопрос вообще не мог решаться до выяснения вопроса об эволюции и редакциях греческого текста, а эта проблема стала предметом специального изучения только после 1930 г.

Болгарский Палаузовский список (конец XIV в.)[130] имеет следующее содержание, которое, несмотря на утерю ряда листов, может быть восстановлено.

[129] В связи с записью царя Борила о „первом" вписании болгарского собора в Синодик интересно напомнить запись в списках Святосавской Кормчей о переводе ее Саввой: „... произидоше на свѣть словѣньскаго езыка богодьхновенныѥ сиѥ книгы, нарицаѥмыѥ номоканонь; помрачены бо бѣхоу прѣжде сего, облакомь моудрости ѥлиньскаго ѥзыка, нынѣ же облисташе, рек'ше истолкованы быше..." (Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. I. Београд, 1902, № 19, 38). Поскольку до Саввы не только существовали славянские списки Кормчей в двух редакциях — Устрюжской и Ефремовской, но несомненно доказан и факт использования Саввой прежнего русского перевода Кормчей для своего Номоканона, цитированное свидетельство записи следует понимать в том смысле, что до Саввы в Сербии не было своего перевода, причем, вероятно, подразумевалась последняя греческая редакция с толкованиями Аристина и Зонары. (Ср. В. Мошин. Ћирилски рукописи Југославенске Академије, I, Опис. Загреб, 1955, стр. 48—54).

[130] Вечная память сербскому королю Вукашину и его брату, деспоту Углеши, записанная в конце текста, по-видимому, почерком оригинала, указывает на время после их смерти в 1371 г. К сожалению, утерян лист, на котором находилось окончание вечной памяти болгарским царям и, вероятно, было и многолетие царствующему. Позднейшая запись вечной памяти патриарху Евфимию по выскобленному тексту на

I. Пролог — „Благодарение".

II а. Положительная каноническая общая часть с семью статьями.

II б. Положительная каноническая часть, поименное прославление.

Особенности: 1) в статье вечной памяти патриархам Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию прибавлено имя *Михаила*; 2) на первом месте после возглашения патриархам поставлена статья вечной памяти Стефану преподобномученику и исповеднику — отсутствует в старых списках, но имеется в Синодике Афинской митрополии с формуляром начала XII в.; 3) перед статьей вечной памяти Феодору Студиту вставлена вечная память „от скверные веры армянской пришедшим к православной нашей вере", не встречающаяся в известных мне греческих и славянских списках; 4) в конце присоединена особая статья „всем пришедшим к православной вере христианской вечная память", тоже не встречающаяся ни в греческих, ни в других славянских списках. Можно предполагать, что обе последние статьи включены в текст настоящего отдела болгарским собором 1211 г.; странно, что они не вошли в Дриновский текст.

IIIа. Отрицательная каноническая часть.

IIIб. Отрицательная каноническая часть с личными анафемами. Имеется последний параграф с осуждением Георгия (вместо Геронтия) из Лампи, появляющийся в списках начиная со второй четверти XI в.

IVа. Статьи против иконоборчества из заключительной части первоначальной редакции.

Б. 11 статеи против Иоанна Итала.

В. Статья против Нила.

Г. 16 статей против богомилов на месте пяти статей по этому вопросу, имеющихся в Венском списке середины XII в. и в Экскуриальском конца XII или первых годов XIII в. Последней статьей приведена анафема „Василию врачу, в Константине граде всеявшему сию треокаянную богомильскую ересь при Алексее православнем царе Комнине". Данные статьи, целиком перешедшие в Дриновскую редакцию, не вошли ни в русские, ни в сербские списки и не встречаются в греческих, поэтому есть все основания считать их заключениями Борилова собора 1211 г. Как уже упомянуто, в двух списках Афинской митрополии, восходящих по формуляру к началу XII в., вместо обычных статей против богомилов находим как вставку трактат Евфимия из Перивлепты против фундаяитов или богомилов (середина XI в.). Можно предполагать, что этот трактат был использован собором Алексея Комнина 1111 г. для осуждения богомилов и был присоединен в качестве приложения к решениям собора. Этим может быть объяснено большое сходство ряда определений данного отдела Палаузовского списка со статьями Евфимиевого послания.

Д. Вторая из двух статей против Евстратия. Можно предполагать, что первая статья выпала по постановлению собора 1211 г., так как она отсутствует в данном месте и в Дриновском списке, который вторую статью дословно приводит по Палаузовской редакции. Между тем Дриновская редакция, пользовавшаяся греческим текстом другой редакции, чем Палаузовская, включила обе статьи против Евстратия в другом месте, причем здесь вторая статья дана уже в ином переводе, чем в первом случае (см. Попруженко. Статья 54 Палаузовского текста и 61 Дриновского и статьи 16 и 17 Дриновского).

Е. Четыре статьи против Сотириха (соборы 1156—1157 гг.).

Ж-1. Четыре статьи о тексте „Отец мои болий мене есть" (собор 1166 г.).

Ж-2. „Отметающих святых отец гласы... и вселенских соборов IV и VI не приемлющих" (τοῖς ἀποβαλλομένοις...) и „Не приемлющих истинного Бога и спаса нашего Иисуса Христа глас, иже Отец мой болий мене есть...", в связи с определением собора 6 апреля 1166 г. (Первая из этих статей встречается не во всех списках; имеется в списке Кипрской церкви около 1171 г., в Синодике Родосской церкви XIII в. и в позднейших рукописях).

Ж-3. Две статьи против Константина Керкирского.

Ж-4. Статья против Ириника.

Затем повторены три первые статьи заключительной части (Попруженко, Палауз. 66—68), а затем обширные добавления болгарской редакции: анафемы древним еретикам (Пал. 69—78), „вся еретики анафема" (Пал. 79), анафемы разным еретическим теориям (Пал. 80—88), повторена вечная память пришедшим к православию еретикам (Пал. 89), анафемы разным заблуждениям догматического и церковно-дисциплинарного характера в связи с богомильством (Пал. 90—99), вечная память послушным сынам церкви (Пал. 100), анафемы чародеянию против царя и вообще волхвам и колдунам (Пал. 101—102), вечная память боярам и всему народу, почитающему царя и архиереев (Пал. 103), анафема татям, убийцам и разбойникам и их соучастникам (Пал. 104). Кроме того, имеются еще три статьи на листе, вклеенном не на свое место. Попруженко переставил эти статьи в конец текста, но по содержанию они идут в число добавлений к догматической части. Здесь находятся: 1) анафема конокрадам, подстрекателям на разбой и укрывателям преступников (Пал. 175); 2) статья против Акиндина, Варлаама и Прохора Кидона с краткой характеристикой их учения (Пал. 176); 3) анафема Фудулу и Пиропулу, главарям антицерковного движения в Константинополе и в Болгарии, осужденным около 1370 г. (Пал. 177)[131].

IVб. Многолетия заключительной части с обширными болгарскими дополнениями: 1) возглашения византийским царям и царицам (Пал. 105—108); 2) статья о восстановлении православия Феодорой (Пал. 109); 3) рассказ о соборе царя Борила 1211 г. с проклятием Богомилу и его последователям и вечной памятью участникам собора (Пал. 110—112); 4) рассказ о восстановлении болгарского патриаршества при царе Асене II, заканчивающийся вечной памятью этому государю (Пал. 113); 5) возглашения другим болгарским государям, их родственникам, вельможам, патриархам, митрополитам и другим личностям (Пал. 114—174).

В списках византийских возглашений следует отметить, что перечень императоров идет непрерывно до Иоанна Комнина, умершего в 1143 г. [в конце прибавлено еще имя Алексея — вероятно Алексея III, ум. в 1210 г. (?)], а перечень императриц также непрерывно идет до Ирины, матери Иоанна Комнина, умершей в 1123 г. В соответствии с этим стоит имя патриарха Михаила, прибавленное к статье с вечной памятью Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию — очевидно, патриарха Михаила II

л. 136 доказывает, что текст писан, пока патриарх еще был в живых. Среди вечных памятей иерархам имеется упоминание архиерея Иоасафа Бдинского, известного по записи 1392 г. — текст написан после этого. П. А. Лавров. Ук. соч., стр. 81. М. И. Сперанский указывает, что в рукописи имеется водяной знак — лук со стрелой, датированный в альбоме Пекосинского 1393 г. (Заметки о рукописях Белградской и Софийской библиотек. Известия Ист.-филол. института Безбородка в Нежине, XVI, 1898, стр. 84).

131 О них см. в первом издании Синодика: ИРАИК, V, 1900, стр. 99—102 и у К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 200—201.

Куркуаса, умершего в 1146 г., или Михаила III Анхиала, умершего в 1177 г. Поскольку последние греческие статьи основной части относятся к осуждению Константина Керкирского и Ириника в 1170 г., нужно думать, что упомянутый здесь патриарх был именно Михаил III и что греческий список, лежащий в основе болгарской редакции 1211 г., относится ко времени между 1177 и 1180 гг. (при императаре Мануиле Комнине, который не упомянут в числе умерших), вероятно, к периоду преемника патриарха Михаила III, Харитона (1177—1178). Нужно подчеркнуть, что ни Палаузовский, ни Дриновский списки не содержат статей с вечной памятью вселенским и антиохийским патриархам в заключительной части Синодика.

Дриновский болгарский список (XVI в., с рядом утерянных листов) как показал Попруженко, представляет вторую редакцию болгарского Синодика, выполненную, по его мнению, патриархом Евфимием (1375—1393). Редакция произведена на основании другого греческого текста, нежели тот, который был в распоряжении собора 1211 г., с другим распорядком материала.

I. Пролог — „Благодарение".

IIа. Положительная каноническая часть: общие статьи.

IIб. Положительная каноническая часть с поименными прославлениями.

Новой статьей является вечная память преподобному исповеднику Андрею (не известна в других греческих и славянских текстах). Следует отметить, что в статье с вечной памятью патриархам Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию нет прибавленного имени патриарха Михаила, которое было в Палаузовском списке.

IIIа. Отрицательная каноническая часть об иконоборцах.

Д. Обе статьи против Евстратия.

Е. Четыре статьи против Сотириха (без вводной о неправых мнениях Михаила Дидаскала, Василаки, Евстафия и Сотириха).

IIIб. Анафемы иконоборцам, как в Палаузовском списке, но без общих статей из заключительной части (IVa).

Б. 10 статей против Иоанна Итала (одиннадцатая статья выпала по недосмотру и вписана позднее).

В. Статья против Нила.

Ж-1. Четыре статьи о тексте „Отец мой болий мене есть", в связи с собором в марте 1166 г.

Ж-2. Две статьи в связи с собором 1166 г. („Отметающих" и „Неприемлющих").

Б-11. Одиннадцатая статья против Итала.

Г. 16 статей против богомилов, как в Палаузовском списке.

Д. Вторая статья против Евстратия (вторично), как в Палаузовском списке.

Е. Вводная статья к отделу о Сотирихе и вторично четыре следующие статьи, как в Палаузовском списке. Остальные статьи выпущены, так как редактор заметил, что этот отдел уже вошел в первую часть текста.

Ж-3. Начало статьи против Константина Керкирского, как в Палаузовском списке. На последующих, утерянных листах должны были находиться: окончание первой статьи и вторая статья против Константина Керкирского, статья против Ириника, общие осуждения из заключительной части (IVa), как в Палаузовском списке.

Затем шли болгарские добавления, начало которых утеряно. Сохранившаяся часть начинается анафемами разным заблуждениям догматического и церковно-дисциплинарного характера (= Пал., 90—99).

IVб. 1) Возглашения византийским царям и царицам; 2) статья о восстановлении православия Феодорой; 3) возглашения первым болгарским царям, продолжением которых служит рассказ о соборе царя Борила (не закончена), затем следуют вечные памяти царям после Борила до Михаила Видинского и его сына Иоанна Стефана (1330—1331). За этим стоит начало статьи, в которой говорится о некоем „одном небрежении", которые эти первые цари допустили, не закончив какого-то важного вопроса, на чем список обрывается.

Особенности распорядка отделов и отдельных статей в данном списке по сравнению с Палаузовским могут быть распределены в две категории. С одной стороны, это результат пользования особой греческой редакцией Синодика; с другой — результат небрежности редактора. К первой категории относится перемещение статей против Евстратия и четырех статей против Сотириха в первую часть Синодика, между общей отрицательной каноническсой частью и анафемами отдельным ересиархам в той же части. Такое перемещение добавлений XII в. в основную часть Синодика 843 г. находим в ряде позднейших рукописей: в Ватиканском списке 789, 1383—1388 гг., в Ватиканском списке 722 XVI в., в печатной Триоди. Результатом небрежности нужно считать помещение главы о Ниле и статей собора 1166 г. между десятой и одиннадцатой статьями об Итале, благодаря чему отдел о богомилах оказался после этих глав, чего не встречаем в других рукописях. Следствием небрежности к редакторской работе оказалось и повторение глав о Евстратии и о Сотирихе после отдела о богомильстве, которые в данном месте редактор стал механически переписывать с Палаузовской редакции, и не выбросил этой части, когда в середине отдела о Сотирихе обнаружил свой недосмотр и отказался от переписывания последних статей этого отдела. Поскольку все эти недочеты перешли в рукопись XVI в., очевидно, что они находились и в официальном протографе данной редакции, и это в очень сильной мере подрывает доверие к гипотезе Попруженко о том, что данную редакционную работу проделал патриарх Евфимий (если только не предположить, что работа не была закончена — может быть, вследствие завоевания Болгарии турками в 1393 г. — и осталась в черновике, который впоследствие попал под руку писцу XVI в.). Против гипотезы Попруженко говорит и еще один очень важный аргумент со стороны содержания памятника. Если в греческих списках Синодика после 1368 г. (а вероятно, и после 1352 г.) находим статьи против Варлаама и Акиндина, а короткое добавление по этому вопросу находим и в Палаузовской рукописи, совершенно непонятно, как новая редакция Синодика при патриархе Евфимии, современнике этой религиозной борьбы, могла не внести этот отдел в конце отрицательной догматической части, перед заключительными возглашениями, как это сделано в упомянутых греческих списках.

К сожалению, просопографические данные в греческих возглашениях данного списка не дают метериала для заключений о хронологии его греческого формуляра. Списки вселенских и антиохийских патриархов, как и в Палаузовском списке, отсутствуют. Поскольку список цариц, как и в Палаузовском списке, доходит до Ирины (вдовы Алексея Комнина), умершей 1123 г., а список царей — только до Алексея Комнина (ум. в 1118 г.), можно было бы заключить, что формуляр относится ко времени Иоанна Комнина, но этому противоречат статьи соборов 1156, 1166 и 1170 гг., и поэтому необходимо предположить, что редактор Дриновского списка переписал эти ряды возглашений из прежней болгарской редакции, выпустив по рассеянности в списке имен

императоров два последних имени — Иоанна и Алексея, так как перед Иоанном тоже стояло имя Алексея. Таким образом, хронология греческого формуляра может быть обозначена в очень широких рамках — между 1170 г. (упомянутый Ириник) и 1352 г. (нет Варлаама и Акиндина), с вероятностью приближения к последней границе благодаря особенностям формуляра, типичного для греческих рукописей от конца XIV столетия.

Возможно, что некоторое основание для предположения о времени работы над редакцией, сохранившейся в Дриновском списке, может дать заключительная часть этого списка. Как мы видели, рукопись обрывается не среди имен государей, а на новом отрывке после вечной памяти царю Иоанну Стефану Шишману (1330—1331). Можно предположить, что этим именем и заканчивался список умерших государей и что то важное дело, о котором говорит начало последнего отрывка, относилось к тогдашнему болгарскому царю Иоанну Александру (1331—1371). Не имелись ли здесь в виду его меры по искоренению богомильства — дела, начатого собором 1211 г. и оставшегося недоконченным? Если в связи с собором против богомилов около 1350 г. или со II собором 1360 г.[132] требовалось пересмотреть Синодик, возможно, что следы этой работы по исправлению текста на основе последней греческой редакции и других славянских переводов и представлены Дриновской рукописью. Можно допустить, что этой редакционной работой мог впоследствии воспользоваться патриарх Евфимий для своей редакции Синодика, если таковая имела место, хотя о ней нет исторических свидетельств. Несомненно, конечно, что такая редакция привела бы в порядок перепутанные части Дриновского формуляра и включила бы в текст главы против Варлаама и Акиндина, приноровив болгарский Синодик к типу тогдашнего официального царьградского, вошедшего позднее в печатную Триодь и принятого русской церковью в 1395 г.

Против гипотезы о редакторском труде патриарха Евфимия над Синодиком говорит и самый факт существования Палаузовского текста Бориловой редакции в рукописи последнего десятилетия XIV в. Поскольку тексты Синодика переписывались только для епархиальных архиереев, на которых лежала обязанность выполнять обряды „торжества православия" (этим объясняется очень малое число сохранившихся текстов Синодика), то с введением в церковный обиход нового текста отпадала потребность в копировании старых формуляров. Если же в последнем десятилетии XIV в. все еще оставался в церковном употреблении Палаузовский текст, нельзя говорить о введении новой болгарской редакции при патриархе Евфимии.

Мне кажется (ср. исследование Лаврова), что и высокая оценка литературных достоинств Дриновской редакции у Попруженко в значительной мере преувеличена. Что же касается отмеченных им совпадений оборотов и выражений Синодика с находимыми в произведениях Евфимия, все это может быть вполне удовлетворительно объяснено общими чертами литературной школы времени Иоанна Александра, из которой вышел и патриарх Евфимий. Дриновский текст, действительно, отражает труд по исправлению несовершенного перевода Бориловой редакции. Эти исправления имеют много соответствий с сохранившимися сербскими и русскими текстами, причем сербские тексты несомненно, а древнейший известный нам русский возможно являются более ранними, чем Палаузовский список первой болгарской редакции.

[132] Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии. М., 1954, стр. 153—156.

В России, как показал Петухов, известны рукописи двух редакций переведенного Синодика.

Древнейшей рукописью первой редакции Петухов считает рукопись № 667 Московской Синодальной библиотеки (сейчас в Библиотеке Московского Исторического музея). Савва и Горчаков[133] относят этот текст к концу XIV в., но Петухов склоняется к датировке началом XV столетия. Здесь находим:

I. Пролог — „Благодарение".

IIа. Общая положительная каноническая часть с семью статьями.

IIб. Положительная каноническая часть с личными прославлениями. В статье с вечной памятью патриархам Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию нет добавления других имен, так же как и в следующей вечной памяти Игнатию, Фотию, Стефану, Антонию и Николаю. На первом месте после возглашений этим патриархам и анафематствования их противников следует вечная память Стефану преподобномученику, как в Синодике Афинской митрополии и в болгарских списках. Нет вечной памяти преподобному исповеднику Андрею, которая имеется в Дриновском списке. Нет статей о пришедших от армянской веры и о всех пришедших к православной вере, которые находятся в Палаузовском списке.

IIIа. Отрицательная каноническая общая часть.

Д. Две статьи (вторая — только первые слова) против Евстратия из 1117 г., которые находим на этом же месте в греческих рукописях с конца XIV в. (Ватиканский список 789, Ватиканский 722, печатная Триодь) и в Дриновском списке. Петухов указывает, что в данном месте в тексте Синод. 667 текст прерывается и затем вторая половина этого листа и весь оборот оставлены пустыми. Из этого можно заключить, что место оставлено для окончания второй статьи против Евстратия и для статей против Сотириха, которые следуют за Евстратием в упомянутых текстах.

IIIб. Анафемы иконоборцам до Геронтия из Лампи включительно.

Ж-З. Краткая статья против Константина Керкирского: „Глаголаными злѣ и нечестивѣ от бывшаго мітрополита Керъкирамъ Коньстянтина Вулгариискаго, тѣже и от него проклятыми, анаѳема". По-видимому, и следующая за сим коротенькая статья „всѣмъ лъжемудрствующимь, анафема" (в рукописи вместо „лъже" стоит „яже"; следовало бы „единомудрствующим") представляет сокращение второй статьи против Константина Керкирского. Важно отметить, что в обоих болгарских текстах, как и в большинстве греческих, эти статьи приведены целиком. В сокращенном же виде эта часть приведена в Синодике Кипрской митрополии с формуляром около 1170 г., но полнее, чем в русской редакции: Οἱ μετὰ χρόνους τινὰς τῶν περὶ τῆς Κυριακῆς φωνῆς τῆς „Ὁ Πατήρ μου μείζων μού ἐστι" κυρωθέντων τε καὶ δογματισθέντων γεγονότες ἀναθεματισμοὶ τῶν, ἀμαθῶς καὶ ἀσεβῶς ἀντιφερουμένων καὶ ἀντιλεγόντων πρὸς ταῦτα, οἷς συνεφώνει τοτε καὶ ὁ χρηματίσας μητροπολίτης Κερκύρας Κωνσταντῖνος ὁ τῆς Βουλγαρίας καὶ μετὰ χρόνους καὶ οὗτος ἐδέχθη ἀποστὰς τῶν τοιούτων καὶ τοῖς ὀρθοφρόσι προστεθεὶς καὶ ἀναθεματίσας τὰ κακῶς καὶ ἀσερῶς παρ' αὐτοῦ δογματισθέντα καὶ λαληθέντα. Еще более сокращена эта часть в Синодике Родосской церкви XIII в. Данное место русской редакции с очевидностью доказывает, что эта редакция выполнена на основе иной греческой редакции, чем та, которой пользовались болгарские списки.

[133] Арх. Саввa. Указатель для обозрения М. Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. 2-е изд. М., 1858, стр. 248; М. Н. Горчаков. Рецензия на книгу К. Никольского о Синодике в Отчете о 23-м присуждении Уваровских наград, читанный 25-го сентября 1880 г. (Отчет Академии наук, 1881 г.), Отд. оттиск, стр. 36.

VIa. Общие анафематствования заключительной части. Особо важно отметить, что после статьи „Смеющих глаголати яко соборная церковь идолы некогда приятъ...“ в русской редакции идут две статьи, не встречающиеся ни в болгарских, ни в сербских, ни в большинстве греческих текстов: „Иже христианохулныя ереси сущаго...“ и „Иже не покланяются Господину нашему Иисусу Христу на иконе описанному по человечеству“. Обе эти статьи, как и все остальные данного отдела, заимствованы из ороса VII собора и встречаются в некоторых греческих списках, например Эскуриальском. Это тоже является неоспоримым доказательством, что в основе данной русской редакции лежал текст особой греческой редакции.

3. Короткая статья о Варлааме и Акиндине с их последователями, с анафематствованием, представляющая сокращение первых семи греческих статей. Поздняя русская вставка о ереси жидовствующих: „Новіи еретици не верующіи въ Господа нашего Иисуса Христа Сына Божіа и въ пречистую Богородицу, и похулившеи всю седмь съборовъ святыхъ отецъ, Касьянъ архімандритъ... да будуть прокляти“. Вторая часть греческих статей о Варлааме: вечная память Григорию Паламе за разрушение Варлаамовой и Акиндиновой ереси (из греческих статей, внесенных собором 1352 г.). Затем последняя статья того же греческого отдела „Славящим свет Господня Преображения...“. Как упомянуто, в Палаузовском тексте вместо всего этого отдела имеется особое короткое добавление о Варлааме и Акиндине, а в Дриновском этот отдел совсем отсутствует.

IVб. Вечные памяти заключительного отдела совсем иного распорядка, нежели в болгарских списках: 1) царям Михаилу и Феодоре; 2) „всем православным царям грецкым иже по благочестии побаравшим“; 3) патриархам Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию; 4) патриархам от Игнатия и Фотия до Мефодия иже Акакия и Мануила иже Матфея (до 1255 г.); 4) патриархам от Германа и Арсения (с 1255 г.) до Каллиста (1363); 5) патриарху Филофею (1364—1376). Затем, согласно указанию Петухова, на другом пергамене, другой рукой продолжена вечная память патриархам от Нила (1380—1388) до Иосифа II (ум. 1439). После этого — памяти антиохийским патриархам от Христофора до Иоанна (до 1100 г.) и вечная память митрополитам от Дамиана до Исидора — тот же список, что и в печатной Триоди, не анализированный еще[134]. За этим идут русские поминания иерархов до митрополита Филиппа, игуменов, князей, княгинь и других лиц, событий (как падение Константинополя), убитых в походах на Казань 1548 и 1552 гг.

Приведенные данные о списках патриархов позволяют сделать известные заключения о греческих редакциях Синодика, использованных при составлении настоящего текста. Позднейшие добавления с патриархами от Нила до Иосифа II, антиохийскими патриархами и митрополитами, которых мы находим в греческой печатной Триоди, позволяют предполагать пользование текстом, близким к 1439 г. (смерть патриарха Иосифа II. Этим же патриархом заканчивается список вселенских патриархов и в Ватиканской рукописи 172). Между тем последняя вечная память основного текста — патриарху Филофею — дает полное основание относить составление данной рукописи ко времени его наследников на престоле — патриарха Макария (1376—1379 и 1390—1391) или Нила (1380—1388), что вполне согласуется с палеографическими

[134] L. Petit. Le synodicon de Théssalonique. „Échos d'Orient“, XVIII, p. 251; — „pièce énigmatique dont l'origine reste à établir“. H. Каппюинс. („Échos d'Orient“, XXXIII, p. 209) думает, что может быть внесен после 1261 г. в Синодик.

заключениями Саввы и Горчакова, относящих рукопись к концу XIV столетия.

Структура и содержание предшествующих параграфов IVб дают некоторые указания на последовательные редакции, которые легли в основу греческого текста, использованного при составлении этого русского Синодика. Выделение в отдельный параграф вечной памяти патриархов с 1255 г. до 1363 г. дает хронологическое определение наслоениям на предшествующую редакцию. Весьма характерен также и перечень патриархов до 1255 г.; перечень идет непрерывно до Николая III (1084—1111); затем имеются пропуски (пропущены патриархи следующих лет — 1111—1134, 1146—1151 и 1153—1156). Очевидно, в основе лежал список времени Алексея Комнина; им воспользовалась редакция середины XIII в.; последняя послужила основой для редакции времени патриарха Филофея, и уже эта — в данном ряду третья — греческая редакция была использована для редакции сохранившегося русского списка Моск. Синод., 667.

Таким образом, этот русский список, содержащий текст 1376—1388 гг. (после смерти патриарха Филофея, но до смерти патриарха Нила), составлен на основе греческой редакции 1352 г., включившей в текст Синодика отдел против Варлаама и Акиндина. Кроме наличия данного отдела (в сокращении), являющегося основным отличием этой русской редакции от обоих болгарских списков (1), существенными отличиями от обоих болгарских списков являются: 2) статья о Константине Керкирском, которая в русском списке дает особую редакцию сокращенного типа, подобно текстам Кипрской и Родосской редакций, тогда как в болгарских списках приведена полностью; 3) отсутствие в болгарских списках двух статей из заключительной части против иконоборцев. От Палаузовского текста русский отличается, кроме того, отсутствием имени патриарха Михаила в статье вечной памяти первым четырем патриархам и отсутствием статей о пришедших от армянской веры и о пришедших к православной вере, а также и особым распорядком содержания, типичным для греческих списков XIV в. (статьи против Евстратия и против Сотириха перенесены в конец общей отрицательной части против иконоборцев). От Дриновской редакции русский список 667 отличается отсутствием вечной памяти преподобному Андрею-исповеднику. В числе существенных отличий не приведены факты отсутствия списка вселенских патриархов в болгарских списках и отсутствие списка греческих императоров в русском, так же как и отсутствие в русском списке целого ряда отделов (И. Итала, богомилов, Сотириха, Ириника и др.), являющихся результатом местной редакционной работы и не зависящих от лежащих в основе этих славянских списков греческих редакций.

Как выяснили исследования К. Никольского, М. Горчакова, Ф. Успенского и Е. Петухова, эта русская редакция Синодика, представленная рукописью Моск. Синод. 667, употреблялась в практике русской церкви с XV (или с конца XIV) до XVII в., о чем свидетельствуют многочисленные списки, содержащие иногда и некоторые фактические изменения и прибавления[135]. Петухов называет ее *первой* русской редакцией (то же повторяет Попруженко), но, конечно, эта редакция

[135] Новгор.-Соф. б-ка, № 1058, XVI в.; Новгор.-Соф. б-ка, № 1060, XVII в.; Госуд. Публ. б-ка F п. IV. 1, XVII в.; Моск Типогр. библ. № 1331—443, XVII в. См. К. Никольский. Указ. соч., стр. 33, 113—114; Е. В. Петухов. Ук. соч., стр. 51.

сама представляет переделку ранее существовавшего русского текста. Если бы даже Начальная летопись и грамота 1135 г. и не сохранили приведенных ясных свидетельств о существовании на Руси в первой половине XII в. Синодика, факт заимствования православными славянами всего литургического обихода византийской церкви заставил бы нас априорно заключить о переходе на Русь и обряда „торжества православия". Между тем и самый вид русского текста Моск. Синод., 667 с очевидностью заставляет видеть в нем позднейшую редакцию более раннего русского Синодика. Если бы Синодик в первый раз попал на Русь только в конце XIV в. (в таком случае рукопись Моск. Синод., 667 оказалась бы протографом русской редакции!), невозможно было бы объяснить, как могла быть произведена такая редакторская работа, выпустившая самовольно многие отделы утвержденного церковью греческого текста. Напротив, этот факт получает совсем простое объяснение, если в редакции Моск. Синод., 667 видеть пополнение ранее существовавшего в русском церковном обиходе текста, который в конце XIV в. был дополнен только отделом, представлявшим в то время „злободневный" интерес, т. е. статьями против Варлаама и Акиндина. Важно, что и эти статьи не были заимствованы целиком из официального греческого текста, а вошли в русскую обиходную редакцию в измененном и сокращенном виде, так же как и „обезличенные" статьи против Евстратия и Константина Вулгарийского, случайно попавшие в русский текст из дополнений к греческой редакции 1352 г. Мы упоминали о грамоте митрополита Киприана псковскому духовенству 1395 г., свидетельствующей о произведенной в то время редакции русского Синодика. „А синодик есмь послалъ къ вамъ правый Царегородскый, по чему и мы здесе поминаемъ или еретиковъ проклинаемъ: и вы потому дѣите. Синодикъ истинный, который чтутъ въ Софии святой, въ патріархіи, да приложили есмы къ тому, какъ православныхъ царей поминати и мертвыхъ и живыхъ, также и князей великихъ..."[136]. Что касается первоначальной русской редакции, то отсутствие в приведенном тексте статей против Иоанна Итала, Нила и богомилов, непосредственно следующих в старых греческих редакциях за Синодиком 843 г., позволяет предполагать, что текст первоначального русского Синодика, так же как и сербского, содержал только основной греческий текст версии второй четверти XI столетия (со статьей о Геронтии из Лампи).

Вторая русская редакция, как показал Петухов, представляет особый перевод Синодика по тексту печатной греческой Триоди для первого Киевского печатного издания Триоди 1627 г. (изд. Киево-Печерский лавры при архимандрите Захарии Копыстенском, под наблюдением архитипографа Памвы Берынды). „Предмова к православным читателем" прямо указывает, что эта книга „с греческим типографным зводом следована есть", а сравнение с текстом греческой печатной Триоди вполне подтверждает эти слова.

Сравнение с текстом первой редакции привело Петухова к признанию вероятности, что переводчик второй редакции пользовался текстом первой[137]. Приведенные Попруженко отрывки из второй русской редакции и из Дриновской, почти во всем дословно совпадающие, позволяют думать, что переводчик второй русской редакции пользовался и болгарским текстом дриновского типа[138] или текстом, послужившим их общей основой. Текст 1627 г. был перепечатан в Триодях киевского издания Петра Могилы 1640 г. и Иосифа Тризны 1648 г., львовских Михаила Слезки 1640 г. и братства Успенской церкви того же года и в львовском же издании 1699 г. На основе этого же текста был напечатан Синодик Московской Триоди 1656 г., но с кое-какими поправками благодаря справкам с греческим подлинником и, может быть, с первой редакцией чина православия, бывшей в употреблении в Северо-Восточной Руси в рукописях [139]. Сравнение Киевского текста (по львовскому изданию 1699 г.) с текстом печатной греческой Триоди, которое удалось мне произвести, подтвердило полное соответствие между ними не только в распорядке содержания, но даже и в заглавиях отделов и в богослужебных примечаниях[140]. Целиком совпадают и просопографические данные в списках императоров, императриц, патриархов вселенских и антиохийских, митрополитов и епископов Старых Патр.

В середине XVIII в. путем сокращения второй русской редакции в России была создана третья редакция без справки с греческим оригиналом. Параллельно с ней в Киевской и Черниговской епархиях употреблялся особый чин православия, также представлявший самостоятельную переработку русского текста без справки с греческим[141].

VI. СЕРБСКАЯ РЕДАКЦИЯ СИНОДИКА

Сербская редакция Синодика дошла до нас в трех текстах — двух полных и небольшом отрывке из третьего, известном по изданию Серафима Ристича 1864 г.

Древнейший список Троицкого монастыря около Плевли датируется временем между 1380 и 1395 гг.[142] Он содержит:

I. Пролог — „Благодарение".

II а. Положительная каноническая часть с семью статьями.

II б. Положительная каноническая часть с поименными прославлениями. Важные особенности: 1) как в древнейших греческих списках, вечная память патриархам Игнатию и Фотию и патриархам Стефану, Антонию и Николаю приведена в особых статьях; 2) как в древнейших списках, нет Стефана преподобномученика, который появляется в списках Афинской митрополии XIII в. с формуляром начала XII в., а также в русских и болгарских списках.

III а. Отрицательная каноническая часть.

III б. Личные анафематствования этой части.

IV а. Анафематствования заключительной части Синодика 843 г., заимствованные из ороса VII собора.

Сербское добавление: 1) четыре статьи общих анафематствований „злых еретиков треклятых бабун" с греческой статьей „и всем верующим в правую веру... "; „вечная память Савве еромонаху"; „всякому бабунину проклятие"; 2) личные возглашения: а) многая лета царям; б) проклятие Растудию босанскому, Радомиру, Дражилу, Толку, Тврдку, Твердошу и всем не кланяющимся святым иконам и честному кресту; в) вечная память царям Михаилу и Феодоре и многолетие „правоверным

136 Русская Историческая б-ка, т. VI, 1880, стр. 239, 241.
137 Е. В. Петухов. Ук. соч., стр. 68—69.
138 М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила, стр. CXIV—CXVII.

139 Е. В. Петухов. Ук. соч., стр. 1—73.
140 Первое издание 1538 г. перепечатывается без изменений до настоящего времени. Мне пришлось воспользоваться изданием: „Τριῴδιον κατανυκτικόν..." Ἐν Ἀθήναις, 1901, стр. 141—155. Киевский перевод: Тріѡдіон си есть тріпѣснецъ... въ Львовѣ... 1699, стр. 163—176.
141 Об этих редакциях см. К. Никольский. Ук. соч.. стр. 36 и сл., 39—41, 295—314; Е. В. Петухов. Ук. соч., стр. 6—7.
142 См. примеч. 19; об изданиях текста — примеч. 18.

царям нашим"; г) многая лета королю Урошу (Милутину, 1282—1321), королю Стефану (Драгутину, брату и соправителю Уроша, 1276—1316), королеве Анне (жене Уроша, 1284—1299) и детям их; архиепископу сербскому Иакову (1286—1292); королеве Елене (мать Драгутина и Милутина, 1250—1314); господину Стефану и Екатерине и детям их (здесь имеется в виду вторично Драгутин — муж Екатерины); возглашение из греческого текста „Боже сохрани державу их" и т. д.; многолетие епископу Дабрьскому Исайи; д) вечная память государям и архиепископам сербским: Симеону (Немани) и Анастасии; Стефану Первовенчанному и Анне королеве; Савве первому архиепископу; Стефану Урошу Симеону монаху (1243—1276) и Анне королеве (?); Арсению второму архиепископу (1233—1263); королю Стефану Радославу — Иоанну монаху (1226—1234) и Анне королеве; королю Стефану Владиславу (1234—1243, ум. после 1267 г.); е) вечная память епископам зетским, рашским, хвостанским, будимльским, холмским, призренским, топличским, ибровскому, опланьским, дабрьским и моравичским (цитируются имена) и вечная память „отцу нашему Герману еромонаху". Как можно было заметить, в этот отдел попали некоторые возглашения из греческого формуляра соответствующей части.

IVб. Возглашения из греческого формуляра: царям Константину и Елене; Юстиниану, Великому Феодосию и Малому Феодосию; царям Василию, Константину, Льву... непрерывно до Романа IV и Михаила VII (1071—1078), затем перерыв, и Мануилу (1143—1180), Андронику (1183—1185), Исакию (1185—1195) и Лексию (1195—1203; пострижен в 1210 г.); императрицам Евдокии, Феофане, Диане (ошибка вместо Феодоры), Елене и т. д. до Екатерины, Евдокии и Марии (жена Михаила VII); патриархам Герману, Тарасию, Никифору и Мефодию; патриархам Игнатию, Фотию, Стефану... до Евстратия (1081—1084) и Николая III (1084—1111); патриархам антиохийским от Христофора до Иоанна (1100).

IVв. Заключительная статья Синодика 843 г.

Таким образом, в Троицком сербском списке имеем только основной текст Синодика 843 года в версии XI столетия (с Геронтием из Лампи), с обычным распорядком отделов и статей, типичным для древнейших греческих рукописей, и сербскую часть в редакции времени архиепископа Иакова (1286—1292), вероятно, второй половины этого промежутка, так как в статье прославления короля Милутина и королевы Анны (1284—1299) упомянуты и их дети. Необходимо подчеркнуть, что в греческом отделе возглашений все четыре списка доходят до времени Алексея I Комнина: императоры — до Михаила VII (1078), императрицы — до жены этого императора, Марии, вселенские патриархи — до Николая III и антиохинские — до 1100 г. Имена четырех императоров второй половины XII в. — Мануила, Андроника, Исаака и Алексея III, — по-видимому, были добавлены лишь при выработке данной сербской редакции и не находились в ее греческом оригинале, так как в противном случае естественно было бы ожидать в сербском формуляре появления и догматических греческих дополнений XII в.

Загребский список, сохранившийся в рукописи того же времени, как и Троицкий (1380—1390 гг.)[143], содержит более позднюю сербскую редакцию, что явствует не только из просопографических данных, но

[143] Водяные знаки: скрещенные ключи — MT 2720 и 2722, скрещенные мечи — MT 3376 и птица — MT 6663; описание рукописи см. В. Мошин. Ћирилски рукописи Југославенске Академије, I. Загреб, 1955, стр. 59—61; ср. его же статью в „Bajcов Зборник", 1957, стр. 155 и др. Текст издал Н. Ружичић (см. „Споменик српске Академије" XXXI, 1898, стр. 1—5).

и из редакционных изменений в тексте как основной части, так и сербских дополнений. Здесь находятся:

I. Пролог — „Благодарение".

IIа. Положительная каноническая часть с семью статьями, как в Троицком списке.

IIб. Положительная каноническая часть с поименными прославлениями. Особенности: 1) два анафематствования противникам патриархов-иконодулов и противникам церковного предания, которые в *Т.* (как и в греческой редакции) идут после прославления патриархов, перенесены в отрицательную каноническую часть; 2) три статьи вечной памяти исповедникам иерархам — Ефимию, Феофилу и Эмилиану, Феофилакту, Петру, Михаилу и Иосифу, Иоанну, Николаю и Георгию — соединены в одну статью; 3) пять статей игуменам и монахам — Феодору Студиту, Исаакию и Иоанникию, Илариону Далматскому, Симеону Столпнику и Феофану (игумену Великого Села) — соединены в одну статью; 4) сюда из заключительной части перенесена статья „и всем верующим в правую веру..."; 5) после этого идет вечная память царям Михаилу и Феодоре, также перенесенная из заключительного отдела.

За сим следуют сербские прославления: 1) королю Стефану Урошу, братьям и детям короля многолетие; 2) архиепископу Иакову, затем поминовение бояр и иных, „вписанных в собор"; 3) вечная память Симеону и Анастасии, Симону (Стефану Первовенчанному) и Анне; Савве (первому архиепископу); архиепископам Арсению, Савве II, Иоанникию и Евстафию; Симеону-монаху Урошу, Иоанну-монаху (королю Радославу), Стефану Владиславу, Силуану-монаху и Макрине, Герасиму-монаху, Феодосию-монаху, Стефанам и Еленам; Теоктисту-монаху (Стефану Драгутину, ум. в 1316 г.) и Елизавете, Стефану (монаху Урошу) (?) и Катерине (жена Драгутина); епископам — 34 имени из Троицкого списка без наименования кафедры, Андрею-иеромонаху, Иосифу, епископу браничевскому, Михаилу, митрополиту браничевскому, и всем сербским епископам вечная память; игуменам — 18 имен без обозначения монастырей; „всем трудившимся в дому Спасове" — 21 имя.

IIIа. Отрицательная каноническая часть: вначале поставлены две упомянутые статьи анафематствований противников патриархов-иконодулов, перенесенные из отдела возглашений положительной части; затем — общие статьи греческого формуляра против иконоборцев.

IIIб. Возглашения отрицательной канонической части, как в Троицком списке; заканчивается проклятием всем еретикам.

Две сербские статьи проклятия боснийским и холмским еретикам: 1) Белизменцу, Растудию, Дражилу, Тврдошу, Добрку, Радосиму, Расини гостю, попу Другу, Тврдку, попу Братену, Хотешу; 2) Воихне, Приезде, Нелепцу, Стогшии, Борою, Лепчину и всем верующим в них и их „свидетелям".

IVа. Анафематствования заключительной части, шесть статей. К последней („Смеющеи глаголати...") непосредственно присоединена первая общая статья против бабунской веры („зли еретици трепрокляти бабуни...").

Далее идут три следующие статьи против „верующих в бабунскую веру", соединенные в одну статью.

Четыре новые статьи с личным анафематствованием: Вьлчко Грубешин отец и мать его Радослава и Нерадова баба Градислава; бан Стефан и Протомара — сноха его; Первослав, Брегоч, Стогшин, Воихна и Растудие; Влахиня (и) Волявица (возможно, что это две личности, так как проклятие стоит во множественном числе — да будут прокляты).

IVб. Многолетия заключительной части: всем верующим в правую веру; царям и царицам, как в Троицком списке; патриархам константинопольским и антиохийским. Все три статьи соединены в одну путем непосредственного присоединения перечней одного к другому.

IV в. Заключительная статья, как в Троицком списке.

Приведенный обзор содержания Загребского текста с очевидностью показывает, что здесь перед нами — сербская переделка предыдущей редакции, произведенная без справки с каким бы то ни было греческим текстом, со значительными дополнениями в сербской части и с новой систематизацией всего материала. Все прославления из греческого формуляра и сербских дополнений сгруппированы в один отдел текста, все анафемы — в общую отрицательную часть. Сходные по содержанию статьи, как с общими определениями, так и с просопографическим материалом, соответственно объединены. Особенно характерны примеры объединения в одну статью всех отдельных параграфов с вечной памятью сербским епископам и греческих статей о вселенских и антиохийских патриархах. В отделе личных возглашений бросаются в глаза противоречия в хронологии, указывающие на последующие пополнения текста. С одной стороны, имеются многолетия Стефану Урошу Милутину и архиепископу Иакову (ум. 1292 г.); с другой стороны — вечная память монаху Феоктисту (королю Драгутину, умершему в 1316 г.) и его жене Екатерине (ум. после 1314 г., когда вместе с королевой Симонидой посетила гроб королевы Елены), а также и браничевскому митрополиту, что не может относиться ко времени до 1346 г., когда некоторые сербские епископии были преобразованы в митрополии в связи с провозглашением сербской патриархии. Анафема бану Стефану, по нашему предположению, попала в текст Синодика в связи с известным по записи 1329 г. походом Стефана Душана (в то время „молодого короля", соправителя Стефана Дечанского) против „поганых бабун". Упомянутое возглашение вечной памяти браничевскому митрополиту Михаилу и его предшественнику, епископу браничевскому Иосифу, указывает на принадлежность данного текста браничевской епархии, находившейся в северо-восточной части Сербского государства, в углу между Дунаем и болгарской границей.

Дечанский текст, как уже упомянуто, известен нам только по одному отрывку, изданному Серафимом Ристичем в 1864[144] г. Этот дечанский игумен говорит, что выписал его „из одной старой книги, находящейся в монастыре Дечанах", не указывая ее название. К сожалению, мне не удалось найти эту рукопись среди памятников богатой монастырской библиотеки — ни как особой рукописи Синодика, ни в составе какой-нибудь другой рукописи канонического содержания, ни в Триоди[145]. По-видимому, текст пропал: или украден вместе с рукописью, или вырезан из какой-нибудь из имеющихся рукописей.

[144] Дечански споменици, скупио и издао архимандрит дечански Серафим Ристић у Београду. 1864, стр. 24—26.

[145] Каталог рукописей Дечанской библиотеки издала недавно М. Теодоровић-Шакота. Инвентар рукописних књига Дечанске библиотеке. Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе Народне Републике Србије, Књ. I. Београд, 1956, стр. 198—211. Автор также не обнаружил Синодика среди дечанских рукописей. А. В. Соловјев. (Сведочанства православних извора о богомилству на Балкану. — Годишнак Историског друштва Босне и Херцеговине, год. V, 1953, стр. 44—68, 54) упоминает, что обращался по этому вопросу к проф. С. В. Троицкому, Л. Мирковичу и Дж. Радойчичу, которые работали над собранием дечанских рукописей, и „никто из них не мог найти этой рукописи".

А. В. Соловьев, посвятивший специальную статью анализу данных опубликованного отрывка[146], считает, что рукопись, использованная Ристичем, относилась к XVI или XVII в., ссылаясь при этом на якобы позднее правописание в данном тексте. Мне это не представляется вероятным ни с точки зрения содержания приведенного отрывка, ни со стороны правописания.

В содержании отрывка не находим ни имен, ни других данных, относящихся ко времени после XIV в. Сохранившиеся тексты свидетельствуют, что имена еретиков, а также и имена прославляемых личностей обыкновенно попадали сначала в качестве глосс на поля рукописи и затем вносились в текст при следующих копированиях. Так, на полях Троицкой рукописи к статье анафематствования боснийских еретиков приписано в XV в. имя гостя Радина. Если бы Дечанский текст был более позднего написания, в него, вероятно, попал бы при переписке и гость Радин, и другие богомилы, с которыми велась борьба в XV столетии. На самом деле Дечанский текст, кроме тех имен еретиков, которые встречаются в Загребском тексте, приводит только одну новую статью с проклятием Влаха Добровоевича, Влаха Опанковича и Белоша, брата его. Возможно, некоторые из этих личностей могут быть отождествлены с лицами, упоминаемыми в памятниках третьей четверти XIV в., но нет никаких оснований относить кого-либо из них к позднейшему времени.

Что касается правописания, то я не нахожу в Дечанском тексте форм нового образования, которые необходимо приписать оригиналу. Ристич всюду употребляет *у* вместо *оу*, *я* вместо *ја*, но это, очевидно, не относится к правописанию оригинала, а является транслитерацией Ристича, который совершенно так же поступает и при цитировании других древних текстов (например, в следующем отрывке на стр. 27—34 — в житии св. мученика Нестора из рукописи на пергамене или на стр. 19—21 в „Поминании" 1487 г.). Правописанию Ристича я приписываю и форму *Добровоевићъ*, которая стоит рядом с древней формой *Опьъковикь*. Напротив, очень большое число неправильного разделения текста на отдельные слова показывает, что в оригинале был так называемый непрерывный текст, характерный для рукописей более старого периода, в частности имеющийся как раз и в Плевальском и Загребском текстах Синодика конца XIV в. Несомненным признаком древности текста является последовательное употребление *ь* в середине слов без замены его гласной, так же как и употребление этой буквы в конце слов. В последнем случае характерно появление *ъ* в конце отдельных слов, который встречаем всегда с одинаковыми промежутками в тексте — вероятно, находился в конце строчек как особая, орнаментальная форма *ь* с высокой мачтой, загнутой влево, — обычное явление в старших полууставных текстах второй половины XIV в. и в XV в. К этому же периоду относится и употребление широкого *е* на месте *је* и редкое употребление перевернутого *е* (обычно в конце строчки, над текстом), которое находим один раз в слове *ересь*. Столь же характерно для этого периода и непоследовательное употребление *і*: сихь и сіхь, павликіани и павлікіани, богомилци и богомілцевъ, всіи и вси, людіе и людие, злочестіа и злочестиа, мілитинскы, Растіма и т. д. На древность текста указывает, по-видимому, и то, что иногда вместо буквы *к* стоит *н — синови* вместо *сикови*, так как в позднейшее

[146] A. Soloviev. Autour des Bogomils. Byz., vol. XXII, 1952, p. 81—90; также в главе о сербских синодиках в статье „Сведочанства . . .".

время *к* имеет более ясный излом правой части; и замена формы *бабоунь* формой *бадунь* — в позднейшее время *д* характеризуется длинными ножками и совсем не похожа на *б*; и замена буквой *б* буквы *в* — *бѣдущеи* вместо *вѣдоущеи* — обе буквы, очевидно, имели еще старые формы, *в* не получило еще квадратной формы, а *б* еще не загнуло верхней черточки до нижней линии; замену *т* буквой *п* — *Распудіо* вместо *Растоудіе* — также можно объяснить наличием промежуточной формы так называемого двуногого *т* с опущенным донизу левым привеском, встречающимся в полууставных текстах начала XV в. К концу XIV в. относится текст и по отсутствию следов „ресавского правописания" — непоследовательное употребление *ѳ* (Меѳодіа, анаѳема, но Теодотъ, Теодоръ), *ы* (светие патриархы, пребивающеи въ сіхъ зловѣрыи, проклеты и проклети) и т. д. Возможно, что текст был западного происхождения: этим может быть объяснено *ѣ* в форме Добровоевићъ, постоянно встречающееся в боснийских текстах XIV в., так же как и частое отсутствие иотации гласных — Тарасіа, съставленіа, пріемницы, нѣкоемъ, истезаемъ, верующее и т. д.

Отрывок, приведенный Ристичем, содержит только анафематствования, с особым вниманием к данным, имеющим специальное значение для истории сербской церкви, однако группировка этих статей неоспоримо свидетельствует, что в основе Дечанского текста лежит та же самая позднейшая переработка первоначальной сербской редакции, которую находим в Загребском тексте. Цитата начинается двумя статьями, перенесенными из положительной канонической части („вьсе иже на светие патриархы" и "вса иже суть свѣне црковнаго преданіа"), затем идут три статьи с личными анафемами иконоборцам („Атанасіи, Константинь и Никита", „Пауль иже въ Паила" и „Геронти иже от Ламбиса") и затем — „вси еретицы" и сербские добавления с некоторыми различиями в содержании, но в том же порядке, как в Загребском списке. Таким образом, оба эти списка несомненно представляют более позднюю, „загребскую" переработку старой сербской редакции, имеющейся в Троицкой рукописи, и не имеют значения для определения той греческой редакции Синодика, которая легла в основу первоначальной сербской. Различия в группировке материала между Загребским и Дечанским текстами, как увидим ниже, свидетельствуют о зависимости второго от первого.

Между тем необходимо констатировать, что и Троицкий текст в редакции времени архиепископа Иакова (1286—1292) не представляет первоначальной сербской редакции, о чем неоспоримо свидетельствуют статьи сербских дополнений к текстам оросов, находящихся в той же Троицкой рукописи. Несмотря на незначительные различия, возникшие по вине переписчика, нетрудно обнаружить, что сербские добавления к текстам всех четырех оросов передают один и тот же текст оригинала, а именно:

Четыре статьи общих анафематствований „злых еретиков треклятых бабун", так же как в Троицком списке, с заключительной греческой статьей „и всем верующим в правую веру истинным христианам..." и многолетием царям;

Стефану благоверному самодержцу (в оросе собора 536 г. полнее: Стефану... *второму* кралю и самодержцу всей Сербской земли Радославу) многая лета;

Стефану, благоверному самодержцу (в оросе собора 536 г.: Стефану... *третьему* кралю и самодержцу... Владиславу) многая лета.

(В оросе VI собора один Стефан пропущен: нужно думать, по ошибке писца, так как в оросах IV и VII соборов оба возглашения совсем одинаковы).

Арсению второму архиепископу сербскому многая лета;

Калинику епископу будимльскому многая лета.

(Эти два возглашения приведены в оросах собора 536 г. и VI вселенского собора; в оросах IV и VII соборов пропущены).

Симеону... царю бывшему Немани, вечная память;

Анастасии... черноризице, царице бывшей (жена Немани), вечная память;

Стефану... святопочившему первому кралю..., вечная память;

Савве... первому архиепископу..., вечная память.

Два последних возглашения отсутствуют в оросе VII собора вследствие утери конца текста).

Одинаковый порядок приведенных статей и их просопографическое и текстуальное единообразие позволяют вывести прочные заключения о времени и форме редакции, предшествовавший тексту Троицкого Синодика. Terminus post quem определяется смертью архиепископа Саввы 14 января 1235 г. — все списки содержат ему вечную память. Если одновременное многолетие королям Радославу и Владиславу свидетельствуют о времени, когда первый еще не отрекся от права на престол и не постригся в монахи, нужно думать, что данная редакция выполнена была архиепископом Арсением вскоре после смерти Саввы, может быть, еще в первой половине 1235 г. Полная тождественность общих статей против „треклятых бабун" в оросах и в редакции архиепископа Иакова позволяет предполагать, что и греческая часть в этих редакциях Синодика была одинакова. Последнее явствует и из того, что греческая часть в Синодике архиепископа Иакова вполне соответствует тексту древнейшей греческой редакции, и следовательно, предшествующая сербская редакция архиепископа Арсения не могла иметь текст Синодика 843 г. другого содержания, чем находящийся в Троицком списке Иаковлевой редакции.

Но и Арсениевская редакция Синодика, по всей вероятности, не была первоначальной сербской редакцией. Борьба с богомильством в Сербии началась больше чем за полстолетия до архиепископа Арсения, а вместе с ней родилась и потребность в Синодике с осуждением этого движения. Всесторонним внимательным разбором свидетельств Доментиана и Феодосия о борьбе Саввы с еретиками на Жичском соборе 1221 г.[147] А. В. Соловьев убедительно показал, что описанное там торжественное провозглашение истинного христианского вероисповедания и анафематствование еретиков не может быть ничем иным, как оглашением текста Синодика[148]. Поскольку в описании обряда исповедания веры указывается, что все присутствовавшие на соборе после троекратного повторения символа веры заявили: „принимаем *все* святые соборы и проклинаем все, что они проклинают", следует считать, что, кроме Синодика, здесь были прочтены и известные нам оросы соборов. Соловьев думает, что для этого случая Савва и приготовил текст сербского Синодика и что данный текст был обнародован на этом государственно-церковном соборе 1221 г. после совершения коронования Стефана Первовенчанного.

147 Живот светога Симеуна и светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Ђ. Даничић у Биограду. 1865, стр. 233—243; Феодосий. Живот светога Саве написао Доментијан, на свијет издао Друштво Српске словесности трудом Ђ. Даничића у Биограду. 1860, стр. 141—152.

148 А. Соловјев. Сведочанства..., стр. 37—44, 55—56.

Последнее предположение не представляется мне вероятным. Описание проповеди Саввы на Жичском соборе 1221 г. у Доментиана, и еще более у Феодосия (в частности, подробность о литургии, затянувшейся до вечера), действительно свидетельствует о выполнении при этом церковного обряда, аналогичного „торжеству православия" и оглашению оросов в дни празднования памяти вселенских соборов. Но в этих описаниях нет намеков, которые бы позволили догадываться о составлении сербских текстов Синодика и оросов именно к этому случаю. Главным препятствием для этой гипотезы является отсутствие в сербском Синодике знакомства с болгарскими определениями против богомильства 1211 г., а также и отсутствие греческих наслоений XI и XII вв. Литургическо-канонический текст, предназначенный для борьбы с еретическими движениями, должен был употребляться церковью в последней официальной редакции, и если бы сербская церковь выполнила перевод Синодика самостоятельно по греческому подлиннику, то, конечно, в него бы вошли все наслоения XI и XII вв., как это случилось при составлении болгарского Синодика в 1211 г. Еще труднее объяснить, как могли не войти в сербский текст болгарские статьи против богомильства, представляющие самый живой злободневный интерес и самую существенную важность для борьбы с богомильством в соседней Сербии. И то и другое может быть объяснено только предположением, что в основу сербской первоначальной редакции был положен славянский текст, предшествовавший болгарскому Синодику 1211 г., т. е. тот первоначальный славянский Синодик, который перестал употребляться в Болгарии в период византийского владычества в XI и XII вв. и существование которого на Руси в первой половине XII в. засвидетельствовано Начальной летописью и грамотой 1135 г. Мне кажется, что вопрос должен быть решен в том смысле, что сербский текст Синодика был составлен Саввой по русскому оригиналу и что эта работа выполнена им во время пребывания на Афоне, до болгарского собора 1211 г. Известные нам факты о связях этого деятеля с Русским монастырем на Святой горе и о влиянии русской письменности на его литературные труды[149] вполне оправдывают вероятность такого заимствования, а доказанный факт использования им русской Кормчей при создании Сербского Номоканона[150] представляет очевидную аналогию заимствованию от русских и текста Синодика православия.

Известное подкрепление этой гипотезе можно найти и в самом тексте сербских дополнений в редакции архиепископа Иакова (Троицкий текст). Как справедливо предполагает Соловьев, первые четыре общих статьи этого текста против бабун и следующая за ними вечная память всем верующим в правую веру и поклоняющимся кресту и святым иконам, повторяющиеся и в предшествующей Арсениевской редакции (в дополнениях к оросам), должны были быть написаны при первоначальном составлении сербского текста — без них и самое появление Синодика в данных условиях не имело бы своего raison d'être. В редакции архиепископа Иакова непосредственно за этими статьями стоит короткое возглашение вечной памяти иеромонаху Савве. Совершенно очевидно, что здесь нельзя разуметь никакое другое лицо, кромы Саввы —

[149] См. А. Белић. Учешће св. Саве и његове школе у стварању нове редакције српских ћирилских споменика. Светосавски Зборник, изд. Срп. Акад. I. Београд., 1936, стр. 211—276.

[150] См. обзор вопроса: В. Мошин. Ћирилски рукописи Југославенске Академије, I, стр. 48—50.

автора первоначальной сербской редакции Синодика. Соловьев думает, что в первоначальном тексте стояло: „Савве иеромонаху многая лета" и что поправка на „вечную память" выполнена позднейшими переписчиками по смерти Саввы в 1235 г. По его мнению, приведенный здесь сан Саввы „иеромонах" указывает на 1233 год, когда Савва перестал быть архиепископом (отрекся в 1233 г. от архиепископства, посвятив на это место своего ученика Арсения, после чего отправился в путешествие в Святую Землю), но не был еще прославлен как „святопочивший первый архиепископ Сербской земли", как его обычно зовут после смерти[151]. Последнее предположение не может быть принято по некоторым соображениям. Во-первых, упомянутая вечная память иеромонаху Савве, имеющаяся в Иаковлевой редакции, отсутствует во всех текстах редакции архиепископа Арсения, очевидно, потому, что несколькими строками далее в этих текстах находится вечная память „Савве, первому архиепископу Сербской земли". Архиепископ Арсений знал к кому относится статья об иеромонахе Савве в использованной им предшествующей рукописи Синодика, и потому сознательно выпустил эту статью в тексте своей редакции. Во-вторых, к 1234 г. статья об иеромонахе Савве никак не могла относиться, потому что иеромонахом св. Савва в то время не был. Если бы, отрекшись от „архиепископства всей Сербской земли", он принял „великую схиму", то стал бы монахом, а не иеромонахом. Но этого не случилось. На самом деле, сложив с себя сан автокефального сербского архиепископа, Савва не отрекся от святительского сана: таким его представляют современники, в частности Доментиан, сопровождавший его в путешествии по святым местам. Он называет Савву преосвященным, описывает совершение им литургии у гроба господня, на Синае, в Тырнове, говорит о святительском благословении царю Иоанну Асеню и всему болгарскому собору. Таким образом, архиепископ Арсений в 1234 г. никак не мог титуловать Савву иеромонахом. Однако наличие этого сана при имени Саввы в конце текста первоначальной редакции сербского Синодика действительно заслуживает пристального внимания: оно указывает на время составления первоначальной редакции — период иеромонашества Саввы между 1201 и 1204 гг. В это время он подвизался в Карейской келье, невдалеке от Русского монастыря. Здесь он, вероятно, нашел текст русского Синодика, может быть, в одной из четырех рукописей „Синаксаря", упомянутых в известном описании имущества Русика 1142 г.[152]

Можно догадываться, что выполнение Саввой этого канонического труда именно в это время не являлось случайностью, а было вызвано какими-то особыми церковно-политическими обстоятельствами. Следует обратить внимание на то, что источники, относящиеся к биографии этого сербского деятеля, согласно говорят о его ревности в укреплении православия и о борьбе с еретиками. Нет никакого сомнения, что решительные и жестокие меры, предпринятые Неманей для искоренения ереси в детские годы Саввы, не ликвидировали богомильского вопроса и что загнанное в подполье движение, вероятно, не без связи с его развитием в соседней Боснии, временами сильно беспокоило сербскую государственную власть и церковную иерархию. Не случайно же, что источники, говорящие о деятельности и других сербских

[151] А. Соловјев. Сводочанства..., стр. 55—56.

[152] Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, Киев, 1873, ср. 54—55; В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII веках, BS, XI, 1950, стр. 36.

иерархов, обычно воздают им славословие за гонение на еретиков[153]. Следует особо подчеркнуть, что в Сербии, как, впрочем, и в некоторых других странах, бывали периоды, когда богомильское движение пыталось использовать в своих интересах те или иные элементы феодальной знати. Одним из таких периодов в первые годы после смерти Немани[154] была борьба за власть между сыновьями Немани — поставленным им на престол Стефаном (будущим Первовенчанным) и Дуклянским королем Вуканом[155]. Именно эти годы междоусобия в Сербском государстве были и периодом особенного усиления богомильства в соседних Боснии и Хумской области, что побудило папу Иннокентия III послать в Боснию своего легата Иоанна де Казамарис для ликвидации ереси в 1203 г.[156] Известное письмо Вукана Неманича папе Иннокентию в 1199 г. о распространении богомильства в Боснии и Хумской земле под покровительством бана Кулина и вдовы Хумского князя Мирослава свидетельствует[157], что в то время и для соседних сербских областей богомильский вопрос не был безынтересным. И сам Первовенчанный в биографии св. Симеона, и Доментиан и Феодосий в биографиях св. Саввы согласно приписывают Савве главную роль в ликвидации междоусобия между братьями и в успокоении земли. Характерна при этом просьба к Савве, которую Феодосий влагает в уста Стефану: не возвращаться на Афон, а остаться игуменом в монастыре Студенице „не яко славы требуеши,... но яко что благо в братии и в нас самих и во всех людях отечества твоего узакониши: на се бо и посла тя Бог, да незаконченное отцем преподобным нашим

153 Жития сербских архиепископов и их „службы“ почти всегда отмечают их заботы о „сохранении невредимой веры“ (Иоанникий I), „сохранении божественного предания св. отцев“ (Савва II, Иаков, Савва III), „обращении заблудших“ (Евстафий) и о борьбе с еретиками (Никодим). См. Ст. Ст. Станоjевић. Српски архиепископи од Саве II до Данила II. Глас Српске Академије, 153. Београд, 1933, стр. 43—78.

154 Хронологии данного периода и освещению роли соседних внешних факторов — папской курии, Венгрии и Болгарии — в истории междоусобия по смерти Немани посвящена обстоятельная статья Ст. Станоевича. (Ст. Станоjевић. Хронологија борбе између Стевана и Вукана. Глас Српске Академије, 153, 1933, стр. 93—101). Трагическую картину бедствий, причиненных междоусобием и внешней интервенцией, дает Доментиан в биографии Стефана Немани, изд. Ђ. Даничића стр. 98—99; ср. Феодосий, изд. Ђ. Даничића, стр. 80.

155 Считаю нужным подчеркнуть эту важную сторону богомильского движения в Сербии, представляющую аналогию феодальному характеру боснийского патаренства, а в значительной мере и связи катарского движения в Южной Франции с тулузскими графами. Явилась ли эта связь богомильства (представлявшего в своей экономической основе протест угнетенных крестьянских масс против феодального гнета) со знатью в результате общей народной ненависти к иноземным поработителям, а после освобождения от Византии оказалась перенесенной на новых носителей государственной власти и на иерархию государственной церкви — этот вопрос во всяком случае нуждается еще в самом серьезном исследовании. О феодальном характере боснийского богомильства см. М. Динић. Патарени, црква босанска. Хисторија народа Југославије. I. Загреб, 1953, стр. 563—568 и библиографию, составленную Я. Шидаком (там же, стр. 624—627). Не может быть сомнений, что специфика социально-экономической и политической структуры в конце XII в. в стране классического развитого феодализма, какой была Франция, и в Сербии была весьма различна, и тем интереснее становится приведенная аналогия. (Ср. замечания З. В. Удальцовой в предисловии к русскому изданию книги Д. Ангелова „Богомильство в Болгарии“. М., 1954, стр. 24).

156 Вопрос о миссии легата Казамариса в Боснию, с догматическим анализом акта отречения на Болину Полю 8 апреля 1203 г. обстоятельно освещен в ценной работе Д. Книвалда (Drag. Kniewald. Vjerodostojnost latinskih izvora o bosanskim krstjanima (Iz 270 knjige Rada Jugoslavenske Akademije). Zagreb. 1949, str. 17—34; также Введение, стр. 5—16).

157 Письмо издал A. Theiner. Monumenta vetera Slavorum meridionalium, I. Roma, 1863, p. 6. Ошибки в правописании имен исправил, а содержание комментировал Фр. Рачки, Богомили и патарени. 2-е изд., Београд, 1931, стр. 381.

тобою исполнится“ (изд. Даничича, стр. 93). В довершении начатого отцом дела по искоренению „богомерзкой ереси“[158] должно было входить и создание текста сербского Синодика, и не невозможно, что выполнение этого труда входило в круг обещаний, данных Саввой отцу перед его смертью. В таких обстоятельствах труд Саввы — иеромонаха — по редакции Синодика получает свое естественное объяснение.

Таким образом, мне представляется, что первоначальная редакция сербского Синодика — назовем ее Святосавской — была выполнена самим Саввой в период его пребывания в Карейской келье между 1201 и 1204 гг. В основу текста был положен русский список древнейшей славянской редакции Синодика, опиравшейся на греческую редакцию времени Алексея Комнина без наслоений конца XI и XII в., с текстами соборных оросов[159]. Не невозможно, что для данной редакции Савва воспользовался лишь славянским переводом Синодика, без сравнения его с греческим текстом, чем объясняется не только полное отсутствие следов греческих наслоений, но и перерыв памятей императоров после Михаила VII (Алексей III, умерший в 1203 г., мог войти только в Жичскую редакцию). Самостоятельную часть труда представили четыре общих анафематствования против бабун с вечной памятью всем православным христианам, прибавленные в конце отрицательной канонической части. Нужно особо отметить отсутствие всякой догматики в формулировке сербских анафематствований. Только в первой статье приводятся общие отличия бабунской веры — зовут себя „христианами“, насмехаются над нашей правой верой, извращают смысл текстов Св. Писания, насмехаются над крестом и иконами и отказываются им поклоняться. Вторая статья проклинает принимающих бабунскую веру, третья — принимающих в свои земли (!) заведомых бабун; четвертая — анафема всем злым еретикам, а наипаче бабунам. Все это, очевидно, написано без справок с догматической литературой, по простому воспоминанию виденного и слышанного на родине. Возможно, что в конце находилась приписка, вроде „помяни Господи грешного иеромонаха Савву, писавшего сие“, которая позднее при дворе Стефана была заменена многолетием иеромонаху Савве, а после его смерти переделана в вечную память. Вероятно, в заключительный отдел прославлений были вставлены и две вечных памяти родителям Саввы — Симеону Немани и черноризици Анастасии, а может быть, и многолетие великому жупану Стефану.

Нужно думать, что первоначальная Святосавская редакция была утверждена на Жичском соборе 1221 г. уже в несколько измененном виде. Конечно, здесь должны были появиться многолетия Первовенчанному королю Стефану, королеве Анне и сербскому архиепископу, которые в последующих редакциях были заменены вечной памятью этим лицам. По-видимому, лишь здесь к списку императоров были присоеди-

158 Характерное свидетельство об усердии Саввы по искоренению богомильства содержится в риторической похвале Доментиана, где он сравнивает Савву с Моисеем: „... онь великыи боговидьць фараона сь колесьницами погроузи вь мори Чрьмьнѣмь, и врагы божиѥ потопи; а сии прѣосвештеныи многыѥ законопрѣстоупьныѥ врагы, воююште на стадо божиѥ, и ѥваньгелиѥ Христово оупражняюште, самохотно погрезьшеѥ вь гльбиноу невѣрии, силою божиѥю до коньца потрѣби нечистотоу ихь...“ и т. д. (изд. Ђ. Даничића, стр. 317).

159 В упомянутой статье о Плевальском Синодике („Слово“, VI—VIII), написанной сразу после находки рукописи, приняв гипотезу А. В. Соловьева о появлении первоначальной сербской редакции лишь в 1321 г., я высказал предположение, что оросы были присоединены к ней позднее, в Арсениевской редакции. Сейчас более внимательное изучение всего доступного материала заставило меня изменить приведенное предположение.

нены четыре последних имени византийских царей, современников Саввы, из которых последний, Алексей III, сошел с политической сцены лишь в 1210 г.[160] Если при первом копировании русского оригинала Савва, может быть, не имел возможности привлечь и греческий текст[161], то в своей Жичской редакции он должен был его использовать, так как сравнение сербского текста с русским в ряде мест показывает самостоятельную обработку предшествующего перевода[162]: вероятнее предположить, что эту работу проделал сам Савва, чем приписать ее его наследникам, которые вряд ли решились бы на полную редакцию всего текста, написанного основателем сербской церкви.

Необходимо ответить на вопрос, почему при этой редакции не приняты во внимание ни болгарские статьи против богомильства 1211 г., которые не могли остаться неизвестными Савве, ни наслоения XII и XIII вв. в греческом тексте. Возможно, что и то и другое может быть до известной степени объяснено существованием первоначальной Святосавской редакции, уже освященной церковной практикой, которая могла позволить Савве не пополнять текст статьями, не имевшими уже практического значения (как отдел об Итале и других еретиках XI и XII вв.: вспомним, что они не были включены и в русскую редакцию конца XIV в.) или могущими затемнить ясную формулировку его определений против богомильства. Во всяком случае сербский текст Синодика не отражает влияния на него со стороны Палаузовского, а большинство соответствий, приведенных Петуховым, Лавровым и Попруженко, могут быть более удовлетворительно объяснены влиянием именно Святосавской редакции на болгарскую при переводе греческого текста к собору 1211 г. Учитывая, что русская редакция известна нам только в переработке конца XIV в. на базе греческой редакции 1352 г. и, может быть, под известным обратным влиянием болгарского списка того же времени, мы можем предполагать такую последовательность влияний в истории развития славянского текста Синодика:

Русский текст представляет поздний список древнего руссифицированного старославянского перевода, довольно хорошо выполненного.

Сербский текст исправляет русский оригинал в соответствии со своей лексикой и справляясь с греческим текстом (во всяком случае в Жичской версии, а может быть, и в первоначальной Святосавской).

Первоначальный болгарский (Палаузовский) самостоятельно переводит с современного ему греческого текста, рабски следуя синтаксису оригинала, но справляясь с сербским текстом.

Дриновская болгарская редакция XIV в. исправляет Палаузовскую по греческой редакции до 1352 г. и по старому русскому тексту. Во многих местах она сохраняет чтение Палаузовского текста, но иногда возвращается к русскому оригиналу, не следуя за сербской поправкой, принятой Палаузовской редакцией.

Для подтверждения предположенной нами последовательности влияния приводим следующие примеры (см. стр. 373—375):

[160] В первые годы XIII столетия Савва еще не мог поставить вечной памяти Алексею III. С другой стороны, если бы список императоров был дополнен только в 1235 г., в него наверное вошло бы имя Никейского императора Феодора, друга и покровителя Саввы, давшего согласие на установление сербской архиепископии.

[161] Это можно предположить ввиду упомянутого отсутствия в сербском тексте греческих наслоений XI и XII вв. и перерыва в списке императоров после Михаила VII.

[162] Особенно в лексике (рус. *острови*, серб. *отоци*; рус. *страсти и болѣзни*, серб. *страсти* и *недуги* и т. д.), но и в синтаксисе (например, τὴν πάντα φέρουσαν ἡμῖν τὰ σωτήρια ἑορτήν — рус.: *вся приводящаго намъ спасителная праздника*, серб.: все спаснаа намь приносиши праздникь).

Греч.	Рус.	Серб.	Пал.	Дрин.
μίμησις εἰς ἀποστόλους	оуподобленье на апостолы...	сподобленик на апостолы...	подобници къ апостоломь...	подобіе до апостолы...
διαβαίνει	прѣходить	прѣходить	прѣиде	прѣходить
ἐξατιμώσαντας	обесчестившихъ	бесчьстовав'шеѥ	бесчьствовавшихь	обесчестившихь
ὑψωθέντας τοῖς δυσσεβήμασι	Взъвысившихъ (ся) нечестьемъ	вьзнесьше се злочьстиѥмь	възнесшем(сѧ) злочьстіемь	възвышеном... нечестіемь
κατέρραξεν	раздруши	низложи	низвръже	низвръже
Συνεξυβρίσθησαν αὐτῷ	сдосажени быша ему	пороугани быше сь нимь	порхгани	дасждени
ἐνήργησεν ὕστερον ὁ βεβούλη-ται σήμερον, καὶ πέπραχε δεύτερον ὅπερ ἐτέλεσε πρότε-ρον.	дѣиствова послѣжде егда совѣтова днесь и здѣлавтороеежесконча.	показа прьвѣѥ ѥже вьсхотѣ дьнь и съдѣла вьтороѥ ѥже съврьше прьвоѥ	съдѣлова же послѣжде, егда хотѣше днесь и сътвори второе еже съврши прѣжде прьвѣе	съдѣла послѣди егда вьсхотѣ дньсь и съдѣла вътороеиже врьши прьвѣе
μετὰ πολυετῆ τινα χρόνον	по многолѣтномъ нѣкоемъ лѣтѣ	по многолѣт'нѣмь нѣкоѥмь врѣмени	по многых лѣтѣхь нѣкоемь врѣмени	по многолѣтнѣмь нѣкоем врѣмени
τὴν πάντα φέρουσαν ἡμῖν τὰ σωτήρια ἑορτήν	вся приводящаго намъ спасительная праздника	и всеспасная намь приносещи праздникь	вьсѣ приносѧщи намь спасныи праздникъ	вьса приносещи нам спасеніа праздникъ
τοὺς φαυλιστάς	досадителя	досадителѧ	озлобителѧ	оукорителе
τοὺς τολμητάς	смѣявъшихъ	смѣвшеѥ	дръзнѣвшѣѧ	смеліе
μετὰ τὴν ἐρημικὴν πάροδον	по пустыномъ прешествіи	по поустыниѥмь прѣхожденіеѥ	по поустынномоу прѣхождению	поустинномь пришествии
οἷα στήλη τινὶ ἐν μεγίστων λίθων συνειλημμένη... ὀφειλόμενον δεῖν ὑπ' ἐμοῦ ἀναγράφειν	якоже столпъ нѣкіи великими каменьми счисляемь и съставленъ... должно быти вмѣнихомь списати	ѥкоже ст'лъпь нѣкыи от великаго каменіѧ съчетань... дльжно подоб'но расмотримь написати	ѥко же стлъпом нѣкыимь от великиихь каменеи съчетаномь ...потрѣбно мнимь написати	ѥкоже стльпоу нѣкоемоу от великіихь камен съторен'номоу ...дльжно непщевахом написати

Продолжение

Греч.	Рус.	Серб.	Пал.	Дрин.
τὰ ὅμοια προσαρμοζόντων	подобающая счисляющихъ	подобноѥ томоу причитающимь	подобнаа съвъкоуплѣѫ	подобна прикладающiим
τῆς εὐσεβείας κήρυκας... ἀνευφημοῦμεν	благочестья проповѣдники... въспроповѣдуемъ	благочьстиꙗ проповѣд'никы... похвалꙗѥмь	благочьстiю проповѣдникомь... въсхвалѣем	благочьстiа проповѣдникы ...въсхвалѣем
αὗται ὡς εὐλογίαι πατέρων ἀπ' αὐτῶν εἰς ἡμᾶς τοὺς υἱούς... διαβαίνουσιν, ὡσαύτως δὲ καὶ ἀραὶ τοὺς πατραλοίας καὶ τῶν δεσποτικῶν ἐντολῶν ὑπερόπτας καταλαμβάνουσιν. διὸ κοινῇ πάντες ὅσον εὐσεβείας πλήρωμα οὕτως αὐτοῖς τὴν ἀράν, ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ὑπεβάλλοντο, ἐπιφέρομεν.	сiа яко благословенья отечьская къ намъ сыновомь... преходять, такожде же и клятвы отцедосадителемъ и владычнихъ заповѣдеи презирателя постизають. его же ради обще вси елико благочестья исполненье тако тѣмъ клятву, юже сами себѣ възложиша, възлагаемъ.	сиѥ ꙗко благословлѥниѥ отьцемь от нихь кь намь кь синомь... приходить, такожде и клетви ненавидещихь отьць и владичнихь заповѣдiи прѣзрѣтелѥ постизають. тѣм'же об'щѥѥ вси елико же благочьстиꙗ испльнѥниѥ, тако симь клетвоу принесѣмь, юже сами себѣ наложише.	Сiа ꙗко благословенiа отць на нас сыны ...прѣходѧть, такожде же и клѧтвы оцененавидцѧ и владычнимь заповѣдемь прѣстѫпникы постизаѫть. тѣмь обещно вьси елико благочьстныихь испльненiа, тако тѣмь клѧтвѫ, ѧже сами себѣ приобрѣтошѫ, приносимь.	Сiа ꙗкоже благословленiа от'чска на нас сыны ...прѣходеть, такожде и клетви отцедосадителе и владычных заповѣди прѣзирател постизают, тѣм же обѣщнѣ вьси елико благочьстiа испльненiе, сице сим клетвоу еи же сами себе подложише, принесем.
πάθη, καὶ νόσους ἰασάμενος μείζονας ἐθεράπευσέν	страсти и болезни цѣлбами лучшими исъцѣли	страсти и недоуги врачеванiꙗ отреченiѥ исцѣли	страсти и недѫги исцѣленiи болшими исцѣли	страсти и недѫгы исцѣленiа вещ'ших исцѣли
εἰκονομάχῳ	иконоборьскои	иконобор'нѣи	иконоборнѣи	иконоборскои
ἐναστραφῆναι τὴν εὐσέβειαν προαιρουμένοις	осiятися благочестiя произволяющихъ	обратити се на благочьстиѥ волещеи	обратитисѧ къ благочьстiоу изволшiихь	облистати се благоч'стиимь изволещим

Продолжение

Греч.	Рус.	Серб.	Пал.	Дрин.
ταῖς πατρικαῖς παραινέσεσι καὶ εἰσηγήσεσι τῆς πλάνης αὐτῶν ἐπιστραφῆναι πειθομένοις	отечьскими поученми и ссвѣтованьи прельсти своея обратитися покоряющихся	отьчьскими наказани и оучени от льсти обратити се покореще се	от'чскыимь прит'чамь и повѣстемь от льсти своѫ обратитисѧ волѧщихь	от'чскыми поученми наставлѣеміи прѣльсти своее отвратити се покарающих се
τῇ συμφωνίᾳ τῶν ἀνὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἐκκλησιῶν τοῦ θεοῦ δυσωπουμένοις	съгласья по всеи вселеннеи церквеи божiихъ повиноующеся	съгласиѥмь по всеѣи вьселѥннѣи божiихь црькьвы неоумолѥни бывающе	съгласiемь еже по всеи вьселенѣи цр'квамь божiамь молѧщихсѧ	съгласiю еже по всеи вьселеннѣи цркви божiи повиноующих се
ἑαυτοὺς τῇ τῶν Ἰουδαίων καὶ Ἑλλήνων μερίδι καθυποβάλλουσι	себѣ iудеискои и еллиньскои части приложьшеся	себе кь июдеис'цѣи и ѥлиньсцѣи чести приложьше	себе iоудеистѣи и еллин'стѣи чѧсти подложьшiихсѧ	себе iоудеистѣи и еллин'стѣи чести подложьших
ἀμέσως ἐκεῖνοι εἰς τὸν πρωτότυπον βλασφημοῦσι	они на первообразное хулять	не исполоу они прьвообраз'ноѥ хоулеть	бестоуднѣ въ прьвообразное хоулѧт	непосрѣдственѣ на прьвообразное хоулет
ἐπὶ τοῦ Ἰσαύρου (Ватик. 1600: ἐπὶ τῶν Ἰσαύρων) κατάρξασι τῶν αἱρέσεων	иже во Исаврохъ начальствовавшихъ ересью	иже при Савре начел'ници ѥресемь	ꙗже при Саврѣ наченшихь ересь	иже при Саврѣ начел'ствоующих ересми
τοῖς ἀλληλοπροξένοις τῶν κακῶν καὶ ἑτεροδιαδόχοις τὴν δυσσέβειαν	другъ друга ходатаиника злобѣ и другъ друга пріемникомь нечестiа	дроугь дроугоу исходатаив'ше з'ло и инѣмь приѥм'ци злочьстиꙗ	дроугь дроугоу исходатаившихь зло и инѣмь прѣдавше зловѣрiе	дроугь дроугоу ходатае злым и дроугь дроуга пріемники злочьстiю
εἴτις τοῖς εἰρημένοις ὅμοιος τὴν δυσσέβειαν ἐν ὁποίῳ ἂν εἴη καταλόγῳ κλήρου ἢ ἀξιώματός τινος ἢ ἐπιτηδεύματος ἐξεταζόμενος	иже къ реченнымъ подобнѣ злочестiю, въ каковѣмъ же аще будетъ сословьи клиричьскомъ или сану нѣкоемъ, или начинанiи истязанъ	к'то речен'нихь злочьстиꙗ подобнь, вь коѥмь же оубо боудоуть причьт'нѣмь зборь, или вь санѣ нѣкоѥмь, или вь строѥни, истезаниѥмь	аще которое подобно реченымь нечьстiе, въ немже аще бѫдеть по словоу жрѣбiи или въ санѣ нѣкотором', или начинани истѧзаемь	аще кто реченним подобнь злочстiемь, какова любо аще боудет причта съсловiа или сана коего или начинаніе проходе

Длинный ряд приведенных примеров с очевидностью свидетельствует о связи Палаузовского текста с сербским, который, с другой стороны, очевидно, зависит от первоначальной славянской редакции, отразившейся в позднейшей русской переделке.

Возвращаясь к Святосавской редакции Синодика на Жичском соборе 1221 г., напомним, что текст определений собора 920 г. о четвертом браке не был поправден в соответствии с новым переводом этого памятника, вошедшим в Святосавскую Кормчую. Впрочем, следует предполагать, что при переводе текста для Кормчей был принят во внимание текст при Синодике, так как в обоих памятниках (в отличие от болгарской Палаузовской рукописи) текст схолий является с одинаковым сокращением в конце. Появление данного канонического памятника в прибавлениях к Святосавской редакции Синодика побуждает к сопоставлению с показаниями биографов Саввы о его особеннных заботах по дальнейшему укреплению влияния церкви в области семейно-брачных отношений.

Арсениевская редакция 1235 г. отличается от Святосавской, по-видимому, лишь наращением многолетий и вечных памятей сербским государям и иерархам. В догматической части, кроме Синодика 843 г., находим только приведенные четыре общих анафематствования „треклятых бабун" с заключительной вечной памятью всем правоверным христианам.

Эти анафематствования мы, следуя за А. В. Соловьевым, относим к предшествующей, Святосавской редакции.

О причинах, вызвавших появление Арсениевской редакции сразу по смерти Саввы, можно только догадываться. С одной стороны, напрашивается предположение о связи этого сербского выступления против богомильства с событиями в соседней Боснии, где как раз в это время шла наиболее ожесточенная борьба католической церкви с еретиками и их покровителем, баном Матфеем Нинославом. В 1232 г. курия получила донос на этого государя, якобы открыто защищавшего еретиков; в следующем году на основании произведенного следствия папа Григорий IX послал в Боснию своего легата кардинала Иакова Пекорария, епископа Пренестинского, с поручением низложить епископа боснийской „народной церкви" (известной с 1089 г.) и поставить во главе боснийской церкви доминиканца Иоанна Тевтонца. Вместе с ним пришли в Боснию доминиканские инквизиторы и в то же время, с благословения папы, вступил в Боснию хорватский герцог Коломан, брат венгерско-хорватского короля Белы IV, с крестоносцами для искоренения нечестия. Следующие годы были периодом наиболее ожесточенной борьбы, закончившейся в 1238 г. победой Коломана и бегством Нинослава в неприступные горные пределы страны. В течение этого времени епископ Иоанн Тевтонец должен был отказаться от своей миссии и был переведен в Венгрию. Его наследник, доминиканец Понса, также не смог удержаться и перенес свою резиденцию в Славонию, на север от реки Савы. В Боснии же уже в 1240 г. снова восстановил свою власть бан Нинослав, и под его покровительством возродилась народная боснийская церковь. Конечно, эти события в Боснии не могли быть безынтересны для соседней Сербии. В связи с этим особый интерес приобретает послание папы Григория IX от 12 февраля 1234 г., рекомендовавшее духовенству и народу „per Carneolam, Istriam, Dalmatiam, Bosniam, Croatiam, Serbiam et alias partes Sclavoniae constitutis" легата, посланного на борьбу с боснийскими еретиками [163].

[163] T. Smičiclas. Codex Diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. III. Zagrabiae, 1905, № 343, str. 396—398. Новый общий обзор этого периода в истории Боснии дал Я. Шидак. Ecclesia Sclavoniae" и мисија доминиканаца у Босни. Зборник Филозофског факултета у Загребу, III. 1955, стр. 11—245, где приведена предшествующая литература.

Несомненно, однако, что не только события в Боснии, но и свои внутренние причины должны были побудить сербскую церковь к выступлению против богомильства. Нужно особо подчеркнуть факт, на который не обращено достаточного внимания: в приведенных сербских статьях против „треклятых бабун" нет ни слова о Боснии как стране богомилов. Вполне вероятно, что в статье анафематствования тем, которые в свои земли принимают еретиков и оказывают им поддержку, Савва подразумевал и феодалов Боснии, но все же здесь эта страна не названа. Эти статьи как в Святосавской, так и в Арсениевской редакции говорят о бабунах вообще, т. е. прежде всего о своих бабунах, еретиках в Сербии. Выше мы уже приводили данные, свидетельствующие, насколько неправильно обычное мнение, нередко повторяющееся и в сербской историографии и в церковно-исторической литературе о том, что будто бы после жестокого гонения при Немане „в Сербии больше не слышно о богомилах" [164]. Против этого мнения говорит и само существование нескольких последовательных редакций Синодика с анафематствованием бабунской веры и статьи со строгими казнями за „бабунскую речь" в Душановом законнике. Необходимо особо подчеркнуть значение этих статей Законника и определений Синодика, которые служили для практического руководства представителям власти и церкви в отношении к еретикам. Нужно думать, что подавленное строгими мерами Немани и сербской иерархии богомильство продолжало вести скрытую борьбу с официальной церковью, получая моральную поддержку из соседних областей Боснийского государства, и могло временами выходить на поверхность общественной жизни в периоды внутренних смут, сопровождавших династические усобицы или служивших причиной дворцовых переворотов.

Чрезвычайная скудость источников для времени Неманичей [165] является причиной гипотетичности исторических построений в области политической, общественной и культурной жизни Сербии для многих периодов XIII и XIV вв. В таком положении, в частности, находится и вопрос об исторической обстановке при королях Радославе и Владиславе. О первом известно, что он был женат на дочери эпирского деспота Феодора Ангела, состоял в переписке с архиепископом Димитрием Хоматианом Охридским, под грамотой Дубровнику подписался по-гречески. Из этого заключают о полной зависимости Радослава от его могучего византийского родственника и о недовольстве страны этой политикой, что привело к государственному перевороту, после того как Феодор

[164] См., например, К. Јиречек. Историја Срба. Превео Ј. Радонић, 2-е изд., Београд, 1952, стр. 128—129: „Великий жупан созвал собор, приказал схватить главарей секты и их, по нормам византийских законов против манихеев и других еретиков, строго казнил. Их учителю и старейшине был отрезан язык, книги его сожжены, а он изгнан; некоторые из его товарищей были сожжены, у других были реквизированы в пользу прокаженных и нищих жилища и земли, а они сами из страны выгнаны. С того времени не слышно более в Сербии ничего о богомилах" (перевод мой. — *В. М.*).

[165] Своих летописей в Сербии не было до последней четверти XIV столетия. Биографии сербских государей и архиепископов, без хронологии, по самому своему „житийному" характеру отмечающие преимущественно факты, служащие прославлению героя, редко и лишь вскользь упоминают о событиях, выходящих из узких рамок биографического интереса. Немногочисленные грамоты в связи с редкими известиями византийских и западных писателей и совершенно случайными свидетельствами о событиях политической жизни в записях писцов на литургических рукописях служат единственным документальным материалом для построения картины политической, общественной и культурной жизни Сербии в XIII и XIV вв.

Ангел был разбит в 1230 г. у Клокотницы Иоанном Асенем II. Предполагают, что этот болгарский государь (в своей Тырновской надписи 1230 г. по поводу победы над греками похвалившийся завоеванием всей земли от Адрианополя до Драча вместе с Албанией и Сербией) оказал поддержку партии, свергнувшей Радослава и передавшей престол его брату Владиславу, женатому на дочери Асеня. Сербский источник, Феодосий, не говорит об этом внешнем факторе, а упоминает только о полном подчинении Радослава влиянию жены, которое довело его до „повреждения ума", что побудило бояр объединиться вокруг Владислава и совершить переворот. Грамота Радослава Дубровнику от 4 февраля 1234 г., в которой он благодарит город за убежище и поддержку и обещает дубровчанам очень большие привилегии в случае, если ему удастся вернуться на престол[166], — единственный документ, свидетельствующий, что переворот не прошел безболезненно и что в стране существовали элементы, сочувствовавшие Радославу. На основании свидетельства Орбини, что при отце, Стефане Первовенчанном, Радослав одно время управлял южной частью Хумской земли, отвоеванной от „патеренского князя Петра"[167], как и того факта, что Дубровник, давший убежище Радославу, в течение всего правления Владислава оставался врагом Сербии и заключал договоры с Боснией против сербского короля[168], можно было бы догадываться, что Радослав в 1234 г. рассчитывал именно на поддержку западных областей. Возможно, что там действительно происходило брожение, закончившееся только в 1235 г., когда Радослав после неудачной попытки найти убежище и поддержку в Драче, должен был вернуться к брату, где ему пришлось отказаться от права на престол и постричься в монахи. По-видимому, к этому моменту — может быть, промежутку между возвращением в Сербию и пострижением — относятся совместные многолетия Радославу и Владиславу в Арсениевой редакции Синодика, и можно предполагать, что именно меры в целях ликвидации движения в западных областях, где богомильские элементы пользовались большим влиянием[169], являются причиной, понудившей сербскую церковь в данный момент вновь уделить внимание Синодику.

Более определенно можно говорить о причинах, вызвавших пересмотр сербского Синодика и пополнение его новыми статьями при архиепископе Иакове между 1286 и 1292 гг. Как уже упоминалось, эта редакция оставила без изменений догматический текст первоначальной сербской редакции, а в отделе возглашений вставила одну статью с анафематствованием шести еретиков, между которыми на первом месте

[166] F. Miklosich. Monumenta Serbica, Viennae 1858, p. 19—20; T. Smičiklas. Codex diplomaticus regni Croatiae, v. III. Zagreb, 1905, № 342 и 348, p. 395, 404; Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, књ. 1, Први дио. Београд — Ср. Карловци, 1929, № 13, стр. 11—12.

[167] M. Orbini. Il Regno degli Slavi. Pesaro, 1601, p. 390, 248, 250. Об источниках и ценности показаний Орбини см. Н. Радојчић. Српска историја Мавра Орбинија. Изд. Срп. Акад. наука. Београд, 1950, стр. 14—67.

[168] Договоры бана Нинослава с Дубровником от 1234, 1240 и 1249 гг. см. Стојановић Ук. соч., № 10—12, стр. 7—10; F. Miklosich. Op. cit. p. 36, 35, 39; T. Smičiklas. Op. cit., IV, 1906, № 126, 107—108, 386—387.

[169] По сведениям Орбини, хумские феодалы по смерти князя Мирослава, брата Немани, выгнали его вдову (Вукан в письме к папе обвинял ее в еретичестве) с сыном Андреем и призвали к власти князя Петра, патарена. Из-за него папский легат Акоций предал анафеме население Сплита, избравшее этого князя старейшиной своего города (M. Orbini. Op. cit., p. 390; Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana, Digessit Fr. Rački. Zagreb, 1894, p. 103—106).

упомянут Растудий Босанский, и ряд новых многолетий и вечных памятей сербским государям и иерархам. Обращает на себя внимание двукратное возглашение многолетия Стефану Драгутину: в первый раз его имя прибавлено в первой статье многолетия королевской чете — Стефану Милутину и Анне; во второй раз после многолетия королеве-матери Елене (владевшей в качестве удела Зетой и частью Хумской области) стоит особая статья с многолетием „господину нашему Стефану и Кателине". Не может быть сомнения, что в прямую связь с этими данными следует поставить свидетельство жития короля Драгутина об „обращении" им еретиков в областях Боснии, находившихся под его властью[170], как это прекрасно показано А. В. Соловьевым в особой главе о „Драгутиновом обращении еретиков" в цитированном труде „Свидетельства православных источников о богомильстве на Балканах" (стр. 77—81).

После бана Нинослава, который исчезает в источниках с середины XIII в., Босния находилась под верховной властью венгерско-хорватского короля Белы IV, разделившего ее на несколько „бановин". Центральная область, Босна, была передана бану Приезде, родоначальнику новой династии; северные области — Усору, Соли и Мачву — Бела передал своему зятю Ростиславу Михаиловичу (сыну черниговского князя)[171], по смерти которого (1264) ими продолжала владеть его вдова Анна, ducissa Gallitiae, de Bosna et de Maza domina. В 1273 г. во главе бановин упоминаются венгерские вельможи. В течение всего этого периода ересь в Боснии распространялась, и многочисленные свидетельства относятся к борьбе с ней папского престола и венгерских правителей, в особенности в последней четверти XIII в. По настояниям папского легата, требовавшего радикальных мер по искоренению ереси в Боснии, молодой король Ладислав III в 1280 г. послал туда нового бана Угрина, но вскоре отозвал его и передал бывшие земли Ростислава своей матери Елизавете Куманке, которая в переписке с папой обещала ему истребить боснийских еретиков. После ее смерти в 1284 г. Ладислав передал ее земли своему шурину Стефану Драгутину сербскому, который за два года перед тем отказался от верховной власти в Сербии в пользу младшего брата Милутина, но удержал королевский титул и северо-западные области Сербского государства на правах удельного государя. Таким образом, после присоединения к своей области боснийских земель Драгутин оказался владетелем большого государства[172], в церковном отношении частью находившегося в юрисдикции сербской автокефальной архиепископии, частью — под властью римского папы. С последним Драгутин — вероятно, при посредстве королевы-матери Елены, француженки по происхождению, — вел переговоры в 1288 г. и в 1291 г. Эти переговоры закончились тем, что папа Николай IV взял Драгутина и Сер-

[170] Сь бо благочьстивыи прѣдрьже землю отьчьствиѫ своѥго, многы страны земле, Оугрьскыѥ приѥть, и такожде и оть Босьньскыѥ земле, оть тоѥ бо земле Босьньскыѥ многыѥ оть ѥретикь обрати вь вѣроу христиѫньскоую и крьсти ихь (в младшей рукописи продолжено: вь име отьца и сына и светааго доуха, и присѣдини ихь светѣи сьборьнѣи и апостольсцѣи црькьви): изд. Ђ. Даничић. Животи краљева... у Биограду, 1866, стр. 41.

[171] См. В. Г. Прокофьев. Ростислав Михаилович, русский князь XIII века. Юбилейный Сборник Русского археологического общества, Белград, 1936, стр. 131—159.

[172] См. новый пересмотр вопроса: М. Динић. Област краља Драгутина после Дежева. Глас Српске Академије наука, CCIII, 1951, стр. 61—82; ср. его же. Однос између краља Милутина и Драгутина. Зборник радова Византолошког Института Српске Академије наука, III. Београд, 1955, стр. 49—82.

бию „под защиту св. Петра“ [173]. В переписке по этому вопросу особенное внимание с обеих сторон уделено борьбе с еретиками. Папа послал в Боснию двух инквизиторов-францисканцев с предписанием вести в государстве Драгутина „службу следствия“ против еретиков, их последователей, помощников, защитников и покровителей [174]. В 1298 г. новый папа Бонифаций VIII в таком же послании старейшине хорватской францисканской провинции предписывал вести решительную борьбу со „смертоносной чумой еретического нечестия“, широко распространившегося не только в Боснии, но и в Сербии, Далмации, Хорватии и Истрии [175]. Нет сомнения, что параллельно с инквизицией католической церкви борьбу с богомильством вела и сербская православная иерархия — особенно велика роль последней была, естественно, до признания Драгутином покровительства римского престола.

К этому периоду борьбы должна относиться Иаковлева редакция сербского Синодика.

Очевидно, в связи с мерами короля Драгутина по борьбе с богомильством в Боснии в текст сербского Синодика вошла и статья с поименным анафематствованием Растудия боснийского и его пяти единомышленников. Как уже упомянуто, в Загребском и Дечанском текстах рядом с этими именами появляются и другие как в тексте данной статьи, так и в особых добавлениях. Соловьев на основании предложенного им отождествления Растудия со сплитским еретиком Аристодием первых годов XIII в. предположил, что список боснийских ересиархов мог находиться уже в Святосавской редакции сербского Синодика 1221 г.; что первоначальным был наиболее полный список, приведенный в Загребском тексте (хотя и в нем уже кое-что пропущено), а Троицкий и Дечанский списки представляют уже результат еще больших сокращений, появившихся в течение веков в процессе последовательного переписывания. В моей работе о Троицком Синодике я не согласился с этим предположением; во-первых, ввиду отсутствия данной статьи во всех оросах Арсениевской редакции и, во-вторых, ввиду места, занимаемого данной статьей в Иаковлевой редакции, где это анафематствование интерполировано в середину статьи с многолетием греческим царям, отделив общее многолетие от возглашения Михаилу и Феодоре, — ясное свидетельство о позднейшей вставке данной статьи в предшествующий сербский текст. Сейчас мне кажется необходимым присоединить и третье соображение: появление в *сербской* редакции анафемы *боснийским* еретикам естественно поставить в связь с действиями сербской иерархии на территории Боснии, а это в первый раз имело место при короле Драгутине. Поэтому мы не находим анафематствования боснийских еретиков в предшествующих сербских редакциях. Поэтому же в данный список боснийских ересиархов, впервые внесенный в сербский Синодик, могли попасть имена не только еретиков — современников Драгутина, но и имена боснийских богомилов предшествующего периода, прославленных народной традицией или за их проповедническую деятельность, или погибших в период крестовых походов герцога Коломана и доминиканской инквизиции.

[173] В. Ћоровић. Историја Босне, 1. Београд, 1940, стр. 211—212; Drag, Maritch. Papstbriefe an serbische Fürsten im Mittelalter. Sremski Karlovci, 1933, S. 60—66.

[174] T. Smičiklas. Op. cit., v. VII, 1909, 24.

[175] A. Theiner. Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia I. Roma, 1859, p. 378.

Из шести имен, приведенных в Иаковлевой редакции, только первое имя Растудия босанского может быть до известной степени определено просопографически и хронологически. Его появление в Синодике на первом месте во всяком случае позволяет видеть в Растудии какую-то выдающуюся личность, что дает основание для его отождествления с „господином Растудием“, упомянутым во главе списка „реда цркви босанской“ в записи Баталового боснийского евангелия 1393 г. Список занимает два столбца: в первом 15 имен с заключительным объяснением о том, что предшествующие „ряды“ „нарекли су се“ в „ряд церкви *прежде* (курсив мой. — *В. М.*) господина нашего Растудия“; второй столбец начинается „господином Растудием“ и содержит еще 11 имен [176]. Единственная попытка разгадать приведенные имена принадлежит А. В. Соловьеву в его исследовании о религиозном учении боснийской церкви [177]. Три имени в конце первого списка — Драгич, Лубин и Дражета — он отождествил с именами „приоров“ боснийских еретиков, приведенных в акте отречения на Болинском поле в 1203 г., — Dragice, Lubin, Bergeta. Растудий же, стоящий во главе второго списка, по предположению Соловьева, может быть, как уже упоминалось, отождествлен с главарем сплитских еретиков Аристодием, который вместе с братом Матвеем в 1200 г. распространял ересь в Сплите, за что епископ Бернардо отлучил братьев от церкви и изгнал из города, после чего они покаялись. Фома архидиакон сообщает об этих людях, что они были гражданами города Задара, родом из Апулии, искусные золотых дел мастера и живописцы, долго жившие в Боснии и хорошо знакомые с латинской и славянской литературой [178]. Соловьев думает, что Растудий в конце XII в. был первым „дедом“ боснийской церкви. Когда бан Кулин в 1200 г. под угрозами папы Иннокентия III отрекся от богомильства, Растудий перешел в Сплит, где распространял ересь до столкновения с епископом Бернардом. Затем, подобно боснийским еретикам на Болинском поле, отрекся от ереси, но позднее снова вернулся в Боснию и остался там боснийским „дедом“. Против гипотезы Соловьева выступил Я. Шидак, который, опираясь на то, что в Баталавой записи (1393 г.) Растудий назван „нашим“ господином, считает возможным видеть в нем личность конца XIV в. [179] Мне кажется, что наличие имени Растудия во главе списка боснийских еретиков в Иаковлевой редакции Синодика (1286 — 1292) не позволяет согласиться с этим предположением Я. Шидака. Значение, придаваемое Растудию Синодиком, соответствует положению основателя какого-то

[176] Запись издал Љ. Стојановић в „Старинах“ Югославянской Академии, XVIII, 1886, стр. 230—232. К сожалению, в издание вкралась ошибка, меняющая смысл текста. В примечании к первому списку „Се пишоу предреченніе редове ки су се нарекли оу редь црькве пре господина нашего Растоудић“ пропущено слово „пре“ — прежде. Таким образом, первый список представляет не первых последователей Растудия („стройников“ первого „деда“ боснийской церкви), а предшественников Растудия, ставшего реформатором существовавшей до него боснийской церкви. Указанную ошибку в издании Стояновича обнаружил Я. Шидак (см. мою цитированную выше статью о Плевальском Синодике „Vajcов Зборник“, стр. 168, примеч. 22).

[177] А. Соловјев. Вјерско учење босанске цркве. Загреб, 1949, стр. 28—34. То же на франц. языке в „Bulletin de la Classe des lettres de sciences morales et politiques“, 5e Série, v. XXXIV. Bruxelles, 1948.

[178] Thomas Archidiaconus. Op. cit., p. 80.

[179] Я. Шидак. Данашње стање питања „цркве босанске“ у хисторијској науци. Историјски Зборник, VII. Загреб, 1954, стр. 132—133. Автор указывает, что возможность филологической идентификации Растудия с Аристодием сама по себе не является решающим аргументом.

Фома архидиакон свидетельствует об отречении братьев от ереси, и достоверность этого показания подтверждается тем фактом, что в 1217 г. Матвей упоминается источниками как задарский нобиль.

нового „реда“ (ордена?) боснийской церкви, каким Растудий является в Баталовом списке, и, следовательно, позволяет отнести его ко времени формирования еретической церковной организации при бане Кулине, в особенности если принять отождествление его предшественников по Баталову списку с приорами Болинопольского отречения 1203 г. В этой связи филологическое соответствие имен Растудия и Аристодия является очень сильным аргументом в пользу отождествления боснийского ересиарха с руководителем еретиков в Сплите в 1200 г. Поэтому можно считать, что пока не предложено другое более убедительное отождествление, гипотеза Соловьева представляется вполне вероятной.

Два других текста — Загребский и Дечанский — как уже упомянуто, несомненно представляют две версии новой редакции с позднейшими дополнениями: вечная память монаху Феоктисту — королю Стефану Драгутину, умершему в 1316 г., и его жене Екатерине; вечная память браничевскому митрополиту, относящаяся ко времени после 1346 г., когда Браничевская епископия могла быть возвышена до ранга митрополии в связи с установлением сербской патриархии. Надо, впрочем, сказать, что дата появления последнего возглашения не играет решающей роли, так как мы имеем возможность отнести его (появление возглашения) ко времени написания Загребской рукописи, а не ко времени выработки Загребской редакции, которая могла возникнуть значительно раньше, в частности, и в связи с военным столкновением Стефана Дечанского с боснийским баном в 1329 г. Очень трудно сделать какой-либо вполне определенный вывод о датировке данной редакции и из просопографических данных Загребского списка.

В отделе многолетий вообще нет новых просопографических данных в сравнении с Троицкой редакцией архиепископа Иакова, которая в этом отделе подверглась только переделке в формулировке и распределении материала в соответствии с обобщающей системой всей Загребской редакции.

Вместо некоторых статей с многолетием членам правящей династии (королевской чете и удельным государям — Драгутину с женой и королеве-матери Елене) осталось одно возглашение Стефану Урошу, благоверному князю (!) и самодержцу, с указанием, что затем произносятся возглашения братьям и сыновьям государя, „аще имать“.

Поскольку в отделе вечных памятей нет ни Стефана Уроша II Милутина, ни Стефана Уроша III Дечанского, а есть вечная память монаху Феоктисту (королю Стефану Дечанскому, ум. в 1316 г.) и его супруге Екатерине (дата смерти неизвестна), можно было бы сделать заключение, что эти изменения в тексте произведены в последние годы правления короля Милутина, между 1316 и 1321 гг. (если не выяснится, что королева Екатерина умерла после этого). Однако в таком случае совсем непонятно многолетие архиепископу Иакову, который умер в 1292 г. и вместо которого следовало бы ожидать в статье многолетие архиепископу Никодиму (1317—1324). В соответствии с многолетием архиепископу Иакову стоит статья с вечной памятью покойным архиепископам, где перечислены только предшественники Иакова — Арсений, Савва II, Иоанникий и Евстафий. Создается впечатление, что данная часть два раза подверглась редакционным изменениям: в первый раз еще при архиепископе Иакове, может быть, вскоре после первой его редакции, выполненной для короля Драгутина, которую теперь следовало приноровить к областям короля Милутина; вторично — в последние годы правления Милутина, после смерти Драгутина в 1316 г.

Другое впечатление производит отрицательная часть, которая, в противоположность остальной части текста с обобщающей систематизацией материала, дает анафематствование еретиков в отдельных статьях, и притом размещенных в разных частях текста. Это, во-первых, статья, перенесенная из предшествующей редакции, с анафематствованием Растудия босанского и пяти его единомышленников, которую мы обозначили как статью об ересиархах. В Загребском тексте эта статья пополнена несколькими именами, из которых одно поставлено во главу списка (перед Растудием) — Белизменць, а пять вкраплены в список (Добрко, Растинагость, поп Друг, поп Братен и Хотеш; можно предполагать, что шестое имя, Радосим, стоит вместо Радомира, находящегося в Троицком списке). Исследователям не удалось найти в других источниках этих имен, кроме одного Белизменца; последний же, по догадке Д. Книвалда, может быть отождествлен с Белезманцем (или Белазинанца), веронским епископом катаров, о котором в трех местах говорит трактат „Сумма“ Рейнера Саккони (около 1250 г.)[180]. Соловьев отождествляет его с антипапой катарских церквей, который, по свидетельству легата Конрада, в 1223 г. находился „в земле на границах Болгарии, Хорватии и Далмации, вблизи Венгерской нации“[181]. Хотя Я. Шидак и в отношении этой гипотезы выказал много скептицизма[182], однако и в данном случае, как и в вопросе о Растудии-Аристодии, пока не предложено лучшего толкования, приходится считаться с этим отождествлением. Во всяком случае не следует забывать, что и в других источниках имеются прямые указания о существовании связей между боснийскими патаренами и западными дуалистами, и в свете этих данных вполне объяснимо включение имени епископа или антипапы катарских церквей на первое место в статью Синодика о боснийских ересиархах. Нужно обратить внимание и еще на одну особенность в данной статье. Тогда как Троицкая редакция архиепископа Иакова позволяет только догадываться о боснийском происхождении ересиархов по указанию на *Растудия босанского*, Загребский текст заканчивает данную статью проклятием *„всем еретикам босанским и хумским“*.

На этом основании можно было бы базировать высказанную выше догадку, что эта переделка предшествующей редакции, составленной для босанско-сербских областей Драгутина, имела в виду преимущественно хумские области короля Милутина.

Непосредственно за этой статьей следует еще одна с проклятием шести еретиков — Воихны, Приезды, Нелепца, Стогшина, Бороя и Лепчина — и всех, верующих им, и их „свидетелей“. Эти имена говорят очень мало. Известен логофет и потом кесарь Воихна при царе Стефане Душане, но он не имеет никакого отношения к боснийскому еретику; в боснийских грамотах времени короля Стефана Остои около 1400 г. упоминаются Воихничи[183], которые могли бы быть потомками еретика Воихны, но о нем самом ничего не известно. Имя Приезды носили: 1) боснийский бан (около 1250 — около 1270), противник, а потом наследник Нинослава и 2) его второй сын, брат бана Стефана Котромана

---

[180] D. Kniewald. Vjerodostojnost latinskih izvora o bosanskim krstjanima. Zagreb, 1949, str. 106—111.

[181] Mansi, XXII, p. 1203—1204. A. Solovjev. Autour des Bogomiles. Byz., vol. XXII, 1952, p. 91—104.

[182] J. Šidak. Bosna i zapadni dualisti u prvoj polovici XIII stoljeća. Zgodovinski časopis, VI—VII. Ljubljana, 1952. 195, 3, str. 290—293.

[183] F. Miklosich. Op. cit., p. 247—250.

(1270 — около 1315)[184]. Последний мог бы быть современником Загребской редакции Синодика. Нелѣпьць звучит похоже на Нелипича, но этот хорватский сосед бана Стефана II в первой половине XIV в. известен как ревностный католик и организатор крестового похода против боснийских еретиков (1337)[185]. Какой-то Лепчин жил в середине XIV в. во влашском катуне Архангельского монастыря в Призренском крае[186]. Стогшин и Борой не нашлись в источниках XIII и XIV вв. Мне кажется, что выражение „верующие им и их свидетели" указывает на современное для редактора значение данной статьи, и что помещение данного возглашения в Синодик в виде особой статьи обличает в ней добавление, позднейшее по отношению к предыдущей статье. Возможно, что этот второй слой Загребской редакции мог войти сюда при том пересмотре текста, который, вероятно, происходил по смерти короля Драгутина в связи с борьбой короля Милутина с Боснией за Хум[187]. Этому бы отвечали и известия о заслугах архиепископа Никодима по борьбе с еретиками, а анафематствованный Приезда мог бы быть отождествлен с упомянутым братом и соправителем бана Стефана Котромана.

Наконец совсем особо, после общих статей против иконоборцев и всех еретиков, вставлено еще пять статей против богомилов. После общего проклятия верующих в бабунскую веру идет особая статья с проклятием Вълчка и Радославы, родителей Грубеши, и Нерадовы бабы Градиславы; статья против бана Стефана и его снохи Протомары; статья против Првослава, Брегоча, Стогшина, Воихне и Растудия и статья против Влахини и Волявицы (или влахини Волявицы). После этого вторично приведена статья „и всем, верующим в правую веру истинным христианам...", свидетельствующая, что весь этот комплекс перенесен в Загребскую редакцию из какого-то другого местного списка. Тут, с одной стороны, имеются статьи с совсем новыми именами бабунских главарей, среди которых особо видную роль играют женщины („христианки"); с другой стороны, в одной из статей повторяются известные имена из первого отдела анафематствований — Стогшин, Воихна и Растудий.

Особое положение этого комплекса анафематствований, не присоединенных к аналогичным статьям предшествующего отдела, заставляет предполагать, что этот кусок вставлен в текст Синодика позднее статьи второго слоя личных анафематствований, который мы предположительно отнесли ко времени после смерти Драгутина. Имя анафематствованного бана Стефана, в связи с известными свидетельствами о войне Стефана Дечанского с этим боснийским государем в 1329 г.[188] (а также и с обвинениями бана Стефана в еретичестве со стороны западных соседей и Рима, организовавших против него крестовый поход в 1337 г.)[189], побудило меня отнести это третье наслоение Загребской редакции к 1329 г.[190] На первый взгляд препятствием для этой гипотезы является упомянутое проклятие снохе бана Протомаре, так как известно, что бан Стефан женился лишь в 1323 г. на Елизавете, дочери куявского воеводы Казимира, и следовательно, в 1329 г. не мог иметь женатого сына. Но не следует забывать, что слово „сноха" у южных славян употребляется и в отношении к жене брата. Жена первого брата бана Стефана Владислава известна — Елена, дочь Георгия Брибирского Шубича; но у него были еще два брата, из которых во всяком случае один, Нинослав, был уже отроком в 1302 г., когда мать привезла его вместе с двумя старшими братьями в Дубровник (после смерти отца). Этот Нинослав (будущий отец короля Стефана Дабиши) вернулся из Дубровника вместе с братьями в Боснию. Имя его жены неизвестно[191], но можно предполагать, что именно она и была упомянутой в Синодике Протомарой.

В связи с нашей датировкой этого наслоения анафематствований можно допустить и еще одно отождествление: приведенного на первом месте, перед баном Стефаном, Вълчка (очевидно, какого-то могущественного феодала) — с известным Вълкославом Хорватиничем, получившим от бана в первые годы после возвращения Стефана на родину богатые дарения за оказанную ему помощь[192].

Таким образом, просопографические данные Загребской рукописи и их распределение по статьям и отделам текста позволяют догадываться о ряде розновременных дополнений, вносившихся в новую редакцию.

Свой основной вид Загребская редакция могла получить еще при архиепископе Иакове (которому осталось многолетие). Тогда могла быть расширена статья о ересиархах (Белизменьць и др.), с новым окончанием — против всех еретиков боснийских и хумских.

После смерти короля Драгутина (которому приведена вечная память), но еще при жизни короля Милутина (которому осталось многолетие), может быть, в связи с борьбой за Хумскую область, был исполнен пересмотр текста. Тогда могла быть прибавлена статья анафематствования Приезде, Воихне и др. Автором этих добавлений мог быть архиепископ Никодим, восхваляемый церковными источниками за борьбу с еретиками.

В 1329 г. или около этого времени, в связи с войной Стефана Дечанского с баном Стефаном II, был произведен новый пересмотр текста, причем после общих анафем иконоборцам и богомилам в заключительной части вставлен комплекс из четырех статей с проклятием бану Стефану и его современникам, среди которых выделяются несколько „христианок", вероятно, представительниц еретической феодальной аристократии. Автором этого дополнения мог быть архиепи-

---

184 В. Ћоровић. Ук. соч., стр. 207; М. Перојевић. В кн. „Повиест Хрватских земаља Босне и Херцеговине". Сарајево, 1942, стр. 234—237; А. Ивић. Родословне таблице српских династија и властеле. Нови Сад, 1923, табл. 3.

185 М. Перојевић. Ук. соч., стр. 262—264.

186 Ст. Новаковић. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, стр. 693.

187 К. Јиречек. Историја Срба, т. I, 2-е изд. Београд, 1952, стр. 200; В. Ћоровић. Ук. соч., стр. 329; М. Перојевић. Ук. соч., стр. 245—247.

188 Длинная запись на сербском евангелии, находившемся в монастыре св. Павла на Афоне, описывает поход „молодого короля" Стефана Душана, посланного отцом, Стефаном Дачанским, „на безбожных и проклятых бабун": с большим числом воинов он пошел на них, одержал победу, много крови пролил и бесчисленное множество взял в плен. В конце записи указывается, что евангелие было закончено в „епископии сербского Дебра", где в то время был восстановлен разрушенный бабунами храм св. Николы. Запись датирована 1329 г. (с неправильным 8-м индиктом) См. Љ. Стојановић. Стари српски записи и натписи, I. Београд, 1902, № 55 (стр. 25—26). Достоверность записи доказали новыми аргументами А. В. Соловјев. „Сведочанства...", стр. 81—88) и Я. Шидак. Питање цркве босанске у новијој литератури. Годишњак Ист. Друштва Босне и Херцеговине. Сарајево, 1953, стр. 149—152). Подтверждением этого известия служит запись в евангелии Югославской Академии № III в 4 о сербском походе на боснийского воеводу Крькшу при короле Уроше (Дечанском). В. Мошин. Ћирилски рукописи Југосл. Акад., I, стр. 129).

189 См. В. Ћоровић. Ук. соч., стр. 257 и др.

190 „Вајсов зборник", стр. 173.

191 А. Ивић. Родословне таблице српских династија и властеле. Нови Сад. 1923, табл. 3.

192 Гласник Земаљског Музеја, XVIII. Сарајево, 1906, стр. 403, ср. следующую грамоту стр. 404—405.

скоп Данило (1324—1337), который свою антипатию к боснийским еретикам выявил в написанном им житии короля Драгутина, где восхваляются труды этого государя по искоренению богомильства в Боснии.

В последней четверти XIV в., при переписывании текста этой редакции для браничевской епархии, вставлена (в Загребской рукописи) вечная память митрополиту Браничевскому Михаилу и его предшественнику на кафедре, епископу Иосифу.

По-видимому, в это же время был произведен и еще один пересмотр Синодика, результатом которого явился Дечанский текст. Тут находим, во-первых, известные сокращения просопографического материала, во-вторых, соединение двух статей в одну, и в-третьих, новые добавления, очевидно, представлявшие в то время злободневный интерес.

Первая статья об ересиархах является повторением статьи, имеющейся в Загребском тексте (Белизменьць — перед Растудием; все еретики босанские и хумские — в конце статьи), но с небольшими сокращениями (выпали имена попа Друга и Хотеша).

Следующая за этой статья Загребского списка (Воихна, Приезда, Нелепьць...) соединена в одну с предпоследней статьей добавлений* Даниловой редакции 1329 г.: Нелепьць, Стогниш, Борое, Лепчин + + Воихна, Првослав, Брегоч, Стогниш и Растудие (ошибочно написано Распудио). Воихна, который встречается и во второй статье, поставлен между обоими списками, а Стогниш (или Стогшин), также встречающийся в обеих статьях, оказался дважды повторенным. Остался и Растудий наряду с упомянутым в предыдущей статье ересиархом. Можно считать вероятным, что при этом были сознательно пропущены промежуточные статьи анафематствований Вьлчку с родственниками и бану Стефану со снохой, а также и последняя статья о Влахине (и) Волявице. Что этих статей действительно не было в Дечанской рукописи, убедительно свидетельствует самый факт их отсутствия в тексте, напечатанном Ристичем: он, конечно, не пропустил бы статьи с анафематствованием бана Стефана. Нужно предполагать, что исключение этих статей было сделано из внимания к тогдашнему правителю Боснии Твртку I, который в 1373 г., после раздела земель Николы Алтомановича, стал владетелем и части Сербского государства, а в 1377 г. короновался сербской короной, после чего стал себя титуловать „королем Сербам, Босне и Приморью". Если Дечанская редакция была выполнена после 1373 г., и, может быть, в области, подчиненной Твртку, в прямую связь с пропуском статьи против бана Стефана можем поставить и пропуск имени Приезды в предшествующей статье. Видимо, по политическим соображениям редактор устранил из Синодика имена государей, членов династии и их родственников, частью, может быть, еще бывших в живых, а частью хорошо известных по историческим воспоминаниям.

Приведенное соображение о датировке Дечанской редакции временем, когда часть сербской территории находилась под властью Боснии (после 1373 г.), подкрепляется просопографическими дополнениями к отделу анафематствований, которые, по убедительной аргументации Дж. С. Радоичича[193], должны относиться к восьмому десятилетию XIV в. После двух приведенных статей против боснийских и хумских еретиков в Дечанском списке имеется еще одна статья с проклятием Влаху Добровоевичу, Влаху Опанковичу и его брату Белошу. Соловьев по поводу этих имен только отметил, что эти анафемы интересны, так как показывают, что между богомилами могли быть и влахи[194]. Между тем Радоичичу удалось отождествить первого из этих Влахов — Добровоевича — с боснийским феодалом, упоминаемым в грамотах 1353—1354 и 1367 гг.[195], а другого — с „масалианцем" Влахом, которого патриарх Ефрем, по словам его жития „молитвою поразил"[196] (между 1373 и 1378 гг.). Радоичич подчеркивает, что патриарх должен был в борьбе с еретиком обращаться к божественной помощи потому, что в данный момент не имел возможности воспользоваться мерами церковного и светского законодательства — очевидно этот еретик был могущественной личностью при Твртке, который в то время владел частью сербского государства[197]. Поэтому мне представляется вполне возможным отождествить его и с Влахом, который в 1376 г. выступает в роли „милосника" перед Юрием Балшичем, владетелем Черногорских и соседних сербских областей, по вопросу об урегулировании отношений с дубровчанами в связи с их денежными обязательствами за таможню в г. Призрене[198]. Я. Шидаку удалось найти и еще одно свидетельство о босанце Влахе Добровоевиче — в грамоте Твртка Степану Райковичу, где между свидетелями, „добрыми бошнянами", упомянут „Влаи Добровоевич с братиом"[199]. Поскольку имя князя Влая Добровоевича (который

[193] Ђ. Сп. Радојичић. Један богумил код Срба из осме деценије XIV века. — „Република". Београд, № 399 от 23 июня 1953 г. Жаль, что эта научная заметка появилась в виде газетной статьи и поэтому не привлекла к себе заслуженного внимания.

[194] А. Соловјев. Сведочанства..., стр. 67, примеч. 160.

[195] В грамоте князя Владислава с матерью Еленой и братьями Твртком и Вуком князю Влатку Вълкославичу от 1353 или 1354 г. среди свидетелей, подтверждающих „веру", на шестом месте приведен Влаи Добровоевић („Гласник Земаљског музеја" XVIII. Сарајево, 1906, стр. 409—410). В грамоте бана Твртка Дубровнику от 1367 г. среди „властелей", вместе с князем подтверждающих привилегии Республики, князь Влаи Добровоевић (в Codex Ragusinus — Влагь Добровоєвикь) стоит на первом месте (См. Miklosch. Op. cit., p. 176—177; Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, књ. 1, стр. 73, № 80).

[196] „Био еданъ еретикъ именемъ Влахъ, кога молитвою порази, вере масалианске. Много свирѣпо нападаша на црковъ божие, и православни народъ оскорбяше. Свети же воздвигну руце и умнии очи к Богу, из глубини сердца рече: Господи Исусе Христе, што си своею кровию православну црковъ одъкупио, макни од нас еретика сего. И у скоро нападе га неисцѣлна недугъ, и тако зле душу свою изверже. Святи же благодари Богу на мнозѣ, яко не презрѣ моления его". (Живот српског патријарха Јефрема. Изд. Стојан Новаковић. Старине Југославенске Академије, XVI. Загреб, 1884, стр. 35—40). Цитирую с незначительными исправлениями в знаках препинания.

[197] По статье Святосавской Кормчей против масалиан, „иже суть ныне глаголемые богомилы бабуны", еретика ожидала „конечная мука", т. е. смертная казнь. Синтагма Матфея Властаря, переведенная на сербский при Душане и введенная в судебную практику, тоже отождествляет богомилов с масалианами и валентинианами и на основании цитированного „Градского закона" определяет для них, как и для всех, „не славящих святую Троицу въ едином божестве равносильную", „конечное томление". По статье 10 Душанова Законника еретика, обнаруженного в христианском доме, клеймят по лицу и изгоняют; также клеймят и укрывающего его. По статье 85, кто скажет „бабунскую речь" — если властелин, платит 100 перперов, если крестьянин (себр) платит 12 перперов и наказывается палками. (Ср. Ђ. Сп. Радојић в упомянутой статье).

[198] М. Пуцић. Споменици српски, II, Биоград, 1862, стр. 27. О „милоснике" — придворном, исполнявшем обязанности свидетеля при издании государевых грамот, свидетельство которого перед судом имело такую же силу, как и сама грамота, см. Т. Таргновски. Историја српског права у Неманићској држави. I. Београд, 1931, стр. 227; III. Београд, 1935, стр. 105 и 204.

[199] Грамота, сохранившаяся в копии у Павла Риттера Витезовича (XVIII в.), издана „кирилицей" у Дж. Шурмина („Хрватски споменици, I. Acta Croatica, Monumenta historico-juridica". VI, Zagreb, 1898, № 23, стр. 85—86) и „латиницей" с важными поправками и вескими аргументами в пользу подлинности оригинала Я. Шидаком („О вјеродостојности исправе босанског бана Твртка Стјепану Рајковићу. Зборник радова Филозофског факултета у Загребу, II. 1954, стр. 37—48. Ср. Я. Шидак, Данашње стање питања „цркве босанске"... стр. 133, примеч. 20.

в грамоте бана Твртка Дубровнику 1367 г. стоит на первом месте за государем) в копии, имеющейся в „Codex Ragusinus", приведено в форме Влагь Добровоjевикь, нет оснований сомневаться в тождественности этого боснийца Влая с упоминаемым в трех сербских источниках (житии патриарха Ефрема, Синодике и грамоте Балшича) могущественным Влахом[200]. Влаха Опанковича удалось найти Я. Шидаку в одном позднем свидетельстве, приведенном в книге Д. Ненки о генеалогии рода Охмучевича. Хотя эти данные заимствованы здесь из неподлинной грамоты (датированной 1349 г.) однако „тождество имени и фамилии в ддвх, независимых друг от друга, источниках, несомненно свидетельствует о существовании этой личности"[201]. Его брата Белоша мне не удалось найти в источниках того времени, хотя это имя в сербских источниках встречается; нужно думать, что и он фигурировал среди той „братии", которая рядом со старшим представителем рода приводится в качестве свидетелей в боснийских грамотах XIV столетия.

Особый интерес возбуждают в Дечанской редакции добавления, относящиеся к вопросу о возникновении богомильства и о его связи с павликианством.

Это, во-первых, вставка в статью, предшествующую личным анафематствованиям: здесь в формулу „вси еретици да будут проклети" после слова „еретици" вставлено пояснение: „иконоборцы и павликиани и богомильци, сиреч небогомольци". Как указывает Соловьев, эта анафема логично связывает иконоборцев, павликиан и богомилов по общему признаку — непочитание икон[202]. Эта же связь богомильства с павликианством подчеркнута в статье, следующей в Дечанском Синодике за личными анафематствованиями, — „Шетавше се сборище на иконы...". В эту статью, перешедшую из основной части греческого Синодика, после приведенных слов вставлено: „и всех ересь павликианы и богомилцев".

За приведенной статьей о „всех еретиках" Дечанский текст вставляет новую статью, представляющую соответствие первой статье против богомилов в болгарской редакции:

Болгарский Палаузовский текст	Дечанская редакция
Понеже вселѫкавыи нашь врагь по въсеи блъгарстѣи земли мани-	Иже во Македонiи Болгарскiи въ Филиполѣхъ и окрестъ възникши ересь богомiловъ и садружницы

[200] Ввиду этого трудно сказать, является ли этот Вай — Влахь, Влагь Добровоевић 1353—1354, 1367, 1376 и 1373—1378 гг. тем же человеком, что и босанский феодал Влатко Добровоевич, приведенный в числе свидетелей в грамоте боснийского бана Стефана Дубровнику от 1332 г. (F. Miklosich. Op. cit., p. 101; Codex diplomaticus, X, 35; А. Соловјев. Одабрани споменици српског права од XII до краја XV века. Београд, 1926, стр. 118). Возможно, что это был старший родственник Влаха — Владь — Влатко, но не исключена возможность, что та же уменьшительная форма Влатко могла быть применена и к имени Влахь (хотя естественнее было бы ожидать Влашко, как Духь — Душко, Лехь — Лешко и т. д.)

[201] Я. Шидак. Данашње стање питања „цркве босанске..." стр. 133, примеч. 20. Ссылка сделана на fra D. Nenchi. La dichiarazione piu chiara e piu distinta dell' Albero genealogico de conti Gargurich-Ochmuchievich. 1645, по цитате у G. Gelcich. I conti di Tuhelj. — Ottavo programa dell' I. R. Scuola nautica di Ragusa per l'anno scolastico, 1888—1889.

[202] А. Соловјев. Сведочанства..., стр. 61. Аналогию выражению „богомильци, сиреч небогомильци" представляет известная игра слов у пресвитера Косьмы: „Богомил, а по истине Богу не мил". По этому поводу Соловьев замечает: „... поэтому трудно определить, какому веку принадлежит это дополнение".

хеискѫа ересь разсѣа, смѣсивь сiѫ съ масалiан'скоѫ, иже таковѣи ереси начѧлники, анаѳема.

Попа Богомила иже при Петрѣ цари блъгарстѣмь въспрiемшаго манихеискѫѫ сiѫ ересь и въ блъгарстѣи земли разсѣавшаго... и того бывшеи нинѣ сѫщiи ученици и апостоли нареченiи, анаѳема.

его да будутъ проклети трижди и анаѳема.

(Совершенно ясно, что здесь перед „и садружници его" пропущено место, в котором говорилось о Богомиле как основателе ереси).

Эта статья Дечанского текста послужила Соловьеву темой для особого исследования о колыбели богомильства[203]. Как известно, есть свидетельство Райнера Саккони (около 1250 г.) о том, что существовавшие в его время 12 катарских церквей ведут происхождение от двух восточных — Драгувитской и Болгарской. Спорность проблемы (независимо от вопроса о достоверности передаваемой Саккони традиции) обусловлена географической неопределенностью этих названий: одни Драгувиты жили в Македонии, между Салониками и Верией, другие — во Фракии, около Филиппополя (Пловдива). Болгария же в различные эпохи имела разные географические рамки, в частности в XI в., после уничтожения государства Самуила созданная Василием II болгарская ферма охватывала в Македонию. С другой стороны, и название „Македония" в рамках византийского фемного устройства изменило свое обычное содержание, и уже в конце VIII в. фема Македонии обозначала Фракию с городами Адрианополем и Филиппополем. Соловьев считает, что Дечанский текст дает возможность внести некоторую ясность в истолкование свидетельства Райнера Саккони. Поскольку Дечанский текст связывает возникновение богомильства с павликианами, а в данной статье помещает исходный пункт этого движения в Филиппополь и его окрестности, куда Иоанн Цимисхий переселил павликиан из Азии[204], Соловьев видит в этом доказательство гипотезы Голубинского, считавшего родиной богомильства Драгувитскую область во Фракии[205]. При этом Соловьев считает, что текст Дечанской редакции восходит к Святосавскому архетипу 1221 г. или к Арсениевской редакции, а туда он мог попасть из греческого источника, правильно поместившего Филиппополь в Македонскую фему, которая в XIII в. уже находилась в пределах Болгарского царства и потому иногда могла быть названа Болгарской Македонией. Впрочем, в соответствующем разделе своей сербской статьи Соловьев допускает и иное объяснение этих особенностей Дечанской редакции: „... точно так же можем предполагать, что все это — позднейшие дополнения, возникшие в Печи во второй половине XIII или даже в XIV в."[206]

[203] A. Solovjev. Le berceau du bogomilisme (глава в статье „Autour des Bogomiles". Byz., vol. XXII, 1953, p. 81—90).

[204] О связи богомильства с павликианством и масалианством см. Д. Ангелов. Влияние на чужди ереси върху богомилството. Известия на семинарите в историко-филологич. факултет на университет, I. София, 1942, стр. 145—180; см. также его новую работу. Д. Ангелов. Богомильство в Болгарии. М., 1954, стр. 50—54. О павликианстве см. Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, V, 1952, стр. 49—72; ее же. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии. Там же, стр. 235—243. M. Loos. Deux contributions à l'histoire des pauliciens. BS, XVII, 1956, p. 19—57.

[205] Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей, болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М., 1871, стр. 707 и 154—165.

[206] А. Соловјев. Сведочанства..., стр. 61.

Последняя догадка представляется мне наиболее правдоподобной. Ни к Святосавскому архетипу, ни к Арсениевской редакции Дечанский текст в этом дополнении не мог восходить, так как ни Арсениевская редакция (в дополнениях к оросам), ни зависящая от нее редакция архиепископа Иакова (которая не сокращала, а расширяла первоначальный текст) этих данных не содержат. Не могла заимствовать их из греческого оригинала и Святосавская редакция, так как ни один из греческих текстов Синодика не содержит ни упоминания Филиппополя, ни указаний на связь богомильства с павликианством. Наоборот, там, где, в Синодиках встречаются отделы о богомильстве, они или совсем не говорят о происхождении ереси (Венский и Эскуриальский тексты) или, цитируя главы против богомильства из трактата Евфимия из Перивлепты, связывают богомильство с массалианством (тексты Афинской митрополии и зависящие от этой редакции болгарские тексты). Точно так же с массалианством связывает это движение и Святосавская Кормчая, заимствуя это из византийской церковно-догматической литературы (ср. Синтагму Матвея Властаря). Связь богомильства с павликианством со времени Анны Комнины стала традицией византийской историографии, и мне кажется, что в Дечанский текст Синодика данные о Филиппополе и павликианах попали именно через посредство литературной традиции, с которой автор редакции мог ознакомиться на Афоне или в Болгарии. Учитывая значение Синодика как официального церковно-канонического памятника, который мог пополняться только по распоряжению высшей церковной власти (обычно по настоянию государственной власти), я думаю, что не будет большой смелостью считать патриарха Ефрема автором дополнений, внесенных в сербский Синодик в его время. Болгарин по происхождению, родившийся и проведший юношеские годы вблизи Тырнова, затем подвизавшийся на Афоне в период сербского владычества при Душане, он должен был там войти в высший круг тогдашнего просвещенного общества. Там он мог завязать и личные дружеские связи с знаменитыми представителями тогдашнего византийского богословия, будущими патриархами Каллистом и Филофеем[207] и, конечно, с будущим болгарским патриархом Евфимием, также афонским воспитанником и представителем того же аскетического направления, к которому принадлежали и упомянутые греческие патриархи и патриарх Ефрем. Эти личные связи, вместе с дипломатическими способностями и с высокой образованностью в византийском смысле, должны были быть теми качествами, которые привели Ефрема на сербский патриарший престол в 1375 г. — в момент, когда решался вопрос о ликвидации византийско-сербского раскола[208]. Литературно-исторические познания патриарха Ефрема вполне объясняют факт внесения им в текст Синодика данных о связях богомильства с павликианством и о Филиппополе как колыбели этого движения — может быть, по связи и с личными воспоминаниями о традиции, слышанной им в молодости на родине. Для тырновца Филиппопольская область представляла Македонию, а по тогдашнему ее положению в границах Болгарского царства это была именно болгарская Македония в отличие от сербской и греческой.

[207] Ср. В. Мошин. Св. патриарх Калист и српска црква (Шеста стогодишница Српске патријаршије). Гласник Српске православне цркве. Београд, 1946, стр. 192—206.

[208] Ср. В Мошин. Житие старца Исаии, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в Югославии, III, 1940, стр. 125—167, особенно стр. 158—166.

Интересно отметить и еще одно добавление к тексту Синодика, записанное на полях Троицкого текста, которое могло бы стать зародышем еще одной редакции, правда, неосуществившейся. На нижнем поле, под статьей с проклятием Растудию босанскому и его сподвижникам и единомышленникам, другой рукой и другими чернилами, приписано: „и Радин, гость Херцегов да будет проклет". Этой интересной личности Соловьев посвятил особую статью, в которой подробно разбирает вопрос о процессе распада и вырождения боснийской „народной церкви". „Некогда революционное, патаренское учение, которое в XII в. всколыхнуло массы трудового народа, постепенно по диалектике исторического развития перешло в свое отрицание. Так же как и в Провансе, оно и в Боснии стало учением господской церкви. Ее старейшины сделались финансовыми и дипломатическими агентами феодальной аристократии и даже защитниками ее интересов против крестьян. Народ стал равнодушен к этой церкви. В критический момент гость Радин со своими „христианами" убежал в Дубровник, а народ быстро стал переходить в другие религии — православную, католическую и ислам. Боснийская церковь исчезла вместе с феодальным государством, с которым она была тесно связана"[209]. В период завоевания Боснии турками гость Радин был дипломатическим и финансовым агентом могущественных боснийских феодалов, сначала — Радослава Павловича, а затем, с 1437 г. — владетеля хумских земель „герцога св. Саввы", Стефана Косачи (по титулу которого эта область стала позднее называться Герцеговиной). Будучи советником и представителем герцога в его отношениях с Дубровником, гость Радин получал от республики богатые подарки и денежную награду за оказываемые ей услуги, а в 1455 г. — грамоту с обязательством предоставить ему в Дубровнике дом, содержание и свободу исповедания его религии для него самого и его слуг. В 1466 г. он действительно переселился в Дубровник, где и умер, оставив по завещанию большое богатство своей родине и близким. За время пребывания гостя Радина при дворе герцога Стефана этот правитель принял в свою область 40 богомильских „стройников" с большим числом рядовых богомилов, изгнанных из Боснии королем Стефаном Томашем. Нужно думать, что в этом решении герцога большую роль сыграл его любимый советник и что этот переход богомилов в Герцеговину должен был открыть гостю Радину широкие возможности для прозелитской и организационной работы в народных массах. Естественной реакцией против этого явилось внесение имени этого богомильского старейшины в Троицкий список Синодика, бывшего в то время в церковном употреблении на территории православной хумской церкви. Однако положение, в котором находилось сербское государство накануне окончательного завоевания Сербии турками в 1459 г., не позволило, видимо, высшей церковной власти произвести в то время новый пересмотр текста Синодика и претворить местное хумское дополнение с анафемой гостю Радину в новую статью общеобязательного официального текста этого канонического памятника.

[209] А. Соловјев. Гост Радин и његов тестаменат. Сарајево, 1947. Год. II, свезка 7, стр. 310—318; ср. его же. Постанак и пропаст Босанске цркве. Просвјетни гласник. Сарајево, 1947. Год. II, бр. 7—8, стр. 9—17) и статьи Ћ. Трухелка о завещании гостя Радина в „Гласнике Земальског Музеја". Сарајево, XXIII, 1911, стр. 355—376 и XXV, 1913, стр. 363—381.

* * *

Подводя итоги сделанному выше анализу доступных нам текстов, я считаю возможным повторить следующие главные заключения.

Дошедшие до нас славянские тексты — русские, болгарские и сербские — не представляют постепенную эволюцию одного основного перевода греческого Синодика, а зависят от разных греческих редакций и списков разного времени. Вместе с тем славянские тексты имеют и взаимные соответствия, свидетельствующие, что при переводе той или иной редакции с греческого принимались во внимание и существовавшие до того славянские списки.

Нужно полагать, что первоначальный перевод греческого Синодика был сделан еще в эпоху старославянской письменности для Болгарии и отсюда перешел на Русь, где его существование в первой трети XII в. засвидетельствовано Летописью и грамотой 1135 г.

Возможно, первоначальная болгарская редакция во второй половине X в. была пополнена своими статьями против богомилов, цитированными в трактате Косьмы Пресвитера. В эпоху византийского владычества в течение XI и XII столетий списки первоначального болгарского Синодика были уничтожены византийской церковной и гражданской властью.

Вскоре по восстановлении Болгарского царства в связи с ростом богомильского движения болгарский собор 1211 г. при царе Бориле предпринял новый перевод Синодика, в основу которого легла греческая редакция конца XII в. Позднее эта болгарская редакция получила добавления в царствование Иоанна Асеня II. Сохранившийся Палаузовский список представляет копию дополненной Бориловой редакции, сделанную в последней четверти XIV в., с заметками о волновавшем в то время византийскую церковь вопросе о Варлааме и Акиндине и об антицерковном движении Пиропула.

В середине XIV в. — до собора 1352 г., внесшего в официальный текст греческого Синодика отдел против Варлаама и Акиндина, — было произведено исправление текста Бориловой болгарской редакции в соответствии с тогдашним официальным греческим текстом и с сербским (или старославянским в русской редакции) переводом (Дриновский текст).

Исправленный болгарский текст был использован при пересмотре русской редакции в конце XIV в., когда она была пополнена в соответствии с официальным текстом константинопольской церкви, откуда были в русский текст взяты дополнения о Варлааме и Акиндине.

В Сербии Синодик был переведен Саввой в связи с его деятельностью по продолжению начатой его отцом Неманей борьбой с богомилами. Первоначальный текст Святосавской редакции был выполнен на Афоне между 1201 и 1204 гг. по русскому списку первоначальной славянской редакции (без греческих статей XI и XII в.). Этот Синодик был пересмотрен (по-видимому, с учетом болгарской Бориловой редакции) к собору 1221 г., когда был официально введен в церковный обиход новоосновавшей автокефальной сербской архиепископии.

После смерти Саввы в 1234 г., Святосавский текст был пересмотрен и пополнен архиепископом Арсением. В этой редакции статьи против бабун имеются только в общей форме, без личных анафематствований.

В период между 1286 и 1292 гг., при архиепископе Иакове, была предпринята новая редакция, имевшая в виду борьбу с богомильством на территории сербско-боснийского государства „Сремского короля" Драгутина. Эта редакция, не меняя основного текста Синодика Арсениевской редакции, пополнила его статьей с личным анафематствованием ересиарха Растудия боснийского и его единомышленников.

По-видимому, очень скоро после этого, при том же архиепископе Иакове (до 1292 г.), была произведена новая редакция текста для сербских областей короля Милутина. Эта редакция произвела изменения в общем плане Синодика с новой группировкой материала по отделам. Вероятно, при этом пересмотре статья о ересиархах получила новые имена (Белизменьць перед Растудием и др.) и уточнила направление анафемы — против еретиков боснийских и хумских.

После смерти короля Драгутина, вероятно, в связи с борьбой короля Милутина за хумскую область, архиепископ Никодим прибавил за статьей о ересиархах еще одну статью против Приезды, Воихны и других еретиков-современников.

По всей вероятности, около 1329 г., в связи с походом Душана на „поганых бабун", новым архиепископом Данилом был вставлен целый новый комплекс статей против бана Стефана, его родственников и феодалов-еретиков. (Не исключено, что эти дополнения могли быть сделаны и несколько позднее, в связи с походом Душана в Босну в 1350 г.).

При патриархе Ефреме, вероятно, в связи с богомильской пропагандой в сербских областях, подпавших под власть боснийского бана (затем короля) Твртка, между 1375 и 1378 гг. была произведена последняя редакция сербского Синодика, добавившая проклятие еще трем еретикам современникам, но выключившая из текста статьи против членов боснийской династии и близких к ним представителей боснийской феодальной аристократии.

Наконец, приписанная к Троицкому тексту в середине XV в. анафема герцогову гостю Радину, вероятно, в связи с тогдашним переселением боснийских богомилов в Герцеговину, осталась свидетельством местной церковной меры по борьбе с богомильством и не могла вызвать нового пересмотра официальной общей редакции сербского Синодика благодаря исключительным условиям политической обстановки в связи с турецким завоеванием сербских земель.

Возвращаясь к вопросу о создании первоначальной сербской редакции Синодика на основе русского текста, нужно подчеркнуть связь этого факта с многочисленными другими заимствованиями из русской письменности, обнаруженными в южнославянских письменностях исследованиями А. С. Соболевского и М. Н. Сперанского. В моей работе об орнаменте в южнославянских рукописях[210] я обратил внимание и на аналогичные явления в других областях культуры: на известный факт русского влияния в образовании рашской редакции сербского языка,

---

[210] В. М о ш и н. Орнамент јужнословенских рукописа (часть этой работы — главы об орнаментике старославянских рукописей и о тератологическом орнаменте — напечатана в журнале „Радови научног Друштва Босне и Херцеговине", VII. Сарајево 1957, стр. 5—79, а глава об орнаментике неовизантийского и балканского стиля — в журнале „Годишнак Балканолошког института", I, Сарајево. 1956, стр. 295—351). Вопросу о русском влиянии в южнославянской орнаментике XIII в. посвящены в первой части стр. 69—74. Проблема русского влияния в разных областях южнославянской культуры в первой половине XIII в. суммарно намечена в моей статье „К истории взаимоотношений русской и южнославянской письменности", вышедшей в журнале „Славяне" (М., 1958, № 1), и затронута в докладе о старшей славянской редакции Пролога на X Международном конгрессе по византиноведению в Стамбуле. („La rédaction slave du Prologue de Constantin, métropolite de Mokissou". Actes du Xe Congrès International d'Études byzantines, Istanbul, 1957, p. 232—233).

Последняя тема обработана в исследовании о старшей редакции Пролога, напечатанном в журнале „Zbornik Historijskog Instituta Jugoslavenske Akademije", II. Zagreb, 1959, str. 17—68.

на руссизмы в некоторых болгарских и сербских памятниках XIII в., на проникновение на Балканы тератологической орнаментики русского стиля, на появление в южнославянских месяцесловах русских праздников и святых, и в хронологии ряда болгарских и сербских памятников — датировки по „мартовскому" году, обычной на Руси и исчезнувшей в Византии уже в IX в. Все эти явления могут быть хронологически приурочены к одному и тому же времени — концу XII и началу XIII в. — периоду освобождения сербов и болгар от византийского владычества и восстановления их государственной и церковной самостоятельности. Полное отсутствие на Балканах памятников старославянской письменности — как глаголической, так и написанной кирилицей, — говорит об их намеренном уничтожении в эпоху византийской власти, причем нужно думать, что среди факторов, содействовавших этому процессу, особо значительную роль сыграла и антибогомильская инквизиция. Поэтому в период восстановления Сербии и Болгарии в конце XII в. эти земли воссоздавали свою письменность на основе русских рукописей, в значительной мере шедших на Балканы через Афон, подобно тому как в период христианизации Руси в X и XI вв. русская церковная письменность создавалась главным образом путем заимствования памятников славянского Юга. В этом плане создание Сербского Синодика на основе русской редакции представляется одним из важных культурно-исторических фактов, который органически входит в общую картину русско-южнославянских культурных взаимоотношений в период средних веков.

ХРОНИКА

XI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В МЮНХЕНЕ

15—20 сентября 1958 г. в Мюнхене состоялся очередной XI конгресс византинистов, на котором присутствовало свыше 400 делегатов от 22 стран. Более широким по сравнению с предшествующим конгрессом было представительство ученых от стран Народной демократии (Чехословакии, Болгарии, ГДР, Польши и др.) и от Италии. В отличие от X конгресса присутствовала и многочисленная делегация от Греции. От Советского Союза делегатами были член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская и автор этих строк.

Важным нововведением в работе конгресса явилось то, что широкие научные дискуссии по наиболее актуальным, по мнению организаторов конгресса, или малоизученным проблемам византинистики были проведены на пленарных заседаниях. Доклады и содоклады по этим вопросам были заранее напечатаны и разосланы участникам конгресса.

С моей точки зрения, наибольший научный интерес имели дискуссии по двум действительно очень сложным проблемам современного византиноведения: о возникновении фемного строя и истории византийских городов.

Докладчиком по первой проблеме выступил молодой итальянский ученый А. Пертузи. В докладе „Образование византийских фем" он отстаивал теорию сравнительно позднего (конец VII в.) образования фемной системы административного управления в Византийской империи. В докладе был дан обстоятельный историографический обзор важнейших трудов по этой проблеме (исследований А. Рамбо, Г. Шлюмберже, Дж. Бэри, М. Гельцера, Ф. Успенского, Ш. Диля, Брукса, Ю. Кулаковского, А. Фогта, Э. Штейна, Е. Дарко, Г. Острогорского и др.). Затем А. Пертузи остановился на двух вопросах: 1) Значение слова „фема" и изменение его значения и 2) Характер фем в VII в. Докладчик показал, что вначале слово θέμα означало военные части, занесенные в воинские списки, затем — те же части, размещенные по провинциям, и наконец — сами провинции. Пертузи в основном согласен с поддержанной большинством исследователей теорией Диля и Гельцера о том, что фемы были первоначально организацией чисто военной, а военно-административной организацией стали не раньше конца VII в. Защищая эту точку зрения, он, в частности, возражал против аргументации Э. Штейна, пытавшегося усмотреть и для более раннего периода соединение военных и административных полномочий в руках стратигов. Создание фем расценивалось Пертузи как результат слабости центральной власти. Однако, подчеркнул он, нанеся серьезный удар императорской автократии, организация фем вместе с тем дала возможность стране отразить нападения „варваров".

Против предложенной А. Пертузи датировки создания фемной системы выступил содокладчик академик Г. А. Острогорский (Югославия). Подчеркнув положительные стороны доклада А. Пертузи, Г. А. Острогорский вместе с тем, опираясь на неиспользованные докладчиком важные свидетельства Феофана, Кедрина и Зонары, убедительно показал, что создание фем было постепенным и длительным процессом.

По мнению Г. А. Острогорского, нельзя разделять развитие фем на два изолированных этапа: чисто военный (VII в.) и административный (реформа Льва III). Свидетельства нарративных источников, а также моливдовулы коммеркиариев говорят о том, что уже с 20-х годов VII в. начали складываться как военные, так и административные основы фемного строя.

Дискуссия по вопросу о времени создания и характере фемной организации в Византии вызвала большой интерес делегатов конгресса. Вполне признавая очень серьезное научное значение поднятых в дискуссии вопросов, нельзя не выразить сожаления по поводу того, что участники дискуссии не касались непосредственной связи образования фемного строя с формированием феодальных отношений в Византийской империи.

Большое внимание присутствовавших на конгрессе специалистов вызвала также дискуссия, посвященная рассмотрению проблемы византийского города.

В своем докладе „Византийский город" Э. Кирстен (ФРГ) отметил важность и неразработанность этой проблемы. Основываясь на обширном археологическом и топографическом материале и широко используя данные исторической географии, докладчик попытался наметить основные этапы истории византийских городов. Рассматривая вопрос о происхождении византийских городов и их роли в ранней Византии, Э. Кирстен проследил эволюцию античного полиса в IV—VII вв., показал начавшийся упадок курий и возникновение связи городского управления с церковной организацией. В докладе был поставлен и весьма важный вопрос о возникновении новых городов в ранней Византии (IV—VI вв.) и о развитии в этот период крупных административных и торговых центров империи (Константинополь, Александрия, Антиохия, Фессалоника и др.). Изучая археологический материал, докладчик пришел к выводу, что для периода примерно до середины VII в. в византийских городах был еще широко распространен эллинистическо-римский тип застройки. По мнению Э. Кирстена, нельзя доказать „умирание городов" (Städtesterben) на территории Восточной Римской империи раньше VII в. В так называемые темные века истории Византии (VII—IX вв.) курии перестают играть всякую роль в политической жизни города. Зато возрастает еще больше роль церковного управления. В IX в. городская жизнь оживляется. К этому времени относится постройка укреплений в некоторых городах („кастрон"). Конец IX—начало X в. — время расцвета византийского города, продолжавшегося до завоевания Константинополя крестоносцами. Для последнего периода (с 1204 г.) было характерно развитие новых крупных городских центров — таких, как Никея, Трапезунт, а со второй половины XIII в. и возрождение старых (Константинополь и Фессалоника). Останавливаясь кратко на социально-экономической и политической жизни поздневизантийских городов, автор особо подчеркивает появление нового, „демократического" устройства в Фессалонике XIV в. После турецкого завоевания, как считает докладчик, начинается „умирание городов" на всей территории бывшей Византийской империи.

Содокладчик Д. Закифинос (Греция) остановился на толковании понятия „город" (ville) в применении к Византии и на отдельных задачах изучения византийского города. В частности, он предложил несколько иную, чем у Кирстена, периодизацию истории византийского города.

Выступивший со вторым содокладом по этой проблеме видный французский ученый П. Лемерль также остановился на вопросе о методике изучения истории византийских городов и на необходимости создания четкой периодизации этой истории. В своем выступлении П. Лемерль особо отметил важное значение трудов советских ученых, посвященных изучению социально-экономической структуры и политической организации византийских городов. Он дал подробную и весьма положительную характеристику исследованиям Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова, А. П. Каждана, Р. А. Наследовой и других советских ученых.

В дискуссии по истории византийского города приняли участие советские делегаты — член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская и З. В. Удальцова. Н. В. Пигулевская в своем обстоятельном выступлении остановилась на истории городов в восточных провинциях империи в ранний период (IV—VI вв.). В своем выступлении я коснулась вопроса периодизации истории византийских городов и остановилась на необходимости изучения внутренней, социально-экономической истории города в неразрывной связи с общей историей гибели рабовладельческой и формирования и развития феодальной формации в Византии.

Содержательной и интересной для истории византийского права была дискуссия, развернувшаяся на конгрессе по вопросу об оценке характера византийского законодательства VI—IX вв.

Основной доклад „Византийская юриспруденция в период от правления Юстиниана до издания Василик" прочел П. Зепос (Греция). Развитие византийского права в этот период представляется докладчику в виде борьбы „теоретиков" (выражавших „дух" законодательства Юстиниана) и „практиков", связанных непосредственно с „реформаторской" деятельностью императоров-иконоборцев. По мнению П. Зепоса, первое направление являлось проводником основных установлений „государственного права" а второе было связано с проникновением влияния „народного" права на византийское законодательство. Влияние „народного" права, отметил докладчик, получило наиболее полное выражение в Эклоге.

Содокладчик Х. И. Шельтема (Голландия) дал обзор некоторых источников (комментарии к Дигестам, Кодексу, Институциям и новеллам Юстиниана и т. д.) и сделал замечания о характере так называемых Manualia (Эклога, Прохирон, Эпанагога) и о „народном" праве. Второй содокладчик Ж. де Малафосс (Франция) также остановился главным образом на характеристике Эклоги и Прохирона.

Среди проблем, обсуждавшихся на пленарных заседаниях конгресса, видное место заняли вопросы изучения среднегреческого языка и византийской литературы.

Греческий ученый С. Кириакидис сделал интересный и обстоятельный доклад о новейших исследованиях эпоса о Дигенисе Акрите. Он подвел итоги изучения этого произведения, начавшегося в научной литературе еще в 70-х годах прошлого века. Докладчик особо отметил бесспорные достижения последних лет в научном разрешении многих сложных вопросов изучения акритского эпоса, но в то же время подчеркнул наличие еще не решенных проблем, к числу которых он отнес окончательное определение первоначального текста эпоса, выявление датировки отдельных версий и вопрос о характере языка первоначальной

версии памятника. Затронув последнюю проблему и показав ее спорность, докладчик подчеркнул, что он сам является сторонником той точки зрения, что язык первоначальной версии текста был *народным языком*.

Значительное внимание в докладе было уделено рассмотрению общего вопроса о значении эпической традиции в истории византийской литературы и о влиянии эпоса о Дигенисе Акрите на средневековую литературу самой Византии и других стран. В связи с освещением этих вопросов докладчик изложил свои соображения об источниках эпоса о Дигенисе Акрите и о художественных особенностях его стиля. С. Кириакидис настойчиво подчеркивал необходимость сводного издания всех существующих версий поэмы.

В прениях по докладу С. Кириакидиса выступил крупный знаток эпоса о Дигенисе Акрите, бельгийский ученый А. Грегуар.

Истории развития греческого языка в период между возникновением койнэ и появлением новогреческого был посвящен доклад другого греческого ученого, С. Капсоменоса. Рассматривая историю развития языка в тесной связи с политической историей Греции, докладчик проследил основные этапы эволюции греческого языка от эллинистическо-римского периода, через среднегреческий язык Византии к новогреческому с его диалектами. Значительный интерес для специалистов-филологов имел данный в докладе С. Капсоменоса обзор научных трудов XIX—XX в., посвященных изучению истории развития греческого языка, и обширная библиография, приложенная к докладу по отдельным вопросам этой проблемы (эллинистические надписи, старые диалекты, язык перевода Библии, общие и частные проблемы среднегреческого и новогреческого языков).

Содокладчик Д. Табаховиц (Швеция) сделал несколько частных замечаний по морфологии греческого языка и по языку Нового завета.

Значительное место в работе конгресса заняли доклады по истории византийского искусства и культуры. Э. Китцингер (США) выступил на пленарном заседании конгресса с докладом на тему: „Византийское искусство за период между правлением Юстиниана и иконоборчеством". Докладчик не ставил себе задачу дать полное, всеобъемлющее изложение хода развития византийского искусства в этот период: он ограничил свой доклад характеристикой основных направлений изобразительного искусства Византии конца VI — начала VIII в. При этом он сделал попытку объяснить появление этих основных направлений, исходя из общей характеристики эпохи. Отмечая отсутствие стилистического единства в византийском искусстве рассматриваемого в докладе периода, Китцингер связывает тенденции к „невесомому", „отвлеченному" изображению святых в византийской живописи той эпохи с распространением влияния определенных церковных доктрин. Основной особенностью истории византийского искусства этого времени, по мнению докладчика, было интенсивное развитие иконописи. Свое художественное оформление этот жанр византийской живописи получил еще до возникновения иконоборческого движения. Следует отметить, что в докладе Э. Китцингера были широко использованы труды видного советского искусствоведа, члена-корреспондента АН Грузинской ССР Л. А. Мацулевича.

Содокладчик Э. Китцингера Р. Бианки Бандинелли (Италия) остановился в своем сообщении на проблеме эллинистических традиций в византийском искусстве того времени.

Австрийский ученый О. Демус прочитал доклад на тему: „Возникновение палеологовского стиля в живописи". Докладчик отметил

успехи, сделанные за последнее время в изучении византийского искусства XIV — XV вв., и попытался выявить основные особенности так называемого палеологовского стиля, оперируя наиболее показательным, с его точки зрения, иконографическим материалом. Демус присоединяется к высказыванию Г. Сотириу, считавшего палеологовский стиль „революцией в искусстве". Характерными чертами нового стиля, по мнению докладчика, были отказ от существовавших ранее традиций в композиции фигур и новшества в этой области, увлечение эффектами в изобразительных средствах. Как один из положительных моментов доклада следует отметить попытку О. Демуса проследить зарождение в византийской живописи более раннего периода (XII—XIII вв.) элементов, подготовивших возникновение новых стилистических черт в поздневизантийском искусстве. Значительное внимание было уделено докладчиком и вопросу о различных влияниях на поздневизантийское искусство: западноевропейское (крестоносцы, Италия), восточное и славянское (болгары, сербы). В конце своего доклада О. Демус попытался выделить факторы, воздействовавшие, по его мнению, на возникновение и развитие нового направления в византийской живописи. К таким факторам О. Демус относит: влияние архаизирующих тенденций, воздействие общих идей возрождения и гуманизма, усиление связи с народным искусством, влияние церкви и церковной догматики, а также стремление художника к выявлению своей творческой индивидуальности.

Содокладчик С. Радоичич (Югославия) отметил многообразие тематики поздневизантийской живописи и остановился на некоторых особенностях ее стиля. Основное внимание в своем выступлении он уделил выяснению сходства и различия палеологовской живописи с западноевропейской, в частности с итальянской живописью, и показал наличие генетических связей так называемого палеологовского ренессанса со старовизантийскими традициями живописи. В докладе О. Демуса и содокладе Радоичича была дана высокая оценка работ известного советского знатока византийского искусства, члена-корреспондента АН СССР В. Н. Лазарева.

Другой содокладчик, А. Ксингопулос (Греция), остановился главным образом на характеристике константинопольской и македонской школ в византийской живописи при Палеологах.

В коллективном докладе Э. Яммерса (ФРГ), Р. Шлоттерера (ФРГ), Х. Шмидта (Австрия), Э. Вельтнера (ФРГ) „Византинизмы в каролингской музыке" рассматривался вопрос о влиянии византийской музыки на средневековую западноевропейскую и была сделана попытка проследить пути, по которым шло это влияние (греческие учителя и певцы на Западе, церковное пение, музыкальная нотация). Сходство между византийскими и римскими церковными мелодиями при Каролингах докладчики объясняли происхождением их из общего источника, однако в результате самостоятельного развития византийская музыка уже к этому времени приобрела свои индивидуальные черты, оказавшие значительное воздействие на развитие музыки на Западе. В частности, докладчики отметили влияние византийских невм на систему нотных обозначений в западной музыке, а также влияние отдельных греческих терминов. В заключение они подчеркнули, что решение всех проблем в этой области не под силу одним музыковедам и требует участия специалистов по смежным дисциплинам.

Французский ученый А. Дэн посвятил свой доклад вопросам византийской кодикологии, причем, говоря о византийской кодикологии, он не проводил разграничения между средневековыми рукописями

с греческой тематикой и византийскими рукописями в собственном смысле слова. Доклад А. Дэна как бы подвел итоги исследованиям последних лет в области кодикологии и наметил очередные задачи, разрешение которых поможет дальнейшему развитию этой отрасли науки. Большой интерес делегатов конгресса вызвало обстоятельное сообщение докладчика об архивах, в которых находятся собрания рукописей (были упомянуты и советские собрания). В докладе был также поставлен вопрос о создании институтов кодикологии. В связи с этим был освещен опыт работы Института по исследованию и истории текстов в Париже. Докладчик рассказал об обмене рукописями и работе по их воспроизведению. В заключение были сделаны предложения по дальнейшему развитию византийской кодикологии.

Содокладчик К. Джаннелли (Италия) сообщил новые сведения главным образом относительно итальянских и французских собраний рукописей.

Содокладчик Х. Хунгер (Австрия) сделал несколько предложений по организации и программе кодикологических исследований, в частности по организации каталогизирования византийских рукописей.

Таковы основные проблемы, обсуждавшиеся на пленарных заседаниях конгресса.

Важной, характерной чертой этого конгресса явилось явное усиление внимания его участников к социально-экономической тематике, что отразилось в докладах, прочитанных на заседаниях секции истории. Среди докладов, посвященных вопросам развития феодальных отношений, выделился своей фундированностью доклад болгарского историка Димитра Ангелова „К вопросу об иммунитетных правах балканских монастырей в XIII—XIV вв.“ Доклад представлял собой часть обширной монографии автора об аграрных отношениях в Македонии в период развитого феодализма.

Свежестью материала и новизной интерпретации данных источников отличался и доклад А. Соловьева, посвященный спорной проблеме о преобладании влияния Византии или Руси в Северном Причерноморье в период правления Комненов.

Изучению появления и эволюции в Византии феодального института λίζιος был посвящен доклад Я. Ферлучи. Вопрос о восстании Фомы Славянина и его связи с иконоборческим движением рассматривался в докладе Ф. Баришича.

Советский ученый член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская выступила на заседаниях исторической секции с докладом „Византийская дипломатия и арабы до VII в.“ Доклад Н. В. Пигулевской вызвал большой интерес ученых-византинистов. Выступавшие в прениях по докладу Н. В. Пигулевской профессор Хауссич и др. дали высокую оценку ее исследованию.

В своем докладе З. В. Удальцова рассмотрела вопрос о социально-экономической политике Византии в Италии в VI в. По докладу З. В. Удальцовой развернулась дискуссия, во время которой обсуждался вопрос об отношении Юстиниана к крупным землевладельцам в Италии и о политике Тотилы по отношению к народным массам.

Среди докладов, прочитанных на заседаниях других секций конгресса, нужно особо отметить очень интересный доклад академика Д. Моравчика (Венгрия) о новом издании его ценнейшего труда „Byzantinoturcica“, пользующегося всемирной известностью.

Весьма полезным был доклад профессора Антонина Досталя (Чехословакия) о постановке отдела библиографии в журнале „Byzantinoslavica“.

К сожалению, следует признать, что многие доклады, прочитанные на секции теологии, отличались не только узостью тематики, но и реакционностью методологических взглядов их авторов.

На заключительном заседании конгресса было принято решение провести следующий очередной XII конгресс византинистов в Охриде в 1961 г. Президентом будущего конгресса избран академик Г. Острогорский, генеральным секретарем — профессор Д. Бошкович. Кроме того, было принято решение об опубликовании трудов конгресса.

З. В. Удальцова

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
КОСМИНСКИЙ

АКАДЕМИК ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСМИНСКИЙ

24 июля 1959 г. скончался выдающийся советский историк, признанный глава советских медиевистов и руководитель советского византиноведения академик Евгений Алексеевич Косминский.

В лице Е. А. Косминского советская наука потеряла талантливого ученого, внесшего большой вклад в развитие нашей исторической науки, крупнейшего педагога, воспитавшего целое поколение историков, работающих в различных областях исторической науки, ведущих большую научную, педагогическую и общественно-политическую работу.

Е. А. Косминский родился 2 ноября 1886 г. в Варшаве. В 1910 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1915 г., сдав магистерские экзамены, он стал преподавать в Московском университете. С 1919 по 1932 г. Е. А. Косминский был профессором Московского государственного университета, а с 1932 г. — профессором Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). С 1921 г. он состоял действительным членом Института истории РАНИОН, в 1924—1926 гг. руководил работой кабинета по истории Англии в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, в 1926—1934 гг. преподавал в Институте красной профессуры, работал в Институте истории Коммунистической академии, действительным членом которого был избран в 1929 г. С 1934 по 1949 г. Е. А. Косминский заведовал кафедрами истории средних веков на восстановленном историческом факультете МГУ и в МИФЛИ. С 1936 г. до последних дней своей жизни он работал в Институте истории Академии наук СССР, где в течение ряда лет (1947—1952) заведовал сектором истории средних веков, а с 1955 г. — сектором византиноведения. Одновременно Е. А. Косминский руководил группой по изучению истории Англии и являлся ответственным редактором издающегося с 1942 г. органа советской медиевистики — сборника „Средние века“ и органа советского византиноведения — „Византийский временник“.

В 1936 г. за выдающиеся научные труды Е. А. Косминскому была присвоена ученая степень доктора исторических наук. В 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1945 г. — действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, в 1946 г. — действительным членом Академии наук СССР. В 1947 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Е. А. Косминский был ученым, обладавшим огромной эрудицией и творческой активностью, большим разнообразием научных интересов.

Его перу принадлежит свыше двухсот научных трудов, охватывающих чрезвычайно широкий круг вопросов.

Главные исследовательские интересы Е. А. Косминского были сосредоточены в области социально-экономической истории средних веков и прежде всего в области аграрной истории средневековой Англии. Кроме большого числа статей и докладов, посвященных этой теме, им была написана монография „Английская деревня в XIII веке", вышедшая в свет в 1935 г. В дальнейшем, подвергнув исследованию ряд новых проблем, Е. А. Косминский значительно переработал и дополнил эту книгу. В результате проделанной им большой работы в 1947 г. появилась его монография „Исследования по аграрной истории Англии XIII в.".

Фундаментальные труды Е. А. Косминского затрагивают основные проблемы аграрной, социальной и политической истории Англии XIII в. Исходя из марксистско-ленинского учения о феодальном способе производства и докапиталистической земельной ренте, Е. А. Косминский по-новому поставил и разрешил ряд основных проблем истории феодального общества и в особенности истории феодальной Англии. Подвергнув критике буржуазные теории, в частности теорию „типического манора" (П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский и др.), он показал, что феодальная вотчина (манор) является организацией для присвоения феодальной ренты крестьян собственниками земли — феодалами. Взяв за основу изучения не „типический манор", но всю английскую деревню XIII в. в целом, и основываясь на глубоком статистическом анализе малоизученных источников, особенно так называемых Сотенных свитков 1279 г. и Посмертных расследований, Е. А. Косминский пришел к выводу о пестроте и разнообразии вотчинной структуры Англии XIII в., о значительном развитии товарно-денежных отношений в английской деревне и о преобладании денежной формы феодальной ренты в этот период (хотя в крупных, особенно церковных, вотчинах ведущее место оставалось за отработочной рентой — барщиной). Е. А. Косминский показал значительное расслоение среди английского крестьянства, в частности наличие большого числа малоземельных крестьян, составлявших кадры сельских „наемных рабочих", труд которых широко эксплуатировался, особенно в мелких и средних феодальных вотчинах; вскрыл наличие в английской деревне острой классовой борьбы, дал глубокий анализ характера и форм этой борьбы. В работах Е. А. Косминского вскрыта диалектика экономических процессов, показано, как наряду с развитием коммутации и личного освобождения крестьян происходил противоположный процесс так называемой феодальной реакции — усиления барщины и личного закрепощения отдельных групп крестьян, ухудшение положения широких масс крестьянства.

В исследованиях Е. А. Косминского показана глубокая связь экономических процессов в развитии английской деревни с социальными и политическими. Он пришел к важному выводу о более тесной связи с рынком мелкой вотчины и вскрыл причины различия в социальных и политических позициях крупных и мелких феодалов, причины складывавшегося союза рыцарства и зажиточной верхушки английских городов, оказавшего огромное влияние на всю последующую историю Англии.

Значение работ Е. А. Косминского выходит далеко за пределы исследовавшегося им периода. Они проливают свет на историю более раннего и более позднего периодов, являются важнейшим материалом для изучения всей истории средневековой Англии. Многие из его положений и выводов имеют большое значение для изучения истории всего средневековья в целом.

Продолжая лучшие традиции русской исторической науки, Е. А. Косминский создал марксистскую школу по изучению истории средневековой Англии. Его многочисленные ученики и последователи, используя его методы исследования и его выводы, изучают различные проблемы аграрной, городской и политической истории английского средневековья. Объединенные в группу по изучению истории Англии, они ведут большую научно-исследовательскую и педагогическую работу.

Исследования Е. А. Косминского по аграрной истории Англии получили широкое признание и за рубежом, в том числе и в самой Англии. Его научные труды, переведенные на английский и другие языки, оказали значительное влияние на развитие прогрессивной исторической науки в зарубежных странах. Признание больших научных заслуг Е. А. Косминского за рубежом нашло свое выражение в избрании его членом ряда иностранных научных исторических обществ, в том числе почетным членом Польской Академии наук, Британской исторической ассоциации и др.

Е. А. Косминский исследовал также темы, относящиеся к самым различным областям всеобщей истории. В своих общих и специальных лекционных курсах и семинарских занятиях он разрабатывал такие темы как „История Англии" (до XX в.), „История крестьянства в Европе до начала XIX в.", „Экономическая история Европы в средние века", „История гуманизма и Возрождения", „История Реформации", „История дипломатических и международных отношений в средние века" и многие другие. В течение многолетней научной и преподавательской деятельности Е. А. Косминский опубликовал исследовательские работы, прочитал лекции и научные доклады и провел семинарские занятия, охватывающие почти все разделы истории средних веков. Ряд его работ посвящен также вопросам истории СССР.

Исключительно большое значение имели созданные Е. А. Косминским университетские курсы по истории средневековья и по ряду вспомогательных исторических дисциплин: историографии средних веков, охватывающие период с конца V до середины XIX в., источниковедению, средневековой латинской палеографии. Ему принадлежит также большое число статей, посвященных отдельным историкам средневековья и целым школам и направлениям в русской и зарубежной медиевистике.

В 1938—1946 гг. Е. А. Косминский принял участие в публикации научного наследства К. Маркса. Им была проделана большая работа по расшифровке, переводу и подготовке к печати „Хронологических выписок" и конспекта работы английского историка Д. Р. Грина „История английского народа".

Е. А. Косминский принимал активное участие в создании крупных научных коллективных работ, подводящих итоги достижений советской исторической науки. Как один из авторов первого тома „Истории дипломатии", опубликованного в 1941 г., он был удостоен звания лауреата Сталинской премии первой степени. Написанные Е. А. Косминским главы были им незадолго до смерти значительно переработаны для второго издания этого крупного научного труда. Он был одним из авторов сборника „Против фашистской фальсификации истории", сыгравшего важную роль в идеологической борьбе с фашизмом. В годы Великой Отечественной войны Е. А. Косминский неоднократно выступал в печати со статьями, разоблачавшими идеологию германского фашизма.

Под редакцией Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого в 1954 г. был опубликован двухтомный коллективный труд советских специалистов по истории Англии — „Английская буржуазная революция XVII в.“, удостоенный премии Президиума Академии наук СССР. В нем Е. А. Косминским написаны вводная и историографическая главы и заключение. Большую работу провел Е. А. Косминский как член главной редакции „Всемирной истории“ и один из авторов этого многотомного труда.

Многолетняя деятельность Е. А. Косминского по руководству и сплочению специалистов, изучающих историю Византии, способствовала успешному развитию советского византиноведения.

В 1943 г. под руководством Е. А. Косминского при Институте истории АН СССР была создана группа по византиноведению, в работе которой приняли участие специалисты как старшего, так и младшего поколения. Е. А. Косминский неоднократно выступал с докладами о целях и задачах советского византиноведения и о проводимой в СССР исследовательской работе в этой области на заседаниях группы и на сессиях Отделения истории и философии АН СССР, посвященных вопросам византиноведения.

В 1947 г. усилиями Е. А. Косминского было возобновлено издание печатного органа советских византинистов — сборника „Византийский временник“, ответственным редактором которого он был до последних дней своей жизни.

В 1955 г. группа по византиноведению была преобразована в сектор византиноведения при Институте истории АН СССР. Е. А. Косминский проводил большую научно-организационную работу по руководству сектором, по подготовке аспирантов-византинистов, по редактированию научных трудов, посвященных вопросам византиноведения.

Е. А. Косминскому принадлежит большая заслуга в создании учебников для высшей и средней школы. Он был одним из редакторов и автором большинства глав первого тома первого советского учебника по истории средних веков для исторических факультетов университетов и педагогических институтов, опубликованного в 1938 г. В 1952 г. был издан новый учебник по истории средних веков для высших учебных заведений. Е. А. Косминскому принадлежит много глав в этом учебнике, он был также одним из редакторов первого тома. Этот учебник, переведенный на немецкий, чешский, болгарский, венгерский и другие языки, сыграл большую роль в подготовке специалистов-историков в СССР и странах народной демократии.

В 1940 г. под редакцией Е. А. Косминского был издан учебник по истории средних веков для VI—VII классов средней школы. В 1949 г. он написал новый учебник, неоднократно затем переиздававшийся. По написанным Е. А. Косминским и при его участии учебникам, учебным и методическим пособиям учится и воспитывается поколение советских студентов и школьников — будущих активных строителей коммунизма.

Большая работа была проведена Е. А. Косминским по изданию источников по истории средневековья. Под его редакцией был опубликован ряд сборников документов, освещающих важнейшие проблемы истории средних веков.

Е. А. Косминский достойно представлял советскую историческую науку на ряде международных конгрессов и конференций историков, принимал активное участие в их работе, выступал с докладами и сообщениями. Он был делегатом VI Международного конгресса исторических наук в Осло (1928 г.), участвовал в работе конференции польских историков в Отвоцке (1951—1952 гг.), был членом делегации советских историков на X Международном конгрессе исторических наук в Риме (1955 г.), участвовал в работе англо-советской конференции историков в Лондоне (1958 г.). Его обширные связи с многими историками стран народной демократии и прогрессивными учеными Англии, США, Японии и других стран способствовали установлению и укреплению контактов, научных связей и большему взаимопониманию между учеными СССР и зарубежными учеными.

Наряду с научной, педагогической и организационной работой Е. А. Косминский проводил большую общественно-политическую деятельность, выступал активным борцом за мир и сотрудничество между народами. Широко известны опубликованные им в советской и зарубежной печати статьи на актуальные общественно-политические темы. В 1952—1955 гг. Е. А. Косминский был главным редактором издававшегося на английском языке журнала „News“ („Новости“).

Научные, педагогические и общественные заслуги Е. А. Косминского были высоко оценены Правительством СССР. Он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Всю свою большую эрудицию, все богатство своих знаний Е. А. Косминский щедро отдавал делу дальнейшего развития советской исторической науки. Несмотря на тяжелые недуги он до последнего дня своей жизни продолжал научную деятельность, был полон дальнейших творческих планов. Смерть преждевременно оборвала его замечательную жизнь.

Е. А. Косминский был исключительно отзывчивым, чутким, скромным человеком, внимательно относящимся к своим товарищам, сотрудникам и ученикам, всегда готовым помочь им в их работе.

Светлая память о Евгении Алексеевиче Косминском навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

Ю. У.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийское обозрение
ВС — Византийский сборник, М.—Л., 1945
ГМПО — Годишник на музеите от Пловдивски окръг
ГПлНМ — Годишник на Археологическия музей в Пловдив
ГСУфиф — Годишник на Софийския университет, филол.-ист. факултет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИАД — Известия на Археологическото дружество
ИАК — Известия Археографической комиссии
ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт
ИВАД — Известия на Варненското Археологическото дружество
ИИБИ — Известия на Института за българска история
Известия ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС — Краткие сообщения Института Славяноведения
МАЭ — Материалы по археологии и этнографии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РП — Разкопки и проучвания на Археологическия музей в София
СА — Советская археология
СпБАН — Списание на Българската Академия на науките
СС — Славянский сборник
СЭ — Советская этнография
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
AASS — Acta sanctorum Bollandiana
AB — Analecta Bollandiana
AHR — American Historical Review
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
Cassiod. Var. — Cassiodori Senatoris Variae, MGH Auct. ant., vol XII
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
Cod. Just. — Codex Justinianus
Dig. — Digesta, Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO — Échos d'Orient
Inst. — Institutiones
JHS — Journal of Hellenic Studies
Jus. — Jus Graeco-Romanum, ed. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1881.
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MHH — Monumenta Hungariae Historica
MM — Ed. F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi...
Nov. Just. — Novellae Justiniani
OCP — Orientalia Christiana Periodica
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB — Revue des Études Byzantines
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

стр.

В. Тыпкова-Заимова (София—Болгария). Нападения „варваров" на окрестности Солуни в первой половине VI в. . . . 3

В. Бешевлиев (София—Болгария). К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. . . . 8

К. Н. Юзбашян. „Варяги" и „прония" в „Повествовании" Аристакеса Ластивертци . . . 14

М. М. Фрейденберг (Великие Луки). Труд Иоанна Киннама как исторический источник . . . 29

П. Х. Петров (София—Болгария). О титулах „севаст" и „протосеваст" в средневековом болгарском государстве . . . 52

Я. Н. Любарский (Великие Луки). Критский поэт Стефан Сахликис . . . 65

М. М. Копыленко (Алма-Ата). Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы (Гипотактические конструкции славяно-русского перевода „Александрии") . . . 82

А. П. Каждан (Москва). Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу новой работы П. Лемерля) . . . 92

Б. А. Шелковников (Ленинград). Стекло Киевской Руси X—XIII вв. . . . 114

К. В. Голенко (Москва). Клад монет из села Тобаниери . . . 127

В. С. Шандровская (Ленинград). Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа . . . 173

Л. А. Мацулевич (Ленинград). Войсковой знак V в. . . . 183

А. В. Банк (Ленинград). Несколько византийских камей из собрания Государственного Эрмитажа . . . 206

Е. Э. Граистрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. I . . . 216

Критика и библиография

Рецензии

Я. Н. Любарский (Великие Луки). Феофилакт Симокатта. История. М., 1957 . . . 244

С. Лишев (София—Болгария). Несколько замечаний по поводу статьи М. Я. Сюзюмова . . . 250

М. Я. Сюзюмов (Свердловск), Н. А. Мещерский (Петрозаводск). Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik, Bd. I, hrsg. von Johannes Irmscher. Eerlin, 1957 . . . 256

А. П. Каждан (Москва). Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Berlin, 1958. . . . 271

М. М. Фрейденберг (Великие Луки). J. M. Hussey. The Byzantine World. London, 1957 . . . 287

Я. Н. Щапов (Москва). F. Dvornik. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. Dumbarton Oaks Papers, № 9 and 10. Cambridge, 1956 . . . 293

Обзоры

(Византиноведение за рубежом)

П. Тивчев (София—Болгария). Изучение истории Византии и средневековой Болгарии в Народной Республике Болгарии в 1954—1957 гг. . . . 300

Э. Франчес (Бухарест—Румыния). Византиноведение в Румынской Народной Республике (1948—1958) . . . 308

Публикации

В. А. Мошин (Загреб—Югославия). Сербская редакция „Синодика" . . . 317

Хроника

З. В. Удальцова (Москва). XI Международный конгресс византинистов в Мюнхене . . . 395

Академик Евгений Алексеевич Косминский . . . 402

Список сокращений . . . 408

Византийский временник,
том XVI

* * *

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

* * *

Редактор издательства *Н. Н. Леман*
Технический редактор *С. Г. Маркович*

* * *

РИСО АН СССР № 73—33В. Сдано в набор 14/V 1959 г. Подписано к печати 24/IX 1959 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 25,75 + 11 вкл. Усл. печ. л. 35,28. Уч.-издат. л. 37,9 (37,1 + 0,8 вкл.)
Тираж 1500 экз. Т-10430. Изд. № 3497. Тип. зак. № 177

Цена 23 р. 35 к.

* * *

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
8	16 сн.	πτίαν	ὑπτίαν
11	11 сн.	Cartum	Zartum
18	6 сн.	Epitomae	Epitome
35	1 сн.	τὴν Οὐρούμ	τὴν Οὐρούμ... τύχγν
39	22 сн.	G. A. Fessler	J. A. Fessler
68	1 сн.	ἀρκαῖς	ἀρχαῖς
128	22 св.	листу	типу
129	25 св.	Z, или)	Λ, Z, (или)
135	8 сн.	количестве 27	количестве [27].
»	11 сн.	штемпелей [27].	штемпелей.
138	2 сн.	Пахомова	Пахомова (2,03 г); из
140	11 сн.	№№ d, e,	№ d,
141	6 сн.	прописи	прориси
148	7 св.	27, 40 г	2,74 г
152	7 св.	2	2,60 г
170	27 св.	Пахомов, ОАК. 1909—10 стр. 216, 257	ОАК, 1909—10, стр. 216, 257; Пахомов
210	24 сн.	MΩ/	MΩ/N
237	11—12 сн.,	индекс e	индекс l
»	20—21 сн.		
238	3— 4 сн.,		
»	10—11 сн.,		
»	22 сн.		
239	22 св.		
241	4 сн.		
241	27 сн.	к 2149	e 2149
305	1 сн.	„Гласник на Института за национална историја“ год. I, бр. 2, Скопље,	„Гласник на Институтот за национална историја“ год. I, бр. 2. Скопје,
400	19 сн.	Я. Ферлучи	Я. Ферлуги